

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

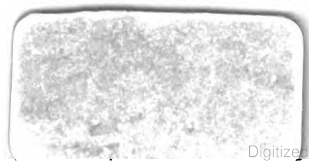
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Per. 278975 d. 153

ОКТАВРЬ

1878

ДѢЛО

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

№ 10.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. КОМЕДІАНТЪ. Очерки быта провинціальныхъ актеровъ. (Гл. VI—XI). А. СМЕРНОВА-РАМАЗАНОВА.
2. ДВИЖЕНІЕ ФИЛОСОФСКИХЪ ИДЕЙ. (Статья вторая) Н. Ф—АГО.
3. * * *. Стихотвореніе. Ф. АНДРЕЕВА.
4. ИЗНАНКА ЦИВИЛИЗАЦІИ (Ст. первая.) Л. Н. МЕЧНИКОВА.
5. ЭКОНОМИКА НАШИХЪ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХЪ СИЛЪ. Н. В. ШВАГУРОВА.
6. МЕСТЬ КЛОДІОНА. Романъ. (Гл. XL—LXI.) А. МАТТЕН.
7. БѢДА. Стихотвореніе. ГР. А. А. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА.
8. ВЪ ПОРОХОВОМЪ ДЫМУ. Романъ. (Часть III. Окочаніе.) Н. Н. КАРАЗИНА.

(См. на оборотѣ.)

9. БРОДЯГА. Стихотвореніе А. М.
10. КАРЛЬ-ЭРНСТЪ ВЭРЪ. (Статья третья). П. УГРЮМОВА.
11. НА ПРОСЕЛОЧНОЙ ДОРОГѢ. Стихотвореніе ГР. А. А. ГОЛОВНИЦЕВА-КУТУЗОВА.
12. СЧАСТЛИВАЯ СЕМЬЯ. (Изъ Ф. Коппе). А. М.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

13. КЛАДЕВИ МУДРОСТИ РОССИЙСКИХЪ ФИЛОСОФОВЪ П. НИКИТИНА.
(В. Лесевичъ. „Письма о научной философіи“. Спб., 1878 г.).
14. ПРОШЕДШЕЕ СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ. (Окончаніе.) С. С. ШАНКОВА.

(Леонтовичъ. Задружно-общинный характеръ быта древней Россіи, «Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», 1874. VI—VIII. — П. Соколовскій. Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи, 1877. — П. Соколовскій. Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи колонизація юговосточныхъ степей передъ крупнотнымъ правомъ, «Историч. Библіотека», 1878. IV, V, VI, VII, VIII и IX. — Опытъ программы изслѣдованій поземельной общины, составленный комисіей при императорскомъ русскомъ географическомъ обществѣ. Спб., 1878. — Програма для собиранія свѣденій о сельской поземельной общинѣ, выработанная III отдѣленіемъ императорскаго вольно-экономическаго общества. Спб., 1878. — П. Соколовскій. Новые данныя объ общинномъ землевладѣніи въ Россіи. «Слово», 1878, II. — Вѣдьяевъ. Крестьяне на Руси. М. 1860.)

15. НОВЫЯ КНИГИ

А. Н. Молчаговъ. Между миромъ и конгрессомъ. Письма въ «Новое Время». Спб., 1878. — О понятіи нормъ права и уголовного процесса. Этюдъ философско-догматическій. Н. Василенко. Спб., 1878. — Въ горахъ Кавказа. (Повѣсти и рассказы). Соч. Ленскаго-Райскаго. Спб., 1878. — Идеалисты и реалисты. Историческій романъ Д. Л. Мордовцева. Спб., 1878.

16. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. К. С—ВИЧА.

Дѣло Гулягъ-Артемовской. — Образчики земскаго самоуправленія. — Количество земскихъ растратъ въ 1876 году. — Зодчество въ маріупольскомъ земствѣ. — Наше городское самоуправленіе въ столицахъ. — Переимѣна городского головы въ Петербургѣ. — Воззваніе генерала Шмидта къ бердянскимъ жителямъ.

О ПОДПИСКѢ
НА
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
„ДѢЛО“
ВЪ 1879 ГОДУ.

Журналъ «ДѢЛО» будетъ издаваться въ 1879 году, при постоянномъ участіи прежнихъ его сотрудниковъ, въ томъ-же направленіи и по той-же программѣ, какъ и въ прошлыя двѣнадцать лѣтъ.

Годовое изданіе журнала „ДѢЛО“ состоитъ изъ *двенадцати* книгъ, отъ 30—32 листовъ каждая, большого формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛУ НА ГОДЪ:

безъ пересылки и доставки 14 р. 50 к.
съ дост. въ Петербургъ 15 р. 50 к.
съ пересылкой иногороднимъ . . . 16 р. „

ЗА-ГРАНИЦУ ВО ВСѢ ГОСУДАРСТВА. . . 19 р.

Подписавшіеся на нынѣшній 1878 годъ получаютъ журналъ съ первой книжки.

Заказамъ просить адресовать исключительно въ С.-Петербургъ, въ Главную Кантору журнала „ДѢЛО“, по Надеждинской ул., д. № 39.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ ближайшее почтовое мѣсто, въ которое можно было-бы адресовать прямо книжки журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція не можетъ ручаться за исправную доставку журнала и за удовлетвореніе жалобъ на неполученіе книжекъ журнала, на томъ основаніи, что Газетная Экспедиція петербургскаго почтамта не принимаетъ отъ редакціи подобныхъ жалобъ и не входитъ въ ихъ разсмотрѣніе, отзываясь, что не имѣетъ возможности собирать справки и требовать объясненій изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ правильного почтоваго приема и отвѣтственнаго почтоваго учрежденія.

2) Когда книжка журнала не получается подписчикомъ своевременно или вовсе не доходитъ по своему назначенію, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобъ, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ не позже полученія слѣдующей книжки журнала. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ почтовымъ вѣдомствомъ правилъ, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не приметъ.

3) При перемѣнахъ адреса необходимо сообщать старый печатный адресъ бандероли или-же номеръ билета. При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса редакція проситъ прилагать двѣ почтовые восьми-копеечныя марки за напечатаніе адреса.

4) При перемѣнѣ городского адреса на иногородній уплачивается 1 р. 50 к.; при перемѣнѣ-же иногородняго на городской уплачивается 1 р.

5) Жалобы и перемѣны адресуются исключительно въ контору редакціи, причѣмъ жалобы должны сопровождаться удостовѣреніемъ мѣстной почтовой конторы, что книжка дѣйствительно не получена подписчикомъ.

6) Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, и также требующія увѣдомленія о полученіи денегъ въ редакцію, благоволятъ прилагать почтовые марки, если желаютъ получать отвѣты.

7) Рукописи, признанныя редакціею неудобными для помѣщенія въ журналъ „Дѣло“, а равно и рукописи напечатанныхъ статей хранятся въ редакціи не болѣе года и затѣмъ, по истеченіи этого срока, уничтожаются, если не будутъ вытребованы обратно. Мелкія статьи и стихотворенія не возвращаются.

8) Высылка рукописей иногороднимъ возможна только въ томъ случаѣ, когда на почтовые расходы будутъ представлены въ редакцію деньги соразмѣрно стоимости пересылки.

О ПОДПИСКѢ
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ
ГАЗЕТУ

РУССКІЙ МІРЪ

Съ еженедѣльнымъ Литературнымъ Прибавленіемъ.

„Русскій Миръ“, какъ по составу сотрудниковъ и по полнотѣ программы, такъ и по значительному кругу подписчиковъ и читателей, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду ежедневныхъ русскихъ изданій.

Своимъ твердымъ политическимъ направлениемъ, своими статьями и корреспонденціями, равно какъ и обиліемъ помѣщаемыхъ свѣдѣній, „Русскій Миръ“ приобрѣлъ широкую извѣстность не только въ Россіи, но и заграницею.

„РУССКІЙ МІРЪ“, при сравнительно доступной цѣнѣ, даетъ читателямъ гораздо болѣе матеріала, чѣмъ другія большія ежедневныя изданія.

Редакція прилагаетъ всѣ старанія и не жалѣетъ средствъ, чтобы сдѣлать „Русскій Миръ“ самою полною, разнообразною и интересною по содержанию изъ всѣхъ существующихъ газетъ.

Подписчики „Русскаго Мира“ получаютъ, сверхъ ежедневной газеты въ форматѣ большого печатнаго листа, еще особое бесплатное „ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ“, выходящее разъ въ недѣлю, по воскресеньямъ, и составляющее къ концу года объемистый томъ въ форматѣ нашихъ еженедѣльныхъ журналовъ: „Нивы“, „Недѣли“ и другихъ.

Въ „Литературномъ Прибавленіи“, номера котораго составляются съ особою тщательностью, находятся слѣдующіе отдѣлы:

1) Романы, оригинальные и переводные, 2) Повѣсти и рассказы, преимущественно изъ русской жизни; 3) Путешествія, этнографическіе и бытовые очерки; 4) Критика и библиографія русская и иностранная; 5) Стихотворенія, и 6) Смѣсь.

Въ настоящемъ 1878 году печатается, между прочимъ, обширный романъ изъ русской жизни въ трехъ частяхъ подъ заглавіемъ „На нашихъ глазахъ“,—Евгенія Раппа. Новые годовые и полугодовые подписчики получаютъ этотъ романъ или недостающіе его листы, въ видѣ бесплатной преміи.

„Русскій Миръ“ имѣетъ постоянныхъ корреспондентовъ во всѣхъ главныхъ городахъ Россіи, а также заграницею — въ Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Бухарестѣ, Бѣлградѣ, Тырновь, Константинополь и Эр-

зерумѣ. Въ случаѣ какихъ-либо политическихъ или военныхъ со- бытій, редакція отправляетъ спеціальныхъ корреспондентовъ на мѣ- сто дѣйствія.

Особенное вниманіе обращено редакціею на полноту и содер- жательность отдѣловъ *внутренняго, политическаго и литератур- наго*. Постоянныхъ фельетоновъ полагается три въ недѣлю: *воскрес- ный* (г. Нѣкто), *московскій* (по четвергамъ) и *литературный* (по пятницамъ). Въ остальные дни фельетоны бываютъ или случайные, или белетристическіе. Между прочимъ въ настоящее время печата- ется въ фельетонномъ отдѣлѣ новый романъ К. Дебана—*Кожа Мертваца*.

Провинціальныя и петербургскія *извѣстія* доставляются еже- дневно особыми репортерами и корреспондентами; текущія *админи- стративныя новости* сообщаются также акуратно изъ источниковъ вполне достовѣрныхъ.

Торговья *извѣстія* помѣщаются два раза въ недѣлю, а *курсы*— ежедневно.

Въ „Литературномъ Прибавленіи“, съ конца 1877 года, помѣ- щены, между прочимъ, сверхъ многочисленныхъ рассказовъ и очер- ковъ, романы: „*Сѣтская женщина*“, Эрнеста Додэ, *Миліонное наследство*, Ф. Фридрихса, „*Вампиръ*“ (изъ болгарской жизни), „*На- полеоновское время*“, Фрица Рейтера (еще не окончено), а также рассказы *Альфонса Додэ, Альфреда де-Виньи, Эркмана Шатріана, Эмиля Золя, Бретъ-Гарта, Біара* и многихъ другихъ.

Изъ стихотвореній помѣщены: *А. Майкова* (Знаменіе време- ни), В. Головина, Н. Минскаго, Круглова, Бекетовой и др.

Въ настоящее время печатается новая повѣсть Н. Н. Каразина „*Варвара Ляшко и ея семья*“, а также рассказъ извѣстнаго путе- шественника по Востоку, г. П. Огородникова: „*Съ богомольцами въ пустынь*“.

Цѣна „Русскаго Міра“ съ „Литературнымъ прибавленіемъ“ (съ до- ставкою и пересылкою въ Россію):

На годъ	14 р. — к.
„ 11 мѣсяцевъ	13 „ — „
„ 10 „	12 „ — „
„ 9 „	11 „ — „
„ 8 „	10 „ — „
„ 7 „	9 „ — „
На полгода	8 „ — „
„ 5 мѣсяцевъ	7 „ — „
„ 4 „	5 „ 50 „
„ 3 „	4 „ 50 „
„ 2 „	3 „ 25 „
„ 1 „	1 „ 75 „

Разсрочка въ платежѣ подписныхъ денегъ допускается по желанію подписчиковъ и по соглашенію съ редакціею (для служащихъ — чрезъ казначеевъ).

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: Въ конторѣ газеты, Большая Морская, д. № 11.

ВЪ МОСКВѢ: въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ Бульварѣ, и у другихъ книгопродавцевъ, у А. Н. Мейера (Маросейка, д. Леонова).

ВЪ ОРЛѢ: у А. А. Брянчанинова, въ обществѣ взаимнаго кредита.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться исключительно въ главную контору газеты „Русскій Мірѣ“, въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 11.

Подписываться можно на всѣ сроки, не иначе, какъ съ 1 числа каждаго мѣсяца.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1879 ГОДЪ.

основанъ въ 1831 году **ВАЗА** существуетъ 47 лѣтъ

ЖЕНСКІЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ РУКОДѢЛЬНО-МОДНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЪ РОССИИ МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ СЪ ПРЕМІЯМИ.

ВЫХОДИТЬ 1-го и 15-го ЧИСЛА КАЖДАГО МѢСЯЦА БОЛЬШИМИ ТЕТРАДЯМИ.

24 номера журнала: **12** рукодѣльно-модныхъ и **12** литературныхъ (романы, повѣсти, стихотворенія, путешествія, анекдоты, домашнее хозяйство и т. п.).

1000 полиטיפажейвъ текстѣ.

24 модныя гравюры.

12 листовъ литографирован. узоровъ и выкроевъ.

24 вырѣзныя выкройки въ натуральную величину.

6 раскрашенныхъ узоровъ (во второмъ полугодіи).

Карманный календарь на 1879 годъ.

КАЖДЫЙ ПОДПИСЧИКЪ 1879 ГОДА ПОЛУЧИТЬ ШЕСТЬ ПРЕМІЙ, А ИМЕННО:

1) **Бюверъ** къ письменному столу или роялю, на плетеной коричневой канвѣ (новость). Вышивка шерстью. Матерьялъ полный. (Канва и раскрашенный узоръ—по моделямъ съ Парижск. выставки). Цѣна оконченному въ отдѣльной продажѣ 10 руб.

2) **Воротникъ** большой къ визитному платью. Работа изъ миньярдизы, въ видѣ кружева, весьма легкая и изящная. Цѣна готоваго въ отдѣльной продажѣ 3 руб.

3) **Абажуръ** на большую лампу, состоящій изъ 12 частей, весьма изящной вырѣзки, соединяемыхъ шерстью. Чась работы. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 1 руб. 50 коп.

4) **Пажъ** для платья, фигурный, высеребранный, Парижской работы, со шнуромъ. Новость, необходимая для нынѣшнихъ костю, мовъ. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 1 руб. 50 коп.

5) **Подчасникъ** изъ специально для этого приготовленной-тисненной вырѣзкою, серебряной канвы. Вышивка шерстью. Полезное украшеніе для письменнаго стола. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 1 руб. 25 коп.

6) **Перевязъ** для ружья (годится и для пояса). Вышивка по канвѣ шерстью. Матерьялъ полный.

Всѣ преміи, предназначенныя для подписчиковъ 1879 года. отличаются необыкновеннымъ изяществомъ и новизною. Цѣнность-же ихъ далеко превышаетъ подписную цѣну на журналъ.

Выдача и разсылка премій начнется съ января по порядку поступления подписныхъ денегъ, а потому лица, желающія получить премію раньше, должны ускорить высылку подписныхъ денегъ. Всѣ шесть премій высылаются заразъ—посылкою.—47-ми-лѣтняя извѣстность журнала служить ему рекомендаціей.

Разсрочка допускается для служащихъ—по третямъ; для неслужащихъ—по соглашенію съ редакціей.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ безъ преміи . . . 7 р. — в. (безъ перес. 6 р. — в.

На полгода безъ преміи . . . 4 р. — в. (безъ перес. 3 р. 40 к

На 3 мѣсяца безъ преміи. . . 1 р. 80 к. (безъ перес. 1 р. 41 в.

Съ Преміями 5 руб. дороже.

На укупорку премій Редакція проситъ выслать 40 в. (марками). Адресъ: С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „ВАЗА“, Развѣзская ул., д. 32.

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

№ 10.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ Г. Е. ВЛАГОСВѢТЛОВА, ПО НАДЕЖДИНСКОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 39.

1878.

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.

Гг. подписчики, внесшіе неполную годовую плату, благоволятъ поспѣшить высылкою дополнительныхъ денегъ, чтобы не испытать задержки въ полученіи журнала.

КОМЕДИАНТЪ.

ОЧЕРКИ ВЪТА ПРОВИНЦІАЛЬНЫХЪ АКТЕРОВЪ.

(Посвящается М. М. Янко.)

VI.

СЕМЕЙНЫЙ ПРАЗДНИКЪ.

Съ разбитымъ сердцемъ, полный мрачныхъ думъ, волновавшихъ его усталую голову, заснулъ Николай Николаевичъ тревожнымъ сномъ. Страшные кошмары не оставляли его всю ночь. То ему грезился смѣющийся надъ нимъ Сусликовъ, точившій ножъ, готовясь отрѣзать ему языкъ. То слышался смѣхъ толпы зрителей, кричавшей: вонъ Самарскаго, долой комедіанта! Цѣлый потокъ оскорбленій лился на его голову. То представлялось ему, какъ онъ голодаетъ по цѣлымъ днямъ, какъ собираетъ подаваніе, протягивая руку. Сусликовъ съ Сахаровымъ показываютъ ему языки и суютъ грошъ. Картины одна другой мрачнѣе проходили передъ его глазами и онъ мучился, стоналъ, хотѣлъ вырваться, бѣжать, но лежалъ, какъ скованный, хотѣлъ закричать, но голосъ обрывался. Видѣнія скупивались, смѣшивались, становились неопредѣленнѣе, туманнѣе, и Николай Николаевичъ подъ утро впалъ въ забытѣе, въ тотъ покой, гдѣ уничтожается собственное я, время, все окружающее.

Лучи солнца, ворвавшіеся въ окна, упавшіе на постель Самарскаго, заставили его открыть глаза. Въ первую минуту онъ все еще находился подъ впечатлѣніемъ тяжелаго, гнетущаго чувства; но мало-по-малу при видѣ свѣта, ярко игравшаго по комнатѣ, при

видъ золотыхъ лучей, придававшихъ ей праздничный, веселый видъ. тяжелое чувство начало сглаживаться и мысль: не одинъ-же я такой на свѣтѣ, есть миллионы еще, которые тебѣ завидуютъ, привела, наконецъ, его въ нормальное состояніе.

Хотя особенно отраднаго въ его положеніи было мало, такъ-какъ тридцать рублей въ мѣсяцъ было скуднымъ содержаніемъ даже для такого акуратнаго человѣка, какъ Самарскій. Глусень ему казался обманъ Сусликова, но тотчасъ-же являлась другая мысль: не обманулъ-ли, въ свою очередь, и онъ? Объявая известную сумму, антрепренеръ желалъ приобрести дѣятеля прочнаго, умѣлаго, не робкаго ученика. а мастера. Взавѣвъ всего этого онъ получаетъ подмастерья, если не мальчика, показавшаго, на первомъ шагу неумѣлость, несостоятельность. Какъ-же не уменьшить послѣ этого отцѣнку тому труду, той пользѣ, которую могъ приносить Николай Николаевичъ въ настоящемъ? Все это укладывалось въ его головѣ. Онъ чувствовалъ, что ему дышалось какъ-то легче и отраднѣе. Его не томилъ тотъ гнетъ, что вчера, и только единственное сомнѣніе въ своихъ способностяхъ какъ маленькая змѣйка копошилось въ глубинѣ его души, беспокоило и мучило его. Стукъ въ двери прервалъ его раздумье.

— Войдите, можно. Я одѣтъ.

— Это я.

— Кто вы?

— Неужели по голосу не узнали? Отворите двери, руки заняты.

Самарскій отворилъ дверь и смутился, не зная, чему приписать ранній визитъ старшей хозяйской дочери, которая очутилась на порогѣ, съ руками, занятыми подносомъ со стаканомъ кофе, ривкой водой и тарелкой съ огромнымъ кускомъ пирога съ морковью.

— Что это такое? проговорилъ смущенный Самарскій, глядя на молодую дѣвушку, ставившую на столъ принесенныя яства.

— Не побрезгуйте, откушайте.

— Покорно васъ благодарю; но я только-что напился чаю, ѣсть не хочется, а вина я не пью.

— Совсѣмъ не пьете?

— Совсѣмъ не пью.

— Такъ хоть скушайте.

— Покорно васъ благодарю. Да что у васъ сегодня, празд-

никъ, что-ли, какой? спросилъ Николай Николаевичъ, всматриваясь въ нарядную хозяйку, отрѣзывая кусокъ пирога.

— Мое рожденье сегодня.

— Поздравляю васъ.

— Благодарю.

— Стало-быть у васъ сегодня пиръ горой?

— Ну ужъ, какой пиръ. Ужо вечеромъ кой-кто будетъ. Въ фанты играть будемъ. Милости просимъ.

— Благодарю васъ. Только у меня репетиція.

— Какъ-съ?

— Я говорю, занять въ театрѣ буду.

— Не до ночи заняты-будете. Освободитесь, тогда и приходите. Хороша у васъ, говорятъ, вчера игра была. Сегодня поутру лавочникъ сказываль... Никакъ меня зовутъ? Иду, иду, закричала она въ двери, собирая наскоро посуду.—Такъ смотрите, какъ освободитесь ужъ, такъ приходите, обратилась она снова къ жильцу, захлопнула двери и въ припрыжку пошла по коридору, рискуя на каждомъ шагу разбить въ дребезги ничѣмъ неповинную посуду.

— Гдѣ ты была? встрѣтила ее младшая сестра.

— Гдѣ была, тамъ ужъ нѣтъ. На, возьми вотъ рюмку, обратилась она къ Аксинѣ,—да вылей назадъ въ четверть.

— Аль не пьеть?

— Не пьеть, говорить.

— Притворяется. Совѣстно передъ дѣвицей только. Все-таки кавалеръ. Что-жь, вечеромъ-то будетъ аль нѣтъ? .

— Занять, говорить; если можно будетъ, придетъ.

— Занять! Туда-же фордыбачится.

— Да о комъ вы говорите? Неужто ты, Маша, жильца пригласила? спросила копошившаяся надъ тѣстомъ Аксинья.

— Да хоть-бы и его.

— А тятенька-то что скажетъ?

— Ничего тятенька не скажетъ. Ему какое дѣло.

— Разумѣется, наплевать, подтвердила Аксинья.—Малый онъ скромный. Собой красавчикъ. Да и кавалеровъ-то у васъ разъ, два, да и обчелся.

— А этотъ еще и поимѣшить вдобавокъ. Представить что-нибудь, да и Аннушка и Соня просили очень его показать.

— Все-жь, Маша, смотри, чтобъ наши не обидѣлись, что в ряду съ ними актершика просять.

— Не обидятся. А и обидятся, такъ не велика важность. Ну, да что тутъ толковать, помоги-ка лучше пирогъ сажать...

Къ вечеру внутренность квартиры нашихъ знакомцевъ стала принимать тотъ торжественный отъносъ, который неизбѣжно является при какихъ-бы то ни было семейныхъ торжествахъ. Самая наружность хозяина облагообразилась. Кузьма Демьянычъ перефенилъ свой халатикъ на коричневый длиннополый скрутукъ и въ урочное время гладко выбрилъ подбородокъ и пригладилъ жиденькія косички на головѣ.

— Вы ужь, татенька, хоть здѣсь-то не дымите своей трубкой, говорила Марья Кузьминична, шурша хвостомъ своего новаго шерстяного платья, своему родителю, который, присѣвъ въ урюкомъ уголкѣ, прищуривъ свои масляные глазки, наслаждался другомъ-жучкомъ.

— Ну, ужь, Машурочка, и покурить нельзя?

— Слава-богу, цѣлый день соску-то сосете... Ишь надымили, и продохнуть нельзя, говорила хлопотливая хозяйка, размахивая послѣдніе, выпущенные отцомъ, влубы дыма.

Трудно было начало, трудно было дожидаться первыхъ гостей, остальные-же явились одинъ за другимъ. Чинно разспрашивая другъ друга о томъ, о семъ, старухи и пожилыя дамы разѣстались на большомъ диванѣ съ высокой спинкой. Мужчины толковали о своихъ дѣлахъ въ сосѣдней комнатѣ, въ чайніи зеленого поля. Дѣвицы шушувались, забравшись въ спальню барышень.

Вечеръ былъ въ полномъ разгарѣ. Подошли еще двое молодыхъ людей, писцовъ изъ туземнаго административнаго вѣдомства, и отставной юнкеръ, дамскій любезникъ и мастеръ на всѣ руки, Петръ Лукичъ, не особенно равнодушно относившійся къ Наденькѣ Брылкиной, дочери чиновника, вертлявой блондинкѣ, которая въ настоящее время съ жаромъ рассказывала своимъ подругамъ о вчерашнемъ спектаклѣ и восхваляла игру актеровъ, а въ особенности Самарскаго, который, по ея мнѣнію, былъ чистымъ душкой, херувимомъ.

— То-есть, я вамъ скажу, просто лучше всѣхъ и собой, и игрой.

— Такъ очень тебѣ, Наденька, въ театрѣ понравилось?

— Еще бы. Одинъ вашъ жилецъ чего стоитъ.

— Ужь и влюбиться успѣла, замѣтила Марья Кузьминишна, разливая на раскрытомъ ломберномъ столѣ, покрытомъ камчатною скатертью, чай.

— Ну, ужъ и влюбиться.

— Вотъ постой, какъ придетъ, я ему скажу.

— Полно, Маша, что ты!

— Ага, испугалась!

— Да по мнѣ, пожалуй, говори. Что-жь такое? А развѣ онъ придетъ? спросила она послѣ нѣкотораго молчанія.

— Обѣщаль. Пей-ка лучше чай, да пойдемъ къ кавалерамъ, они, я чай, безъ насъ соскучились.

Кавалеры должны были, дѣйствительно, скучать немилосердно. Бочуа изъ комнаты въ комнату удалой тройкой, то заглядывая въ карты игравшихъ въ преферансъ, то прислушиваясь къ толкамъ старухъ и искося поглядывая на припертыя двери, откуда доносился веселый смѣхъ и говоръ, напоминая собой слушающихъ изъ ада райскія ликованія, они снова подходили къ столамъ, снова слонялись, утоляя одолѣвавшую ихъ скуку чуть-ли не четвертыми стаканомъ чая и изряднымъ количествомъ сдобныхъ булокъ. Но вотъ барышни вышли и лица ихъ разцвѣли.

Нерѣшительность заговорить выражалась на лицахъ обонихъ канцеляристовъ; они видимо желали сказать что-нибудь хорошее, но увы! языкъ ихъ прилипъ къ гортани и имъ приходилось ограничиваться односложными „да“, „нѣтъ“ или молчаніемъ. Барышни сами, еще такія разговорчивыя за нѣсколько минутъ, тоже конфузились вступить въ оживленную бесѣду. Разговоръ если и начинался, то главной его темой была погода, и хотя молодецкій Петръ Лукичъ всѣми силами старался смѣшнить, но всё его заранѣе обдуманная острота вызывали скорѣе улыбку сожалѣнія, чѣмъ веселія. Одинъ изъ канцеляристовъ было-фырнулъ, но такъ сконфузился, что готовъ былъ заплакать. Предложена была игра въ фанты, но и она не оживила общество. Уже десять разъ „барыня прислала сто рублей“ съ условіемъ не говорить „да“ и „нѣтъ“, уже десять фантовъ лежало въ шляпѣ Петра Лукича; но однотонное причитаніе стало на всѣхъ нагонять скуку можетъ быть, снова нужно-бы было вспомнить тихаго ангела

если-бы на порогѣ комнаты не появился новый гость, а именно Николай Николаевич Самарскій.

Онъ самъ не понималъ, какимъ чудомъ у него настолько явилось рѣшимости, чтобы явиться въ совершенно чужое ему общество. Возвратившись съ репетиціи, усталый, утомленный, какъ нравственно, такъ и физически, онъ раздѣлся и облекся въ халатъ, съ твердымъ намѣреніемъ не переступать порога своей квартиры. Но мало-по-малу, когда силы его стали приходить въ нормальное состояніе, когда онъ сталъ отдыхать отъ той нравственной пытки, которую ему приходилось выдерживать въ обществѣ Сахарова, Сусликова, цитируя роль, неподходявшую къ его способностямъ, непредставлявшую возможности отдаться ей ни на минуту, онъ сталъ раздумывать, отчего-бы ему не воспользоваться радужнымъ приглашеніемъ.

„Пойду, рѣшилъ онъ, сбрасывая съ себя халатъ и принимаясь совершать свой туалетъ.— Или не идти? раздумывалъ онъ снова, повязывая передъ зеркаломъ галстукъ.— Пожалуй, подумать: только свистнули, такъ ужъ и прискакалъ.

И онъ уже готовъ былъ снова стащить съ себя все, какъ легкой стукъ въ дверь заставилъ его вздрогнуть и съ недоумѣніемъ, кто-бы это могъ быть, облигнуть посѣтителя.

— Это я, Аксинья.

— Чего тебѣ?

— Да пришла узнать. Къ намъ-то будете?

— А что?

— А коли не будете, такъ тащить самоваръ али нѣтъ?

Приходилось дать рѣшительный отвѣтъ.

— Къ вамъ буду, какъ-то сорвалось у него съ языка.

Черезъ минуту онъ снова готовъ былъ облигнуть Аксинью, чтобы приказать тащить самоваръ, но щелкнувшая дверь дала знать, что служанка уже ушла, и retirоваться не было никакой возможности.

Если кто боится холодной воды, тотъ пойметъ то чувство, которое овладѣло Самарскимъ при входѣ его въ комнату, полную незнакомыхъ ему людей. Онъ-бы положительно не зналъ, на что ему рѣшиться, если-бы его не вывела изъ критическаго положенія старшая хозяйка дома.

— Милости просимъ, любезный жилецъ, встрѣтила она Николая

Николаевича. — Вотъ въ фанты съ нами не угодно-ли? предложила она, когда смущенный гость успѣлъ раскланяться съ присутствующими.

— Батюшка вашъ?

— Въ карты играетъ. Ужь вы лучше не жѣшайте. Ну, Петръ Лукичъ, продолжайте, обратилась хозяйка къ ходившему въ кругу франту.

— Позвольте узнать, по крайней мѣрѣ, что это за игра? спросилъ Самарскій соствѣда.

— Какъ-съ?

— Чернаго и бѣлаго не покупать, да и нѣтъ не говорить, а скажете — фантъ, пояснилъ за непонятливаго пріятеля его товарищъ.

Прерванная игра пошла своимъ чередомъ и продолжалась-бы и Богъ-вѣсть какъ долго, если-бы общество не порѣшило, что фантовъ собрано достаточно и что пора ихъ разыгрывать. Возгласъ разыгрывать фанты заставилъ приподняться съ своихъ мѣстъ престарѣлыхъ гостей женскаго пола и онѣ окружили играющихъ, которые въ настоящее время ожидали, чей фантъ вынется, чтобы разносить шеколадъ, т. е. перецѣловать каждого изъ играющихъ столько разъ, сколько онъ потребуетъ.

— Да ну-же, Петръ Лукичъ, скорѣе, понукала Наденька Брилкина дамскаго кавалера, который видимо отыскивалъ въ шилѣ свой ключикъ, чтобы невиннымъ образомъ имѣть возможность перецѣловать щеки барышень.

— Нѣтъ, такъ нельзя. Вы отыскиваете, заговорили хорошъ дѣвицы. — Это значить плутовать. Тутъ судьба пусть рѣшитъ. Пусть тетушка Авдотья Алексѣевна вынетъ, говорили барышни. — Выньте, тетушка.

— Извольте, голубушки, пожалуй.

Морщинистая рука тетушки въ чепцѣ съ желтыми лентами. лопала подъ платокъ, покрывавшій шляпу, и вытащила порт-монзъ.

— Чей порт-монзъ?

— Мой, смутился Самарскій, желавшій въ настоящее время лучше провалиться, чѣмъ исполнять пріятно-непріятную обязанность цѣловать щеки незнакомыхъ ему людей.

— Извольте теперь шеколадъ разносить, бойко обратилась къ

нему все время неспускавшая съ него глазъ блондинка, называвшая его душкой-херувимомъ.

— Я, право, не знаю...

— А вы мнѣ уступите, мосъе, обратился къ Самарскому дамскій угодникъ.

— Сдѣлайте одолженіе.

— Нечего, нечего, затараторила опять дѣвушка.— Ай, ай, ай, а еще мужчина!

Николай Николаевичъ всталъ съ своего мѣста и при громокъ смѣхѣ окружающихъ сталъ отсчитывать поцѣлун.

— Мнѣ сто чашекъ надобно, проговорила бѣловурная вертушка, когда очередь дошла до нея.

— Помилуйте, у меня и губы заболятъ.

— Нечего, нечего. Ну, разъ...

— Разъ, отсчиталъ Самарскій.

— Будеть, остановила она, когда счетъ дошелъ до десяти.— Приторно!

Молодой человекъ перецѣловалъ обоихъ писцовъ и хотѣлъ уже приняться за хозяйку, какъ вошедшій хозяинъ положилъ конецъ милому занятію, дающему возможность безнаказанно дѣлать то, что въ другое время считалось бы дѣломъ довольно предосудительнымъ, даже въ кругу подобнаго общества.

— А я, Машурочка, насчетъ закусочки, обратился Кузьма Демьяновичъ къ дочери, привѣтливо поздоровавшись съ Николаемъ Николаевичемъ, и, отозвавъ ее нѣсколько въ сторону, повелъ съ ней тотъ тихій, хозяйственный разговоръ, который, начинаясь въ комнатѣ, обыкновенно кончается исчезновеніемъ въ кухню если не обоихъ, то одного изъ членовъ семейства.

Такъ случилось и здѣсь.

Игра кончилась, общій интересъ прошелъ и Самарскій снова очутился въ безвыходномъ положеніи. Барышни, взявшись подъ ручку, ходили изъ угла въ уголъ, шушукались и не обращали вниманія на вертѣвшагося передъ ними Петра Лукича, даря его нерѣдко словами: „ахъ, отстаньте, надоѣли“.

Отъ скуки Николай Николаевичъ задумалъ было заговорить съ канцеляристами, но тѣ какъ-то тупо посмотрѣли на него, отвѣтили на два, на три предложенныхъ имъ вопроса односложными „да-съ“, „нѣтъ-съ“ и снова замолчали.

„Пойду-ка я потихоньку домой“, мелькнула у него въ головѣ мысль.

Онъ отискалъ фуражку, но его движеніе было замѣчено старшей хозяйкой.

— Соскучились, значитъ? спросила она.

— Вставать надо рано завтра, оправдывался Самарскій.

— Успѣете еще выспаться.

Гость проговорилъ еще что-то въ оправданіе, но долженъ былъ остаться.

— Скучно у васъ въ городѣ, говорилъ, немного погоды, Николай Николаевичъ.

— Для кого какъ. Намъ скучать некогда.

— Въ гости часто ходите?

— Иногда ходимъ, да рѣдко. Вотъ въ театрѣ къ вамъ скоро пойдемъ. Васъ хвалятъ. Говорятъ, хорошо играете.

— Благодарю за комплиментъ. Кто-же это хвалилъ?

— Какіе вы любопытные! Сейчасъ вотъ ужъ и скажи.

Молчаніе.

— Эта особа, можно сказать, даже влюблена въ васъ.

— Вотъ какъ! Такъ скоро? Стало быть, и давно надо сказать, кто.

— А если я скажу, вы ей не скажете, что я сказала?

— Зачѣмъ-же я стану васъ выдавать.

— Побожитесь.

— Ей-богу.

— Такъ я вамъ скажу по секрету.

— Кто-же?

Самарскому становилось смѣшно.

— Наденька Брылкина.

— Это кто-жь такая?

— А вотъ та дѣвушка въ зеленомъ платьѣ. Только вы ей, пожалуйста, не сказывайте, а то сплетни выйдутъ.

— Зачѣмъ-же я стану говорить. Такъ она была въ театрѣ?

— Была. Вотъ и мы въ воскресенье пойдемъ.

— Милости просимъ. Гдѣ-же это ваша сестра все пропадаетъ? Совѣтъ не видно.

— По хозяйству хлопочетъ. Она вѣдь у насъ тихона.

— То-есть, какъ это?

— Молчаливая такая, неразговорчивая.

— Вы, должно быть, обижаете ее. Помните наше знакомство? Вы и тогда ее обижали.

— Ну, вотъ ужъ и обижала! И какъ вы насъ тогда испугали! Смотрю, чужой на заборъ.

— Да, я полюбопытствовалъ. Слышу—визгъ, хохоть...

Этотъ разговоръ прервалъ подскочившій Петръ Лукичъ.

— Послушайте, мосье, къ вамъ просьба есть, развязно обратился онъ къ Самарскому.

— Чѣмъ могу служить?

— Дамы просятъ... продолжалъ Петръ Лукичъ, указывая на барышень, которыя, столпившись посрединѣ комнаты, пытливо смотрѣли на Николая Николаевича.

— Въ чемъ-же состоитъ ваша просьба?

— Дѣвицы просятъ, все еще дѣлалъ вступленіе развязный франтъ и, какъ-бы удостовѣрившись, что отказа не можетъ послѣдовать, быстро закончилъ:—Мосье, представьте что-нибудь.

— То-есть какъ это представить? говорилъ сконфуженный, еще хорошенько непонимавшій, въ чемъ дѣло, Самарскій.

— Ну тамъ изъ трагедіи или водевиля, что-ли. Дамы просятъ.

— Пожалуйста. Ну, что-нибудь изъ пьесы. Пожалуйста, пристали хоромъ и барышни.

Даже два канцеляриста вышли изъ оступенія и двѣ тетушки, приподнявшись на своихъ мѣстахъ, присоединились въ общему хору.

— Не могу, ей-богу не могу, лепеталъ Самарскій.

Продолжись эти просьбы еще немного—и онъ-бы, кажется, расплакался, но на выручку ему явилась та-же вертлявая блондинка, капризно объявившая, что если не угодно, такъ и не надо, не великъ и убытокъ.

— И видно, что актеръ, сообщала она своимъ подругамъ,— и тутъ поломаться надо.

Мало-по-малу уговорился и пѣтушившійся Петръ Лукичъ, двѣ сестрицы, страстно желавшія послушать комедію. Не утѣшились только два канцеляриста и, жадно пожирая глазами бѣлаго Николая Николаевича при каждомъ его движеніи, ждали отъ него какого-нибудь фортеля и, тихо подталкивая другъ друга

шептал: начинаетъ! Наденька Брылкина ядовито осмѣивала гостя. Петръ Лукичъ не отставалъ и поддерживалъ язвительное настроеніе барышни.

— Какъ-же-съ, туда-же важничаетъ. Я-съ ничего не знаю-съ, я не могу-съ, копировалъ дамскій угодникъ Самарскаго. — Не знаю! А за цѣлковый, глядишь, такихъ штукъ нагородить, что страхъ!

— Неужели они за деньги въ домахъ играютъ?

— Не только за деньги, такъ за рюмку водки. Подпить только стоитъ. Жалко, раньше не догадались. Впрочемъ, и теперь можно.

— Онъ не пьетъ, говорятъ.

Франтъ разразился хохотомъ.

— Что вы! Да они всё пьютъ. У насъ въ Петербургѣ, да и то всё они сначала зарядятъ хорошенько, а тамъ и чудятъ. Да постоите, я сейчасъ.

— Послушайте, мосье, обратился онъ къ Самарскому, смотрѣвшему отъ скуки, какъ играютъ въ карты. — Не выпить-ли намъ по маленькой?

— Извините, я не пью.

— Ну, полно. Вотъ вздоръ. Со мной можно. По махонькой пропустимъ. И дамы здѣсь не замѣтятъ.

— Хоть-бы и замѣтили, мнѣ все равно, только я не пью.

— Ну вотъ еще!

Петръ Лукичъ сталъ тащить Самарскаго къ столу.

— Я уже вамъ сказалъ, что не пью, такъ ужъ это разъ навсегда.

Николая Николаевича начинала бѣсить назойливость франта.

— Такъ-таки и не будете?

— Такъ-таки и не буду.

— Ну, такъ я одинъ пропущу.

— Сколько угодно.

Петръ Лукичъ подошелъ къ столу, налилъ, выпилъ рюмку травничка и, закусивъ селедкой, вытащилъ изъ кармана гвоздичку и сосалъ ее.

— Это для дамъ, чтобъ духу не было слышно, подмигнулъ къ Самарскому и вышелъ въ залу.

— Говорить, не пьеть, отвѣтилъ онъ дѣвцамъ, которыя, уставъ ходить, усѣлись кружкомъ около печви.

Возвратившись домой, Самарскій бросился въ постель съ тѣмъ пріятнымъ чувствомъ, какое, вѣроятно, испытываетъ охотникъ, освободившійся изъ лапъ медвѣдя. Приключенія истекшаго вечера начали снова воскресать одно за другимъ въ тиши уединенія и желчь снова закипала съ прежней силой. Самарскій понималъ, что въ его положеніи ему не придется проникнуть дальше подобныхъ пошлыхъ кружковъ, какъ кружокъ его квартирохозяевъ. Онъ сердился на себя, что принялъ ихъ приглашеніе.

Долго ему не спалось въ эту ночь. Но, наконецъ, сонъ заглянулъ и въ его каморку. Заглянулъ онъ и въ каморку успокоившагося Кузмы Демьяновича, отяжелѣвшей головой склонившагося на свое одинокое ложе, постукался и въ двери дѣвушекъ, но тамъ шла тихая бесѣда и изрѣдка слышался смѣхъ и успокоительные возгласы: „тише, Аксинью разбудить“.

— Кажется, Оля, все хорошо было? Всѣмъ всего хватило. говорила старшая сестра, расчесывая свои косы при тускломъ свѣтѣ сальнаго огарка передъ крошечнымъ зеркальцемъ.

— Все, кажется, хорошо. Водки не хватило, отвѣтила ей сестра, кутаясь въ ситцевое, сшитое изъ квадратиковъ одѣяло.

— Да, видишь питухи какіе собрались. Одинъ Пимень Пименчычъ что вылокалъ.

— А тятенька ничего?

— Слава-богу, ничего. Началь-было, да я его урезонила.

Настала тишина. Напльвшій огарокъ изрѣдка потрескивалъ. Маятникъ стѣнныхъ часовъ мѣрно покачивался, напѣвая свое однообразное чикъ-чокъ, чикъ-чокъ...

— А какой славный этотъ жилецъ-то нашъ. Добрый онъ, должно быть, прервала молчаніе Ольга, приподнявшись на локтѣ съ своей постели.

— Ну, ужъшла славнаго. Ломучка. Ничего представить не хотѣлъ. Кабы знала, такъ и не приглашала бы. Наденька на него разсердилась.

— Можетъ, при чужихъ посовѣстился.

— А въ театрѣ-то развѣ ломаться не совѣстно? Нѣтъ. ужъ такъ, поважничать захотѣлъ. А вѣдь красивъ онъ, Оля? продолжала сестра, помолчавъ.—И обращеніе такое утивое.

— Огъ умный, должно быть.

— Ну, ужъ и умный. Ты почему знаешь? Ты и не говорила съ нигъ.

— Такъ, по всему видно, что умный.

— У тебя всѣ умные. Вотъ и Курносось, кутейникъ, умный по-твоему!

— Курносось тоже умный, онъ все книжки читаетъ. Да и говорить-то не по-нашему. У него все такъ складно выходитъ. Вотъ вашъ Лукичъ,— такъ чистый волчекъ, точно машина заведенная бакаля.

— Чистый волчекъ, кавалеръ хоть куда. Въ грязь лицомъ ни въ какомъ обществѣ не ударить, настоящей кавалеръ.

Марья Кузьминична расчесала волосы и стала молиться, вставъ на колѣни около своей кровати.

— Ты въ воскресенье въ театръ-то пойдешь?

Сестра не отвѣчала и усердно клала земные поклоны.

— Дай хоть помолиться-то, обратилась она къ дѣвушкѣ, отвѣсивъ послѣдній поклонъ и скрываясь въ грудъ перинъ и подушекъ.

Свѣтъ погасла.

— А вѣдь жаль, что онъ актеръ. Славнымъ-бы кавалеромъ могъ быть, говорила она, прерывая молчаніе.

Отвѣта не послѣдовало. Ольга Кузьминична заснула или не могла продолжать разговоръ.

„А вѣдь онъ красивъ, думалось молодой дѣвушкѣ. — Волосы такъ вытеса славно и глаза словно бархатные, разговоръ тоже такой пріятный. А Богъ съ нимъ“, подумала Марья Кузьминична и, перевернувшись на другой бокъ, зѣвнула.

Въ комнатѣ воцарилась тишина, нарушаемая лишь гдѣ-то шуршащей мышью да мѣрнымъ постукиваньемъ маятника часовъ.

VII.

Михайло Борисовичъ Громовъ.

Время Николая Николаевича если не летѣло съ быстротою молніи, то тѣмъ не менѣе оно не заставляло себя сильно чув-

ствовать, и день за днемъ почти незамѣтно проходили для труженника.

А трудъ Самарскаго былъ не малый и предоставлялъ ему мало свободнаго времени, которое онъ употреблялъ или на чтеніе кое-какихъ, привезенныхъ съ собой книжонокъ, или на гулянье по заглохшему городскому саду, красиво спускавшемуся къ рѣкѣ. Хотя подобное общественное учрежденіе и дѣлало честь городу и его администраціи, пекущейся о здравіи и развлеченіи жителей, но тѣмъ не менѣе та-же администрація, совершивъ однажды доблестный подвигъ сооруженія мѣста общественнаго гулянья, уже болѣе не пеклась о поддержкѣ сада и предоставила его волѣ небесъ. Поэтому дорожки обсыпались и поросли лопухомъ и подорожникомъ, деревья разбрасывали сучья, какъ имъ Господь посылалъ на душу, кустарники перегораживали тропинки и лѣзли въ глаза гуляющимъ, а ссамейки, эти свидѣтельницы свиданій, сооруженныя когда-то для отдохновенія, выдержавшія на себѣ всю тяжесть остротъ городскихъ шалопаевъ, святымъ долгомъ пожившихъ себѣ нацарапать на нихъ какую-нибудь пакость, непечатное словцо или имя своей возлюбленной, не выдержали осады червей и рухнули, представляя изъ себя груду брусковъ и щепокъ.

Въ этотъ-то садъ или, вѣрнѣе сказать, пустырь и любилъ ходить Самарскій. Тамъ онъ отдыхалъ отъ всевозможныхъ ощущеній, накопившихся въ его груди, и, вдыхая свѣжій осенній воздухъ, заносился фантазіей въ прошлое хорошее время, а шумящія голыя вѣтви акацій и бузины напоминали ему о давно протекшемъ, напѣвали ему пѣсню о томъ дѣтствѣ, которое наложило на него неизгладимыя черты.

— Здравствуйте, Самарскій, обликнулъ его чей-то голосъ, когда онъ черезъ нѣсколько дней послѣ описаннаго нами вечера у Барсуковыхъ шелъ, задумавшись, по дорожкѣ сада.

Николай Николаевичъ вздрогнулъ отъ неожиданнаго возгласа и обернулся. На кучѣ разнокалибернаго мусора, обломковъ дерева, старыхъ сучьевъ и опавшихъ листьевъ сидѣлъ Громовъ.

— Экъ вы задумались! продолжалъ послѣдній, протягивая руку Самарскому.— Замѣтитъ, думаю, или не замѣтитъ? Уткнулся себѣ и не замѣчаетъ живого человѣка. Куда идете?

— Такъ, гуляю.

— Значить, благодумствовать вышли. Дѣло.

— Погода отличная.

— Погода, точно, хороша. О чемъ-же это вы такъ задуматься изволили?

— Такъ-себѣ, мало-ли о чемъ. Прошлое вспомнилось.

— Стало быть, старую ветось перебирали — дѣло. Только, по-моему, думать-то о ней труда не стоитъ. По-пусту мозги шевелить.

— Почему-же такъ? спросилъ Самарскій, поглядывая на своего курчаваго собесѣдника, копавшаго палкой въ землѣ.

— Да такъ-же. Что прошло, того не воротить. Стало быть, ни радоваться прошлому, ни печалиться о немъ не стоитъ труда. Въ настоящемъ у каждого своей гадости довольно, чтобъ о ней плавать, такъ зачѣмъ-же старую-то приплетать. А коли прошлое было лучше настоящаго, такъ зачѣмъ-же сравненія дѣлать; отъ этого настоящее вѣдь еще хуже покажется. Что прошло, то, значить, mortuus est.

— Такъ, по-вашему, и дѣтство, и все, что было когда-то дорого, изъ памяти вычеркнуть надо?

— Это вы насчетъ сантиментовъ, что-ли? Ну, такъ я вамъ скажу: по-моему, если ничего ужъ въ голову путнаго не лѣзетъ, такъ лучше таблицу умноженія протверживать. Все можетъ больше пригодиться. Вы ходите, что-ли, хотите? Такъ пойдемте. А то садитесь. Мѣсто есть.

Громовъ подвинулся на своемъ странномъ сѣдалищѣ. Самарскій сѣлъ.

— Съ Сусликовымъ-то совсѣмъ покончили? спросилъ снова Михаилу Борисовичъ послѣ наступившаго молчанія.

— Совсѣмъ.

— Я чай, упирался, оттягивалъ?

— Больше половины оттянулъ.

— Такъ я и зналъ! Ну, а вы, небойсь, и уступили?

— Что-жь было дѣлать?

— На чемъ-же порѣшили?

— На тридцати рубляхъ.

Громовъ громко захохоталъ. Николай Николаевичъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него.

— Экая выжига! Молодецъ! Такъ васъ и надо. Да вы кто такой?

— То-есть, какъ кто?

— Да такъ. Человѣкъ вы или рохла?

— Однако, позвольте...

— Да вы не обижайтесь. Я, батюшка, комплиментамъ не обученъ, приности тоже говорить не учился, а что вы рохла, тѣбѣ это сомнѣнію не подлежитъ. Сусликову безъ васъ въ петлю лѣзть, пропадать. Онъ-бы вамъ не тридцать, а триста даль, а вы ему сами суетесь: на, молъ, батюшка, кушай меня живьемъ, съ ножками, съ головкой. Такъ какъ-же вы послѣ этого не рохла? Эхъ, вы!

— Я васъ все-таки не понимаю, говорилъ сконфуженный Самарскій. Въ его голосѣ звучала обидчивая нотга.

— Да вы не обижайтесь Бога-ради. Потому я вамъ прямо и говорю, что вы мнѣ нравитесь. что свѣжій вы человѣкъ. Былъ-бы на вашемъ мѣстѣ Сахаровъ или другой кто, я-бы, пожалуй, и смолчалъ. Вѣдь вотъ дѣло-то въ чемъ, сударь мой любезный. Еслибы вы отказались, гдѣ бы ему на ваше мѣсто другого-то найти?

— Да у Сусликова было уже письмо къ какому-то актеру.

— А вы я повѣрили? Положимъ, что такъ. Допустимъ, что письмо дѣйствительно было. Да пока-бы онъ его послалъ, пока-бы оно дошло, пока-бы переговоры шли, да тотъ-бы пріѣхалъ, да согласился-ли-бы еще сюда, въ нашу глушь, пріѣхать, пропель-бы мѣсяць, а спектакли-то стой, вѣрный убытокъ значить. А вы готовы, на мѣстѣ, да и дешевле всякаго другого. Вотъ на повѣрку и выходитъ, что вы — рохла.

Самарскій, дѣйствительно, сознавалъ, что онъ рохла; но сразу все-таки не хотѣлъ согласиться.

— Во-первыхъ, я этого не зналъ, а во-вторыхъ, я уже почти примирился съ этимъ, такъ-какъ мнѣ кажется, что оцѣнка моему таланту и той пользѣ, которую я могу принести, почти справедлива.

— Стало-быть великодушіе, благородство чувствъ и сантименты. Превосходно! Я-бы на вашемъ мѣстѣ совсѣмъ отъ денегъ отказался. Сантименту этого самаго еще-бы больше было. Польза, оцѣнка, — экія слова-то все звучныя, увѣсистыя! Да вы пользу,

талантъ-то вашъ мѣрили? Все это вздоръ. Пользу вы Сусликову принесите такую-же, какъ и всѣ, а...

— Но другіе опытиѣ меня, практичнѣе на сценѣ, они...

— Опять-таки вздоръ. Неужели вы думаете, что Сусликову не все равно, какъ вы играете? Онъ очень хорошо знаетъ, что для этой публички поставъ хоть пень въ виц-мундирѣ, такъ и тому она будетъ хлопать, потому что лучшаго ничего не видала. Ему нуженъ лишь человѣкъ, занимающій извѣстное мѣсто. Человѣкъ есть, да еще и человѣкъ-то талантливый...

— Какой-же...

— Вамъ комплиментовъ, что-ли, нужно, такъ не на таковского напали. Сладкихъ словъ говорить не умѣю. Говорю то, что чувствую и понимаю. Талантъ въ васъ есть. Правда, неразвитый, необдѣланный, неприведенный въ порядокъ, но все-таки есть. Мало опыта, но это придетъ. Табъ какъ-же, сознайтесь сами, вы не рохля? Человѣкъ васъ сожрать хочетъ, а вы ему сами въ ротъ лѣзете, „на, моль, батюшка, кушай!“ Рохля и есть.

Самарскій сознавалъ, что его собесѣдникъ говоритъ правду. Онъ съ грустью сознавалъ свою непрактичность, свою молодость, но все-таки хотѣлъ выгородиться, оправдаться, показать тѣ чувства, которыя побудили его поступить такъ, а не иначе, высказать то безвыходное положеніе, которое заставило его ухватиться за предложеніе Сусликова, какъ утопающаго за соломенку. Громовъ слушалъ внимательно, изрѣдка взглядывая на своего собесѣдника, выводя на пескѣ какую-то мудреную литеру.

— Вотъ вы и скажите, могъ-ли я поступить иначе, кончилъ Николай Николаевичъ свою оправдательную рѣчь.

Громовъ улыбнулся и продолжалъ чертить свою букву, придѣлывая къ ней какой-то замысловатый крючекъ. Наступила легкая пауза. Самарскій пытливо глядѣлъ на сосѣда. Вѣтеръ шелестялъ опавшими листьями и гналъ ихъ по дорожкѣ. Они гнались одинъ за другимъ, опережали другъ друга, крутятся, и вдругъ шлепались плашмя на дорожку.

— Знаете, Самарскій, изъ всего, что вы мнѣ сказали, я вижу, что вы хорошій человѣкъ. Только молодости и увлеченія не оберешься. Благодать! И чего-чего только вы тутъ ни наговорили! Любовь къ искусству, и свѣтлый-то, широкій путь, и обличеніе-то общества, смѣлое и открытое, и святой огонь тамъ какой-то.

Такъ, кажется? обратился онъ съ усмѣшкой къ Самарскому. — И что еще? И не вспомнишь всего. И все-то это на дѣлѣ выходитъ: фраза, фраза и фраза!

— Стало быть, вы думаете, что я говорилъ не то, что чувствую, не то, что думаю. Стало быть...

— Не горячитесь. Напрасно. Такъ, какъ вы думаете, думаютъ многіе. Вѣрю я вамъ, вполне вѣрю. Самъ я такъ думалъ. Самъ думалъ, что выше искусства ничего нѣтъ, и... ошибался. Всѣ эти мечты, при столкновеніи съ дѣйствительностью, оказались пустымъ миражемъ, призракомъ, существовавшимъ лишь въ теоріи, разлетавшимся, разбивавшимся при первомъ толчекѣ съ жизнью реальною. Неужели вы думаете, что вы одни способны такъ мыслить, что вы одни поклоняетесь этому великому дѣлу? Ошибаетесь! Горько ошибаетесь! Самъ я когда то полагалъ, что искусство есть что-то недосягаемое, стоящее на такомъ высокомъ пьедесталѣ, что до него не коснется ни мелкое торгашество, ни угожденіе мамону и что ни одинъ изъ жрецовъ Ваала не посмѣетъ къ нему приблизиться. И... я ошибался, какъ ошибаются многіе, какъ ошибаетесь вы. Неужели вы настолько легковѣрны, что думаете, будто Сусликовъ смотритъ на свое дѣло, какъ на святыню, а на васъ, какъ на ея поклонника? Театръ, мелочная лавка, касса ссудъ, собачья комедія для него стоятъ на одной доскѣ. На все это онъ смотритъ, какъ на аферу, а на васъ, какъ на орудіе, дающее возможность ею заняться. О любви къ дѣлу, стало быть, тутъ не можетъ быть и рѣчи. Чѣмъ больше денегъ, тѣмъ больше привязанности къ дѣлу. Неужели вы думаете, что, дѣлая новую декорацію, костюмы, онъ заботится о пьесѣ? Ошибаетесь. Онъ вынужденъ это сдѣлать ради той же выгоды. Не дай онъ вамъ новаго костюма, заставъ васъ играть въ тряпкѣ, не поставъ новую декорацію, публика не будетъ ходить, а стало быть, и денегъ будетъ меньше. Гдѣ-же тутъ любовь къ дѣлу, которую вы насильно хотите ему навязать?

— Стало быть, вы оправдываете и Сахарова, смотрящаго на дѣло, какъ на средство не умереть съ голода, какъ на возможность легкимъ трудомъ зашибить копейку, какъ на прибѣжище тунеядцевъ и какъ на средство легкимъ успѣхомъ щекотать свое самолюбіе?

— А вы не оправдываете? Еще-бы! Онъ звѣрь, вандалъ, по-

вашему. А по-моему, нѣтъ. Онъ тотъ-же Сусликовъ, съ тою только разницей, что одинъ заставляетъ играть другихъ, а этотъ играетъ самъ. Вотъ и вся разница. Вашъ Сахаровъ равняетъ это дѣло съ чеботарствомъ, и прекрасно. У него выработался взглядъ, что на сцену идутъ только тунеядцы, и чудесно. Оставьте его думать такъ. Онъ судить по себѣ, по единичной личности; онъ не понимаетъ искусства, въ немъ самою его нѣтъ, такъ глупо-бы было и разувѣрять его, и спорить съ нимъ. Изъ-за чего же вамъ горячиться, изъ-за чего-же кровь-то портить, надсаживаться? Не понимаю. Эдакъ вы, пожалуй, и сторожа, что у воротъ сидить, обвините, и лавочника, и мужика, зачѣмъ они не поклоняются вашей святинѣ, и меня, зачѣмъ я сижу въ будкѣ. Всякій дѣлаетъ то, что ему кажется полезнымъ, приятнымъ, выгоднымъ, что, по его понятію, дѣло. Я, напримѣръ, сижу въ будкѣ, потому что считаю себя болѣе полезнымъ на этомъ мѣстѣ, чѣмъ на другомъ, и, горячо любя искусство, думаю, что своей игрой скорѣе-бы осквернилъ святое дѣло, чѣмъ-бы былъ ему полезенъ. Что-же касается щевотанія самолюбія, то это главный рычагъ, который управляетъ нами на сценѣ. Такъ зачѣмъ же катать такими грозными филипиками бѣднаго Сахарова? Пожалуйте его, онъ чуть-ли не отецъ семейства. Публика, говорите вы, учится у насъ. Мы—ея учителя. Мы руководимъ ея нравственною жизнью. Опять фраза. Кѣмъ вы руководите? Единицей, а масса остается все та-же. Вы думаете, что много впечатлѣній изъ театра выносить эта толпа? Какъ-же! Ровно настолько-же, сколько въ Англіи при зрѣлищѣ повѣшенія. Одного казнятъ за то, что укралъ, а десятки воровъ въ это-же самое время смотрятъ на назидательное зрѣлище и тащутъ изъ кармана платки. Никогда не забуду впечатлѣнія, произведеннаго Шейлокомъ Шекспира на одного изъ кущовъ. „Что, говорю ему, хорошо?“ — „Да развѣ, отвѣчаетъ, это представленіе! Вотъ третьяго года акробаты были, такъ это такъ. Тѣ, говорить, за вечеръ-то восемь потовъ спустать, а это что!“ Вотъ вы и толкуйте тутъ такому субъекту о школѣ, объ исправленіи нравовъ. А вы думаете одинъ, двое такихъ смотреть на васъ? Ошибаетесь. Больше половины, больше двухъ третей. Вы думаете, что и этотъ солидный господинъ пришелъ васъ слушать, внимать въ смыслъ пьесы? Ошибаетесь. Онъ пришелъ для хорошенькой актрисы и во время вашей патетиче-

своей сцены привстаетъ съ своего мѣста, чтобы посмотрѣть на ея выставившуюся ножку. Школа остается въ мечтахъ. Можетъ быть, вы довольствуетесь, что производите истинное впечатлѣніе даже на одного — радуйтесь, а мнѣ этого мало. Что искусство и деньги вещи несомнѣстимыя — это вѣрно, но вѣрно только въ теоріи. Одной любовью къ дѣлу сытъ не будешь и потому приходится смириться. Но одни искусство признають, какъ только средство поддержать свое брненное тѣло, другіе-же наживу ставятъ на второмъ планѣ и, ведя дѣло впередъ, смотря на него, какъ на святыню, радуются тому впечатлѣнію, которое они могли произвести хоть на одного зрителя. Однимъ словомъ, вы плачете о томъ, что нѣтъ искусства для искусства; такъ запасайтесь капиталомъ, стройте свой театръ, собирайте съ вами единомыслящихъ и подвизайтесь во славу Божию. Если такъ смотрѣть на дѣло, какъ вы, то явится вопросъ: зачѣмъ платить зритель, зачѣмъ смѣють продавать картину? Да объявите вы завтра, что вы желаете служить безвозмездно, такъ первый-же Сусликовъ назоветъ васъ дуракомъ, да, пожалуй, и сама публика отнесется съ недоувѣріемъ къ вашимъ способностямъ...

Долго говорилъ Громовъ на эту тему. Самарскій слушалъ его, какъ школьники слушаютъ своихъ учителей. Онъ не могъ не сознаться въ томъ, что многое изъ сказаннаго если не совсѣмъ, то по большей части было вѣрно, хотя и было, повидимому, угадано чутьемъ, такъ-какъ и Громовъ, подобно Самарскому, шель ощущью къ извѣстнымъ взглядамъ, къ извѣстнымъ выводамъ; но и сознаться въ томъ, что всѣ его думы были лишь возможны въ теоріи и разсыпались, какъ карточные домики, при первомъ дуновеніи вѣтра, Николаю Николаевичу было больно...

— Знакомство завели съ кѣмъ-нибудь? спросилъ Громовъ гставъ съ своего мѣста и шагая по дорожкѣ съ Николаемъ Николаевичемъ.

— Былъ у квартирныхъ своихъ хозяевъ, да и самъ не радъ.

— А что?

Самарскій сталъ ему рассказывать свое первое посѣщеніе семейства Барсуковыхъ.

— Стало быть, до глубины души васъ оскорбили? усмѣхнулся Громовъ, выслушавъ рассказъ. — Такъ и не прочли имъ ничего? Напрасно. Басню, что-ли, какую позабористѣе прочли-бы имъ. А

то ни съ того, ни съ сего заслужили себѣ названіе нелюбезнаго кавалера и съ перваго же раза уронили себя въ ихъ глазахъ. Молоды, батенька, горячи, подождите — уходите. Я вамъ не говорю, чтобы было похвальнымъ за рюмку водки ломаться передъ пьяными купцами, — это гадко, такъ-же возмутительно, какъ за поштофъ строчить имъ разныя слезныя прошенія, но прочитатъ что-нибудь въ обществѣ, подѣлиться съ нимъ вашимъ талантомъ, — дѣло не худое. А вы сейчасъ и на дыбы. Впрочемъ, смотрите, какъ знаете, дѣло не мое. Холодно что-то стало, оборвалъ онъ. — Пойдете-ка водки выпить.

— Я не пью.

— И хорошо дѣлаете. Современемъ будете. Ну, чаю шархните?

— Чаю — пожалуй.

— Такъ пойдете.

Собесѣдники вышли изъ сада и, пробираясь вдоль нескончаемыхъ заборовъ и повернувъ въ одинъ изъ переулковъ, въ который врядъ-ли часто заглядывало солнце, стали взбираться по деревяннымъ, точно обглоданнымъ ступенямъ трактирнаго заведенія на „чистую половину“, помѣщавшуюся во второмъ этажѣ дома. Хотя самое названіе этой половины должно было указывать на чистоплотность и опрятность, но каждый посѣтитель, при видѣ закопѣлыхъ комнатъ, пропитанныхъ запахомъ жаренаго масла и другими запахами, полустертыхъ, когда-то крашенныхъ половъ, невольно задавалъ себѣ вопросъ: какаѣ-же гадость должна быть на „черной половинѣ“ этого заведенія? Стѣны, оклеенныя какими-то пестрѣйшими обоями съ изображеніемъ сраженія, гдѣ главную роль играли валяющіяся и летящія ядра, черныя какъ смоль, величиною чуть-ли не съ самихъ солдатъ, носили отпечатокъ древняго происхожденія, сырости и масляныхъ пятенъ. Простые, крашеные подъ ясень столы, съ судочками подъ черепаху и опрокинутыми полоскательными чашками, были покрыты скатертями сомнительной чистоты, носившими на себѣ знаки обильныхъ чаепитій посѣтителей. На одной изъ стѣнъ помѣщалась востужившая, большая картина въ массивной, когда-то золоченой рамкѣ. Картина была очень старая и скорѣе напоминала собой высушенную доску, чѣмъ произведеніе искусства. Помѣщавшаяся въ одномъ углу шарманка, замѣнявшая собой органъ, видимо пере-

несла не одно бурное десятилѣтіе и не одну сотню разъ ублажала своими срипучими мелодіями туземныхъ меломановъ.

— Сядемте-ка вотъ тутъ, сказалъ Громовъ, усаживаясь за одну изъ грязныхъ скатертей.— Чаю, братъ, на одного, обратился онъ къ подлетѣвшему половому.

— Чаю съ чѣмъ прикажете?

— Съ лимономъ, братецъ. Да листовки графинчикъ сооруди, эдакій маленькій-побольше, да селяночку, что-ли, скоромненькую, поживѣй.

— Слушаю-съ!

Половой повернулся на каблучкахъ, энергично тряхнулъ волосами, для чего-то взмахнулъ по воздуху полотенцемъ, фыркнулъ обѣими ноздрями и понесся боконъ изъ комнаты. Тѣмъ же аллюромъ была принесена и водка, и подносъ съ посудой, которая прыгала и звенѣла, грозя ежеминутнымъ паденіемъ; но ловкая рука творила чудеса эквилибристики и благополучно принесенные чайники, рюмки и чашка со звономъ опустились на столъ, причемъ половой отскочилъ шага на три въ сторону, для чего-то снова взмахнулъ по воздуху полотенцемъ и всталъ въ одну изъ тѣхъ позъ, которыя видимо желаютъ сказать: любуйтесь, пока время есть, вотъ, молъ, какой я гусь лапчатый. Собесѣдники молчали. Разговоръ, прерванный на нѣкоторое время, не клеился. Громовъ разомъ пропустилъ рюмку листовки, издавъ какой-то горловой звукъ и аппетитно сталъ закусывать селянкой. Николай Николаевичъ принялся за чай перваго сорта, имѣвшій свойство обращать воду въ чернило такъ долго, какъ того только требовалось.

— Итакъ, началъ Громовъ,—вы не довольны вашимъ первымъ знакомствомъ?

— Не доволенъ.

— И, разумѣется, больше не пойдете?

— Не пойду.

— Дочки-то недурны?

— Право хорошенько не замѣтилъ.

— Что-жь, вы замуривались въ ихъ присутствіи или отворачивались отъ нихъ, какъ Іосифъ прекрасный?

— Ни того, ни другого. Просто не обращалъ особеннаго вниманія.

— Что-жь, онъ недостойны вашего вниманія, что-ли?

— Не то, чтобы недостойны, а не зачѣмъ было ихъ особенно разсматривать.

— Вотъ какъ!

Громовъ еще разъ прошелся по водкѣ. Разговоръ снова оборвался. Самарскій прихлебывалъ свой чай. Громовъ опустошалъ свой графинчикъ, и по мѣрѣ того, какъ исчезала живительная влага, дѣлался все мрачнѣе и мрачнѣе. Безъ того уже нависшія его брови еще ближе наклонились на глаза, которые сдѣлались еще строже, губы какъ-то судорожно сжались и получили характерное, суровое выраженіе. Изъ сосѣднихъ комнатъ доносились отрывочные разговоры гостей, въ билиардной звонко щелкались объ лузы шары.

— Еще нацѣди, промолвилъ Громовъ, подавая половому опустѣвшій графинчикъ.

— А что, Громовъ, не довольно-ли будетъ? замѣтилъ Николай Николаевичъ, когда половой скрылся за дверями.

— А вамъ большое до этого дѣло? отрѣзалъ его собесѣдникъ, уставляясь на Самарскаго сердитыми, немного помутившимися глазами.

— Нѣтъ, я думалъ...

— Думаютъ только одни индѣйскіе пѣтухи, да и то врядъ-ли. Опекунъ вы мнѣ, что-ли?

Громовъ еще проглотилъ рюмку и сердито ткнулъ вилкой въ сквороду.

Самарскій замолчалъ. Грустно у него стало на душѣ. Недавній разговоръ сталъ проноситься передъ нимъ, заставляя сравнивать прошедшее съ настоящимъ. Нѣсколько времени тому назадъ онъ почти безусловно готовъ былъ вѣрить своему собесѣднику, ему хотѣлось сдѣлать его чуть-ли не своимъ менторомъ на шаткомъ поприщѣ артистической дѣятельности, и вотъ этотъ новый педагогъ является передъ нимъ мальчишкой, неимѣющимъ силы характера отказаться отъ рюмки, обращающей его въ совершенно другого человѣка, какинъ его себѣ рисовалъ Самарскій.

— Вы не сердитесь на меня, перебилъ его мысли уже не со-
вѣмъ твердымъ голосомъ Михайло Борисовичъ. — Вы думаете, я
лицца? Нѣтъ, ошиблись. Пью я оттого, что пьется и подчасъ
хочется забыться, залить ту желчь, которая накапливается при встрѣчѣ

съ каждымъ новымъ, свѣжимъ человекомъ. Вы мнѣ скажете, что это гадко, и я вамъ скажу то-же. Стало-быть, мы и квиты. Слабость характера, скажете вы. Я-бы, пожалуй, и на это согласился. Растравили вы меня, вотъ я и...

Шумъ, раздавшійся на лѣстницѣ, не далъ окончить рѣчи все болѣе и болѣе пьянѣвшаго собесѣдника, а вслѣдъ затѣмъ съ громомъ растворившаяся дверь дала узрѣть съ гикомъ и гамомъ ввалившуюся компанію, изъ которой двое были служители Мельпомены, Аистовъ и Сахаровъ, подъ руку съ раскраснѣвшими купцами, повидимому туземными покровителями изящнаго. Влетѣвшая компанія остановилась у дверей, а вслѣдъ затѣмъ, увидавъ сидящихъ собесѣдниковъ, стремительно ринулась къ нимъ.

— А, вотъ они, соколики! заготовалъ Сахаровъ.—Здравствуй, кумъ ты мой любезный, здравствуй, кумушка моя, запѣлъ онъ, бросаясь обнимать Громова и оторопѣвшаго Самарскаго.—И наша Офелія невинная здѣсь, господа, обратился онъ къ окружавшему его обществу.—Вотъ рекомендую, отнесся онъ къ купцамъ, указывая на Самарскаго:—первый любовникъ. Скромность и цѣломудріе, цѣломудріе и скромность.

Служитель милыхъ музъ,
Служитель Мельпомены,
Тебя-ль встрѣчаю я,
Тебя-ли зрю теперь?

Съ восторгомъ истиннымъ сгибаю я колѣна...

Ну, и проч., и проч., закончилъ онъ и снова бросился обнимать Самарскаго и окончательно опьянѣвшаго Громова. Купцы жали имъ руки, Аистовъ семенилъ около нихъ своими маленькими ножками, уговаривая ихъ тащить обоихъ, какъ онъ выражался, *dahin, dahin, wo die Zitronen blüh'n*. Оторопѣвшій Самарскій въ первую минуту не зналъ, что ему дѣлать. Гикъ, гамъ, лобызанія, визгъ Аистова, хриплые голоса закутившихъ купцовъ, недавній разговоръ съ Громовымъ,—все это слилось въ какой-то сумбуръ и отняло у него способность что-нибудь сообразить до тѣхъ поръ, пока вся эта полупьяная команда чуть-ли не за шиворотъ стала тащить его изъ-за стола, уговаривая его ѣхать туда, гдѣ, по мнѣнію всего общества, можно было провести время самымъ разнообразнымъ и веселымъ образомъ.

— Нѣтъ, господа, отговаривался Николай Николаевичъ,—какъ вамъ угодно, а я нигуда не поѣду. Мнѣ надо домой.

— Слышите, домой! Да развѣ мы пустимъ! Нѣтъ, братъ, палили! Изъ нашей компаніи никто домой не попадетъ!

— Да я вѣдь и не думалъ быть въ ней. Ваша добрая воля была подойти къ намъ.

— Такъ ты, братъ, гнушаться! Такъ ты такъ-то, загадѣло нѣсколько голосовъ съ такимъ угрожающимъ видомъ, что Самарскому ничево болѣе не оставалось, какъ или вступить съ ними въ продолжительныя пренія, или чуть-ли не въ рукопашную.

— Тащить его, тащить силой, коли добромъ нейдетъ! закричалъ одинъ изъ куццовъ.

— Тащить его! подхватили другіе, и, схваченный за руки и за ноги, Самарскій былъ вытащенъ въ прихожую, насильно одѣтъ, вынесенъ на улицу, посаженъ въ ухарскую тройку, которая съ гикомъ и гамомъ, позвякивая заливчатски колокольчиками, скоро скрылась за поворотомъ одной изъ улицъ богоспасаемаго города.

VIII.

Узелъ запутывается.

Уже солнце стояло очень высоко и весело поглядывало въ окна, когда Самарскій открылъ глаза. Первое, что его поразило, была чужая квартира и кровать. Въ первую минуту онъ подумалъ, что это было продолженіемъ сна, но сильный храпъ и его неснѣтый со вчерашняго дня костюмъ заставили въ его немилосердно болѣвшей головѣ пронестись безобразныя картины вчерашняго дня. Смутно припомнилъ онъ похищеніе его полупьяной компаніей, вспомнилъ онъ, что перебивалъ чуть-ли не въ дюжинѣ какихъ-то трактировъ, гдѣ его чуть-ли не подъ страхомъ порки заставляли пить, вспомнилъ, что они очутились у какихъ-то разрумявленныхъ барынь, но что было дальше,—все это путалось въ какой-то безобразный хаосъ и заставляло еще больше болѣть его голову.

— Однако, гдѣ-же это я? спросилъ онъ самъ себя, приподнявшись и осматривая незнакомую ему комнату.

Комната была небольшая. На ломберномъ раскрытомъ столѣ,

заваленномъ различными бумагами и книгами, торчали на половину пустыя бутылки. Одна изъ нихъ была разбита и пролитое вино стояло лужей на полу, гдѣ валялись окурки папирозъ и сигарь. На клеенчатомъ порванномъ диванѣ лежалъ распростертый Громовъ и храпѣлъ, въ полномъ смелѣ слова, во всю носовую заverteку. Голова его свѣсилась и видимо затекла. Въ углу лежалъ еще кто-то, уткнувшись лицомъ въ подушку, подостлавъ подъ себя пальто. Николай Николаевичъ думалъ было побудить Громова, но тотъ ему отвѣтилъ не то мычаніемъ, не то ругательствомъ и снова принялся за свой концертъ. На душѣ Самарскаго было смутно, гадко. Онъ сознавалъ, что сдѣлалъ хотя невольную, но все-таки гадость.

„Хорошо-же я начинаю, думалось ему.—Еще двѣ-три такихъ встрѣчи, а тамъ, пожалуй, и затынешься, будешь хладнокровно смотрѣть на подобное безобразіе. Домой, домой скорѣй!“ рѣшилъ онъ, но, поискавъ около себя, онъ не могъ найти ни фуражка, ни пальто. „Вѣроятно, кто-нибудь изъ прислуги всталъ, пойду“, проговорилъ онъ. Онъ вышелъ въ коридоръ и, отыскавъ двери, нерѣшительно вошелъ въ нихъ. Передъ нимъ сидѣла какая-то баба за кофейникомъ.

— Что нужно? спросила она, увидавъ вошедшаго.

— Да вотъ, пальто отыскать не могу.

— Какое такое пальто?

— Да мое. Не знаете-ли, гдѣ оно?

— А я почему знаю.

— Скажите, пожалуйста, у кого это я ночевалъ?

— Экъ вѣдь назюкаются, черти, не знаютъ, куда и вѣдутъ.

У Громова, актера, пояснила нецеремонная женщина.

— У Громова? Да вы хозяйка его, что-ли?

— Хозяйка.

— Такъ, пожалуйста, хозяйюшка, не можете-ли мнѣ отыскать мое пальто?

Хозяйка нехотя согласилась и, при ея стараніи, пальто оказалось подъ спящимъ въ углу незнакомцемъ, изъ-подъ котораго оно было безъ церемоніи вытащено, такъ-какъ никакіе толчки не могли разбудить его. Фуражка была найдена подъ диваномъ. Поблагодаривъ хозяйку, Самарскій вышелъ на улицу. Рѣзкій вѣтеръ сдувалъ съ крышъ домовъ незнакомой ему улицы за ночь

навесенный, первый пушистый снѣгъ. Не безъ труда нашелъ Самарскій дорогу къ своему дому.

— Вотъ и вы, слава-богу, встрѣтилъ его голосъ младшей хозяйки, когда онъ по коридору пробирался въ свою комнату.— А ужъ мы думали, не случилось-ли съ вами чего. Никогда этого не было, чтобы вы дома не ночевали, и вдругъ пропали, не сказавъ ни слова. .

— Благодарю васъ за вниманіе и искренно извиняюсь, если я вамъ причинилъ хоть малѣйшее безпокойство, но я въ этомъ не особенно виноватъ. Компанія насильно утащила и волей-неволей долженъ былъ провести ночь внѣ дома.

— Мы такъ и думали. Сказывали намъ, что вы на тройкѣ куда-то съ Рякинскими купцами покатали, да еще этотъ Громовъ съ вами. И охота вамъ съ ними компанію водить!

— А что-же?

— Да люди-то они такіе, Господь съ ними, пьяницы да забіяки. Во всемъ городѣ такихъ, какъ эти два брата, забіякъ не найдешь... Изъ театра за вами утромъ приходили, перебила она повѣствованіе о знаменитыхъ забіякахъ.

— Не знаете, что нужно было?

— Да, кажись, на репетицію звать.

— Который-же теперь часъ?

— Да ужъ первый въ началѣ.

Самарскаго передернуло. Онъ совѣмъ позабылъ о репетиціи. Въ первый разъ въ жизни ему приходилось опаздывать на дѣло. Наскоро простившись съ собесѣдницей, онъ быстро зашагалъ къ зданію театра.

— Опоздали-сь, опоздали-сь, заегозилъ Сусликовъ, встрѣчая зашавшагося Самарскаго.

— Простите, но ей-богу я не зналъ...

— Знаю-сь, знаю-сь. Ничего, миленькій, штрафикъ — дѣло полезное.

— Но я опаздываю въ первый разъ и...

— И, разумѣется, въ послѣдній. А штрафикъ — вещь полезная.

— Утѣшься, другъ, обратился къ растерявшемуся Самарскому Сахаровъ, когда вѣчно суетящійся Сусликовъ скрылся.—И я вле-

тѣша, только, братъ, поменьше, минутъ на десять. Ты на цѣлый часъ хватилъ, шутить не любишь.

Сахаровъ закатился школьническимъ смѣхомъ.

— Скажите, Сахаровъ, и много мнѣ заплатить придется?

— За недѣлку, милѣйшій, слупать навѣрняка. Ибо. продолжалъ онъ уже менторскимъ тономъ, — тринадцатый параграфъ нашего контракта гласитъ тако: за опаздываніе на одинъ часъ штрафъ взимается за недѣлю. Однимъ словомъ, штрафъ недѣльный, съострилъ онъ и снова залился хохотомъ. — Ну, батенька, и выпито-же вчера было — фу!..

Но Самарскому было не до того и упущенный имъ изъ виду параграфъ ударилъ его какъ обухомъ по лбу. Лишеніе недѣльнаго содержанія отнимало у него чуть-ли не кусокъ насущнаго хлѣба и ставило въ сильную зависимость отъ той среды, гдѣ онъ находился. Впечатлѣнія вчерашняго дня, поступокъ антрепренера, некрасивая картина будущаго, — все это произвело какой-то сумбуръ въ его головѣ, такъ что, кое-какъ окончивъ репетицію, онъ добрался домой и, какъ безпомощный ребенокъ, бросился на постель и залился горячими слезами.

„За что-же это, за что? думалось ему. — За что такъ много горя на одного человѣка! Только успѣешь избавиться отъ одной непріятности, какъ за нею идетъ другая бѣда и твое положеніе становится еще хуже“.

Когда прошелъ первый припадокъ горя, разсудокъ его сталъ снова вступать въ свои права и въ его головѣ стали появляться успокоительныя слова: „можетъ быть“, „если“, за которыя каждый изъ насъ въ критическія минуты жизни хватается, какъ утопающій за соломенку.

„А можетъ быть, штрафа и не будетъ, можетъ быть, Сусликовъ только хотѣлъ напугать меня. Если я буду по-прежнему акуратенъ, Сусликовъ и проститъ мнѣ эту вину“, старался себя успокоивать Николай Николаевичъ, хотя въ глубинѣ души ясно сознавалъ всю несбыточность своихъ надеждъ, и первомъ, вполне благоразумною мыслью его былъ вопросъ, какъ ограничить еще болѣе свои расходы и пополнить ущербъ своего благосостоянія. Сходнѣе платить за квартиру было дѣломъ немислимымъ, жить съ кѣмъ-бы то ни было вдвоемъ было невозможно, такъ-какъ ни одинъ изъ его товарищей не былъ ему по душѣ. Сокративъ свои

расходы даже до лишенія куренія табаку, Самарскій кое-какъ дотянулъ до конца мѣсяца. Онъ акуратно исполнялъ свою обязанность, трудился, какъ волъ, все болѣе и болѣе свыкаясь съ дѣломъ и съ каждымъ новымъ шагомъ приобрѣтая любовь публики, но штрафъ все-таки былъ взятъ.

— Не могу-съ, миленькій, не могу-съ, говорилъ Сусликовъ при полученіи Самарскимъ жалованья. — Порядокъ ужъ такой, порядокъ—голова дѣла. Не могу-съ!

— Но вѣдь дѣло не пострадало отъ того нисколько, если я опоздалъ на репетицію?

— Такъ-то оно такъ, но могло пострадать. Вамъ-то оно ничего, а мнѣ-то каково! Да-съ! Не могу, не могу-съ, повторилъ снова антрепренеръ съ любезной улыбкой, подавалъ Николаю Николаевичу перо, чтобы расписаться въ полученіи жалованья.

По обычной своей стоворчивости, видя, что сила ломить со-лому, Самарскій взялся за перо, но, бросивъ взглядъ на цифру, выставленную противъ его фамиліи, былъ удивленъ размѣромъ взятаго съ него штрафа.

— Вы, миленькій, не пугайтесь, предупредилъ Сусликовъ, увидавъ удивленное лицо молодого человѣка. — Тутъ маленькая недомочка есть. Вамъ приходится больше получить, штрафъ всего за недѣлю, да, знаете сами, сборы какіе были. Ей-богу этотъ мѣсяцъ больше заплатить не могу. Сами знаете, какіе расходы были, а доходу—по-татарски йокъ, а по-русски—нѣтъ ничего. На будущей недѣлѣ даже впередъ дать могу, а теперь ей-ей не могу, тараторилъ Сусликовъ.

— Но вѣдь и мнѣ какъ-же быть? Вѣдь и мнѣ...

— Знаю, самъ знаю, что виновать, перебилъ Сусликовъ оторопѣвшаго Самарскаго, — но, вѣрьте Богу, не могу. На будущей недѣлѣ въ пятницу съ удовольствіемъ. Да какой вы нерѣшительный, уговаривалъ онъ снова. — Обычай мой такой: подписано—такъ съ плечъ долой, продекламировалъ онъ. — Только вамъ и даю, ей-богу, всѣмъ другимъ отказываю. Ну вотъ и прекрасно, продолжалъ онъ, видя, что Самарскій подписался. — Въ пятницу смѣло можете рассчитывать. Прямо въ кассу, какъ въ собственный карманъ, пожалуйста, продолжалъ антрепренеръ, отсчитывая деньги совершенно растерявшемуся Самарскому.

„Что-же я теперь буду дѣлать? думалъ Самарскій, выходя

на улицу. — За квартиру заплатить есть чѣмъ, а прочее откуда я достану? Положимъ, до пятницы не богъ-вѣсть какъ далеко, но жить все-таки надо. Придется заложить что-нибудь”.

По дорогѣ его догналъ Громовъ. Съ того несчастнаго дня, за который Самарскій поплатился недѣльной работой, Громовъ какъ-то избѣгалъ его. Онъ, какъ-будто нарочно, старался приходить на репетицію незамѣтно или поздне и, обмѣнявшись съ Николаемъ Николаевичемъ сухимъ поклономъ, торопливо уходилъ домой. Видимо, ему встрѣчаться было неловко и онъ избѣгалъ объясненій по поводу штрафа.

— Здравствуйте, проговорилъ онъ, не снимая фуражки и прятывая свою широкую руку. — Вы очень сердиты на меня!

— За что?..

— Ну да, еще за что! А впрочемъ, „кто старое поминетъ, тому глазъ вонъ...“ Вы домой, что-ли? прервалъ онъ началъ рѣчь, шагая рядомъ съ Николаемъ Николаевичемъ.

— Домой.

— Время у васъ есть, я знаю. Пойдите ко мнѣ.

— Нѣтъ, мнѣ надо расплатиться съ хозяйкой. Хотите болтать — ко мнѣ зайдите.

— Пожалуй, согласился Громовъ и молча зашагалъ подлѣ Самарскаго.

— Вы жалованье получили? обратился Громовъ къ хозяину, когда тотъ снялъ пальто и, распорядившись самоваромъ, усѣлся за столомъ, гдѣ помѣстился гость.

— Получилъ.

— Гмъ. Водка у васъ есть?

— Нѣтъ. Вы знаете, что я не пью.

— Послать есть кого?

— Послать можно. Да закусить надо что-нибудь...

— Вы не раскошеляйтесь. Я на свои пошлю, сказалъ гость, вида, что Самарскій хочетъ отдать деньги принесшей самоваръ прислугѣ. — Вы знаете, что я до травъ этихъ не охотникъ. Голубушка, обратился онъ къ служанкѣ, — сооруди ты мнѣ, во-первыхъ, небольшой флакончикъ, а на зубы огурчикъ соленький. Вотъ такъ-то оно лучше, прибавилъ онъ, когда служанка скрылась за дверями. — Вы меня простите за безцеремонность; снов обратился онъ къ хозяину. — Въ салонахъ не бльзъ, тонкостямъ

шаркографіи не ученъ, а съ пріятелемъ всегда по душѣ. Эка жарница то у васъ какая! Да что вы, точно муху проглотили? воскликнулъ онъ, взглянувъ на невеселое лицо Николая Николаевича. — Не рады мнѣ, такъ я и уйду, пожалуй, только надо было раньше предупредить. А коли рады, такъ вотъ и „Лакрима Кристи“ явилась, весело закончилъ онъ, увидавъ входящую прислугу съ подносомъ, на которомъ были огурцы, хлѣбъ и ожидаемый имъ флаконъ.

— Спасибо, мать моя. Ну-ка по маленькой. Что, бишь, я, позабылъ, что вы къ чину монашескому причислены. Вы, стало быть, не очень на меня сердитесь. Самъ сознаюсь, что виновать передъ вами прешного.

— Пойдите, Громовъ, перебилъ его Самарскій. — Ужъ кто виновать, такъ это я самъ или, пожалуй, обстоятельства. Но наказаніе уже понесено, да и было это такъ давно, что...

— Какъ наказаніе?! Неужто эта бестія Сусликовъ взялъ съ васъ штрафъ?

Николай Николаевичъ утвердительно кивнулъ головой.

— И много?

— За недѣлю. Да что объ этомъ говорить. Дѣла не поправишь, да и Сусликовъ отчасти правъ, такъ-какъ по контракту...

— Такъ вы это по контракту обязались штрафомъ? Ну, хороши вы. Какъ-же не ѣсть васъ, скажу я опять, коли вы сами голову подставляете! Вотъ бить-то человѣка некому! Вы не обижаетесь, я чуть-ли не вдвое старше васъ, да и людей видалъ побольше, такъ мнѣ, пожалуй, и простительно, что я такъ съ вами говорю... Былъ и я когда-то такимъ, какъ вы, вѣрилъ и людямъ, какъ вы имъ вѣрите, но прошли годы, научило меня время и люди, и не вѣрится боьше. Но какъ ни горько бываетъ шататься за свои ошибки, но я завидую вамъ, глубоко завидую, горчился Громовъ, снова пропуская рюмку водки. — Вотъ видите ли, я теперь пью, подчасъ и сильно пью; а отчего это все? Развѣ при другомъ характерѣ, чѣмъ мой, развѣ при другомъ воспитаніи, при другомъ кругѣ дѣятельности дѣлалось-бы это? Разумѣется, нѣтъ. Встрѣтишься съ человѣкомъ, встрѣтишь въ немъ свѣтлыя стороны — и гадовъ покажешься самъ себѣ, и гадко покажется все окружающее, и хочется забвенія, почерпнуть его негдѣ, ну я... Одно остается — любить. Да кого? Да и что за радость

гадить другому жизнь? Дѣлать изъ другого, любимаго человѣка такую-же гончую собаку, какъ ты самъ? Погодите. И вы запыете, если не захотите сдѣлаться мошенникомъ, если не захотите размѣняться на пятаки; и вы запыете, когда увидите, что все чистое, во что вы вѣрили, на что вы молились, обращается въ обывденную грязь, которая непременно засосетъ васъ, какъ топкое болото, если вы неумѣлой ногой вступите на нее, чтобы перебраться на твердую почву. Слушайте. Мечталось и мнѣ когда-то, продолжалъ Громовъ, — что и я могу быть чѣмъ-то, дѣлать что-то. Поступилъ я въ Петербургѣ въ училище, мечталъ быть актеромъ. Сулили мнѣ что-то хорошее. Вышелъ. Дебютировалъ. Отчасти имѣлъ успѣхъ и возмечталъ. Хорошія это были мечты. Думалось идти твердыми шагами впередъ, думалось работать и... Долго будетъ рассказывать, сколько пришлось вытерпѣть униженій, оскорбленій, нравственныхъ щелчковъ, разочарованій, чтобы дойти до такъ-называемыхъ выходовъ и съ благородными мечтами, сознавая свои способности, дойти до изображенія турки и прочихъ чиновъ такъ-называемой свиты Фортенбраса. Я думалъ, тѣже какъ и вы, что каждый служащій искусству служить лишь ему одному, а не мамону, думалъ, что общество судить о человѣкѣ, какъ о человѣкѣ, цѣнить его по нравственнымъ достоинствамъ или недостаткамъ и не отводить ему мѣста въ своемъ о немъ мнѣніи судя по получаемому имъ окладу. Я шелъ съ ними въ разрѣзъ, говорилъ, можетъ быть, святую истину, заслужилъ, можетъ быть, въ душѣ cadaго изъ нихъ уваженіе, которое они высказывали наединѣ самимъ себѣ, но громко они заклемили меня названіемъ безпокойнаго человѣка и заставили оставить ихъ общество.

Громовъ снова выпилъ и, отерѣвъ катившійся съ его лба потъ, на время замолчалъ. Только-что зажженная свѣча освѣщала его странную фигуру съ устремленными въ одну точку глазами. Брови его нахмурились, а выраженіе лица ясно говорило, что не одна капля крови портилась у него во время разсказа, вызваннаго изъ давно прошедшаго, миновавшаго тяжелаго.

— Что-же могло оставаться лучшаго, началъ онъ снова, — какъ не поѣздка въ провинцію? Если въ дѣтствѣ вамъ говорятъ о какой-либо благословенной странѣ съ кисельными берегами, если ее рисуютъ вамъ самыми заманчивыми красками, то вы, разумѣется, будете рваться всей душой въ эту привлекательную даль, бу-

дете ее считать идеаломъ счастья. То-же было и тутъ. Въ провинціи я думалъ найти людей, работающихъ по призванію, тамъ я думалъ найти цѣнителей изящнаго. Поѣхалъ и... и черезъ три года очутился въ суфлерской будкѣ, надувая другихъ не плеше Сусликова, оберегая свою шкуру отъ холода, желудокъ отъ голода, завидуя, съ одной стороны, и насмѣхаясь, съ другой, надъ такими мечтателями, какъ вы, ищущими понапрасну кисельныхъ береговъ, смотря на искусство такъ-же, какъ смотрю въ настоящее время на эту рюмку водки, которая грѣетъ, туманитъ голову и, наконецъ, сшибаетъ съ ногъ. За здоровье съ ногъ сшибательнаго искусства и цѣломудренныхъ дураковъ, которые еще вѣрятъ въ честное, святое дѣло творчества! окончилъ свою рѣчь Громовъ, снова опрокидывая налитую рюмку.

Северно было на душѣ Самарскаго и противенъ былъ ему цинизмъ его, пропивавшаго и свой умъ, и свои способности, собесѣдника.

— Не знаю, продолжалъ снова уже начавшій замѣтно пьянѣть Громовъ, — виновато-ли время, виноваты-ли люди, а теперь искусства нѣтъ. Слушаешь — и не вѣришь своимъ ушамъ. Читаешь — и не вѣришь глазамъ, когда повѣствуютъ о тѣхъ титанахъ искусства прошлаго, о тѣхъ поборникахъ, которые свое дѣло ставили выше своего собственнаго я, какъ аскеты убивали свое собственное тѣло, отрѣшались отъ всего и жили только наслаждаясь изящнымъ. Знаете, обратился онъ уже прямо къ Николаю Николаевичу, — бросьте театръ, пока еще есть возможность воротиться. Зачѣмъ онъ вамъ? Чего вы ждете отъ него, кромѣ униженія, нужды, горя и разочарованія? Не съ вашей натурой быть актеромъ, да еще провинціальнымъ. Для этого нужна сила воли, характеръ, а этого, насколько я знаю васъ, въ вашемъ темпераментѣ нѣтъ. Если вы не испортитесь сами по себѣ, васъ заставятъ испортиться. Вы вотъ испытали брошечное оскорбленіе, какъ вы его сами назвали, и уже чуть не полѣзли на стѣну, а что-же съ вами будетъ, когда вы будете невольно сталкиваться съ людьми, которые въ тысячу кратъ сильнѣе станутъ оскорблять васъ? Знайте, что общество наше далеко еще отъ здраваго взгляда на артистовъ, знайте, что на нихъ только единичныя личности глядятъ здраво, а масса лишаетъ актера всего, — всего, чего только можно лишить, — и терпитъ его въ своемъ кругу, какъ необходимое зло. Если оно его и принимаетъ въ

свой кругъ, то по той-же причинѣ, по которой въ салатъ кладутъ уксусъ; но при этомъ, если не совсѣмъ отнимаютъ отъ него способность что-нибудь знать, кромѣ подмостокъ, то сильно сомнѣваются въ его знаніи. Съ нимъ говорятъ, но рѣдко позволяютъ ему говорить, въ немъ видятъ любовника, но не мужа, и скорѣе пригласятъ въ первый встрѣчный кабакъ, чѣмъ въ свою семью, стараясь при этомъ какъ можно скорѣй забыть свое знакомство съ нимъ. Гдѣ-жъ при такой обстановкѣ не выпить. и вотъ потому-то я и выпью.

Выпитая водка стала сильно дѣйствовать на Громова. Бюнецъ своей рѣчи онъ говорилъ уже совершенно путаясь и запинаясь. Самарскій молчалъ. Самоваръ тихо попискивалъ свою жалобную пѣсенку, свѣча нагорѣла и тусклымъ свѣтомъ обдавала и задумавшагося хозяина, и задремавшаго гостя.

IX.

БЕНЕФИСНЫЕ хлопоты.

Дни проходили за днями. Наступила и пятница, въ которую Самарскому предстояло получить недоплаченное жалованье, но сборы дѣйствительно были плохи и денегъ въ кассѣ оказалось едва-едва достаточно для уплаты не особенно обильныхъ вечеровыхъ расходовъ и тѣхъ малыхъ крупицъ, которыя достались на долю Николая Николаевича.

— Вотъ вамъ, батюшка, все, что могу дать, то и дамъ. Сами видите, не виноватъ, распинался Сусликовъ. — Всѣмъ другимъ отказалъ, чтобъ только помочь вамъ. За то какой сюрпризецъ я вамъ приготовилъ, говорилъ онъ уже заискивающимъ тономъ, тѣмъ тономъ, которымъ говорятъ дѣтямъ провинившіеся передъ ними няньки или родители. — Извините, ужъ безъ вашего вѣденія распорядился для общей пользы. Вы сердиться не будете. Бенефисныя вамъ во вторникъ назначилъ. Только вы не бойтесь, не вамъ, предупредилъ онъ желавшаго ему возразить Самарскаго. — Вамъ-то будетъ своимъ чередомъ, а это номинальный. Въ убытъ не будете. Развезете билетки по домамъ, преміи навѣрно будутъ...

— Зачѣмъ-же это я развозить буду? Публика знаетъ кассу и

— Экій вы какой, затараторилъ снова Сусликовъ. — Зн

я это очень хорошо, да ужь принято такъ во всѣхъ городахъ россійской имперіи, чтобы бенефицианты сами первые ряды развозили. Ужь тутъ, батенька, ничего не подѣлаешь. Такъ я вамъ, отецъ, благословясь, въ воскресенье и билетики отсчитаю? А?

— Право, я не знаю. Неужели это такъ водится? Вѣдь согласитесь сами, нерѣшительно говорилъ Николай Николаевичъ, — вѣдь это мерзость. Явиться незваному въ домъ, навязывать билеты...

— Знаю самъ, что оно странно какъ-то; да что-же вы подѣлаете съ публикой? Впрочемъ, если вы не хотите, продолжалъ вкрадчиво Сусликовъ, — можете и не входить въ домъ, а послать только капельдинера, который съ нами поѣдетъ. Только толку отъ этого мало будетъ; пожалуй, публика обидится. Охъ, да и упрямый-же вы какой! Зналъ-бы, такъ и не предложилъ-бы вамъ, воскликнулъ антрепренеръ, замѣтивъ нерѣшительность Самарскаго. — Вѣдь говорю я вамъ, что это для общественнаго нашего блага дѣлается. Видите сами ясно, сборы-то какіе, а васъ въ городѣ любятъ, примутъ васъ вездѣ, такъ и для вашего собственнаго бенефиса вамъ выгодно съ публикой познакомиться. А ужь и пьеску-же я выбралъ, продолжалъ Сусликовъ и, какъ-бы для нагляднаго объясненія прелести выбранной имъ пьески, звонко чмокнулъ кончики своихъ, какъ и всегда грязныхъ, пальцевъ. — Ну, такъ по рукамъ, что-ли? воскликнулъ онъ послѣ небольшого молчанія, видя раздумье Николая Николаевича.

Самарскій не зналъ, на что ему рѣшиться. Не особенно правилось ему предложеніе, да и отказаться было неловко, такъ какъ ему видимо оказывалось предпочтеніе передъ другими, да и въ видахъ общей пользы хорошіи бенефисы могъ быть сильной поддержкой упавшихъ сборовъ театра. Онъ согласился.

— Такъ я ужь и афишечками распоряджусь, затараторилъ вновь ожившій Сусликовъ. — Какъ вы думаете, побольше ихъ закатить, такъ листика въ два, или поменьше, полосатая? Досадно, банальство, клише-то у меня уврало, а то-бы съ виньеточкой припустить можно. Я ужь лучше, рѣшилъ онъ, не дожидаясь отвѣта, — двухцвѣтную пушу. Больше въ глаза будетъ бросаться. Такъ въ воскресенье, милушка, вы ко мнѣ заѣдете, такъ я вамъ и билетики... Что тебѣ? обратился онъ уже къ вошедшему плотнику.

— На сцену пожалуйте. Стеколь надо.

— Сейчас. Извините...

И Сусликовъ, не дожидаясь отвѣта, быстро вскочилъ съ своего мѣста и скрылся за дверьми.

„Что-же я буду дѣлать? думалось Самарскому, когда онъ брелъ къ себѣ на квартиру. — Вотъ вѣдь и согласился. Что у меня за характеръ такой поганый, никакой силы воли нѣтъ. Вотъ теперь и унижайся, какъ какой-нибудь бродяга, и стучи подъ окошкомъ: подайте, молъ, Христа-ради“.

Да, отказаться уже было невозможно. Цѣлый день Самарскій былъ въ скверномъ настроеніи духа. Онъ даже уже рѣшился идти съ отказомъ къ Сусликову, но, дойдя до перваго угла, увидалъ прибитый къ нему аншлагъ, возвѣщавшій о предстоящемъ его бенефисѣ, съ заманчивымъ названіемъ одного изъ тѣхъ сценическихъ произведеній, которымъ имя легионъ. Самарскаго передернуло. Ему волей-неволей приходилось быть героемъ заявленнаго спектакля и угощать публику драматической страшной самого сомнительнаго достоинства.

„Выпить, что-ли, мелькнула-было у него мысль;—можетъ быть, легче будетъ?..“

Незамѣтно наступилъ и тотъ день, въ который Самарскому надо было ѣхать съ визитами. Рано поднялся онъ. Ему хотѣлось-бы спать подольше, но сонъ, какъ на зло, бѣжалъ отъ него, не давая забыть хотя на время предстоящее путешествіе. Билеты онъ получилъ наканунѣ отъ Сусликова съ точной инструкціей, куда надо было ѣхать и у кого побывать.

— Да, впрочемъ, окончили антрепренеръ свою рѣчь, — Гаврило съ вами поѣдетъ, онъ всѣ мышиныя норки въ городѣ знаетъ. Завтра утречкомъ я вамъ его откомандирую и съ Богомъ по морозцу въ добрый часъ.

Общанный чичероне не заставилъ себя долго ждать. Едва Самарскій успѣлъ проглотить стаканъ чая, какъ послышался стукъ въ двери и явился Гаврило во всемъ блескѣ своего величія, доложивъ, что извозчикъ припасенъ и хотъ сію минуту готовъ къ услугамъ бенефицианта. Недолго продолжались сборы Николая Николаевича. Облечшись въ фракную пару и натащивъ свѣжія перчатки, онъ отправился въ путь съ своимъ проводникомъ.

— Бъ кому-же мы теперь поѣдемъ? спросилъ его Самарскій, когда сани тронулись съ мѣста.

— Да перво-на-перво надо къ инженеру здѣшнему съѣздить.

— Бъ какому-такому инженеру?

— Да къ Лаврентію Александровичу. Важный баринъ. Онъ казармы здѣшнія строить.

— Далекъ это?

— Близехонько. Бъ Лаврентію Александровичу, скомандовалъ Гаврило.

Миновавъ два-три переулка, сани остановились у чистенькаго одноэтажнаго дома съ зеленой крышей и такими-же ставнями. Сзади дома торчали сучья сада. Сторы въ окнахъ были спущены. Хозяева видимо еще спали.

— Еще спятъ, кажется, замѣтилъ Самарскій, бросивъ бѣглый взглядъ на спущенныя сторы.

— Должно быть, такъ, отвѣтилъ невозмутимый Гаврило, со-скакивая съ облучка.

— Какъ-же быть-то?

— Чего это?

— Да будить-то вѣдь неловко.

— Ничего, разбудимъ. Вставать пора.

— Это по-твоему пора, а... попытался-было возразить Николай Николаевичъ, но усердный Гаврило уже дернулъ за звонокъ и въ домъ послышался лай, повидимому, большой собаки.

Прошло нѣсколько минутъ. Никто не шелохнулся. Точно вы-верли всѣ въ домъ.

— Оставь, Гаврило, началъ снова Самарскій. — Видишь, спятъ еще. Поѣдемъ дальше.

— Эдакъ ѣздить, такъ и дѣтишкамъ на молочишко не себе-решь, сердито отозвался чичероне и еще сильнѣе дернулъ за звонокъ, причемъ снова отблкнулась собака. — Экъ вѣдь, прости Господи, черти, дрыхнуть! проворчалъ онъ сердито, когда снова прошло нѣсколько времени, и хотѣлъ въ третій разъ дернуть ко-льчикъ, какъ изъ калитки воротъ выглянула фигура въ гряз-номъ пиджакѣ, подпоясанномъ сомнительной чистоты фартукомъ, въ выгнутой фізіономіей и включенной головой.

— Что надо? послышался сердитый вопросъ.

— А ты кто такой?

— Я-то?

— Да, ты-то.

— Кто я такой, про то мнѣ знать. Камердинеръ, вотъ кто!

А вамъ что нужно?

— Барина нужно.

— Спать еще. Да вамъ что нужно-то?

— Дѣло опять-таки не твое. Коли барина спрашиваю, стало нужно его, а не тебя, пугало воронье.

— Я, пожалуй, разбужу. Да вы кто такіе будете?

— Иди. Скажи, молъ, актеры съ бенефисомъ пріѣхали. Привезли, молъ, билеты въ театръ.

— Такъ это вы за этимъ-то? Эхъ вы, голоштанники! Ишь что выдумали! Барина буди. Да я тебѣ такого барина задамъ, что до новыхъ вѣнниковъ не забудешь!

— Ты невѣжества-то не говори!

— Невѣжества! А это порядокъ по чужимъ домамъ таскаться да добрыхъ людей будить? Невѣжество!.. Не проѣдайся, братъ, мелкихъ нѣтъ!

Калитка захлопнулась.

— Болванъ ты, осель, доругивался Гаврило, подхожда къ саянямъ, гдѣ, утнувшись въ воротникъ пальто, сидѣлъ Самарскій.

— Ну, народецъ! продолжалъ ворчать Гаврило, уже усѣвшись на облучекъ и приказавъ ѣхать къ купцу Охлопкинцу. — Вотъ ужъ одно званье, что „хамово отродье“. Погоди ты у меня! Увижу Лаврентія Александровича — пожалуюсь. Напрѣветъ ужъ тебѣ, ворчалъ онъ, повертывая голову къ мѣсту пораженія.

Самарскій молчалъ. Омерзительная сцена съ лакеемъ точно тупымъ ножомъ рѣзала его непривычную къ подобнымъ картинамъ душу.

— Да вы не безпокойтесь, обратился къ нему Гаврило, когда закипѣвшая въ немъ желчь начала мало-по-малу утихать. — Мы свое возьмемъ. Вѣдь это только хамово отродье такъ раскудалталось, а баринъ у него добрѣющій.

Николай Николаевичъ ничего не отвѣтилъ. Ему хотѣлось болѣе не продолжать своего христорадничанья; но пока онъ думалъ, сани снова подкатили къ чьей-то квартирѣ и расторопный Гаврило,

слетѣвъ съ облучка, скрылся въ подъѣздѣ и уже звонко шлепаль по лѣстницѣ, ведущей во второй этажъ.

— Пожалуйте, просать самихъ, заговорилъ онъ черезъ нѣсколько минутъ, выскакивая изъ подъѣзда и открывая полость.

— Зачѣмъ-же мнѣ самому-то идти?

— Нельзя-съ, порядокъ такой. Лично отъ васъ получить хотѣть.

Самарскій нехотя сталъ вылѣзать изъ саней. Поднявшись во второй этажъ, онъ очутился въ довольно приличной передней и, снявъ пальто по приглашенію опральной служанки, вошелъ въ небольшую комнату въ три окна. Въ комнатѣ никого не было. Некрашенный, чисто вымытый полъ слегка поскрипывалъ подъ его ногами. На стѣнкѣ симметрично были повѣшены двѣ литографіи: „Весна“ и „Лѣто“, между которыми красовался вышитый гарусомъ турокъ съ необыкновенно длинной трубкой и необыкновенно уродливой красавицей. Мебель была краснаго дерева и покрыта чехлами. Двѣ канарейки на окнахъ, два, три горшка герани и божьяго дерева, въ переднемъ углу потемнѣвшая икона въ дорогомъ окладѣ, съ массивной серебряной лампадкой, подъ которой было повѣшено стеклянное яйцо. Кошка шархнула изъ-подъ дивана при появленіи Самарскаго. За дверью слышались чьи-то голоса и позвякивала посуда. Подойдя къ окну, Самарскій томительно сталъ ждать. Прошло нѣсколько минутъ и уже въ его головѣ мелькнула спасительная идея благородно ретироваться, но въ это самое время въ одной изъ смежныхъ комнатъ послышались чьи-то тяжелые шаги, а вслѣдъ за тѣмъ скрипнувшая половинка двери дала знать о вошедшемъ хозяинѣ дома. Вошедшій былъ мужчина невысокаго роста, лѣтъ сорока пяти, съ небольшою рыжеватой бородой, съ небольшимъ количествомъ волосиковъ на головѣ, расчесанныхъ по-православному и, несмотря на свою скудость, аккуратно подстриженныхъ въ кружокъ. Ноги, одѣтыя въ кенги, прятались подъ холщевымъ халатомъ съ красною кумачною опушкой.

— Вотъ, братъ, люблю молодца за обычай, обратился хозяинъ къ Самарскому, когда тотъ было началъ рекомендоваться. — Что хорошо, то хорошо. Почетъ люблю. Ну садись, гостемъ будешь. Вѣдку пьешь? Какъ, чай, не пить. По вашему дѣлу безъ смазки ни-

какъ невозможно, да и тѣмъ болѣе время-то теперь съ небольшимъ малое, такъ и долбанемъ по собачкѣ.

Самарскій отказался.

— Ишь вѣдь какъ вратъ-то приучился, собачій сынъ. Ну, да я не баба, при мнѣ можно. Ну-ка по маленькой чебурахнемъ, угощаль снова хозяинъ, когда не прошло и трехъ минутъ по его появленіи, какъ уже на столѣ у дивана, точно по щучьему велѣнію, явился графинъ и закуска.

— Не пью я.

— Знаю, что не пьешь, только въ горло льешь! Полно, братъ, чванныхъ не терплю. Пей, говорю. Не хочешь? ну и наплевать. Зачѣмъ тогда пріѣзжалъ?

— Бенефисъ мой во вторникъ, такъ не угодно-ли посѣтить театръ.

— Ишь вѣдь, до денегъ такъ охочь, а удовольствіе мнѣ сдѣлать—такъ буди тебя! Выпей рюмку—возьму билетъ. Не выпьешь—проваливай.

Самарскому вся эта сцена стала дѣлаться противной. Онъ взялся за шапку.

— Водки я не пью, а если вамъ билета не угодно, то мое почтеніе. Извините, что побезпокоилъ васъ.

— Ишь вѣдь неугомонъ какава. Ну, чортъ съ тобой. Проваливай! Послушай, милый, остановилъ хозяинъ Николая Николаевича, когда тотъ, поклонившись, сталъ направляться къ дверямъ.— Ну, потѣпъ, голубчикъ. Ну ради Христа. Ну, выпей ты рюмку, говорилъ онъ уже заискивающимъ тономъ.—Ну, ей-богу, красненькой не пожалѣю, накину еще, выпей ты только со мною.

— Я ужъ вамъ говорилъ, что не пью ничего и пить не буду, какой вы, право!

Самарскому становилось и грустно, и смѣшно.

— Ну, хоть эстолько.

Хозяинъ указаль на кончикъ мизинца.

— Что-же вамъ такъ хочется, чтобы я непременно выпилъ?

— Да ужъ близиръ такой нашель. Ну, и деть, что-ли?

— Я, право, никогда не пью, только для васъ развѣ четверть рюмки.

— Вотъ люблю молодца за обычай, воскликнулъ хозяинъ та-

кинь радостнымъ тономъ, какимъ, вѣроятно, долженъ былъ закрывать Колумбъ, въ первый разъ увидавъ Америку.

— А вотъ теперь, продолжалъ онъ, когда Самарскій черезъ силу хлебнулъ изъ рюмки,—и о комерціи потолкуемъ. Дай ты мнѣ пару что ни на есть лучшихъ билетовъ. Ты мнѣ лучше особенно посрединѣ два стула поставь. Идетъ, что-ли?

— Невозможно этого. Мѣста все въ рядъ. Я вамъ предложу билетъ въ первомъ ряду.

— А почему невозможно? Врешь! Для насъ все возможно. А нельзя, такъ и наплевать. Стало намъ и вашей комедіи смотреть невозможно. Вотъ что. Деньги получай и на насъ потрафляй. Вотъ какъ у насъ. Идетъ, что-ли? А?

— Развѣ на приставныхъ мѣстахъ сядете. Они будутъ отдѣльно.

— Ты мнѣ скажи, буду я сидѣть съ сыномъ отдѣльно? Боли мнѣ въ храмѣ божиемъ особое мѣсто есть за рѣшеткой на клиростѣ, и туда никого не пускаютъ, такъ какъ же мнѣ невозможно въ твоемъ балаганѣ одному сидѣть? А? Я тебя спрашиваю.

— Извольте. Я прикажу для васъ съ боку два отдѣльных мѣста поставить, согласился Самарскій, чтобы какъ-нибудь скорѣй отвязаться отъ своего собесѣдника, и подаль ему два билета.

— То-то-же. Денегъ тебѣ получать сколько?

— А ужъ это сколько вамъ будетъ угодно. Въ кассѣ они стоятъ три рубли.

— Ну ужъ и три! Дешевле отдашь, если поторговаться.

— У насъ не торгуются.

— Ну вотъ еще. Два возьмешь?.. Ну, два съ четвертакомъ хочешь... и то для сына беру только, ужъ присталъ ко мнѣ больно, надбавилъ хозяинъ, когда Самарскій протянулъ было руку за билетами.—Ну, ладно, три дамъ, только уступи ты мнѣ на прибавку для приказчика моего какое-нибудь дешевенькое мѣстнышко.

— И этого сдѣлать не могу. Билеты все на счету. За каждыи изъ нихъ я долженъ отвѣчать деньгами изъ своего бармана, а я не настолько богатъ.

— Что ты мнѣ резоны-то подводишь! Самъ, братъ, лучше тебя знаю. Нешто мы тоже не торгуемъ? Ты еще не родился, а это ужъ въ старшихъ приказчикахъ жилъ. Развѣ мы тоже ува-

женія не дѣлаемъ покупателямъ? Иной разъ вершка два, три лишнихъ прикинемъ. [На что хлѣбникъ, такъ и тотъ крендель или сухарь на привѣсъ даетъ. Ну, идетъ, что-ли?

— Невозможно. Никакъ не могу.

— Ну, такъ и убирайся. Не надо. Прощай, проваливай.

— Эй, уступи, остановилъ онъ снова Самарскаго, когда тотъ, взявъ билеты обратно, рѣшительно направился къ дверямъ.

— Извините, но при всемъ моемъ желаніи не могу.

— Ей-богу не можешь? Ну, давай, такъ и быть. Дорогонько, братъ. Ну, да ужъ за то, что самъ пріѣхалъ. Тоже вѣдь и вашему брату жить надо. На, разживайся, продолжалъ онъ, вытаскивая изъ объемистаго бумажника трехрублевою депозитку.— Смотри-же ты у меня, чтобъ мѣста особенныя. Представленіе-то хорошее будетъ? Ну, ладно. Выпей на дорожку-то. Ей-богу выпей еще....

Но ужъ Самарскій ничего не слушалъ и, наскоро раскланавшись съ хозяиномъ и торопливо накинувъ на себя пальто, быстро сбѣжалъ съ лѣстницы и, бросившись въ сани, вопреки своему обыкновенію, громко выругался.

— Что, сударь, неужели вамъ нашъ купецъ не понравился? спросилъ его Гаврило, когда экипажъ снова тронулся.— Крутенекъ онъ, точно, а мужикъ все-же добрый.

Николай Николаевичъ ничего не отвѣчалъ. Набѣжавшая злоба положительно душила его. Самолюбіе, оскорбленное до крайности, волновало его молодую кровь.

— Къ кому же мы теперь ѣдемъ? спросилъ онъ, послѣ небольшого молчанія, своего спутника.

— Къ Носовымъ, помѣщикамъ здѣшнимъ. Военный онъ, генералъ въ отставкѣ. Усадьба ихъ недалеко отсюда, такъ они каждый годъ сюда на зиму жить переѣзжаютъ. Семейство часто ихнее въ театрѣ бываетъ. Можетъ, замѣтили—двѣ барышни такія бѣлесоватенькія. Господа хорошіе. Сама генеральша-то крутенька, говорятъ, съ прислугой шибко дерется. Позапрошлый годъ ее къ мировому таскали, да спасибо, что мировой-отъ знакомый, такъ штрафомъ откупилась, а то бы... Стой, стой, [закричалъ чичероне, прерывая свое краснорѣчіе, когда сани чуть-чуть не проѣхали подъѣзда едва-ли не единственнаго въ городѣ каменнаго

дома, погѣщавшагося на оврагѣ, въ которомъ былъ разбитъ городской садъ.

Не прошло двухъ-трехъ минутъ, какъ Самарскій по приглашенію Гаврилы сначала очутился въ прихожей, а затѣмъ, въ сопровожденіи довольно растрепаннаго лакея, въ столовой, гдѣ все генеральское семейство сидѣло за чаемъ.

— Очень радъ. Прошу покорно садиться, встрѣтила Николая Николаевича, не поднимаясь съ своего мѣста, сѣдая личность въ довольно поношенномъ генеральскомъ пальто. — Семейство мое. Жена моя, указавъ генераль на дебелую даму среднихъ лѣтъ въ пестромъ капотѣ и бѣломъ чепцѣ, изъ-подъ котораго выбивались пряди начинавшихъ уже сѣдѣть, но когда-то какъ смоль черныхъ волосъ. — Дѣти, продолжалъ рекомендовать генераль, указывая на двухъ барышень, похожихъ на отца, отличавшихся безкровными, тощими лицами, мутными зеленовато-сѣрыми глазами, плоскъмъ станомъ и бѣлесоватыми волосами. — Очень радъ, садитесь, повторилъ снова генераль свое приглашеніе. — Благодарю, что пріѣхали. Я, вы знаете, всегда въ театрѣ. Je suis toujours au théâtre, зачѣмъ-то перевелъ онъ по-французски. — Въ молодости, бывало, въ столицахъ не проходило дня безъ театра. Щепкина помню, Асенкову, Сосницкаго. Да-съ, это актеры были. Теперь все молодежь. Вы вѣдь не помните ихъ? Нѣтъ, разумѣется. Да и пьесы-то какія были! Напримѣръ: Ермакъ, Гамлетъ, Дмитрій Донской. А? Да, Дмитрій Донской, говорю. Этотъ, напримѣръ, Бенвенуто Челини... и все стихами:

И зрю передъ собой колѣнопреклоненна
Врага ужаснаго, державна, полоненна!..

продекламировалъ генераль. — А теперь что, а? Водевиль, — да. Тру-ля-ля все. Бывало это Асенкова въ „Царствѣ женщинъ“ выйдеть, такъ я вамъ...

— Сержъ! Ты опять, перебила генеральша. — Ужь ты начнешь вспоминать старое, такъ никогда не кончишь.

— А?! Нельзя, матушка. Хорошее всегда вспомнить пріятно. Такъ вотъ я вамъ и говорю...

— Не угодно-ли вамъ чаю? снова перебила генеральша, обращаясь къ Самарскому.

— Да, чаю не угодно-ли? предложилъ и хозяинъ.

Самарскій отказался.

— Такъ вотъ я вамъ и говорю. Когда, бывало, это Асенкова выйдетъ, такъ это вѣдь прелесть что такое. Во-первыхъ, декольте. Что за бѣсъ!.. Что за...

— Сержъ!

Генеральша строго взглянула на мужа и покосилась на дочерей. Улыбка его изъ сладкой превратилась въ прѣсную.

— Вы давно уже на сценѣ? перебила снова хозяйка красно-рѣчіе своего мужа.

— Нѣтъ, первый годъ.

— Скажите пожалуйста?! Я думала, уже давно. Вы совсѣмъ un talent formé. Скажите, много вы получаете? Этотъ Сусликовъ, à ce qu'on dit, ужасный... какъ-бы это выразиться?..

— Ернигъ, подсказалъ генераль.

— Сержъ!

— Что-жь, матушка, это слово русское, народное. Употребляется даже въ печати, и...

— И довольно! Такъ вашъ бенефисъ будетъ во вторникъ? Очень приятно.

— И если вашему превосходительству будетъ угодно его посѣтить, то...

— Очень приятно, очень приятно, съ улыбкой поспѣшила перебить генеральша, которой видимо поправилось названіе превосходительной. — Но, видите, у исправника вечеръ и мы приглашены. Мнѣ досадно, ужасно досадно, что мы лишаемъ себя удовольствія быть у васъ, но вы выбрали такой неудобный день. Есои-тез, m-r Samarski, нельзя-ли вамъ перемѣнить?

— Невозможно. Это зависитъ не отъ меня. Извините, что побеспокоилъ васъ, проговорилъ Николай Николаевичъ, приподнявшись съ своего мѣста.

— Позвольте, однако. Я-то могу быть, во всякомъ случаѣ, не надолго, возразилъ генераль. — Пожалуйста мнѣ одинъ билетъ.

— Но, Сержъ, тебѣ надо будетъ везти Лизу.

— Она и съ вами можетъ ѣхать. Позвольте. Вотъ такъ. Я сейчасъ.

Генераль скрылся за дверями.

— Вы ужасно неудобно выбрали день. У васъ, вѣроятно, мало будетъ народу, старалась оправдаться генеральша. — Какое? об-ратилась она уже къ вошедшему лакею.

- Ихъ превосходительство васъ просятъ.
 — Зачѣмъ?
 — Не знаю-съ.
 — Хорошо, ступай... Вы у многихъ уже были?
 — Въ двухъ, трехъ мѣстахъ.
 — У madame Донцовой были?
 — Нѣтъ еще.

— О, поѣзжайте. Elle est une femme un peu excentrique, но она страстно любить театръ... и, насколько мнѣ кажется, интересуется вами. О, да! Еще какъ!.. Что такое? обратилась она уже къ мужу, который, пріотворивъ дверь, манилъ ее рукой.— Pardon, извинилась генеральша передъ гостемъ и тоже скрылась за дверьми.

Самарскій остался съ барышнями. Одна изъ нихъ, низко наклонившись надъ чашкой, маленькими глоточками черпала ложечкой чай, другая, почему-то сконфузившись, крошила на мелкіе кусочки ломотокъ булки.

— Вы много веселитесь? рѣшился онъ спросить одну изъ барышень. Та подняла на него немного раскосые глаза, отчего-то еще болѣе сконфузилась, причемъ румянецъ какъ-то странно выступилъ у нея на самой макушкѣ щекъ, окрасивъ кончикъ носа и лобъ надъ бровями.

- Нѣтъ.
 — Много выѣзжаете?
 — Нѣтъ.

Крошки стали дѣлаться еще мельче. Наступила пауза. Изъ соседней комнаты доносились отрывочныя фразы оживленнаго разговора на смѣшанномъ русскомъ и французскомъ языкѣ:

- Mais, Varbe, я васъ прошу, je vous prie...
 — Я вамъ сказала: c'est assez.
 — Но, понимаете, il est venu lui même.
 — Что-жъ такое? Deux roubles c'est assez.
 — Еще цѣлковый.
 — Не дамъ. И то глупости. Совсѣмъ inutile d'y aller.

Самарскаго коробило. Барышни покраснѣли обѣ и еще прилежнѣе занялись своимъ дѣломъ.

— Pardon, monsieur. — Генеральша снова появилась въ столовой. — Хозяйство, vous comprenez. Сама иногда не рада бываешь.

Николай Николаевичъ поднялся прощаться.

— А за билеты? Сейчасъ, сейчасъ. Appelez donc rара, обратилась она уже къ дочери.

Войдя въ залу, Самарскій увидалъ его превосходительство у окна. Онъ былъ чѣмъ-то взволнованъ и крутилъ усы.

— А, вы уже того, какъ-то переконфуженно пробормоталъ онъ.—Благодарю. Вотъ.

Что-то скожбанное очутилось въ рукахъ госта...

— Ну, теперъ къ Донцыхъ поѣдемъ, сударь, сказалъ Гаврило, когда сани тронулись отъ генеральскаго подъезда.

— Куда хочешь, согласился Самарскій. „Что за народы такіе? думалъ онъ, между тѣмъ какъ застоявшаяся лошаденка бойко тащила сани.—Идіоты какіе-то. Сами хотятъ казаться болѣе или менѣе порядочными, и первому встрѣчному дѣлаютъ дерзости“.

— Вотъ и пріѣхали, перебилъ Гаврило думы Самарскаго, когда сани остановились у небольшого палисадника передъ одноэтажнымъ домошъ въ четыре окна, съ подъездомъ, къ которому вела тщательно расчищенная и посыпанная пескомъ дорожка.—Пожалуйте.

— Да, можетъ быть, не принимаютъ?

— Принимаютъ, принимаютъ-сь, утвердительно отвѣчалъ Гаврило.

— Ты почему знаешь?

— Вчера еще, какъ афишки ваши носилъ, такъ сама барня изволила спрашивать, будете-ли вы, и наказывала непременно васъ привезти.

— Не знаешь, какъ ее зовутъ?

— Марьей Михайловной. Пожалуйте-сь.

Гаврило отдернулъ полость и, для вящаго эффекта, подъ локоть помогъ Самарскому выйти изъ саней.

Пройдя къ крыльцу, Николай Николаевичъ дернулъ мѣдный, ярко вычищенный звонокъ.

— Пожалуйте, дома-сь, встрѣтила гостя смазливенькая, опрятно одѣтая горничная послѣ вопроса: дома-ли барня?

— Пожалуйте въ гостиную, сейчасъ доложу барня. продолжала она, снимая съ Самарскаго пальто и отворяя дверь въ уютную, если не съ особенно большимъ вкусомъ, то съ претензією на комфортъ обставленную комнату. Стѣны перловаго цвѣта съ золотымъ

багетомъ были увѣшаны фотографическими портретами и видами, двѣ-три статуэткы, портретъ во весь ростъ масляными красками тонной блондинки въ бальномъ платьѣ очень декольте, пьянино съ разбросанными по немъ нотами, мягкая голубая ситцевая мебель, шифоньерка, попугай въ бронзовой клѣткѣ, нѣсколько альбомовъ съ карточками, лайковая перчатка на три пуговицы, забытая на столѣ, коверъ и лампа съ розовымъ колпакомъ, — все это мигомъ кинулось въ глаза молодого человѣка, которому не долго пришлось ждать, такъ-какъ на порогѣ появилась сама хозяйка дома.

Женщина эта принадлежала неизвѣстно къ какому возрасту. Такихъ женщинъ встрѣчается не мало. Дойдя до извѣстнаго возраста, онѣ точно наружно замерзаютъ, и если неумолимое время и кладетъ на ихъ щеки предательскую морщинку или заставляетъ тускнѣть ихъ глазки и подчасъ серебрить виски, то съ помощью тайнъ, доступныхъ этимъ созданіямъ, — тайнъ, которыя повѣряются лишь буаферу или горничной, — красота остается почти неприкосновенной и только опытному наблюдателю удается замѣтить искусственную ея поддѣлку. Такова была и Марья Михайловна. Хотя уже ей давно стукнуло тридцать и время клонилось къ тому, что называется бабьимъ вѣкомъ, но ея высокій ростъ, хорошо сложенная фигура, кокетливый туалетъ и тѣ маленькія тайны дѣлали изъ нея женщину далеко не дурную, напротивъ того, способную, хотя и при нѣкоторомъ усилии, одержать побѣду надъ пылкимъ юношескимъ сердцемъ.

— Наконецъ-то вотъ и вы, встрѣтила она Самарскаго, протягивая ему еще вполнѣ сохранившуюся, маленькую ручку съ прекрасно обточенными ногтями, ясно обличавшими не одинъ часъ, потраченный ихъ обладательницей на приведеніе ихъ въ должную форму и прозрачность. — Я ждала васъ. И не грѣшно, не грѣшно было не заглянуть раньше? Не подумать, что въ такомъ-то городѣ живетъ ваша горячая поклонница? Не искать случая знакомства? Стыдно, стыдно... Однако, что-же я! Сядемте.

Марья Михайловна ловко умѣстилась на козетку, причемъ нежного откинутае назадъ платье предательски дало выглянуть на свѣтъ Божій небольшой ножкѣ, щегольски обутой въ ажурный шелковый чулокъ и вырѣзную ботинку.

— Садитесь здѣсь. — Хозяйка указала на табуретъ возлѣ себя. — Вурите? Нѣтъ? Не можетъ быть! О, да напротивъ. Я

въ этомъ случаѣ настоящій турокъ, ха, ха, ха! — Она мило расхоталась и взялась за звоночекъ. — Кофе или шеколаду? спросила она Самарскаго, когда въ комнату вошла та-же горничная. — Разумѣется, шеколаду. Я только-что встала. Это тоже моя маленькая слабость. Скорѣй, Настя! распорядилась она, не дожидаясь отвѣта Самарскаго, и, мило облокотясь на диванъ, достала изъ серебрянаго портсигара папирску и закурила.

— Ну-съ, говорите, продолжала хозяйка, играя кончикомъ своей ботинки. — Я ужасно люблю, когда мнѣ говорятъ. О, я ужасно люблю. Вы знаете, театръ — это моя страсть. Мнѣ ужасно хочется поступить на сцену. Я очень хорошая актриса. Я три раза играла въ любительскихъ спектакляхъ въ Москвѣ. Вы не вѣрите? Не вѣрите?

— Я не имѣю никакого права сомнѣваться.

— Нѣтъ, право. Какъ вы думаете, могла-бы я быть актрисой?

— Отчего-же нѣтъ.

— Нѣтъ, я вамъ не вѣрю. Нисколько не повѣрю. Да развѣ можно вѣрить актеру? Ему смѣшно вѣрить.

— Отчего-же?

— Отчего? Да оттого, что у актера не можетъ быть чувства. Все это искусственно, выучено. Все, что онъ говоритъ, все это онъ раньше знаетъ наизусть. Ну, сознайтесь. Когда-бы вы стали объясняться въ любви, право смѣшно-бы было повѣрить вамъ. Сколько сотъ разъ вы уже признавались въ любви на сценѣ, что-же вамъ стоитъ притвориться на одинъ разъ. Вѣдь такъ? Разумѣется, такъ.

— Стало быть, вы въ актерѣ и душу отвергаете. Стало быть, тотъ, кто выступилъ на подмостки, уже лишается права быть человѣкомъ и въ жизни долженъ дѣйствовать по-заученному и чувствовать не смѣть? Да вѣдь для того, чтобы понять, какъ плачетъ Гамлетъ, Лиръ, Курчаевъ, для того, чтобы изобразить, какъ страдаетъ Чацкій, нужно все это перечувствовать въ тиши кабинета, понять эти страданія, а для этого нужно имѣть душу, и душу не обдѣнную, не мелкую, подчинять все это извѣстному анализу и потомъ уже воспроизводить на сценѣ. А вы говорите...

— Ахъ, нѣтъ. Есть и актеры — люди, и... и прелестные люди. — Хозяйка при этомъ сдѣлала выразительные глазки. — Но все какъ-то

не вѣрятся. Ну, довольно, довольно, вы сердитесь. Простите. Итакъ, продолжала она уже серьезно, — во вторникъ вашъ бенефисъ. Миѣ надо быть. Хорошо. Но... вы не пугайтесь. Условіе тяжелое. Вы за это обязаны бывать у меня. Обязаны — слышите? Миѣ хочется видать васъ у себя. Слышите — хочется. Вы не воображайте, что я въ васъ влюблена, вовсе нѣтъ... Ха, ха, ха! разразилась она громкимъ смѣхомъ, выказавъ при этомъ рядъ слезковокъ хорошихъ зубовъ. — Вотъ вы и покраснѣли. Боже, какъ онъ переконфузился, продолжала она, взявъ за обѣ руки Самарскаго, наклонившись къ нему и смотря ему прямо въ глаза. — Ай, да какой-же вы юный... Но полно, я болтаю и не даю вамъ говорить. Итакъ, рѣшено. Вы у меня будете бывать. Вы музыкантъ?

— Нѣтъ, проговорилъ дѣйствительно смущенный рѣзкостью хозяйки Самарскій; — но я очень люблю музыку.

— Любите? Ну, вотъ и прекрасно. Хотите, я вамъ спою?

— Я-бы послушалъ съ удовольствіемъ... но...

— Безъ ко. Я васъ такъ скоро не отпущу.

— Простите, но миѣ осталось еще нѣсколько визитовъ, а теперь уже скоро часъ.

— Просто отговора. Вы просто не хотите миѣ доставить удовольствія. Ну, сознайтесь, вѣдь такъ?

— Если вы позволите — въ другой разъ.

— Я васъ ловлю на словѣ. Ну, хорошо, успокойтесь. Не буду вѣтъ, съ милой гримаской проговорила Марья Михайловна, снова принимая небрежную позу, причемъ ея ножка еще ядовитѣе показалась у подола и позировала почти рядомъ съ ногой Николая Николаевича.

Ему стало неловко. Онъ приподнялся съ своего мѣста, чтобы уходить.

— Уже? остановила его хозяйка. — Поболтаемте. Вѣдь миѣ такъ рѣдко удается видѣть хоть одну живую душу. Я живу совсѣмъ отшельницей, тосливо проговорила она. — Пожалѣйте хоть вы меня, бѣдную. О, какъ-бы хотѣлось миѣ, начала она снова интимно, — встрѣтить человѣка, который-бы понялъ меня такъ, какъ-бы миѣ хотѣлось. Съ какой-бы радостью протянула я руку помощи! Знаете, я люблю дѣлать добро. Это въ моей натурѣ. Вы не думайте, что я вамъ фантазирую. Знаете, Самар-

скій, — вы меня простите, что я васъ такъ называю, я уже старуха и гожусь вамъ въ матери, — vous êtes si jeune encore, знаете, если-бы съ вами случилось, Боже сохрани, несчастіе, я-бы первая кинулась къ вамъ на помощь. Не знаю почему, но мнѣ вѣрится въ васъ и... Но, однако, довольно, быстро прервала она свою чувствительную тираду. — Давайте вашъ билетъ.

— До свиданія, до свиданія, слышите? говорила хозяйка уже въ дверяхъ, передавъ Самарскому запечатанный заранѣе конвертъ, отъ котораго пахло прихотливыми саше. — Безъ церемоніи, слышите? А то — враги. Приду въ театръ и шикать буду, ха, ха, ха, захохотала она.

Самарскій общалъ и вышелъ на крыльцо. Лукавая горничная улыбнулась, затворяя за нимъ дверь. Онъ сдѣлалъ два-три шага по дорожкѣ; кто-то забарабанилъ по оконному стеклу. Николай Николаевичъ обернулся. Донцева кивала ему, и когда онъ сѣлъ въ сани и снялъ шляпу, послала ему въ догонку воздушный поцѣлуй. Несмотря на полное нежеланіе, Николай Николаевичъ сдѣлалъ еще нѣсколько визитовъ. Нѣкоторые не приняли, нѣкоторыхъ заставлялъ дома, но въ общемъ все было то-же, съ тою только разницею, что вмѣсто кушца ему приходилось сталебываться съ какимъ-то майоромъ, вмѣсто генерала съ помѣщикомъ, гдѣ уже не жена, а мужъ былъ главою.

— Ну, теперь, батюшка, Николай Николаевичъ, еще къ двумъ тузамъ заѣхать, да и шабашъ, больше такихъ, важись, стоящихъ-то и нѣтъ, сказалъ Гаврило, когда сани тронулись отъ подъезда квартиры эзекютора, который хотя принималъ гостя съ такимъ сознаніемъ своей силы и могущества, что закрадывалась мысль, не соплеть-ли его тотчасъ хозяинъ въ Сибирь, но тѣмъ не менѣе взялъ билетъ, попросивъ подождать денегъ до перваго числа.

— Дай Богъ только застать дома Буренина да во-время пріѣхать, проговорилъ Гаврило.

— Какъ-же это во-время?

— Когда не въ духѣ — и не подходи къ нему, а коли въ духѣ, — озолотить, богатѣющій баринъ.

— И часто это онъ не въ духѣ бываетъ?

— Со временемъ бываетъ. Да вотъ мы человѣка его сейчасъ спросимъ, встаети онъ у крыльца. — Слушай, Петруша, баринъ.

дома? обратился чичероне къ человѣку, который на крыльцѣ камышевой выколачивалъ волчью шкуру?

— Дома.

— Ну какъ они?

— Хороши-съ. Шутятъ.

— Доложи-ка: молю, господинъ актеръ Самарскій съ бенефисомъ пріѣхали.

— Зачѣмъ?

— Съ бенефисомъ, молю. Да ты только доложи, тамъ баринъ самъ знаетъ.

— Доложить-то отчего не доложить. Доложу. Лакей всегда обязанъ.

Человѣкъ ушелъ и черезъ нѣсколько времени впустилъ Николая Николаевича въ роскошно убранный кабинетъ Тимофея Алексѣевича Буренина.

— Очень пріятно, очень пріятно, встрѣтилъ гостя хозяинъ, приподнимаясь съ отоманки, на которой онъ лежалъ, покуривая дорогую гавану и перелистывая свѣжую книжку французскаго романа. — Простите, что встрѣчаю васъ въ неглиже, извинился онъ, залахивая свой сѣрый бархатный съ зеленой атласной отдѣлкой халатъ. — Да и вообще мнѣ совѣстно, зачѣмъ вы сами безпокоились. Прошу васъ.

Хозяинъ указалъ на одно изъ креселъ. Самарскій сѣлъ.

— Такъ вы съ бенефисомъ? началъ снова Тимофей Алексѣевичъ.

Произошла легкая пауза, во время которой Самарскій успѣлъ взглянуть на хозяина. Буренинъ былъ человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, съ небольшою лысиною и сѣдиною на вискахъ; длинныя, роскошныя бакенбарды обрамляли сильно помятое, хотя не безъ пріятнаго выраженія, лицо. Красивыя руки, обличившія породистость хозяина, были бѣлы и, повидимому, составляли гордость хозяина.

— Такъ вы съ бенефисомъ? снова повторилъ онъ свой вопросъ, расчесывая кончиками изящныхъ пальцевъ бакенбарду. — Премного. Хотя самъ не могу быть, на балу у исправника, но все-таки позвольте билетъ. Какъ-нибудь быть на минуту постараюсь. Идетъ у васъ?

Самарскій назвалъ пьесу.

— Фу, какая старина! Что это вы выбрали такую дрянь! Впрочемъ, здѣшній городъ лучшаго и не стоитъ. Я, признаться сказать, и въ театрѣ-то былъ разъ, и то охоту отбило. Смотрѣлъ у васъ тамъ Даяилу, что-ли. Не будь васъ—со скуки умереть можно. Recevez mes compliments. Да, въ васъ есть... огонекъ. Ce feu sacré! Не дурно, очень не дурно. Хорошенькихъ у васъ актрисъ нѣтъ совсѣмъ. Эта, какъ ее, брюнеточка, не дурна; но манеры, манеры ужасныя! Руки у нея скверныя — красныя. Что она, бѣлиться, что-ли, не умѣетъ?

— Не знаю, да и вниманія особаго не обратилъ.

— Вы передайте ей. Еще тамъ этотъ комикъ у васъ положительно невыносимъ. Старуха тоже. Однимъ словомъ, слабо, слабо. Такъ позвольте мнѣ билетъ, крайній къ проходу.

— Вы такъ разобрали всю нашу труппу, что мнѣ кажется...

— А, вы обидѣлись, молодой человѣкъ! Но я смѣю замѣчать, высказывать свои впечатлѣнія. Я—публика, во-первыхъ, а во-вторыхъ, видалъ столько хорошаго, и въ столицахъ, и за-границей, что въ правѣ дѣлать замѣчанія, сухо перебилъ хозяинъ возраженіе Николая Николаевича.

— Во всякомъ случаѣ, и я вправѣ заступиться за своихъ товарищей. Вы сами говорите, что были одинъ разъ, видѣли, можетъ быть, неудачную пьесу, и сверхъ того требуете отъ насъ равносильнаго исполненія съ актерами большихъ театровъ.

— И вправѣ требовать. Я—публика! Слышите: я—публика, разгорячился хозяинъ.—Наконецъ, я деньги плачу за изащное, а не за собачью комедію. Я къ вамъ нейду, вы сами приходите! Зачѣмъ? Я васъ спрашиваю, зачѣмъ? — Буренинъ окончательно разгорячился и вскочилъ съ своего мѣста.—Это эксплуатація, молодой человѣкъ, эксплуатація! Давайте-же вашъ билетъ, давайте!

Самарскаго взбѣсила выходка хозяина.

— Нѣтъ, билета я вамъ не дамъ, проговорилъ онъ голосомъ, который дрожалъ и отъ волненія, и отъ накопившихся слезъ.—Вы не имѣете права оскорблять честныхъ людей. Мое почтеніе!

— Честныхъ? Порядочные люди не врываются въ чужія квартиры. Мое почтеніе!

— Ты дуракъ, Максимъ, слышишь: дуракъ, бушевалъ хозяинъ.

инъ въ кабинетѣ, когда Самарскій вскочилъ на лѣстницу. — Зачѣмъ принималъ? Кто тебя просилъ? Я! Я!? Врешь, врешь! Не смѣть пускать другой разъ, слышишь—не смѣть!

Голосъ Буренина еще раздавался въ ухахъ Николая Николаевича, когда онъ вскочилъ на улицу.

— Ну, теперь еще къ Мамолину... началъ-было Гаврило.

— Домой, крикнулъ на него Самарскій, въ голосъ котораго слышалось положительное отчаяніе, такимъ тономъ, который заставилъ вздрогнуть Гаврилу и обернуться возницу. — Домой, повторилъ снова молодой человѣкъ, обращаясь къ извозчику, который хлестнулъ вляченку и поворотилъ сани по направленію къ квартирѣ Самарскаго.

(Окончаніе въ слѣд. книгѣ.)

ДВИЖЕНИЕ ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ *).

(СТАТЬЯ ВТОРАЯ.)

II.

ОПЫТЪ АНГЛИИ.

I.

Если мы сравнимъ жизнь Соединенныхъ Штатовъ съ жизнью государствъ материка западной Европы, то самая рѣзкая разница между ними будетъ заключаться въ слѣдующемъ: въ Америкѣ вся масса населенія мыслить самостоятельно; худо-ли, хорошо-ли, а всякій думаетъ, и думаетъ по-своему. Все сколько-нибудь стоящее вниманія, что совершается въ странѣ, разносится по ней посредствомъ непримѣрно распространенной прессы; самая отдаленная деревушка, закинутая въ дебри горъ и въ безлюдье степей, издаетъ газету, не для того, чтобы доставлять чтеніе своимъ обитателямъ, а для того, чтобы подавать міру голосъ о томъ, что въ ней совершается. Репортеры проникаютъ всюду и раскрываютъ всѣ тайны, безстрашное разоблаченіе которыхъ есть первое условіе успѣха газеты и ради него редакторъ не затрудняется даже рисковать жизнью. Каждый день эта пресса раскупается по 1½ коп. за нумеръ и читается въ 12 часовъ дня и въ 6 часовъ вечера вездѣ, гдѣ есть кучка людей, работающихъ вмѣстѣ или собравшихся потолковать, отдохнуть или выпить послѣ работы. Набравшись фактовъ изъ прочтенныхъ газетъ, американецъ идетъ на безчисленные митинги и процесіи, безъ которыхъ онъ не можетъ прожить и нѣсколькихъ дней, и тутъ выработываетъ себѣ общую мысль,

*) См. „Дѣло“, № 8.

которая выливается въ формулу постановленія митинга и дѣлается лозунгомъ борьбы общественныхъ группъ между собою или двигателемъ новыхъ начинаній человѣческихъ массъ. Лишь только на митингѣ обнаружится мнѣніе, за которымъ окажется достаточно приверженцевъ для того, чтобы оно могло получить самостоятельное значеніе, непременно создается или новый митингъ, или новый органъ для проведенія идеи въ массу и осуществленія ея на дѣлѣ. Не такъ дѣлаются дѣла на материкѣ западной Европы; тутъ массы не мыслятъ и не создаютъ посредствомъ своего собственного мышленія политическія силы и политическія партіи, а ждутъ ихъ свыше и подчиняются имъ пассивно. Осязательно этотъ процессъ изображенъ въ повѣствованіи о юности Эдгара Кине. Онъ воспитывается въ средѣ восторженныхъ республиканцевъ и энергическихъ сотрудниковъ „горы“, бывшихъ дѣятелями во всѣхъ выдающихся событіяхъ первой республики; его отецъ ненавидитъ Наполеона—и что-же? Эдгаръ растетъ и ни отъ кого ничего не слышитъ о минувшей республикѣ; окружающіе его, друзья его родителей не проговариваются о ней ни однимъ словомъ. Эдгаръ съ матерью своей не можетъ читать книгъ, имѣющихъ связь съ республикой, потому что онъ не знаетъ ни одного названія, не понимаетъ смысла и значенія рѣчи; но за то онъ узнаетъ множество подробностей о военномъ дѣлѣ, о войнѣ и обо всемъ, что до нея относится, хотя опять-таки ничего не знаетъ о военной политикѣ. Такова европейская система воспитанія массъ. Въ одинъ годъ имъ вбиваютъ извѣстную систему идей, вбиваютъ всѣми способами, вбиваютъ неустанно. На слѣдующій годъ обо всемъ, о чемъ только говорили въ прошломъ, они не слышатъ ни слова, все это безусловно и окончательно имъ забыто; за нихъ опять думаетъ и дѣйствуетъ ограниченныи кругъ лицъ, которому не позволено ничѣмъ выдавать своей тайны. Но вотъ и новая система, о которой трещали безъ умолку, которой гордились и хвалились, оказывается изъ рукъ вонъ плохой; съ ненавистью и злобой она выкидывается за окошко. Слова энтузіазмъ свободы охватываетъ всѣ сердца и снова начинаютъ учить народъ съ азавъ, потому что у него изгладилось изъ памяти все прежнее до послѣдняго слѣда. А между тѣмъ время не ждетъ, населеніе густѣетъ, условія жизни мѣняются. Этотъ образъ дѣя-

ни имѣлъ-бы смыслъ, если-бы вмѣстѣ съ консервативнымъ на-

правленіемъ возвращались и та рѣдкость населенія, и то состояніе промышленности, и та международная обстановка, въ которыхъ потребность новыхъ идей еще не чувствовалась. Люди должны учиться изъ прошлаго, а не бояться и не забывать его. Европейцы сами виноваты, если Соединенные Штаты, несмотря на свои ошибки, имѣли сравнительно съ ними такой блистательный успѣхъ; напрасно европейцы стараются приписать это особеннымъ условіямъ страны; отчего-же въ колоніяхъ, которыя управляются государствами материка Европы, нѣтъ и тѣни того развитія и благосостоянія, которое господствуетъ въ Соединенныхъ Штатахъ?

Инымъ путемъ шла Англія. Нельзя сказать, чтобы обстоятельства, въ которыхъ она развивалась, были такъ благопріятны, какъ это обыкновенно утверждаютъ. Начиная съ XIII столѣтія, втеченіи четырехъ съ половиною вѣковъ, англичане произвели цѣлый рядъ революцій (ихъ можно насчитать до шестнадцати), однакожь, управленіе не перешло въ руки народа; напротивъ, свободолюбивые элементы ушли изъ страны и унесли съ собою свои идеи въ Америку, гдѣ ихъ и осуществили. Народъ извѣрился въ революціи. Тюдоры дѣлали въ Англіи то дѣло, которое позднѣе слѣдовало бы дѣлать во Франціи Людовику XIV, но все опять пошло плохо при ихъ наслѣдникахъ Стюартахъ, которые воспитаны были именно въ такихъ-же превратныхъ политическихъ воззрѣніяхъ, какими послѣдніе Бурбоны погубили себя. Послѣ печальнаго исхода революцій королевская власть находилась въ рукахъ не Тюдоровъ, которые могли-бы принести значительную пользу, а въ рукахъ людей окончательно бездарныхъ и ничтожныхъ. Это привело къ тому, что дѣйствительную власть захватили плутократическіе элементы, которые въ сущности владѣютъ ею и въ настоящее время. Не далѣе, какъ въ іюль 1877 г. Годвинъ Смитъ анализомъ выборовъ въ послѣдній парламентъ доказалъ, что плутократія не только распоряжается парламентомъ, но что при господствѣ современныхъ политическихъ нравовъ и не можетъ быть иначе. До измѣненія этихъ нравовъ, при которыхъ количество денегъ, употребленное на избраніе, имѣетъ существенное вліяніе на результатъ выборовъ, даже расширеніе права голоса будетъ имѣть лишь второстепенное значеніе. Извѣстно, какъ это господство плутократіи привело къ сосредоточенію всей англійской земли въ рукахъ крупнаго землевладѣнія, къ взваливанію

большей части государственныхъ тягостей на массу народа посредствомъ системы акцизовъ и таможенныхъ сборовъ, въ пренебреженіи народнаго образованія и проч. Этимъ вполнѣ объясняется, почему масса англійскаго народа не могла достигнуть того благополучія, какого она достигла въ Соединенныхъ Штатахъ.

Можно даже спросить, почему въ Англии дѣла не кончились такъ-же несчастно распаденіемъ государства и уничтоженіемъ его могущества, какъ въ Польшѣ и Швеціи, а, напротивъ, дали сравнительно блистательный результатъ? Причина заключается въ томъ, что англійская плутократія, несмотря на все свое могущество, никогда не могла водворить въ Англии господства полной нетерпимости. Сигизмундъ польскій былъ именно такимъ-же олицетвореніемъ начала нетерпимости, какимъ Яковъ II былъ въ Англии. Но Сигизмундъ втеченіи необыкновенно продолжительнаго своего царствованія былъ въ этомъ отношеніи въ полномъ согласіи съ дворянствомъ и духовенствомъ и начало нетерпимости пустило въ Польшѣ глубокіе корни, что и погубило ее. Яковъ II, наоборотъ, былъ въ борьбѣ на жизнь и смерть съ дворянствомъ и духовенствомъ. Дворянство и духовенство въ Англии не были, подобно, какъ въ Польшѣ, полновластными господами, которыхъ права были несомнѣнно признаны глубокимъ, вѣковымъ сознаніемъ народа; они втирались во власть, и втирался при такомъ сильномъ сопротивленіи, которое хотя и уступало имъ, но никогда не переставало быть грознымъ для нихъ. Во время революціи при Карлѣ I народъ кричалъ: „смерть гордымъ лордамъ“; когда-же лорды снова вернулись ко власти, они возвратились не такъ, какъ французское дворянство при Людовикѣ XVIII, съ грознымъ намѣреніемъ наказать народъ; они возвратились съ тѣмъ, чтобы примириться съ нимъ и снискать его довѣріе. Стремленіе вкраваться въ довѣріе народа не оставляло ихъ и при Кромвелѣ и никогда они не были отвергаемы такъ рѣшительно, какъ во время первой французской революціи отвергались французскіе сенеры. Вскорѣ при Яковѣ II лордамъ пришлось сдѣлаться демагогами и дѣйствовать народными демонстраціями, а имъ противодействовали воспрещеніями и гоненіями на свободное слово и свободную печать. Лорды и въ своей средѣ, и въ массѣ народа поселили глубокую ненависть къ этимъ гоненіямъ, они явились героями и защитниками политической свободы. Впослѣдствіи, а именно втеченіи XVIII

столѣтія эта свобода стала принимать направленіе, которое было имъ вовсе не по душѣ, но они не только не могли справиться съ нимъ, но даже съ самими собою и съ тѣми привычками, которыя въ нихъ укоренились. Къ крайней досадѣ чистокровныхъ представителей ихъ сословія, демагогическая жилка, вкрадчивость и угодливость передъ народомъ продолжали жить въ ихъ собственной средѣ и, къ удивленію міра, оказалось, что эта неспособность къ чистокровному аристократическому и теократическому мышленію неизмѣнно спасала ихъ въ періодъ континентальныхъ революцій. Они управляли народомъ вполне въ своихъ собственныхъ интересахъ, но они никогда не могли рѣшиться мѣшать проявленію его нуждъ съ той безцеремонностью, съ которой это дѣлалось властями материка Европы. Они никогда не были въ состояніи такъ рѣшительно позировать господами страны, какъ это дѣлало всякое европейское правительство, даже революціонное, или какъ это дѣлали плантаторы въ южныхъ штатахъ.

Первое рѣзко бросающееся въ глаза послѣдствіе этого положенія заключалось въ томъ, что крупное землевладѣніе получило тѣмъ большее, а промышленность, наоборотъ, тѣмъ меньшее развитіе, чѣмъ слабѣе слышался въ государствѣ голосъ нужды народной и чѣмъ менѣе этотъ голосъ привлекалъ къ себѣ слухъ общества. Стэнли, сравнивая Англію и Шотландію, на основаніи новѣйшихъ официальныхъ изслѣдованій приводитъ слѣдующія данныя: въ Англіи владѣльцы, имѣющіе болѣе 1,000 акровъ, обладаютъ пространствомъ въ 17,498,200 акровъ, а въ Шотландіи 17,324,000 акровъ; но за то въ Англіи такихъ владѣльцевъ 4,972, а въ Шотландіи только 1,683, слѣдовательно участки крупныхъ землевладѣльцевъ въ Шотландіи по размѣрамъ своимъ втрое значительнѣе, чѣмъ въ Англіи. Въ Англіи эти крупные землевладѣльцы обладаютъ половиною земли (17½ мил. акровъ изъ 33 мил. ак.), а въ Шотландіи девятыю десятыми страны (17,324,000 акровъ изъ 18,946,694 акровъ). По вычисленію О'Кюнора Морриса, на основаніи тѣхъ-же данныхъ, называется, что если принимать въ соображеніе всякое землевладѣніе, то въ Англіи приходится 1 землевладѣлецъ на 20 жителей, въ Шотландіи 1 на 25, а въ Ирландіи всего 1 на 80. Но если исключить домовладѣльцевъ, то въ Англіи приходится 1 землевладѣлецъ на 64 человѣка, въ Шотландіи 1 на 105, а въ Ирландіи 1 на

130. Третья часть англійской земли находится во владѣніи 1,600 челоувѣвъ, третья часть ирландской во владѣніи 150 челоув. *).

Перейдемъ къ занятіямъ жителей. Занятыхъ производствомъ и торговой сѣбственными припасами и напитками мы раздѣлимъ на двѣ категоріи: на земледѣльцевъ и фермеровъ, занятыхъ производствомъ грубой или обыкновенной растительной пищи, и на такихъ лицъ, которыя производятъ предметы, указывающіе на нѣкоторую степень благосостоянія жителей. Сюда будутъ относиться огородники, садовники, овцеводы, скотоводы, рыбаки, птицеводы, сыровары, мясники, булочники, кондитеры, занятые производствомъ и торговлей пива, вина, сахара, табаку и т. п. На каждое лицо послѣдней категоріи въ Англійи придется менѣе двухъ лицъ первой категоріи, въ Шотландіи болѣе двухъ лицъ первой категоріи, въ Ирландіи же шестнадцать лицъ этой категоріи **). Сравненіе промышленнаго производства и персонала передвиженія съ производителями простой растительной пищи даетъ намъ слѣдующую картину:

	Въ Англійи.	Въ Шотландіи.	Въ Ирландіи.
1) земледѣльцѣмъ занимаются.	1,200,766 ч.	222,682 ч.	873,253.
	(кромя женщ.).	(кромя женщ.).	(кромя женщ.).
2) въ главныхъ отрасляхъ производства и перевозкѣ за- вѣты ***).	2,909,128 ч.	486,380 ч.	358,405 ч.

*) Такъ-какъ читателю интересно получить новѣйшія статистическія данныя, то свѣденія, относящіяся до положенія англійскаго рабочаго класса, я заимствую изъ изданія British manufacturing Industries: The industrial classes and industrial statistics, by G. Phillips Bevan, London, 1876—1877, гдѣ собраны интересныя данныя какъ изъ частныхъ, такъ и изъ официальныхъ источниковъ.

**) Собственно земледѣльцевъ, фермеровъ и рабочихъ на фермахъ. Мельниковъ, булочниковъ, конфекти-
ковъ, пивоваровъ, виноторговцевъ, ири-
сахарныхъ заводахъ, табачномъ произ-
водствѣ, содержателей трактировъ, ко-
фейныхъ, овцеводовъ, огородниковъ, са-
довниковъ, рыбаковъ, сыроваровъ, мя-
сниковъ, птицеводовъ и т. п.

	Мужчинъ.	Мужчинъ.
Въ Англійи	1,200,766	657,940 въ Англійи.
• Шотландіи	222,682	106,341 » Шотландіи.
• Ирландіи	873,253	54,615 » Ирландіи.

***) Данныя взяты для производства каменнаго угля, обработки желѣза, маши-
наго производства, судостроенія, восковыхъ свѣчъ йфарфора и посуды,
фарфоровъ, стекла; сюда-же относятся ублажные заводы, типографіи, переплетныя
и область производства тканей, матерій, одежды, обуви, красильныхъ, шерстя-
ныхъ, шелковыхъ, бумажныхъ, конопляныхъ и проч. выдѣлий, передвиженіе по ка-
мѣннымъ и желѣзнымъ дорогамъ.

Отсюда слѣдуетъ, что въ Ирландіи на каждаго промышленнаго работника приходится около двухъ съ половиною земледѣльцевъ, въ Шотландіи-же, наоборотъ. — на каждаго земледѣльца приходится около двухъ съ пятой промышленнаго работника, а въ Англіи даже около двухъ съ четвертью. Слѣдовательно, сравнительно въ Англіи промышленное производство и внутреннее передвиженіе въ пять разъ болѣе развито, чѣмъ въ Ирландіи. Въ малолюдной Шотландіи, въ которой вчетверо менѣе земледѣльцевъ, чѣмъ въ Ирландіи, число промышленныхъ работниковъ, однакожь, значительно многочислѣннѣе, чѣмъ въ этой бѣдствующей странѣ. По сравненію съ Англіею, Ирландія — загнанная, угнетенная страна. Въ бѣдности и загнанности этой страны мы убѣждаемся еще яснѣе, если отъ общаго обзора перейдемъ къ частностямъ ея экономическаго быта. Тѣ производства, которыя наиболѣе усовершенствованы и дадутъ наиболѣе высокіе заработки, почти монополизированы Англіею, и, наоборотъ, въ Ирландіи наиболѣе распространяется именно такая работа, гдѣ заработки ничтожны и положеніе рабочихъ ужасно. Въ отношеніи къ производству одежды Ирландія даетъ заработки очень небольшому числу людей, населеніе бѣдно, одѣвается весьма плохо. Модистовъ, портныхъ, сапожниковъ, башмачниковъ въ Англіи 671,997, въ Шотландіи 77,782, въ Ирландіи 84,714 чел., но въ Ирландіи вдвое болѣе жителей, чѣмъ въ Шотландіи, а производителей одежды болѣе только на 10⁰/₀; въ Англіи втрое болѣе жителей, чѣмъ въ Ирландіи, а производителей одежды въ восемь разъ болѣе. За то швей, положеніе которыхъ до того неблагопріятно, что породило знаменитую пѣснь о рубашкѣ. — въ Англіи 80,038, въ Шотландіи 14,988, въ Ирландіи 81,784; Изъ всѣхъ производителей одежды самое высокое вознагражденіе получаютъ шляпочники, за то ихъ въ Англіи 8,390, въ Шотландіи 858, въ Ирландіи 137. Слѣдовательно, въ Шотландіи не въ пять и даже не въ семь, а почти въ десять разъ менѣе рабочихъ, чѣмъ въ Англіи, а по отношенію къ Ирландіи производство это почти монополизировано англичанами. По всѣмъ другимъ производствамъ точно также не трудно замѣтить, что чѣмъ выгоднѣе производство, чѣмъ большіе оно даетъ заработки, тѣмъ болѣе оно захвачено въ руки Англіи. По всѣмъ выгоднымъ производствамъ число работниковъ въ Ирландіи не только относительно, но даже абсолютно значительно меньше, чѣмъ въ

Шотландіи: напр., сапожниковъ въ Англіи 222,465, въ Шотландіи 25,382, въ Ирландіи 33,608; въ бѣдной Ирландіи мало сапожниковъ, но все-таки больше, чѣмъ въ Шотландіи. Но если перейдемъ къ сапожному производству на большую ногу, гдѣ заработки рабочаго гораздо значительнѣе, чѣмъ вообще у массы сапожниковъ-ремесленниковъ, то въ Англіи такихъ рабочихъ оказывается 16,641 чел., въ Шотландіи 1,595, а въ Ирландіи ничтожная цифра 182. Въ машинномъ производствѣ въ Англіи 141,291 ч., въ Шотландіи 22,294 ч., а въ Ирландіи всего 3,434 ч. Отрасль посуды, фарфора, стекла насчитываетъ въ Англіи 70,194 раб., въ Шотландіи 5,774 раб., а въ Ирландіи 786. Одно изъ самыхъ высокихъ вознагражденій даетъ производство кирпичей; обыкновенный заработокъ кирпичника болѣе ста рублей въ мѣсяцъ. Одинъ взрослый работникъ съ участіемъ трехъ своихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей зарабатывалъ 290 р. въ мѣсяцъ. Кирпичниковъ въ Англіи 19,940, въ Шотландіи 2,474, а въ Ирландіи всего 493.

Можно привести рядъ и другихъ примѣровъ, но я заканчиваю, чтобы не утомлять читателя голыми цифрами. Эта таинственная и неуловимая сила, которая называется общественнымъ мнѣніемъ, раздаетъ въ поразительно разнообразныхъ пропорціяхъ какъ промышленное богатство, такъ и политическое вліяніе. По послѣднимъ свѣдѣніямъ Англія и Валлисъ имѣютъ 2,377,761 избирателя, Шотландія 362,313 изб., а Ирландія 231,965 изб. Сравните эти цифры съ вышеприведеннымъ числомъ промышленныхъ работниковъ — и васъ удивитъ сходство пропорцій. Эта картина быта представляетъ намъ одно изъ наиболѣе поразительныхъ доказательствъ того могущественнаго вліянія, которое имѣютъ на благосостояніе и развитіе страны терпимость, свобода слова и народныхъ собраній. Мы видимъ передъ собою страну съ управленіемъ, которое находится въ рукахъ лицъ, имѣющихъ наибольшій интересъ эксплуатировать народъ и сваливать на него всѣ тягости. Вершины духовной іерархіи въ союзѣ съ вершинами поземельной аристократіи и съ тузами, заправляющими биржей, рынкомъ, банками, составляютъ всемогущую аристократію или, вѣрнѣе, волную олигархію, которая все болѣе и болѣе получаетъ plutократическую окраску. Эта партія менѣе всего обнаруживаетъ стремленія откачиваться отъ узкихъ своихъ интересовъ въ пользу государства;

напротивъ, она съ большою энергіей проявляетъ свои антигосударственные и антиобщественные инстинкты. Вся особенность Англии заключается въ томъ, что эта партія, вслѣдствіе тѣхъ самыхъ условій, которыя помогли ей упрочить свою власть, не могла выступить безцеремоннымъ героемъ нетерпимости; она никогда не сочувствовала ни свободѣ слова, ни свободѣ народныхъ проявленій, она даже постоянно и существенно подавляла ихъ, — но она могла дѣлать это только скрытно, до тѣхъ поръ, пока общество этого не замѣчало. Когда общество съ энтузіазмомъ кричало, что „свобода и терпимость суть слава и гордость Англии“, она, эта партія, не смѣла зажать ротъ народу и даже въ извѣстныхъ предѣлахъ вынуждена была сочувственно относиться къ его голосу. Идея свободы и терпимости такъ глубоко засѣла въ англійскомъ обществѣ, что выбить ее не представлялось никакой возможности. Не то было на материкѣ Европы. Тамъ одна революція смѣняла другую, а терпимость и свобода слова дѣлали лишь весьма медленные успѣхи. Терпимость и свобода слова вынесли англійскую исторію на своихъ плечахъ. Хотя англичане и позволяли своей плутократіи забирать себя въ руки, но они крѣпко держались за свободу и терпимость; имъ справедливо казалось, что если они на этомъ пунктѣ окажутся слабыми, то пропадетъ все, что они добыли себѣ въ многотрудной и кровавой исторической борьбѣ.

Вѣрное чутье принесло свои плоды. Дѣло въ томъ, что, наперекоръ принятому мнѣнію, не капиталъ создаетъ работу, а работа создаетъ капиталъ и всегда идетъ дальше его. Отсюда вытекаетъ потребность въ кредитѣ; капиталъ никогда не бываетъ достаточенъ для покрытія потребностей работы и общество постоянно нуждается въ сурогатѣ. Самый-же разиѣръ работы порождается болѣе всего благопріятностью той обстановки, въ которой находятся работающіе и которую капиталъ самоубійственно старается разрушить. Какъ вездѣ, такъ и въ Англии землевладельцы и капиталисты стремились поставить рабочее населеніе въ возможно большую зависимость отъ себя, они стремились къ дешевому труду, а общество, возбуждаемое изображеніями нужды и страданій рабочихъ, сопротивлялось этому. И вотъ оказалось повсемѣстно повторяющееся чудо; чѣмъ внимательнѣе общество прислушивалось къ крику нужды, чѣмъ болѣе отставало потребности рабочаго, тѣмъ болѣе размножался въ странѣ и

капиталь. Если-бы было справедливо, какъ утверждаютъ многіе политико-экономы, что капиталъ направляется туда, гдѣ производство дешевле и заработная плата ниже, то весь англійскій капиталъ долженъ былъ-бы переселиться въ Ирландію; однакожь, онъ все-таки накопился въ Англии, несмотря на то, что тамъ и жизнь дороже, и заработная плата выше, и накопился потому, что тамъ, благодаря благоприятнымъ условіямъ для жизни рабочихъ, возрастала работа, а возрастающая работа увеличивала и капиталъ. Вѣчно оглушаемая крикомъ о нуждѣ народной, плутократія должна была изворачиваться такъ, чтобы и своего не упустить, и взволнованныя чувства успокоить. Стараясь прежде всего не выпускать власти, она избрѣла систему заботливости о народныхъ нуждахъ, которая, при обзорѣннн ея въ цѣломъ, представляетъ весьма интересную картину, въ особенности при сравненіи съ отеческими управленіями материка Европы, которыя не стимулировались гнетомъ свободнаго слова и свободныхъ проявленій народа. На материкѣ Европы господствуютъ правители, по положенію своему независимые отъ имущаго класса; не говоря о прочемъ, эта особенность рѣзко обличаетъ свои послѣдствія уже тѣмъ, что мелкое землевладѣніе удерживается въ этихъ государствахъ въ несравненно большихъ размѣрахъ, чѣмъ въ Англии; положеніе въ нихъ, очевидно, болѣе выгодное, а все-таки въ окончательномъ результатѣ потребности рабочаго населенія оказываются здѣсь значительно хуже удовлетворенными.

Поразительно въ этомъ отношеніи сравненіе между Англійей и Австріей. Австрійское правительство такъ усердно и неустанно толковало о необходимости заботиться о матеріальныхъ нуждахъ народа, оно вѣчно громко высказывало то, что англійское скромно держало про себя, — что заботливость о матеріальныхъ нуждахъ народа отвлекаетъ его отъ злыхъ и революціонныхъ мыслей. Несмотря на такое открытое заявленіе, результаты австрійской опеки оказываются по-истинѣ жалкими сравнительно съ англійскими. Англійская плутократія вѣчно толковала о низкой заработной платѣ и постоянно вынуждена была возвышать эту плату. Уже подать для бѣдныхъ играетъ въ этомъ случаѣ немаловажную роль. Аристократія неизвѣнно смотрѣла на нее, какъ на политическое орудіе въ своихъ рукахъ, и дѣйствительно въ минуты народныхъ волненій она давала ей возможность противопо-

ставлять либеральнымъ и радикальнымъ процесіямъ столь-же многочисленныя консервативныя полчища. Обширная система вспоможенія бѣднымъ въ Лондонѣ установила безконечную разницу между этой столицей и Парижемъ и существенно способствовала консервативности и неподвижности ея самоуправленія. Тагости этой подати аристократія сваливала съ себя на другихъ. Въ окончательномъ результатѣ эта подать послужила немаловажной причиною возвышенія заработной платы. Уровень заработной платы опредѣляется степенью привычки рабочаго класса къ грубой и бѣдной жизни; эти привычки прежде всего приобретаются въ дѣтствѣ. Подать для бѣдныхъ, улучшая бытъ массы бѣднѣйшихъ дѣтей, замѣтно вліяла на эти привычки въ хорошемъ направленіи.

Подать для бѣдныхъ была успокоеніемъ, но она успокоивала нѣсколько только ту назойливую и непріятную часть, которая въ другихъ странахъ занималась нищенствомъ и воровствомъ; гораздо важнѣе было успокоеніе тѣхъ, которые способны были кричать болѣе громкимъ голосомъ. Невозможность зажимать рты энергическимъ и беспокойнымъ элементамъ средствами, употреблявшимися на материкѣ Европы, т. е. тюрьмою, запрещеніями и ссылками, предназначала для англійскихъ правителей путь ихъ внѣшней политики и внѣшнихъ завоеваній. Начиная съ XVII столѣтія правители Англій были озабочены присканіемъ такихъ мѣстъ и завоеваній, куда-бы добровольно и постоянно удалялись беспокойные элементы общества. Эти мѣста и завоеванія дѣлались насущной и гнетущей потребностью для англійской плутократіи. Недовольные аристократы, капиталисты, клерки, ремесленники, рабочіе, земледѣльцы, — всѣ находили себѣ тамъ средства къ жизни и къ обогащенію. Для всѣхъ безъ исключенія находились мѣста, гдѣ-бы они были вполне въ своей тарелкѣ, какъ рыба въ водѣ; для аристократовъ и капиталистовъ приберегались теплые, наживные углы въ Индіи, Китаѣ, Японіи, на Вестъ-индскихъ островахъ, въ Гвианѣ; для земледѣльцевъ, ремесленниковъ, рабочихъ — въ Новой Зеландіи, Австраліи, на мысѣ Доброй Надежды, въ Канадѣ находились мѣста самыя благодатныя, гдѣ они получали втрое, въ десять разъ болѣе, чѣмъ на родинѣ. На материкѣ Европы предполагали въ англичанахъ какую-то платоническую страсть къ путешествіямъ и географическимъ открытіямъ, но болѣе близкое зна-

комство съ дѣломъ доказываетъ, что страсть эта была самая практическая. Читая путешествія англичанъ, вы видите постоянный споръ о выгодной эксплуатаціи разныхъ пунктовъ земного шара, видно стремленіе разыскать, нѣтъ-ли еще какого-нибудь угла, который возможно было-бы эксплуатировать. Всякому образованному человѣку извѣстны имена Бэкера и Ливингстона; для европейскихъ читателей это были великіе географы, не болѣе, для англичанъ-же они открыли обширѣйшую и плодоносѣйшую страну, переселяясь въ которую, англійскій рабочій и земледѣлецъ могутъ пользоваться еще большимъ благосостояніемъ, чѣмъ ему давали Австралія и Новая Зеландія. Въ англійскихъ владѣніяхъ такая масса богатѣйшихъ мѣстъ для переселенія земледѣльца и работника, что имъ не хватаетъ силъ эксплуатировать и малую часть этого богатства; но все-таки англичане не довольствуются пріобрѣтеннымъ уже богатствомъ, они черезъ своихъ агентовъ и консуловъ отыскиваютъ все новыя и еще болѣе богатые источники дохода для трудящихся. Въ Египтѣ, гдѣ мѣстный житель едва не умираетъ съ голоду, англійскій рабочій получаетъ втрое большее содержаніе, чѣмъ онъ получалъ-бы у себя на родинѣ. Теперь въ рабочихъ газетахъ вызываютъ желающихъ на рѣку Парана въ южную Бразилію; семейный голякъ получаетъ тамъ безвозмездно 40 акровъ земли на себя съ женой и по 10 на ребенка и ссуду на проѣздъ; если-же онъ имѣетъ хотя маленькое сбереженіе, то получаетъ безвозмездно 120 акровъ на себя съ женой и по 30 акровъ на ребенка; онъ свободенъ отъ всякой поземельной подати и будетъ находиться подъ англійскимъ управленіемъ.

Всѣмъ извѣстно, какъ усердно и настойчиво англійское правительство постоянно хлопочетъ о томъ, чтобы открывать рынки для своихъ капиталистовъ, но гораздо менѣе извѣстно, что оно столько-же заботливости прилагаетъ и о рабочихъ. Стоитъ сдѣлать сравненіе съ Франціей и Германіей, чтобы видѣть громадную разницу. Кто не знаетъ, какъ небрежно и неумѣло относятся къ переселеніямъ и французы, и французское правительство. Нѣмцы рвутся въ переселеніе, но за то нѣмецкія правительства не дѣлали ровно ничего, чтобы сдѣлать изъ переселенія средство для поднятія народнаго благосостоянія. Нѣмецкія переселенія представляютъ незавидную картину сравнительно съ англійскими. Прежде всего переселенія изъ Англій такъ многочисленны,

что за моремъ живетъ болѣе англичанъ и ихъ потомковъ, чѣмъ въ самой Англій; потомство-же германскихъ переселенцевъ равняется едва шестой части населенія Германіи. Въ мѣстахъ, гдѣ нѣмцы и англичане селятся вмѣстѣ, англичане завладѣваютъ самыми прибыльными производствами, а нѣмцы второстепенными. Возвышая заработную плату тѣмъ, что дается заманчивый и легкій исходъ обездоленнымъ, колоніальная и завоевательная политика Англій возвышала ее еще и тѣмъ, что она создавала такую массу новой работы въ странѣ, какой не имѣло ни одно изъ государствъ въ цѣломъ свѣтѣ. Хотя англійская плутократія много говорила и говоритъ о необходимости низкой заработной платы и о мѣрахъ къ ея пониженію, но этимъ она показываетъ лишь то, что въ естественныхъ своихъ стремленіяхъ она нисколько не отличается отъ плутократіи материка Европы; она охотно осуществила-бы эти мѣры, еслибы ей не мѣшало давленіе, производимое народнымъ мнѣніемъ. Подъ этимъ давленіемъ англійская плутократія вынуждена разсуждать совершенно иначе, чѣмъ она разсуждаетъ на материкѣ. Сравните, напр., англійское помѣстное дворянство и какое-нибудь континентальное, старающееся мѣшать выселенію рабочихъ рукъ для того, чтобы конкуренція работниковъ держала заработную плату на низкомъ уровнѣ. Англійскіе землевладѣльцы, наоборотъ, постоянно кричатъ о слишкомъ густомъ населеніи и о необходимости переселенія; этой политики они придерживаются даже въ Ирландіи, которая сравнительно обездолена общественнымъ участіемъ. Въ Англій имущій классъ составляетъ зерно защитниковъ теоріи Мальтуса, между тѣмъ какъ въ Германіи, какъ остроумно подмѣчено покойнымъ Ланге, имущій классъ стоитъ во всеоружіи противъ Мальтуса. Не трудно понять, что только одно давленіе общественнаго мнѣнія порождаетъ эту особенность въ образѣ дѣйствія англійской плутократіи. Упреки въ томъ, что она разоряетъ рабочее населеніе, дѣйствуютъ на нее назидательно. Она, правда, увеличиваетъ ренту земель, обращая ихъ изъ пашень въ луга, но за то вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ большую заработную плату, такъ-какъ этотъ родъ хозяйства требуетъ меньшаго количества рабочихъ. При давленіи общественнаго мнѣнія, выселяя лишнія руки, англійская плутократія можетъ согласить свои интересы съ возвышеніемъ заработной платы и удовлетворить этимъ требованіямъ общества. Но такъ-какъ превращеніе пашень въ луга в

всякое время зависить отъ нея, то при отсутствіи давленія общественаго мнѣнія, для нея, конечно, выгоднѣе вмѣстѣ съ тѣмъ и удерживать населеніе на мѣстахъ: рента будетъ возвышаться и отъ измѣненія хозяйства, и отъ удешевленія рукъ.

Общій результатъ англійской попечительной политики сравнительно съ такой-же политикой на материкѣ Европы можно выяснитъ слѣдующими сопоставленіями: начиная съ 1700 года, число англосаксонцевъ на земномъ шарѣ увеличилось въ семь разъ, а число французовъ едва удвоилось; кромѣ того эти многочисленные англосаксонцы въ массѣ пользуются несомнѣнно большимъ благосостояніемъ, чѣмъ французы. Съ 1800 года число англосаксонцевъ утроилось, число нѣмцевъ едва удвоилось, число французовъ едва увеличилось въ полтора раза, и рабочій англосаксонецъ значительно богаче и нѣмца, и француза. Читатель не долженъ забывать, что кромѣ вышеприведенныхъ уловимыхъ послѣдствій существуютъ еще и неуловимые результаты. Только этими неуловимыми результатами и можно объяснить факты вродѣ слѣдующаго: при французскомъ господствѣ французское населеніе въ Канадѣ (90,000 ч.) и Иль-де-Франсѣ втеченіи долгаго времени почти не измѣнялось; при англійскомъ-же оно быстро возрасло — въ Канадѣ до 800,000 французовъ, а въ Иль-де-Франсѣ до четверти миліона. Перейдемъ теперь въ область предположеній. Въ архангельскіе порты прибываютъ ежегодно около пятисотъ иностранныхъ парусныхъ судовъ *) и пароходовъ, по большей части англійскихъ, которые увозятъ за границу наши произведенія. Представьте себѣ на одну минуту, что было-бы, еслибы архангельскій портъ былъ англійскій, находился, положимъ, въ сѣверной Шотландіи, а суда въ немъ были-бы русскія? Англичане подняли-бы такой крикъ, шумъ и гамъ, который невозможно было-бы успокоить прежде, чѣмъ суда замѣстились-бы англійскими. Пойдемъ далѣе. На этихъ судахъ занято до 8,000 человекъ. Изъ нихъ англійскій матросъ второй руки получаетъ до 40, а первой до 50 рублей въ мѣсяць. Если къ этому прибавить увеличенное число судостроителей и принять въ соображеніе, что мужское рабочее населеніе архангельской губерніи состоитъ изъ 54,000 чело-

*) Это на основаніи памятной книжки, по таможеннымъ-же свѣденіямъ чрезъ которую проходитъ ежегодно отъ восьмисотъ до тысячи судовъ. Я не имѣю возможности привести эти данныя въ ясность.

вѣтъ, то окажется, что почти пятая часть получила-бы работу съ неслыханнымъ въ губерніи вознагражденіемъ въ 40 и 50 р. въ мѣсяцъ. Не трудно понять, до какой степени это оживило-бы дѣятельность и возвысило благосостояніе архангельскаго крестьянства и мѣщанства. Англійскому судовоозяину было бы чрезвычайно выгодно замѣнить англійскихъ матросовъ русскими или норвежцами; русскій работаетъ за ничтожную плату, а норвежецъ требуетъ втрое менѣ англичанина и довольствуется треской, презираемой англійскими матросомъ; но англійскіе матросы не допустили-бы на корабль ни одного иностранца; замѣнить-же ихъ всѣхъ, напримѣръ, одними русскими невозможно: русскіе не уѣдутъ ходить въ Англію. Итакъ, вотъ за чѣмъ стало дѣло—архангельцы не умѣютъ ходить въ Англію. Въ архангельскомъ портѣ мы имѣемъ русскихъ военныхъ моряковъ, которые, безъ всякаго сомнѣнія, умѣютъ ходить въ Англію. Почему-же они не научатъ тамошній народъ такому выгодному для него дѣлу? Потому-же, почему мы спокойно смотримъ, какъ англичане владѣютъ Гельголандомъ и чрезъ это имѣютъ самое существенное вліяніе на нашу балтійскую торговлю, а англичане кричатъ на весь міръ по поводу Константинополя, который вмѣстѣ съ Кандіей составляетъ для нихъ великій соблазнъ не потому, что эти мѣста, находясь въ чужихъ рукахъ, даютъ кому-нибудь вліяніе на ихъ интересы, а потому, что имъ хочется забрать въ свои руки нашу черноморскую торговлю, точно также, какъ они забрали балтійскую и бѣломорскую. Если мы такъ мало заботимся о внѣшнихъ нашихъ отношеніяхъ, о которыхъ каждый народъ заботится прежде всего, то мудрено-ли, что по отношенію къ внутренней нашей производительности мы успокоились на запретительныхъ тарифахъ? Развѣ производство—не такая-же наука? Представьте себѣ, что мы запретили-бы всѣ иностранныя книги для поднятія и развитія русской литературы и успокоились-бы на этой мѣрѣ. Еслибы былъ живъ Петръ Великій, то не подлежить никакому сомнѣнію, что мы употребляли-бы изъ государственнаго бюджета миліоновъ пятнадцать на ежегодную посылку за границу для усовершенствованія рабочихъ и другихъ лицъ, знакомыхъ уже съ русскимъ производствомъ. Промышленныя знанія не сваливаются съ неба; путешествующіе ремесленники усовершенствовали ремесло въ Германіи; если производство принимаетъ постоянно прогрессирующій и все-

мірній характеръ, то и странствованія для обученія ему должны быть постоянными и всемірными. Не ограждать себя запретительными тарифами должна отсталая въ промышленности страна, а учиться, и притомъ учиться систематически, на большую ногу. Для отдѣльныхъ предпринимателей такое обученіе — дѣло рѣшительно непосильное. Между производствами существуетъ тѣсная зависимость, и чѣмъ далѣе идутъ въ своемъ развитіи раздѣленіе труда и работа съ помощью машинъ, тѣмъ многостороннѣе становится эта зависимость. Отдѣльный производитель не можетъ стать на высшую степень, если другія отрасли отстали. Каждый дожидается другого, а тамъ въ центрахъ производительности все идутъ впередъ. Взгляните на англійскую печать, какъ зорко она слѣдитъ за состояніемъ всякой отрасли производства; въ ней неустанно учреждаются школы, читаются лекціи, печатаются книги, чтобы постоянно распространять промышленное знаніе въ самыхъ низшихъ слояхъ народа.

Когда путемъ всей вышеописанной попечительной дѣятельности англійское производство стало болѣе совершеннымъ, чѣмъ гдѣ-либо въ свѣтѣ, обнаружилось новое, неизвѣстное до тѣхъ поръ зло. Фабриканты и капиталисты давали значительно болѣе высокую заработную плату, чѣмъ можно было въ то-же время получать въ сельскомъ хозяйствѣ или въ ремеслѣ, но за то они сильно эксплуатировали рабочее населеніе. Явилась неизвѣстная до этого времени энергическая попечительная дѣятельность, которая стала между капиталистомъ и рабочимъ и ограждала потребности рабочего. Вредное вліяніе, которое можетъ имѣть всякое производство на рабочего, изслѣдовано было самымъ внимательнымъ образомъ и противъ зла приняты были мѣры.

Такъ-какъ всѣ отрасли производства, въ которыхъ это было сдѣлано, существуютъ и у насъ, то не мѣшаетъ сообщить краткій обзоръ англійскихъ изслѣдованій. Каменноугольный рабочий работаетъ подъ землею въ темнотѣ; при вскрытіи послѣ его смерти оказывается, что его легкія до того пропитаны угольной пылью, что они кажутся обугленными; отсюда такъ-называемая каменноугольная чахотка (colliers phthisis). Изъ 250 рабочихъ 1 помираетъ отъ взрывовъ, удушливыхъ газовъ, обваловъ и пр. Первымъ въ значительныхъ размѣрахъ предупреждено наблюдениемъ и вентиляціей въ шахтахъ. Теперь рабочихъ тамъ трудится

въ пріятной температурѣ и въ чистомъ воздухѣ. Струве изобрѣлъ вентиляторы, Гибаль — вѣтрила. Для безопасности отъ несчастій изобрѣтены лампы Деви, Кленни, Стефенсона, Мюзлера, клѣтъ Вейта, Гранта, Овена и Кало. Наряду съ хозяиномъ, заботясь о своихъ интересахъ, пришлось поставить инспекцію, въ которой, по крайней мѣрѣ, столь-же дѣятельно съ участіемъ рабочихъ ограждала-бы ихъ отъ гибельной, въ особенности женской и дѣтской работы, отъ оставленія дѣтей безъ обученія, отъ систематическаго развращенія рабочихъ посредствомъ пивныхъ и кабаконныхъ, отъ обмѣриванія и обвѣшиванія лавочника. Несмотря на всѣ усилія, наблюденіе за исполненіемъ правилъ такъ затруднительно, что, напр., девять десятыхъ взрывовъ происходитъ отъ ихъ нарушенія и почти четвертый изъ умирающихъ каменноугольныхъ рабочихъ погибаетъ насильственной смертью. Добыча мѣди вредна для здоровья по причинѣ глубины и высокой температуры подземныхъ помѣщеній; жизнь рудокоповъ такъ этимъ сокращается, что пятидесяти-лѣтній старикъ между ними — большая рѣдкость. Безкровныя лица, нетвердая походка, тощее тѣло отличаютъ этихъ работниковъ; они поражаютъ въ сравненіи съ обыкновеннымъ человекомъ, даже въ сравненіи съ ихъ женами и дѣтьми. Легкія ихъ разстроены и они страдаютъ удушьемъ и болѣзнями сердца. Здоровье рабочихъ разстраивается отъ чрезмѣрнаго утомленія, такъ-какъ хозяева не заботятся о томъ, чтобы непрерывное нисхождение на большую глубину и восхожденіе не были связаны съ большимъ мускульнымъ напряженіемъ или опасностью; употребляются обыкновенныя лѣстницы или брусья, вдоль которыхъ внизъ и вверхъ съ помощью машины двигаются платформы, а на нихъ стоятъ рабочіе. Платформы считались значительнымъ усовершенствованіемъ, но онѣ устраиваются иногда такъ дурно, что требуется искусство, чтобы съ нихъ соскакивать и не рисковать паденіемъ въ глубину. Вентиляція при добываніи металловъ стоитъ дороже, чѣмъ въ каменноугольныхъ копяхъ, и хозяева такъ экономно уклоняются отъ нея, что только въ восьмой части шахтъ воздухъ оказался удовлетворительнымъ, въ четвертой части вреднымъ, а почти въ двухъ третяхъ шахтъ гибельнымъ для работающихъ. Проходы низки и узки, разстояніе мѣста работы отъ выхода составляетъ иногда 300 футовъ; жаръ такъ великъ, что люди теряютъ втеченіи дня отъ 8 до 10 фунтовъ вѣсу. Смерть

ность для лицъ отъ 35 до 45 лѣтъ въ полтора раза, отъ 45 до 55 вдвое, а отъ 55 до 65 лѣтъ почти втрое болѣе средняго уровня. Зданія, въ которыхъ рабочіе по выходѣ изъ-подъ земли сушатъ и жѣнаютъ бѣлье, холодны и неудобны, что способствуетъ развитію легочныхъ болѣзней у рабочихъ. Несмотря на всѣ настоянія, въ этихъ домахъ произведено мало улучшеній. Кроме того рабочіе страдаютъ еще отъ пыли и вони. Насильственныхъ смертей меньше, чѣмъ въ каменноугольныхъ копяхъ. Причина, почему металлическіе рудники находятся въ болѣе жалкомъ состояніи, заключается въ томъ, что надзоръ надъ ними учрежденъ только недавно. У доменныхъ печей вредно дѣйствуетъ невыносимый жаръ и въ видѣ противоадія рабочій долженъ употребить большое количество чаю. Глаза страдаютъ отъ мельчайшихъ кусочковъ желѣза, попадающихъ въ нихъ. Ослѣпительный свѣтъ производитъ катарактъ. При производствѣ пудлингова желѣза жаръ, свѣтъ и тяжесть работы очень велики и рабочіе становятся легко воспримчивыми къ болѣзнямъ и рѣдко доживаютъ до пятидесяти лѣтъ. При обработкѣ желѣза часто встрѣчаются ожоги. До 1867 года сильно злоупотребляли работой дѣтей. Въ стальномъ передѣлѣ жаръ еще ужаснѣе, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ, а здѣсь-то именно дѣти массами закабальются на эти каторжныя работы. Работа производится въ подвалахъ подъ землей и подъ печами, желѣзо плавится прямо надъ головами дѣтей. При выплавкѣ мѣди воздухъ наполняется разрушающими здоровье испареніями мышьяка и сѣрной кислоты. Дымъ получаетъ бѣлую окраску и въ Свензи, напр., на миля кругомъ нѣтъ никакой растительности. Сѣрная кислота убиваетъ не только растенія и деревья, но животныя и скотъ заражаются воспаленіемъ, кости ихъ дѣлаются ломкими и зубы выпадаютъ. Въ послѣднее время сдѣланы большія улучшенія въ производствѣ, сѣрная кислота собирается въ свинцовыхъ камерахъ и сгущается. Несмотря на улучшенія, легочныя страданія все еще распространены между рабочими и увеличиваютъ смертность. Но такъ-какъ въ настоящее время дымъ мѣдноплавильный въ большихъ размѣрахъ разрушаетъ родни въ воздухѣ, чѣмъ живые организмы, то семейства рабочихъ охраняются этимъ отъ заразительныхъ недуговъ. Добыча мѣди сопряжена съ подобными-же неудобствами. Бишонъ Ватсонъ изобрѣлъ особаго устройства печь для устраненія этихъ неудобствъ.

Въ оловянномъ и жестяномъ передѣлѣ вредны высокая температура и испорченный воздухъ; болѣе всего вредна для здоровья финифтяная работа, въ особенности если при этомъ употребляется свинецъ. Въ желѣзно-литейномъ производствѣ существовало мучительное обыкновеніе употреблять дѣтей самаго ранняго возраста для собиранія конскаго навоза. Въ бронзово-литейномъ производствѣ воздухъ наполняется тончайшимъ бѣлымъ порошкомъ окиси цинка и производитъ болѣзнь, извѣстную подъ именемъ бронзовой лихорадки. Ричардсонъ нашелъ, что эти отдѣленія производятъ колерные припадки, судороги и болѣзнь принимаетъ наиболѣе жестокія формы, если рабочія помѣщенія, какъ это обыкновенно бываетъ, малы и дурно вентилированы. Бронзово-литейщики обыкновенно умираютъ ранѣе сорока лѣтъ. Наиболѣе осторожные связываютъ себѣ носъ и ротъ полотенцемъ и тѣмъ спасаютъ свои легкія отъ соприкосновенія съ цинкомъ. Въ гвоздильномъ дѣлѣ изнурительная и продолжительная работа женщинъ и дѣтей разрушаетъ здоровье, тѣмъ болѣе, что родители имѣютъ обыкновеніе то вовсе не работать, то работать съ крайнимъ напряженіемъ. Грязь въ этомъ производствѣ также развиваетъ болѣзнь. Въ средѣ замочниковъ дѣтей уродуетъ то положеніе, въ которомъ они должны работать; правая лопатка у нихъ сдвигается съ своего естественнаго мѣста, а правая нога противоестественно изгибается внутрь. Люди уродуются и все-таки получаютъ вознагражденіе ниже средняго уровня. Въ ножовомъ производствѣ работникъ подвергается опасностямъ отъ ушибовъ и въ особенности страдаетъ отъ вдыханія металлической пыли; существуетъ специфическое худосочіе, которое называется болѣзнію ножовщиковъ; эта болѣзнь усиливается въ многочленныхъ мѣстахъ, гдѣ народъ живетъ тѣсно, и была въ особенности гибельна, когда на причину, изъ которой она происходитъ, не обращалось вниманія. Работники рѣдко доживали до сорока и часто не переживали двадцати пяти лѣтъ. Тридцать лѣтъ тому назадъ изъ тысячи чел. 749 умирали моложе 40 лѣтъ. Работникъ страдаетъ отъ наклоннаго положенія, а если при работѣ употребляется свинецъ, то страдаетъ отъ свинцовой отравы коликами. Вредныя стороны производства три раза, въ 1840, 1860 и 1865 годахъ, вызвали изслѣдованія, при этомъ открывались новыя, неизвѣстныя прежде источники болѣзней. Предложенъ былъ особаго устройства вентиляторъ, ко-

торый вносить токомъ воздуха минеральную и металлическую пыль, но онъ при введеніи своемъ встрѣтилъ большую оппозицію; сильный напоръ общественнаго мнѣнія одолѣлъ это сопротивленіе, однакожь не вполне, и до сихъ поръ существуютъ мастерскія, въ которыхъ нѣтъ этого усовершенствованія. Хотя для огражденія здоровья въ Шефильдѣ сдѣлано много, но все-таки наблюдательный врачъ Гриффитсъ заявляетъ, что большее число умирающихъ отъ истинныхъ причинъ погибаетъ отъ страданій дыхательныхъ органовъ, а статистическій отчетъ 1875 года показываетъ, что и до сихъ поръ существуетъ усиленная смертность въ возрастѣ отъ 45 до 65 лѣтъ. Вотъ данныя:

	отъ 45—55 лѣтъ.	отъ 55—65 лѣтъ.
средняя смертность . . .	1,853 ч.	3,215 ч.
въ ножовомъ промыслѣ . . .	2,680 „	5,082 „

Съ 1867 г. употребленіе вентиляторовъ сдѣлано обязательнымъ. Членъ парламента Мунделла обратилъ вниманіе на большое число горбатыхъ и неестественно малорослыхъ людей въ Шефильдѣ, которое происходитъ отъ согбеннаго положенія при работѣ. Жадность домовладѣльцевъ вынуждала рабочихъ жить въ дурныхъ и нездоровыхъ жилищахъ, врачебная управа энергически вступаетъ и обязательными распоряженіями обезпечиваетъ народу здоровья и поощренія. Машинное игольное производство порождаетъ металлическую пыль, отъ которой въ особенности страдаютъ дѣти. Производство это значительно усовершенствовано, ручная работа была и менѣе успѣшной, и болѣе вредной для здоровья. По способу, употребляемому въ Гатерсаджѣ, камень теперь покрывается, пыль выносится въ противоположную сторону отъ работника и всасывается сильнымъ вентиляторомъ. Когда вводились эти вентиляторы, хозяева увѣряли публику, что сами рабочіе отказываются отъ нихъ, и публика была до того наивна, что вѣрила распущенымъ сказкамъ, будто рабочіе утверждаютъ, что они привыкли умирать рано и не желаютъ долгой жизни; однакожь, теперь выяснилось, что рабочіе на-отрѣзъ отказываются работать безъ вентилятора. При производствѣ пуговицъ здоровье женщинъ и дѣтей страдаетъ отъ того, что для успѣха дѣла они должны сидѣть чрезвычайно тѣсно, жаръ отъ паровыхъ приспособленій и вредный воздухъ отъ сильнаго газоваго освѣщенія дѣлаютъ

положеніе невыносимымъ. Къ этому присовокупляется стужъ и воя машинъ. Тамъ, гдѣ готовятся костяныя и роговыя пуговицы, воздухъ заражается миазмами отъ перевариваемыхъ костей съ покрывающими ихъ полусгнившими остатками. Пыль при производствѣ перламутровыхъ пуговицъ чрезвычайно вредна; она не только разстраиваетъ легкія и производитъ чахотку, но порождаетъ специфическія болѣзни костей, въ особенности ножныхъ и ручныхъ. Въ производствѣ огнестрѣльнаго оружія смертность также усиленная отъ металлической пыли при сверленіи и ковкѣ. За исключеніемъ пушекъ, оружіе производится въ дурно устроенныхъ и вентилированныхъ помѣщеніяхъ, часто на чердакахъ. Производство стальныхъ перьевъ безвредно только въ хорошо вентилированныхъ и устроенныхъ заведеніяхъ, иначе рабочіе страдаютъ отъ металлической пыли и отъ ущемленія пальцевъ, потому что хозяева экономизируютъ нужное для огражденія руки приспособленіе. Нѣтъ надобности говорить объ опасности, съ которой сопряжено производство пороха и взрывчатыхъ веществъ. Въ Ватталѣ употребляется особое приспособленіе, при которомъ взрывъ самъ тушитъ и заглушаетъ себя. Для рабочихъ изобрѣтена особая обувь, которую они обязаны носить, на землѣ разстилается кожа, гдѣ возможно, возвращается трава. Въ пистонныхъ заведеніяхъ взрывы непрерывны и вѣчно грозятъ опасностью. Усовершенствованія оказались, однакожь, въ такой мѣрѣ возможными, что до сихъ поръ помнятъ два большихъ взрыва, одинъ въ 1859 г., при которомъ было убито 19 человекъ, и другой въ 1862 г., гдѣ убито 9 и 40 ранено. Патронное дѣло не безвредно, потому что приходится дышать воздухомъ съ мышьяковыми испареніями. Даже составляющее славу Англій машинное производство не лишено своей доли вреднаго вліянія на здоровье, въ особенности въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ воздухъ наполняется металлической пылью и выдѣленіями отъ составныхъ частей бронзы и металлическихъ смѣсей. Раны, ожоги, переломы костей встрѣчаются во всѣхъ отрасляхъ. Специфическія болѣзни производства замѣчаются въ страданіяхъ отъ нефтяныхъ испареній при полировкѣ деревянныхъ частей машинъ и въ болѣзни глазъ отъ мерцанія и сверканья мелкихъ металлическихъ частей, преимущественно у прядильныхъ машинъ. Понятно, что производство химическихъ продуктовъ должно вредно отзываться на здоровьѣ; немного найдется та-

нескихъ соединеній, которыя не сопровождались-бы раз-
 ными для организма отдѣленіями. Особенно вреденъ сѣрно-
 водородный газъ; онъ производитъ поносъ, одышки и изнуритель-
 ную жажду; хлористыя соединенія порождаютъ удушье, ка-
 шлевое дыханіе; селитряная кислота производитъ за-
 нозы; хлористыя соединенія производятъ спазмы въ сли-
 зистыхъ оболочкахъ рта, носа и гортани; анилинъ производитъ
 сильную невралгію, уничтожаетъ чувствительность и вызы-
 ваетъ судорожные парывы на нижнихъ оконечностяхъ; нитро-бен-
 зинъ вызываетъ болѣзненный сонъ и наклонность къ апоплексіи.
 Смертность возвышена на всѣхъ химическихъ заводахъ
 — въ особенности у молодыхъ работниковъ. Возвы-
 шенность замѣчается также у красильщиковъ и при со-
 сѣдствіи красокъ. Въ мыловаренныхъ заведеніяхъ испаренія амо-
 ниака всасываютъ кровь и производятъ анемію; впрочемъ, это вредъ
 можетъ быть устранено хорошей вентиляціей. Рабо-
 тники производствомъ спичекъ, считались несчастнѣйшими
 изъ всѣхъ, потому что плата была нищенская, а здоровье
 быстро разрушалось; только въ послѣднее время сдѣланы были значи-
 тельныя улучшенія. Наибольшій вредъ производило дѣйствіе фос-
 фора, разрушало и убивало кости челюсти, ужасны были стра-
 нища, начиналось съ боли и если зло не было прекращаемо прежде, чѣмъ
 началось разрушеніе, то челюсть и небо пухли, зубы выпадали,
 начинались парывы, и, наконецъ, кости челюсти вываливались по-
 степенно. Потребители спичекъ пришли-бы въ ужасъ, если-бы они
 знали о такихъ страданіяхъ, покупаются это удобства въ жизни.
 Еще не все: фосфоръ до такой степени пропитывалъ
 одежду, что не только ихъ платье, но даже ихъ тѣло
 издавало блѣдный свѣтъ. Ихъ наружный видъ и вонь,
 они распространяли, были одинаково отвратительны и
 для нихъ въ паріевъ среди общества. Эти ужасы заста-
 вили бѣлый фосфоръ несравненно болѣе безвреднымъ
 по сравненію съ краснымъ фосфоромъ гораздо дороже, то
 невозможнымъ окончательно уничтожить заведенія съ
 фосфоромъ стариннымъ производствомъ. Докторъ Летсби по-
 тому фосфоръ производитъ еще болѣзни дыхательныхъ и
 пищеварительныхъ органовъ, несносную тоску, потерю аппетита

и сухотку. Для устранения этихъ вредныхъ вліяній употребляются сверхъ вентиляціи чашки со скипидаромъ, разставляемыя около рабочихъ помѣщеній; на 5,000 частей атмосфернаго воздуха достаточно одной части терпентина, чтобы нейтрализовать испаренія фосфора. Производство спичекъ дѣйствуетъ еще непонятнымъ способомъ на плодородіе женщинъ. Тѣ, которыя работаютъ въ самыхъ заведеніяхъ, имѣютъ втрое менѣе дѣтей, чѣмъ работающія на дому. Производство фарфоровой и глиняной посуды приобрѣло извѣстность своимъ вреднымъ вліяніемъ на здоровье и вызвало изслѣдованія 1841, 1860 и 1862 г. Въ 1860 г. Гринокъ доказалъ сильную смертность между рабочими на этихъ заводахъ отъ легочныхъ страданій. Тамъ, гдѣ не введенъ усовершенствованный гидравлическій прессъ, здоровье быстро разрушается работой въ горячемъ пару. Прежде рабочицамъ приходилось работать въ сушильныхъ печахъ малыхъ размѣровъ, при чрезвычайно высокой температурѣ; теперь стали употреблять вертящіяся сушильни, которыми всякая штука поочередно подносится къ выходу, такъ что рабочицу нѣтъ необходимости входить въ самый жаръ. Производство глубокой посуды: кружекъ, горшковъ, мисокъ и т. д. гораздо затруднительнѣе, порождаетъ одышку и болѣзни легкихъ. Покрывая посуду глазурью, въ составъ которой входитъ свинецъ, рабочицы заражаются свинцовой отравой, которая производитъ рвоту, головокруженіе и параличъ. Отдѣлкой посуды занимаются дѣвушки, въ душномъ и спертомъ воздухѣ, и для нихъ еще болѣе опасно открывать окна, чѣмъ оставлять ихъ закрытыми. При окончателной очисткѣ отдѣляется тончайшая игловидная пыль, которая вливается въ легкія занятыхъ этимъ дѣломъ женщинъ и производитъ чахотку. Скрейвнеръ описываетъ подробно послѣдствія этого процесса. Пыль покрываетъ молодыхъ женщинъ въ такомъ-же обиліи, какъ мука покрываетъ мельника. Съ каждымъ вдыханіемъ она наполняетъ легкія и дыхательныя отверстія и, вонзаясь острыми своими концами, раздражаетъ ихъ, стѣнки утолщаются и болѣзненное состояніе обнаруживается слабымъ, беззвучнымъ голосомъ. Затѣмъ слѣдуютъ удушье, хроническій кашель, отложеніе туберкулезной матеріи и чахотка. Гринокъ нашелъ, что на 13 женщинъ только 4 оказывались незараженными болѣзью. При производствѣ посуды страдаютъ и погибаютъ преимущественно молодыя женщины: въ этомъ промыслѣ ра-

ботать 12,917 женщинъ моложе 35 лѣтъ и только 3,036 стар-
ше этого возраста. Дѣти замучиваются работой; по расчету ре-
бенокъ долженъ сдѣлать въ недѣлю 80 верстъ, перенести тяжесть
въ 620 пудовъ, притомъ послѣ каждаго восьми шаговъ поднятъ-
ся и опуститься на три ступени. Они должны имѣть полтора ча-
са на обѣдъ и отдыхъ и не получаютъ ихъ. Кроме того, такъ-
какъ они находятся въ зависимости отъ взрослыхъ, то послѣдніе
сваливаютъ на нихъ еще часть своей работы, когда имъ взду-
мается заняться трубочкой. Наконецъ, ихъ заставляютъ прихо-
дить за полчаса до начала работы, вынести комнату и пригото-
вить все, что нужно для производства. Поэтому дѣти не могутъ
развиваться; они блѣдны, слабы, малорослы и болѣзненны. Въ мѣ-
стахъ производства посуды чахоточныхъ почти втрое болѣе, чѣмъ
въ другихъ мѣстностяхъ. По свѣденіямъ 1875 года смертность въ
этомъ класѣ людей чрезвычайно велика и въ особенности порази-
тельна послѣ 35 лѣтъ: она превосходитъ даже высокую смерт-
ность домовъ разгула и харчевенной прислуги. Въ возрастѣ отъ
35 до 55 лѣтъ умирало на 3,158 чел. средней смертности
5,376 производителей посуды, въ возрастѣ отъ 55 до 65 лѣтъ
смертность почти удваивалась: на 6,676 ч. среднего уровня при-
ходилось этихъ работниковъ 12,837. Арлейджъ, врачъ стафорд-
ширской больницы, представляетъ слѣдующую сравнительную таб-
лицу:

Заболѣвавшихъ:

1. Bronchitis — горшечниковъ	36,57,	прочихъ	18,00
2. Phthisis	20,9	»	13,00

Не надо забывать, что посудники отличаются между прочими ра-
бочими порядочностью, чистоплотностью и акуратностью, такъ что
ихъ болѣзненность происходитъ прямо отъ характера работы, а
не отъ другихъ причинъ. Полицейскіе отчеты показываютъ, что они
всегда спокойный и благопристойный народъ. При производствѣ
кирпичей на дѣтей взваливали тягости, которыя едва по си-
мъ взрослому мужчинѣ. Теперь такая работа запрещена, по
закону и въ Ирландіи, для младшаго возраста и для дѣвушекъ моложе
16 лѣтъ. Инспекторамъ ради исполненія этихъ законовъ пришлось
вести тяжкую борьбу. Работа взрослыхъ кирпичниковъ не считается
опасной для здоровья и производитъ только ревматизмы, однакожъ,
статистическія данныя все-таки показываютъ и тутъ усиленную смерт-

ность. Каменоломни даютъ ушибы и болѣзни глазъ. Особеннаго вманія заслуживаетъ добываніе асписа. Добываніе металлической руже вредно для здоровья, но добываніе асписа еще вреднѣе. Иве утверждаетъ, что работникъ на этой работѣ сравнительно земледѣльцемъ жертвуетъ 29,34 годами своей жизни для полніа нѣсколько возвышенной заработной платы. Главная призра заключается въ дурномъ устройствѣ заведеній и жилищъ, и непрестанно свирѣпствуютъ тифы и лихорадки. На стеклянныхъ заводахъ, устроенныхъ по-старому, работники сильно страдаютъ отъ жара и дурной вентиляціи, но на заводахъ новѣйшаго образца эти неудобства отчасти устранены. Грязь и зловредная пыль составляютъ и теперь принадлежность большинства заводовъ; при бутылочномъ дѣлѣ вредны испаренія мышьяка, а флинтъ-глясь даетъ свинцовые пары. Дѣти, кромѣ сильнаго жара, обременяются, какъ и въ производствѣ глиняной посуды, непомерной ходьбой съ тяжестими. При выдуваніи бутыловъ развиваются болѣзни легкихъ, а мускулы щекъ отъ постоянного упражненія то судорожно ватаиваются, то ослабляются и щеки раздаются, какъ надутые шары. Дѣтскіе организмы въ этой работѣ обыкновенно остаются недоразвитыми. Обжогі повторяются непрерывно и неизбежны, а жаръ вызываетъ потребление воды въ такихъ чрезмѣрныхъ дозахъ, что производятъ лихорадочные припадки. Совокупность вредныхъ вліяній при производствѣ стекла такъ велика, что стеклянные заводы нуждаются въ особенно тщательномъ за ними надзорѣ. Какъ внимательнужно слѣдить за каждымъ производствомъ для того, чтобы устранить гибельныя его вліянія, видно, напр., изъ того, что пообъяснимымъ причинамъ различныя производства порождаютъ увеличенную смертность преимущественно въ какомъ-нибудь опредѣленномъ возрастѣ. И стеклянная, и глиняная посуда усиливаютъ смертность почти во всѣхъ возрастахъ, кромѣ одного или двухъ, стеклянная дѣйствуетъ сильнѣе глиняной на возрастъ отъ 25 до 35 лѣтъ, а глиняная на остальные. Часовщики разстраиваютъ свое зрѣніе постояннымъ разсматриваніемъ микроскопическихъ предметовъ при сильномъ газовомъ освѣщеніи и страдаютъ отъ стеклянной пыли при опилкѣ стеколъ. Интеллигентность рабочихъ увеличиваетъ и въ другихъ отрасляхъ, гдѣ они столь-же интеллигентно служатъ для нихъ лучшимъ огражденіемъ отъ злоупотребленій чѣмъ опека и надзоръ, и они достигаютъ поразительной для об-

повеннаго работника старости. Въ желѣзномъ производствѣ на 127,548 работниковъ въ возрастѣ отъ 20 до 55 лѣтъ приходится только 11,842 работника старше 55 лѣтъ; даже въ кораблестроеніи, гдѣ работа считается одною изъ самыхъ здоровыхъ и гдѣ работники болѣе долговѣчны, чѣмъ въ другихъ промислахъ, на 30,662 работника перваго возраста приходится только 4,713 послѣдняго; а между часовщиками противъ 14,573 работниковъ перваго возраста мы имѣемъ 2,932 послѣдняго. Въ первомъ случаѣ число стариковъ болѣе чѣмъ въ десять разъ меньше числа молодыхъ, во второмъ — въ шесть съ половиною разъ, а въ послѣднемъ — число молодыхъ не превышаетъ стариковъ даже и въ пять разъ, хотя эта работа разстраиваетъ зрѣніе, легче утрачивающееся въ старости, чѣмъ мускульная вѣрность. Работа ювелира считается нездоровой и уродующей людей; очень нерѣдко работникъ остается безъ пальцевъ прежде, чѣмъ онъ успѣетъ приучиться къ дѣлу. Хорошая вентиляція и новѣйшіе способы производства значительно улучшаютъ положеніе рабочаго, старинные приемы губили рабочихъ посредствомъ меркуріальныхъ паровъ. Въ настоящее время вдыханіе полировальной пыли производитъ воспалительные процессы въ легкихъ и стѣсненіе въ груди. Когда гранятся драгоценныя камни, отдѣляется крайне тонкая пыль и, по увѣренію знаменитаго доктора Ричардсона, производитъ самую оригинальную болѣзнь легкихъ, которую ему когда-либо случалось видѣть; вскрытіе послѣ смерти показывало, что всѣ даже мельчайшіе сосуды легкаго были пронизаны иглами пыли. Тряпичники страдаютъ короткимъ дыханіемъ и склонностью къ воспаленію легкихъ. На бумажныхъ фабрикахъ пыль производитъ лихорадочныя состоянія, но это можетъ быть устранено усовершенствованнымъ производствомъ; труднѣе устранить возносный жаръ. Переплетчики и типографчики страдаютъ усиленной смертностью преимущественно отъ неправильнаго и почного труда и дурно вентилированныхъ помѣщеній. Въ особенности женщинамъ даютъ переплетную работу на домъ, чтобы обойти надзоръ, иѣщающій чрезмѣрному обремененію работой. Дѣломъ этимъ занимается множество очень мелкихъ капиталистовъ; въ ихъ жалкихъ помѣщеніяхъ нагрѣваніе производитъ невыносимую духоту. Не легко позодотѣ устроить хорошую вентиляцію очень трудно. Шпатель производится въ неловкомъ положеніи, одна рука должна

быть выше другой и отсюда происходить страданія грудной вѣтки. Упаковщики страдаютъ чахоткой отъ необходимости непрерывно наклоняться и прижимать работу къ груди. При набивкѣ обоевъ отдѣляется вредная пыль отъ красокъ, дѣти покрываются густымъ ея слоемъ, изумрудно-зеленая краска наполняетъ воздухъ частицами мышьяка.

Въ знаменитой отрасли хлопчато-бумажнаго производства введеніе машинъ было сначала величайшимъ бѣдствіемъ для рабочаго; отъ неблагоприятныхъ гигиеническихъ условій цѣлыя массы работниковъ дѣлались чахлыми, больными и уродами. Въ тѣсныхъ, жаркихъ, дурно вентилированныхъ помѣщеніяхъ работали безмѣрно день и ночь, и, наконецъ, фабричнаго работника можно было узнавать съ перваго взгляда по его крайне болѣзненному виду. Машина начинаетъ свое дѣло очисткой хлопчатой бумаги; это производитъ непроглядную пыль, отъ которой работника можно спасти только самыми сильными вентиляторами. Тамъ, гдѣ хлопчатая бумага ссучивается въ длинныя нити, пыль дѣлается чрезвычайно тонкой, и если бумага не хорошаго качества, то воздухъ наполняется и грубыми частицами. На первый взглядъ въ этихъ помѣщеніяхъ атмосфера кажется довольно сносною, но стоитъ взглянуть на работника, чтобы убѣдиться, какъ онъ весь, а слѣдовательно, и его легкія, наполняются и пропитываются этой пылью. Пыль увеличивается при очищеніи крючковъ, производимыхъ отъ трехъ до пяти разъ въ день. Недолго работникъ можетъ выдерживать эту работу; его лицо блѣднѣетъ, щеки вваливаются, воспаленіе легкыхъ дѣлается хроническимъ, кашель, исхуданіе, постоянный поносъ являются зловѣщими признаками мрачнаго будущаго; онъ начинаетъ харкать кровью, микроскопъ показываетъ массы хлопчато-бумажной пыли, плавающей въ мокротѣ. Чтобы избѣгнуть этого, машины покрываются и посредствомъ особнхъ приспособленій сами очищаютъ себя. При убійственной жарѣ запрещаютъ открывать окна для того, чтобы вѣтеръ не произвелъ беспорядка въ работѣ. Въ новѣйшее время проклейка стала давать поводъ къ фальсификаціи въ обширѣйшихъ размѣрахъ; для этого къ глинямъ примѣшиваютъ квасцы, баритъ и мышьякъ; ядовитая пыль этой смѣси производитъ у рабочихъ чахотку. Такъ-какъ вѣсъ проклейки равняется часто вѣсу бумаги, то работники страдаютъ всѣми тѣми болѣзнями, отъ которыхъ гибнутъ при

производствѣ фарфоровой посуды. Въ Шотландіи заму́жная женщина считаетъ для себя срамомъ работать на бумажной фабрикѣ; въ Англіи, наоборотъ, она хвалится своими высокими заработками, и чтобы ихъ имѣть, отдаетъ своего ребенка за ничтожную плату нянькѣ, которая отравляетъ его опиумомъ. Если-же она воспитываетъ его сама, то обыкновенный исходъ: поносъ, судороги и смерть. Медикъ Личъ объясняетъ причину этого такимъ образомъ: „въ 6 часовъ мать оставляетъ ребенка спящимъ, въ 8 она его кормитъ. Затѣмъ его пичкаютъ всякими непереваримыми для него веществами. Въ полдень она возвращается взволнованная и изнуренная; ея молоко только вредитъ ребенку; до 6 часовъ слѣдуетъ новое отравляющее пичканье, а въ 6 не менѣе зловерное кормленіе грудью“. Теперь хлопчато-бумажныя фабрики — настоящіе дворцы; работникъ имѣетъ въ нихъ втрое болѣе воздуха, чѣмъ имѣлъ прежде, и все-таки зло далеко не устранено. Въ 1830 г. уродовъ на фабрикахъ было столько-же относительно работниковъ, сколько матросовъ въ Ливерпулѣ относительно населенія города; теперь, во крайней мѣрѣ, смертность между рабочими не превышаетъ средняго уровня; для достиженія этого результата издано было одно за другимъ 27 законоположеній, изъ которыхъ каждое было плодомъ основательнаго изслѣдованія.

Обработка льна — эта промышленность принадлежитъ преимущественно злополучной Ирландіи. Этимъ дѣломъ заняты въ Англіи 19,816 чел., въ Шотландіи — 49,917 чел., въ Ирландіи — 55,039 чел. Она и носитъ на себѣ печать той небрежности и невниманія къ человѣку, которыми отличается управленіе Ирландіи. Машины не покрыты, работники проваливаются туда и уродуются, помѣщенія не вентилированы и полны льняной пылью, производящей хроническій кашель и чахотку; офталмія и болѣзненное состояніе роговыхъ оболочекъ глаза также обыкновенны. Ленъ распиливается на три части круглыми пилами, которыми постоянно коверкаются руки надзирающихъ за ними дѣтей. Мак-Комбъ придумалъ приспособленіе для ихъ огражденія. Чесаніе льна производитъ у дѣтей особенный спазмодическій кашель, который получилъ свое названіе отъ происходящей при этомъ пыли. Всѣ эти неудобства увеличиваются въ канатномъ передѣлѣ, гдѣ самыя плохія вентиляторы не въ состояніи удалить массы пыли. Работы производятся въ высокой температурѣ, переполненной паромъ, „Дѣло“, № 10, 1878 г.

платье промокаетъ насквозь и при переходѣ въ холодный воздухъ непрерывныя простуды производятъ особую скоротечную лихорадку. Въ чесальнѣ смертность усиленная, а въ трепальнѣ она втрое значительнѣе, чѣмъ даже въ льнопрядильнѣ. Опытъ показываетъ, что всѣ эти гибельныя вліянія могли-бы быть устранены, но не устраняются. Шерсть, въ особенности шерсть ламы, даетъ минеральную пыль, производящую специальную болѣзнь, которая носитъ названіе „болѣзни сортировщиковъ“. Является острое воспаленіе легкихъ, сердце перестаетъ биться и въ два или три дня человекъ умираетъ. Эти безобразія въ значительныхъ размѣрахъ устранены, но смертность женщинъ до сихъ поръ чрезмѣрна (средняя—866 на 100,000 чел., а у сувонщицъ—941 и 1,009 и даже 1,197). Особое занятіе составляетъ фабрикація шерсти изъ рублища; громадное количество пыли, которое при этомъ отдѣляется, порождаетъ специальную рублищную лихорадку.

Еще въ 1833 г. обработка шелка сопряжена была съ значительнымъ вредомъ для здоровья дѣтей: они имѣли жалкій видъ, говорили хриплымъ и гнусливымъ голосомъ; и теперь встрѣчаются зловредныя условія, извѣстными работами повреждаются пальцы. При производствѣ кружевъ жаръ такъ изнурителенъ, что работающіе очень часто доходятъ до обморока; за этимъ слѣдуютъ простуды и чахотки. Въ особенности вредна гофрировка. Одинъ врачъ изъ Ноттингема въ слѣдующихъ цифрахъ показываетъ увеличеніе числа чахоточныхъ съ развитіемъ этого производства: въ 1852 г. 1 изъ 45, въ 1854 г. 1 изъ 17, въ 1858 г. 1 изъ 15, въ 1859 г. 1 изъ 9, въ 1860 г. 1 изъ 8, въ 1861 г. 1 изъ 8. Починка и исправленіе кружевъ разстраиваетъ зрѣніе, такъ-какъ при этомъ употребляются увеличительныя стекла и бѣлое блестящее и черное кружево одинаково раздражаютъ глаза; страдаютъ еще глазныя мускулы, движеніемъ которыхъ человекъ опредѣляетъ разстояніе.

Въ производствѣ бумагеи, бархата и пр., кромѣ зловредной пыли, господствуетъ еще специальное уродство—искривляется позвоночникъ и выворачивается колѣно отъ условій работы. Это, въ особенности въ прежнее время, дѣлало изъ работниковъ родъ всѣми признаваемыхъ паріевъ.

Въ частныхъ заведеніяхъ дѣти учились издѣлять изъ союмы, начиная отъ трехъ лѣтъ; съ помощью непрерывнаго свѣ-

ніа, подъ вліяніємъ страха, они отъ непосидьной торопливости уродовали себѣ пальцы и раздирали рты; употребленіе стѣры въ дѣлѣ порождало упорныя болѣзни. Въ бѣльняхъ преобладаютъ ревматизмы, производимыя высокою температурой и сыростью. Модистки страдали отъ чрезвычайно тѣсныхъ помѣщеній. По показанію Вейта, въ одномъ изъ заведеній обмороки становились обыкновенными, когда скоплялось до 130 работницъ въ комнатахъ; ихъ было до 400 и онѣ скоплялись въ трехъ комнатахъ. Достаточно было одного сезона, чтобы навсегда уничтожить здоровье работницы. Редклифъ составилъ цѣлый каталогъ спеціальныхъ болѣзней модистокъ: нервныя головныя боли, тикъ, неправильное дыханіе и пищевареніе, неправильное мочеиспусканіе, неправильное развитіе, чахотка, опуханіе ногъ, изъязвленіе нижнихъ оконечностей, въ особенности у тѣхъ, которыя стоя отдѣлываютъ бальныя наряды. Болѣзни эти происходили исключительно отъ работы и постоянно развивались, пока работа продолжалась. То же подтверждали докторъ Ордъ, Веллердъ, Летсби. Законодательныя мѣры и введеніе швейныхъ машинъ значительно улучшили положеніе. Портныя страдаютъ грудью и глазами. Смертность портныхъ и сапожниковъ значительно выше средняго уровня. До введенія машинъ дѣти въ сложномъ мастерствѣ дѣлались горбатыми. Тамъ, гдѣ необходимо постоянно стучать молоткомъ, работники страдаютъ нервнымъ раздраженіемъ; отъ держанія гвоздей во рту происходятъ трудно излечимыя изъязвленія, мерцаніе матеріала и сильный свѣтъ газа разстраиваютъ зрѣніе. Перчаточники блѣдны и имѣютъ узкую грудь отъ постоянно наклоннаго положенія съ молодыми лѣтъ. Пальцы цвѣточницъ страдаютъ отъ проволоки и шелковыхъ нитей. Употребленіе зелени шеле и вердегри производитъ отравленіе. Обыкновенныя хроническія воспаленія глазъ и глазная болѣзнь *asthenopia* отъ блеска бѣлыхъ цвѣтовъ въ газовомъ освѣщеніи. При карбонизаціи тростей и ручекъ работники страдаютъ отъ отдѣляющейся углекислоты. Отъ выдѣлки кожъ страдаютъ преимущественно старыя работники. Производства, гдѣ употребляется ваполитанская конопля, порождаютъ спазмодическій кашель, который продолжается нѣсколько часовъ по окончаніи работы. У веревочниковъ уродуется нога, они должны выворачивать волѣно въ одну сторону, а ногу въ противоположную. Табачныя фабрики создаютъ блѣдныхъ и больныхъ людей; головокруженія, рвоты,

стѣсненное дыханіе сопровождаютъ эту работу. Особенно вредно производство нюхательнаго табаку. Слабогрудные получаютъ чахотку, другіе страдаютъ упорнымъ несвареніемъ пищи. Очень немногіе остаются здоровыми и могутъ продолжать свое дѣло, переваливъ за сороковой годъ. Пивовареніе — здоровое ремесло, но за то продавцы, подносчики и половые страдаютъ едва-ли не наиболее сильной смертностью, которая приписывается привычкѣ пить не закусывая. Ремесло трубочистовъ славится съ давнихъ поръ господствующимъ въ немъ варварствомъ. Для того, чтобы *ребенокъ* могъ безопасно исполнять свое дѣло, у него искусственно производились мозоли и затвердѣнія. Кожу на локтяхъ и колѣняхъ растравляли ѣдкими жидкостями передъ горячей печью. Такое всильственное произведеніе воспаленія и затвердѣнія равнялось *любой* средневѣковой пыткѣ. Не будучи въ состояніи переносить страданій, мальчикъ сначала не поддается ни угрозамъ, ни просьбамъ; тогда его посылаютъ на работу, онъ возвращается измученный и рыдающій, весь въ крови, локти ободраны, колѣни имѣютъ видъ какъ-будто всѣ покровы сняты. Въ этомъ положеніи съ нимъ повторяется пытка съ употребленіемъ солянаго раствора. Когда онъ снова отказывается выносить ее, его снова посылаютъ на работу. Есть дѣти, которыхъ мучатъ такимъ образомъ непрерывно цѣлые годы. Они спали въ подвалахъ и покрывались тѣми самыми мѣшками, въ которые собирали сажу. Ночью грубая ткань вшивалась къ нимъ въ раны и раздирала ихъ. Сажа притягивала сырость и окружала ихъ такой атмосферой, въ которой свѣча не могла давать достаточно свѣта, чтобы можно было читать. Они часто принуждены работать въ холодъ и въ дождь, вставая въ 2 и 3 часа утра. Живутъ они въ невѣроятной грязи и бѣлье носятъ не смѣняя, пока оно не разрушится; случается, что мальчика втеченіи цѣлаго года моетъ одинъ дождь, есть и такіе, которые ни разу не мылись съ тѣхъ поръ, какъ занимаютъ своимъ ремесломъ. Они умираютъ въ большомъ числѣ отъ чахотки, у многихъ отъ грязи дѣлается ракъ, случается также, что они падаютъ въ отверстіе трубы, сгораютъ или задыхаются отъ копоти; иногда работа такъ опасна, что ихъ напиваютъ пьяными для того, чтобы они на нее рѣшались, и, по ея окончаніи, они остаются на-вѣкъ обезображенными или уродами. Существуютъ средства, которыми могутъ быть устранены всѣ эти

арства, существуетъ трубочистная машина, но для ея прі-
ня необходимы измѣненія въ устройствѣ печей, а домовла-
ды упорно сопротивляются этому; нѣжныя леди-домовладѣ-
ницы стоятъ во главѣ оппозиціи.

Мы сдѣлали возможно краткій обзоръ отраслей промышленнаго
водства, но и этого слишкомъ достаточно для того, чтобы
мы могли понять, какою цѣною покупаются тѣ предметы
жизни, которыми гордится наша цивилизація, и что значитъ
для народа промышленное развитіе. Промышленность даетъ удоб-
ства жизни и увеличеніе этихъ удобствъ громадно для обра-
батывающаго класса; совершенно понятно, почему цивилизація для него
привлекательна, почему она представляется ему такимъ прелестнымъ
жизнемъ; но картина мѣняется, если мы обратимся къ массѣ ра-
бочаго народа. И тутъ передъ нами разница несомнѣнная; пе-
реходъ отъ земледѣлія къ промышленной работѣ, работникъ пере-
ходитъ отъ низкой заработной платы къ болѣе возвышенной, онъ
начинаетъ получать вдвое и вчетверо болѣе. На низкихъ ступе-
няхъ культуры этотъ контрастъ даже наиболѣе поразителенъ,
въ развитѣи онъ сглаживается. Но если отъ сравненія денежной
жизни мы перейдемъ къ сравненію образа жизни, то блестящая
картина результата исчезнетъ. Будучи земледѣльцемъ, рабочий
имѣетъ хотя грубую, но за то человѣческую, семейную жизнь въ
здоровомъ помѣщеніи; теперь помѣщеніе его тѣсно, семейная
жизнь для него — тяжелая обуза и онъ находится въ непрерывной
борьбѣ съ своими инстинктами размноженія, — въ борьбѣ, которая
приводитъ его съ собою развратъ и всѣ его страданія. Въ сущности,
его соблазняетъ на этотъ переходъ возможность располагать
своими денежными средствами, которыя даютъ ему возможность чище
одеваться, представлять изъ себя болѣе презентабельную внѣшность,
ходить въ кафтанѣ, есть — выпить и покурить. Наши цивилизаторы вѣчно воз-
буждаютъ противъ пьянства рабочихъ, но не будь пьянства, не
было бы и того весьма неблагоприятнаго соблазна, не было бы и про-
ности, не было бы побужденія переходить отъ нормальныхъ
земледѣльческаго труда ко всѣмъ мытарствамъ промышлен-
наго труда. Только мало-по-малу и путемъ умственного развитія про-
мышленный работникъ научается переходить изъ чернаго тѣла ка-
кого-нибудь забулдыги, вѣчно запутаннаго въ долгахъ, полукабаль-
ника, въ положеніе личности, ведущей согласную съ чело-

вѣческимъ достоинствомъ жизнь; но за то онъ этой степени развитія можетъ достигнуть не иначе, какъ ставъ во всѣхъ отношеніяхъ выше того уровня, на которомъ стоитъ земледѣлецъ; общество должно помочь ему въ этомъ переходѣ, или оно готовитъ само для себя злополучнѣйшую судьбу. Мы прошли промышленное производство во всѣхъ его изгибахъ и оказалось, что за исключеніемъ, можетъ быть, плотничества и кораблестроенія, нѣтъ ни одной сколько-нибудь видной отрасли, въ которой работа не была бы сопряжена съ такими неизбежными страданіями, которыя порождаютъ болѣзненность и усиленную смертность. Эта усиленная смертность такъ велика, что въ промышленныхъ центрахъ и городахъ она значительно возвышаетъ относительную смертность населенія, несмотря на то, что тутъ-же живутъ люди, пользующіеся всѣми удобствами жизни и которые для цѣлыхъ кварталовъ даютъ наиболѣе благоприятную смертность въ странѣ. Въ добавокъ къ этой смертности работающихъ является усиленная смертность дѣтей, брошенныхъ на произволъ судьбы въ то время, когда родители убиваются на работѣ. Къ тому, что противно всѣмъ естественнымъ инстинктамъ самосохраненія не только человѣка, но и животнаго, человѣкъ не можетъ привыкнуть. Невозможно дѣлать всѣ усилія и нести бремя тяжкаго труда для того, чтобы обезпечить свое существованіе и удовлетвореніе своихъ потребностей; видѣть, что эти самыя усилія подтачиваютъ ваше существованіе, раскрываютъ передъ вами бездну скорби, перспективу болѣзни, уродства, пауперизма—и оставаться спокойнымъ и апатическимъ зрителемъ этого факта. Работникъ старается забыться въ винѣ и кутежахъ,—тѣмъ хуже для него: онъ этимъ только растравляетъ свои раны и усиливаетъ въ себѣ состояніе безпокойства и отчаянія. Вотъ почему общество дѣлается безпокойнымъ и безопасность исчезаетъ всюду, гдѣ появляется пролетаріатъ; такъ было всегда и будетъ неизмѣнно до тѣхъ поръ, пока корень зла не будетъ понятъ и устраненъ. Тамъ, гдѣ на это явленіе не обращается никакого вниманія, въ Греціи, въ Римѣ, въ Китаѣ, Японіи, развитіе промышленности сопровождалось постояннымъ появленіемъ искателей приключеній, которые, внося мятель повсюду, производили страшныя потрясенія и покрывали страну сотнями тысячъ жертвъ и развалинами городовъ. Оставаться при одномъ земледѣліи съ возрастающимъ населеніемъ—это значитъ создать въ странѣ та-

кую бѣдность и тѣсноту, чрезъ которыя она, подобно Испаніи и Италіи, будетъ наполняться разбойничьими шайками. Допускать развитіе промышленности и потомъ смотрѣть спустя рукава на участь рабочаго—это значитъ порождать опасность другого рода. Когда въ іюнѣ баронъ Крупъ обличалъ революціонныя страсти въ Германіи, англійскія газеты совершенно основательно замѣтили, что опасность дѣйствительно существуетъ въ Германіи, но не отъ какаго-нибудь ученія, а отъ дурного управленія. Ничего не дѣлать необходимаго для огражденія рабочаго и для вспоможенія ему при выходѣ изъ его ненормальнаго положенія, надѣясь, что все это сдѣлается само, какииъ-то чудомъ, — это менѣе всего значитъ понимать государственную задачу. Сдѣланный нами обзоръ страданій, прямо вытекающихъ изъ промышленной работы, вполне убѣждаетъ, что рабочій самъ собственными силами, безъ помощи правительства, никакъ не можетъ помочь себѣ. Примѣръ Англійи и Америки показываетъ, что помощь правительства должна заключаться прежде всего въ обезпеченіи рабочему народу богатыхъ мѣстъ переселенія, для того, чтобы держать заработную плату и заработки на надлежащей высотѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ способствовать быстрому переходу промышленности отъ менѣе усовершенствованныхъ къ болѣе усовершенствованнымъ способамъ производства, потому что именно эти менѣе усовершенствованныя отрасли производства самыя нездоровыя и самыя мучительныя. Съ развитіемъ этихъ способовъ заработная плата возвышается и зловредность работы уменьшается и наконецъ даже исчезаетъ, по крайней мѣрѣ, при усердномъ и настоящемъ надзорѣ.

Н. Ф.—иѣ.

* * *

Да, можетъ быть, и правы старики,
Что въ ихъ года жилося веселѣе:
Отъ тяжкихъ думъ, сомнѣній и тоски
Осенней ночи наша жизнь темнѣе.
Быть можетъ, жизнь тогда лишь хороша,
Какъ счастья чашу выпиваешь разомъ,
И лишь тогда блаженствуетъ душа,
Когда молчитъ забытый ею разумъ.

Ф. Андреевъ.

МАНКА ЦИВИЛИЗАЦІИ.

Per me si va tra la perduta gente.

Dante.

I.

ЕВРОПЕЙСКІЕ ВАРВАРЫ.

Какъ Франція среди рукоплесканій и вликовъ разднуетъ всемірное торжество новѣйшаго индустріяля напоказъ досужимъ зрителямъ въ роскошнѣйшихъ перяхъ и павильонахъ Трокадеро многообразнѣйшіе трофеи побѣдъ, одержанныхъ трудомъ, знаніемъ и вѣстостью на всевозможныхъ промышленныхъ поприщахъ, считаемъ нелишнимъ обратить вниманіе читателя на оборону этой блестящей медали. Мы хотимъ разосеять его безобразной наготѣ тотъ мрачный, скорбный, гнетущій, который копошится подъ ногами этихъ ликующихъ и рвущихъ бойцовъ, гнѣздится въ зловонныхъ подпольныхъ трущобахъ, по тюрьмамъ, по кабакамъ и по общиннымъ пріютамъ горя, нищеты и разврата. Безъ освѣщенія картина современнаго быта, рисуемая парижской выставкою, остается слишкомъ одностороннею и неинтересною. Въ этнографическихъ и антропологическихъ галереяхъ случайно или преднамѣренно, пропущенъ одинъ значительный типъ европейскаго варвара конца XIX столѣтія, однакожь, гораздо больше задѣваетъ насъ заживо эти австралійскіе, средне-африканскіе или гиперборейскіе варвары.

Существованіе этого типа во всѣхъ и даже преимущественно въ наиболѣ передовыхъ и просвѣщенныхъ странахъ не станеть, конечно, отрицать тотъ, кто знаетъ современную европейскую жизнь, хотя-бы только по произведеніямъ лучшихъ новѣйшихъ романистовъ. Новѣйшую белетристику Франціи, Англіи и Италіи несправедливо было-бы упрекать въ томъ, что она будто-бы намѣренно отворачивается отъ скорбной и мрачной изнанки цивилизаціи или идеализируетъ ее изъ какихъ-бы то ни было эстетическихъ или филантропическихъ соображеній. Совершенно на-противъ: новѣйшія литературныя произведенія, какъ публицистическія, такъ и тѣ, которыя предназначаются для болѣе легкаго чтенія, а слѣдовательно, и для болѣе многочисленнаго и разнообразнаго круга читателей, все болѣе и болѣе принимаютъ свойственный имъ чисто-этнографическій характеръ и раскрываютъ передъ нами этотъ трущобный міръ безъ литературныхъ прикрасъ, точно также, какъ путешественники добраго стараго времени раскрывали передъ нами жизнь отдаленнѣйшихъ и наименѣе извѣстныхъ островитянъ. Достаточно напомнить только имена Гринвуда, Мэгью (Mayhew), Эмиля Золя и пр., которыхъ произведенія пользуются такою громкою извѣстностью. Само собою разумѣется, что мы не имѣемъ претензіи собрать здѣсь въ немногихъ страницахъ то громадное количество крайне интересныхъ и въ высшей степени поучительныхъ данныхъ о бытѣ отверженныхъ классовъ европейскаго общества, которое можно извлечь изъ вышеупомянутыхъ белетристическихъ и публицистическихъ произведеній, стоившихъ своимъ авторамъ болѣе труда, болѣе энергіи и наблюдательности, чѣмъ, можетъ быть, самое пресловутое путешествіе Стэнли по слѣдамъ Ливингстона. Всѣ они имѣютъ характеръ по-преимуществу бытовой, и въ этомъ отношеніи дороги для насъ обиліемъ и богатствомъ списанныхъ съ природы подробностей. Мы охотно ссылаемся на нихъ и потому, чтобы не имѣть необходимости длинными разглагольствованіями, статистическими цифрами и цитатами доказывать существованіе того отверженнаго класса, о которомъ мы намѣрены говорить. Но чтобы изобразить этотъ міръ въ сжатыхъ и опредѣленныхъ чертахъ, мы вынуждены обратиться къ инымъ приемамъ и къ инымъ источникамъ, пользующимся гораздо меньшею популярностью. Прежде, чѣмъ говорить о главномъ предметѣ, мы должны сказать нѣсколько словъ

о самомъ матеріалѣ, имѣющемся у насъ подъ рукою, а матеріалъ этотъ слишкомъ своеобразенъ и слишкомъ новъ, такъ-что мы не можемъ охарактеризовать его вскользь и безъ нѣкотораго отступленія.

Тотъ отверженный міръ, которому мы посвящаемъ эту статью, относится, вообще говоря, довольно безучастно къ преобладающему строю общеевропейской культурной жизни, но онъ живетъ въ слишкомъ непосредственномъ, въ слишкомъ тѣсномъ сосѣдствѣ съ нимъ, а потому и вынужденъ ежеминутно вступать въ общеніе съ этимъ преобладающимъ культурнымъ строемъ. Общенія этихъ двухъ, столь существенно отличныхъ одинъ отъ другого міровъ, весьма естественно имѣютъ грубый, насильственный, часто совершенно варварскій характеръ. Самую обычную форму такихъ общеній составляетъ преступленіе. Этимъ мы вовсе не хотимъ еще сказать, чтобы европейскій дикарь неизбѣжно долженъ былъ совершать свое появленіе на культурномъ поприщѣ въ столь неблагоприятной и неблагоприятной роли преступника, хотя нѣкоторые очень ученые и очень добросовѣстные, но слишкомъ близорукіе и односторонніе изслѣдователи утверждаютъ именно это. Многіе изъ этихъ дикарей бончаютъ свою жизнь, не ознакомившись съ уголовнымъ судомъ, ни даже съ исправительною полиціею. Нѣкоторые ежечасно оказываютъ культурному человѣку разнаго рода услуги. Получивъ за эти услуги подобающее имъ вознагражденіе, европейскіе варвары снова исчезаютъ въ преисподнихъ трущобахъ; культурный-же европеецъ, за исключеніемъ очень немногихъ любопытныхъ изслѣдователей и филантроповъ, вовсе не интересуется ими. Надо признаться, что съ эстетической точки зрѣнія они дѣйствительно представляютъ очень мало интереснаго. Совершенно иное дѣло, когда европейскій дикарь является передъ нами съ ярлыкомъ преступника. Тогда имъ начинаютъ заниматься, потому что въ этомъ видѣ онъ непосредственно угрожаетъ жизни и имуществу миролюбивыхъ гражданъ и даже ложится очень ощутительною тяжестью на государственннй бюджетъ: для него строятся тюрьмы, противъ него содержится многочисленная рать всевозможныхъ охранителей и агентовъ общественной безопасности и порядка...

Въ Бразиліи нибудь полтора ста или даже всего только сто лѣтъ тому назадъ, по малѣйшему подозрѣнію въ нарушеніи законовъ, людей жгли на медленномъ огнѣ, выпятили въ маслѣ

или въ смолѣ, рвали клещами на части и т. п. Во Франціи въ 1780 году, т. е. наканунѣ созванія генеральныхъ штатовъ, одного колесовали за покражу куска сыра; другой за похищеніе парчи изношеннаго платья подвергся той-же самой участи, наравнѣ съ убійцею, варварски задушившимъ свою жену. Разсуждая заднимъ умомъ объ этихъ ужасахъ, нѣкоторые новѣйшіе юристы хотятъ подвести варварскую уголовную процедуру добраго стараго времени то подъ *теорію интимидации* или устрашенія будущихъ преступниковъ примѣрами жестокой казни, то подъ *теорію возмездія* или мщенія. На нашъ взглядъ, подобныя объясненія прежнихъ юридическихъ жестокостей крайне поверхностны, и уголовное мировоззрѣніе нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ не можетъ быть подведено ни подъ какую идею или сознательную теорію. Достаточно вспомнить только, что самую свирѣпую сторону отжившей уголовщины составляла пытка, которой подвергались не уличенные еще преступники, а только лица, подозрѣваемые въ преступленіи. „Несчастливая! говорилъ одинъ сердобольный нѣмецкій судья жещинѣ, пытаемой по обвиненію въ волшебствѣ: — охота-же тебѣ переживать тысячу смертей. Признайся скорѣе, хоть-бы ты и не была виновна, тогда умрешь только одинъ разъ, а вѣдь это для тебя несравненно легче“.

Пытка побазываетъ намъ, что уголовныя воззрѣнія прошлыхъ столѣтій нельзя примирить даже съ идеею полного безправія и безответственности лица передъ обществомъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ какой стати судьи выпытывали-бы у подсудимаго собственное его признаніе, еслибы нравственно они считали себя вправѣ распорядиться его судьбою по своему произволу? Тутъ, конечно, мы имѣемъ дѣло съ замѣчательнымъ извращеніемъ коллективной умственной и психической дѣятельности, съ тѣмъ патологическимъ состояніемъ общества, объясненія котораго надо искать въ самыхъ бытовыхъ условіяхъ его жизни.

Нельзя не обратить вниманія на то, что уголовное законодательство прошлыхъ столѣтій свирѣпствовало всего больше противъ такихъ преступленій, которыя приписывались навожденію нечистой силы, а слѣдовательно и не могли быть предотвращены страхомъ наказанія. Вопросъ о вѣрности такъ мало возникалъ въ умахъ прежнихъ судей, что они, напримѣръ, нисколько не конфузясь, приговаривали къ сожженію, наравнѣ съ другими колдунами и

еретиками, кобылу, продѣлывавшую на площадяхъ и въ балаганахъ какіе-то фокусы, принятыя по невѣжеству за колдовство. Очевидно, это дѣлалось не въ видахъ интимидациі всѣхъ будущихъ кобылъ, которыхъ хозяева вздумаютъ обучить тому-же бѣсовскому искусству. Замѣчательно, что однимъ изъ главнѣйшихъ поводовъ къ осужденію во Франціи этой кобылы послужило то, что она была родомъ изъ Англіи, страны, какъ извѣстно, по преимуществу еретической. Съ другой стороны, очень не трудно было понять, что варварскія наказанія, опредѣляемыя прежнимъ законодательствомъ за ничтожныя преступленія, часто даже за проступки, должны были вести не къ уменьшенію числа преступленій, а только къ увеличенію ихъ, потому что они создавали многочисленныя массы бродягъ, которымъ нечего было терять, которые отъ закона не могли ждать себѣ пощады. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что европейскіе законодатели XVIII или даже XVII и XVI столѣтій легко-бы поняли это, еслибы ихъ взгляды на преступленіе и наказаніе вытекали дѣйствительно изъ какихъ-бы то ни было цѣлесообразныхъ побужденій.

Нашъ взглядъ на кровавую уголовщину добраго стараго времени значительно выяснится, если мы вспомнимъ, что всѣ европейскія государства, такъ далеко забѣжавшія теперь на пути прогресса, начали свое историческое поприще въ томъ полудикомъ состояніи, когда публичное приношеніе человѣческихъ жертвъ было религіознымъ обычаемъ у всѣхъ безъ исключенія индо-германскихъ народовъ. Въ эпоху первоначальной неурядицы въ жертву приносились военнопленные, въ которыхъ при постоянной враждѣ между собою племенъ не могло быть недостатка. Но какъ скоро всеобщее броженіе стало устанавливаться въ опредѣленные феодальныя и государственныя формы, войны не только сдѣлались рѣже, но и стали исключительнымъ достояніемъ привилегированнаго сословія. Воинъ, рыцарь, даже попадаясь въ плѣнъ къ своему заклятому врагу, не переставалъ считаться существомъ высшаго порядка. Онъ могъ быть убиаемъ благороднымъ образомъ, но не обращаемъ въ раба, а еще менѣе въ жертву.

Возвращаясь къ человѣческимъ жертвоприношеніямъ, мы попрежнему замѣчаемъ, что по мѣрѣ того, какъ въ людяхъ исчезаетъ мясо принесенныхъ въ жертву плѣнниковъ, а съ другой стороны, становится труднѣе доставать большое количество

плѣнниковъ на закланіе, въ выборѣ жертвъ обнаруживается значительное измѣненіе. Мы даже можемъ указать два различныя пути, которыми измѣненіе это идетъ у различныхъ народовъ. Одни стремятся, такъ-сказать, замѣнить количество жертвъ, закалываемыхъ ими своимъ богамъ, качествомъ этихъ жертвъ, т. е. начинаютъ требовать, чтобы закалываемая жертва была непорочною какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Въ этому очень часто присоединяется новое требованіе, чтобы жертва шла добровольно на казнь, иногда сопровождаемую всевозможнаго рода мученіями. Иногда обращается особенное вниманіе на то, чтобы закалываемая или сожигаемая жертва была особенно дорога той семьѣ, тому племени или народу, которые обрекаютъ ее своимъ богамъ. Сообразно съ этимъ возрѣніемъ мы видимъ, что въ жертву приносятся чистыя дѣвы, непорочныя дѣти или доблестные мужи, спасители и благодѣтели отечества, добровольно жертвующіе собою. Однакожь, такъ-какъ подобные герои находятся не всегда и не вездѣ, то и человѣческія жертвоприношенія у такихъ народовъ скоро перестаютъ быть правильными, периодически; къ нимъ прибѣгаютъ только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, по повелѣнію оракула или для того, чтобы спасти общество отъ грозящей ему внезапной бѣды: моровой язвы, голода, непріятельскаго нашествія и т. п. Многочисленные примѣры этому находятся во всѣхъ историческихъ учебникахъ и мы считаемъ излишнимъ повторять ихъ здѣсь. Но у многихъ другихъ народовъ метаморфоза совершается нѣсколько иначе: недостающихъ плѣнниковъ начинаютъ замѣнять рабами или другими субъектами, жизнь которыхъ въ глазахъ жертвоприносителей не имѣетъ никакой цѣны. Этимъ путемъ обреченіе на жертву пріобрѣтаетъ очень скоро характеръ наказанія, казни, безъ всякаго, однакожь, соотношенія къ возмездію или справедливости. Хозяинъ, отдававшій своего раба на жертву, очень естественно останавливалъ свой выборъ на такомъ, котораго потеря была-бы для него наименѣе чувствительна. Такъ, напримѣръ, римскій патрицій отсылалъ въ даръ на съѣденіе звѣрямъ повара, дурно приготовившаго его любимое соусъ, или сводника, несумѣвшаго доставить ему какую-нибудь соблазнительную красавицу и т. п. А между тѣмъ римляне имѣли очень опредѣленное понятіе о правѣ и даже насъ научили множеству юридическихъ вляузъ. Само собою разумѣется, что

римскій патрицій временъ имперіи вовсе не считалъ неумѣнне изготовить хорошій соусъ преступленіемъ, заслуживающимъ примѣрной смертной казни. Но что-жъ дѣлать! Въ его согражданахъ былъ сильно развитъ вкусъ къ кровавымъ зрѣлищамъ цирка, давно уже утратившимъ религіозное значеніе, но сохранившимся въ силу атавизма отъ тѣхъ временъ, когда приношеніе человѣческихъ жертвъ неуклонно предписывалось религіей.

Христіанство измѣнило и смягчило этотъ взглядъ, но жаба атавизма по-прежнему оставался въ силѣ. Жажда къ кровавымъ зрѣлищамъ, вѣками вкоренившаяся въ западно-европейскихъ нравахъ, не только не могла отказаться отъ своего удовлетворенія, но очень скоро даже подсказала новыя мотивы для того, чтобы узаконить свои порожденія въ обновленномъ мірѣ. Она обрушивается прежде всего на дѣйствительныхъ или мнимыхъ враговъ христіанства. Дѣйствительно, мы видимъ, что не только въ началѣ среднихъ вѣковъ, но и значительно позже, почти до конца XVIII ст., во всѣхъ странахъ Европы устраивались въ опредѣленные сроки избиенія язычниковъ, цыганъ, жидовъ, колдуновъ, еретиковъ и т. п., имѣющія нѣкоторую юридическую обстановку, но по своей сущности вполне напоминающія кровавыя языческія обряды въ честь Діонисоса, Хроноса, Молоха и т. п. Обыкновенные уголовные преступники исчезаютъ почти незамѣтно въ общей массѣ жертвъ, умирающихъ въ невообразимыхъ мукахъ на площадяхъ большихъ городовъ, въ виду многочисленной толпы зрителей, стекающихся на лобныя зрѣлища со всѣхъ сторонъ вовсе не для того, чтобы искать тамъ поученія, потрясающихъ исправительныхъ примѣровъ, а единственно въ видахъ удовлетворенія бессознательно унаслѣдованной отъ предковъ жажды къ кровавымъ празднествамъ. Чтобы придать публичнымъ средневѣковымъ казнямъ ихъ первобытный видъ человѣческихъ жертвоприношеній, хватало только того, чтобы присутствующіе ѣли куски мяса жертвъ и пили ихъ кровь, какъ это и теперь дѣлается у нѣкоторыхъ полудикихъ племенъ, даже вышедшихъ изъ состоянія общаго людоедства. Впрочемъ, исторія новѣйшаго варварства вводитъ насъ на слѣды подобныхъ явленій даже въ нынѣшнемъ свѣтѣ. Бывали примѣры, что нѣкоторые, черезчуръ наэлектризованные зрители бросались на эшафотъ и жадно лизали кровь, только-что пролитую обезглавленнаго преступни-

ка. У большей части европейских простолюдиновъ до сих поръ еще существуетъ суевѣрное убѣжденіе, что кровь казненныхъ преступниковъ имѣетъ цѣлебныя свойства. Въ Италіи по свидѣтельству извѣстнаго профессора и эксперта судебной медицины Чезаре Ломброзо (см. его только-что отпечатанное въ Римѣ изданіемъ замѣчательное сочиненіе „L'Uomo delinquente“) нѣкоторые крестьяне собираютъ коллекціи череповъ казненныхъ преступниковъ, конечно, не съ цѣлью краниометрическихъ изслѣдованій. Въ сравнительно просвѣщенной Ломбардіи Ломброзо случайно познакомился съ такимъ любителемъ канибальскихъ рѣзокостей и предлагалъ ему большія деньги за собранные имъ 12 или 15 череповъ. Но крестьянинъ объявилъ наотрѣзъ, что онъ не продастъ своей коллекціи ни за какія деньги, даже еслибы ему приходилось умирать съ голоду. Онъ признался, что и самъ онъ, и большая часть его собратій смотрятъ на подобные останки, какъ на святыню. Признаніе это подтверждается нѣкоторыми народными пѣснями какъ сѣверной, такъ и южной Италіи. Весьма интересно было-бы прослѣдить географическое распространеніе подобнаго отношенія народныхъ массъ къ останкамъ казненныхъ преступниковъ; но у насъ нѣтъ подъ рукою достаточныхъ данныхъ для такого разслѣдованія. Можно, однакожь, смѣло утверждать, что оно не ограничивается однѣми только южно-европейскими народностями. Нѣкоторые слѣды его можно найти во Франціи, въ Швейцаріи и въ Германіи.

Что-же касается римскаго права, несомнѣнно игравшаго очень видную роль въ развитіи западно-европейскихъ народовъ, то мы замѣтимъ прежде всего, что его вліяніе гораздо существеннѣе въ области государственнаго и гражданскаго, чѣмъ уголовнаго права. А бытовое вліяніе римлянъ могло дѣйствовать только въ томъ именно смыслѣ, о которомъ мы здѣсь говоримъ. Римляне, правда, довольно рано вышли изъ періода обычныхъ человѣческихъ жертвоприношеній. Римскіе историки утверждаютъ, что еще Нума Помпилій замѣнилъ человѣческія жертвы разными символами: медными головками и луковицами, изображавшими человѣческія головы, вѣлами, листьями и т. п. Но обычай чрезвычайныхъ и добровольныхъ жертвъ сохранялся у нихъ во все время республики. Начиная-же съ эпохи Цезарей, по какому-то странному круговороту историческихъ судебъ, человѣческія жертвоприноше-

нія снова становятся у римлянъ правильными и періодическими и снова приобрѣтають на-время утраченное чисто-религіозное значеніе, безъ всякой примѣси гражданскихъ мотивовъ. Въ жертву приносятся главнѣйшимъ образомъ рабы, которыхъ владѣльцы отдають добровольно и по своему произволу, не стѣсняясь ихъ добронравіемъ или преступностью. Къ рабамъ присоединяются провинившіеся солдаты, а также и другіе преступники. Впослѣдствіи-же на эту трагическую роль обрекались, какъ извѣстно, христіане. Такимъ образомъ, весьма легко понять, что этотъ римскій складъ кровавыхъ казней перешель по традиціи и къ ближайшимъ наслѣдникамъ Западной имперіи. Складъ этотъ существенно характеризуется тѣмъ, что преступность, нарушеніе законовъ страны, служить только внѣшнимъ поводомъ къ тому, чтобы субъектъ обрекался на роль жертвы, предназначенной погибнуть при ближайшемъ кровавомъ празднествѣ. Что-же касается рода смерти, на которую осуждался субъектъ, а слѣдовательно, и большей или меньшей мучительности казни, то она обуславливалась вовсе не степенью преступности лица, а атавистическимъ характеромъ праздника, на которомъ ему предназначено было умереть.

Этотъ взглядъ на уголовную практику добраго стараго времени, къ сожалѣнію, не развитъ ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ специальныхъ, а тѣмъ менѣе популярныхъ сочиненій, а потому мы беремъ его на свою собственную отвѣтственность. Впрочемъ, всё его элементы собраны нами очень тщательно изъ довольно многочисленныхъ трактатовъ по исторіи первобытной культуры вообще и исторіи языческихъ религій (Зепль, Вутке, Бэсакъ и пр.) въ частности. Карлъ Фогтъ въ своей превосходной рѣчи о людодѣствѣ и человѣческихъ жертвоприношеніяхъ въ связи съ религіозными вѣрованіями, — рѣчи, произнесенной имъ на антропологическомъ конгрессѣ въ Болоньи въ 1874 г., — подходит очень близко къ этому воззрѣнію; но онъ самъ замѣчаетъ, что ему, какъ естествениспытателю и антропологу, этнографическое поприще нѣсколько чуждо. Онъ выступаетъ на немъ для того только, чтобы высказать нѣсколько чрезвычайно мѣткихъ и смѣлыхъ догадокъ, предоставляя специалистамъ провѣрить его гипотезы и развить изъ нихъ полную теорію. Мы намѣреваемся посвятить этому предмету отдѣльную работу; здѣсь же мы вынуждены

изложить наше воззрѣніе нѣсколько вскользь и мимоходомъ, избѣгая цитатъ и фактовъ, многіе изъ которыхъ, впрочемъ, и безъ насъ очень хорошо извѣстны каждому образованному читателю. На первый разъ существенно было показать только, что антропологическій взглядъ на уголовную процедуру и на преступность съ перваго-же шага расходится совершенно съ юридическимъ мировоззрѣніемъ, придающимъ слишкомъ преувеличенное значеніе діалектическимъ тонкостямъ и метафизическимъ формуламъ и совершенно упускающимъ изъ виду этническую, бытовую преемственность.

Представленіе о возмездіи или мщеніи, связываемое обыкновенно—особенно-же въ непривыкшихъ къ строгому анализу и логическому мышленію умахъ—съ представленіемъ о наказаніи, вытекаетъ весьма естественно изъ того, что уже выше сказано о кровавыхъ казняхъ и зрѣлищахъ. Какъ-скоро на жертву обрекаются только люди, провинившіеся передъ лицомъ закона или хотя-бы только передъ лицомъ всевластнаго произвола своего хозяина (съ нашей историко-антропологической точки зрѣнія это рѣшительно все равно), то извѣстная доля мести примѣшивается къ дѣлу сама собою. Римскій патрицій, пославшій своего раба въ циркъ на сѣдненіе дикимъ звѣремъ единственно для того, чтобы потѣшить своихъ согражданъ, непременно выбиралъ въ жертвы того изъ своихъ невольниковъ, который всего больше возбудилъ его гнѣвъ. Если провинившихся было нѣсколько, то нѣкоторая градація казни или наказанія должна была уже возникнуть непременно. хотя-бы только потому, что лишиться разомъ нѣсколькихъ рабовъ хозяину было невыгодно. Онъ посылалъ наиболѣе провинившагося въ циркъ, откуда тотъ уже не могъ возвратиться къ своимъ обычнымъ занятіямъ, а менѣе провинившихся подвергалъ какому-нибудь домашнему исправительному наказанію, выкалыванію глазъ, отрѣзанію носа или ушей или т. п., недѣлавшему ихъ окончательно неспособными къ дальнѣйшей службѣ.

Прогрессъ государственности повсюду заключался въ томъ, что безусловная и безличная центральная власть обуздывала произволъ сословій или кастъ, постепенно поглощая въ себя привилегіи высшихъ сословій. Такимъ образомъ, въ дѣлѣ уголовного права государство, лишая феодаловъ возможности по своему усмотрѣнію распоряжаться жизнью и здоровьемъ своихъ васаловъ, стано-

вилось всеобщимъ мстителемъ всѣхъ обидъ. Оттѣное возмездіа стало все болѣе и сознательнѣе примѣшиваться къ первоначальному, чисто-атавистическому характеру площадныхъ казней. Мечь, такимъ образомъ, утрачивала свою страстность и лицепріятность, такъ-какъ мстилъ уже не самъ оскорбленный, а постороннее и притомъ собирательное лицо. Такимъ путемъ возникаетъ возможность нѣкоторой градаціи наказаній, которая и дѣйствительно начинается въ разное время и въ разной степени проявляться въ томъ или другомъ европейскомъ государствѣ. Такъ, напримѣръ, въ венеціанской республикѣ уже въ 1232 г. былъ изданъ цѣлый систематическій тарифъ, оцѣнивавшій въ разнаго рода увѣчьяхъ и тѣлесныхъ поврежденіяхъ, наносимыхъ публично палачомъ, такъ-сказать, стоимость каждаго преступленія или проступка противъ лица и имущества гражданъ или республики. За воровство на сумму отъ 10 до 20-ти лиръ вору выкалывался глазъ и рубилась рука; отъ 20 до 30-ти лиръ—выкалываются оба глаза; отъ 30 до 40—выкалываются оба глаза и рубится правая рука (Полетти, „Теорія уголовной опеки“, Туринъ 1878 г.), и т. д. Дальше подобныхъ тарифовъ градацію общественной мстительности повести, однакожь, не удалось. Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности, замѣтимъ только, что уголовныя законодательства, основанныя на *принципѣ* возмездія или мстительности, отличались еще и въ XIX вѣкѣ вопіюще несообразностью наказанія съ преступленіемъ: тутъ дѣйствіе, неимѣющее въ себѣ ничего преступнаго, наказывалось смертію (во многихъ католическихъ государствахъ, напримѣръ, еврей, уличенный въ связи съ христіанкою, даже и проституткою, очень недавно еще осуждался на смерть); тамъ, напротивъ того, вопіющее преступленіе, даже убійство, остается при нѣкоторыхъ условіяхъ безнаказаннымъ (по французскому кодексу мужъ, заставшій свою жену съ любовникомъ на мѣстѣ преступленія, можетъ безнаказанно убить обоихъ). Да и то сказать, возмездіе или мщеніе никакими діалектическими ухищреніями не можетъ быть возведено на степень принципа, изъ котораго логическимъ путемъ можно-бы было выводить послѣдовательную теорію наказанія. Мы не имѣемъ рѣшительно никакого мѣрила для того, чтобы опредѣлить, какое именно членовредительство соотвѣтствуетъ тому или другому преступленію или проступку. Да и разсуждать объ этомъ серьезно едва-ли вы-

ищутся охотники съ тѣхъ поръ, какъ криминалисты той школы, которая породила у насъ братьевъ Баршевыхъ, исчезли съ лица земли.

Пока мсть предоставлена оскорбленному лицу, она соразмѣряется съ темпераментомъ и умственнымъ развитіемъ (въ обратной пропорціи) самого мстителя. Становясь безличною, систематизированною, она логически и естественно приходитъ къ самоотрицанію. Не было такого періода, въ которомъ-бы положительное уголовное законодательство какой-нибудь страны созидалось-бы единственно на представленіи возмездія или мести, хотя этого рода соображенія и примѣшиваются въ разное время и въ различной степени къ атавистическимъ бытовымъ основамъ уголовного кодекса всѣхъ странъ. Смѣсь эта усложняется присутствіемъ еще многихъ другихъ бессознательныхъ стремленій. Нѣкоторые изъ нашихъ читателей, вѣроятно, еще помнятъ то время, когда, въ послѣдніе годы существованія крѣпостного права въ Россіи, помѣщики лишены были права тѣлесно наказывать своихъ крестьянъ и обязаны были представлять ихъ „для исправленія на тѣлѣ“ мѣстной полиціи. Относясь къ этому явленію исторически, невозможно было не замѣтить, что подобное распоряженіе правительства имѣло чисто-переходный характеръ, было временною сдѣлкою. И дѣйствительно, вскорѣ вслѣдъ за нимъ послѣдовалъ и вождѣнный освободительный указъ 19 февраля. Совершенно такой-же переходный моментъ, но только въ гораздо болѣе общей формѣ и широкой мѣрѣ, переживали западно-европейскія государства уже съ конца XVI столѣтія. Ставъ единственнымъ законнымъ мстителемъ всѣхъ частныхъ обидъ, государство въ западной Европѣ могло на извѣстное время, въ видѣ уступки, низвести себя на роль исполнителя чуждыхъ приговоровъ, но оставаться долго въ этой роли оно не могло, подъ опасеніемъ уронить свою верховную власть въ глазахъ своихъ подданныхъ. Взявъ исключительно въ свои руки право наказывать, оно тѣмъ самымъ поставилось въ необходимость судить... но во имя чего?

О кофидицированіи атавистическихъ основъ не могло быть и рѣчи, потому что общество уже слишкомъ отдалилось отъ эпохи, породившей эти основы.

На принципѣ возмездія или мстительности невозможно было остановиться, потому что, какъ выше уже было сказано, это не

есть принципъ, изъ котораго логическимъ путемъ можно-бы было вывести необходимую градацію наказуемости и наказанія.

Итальянецъ Чезаре Беккарія отвѣтилъ на этотъ вопросъ и далъ новому уголовному законодательству требуемый рациональный принципъ своимъ замѣчательнымъ трактатомъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ (*dei delitti e della pena*).

Существеннѣйшая сторона его ученія сводится къ тому, что государству принадлежить право и обязанность ограждать общественное спокойствіе и порядокъ, что уголовное законодательство должно имѣть единственно въ виду не воздаяніе за зло, совершенное преступникомъ, а по возможности исправленіе уже причиненнаго зла, пресѣченіе его и предотвращеніе его въ будущемъ. „Наказанія не должны переступать за предѣлъ, необходимый для охраненія общественной безопасности“, категорически утверждаетъ онъ самъ, а соотечественникъ и послѣдователь его Карминьяни добавляетъ, что уголовное законодательство должно имѣть въ виду не месть за преступленіе, а огражденіе общества отъ потрясеній, вызываемыхъ преступленіями.

Очень легко понять, что положенія, провозглашенныя Чезаре Беккарія, не даютъ еще практически-руководящихъ началъ для созданія новаго уголовного законодательства, совершенно свободного отъ атавистическихъ вліяній. Его принципомъ можно освѣтить и теорію интимидациі или запугиванія преступниковъ свирѣпостью ожидающей ихъ кары, и даже отчасти теорію мести или воздаянія за содѣянное зло, отговариваясь, якобы страхъ этого воздаянія можетъ служить единственною уздой для будущихъ злоумышленниковъ. Многіе ученые криминалисты, привыкшіе искони смотрѣть на свой предметъ какъ на особаго рода шахматную игру въ слова и діалектическія посылки, не преминули, конечно, воспользоваться этою возможностью. Но тѣмъ не менѣе основныя положенія Беккарія и его школы открываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность совершенно иного, логическаго и даже научнаго изслѣдованія уголовныхъ вопросовъ. Вмѣсто того, чтобы на метафизическихъ утонченностяхъ и психологическихъ загадкахъ основывать тѣ уголовныя законоположенія, отъ которыхъ всего непосредственнѣе зависитъ судьба и даже самая жизнь нѣсколькихъ десятковъ тысячъ гражданъ ежегодно, многіе уже предпочитаютъ изучать фактически то вліяніе, которое то или другое пре-

ступленіе способно, по ихъ мнѣнію, оказывать на общественный строй, то значеніе, которое различныя законодательныя мѣропріятія могутъ имѣть въ смыслѣ предотвращенія и пресѣченія преступленій. Развитіе уголовной и такъ-называемой нравственной статистики втеченіи всего нынѣшняго столѣтія подготавливаетъ вполне пригодную почву для подобныхъ фактическихъ изслѣдованій уголовныхъ вопросовъ. Къ тому-же, такъ-какъ изъ провозглашенныхъ Цезаре Беккариа началъ логически слѣдуетъ, что наказаніе можетъ быть примѣняемо только къ такимъ случаямъ, гдѣ преступникъ имѣетъ, по крайней мѣрѣ, сознаніе совершеннаго имъ зла, то къ разслѣдованію уголовныхъ вопросовъ необходимо начинаютъ привлекаться врачи, т. е. люди, воспитанные на точности и строгости естественно-научныхъ приѣмовъ. Въ глазахъ такихъ специалистовъ и скептиковъ по ремеслу, юридическая фразеологія не можетъ имѣть, конечно, никакого серьезнаго значенія. Видя, что отъ ихъ приговора часто зависитъ счастье и самая жизнь подсудимыхъ, лучшіе изъ такихъ экспертовъ естественно стремятся основать эти свои приговоры на возможно неизбѣжныхъ, точныхъ научныхъ данныхъ.

Правда, юридическая практика предоставляетъ рѣшенію медицинскихъ экспертовъ только вопросъ о томъ: находился-ли подсудимый во время совершенія преступленія въ здоровомъ умѣ, или же его слѣдуетъ считать поврежденнымъ, умалишеннымъ, помѣшаннымъ и т. п., т. е. неотвѣтственнымъ за свои дѣйствія? Но при нынѣшнемъ состояніи психіатріи отвѣтъ на такой вопросъ возможенъ только подъ условіемъ подробнѣйшаго и всестороннѣйшаго изученія всѣхъ условій, при которыхъ совершено преступленіе. Часто одно посмертное вскрытіе можетъ отвѣтить съ надлежащею достовѣрностью на этотъ вопросъ. Теперь уже извѣстно не мало такихъ случаевъ, когда въ черепахъ казенныхъ преступниковъ при вскрытіи обнаруживались органическія поврежденія, неоставляющія ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ того, что преступники эти не были въ здоровомъ умѣ, а тѣмъ не менѣе при жизни пациентовъ даже самыя образованныя и гуманныя врачи не могли найти въ нихъ повода къ смягчающимъ вину обстоятельствамъ. Существуетъ-ли дѣйствительная грань между собственнымъ поврежденіемъ и такимъ психическимъ состояніемъ, въ которомъ человѣкъ долженъ считаться безусловно или хотя

только условно отвѣтственнымъ за себя? Какъ установить этотъ заповѣдный предѣлъ, который устранилъ-бы разъ навсегда возможность тѣхъ печальныхъ „юридическихъ ошибокъ“, исправленіе которыхъ часто дается невозможнымъ? Въ какой мѣрѣ самое преступленіе можетъ считаться за мрачный эпизодъ въ жизни человека, необусловленный какою-нибудь постороннею, внѣшнею необходимостью? и т. д.

Таковъ длинный рядъ вопросовъ, уяснить которые стремятся некоторые лучшіе медицинскіе эксперты во всѣхъ передовыхъ странахъ Европы, — уяснить настолько, чтобы, по крайней мѣрѣ, избавить себя отъ тяжелой альтернативы либо отдавать невиннаго въ руки палача, либо-же становиться потворщиками, а слѣдовательно и сообщниками преступленія, такъ-какъ теорія невмѣняемости поконтра до сихъ поръ все еще на филантропическихъ и субъективныхъ, а вовсе не на безпристрастныхъ научныхъ основахъ.

Въ отвѣтъ на такіе-то вопросы возникаетъ уже на всѣхъ европейскихъ языкахъ обширная литература, въ которой самымъ ближайшимъ и тѣснѣйшимъ образомъ сходятся на одномъ общемъ поприщѣ самыя разнообразныя отрасли науки и мысли, отчасти даже художественнаго творчества. Между тѣмъ какъ позитивисты и некоторые другія философскія школы, безспорно прогрессивныя и почтенныя, еще только разсуждаютъ теоретически о необходимости подчинить одному точному научному методу изслѣдованія какъ простѣйшихъ біологическихъ, такъ точно и сложнѣйшихъ социологическихъ задачъ, — на указываемомъ нами поприщѣ подчиненіе это уже можетъ считаться за совершившійся фактъ. Такъ труды такихъ почтенныхъ специалистовъ-врачей, какъ Томпсонъ, Вильсонъ, Модсли, Деспинъ, Гольцендорфъ и мног. друг., идутъ уже рука объ руку съ трудами публицистовъ, почти беллетристовъ, какъ, наприм., А. Мэгью, Максимъ дю-Канъ, и т. п. Этнографы, путешественники, даже романисты (не считая любителей, какъ, напр., тирольскій католическій священникъ г. Руфъ, котораго работа о „Противорѣчіяхъ уголовного права“ заслуживаетъ большого нашего вниманія) несутъ туда каждый свою посильную лепту. Именемъ итальянца Беккарія начинается это въ высшей степени благотѣльное и многозначительное, хотя до сихъ только еще чисто-теоретическое движеніе. Вѣроятно, этому

обстоятельству мы обязаны тѣмъ, что новѣйшая Италия, на всѣхъ другихъ теоретическихъ поприщахъ значительно отставшая отъ передовыхъ странъ, въ области уголовной криминологіи занимаетъ, безспорно, первое мѣсто. Имена такихъ новѣйшихъ итальянскихъ ученыхъ, какъ Бельтрани-Скалья, Томази-Брудели, Буцеллати, Пессина и нѣсколько другихъ, пользуются уже повсюду вполне заслуженною извѣстностью. Наконецъ, вышеупомянутый д-ръ Чезаре Ломброзо, профессоръ судебной медицины въ Туринѣ, воспитавшій цѣлую школу молодыхъ врачей-криминалистовъ, издалъ недавно полнѣйшій сводъ антропологическихъ исследованийъ о преступленіи. Его замѣчательная книга „L'Uomo delinquente“ (преступный человѣкъ), оконченная въ 1876 году, теперь уже появилась вторымъ изданіемъ, исправленнымъ и дополненнымъ *теорією уголовной опеки*, развитою адвокатомъ Полетти. Переводъ этого сочиненія на всѣ европейскіе языки, конечно, не замедлитъ осуществиться очень скоро. Мы-же, мало интересуясь въ этой статьѣ юридическою стороною дѣла, черпаемъ изъ помянутыхъ выше трудовъ только тѣ указанія и данныя, которыя позволяютъ намъ въ немногихъ, но опредѣленныхъ и точныхъ чертахъ обрисовать мрачный типъ европейскаго дикаря второй половины XIX-го столѣтія, совершенно независимо отъ какихъ-бы то ни было предвзятыхъ юридическихъ или экономическихъ воззрѣній.

Привычка относиться къ уголовнымъ вопросамъ съ исключительно юридической, карательной точки зрѣнія приводитъ насъ къ крайне разнообразнымъ, но всегда запутаннымъ и субъективнымъ взглядамъ на преступленіе. Но за то, по крайней мѣрѣ, для судьи или для прокурорскаго надзора самый фактъ преступленія представляется чѣмъ-то вполне опредѣленнымъ и осознательнымъ. Какъ скоро доказано, что та или другая статья уголовного кодекса господствующаго въ странѣ, нарушена, то для нихъ сомнѣній не можетъ существовать только насчетъ степени виѣняемости или базуемости этого нарушенія; но преступникъ въ ихъ глазахъ неизмѣнно тотъ, кто сознательно совершилъ воспрещаемый законодательнымъ поступокъ. Для антрополога или для естествоиспытателя не существуетъ, въ сожалѣнію, даже и этой элементарнѣйшей опредѣ-

ленности, потому что актъ, считае́мый съ юридической точки зрѣнія за несомнѣнно преступный, можетъ часто съ точки зрѣнія антропологической оставаться совершенно безразличнымъ. О какихъ-нибудь общихъ однообразныхъ мѣрилахъ тутъ еще не можетъ быть и рѣчи. Такъ, напри́мѣръ, мужъ, убившій свою жену и любовника, въ объятіяхъ котораго онъ ее застаётъ, въ Англіи съ юридической точки будетъ считаться двойнымъ убійцею и, какъ таковой, легко можетъ быть повѣшенъ; въ Россіи его признають виновнымъ въ двойномъ убійствѣ, но заслуживающимъ большей или меньшей степени снисхожденія; во Франціи онъ будетъ вовсе оправданъ, т. е. совершенное имъ двойное убійство не будетъ во все считаться за преступленіе. Юристъ каждой изъ этихъ странъ долженъ просто стоять на точкѣ, принятой уголовнымъ кодексомъ этой страны, но спрашивается: на какую-же изъ этихъ трехъ точекъ зрѣнія долженъ стать антропологъ въ отношеніи къ подобнымъ явленіямъ? Уголовные законы довольно еще разнорѣчивы въ разныхъ странахъ даже въ дѣлѣ преступленій противъ личности, составляющихъ одну изъ опредѣленнѣйшихъ криминалистическихъ категорій. Какъ скоро мы коснемся преступленій противъ собственности, наиболѣе многочисленныхъ во всѣхъ европейскихъ странахъ, то разногласіе это становится еще значительнѣе, еще существеннѣе. Злоупотребленіе довѣріемъ (*abus de confiance*) во Франціи составляетъ одинъ изъ наиболѣе преступныхъ видовъ мошенничества, а въ американскихъ Соединенныхъ Штатахъ оно во все даже не подлежитъ судебному преслѣдованію. Особенно въ банковыхъ и промышленныхъ спекуляціяхъ грань, отдѣляющая преступленіе отъ дѣйствія, дозволеннаго закономъ, по необходимости должна оставаться чисто-формалистическою, уже потому только, что никакое законодательство не въ силахъ услѣдить и преслѣдовать заранѣе всѣ возможныя усложненія и хитросплетенія современной биржевой дѣятельности. Законы уголовные въ разныхъ странахъ различны, а законы антропологическіе вездѣ одни и тѣ-же. Но если-бы даже всѣ просвѣщенные государства сговорились между собою насчетъ объединенія своего уголовного законодательства, то и это мало упростило-бы дѣло, потому что объединеніе это ни въ какомъ случаѣ не могло-бы произойти подъ вліяніемъ какихъ-нибудь только чисто-антропологическихъ соображеній. Антропологически мы можемъ говорить о кровожадномъ человѣкѣ, о че-

ловѣкъ съ хищническими побужденіями, съ ненормально возбужденными половыми инстинктами и т. п. Но антропология не можетъ дать намъ никакого ручательства за то, что кровожадный человѣкъ непремѣнно станетъ убійцею въ юридическомъ смыслѣ этого слова и что каждый убійца—непремѣнно кровожадный человѣкъ. Удовлетвореніе любостязательныхъ или любострастныхъ инстинктовъ точно также легко можетъ переходить за предѣлы, считаемыя антропологами за нормы (хотя, встаетъ замѣтить, подобныя нормы нигдѣ еще не установлены), но не вести къ поступкамъ, возбращаемымъ положительнымъ законодательствомъ... Мы уже и не говоримъ о тѣхъ многочисленныхъ несовершенствахъ, которыя присущи и самымъ развитымъ европейскимъ законодательствамъ, какъ и всѣмъ другимъ человѣческимъ, особенно-же коллективнымъ организаціямъ.

Короче говоря, антропологическія изслѣдованія надъ преступнымъ человѣкомъ должны-бы необходимо начинаться съ категорическаго опредѣленія своего предмета, съ замѣны формалистическаго уголовного воззрѣнія на преступленіе инымъ. Можно карать преступника, видя въ немъ только искушительную жертву за общественные грѣхи; но нельзя изучать преступность, не зная достовѣрнѣйшимъ образомъ, въ чемъ именно она заключается. А это незнаніе и составляетъ, по нашему мнѣнію, Ахилесову пяту всѣхъ, имѣющихся у насъ подъ рукою уголовно-антропологическихъ изслѣдованій. Авторъ небольшой статьи, специально посвященной этому предмету въ одномъ изъ послѣднихъ выпусковъ недавно основаннаго въ Парижѣ журнала „La Science Politique“, скорѣе обходитъ этотъ пробѣлъ, чѣмъ пополняетъ его, а только-что помянутый докторъ Ломброзо, авторъ полнѣйшаго изъ извѣстныхъ намъ трактатовъ криминалистической антропологии, повидимому, даже вовсе не подозреваетъ самаго существованія этого пробѣла, котораго мы, съ своей стороны, не беремъ пополнять, такъ-какъ не находимъ въ себѣ ни достаточной подготовки, ни склонности къ подобнымъ изслѣдованіямъ. Самая криминалистическая антропология интересуется насъ только въ той мѣрѣ, въ которой она открываетъ передъ нами новыя стороны психической и анатомической организаціи современнаго человѣка вообще, а вовсе не фиктивнаго и неуловимаго „homo delinquente“ (т. е. преступнаго человѣка) въ частности.

„Антропологическое изслѣдованіе преступнаго человѣка, говоритъ докторъ Ломброзо въ самомъ началѣ своей первой главы (обзоръ 101 черепа преступниковъ),—должно прежде всего опираться на тѣ первичные физическіе признаки, которые могутъ дать намъ только однѣ анатомическія таблицы“.

Это очень хорошо. Но слѣдовало-бы сперва доказать, что существуетъ та своеобразная разновидность, которую вы собираетесь изучать. Вѣдь говорить-же народная пословица, что случай дѣлаетъ вора. До сихъ поръ одни только специалисты въ дѣлѣ сыскальной полиціи да тюремщики, всѣ эти Видоки, Канлеры, Моро-Кристофы и имъ подобные, вѣрили въ существованіе какого-то особеннаго отверженнаго міра, *le monde des coquins*, помѣченнаго своимъ особымъ неизгладимымъ клеймомъ. Ломброзо и другіе антропологи-криминалисты придаютъ ихъ показаніямъ большое значеніе, основываясь на томъ, что люди этого сорта всего ближе и тѣснѣе ознакомились съ этимъ отверженнымъ міромъ, а многіе изъ нихъ даже принадлежали ему. Опытные сыиники отличаются всюду какимъ-то непонятнымъ для простаго смертнаго „верхнимъ чутьемъ“, т. е. обладаютъ замѣчательною способностью угадывать преступника по своеобразнымъ признакамъ, совершенно неуловимымъ для неполицейскаго глаза. Для д-ра Ломброзо и для многихъ его собратій вся задача сводится, повидимому, только къ тому, чтобы научно сформулировать признаки преступности, чтобы съ математическою точностью очертить ту грань, которая отдѣляетъ этотъ, обреченный на преступленіе, если не на гибель, міръ отъ всего непорочнаго человѣчества. Въ существованіи этого міра онъ самъ,—точно также, какъ и англичанинъ Мегью, сказавшій, что воры, какъ и поэты, не дѣлаются, а рождаются таковыми,—не сомнѣвается ни на минуту. Онъ прилагаетъ антропологическіе приемы изслѣдованія къ категоріи, установленной условнымъ, формалистическимъ путемъ; но онъ твердо вѣритъ, что въ результатѣ этихъ изслѣдованій должно оказаться научное подтвержденіе его предположенія, будто преступность, даже въ нынѣшнемъ ея юридическомъ опредѣленіи, составляетъ опредѣленную антропологически-бытовую форму, естественный и наследственный удѣлъ болѣе или менѣе многочисленныхъ группъ современнаго просвѣщеннаго человѣчества. Самый порядокъ его изслѣдованій расположенъ такъ, чтобы наивозможно рельефно

выдвинуть на первый планъ и освѣтить особенно яркимъ свѣтомъ именно этотъ ихъ результатъ, имѣющій въ нашихъ глазахъ совершенно побочное, второстепенное значеніе. Затѣмъ онъ самъ путается въ техническихъ трудностяхъ подобнаго изслѣдованія, какъ мы это покажемъ ниже. Въ основѣ его воззрѣній лежатъ чрезвычайно гуманная мысль, что преступленія слѣдуетъ не карать, а лечить: уголовную процедуру нашего времени онъ хотѣлъ-бы преобразовать въ *терапію преступленій*. Въ этомъ мы всею душою можемъ только сочувствовать ему. Вся бѣда въ томъ, что если-бы его основныя положенія имѣли дѣйствительный научный вѣсъ, то они легко могли-бы привести многихъ очень добросовѣстныхъ и очень послѣдовательныхъ читателей къ диаметрально противоположному заключенію.

Если человѣкъ рождается преступникомъ, какъ рождается русскимъ, испанцемъ или готентотомъ, если всѣ стремленія исправить однажды испорченную личность должны бороться съ почти непреодолимыми природными препятствіями, — то какое же значеніе могутъ имѣть всѣ разсужденія д-ра Ломброзо о томъ, что наши тюрьмы служатъ только школою порока и преступленія? Какъ, наконецъ, примирять съ этимъ его воззрѣніемъ тѣ неожиданно-благодѣтельные результаты, которые даютъ англійскіе *gaged-Schools* и нѣкоторые американскія учрежденія, основанныя не на уголовномъ, быть можетъ, даже не на антропологическомъ, а просто только на добромъ, гуманномъ основаніи? Въ головѣ д-ра Ломброзо всѣ эти противорѣчія до известной степени примиряются его, такъ-сказать, медицинскимъ дилетантизмомъ. Преступленіе въ его глазахъ составляетъ своеобразную, прирожденную и наслѣдственную болѣзнь, аналогичную съ сьумасшествіемъ, чахоткою и т. п. Неизлечимый больной для доктора, горячо любящаго свое дѣло, часто представляетъ интересъ, котораго не имѣетъ въ его глазахъ пациентъ, излечимый легко и способный даже дорого платить за визиты. Этотъ-то чисто-спеціальныи и любительскій интересъ д-ръ Ломброзо переноситъ и на преступника, котораго онъ хотѣлъ-бы видѣть заключеннымъ въ особаго рода пріютъ. „*manicomio per delinquenti*“ (сьумасшедшій домъ для преступниковъ), гдѣ-бы онъ жилъ подъ неусыпнымъ надзоромъ специалистовъ-врачей, отнюдь неувѣренныхъ въ возможности его исцѣленія. Жестоко было-бы казнить

наго за то, что онъ неизлечимъ, или холернаго за то, зараза его прилипчива. Но даже самыя богатая и просвѣщенная государства нашего времени едва-ли имѣютъ возможность фактически это гуманное, хоть и любительское воззрѣніе антропологической школы на преступленіе. Всѣ они горѣ отвѣтить словами становаго въ стихахъ Некрасова:

Куда тутъ еще изучать,

И высѣчь-то всѣхъ не успѣешь...

Видно-ли, что въ то именно время, когда естествоиспытатели всею убѣдительностью Дарвина и лучшихъ его послѣдователей показываютъ намъ, что видъ въ растительномъ и животномъ царствѣ представляетъ собою нѣчто измѣнчивое и крайне зависящее отъ условій среды, антропологи-криминалисты усиленно пытаются указать какую-то заповѣдную черту видъ homo delinquens, изолируя его отъ всего остального человѣчества? Это предположеніе нельзя объяснить себѣ ничѣмъ инымъ, кромѣ того, что выше пробѣла, заключающагося въ томъ, что антропологи-криминалисты берутъ безъ провѣрки готовую категорію изъ совершенно чуждой ихъ изслѣдованіямъ.

Вѣроятно, Ломброзо самъ чувствуетъ, что тутъ что-то неладно, и пытается изъ юридической категоріи преступниковъ выбросить ту часть, для которой преступность составляетъ не какъ-то стихію, а только случайный эпизодъ, мрачный моментъ жизни, несостоящій въ уловимой связи съ общою организациею субъекта. вмѣстѣ съ англичаниномъ Беттинджеромъ, онъ этимъ предмету особый трудъ (Crimes of passion), посвящаетъ субъектовъ этого разряда „преступниками по увлеченію страсти“, но тутъ-же замѣчаетъ, что это названіе не очень удачно, такъ-какъ всѣ преступленія совершаются подъ вліяніемъ страсти, доведенной до чрезмѣрнаго и иногда извращеннаго развитія, въ ущербъ общему равновѣсію нравственнаго

этого предмету онъ дѣлаетъ нѣсколько чрезвычайно интересныхъ замѣчаній, подтверждаемыхъ, по обыкновенію, очень уважительнымъ числомъ статистическихъ данныхъ и фактовъ, непоколебимо заимствованныхъ изъ судебной практики разныхъ странъ, напримеръ, мы узнаемъ, что преступленія этого рода повсюду въ Европѣ составляютъ очень ничтожную часть,

не болѣе, какъ отъ 5 до 6% всего числа преступленій, подвергающихся преслѣдованію и карѣ закона. Замѣчательно, что процентное отношеніе это довольно постоянное даже въ странахъ столь различныхъ между собою, какъ, напримѣръ, Пруссія, Швейцарія и атлантическіе штаты сѣверной Америки. Впрочемъ, съ времени Кетле и Бѣвля, мы уже не можемъ удивляться тому, что явленія, повидимому, совершенно случайныя, т. е. неуправляемыя подлежащими нашему изслѣдованію и предвидѣнію законами, проявляются, однакожь, постоянно съ нѣкоторою статистическою правильностью и не терпятъ значительныхъ колебаній въ близкіе промежутки времени. Рядомъ съ этимъ мы узнаемъ также и то, что страсти или увлеченія, порождающія всего болѣе преступленій этого порядка, относятся къ такъ-называемымъ благороднымъ или возвышеннымъ побужденіямъ, какъ, напримѣръ, любовь, не только половая, но и родственная, щекотливость въ дѣлахъ чести, патриотическія и гражданскія побужденія и т. п. На каждыя 50 уголовныхъ преступленій, обусловленныхъ порывами этихъ благородныхъ или возвышенныхъ страстей, приходится только одно, которое можетъ быть отнесено къ проявленію страстей подлыхъ, какъ, напримѣръ, скупость, зависть и т. п. Маркъ замѣчаетъ по этому поводу, что удовлетворенная половая любовь никогда не ведетъ къ преступленію, за исключеніемъ только случаевъ несомнѣннаго психическаго расстройства, *satyriasis maniaса*. Но какъ скоро дѣло касается того, чтобы сколько-нибудь опредѣлительно ограничить эту область преступленій по увлеченію, то тотчасъ-же обнаруживается коренная слабость этой антропологической школы, переносящей точныя научныя приемы изслѣдованія къ плохо-установленному предмету. Когда намъ говорятъ, напримѣръ, что преступленія этого рода почти вовсе не представляютъ случая рецидива, то это явствуется само собою уже изъ одного того, что они отнесены къ категоріи случайныхъ, экстренныхъ преступленій. Въ не каждый-же день, въ самомъ дѣлѣ, нашимъ возвышеннымъ чувствамъ наносятся такія смертельныя оскорбленія, которыя могутъ побудить даже скромнаго и миролюбиваго человѣка схватиться за ножъ. „Въ обычныхъ преступленіяхъ, говоритъ Ломброзо, — причина, послужившая внѣшнимъ стимуломъ, обыкновенно бываетъ ничтожная и мелкая, тогда какъ въ преступленіяхъ по увлеченію

постоянно замѣчается соразмѣрность между причиною и послѣд-
ствиемъ. Это опять-таки плеоназмъ, потому что самая эта кате-
горія преступленій по увлеченію или „преступленій случайныхъ
создана именно для того, чтобы выдѣлить всѣ преступления,
имѣющія себѣ легко понятную внѣшнюю причину, изъ общей
массы (95%) преступленій, корни которыхъ гнѣздятся будто-бы
въ плохо-понятной намъ антропологической порочности организма.
Когда-же Локатели увѣряетъ насъ, что убійцы по увлеченію
ограничиваются обыкновенно однимъ только ударомъ, что пре-
ступленіе въ этихъ случаяхъ слѣдуетъ немедленно за нанесеніемъ
оскорбленія, что преступникъ по увлеченію никогда не убиваетъ
изъ-за угла, то мы просто стараемся пропустить мимо ушей эти
ни къ чему неведущія разглагольствованія.

Антропологи-криминалисты не отрицаютъ того, что преступле-
нія зависятъ отъ множества внѣшнихъ или постороннихъ влія-
ній, и Ломброзо въ своей книгѣ посвящаетъ особую (XIV) главу
этиологіи преступленій, но уже послѣ того, какъ онъ установилъ
антропологическіе признаки „преступнаго человѣка“. Недовольный,
однакожъ, тѣмъ, что эта, столь интересная для насъ сторона
вопроса сама собою относится уже такимъ образомъ на задній
планъ, является второстепенною, побочною, онъ категорически
высказываетъ въ небольшомъ своемъ введеніи къ этой главѣ,
что преступленіе, какъ тифъ, бугорчатая чахотка или другія бо-
лѣзни, можетъ встрѣчать среду, болѣе или менѣе пригодную или
благопріятную для своего развитія, но что оно тѣмъ не менѣе
должно быть рассматриваемо какъ продуктъ, главнымъ образомъ,
специфическихъ и органическихъ причинъ.

Такъ-какъ для насъ во всемъ этомъ замѣчательномъ сочиненіи
интересно совсѣмъ не то, что авторъ хочетъ доказать, а тѣ фак-
ты, на которые онъ опирается въ своихъ изслѣдованіяхъ, то
мы и позволяемъ себѣ нарушить тотъ порядокъ, котораго дер-
жится самъ авторъ, и начнемъ съ бѣглаго обзора тѣхъ внѣш-
нихъ вліяній на преступленіе, которыя въ глазахъ антропологи-
ческой уголовной школы хоть и считаются за второстепенныя, но
которыя для насъ имѣютъ ровно столько-же цѣны, какъ и ихъ
краниометрическія и антропологическія изысканія.

На первомъ мѣстѣ въ ряду этихъ второстепенныхъ вліяній

помѣчаются климатическія или, ближайшимъ образомъ, температурныя вліянія.

Герри (Guerry) замѣчаетъ, что во Франціи и въ Англіи убійства и преступленія, порождаемыя половыми инстинктами, преобладаютъ въ жаркіе лѣтніе мѣсяцы. Курціо подтверждаетъ то-самое для Италіи. Въ Англіи изъ всего числа преступленій, совершаемыхъ противъ личности, на лѣтніе мѣсяцы приходится 31,7⁰/₀; на осенніе 24,3⁰/₀; на зимніе 17,7⁰/₀; весною же цифра эта быстро поднимается до 26,2⁰/₀. Число убійствъ въ Англіи (по Герри) превышаетъ 1,000 въ іюнь и іюль; въ августѣ имѣетъ 900, а въ зимніе мѣсяцы всего только 600 или немножко больше. Въ Италіи-же максимумъ убійствъ приходится на августъ, который здѣсь дѣйствительно самый жаркій мѣсяць въ году. Число убійствъ постепенно возрастаетъ съ мая (288), доходитъ до 301 въ іюнь, въ іюль до 307 и, наконецъ, до 343 въ августѣ, а къ зимѣ быстро начинаетъ уменьшаться и достигаетъ наименьшаго предѣла (236) въ декабрѣ. Точно также и число преступленій, обусловливаемыхъ половыми побужденіями, распредѣляется по временамъ года пропорціонально средней температурѣ. Въ Англіи такихъ преступленій совершается въ каждомъ изъ четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ вдвое больше, чѣмъ въ ноябрѣ и январѣ, и втрое больше, чѣмъ въ декабрѣ. Въ Италіи эти преступленія достигаютъ максимума въ іюль и августѣ, а въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ число ихъ уменьшается втрое. Эти числа показываютъ связь, дѣйствительно существующую между известными преступленіями и атмосферическими явленіями, гораздо лучше чѣмъ простое географическое распредѣленіе преступленій. Мы знаемъ, напримѣръ, что въ трехъ южныхъ государствахъ, въ Испаніи, Италіи и Греціи, убійствъ совершается гораздо больше (сравнительно), чѣмъ въ Англіи, въ Россіи или во Франціи, но это можетъ быть объяснено различіемъ историческихъ antecedentовъ общественнаго строя этихъ странъ гораздо болѣе, чѣмъ атмосферическими различіями.

Мори (Maury) въ своемъ „Mouvement moral de la Société“ приводитъ множество фактовъ, свидѣтельствующихъ о связи, несомнѣнно существующей между всѣми родами преступленій и временами года, хотя это не даетъ еще намъ права сказать, что эти преступленія зависѣли непремѣнно отъ атмосферическихъ явл.

ній. Такъ, наприкладъ, преобладаніе въ зимніе мѣсяцы преступленій противъ собственности можетъ быть отчасти объяснено тѣмъ, что въ концѣ года во всѣхъ торговыхъ домахъ и конторахъ сводятся счеты, а слѣдовательно всего болѣе является поводовъ и къ открытію уже прежде совершенныхъ мошенничествъ и подлоговъ, и къ совершенію новыхъ. Къ тому-же въ зимнее время бѣлому люду живется тяжелѣе. Какъ-бы то ни было, но д-ръ Ломброзо, подводя общіе итоги множеству собранныхъ имъ изъ разныхъ источниковъ статистическихъ данныхъ и цифръ, составляетъ слѣдующій *календарь преступлений*, подобно тому, какъ у насъ прежде составлялись цвѣточныя календари:

Въ январѣ—преобладаютъ фальшивыя монетчики и воровство въ церквахъ.

Въ февралѣ—дѣтубійство и выкидыши (это мѣсяць наибольшихъ зачатій).

Въ мартѣ—то-же, а также половыя преступленія и насилваніе малолѣтнихъ.

Въ апрѣлѣ—нѣтъ типическихъ преступленій.

Въ маѣ—на первомъ мѣстѣ бродяжничество и половыя преступленія (*attentats aux mœurs*); затѣмъ отравленія.

Въ іюнѣ—половыя преступленія и изнасилованія, выкидыши; на третьемъ мѣстѣ отцеубійство.

Въ іюлѣ—половыя преступленія, особенно изнасилованіе малолѣтнихъ; нанесеніе ранъ и драки съ членовредительствомъ.

Въ августѣ—поджоги въ деревняхъ, половыя преступленія, жесви́дѣтельства.

Въ сентябрѣ—воровство и злоупотребленіе довѣріемъ, мошенничества и подлоги, дѣтубійства и выкидыши (это мѣсяць наибольшихъ рожденій).

Въ октябрѣ—грабежи съ убійствомъ на улицахъ и на большихъ дорогахъ, убійство вообще и отцеубійство въ особенности. Мошенничества.

Въ ноябрѣ—подлоги, мошенничества, вымогательства и т. п.

Въ декабрѣ—тоже.

Хотя географическое распредѣленіе преступленій, какъ мы только-что замѣтили, не указываетъ на непосредственную ихъ зависимость отъ температурныхъ или вообще атмосферическихъ явленій, но оно тоже подтверждаетъ, что максимумы преступности

отвѣчаютъ, по крайней мѣрѣ, въ Европѣ, максимумъ температуры. Въ сѣверной полосѣ Италіи одинъ преступникъ считается на 5,179 жителей; въ средней—на 2,129; въ южной—на 849 и на островахъ Средиземнаго моря—на 838. Цифры эти относятся только къ преступленіямъ противъ личности. Число-же преступленій противъ собственности возрастаетъ хоть и не въ такой точно прогрессіи, но точно также отъ сѣвера къ югу. Во Франціи убійства и половыя преступленія на югѣ вдвое многочисленнѣе, чѣмъ на сѣверѣ (за то подлоги и мошенничества господствуютъ на сѣверѣ почти въ такой-же пропорціи, но здѣсь это объясняется тѣмъ, что главные промышленные и торговые центры переходятъ въ сѣверной полосѣ)... Въ Россіи (по свидѣтельству г. Анучина) убійства вообще и отцеубійства въ частности возрастаютъ отъ сѣверо-востока къ юго-западу, а дѣтоубійство и некоторые виды воровства всего многочисленнѣе на юго-востоцѣ.

Тюремные смотрители и лица, состоящіе въ ежедневномъ общеніи съ преступниками, утверждаютъ, будто узники въ большей части случаевъ обнаруживаютъ усиленную воспримчивость къ атмосфернымъ явленіямъ и становятся буйными или возбужденными при наступленіи грозы. То-же самое можно замѣтить и объ умалишенныхъ, какъ это явствуетъ изъ приведенной докторомъ Ломброзо таблицы.

Но еще несомнѣннѣе и рѣшительнѣе вліяютъ на преступленія условія экономическія, и мы считаемъ за большую ошибку уголовно-антропологической школы именно то, что она, усиливаясь выдвинуть на первый планъ специфическія, прирожденные или усвоенныя причины преступленій, отводитъ экономическимъ вліяніямъ среды только второстепенное мѣсто. Ломброзо такъ упорно старается показать, будто нищета не играетъ первостепенной роли въ дѣлѣ порожденія преступленій, что впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою и даже въ ребячество. Опираясь на показанія Герри, свидѣтельствующаго, что только 1% всѣхъ случаевъ осужденнаго воровства имѣетъ предметомъ съѣстные продукты, онъ утверждаетъ, что на 100 воровъ даже 1 не можетъ быть оправданъ нищетою или голодомъ, „такъ-какъ въ Лондонѣ воровство хлѣба занимаетъ всего 43-е мѣсто въ ряду всѣхъ судимыхъ случаевъ воровства, похищеніе-же мяса и сладостей—30-е мѣсто, а кража птицъ, дичи, колбасъ и т. п. деликатесовъ сто-

3-мъ мѣстѣ“. Значить, говорить намъ ученый психи-
 налистъ, и этотъ 1% воровства больше, чѣмъ на по-
 олженъ быть приписанъ жадности или чревоугодію, а
 . Не правда-ли, оригинальная аргументація? Доктору
 повидимому, и въ голову не приходитъ, что кра-
 дѣба гораздо труднѣе стащить, чѣмъ золотое кольцо
 , за которыя можно пріобрѣсти сто краешекъ хлѣ-
 бить можетъ, онъ разсчитываетъ на то, что въ общей
 раннаго имъ дѣйствительно драгоценнаго матеріала эти
 пройдутъ незамѣченными, какъ дугія стеклянныя бусы
 жемчуга. А между тѣмъ онъ-же самъ приводитъ цѣ-
 ницу, обнимающую шестилѣтній періодъ въ Пруссіи и
 ствующую, что каждому повышенію цѣны на хлѣбъ,
 и т. п. предметы первой необходимости соотвѣт-
 извѣстное повышеніе преступленій противъ собственно-
 ь только понижаются цѣны на хлѣбъ, число этихъ
 ий тотчасъ-же уменьшается. Правда, каждому уменьше-
 преступленій противъ собственности соотвѣтствуетъ нѣ-
 величеніе числа преступленій противъ лицъ и въ осо-
 ловыхъ преступленій. Д-ръ Ломброзо особенно старается
 наше вниманіе на этотъ паралелизмъ. Онъ, дѣйствительно,
 въ Пруссіи; но во Франціи, напримѣръ, въ 1847 г.
 емъ совершенно обратное. При всеобщемъ вздорожаніи
 тныхъ припасовъ въ годъ, предшествовавшій революціи,
 ступленій противъ собственности возрасло внезапно на
 число преступленій противъ личности также возрасло,
 гораздо слабѣйшей степени. Это совершенно понятно:
 дучи доведены до крайности, легко рѣшаются на воров-
 емногіе отважуются на убійство.

еніе задѣльной платы вызываетъ совершенно тѣ-же уго-
 слѣдствія, какъ и вздорожаніе съѣстныхъ припасовъ.
 не удивить никого, такъ-какъ оба эти явленія и съ
 кой точки зрѣнія совершенно тождественны.

ія экономическихъ вліяній на преступленіе такъ обширна,
 е могли-бы исчерпать ее здѣсь на немногихъ страницахъ,
 ту-же она принадлежитъ къ числу наилучше разслѣдо-
 сторонъ этого дѣла. Мы-же на этотъ разъ общали
 не сводъ антропологическихъ изслѣдованій о преступ-

ности, котрѣ, по нашому мѣнню, слишкомъ еще преждевременны и всѣ безъ изъятія грѣшать неустановленностью и неопредѣленностью своего предмета. Труды антропологовъ-криминалистовъ дороги для насъ потому, что они одни дають намъ возможность обрисовать въ немногихъ опредѣленныхъ чертахъ мрачный и печальный образъ того современнаго европейскаго дикаря, котораго разбѣянные парижане забыли или не удостоили помѣстити въ этнографическую галерею Трокадеро. Антропологи-криминалисты по недоразумѣнню, изслѣдуя до крайности живой и реальный образъ этого дикаря, на каждомъ шагѣ смѣшиваютъ его съ условной и вовсе не антропологической категорією преступника; а это не замедлитъ, конечно, повести къ ошибочнымъ умозаключеніямъ и выводамъ, котрые, будучи прикрыты тяжеловѣснымъ научнымъ авторитетомъ многихъ уважаемыхъ именъ, могутъ имѣть практически вредныя послѣдствія. Для того, чтобы насъ не упрекнули въ умышленномъ искаженіи ихъ ученія, мы считаемъ необходимымъ высказать его противорѣчія и его слабыя стороны на первыхъ-же порахъ и по возможности словами самого автора, котораго мы считаемъ за наиболѣе надежнаго проводника по этимъ трущобамъ. Во всякомъ другомъ дѣлѣ можно-бы было держаться болѣе прямыхъ путей, но здѣсь самая неопредѣленность возрѣній на преступленіе, господствующихъ въ публикѣ, обязываетъ насъ ко всякаго рода обходамъ и извилинамъ. Всякое теоретическое изслѣдованіе интересуеть непогрузившагося въ него по уши читателя только тою своею стороною, которою оно способно освѣтити передъ нимъ тотъ или другой реальный вопросъ, выдвигаемый самою жизнью. Такимъ вопросомъ въ уголовной области въ настоящее время является дилема о наказуемости или ненаказуемости преступника, т. е., говоря другими словами, вопросъ о вѣняемости или невѣняемости преступленій. Но тутъ-то именно самыя противоположныя взгляды и возрѣнія сталкиваются и переплетаются такимъ перекрестнымъ огнемъ, среди котораго возможно не потеряться новичку, тѣмъ болѣе, что сами стрѣлы щіе рѣдко видать дальше своего носа и никогда не дають труда оставаться до конца послѣдовательными однажды проглашеннымъ ими самими началамъ.

Приверженцы теоріи вѣняемости во что-бы то ни стало смотрятъ на преступленіе, какъ на продуктъ порочной воли преступ-

ника, которая должна быть обуздана, въ видахъ-ли отвлеченнаго принципа справедливости или въ видахъ охраненія общественнаго спокойствія, какъ учили Беккариа, Романьози и старая итальянская школа вообще.

Народное возрѣніе на преступленіе, какъ на продуктъ случайности (*l'occasion fait le larron*) кажется болѣе мягкимъ и гуманнымъ на первый взглядъ. Оно, дѣйствительно, имѣетъ въ себѣ одну смягчающую, гуманную сторону, въ томъ смыслѣ, что оно видитъ въ преступникѣ не отверженца, а такого-же обыкновеннаго смертнаго, какъ и мы всѣ, но только неустоявшаго въ борьбѣ съ такимъ неблагоприятнымъ сдѣленіемъ случайностей, противъ котораго не устояли-бы, можетъ быть, и мы, еслибы, по волѣ судьбы, насъ не минула эта горькая чаша. Но тѣмъ не менѣе легко усмотрѣть, что въ отношеніи къ наказуемости оба эти возрѣнія легко могутъ быть слиты въ одно. Положимъ, что голодъ и нищета приводятъ меня къ соблазну украсть плохо положенную вещь; не рассчитывая на наказаніе, я могу поддаться этому искушенію; но коль-скоро передо мною возникаетъ въ перспективѣ страшный призракъ законной кары, грозящей мнѣ еще худшими мученіями, чѣмъ тѣ, которыя я терплю, то простой, своекорыстный расчетъ уже подскажетъ мнѣ, что мнѣ въ данномъ случаѣ выгоднѣе воздержаться отъ похищенія. Вотъ почему народъ, оставаясь до конца послѣдователемъ своимъ возрѣніемъ, оказывается крайне неутомимъ и свирѣпъ въ расправѣ съ тѣми преступниками, которые наносятъ ущербъ его ближайшимъ интересамъ: съ конокрадами, поджигателями и т. п. Суды Линча представляютъ намъ явную продуктъ возрѣнія, обыкновенно выражаемаго словами, что преступникъ такой-же человекъ, какъ и мы, что несчастье, неблагоприятное сдѣленіе случайностей сдѣлали его преступникомъ. А между тѣмъ эту общераспространенную формулу очень часто приводятъ, какъ аргументъ, въ пользу гуманнаго обращенія съ преступниками. Идеаломъ-же или единственнымъ логическимъ предѣломъ такого гуманнаго отношенія можетъ быть только безусловная ненаказуемость преступленій.

Люди, приученные къ строгому мышленію и къ научной точности выраженій, давно уже увидѣли коренное противорѣчіе этого, кажущагося гуманнымъ и свѣтлымъ, взгляда на преступниковъ и ихъ преступленія. Нѣтъ, говорятъ они, преступники не такіе-же

люди, какъ и мы; предположеніе, будто та или другая законодательная мѣра вызоветъ въ ихъ психическомъ строѣ именно тѣ послѣдствія, которыхъ мы ждемъ отъ нея, совершенно неосновательно уже потому, что у насъ своя логика, а у нихъ своя. Но какіе-же они люди? И какая у нихъ логика? Этого до сихъ поръ не сумѣлъ намъ сказать ни одинъ ученый спеціалистъ по уголовнымъ вопросамъ.

Извѣстная англійская филантропка миссъ Карпентеръ, посвятившая всю свою жизнь и все свое имущество на то, чтобы съ чисто-гуманными цѣлями облегчать горькое существованіе жертвъ общественной мстительности или кандидатовъ въ эти жертвы, говоритъ, что преступники—это взрослые дѣти. Сравненіе это можетъ считаться очень удачнымъ, и, сообразуясь съ нимъ, миссъ Карпентеръ достигала на практикѣ очень хорошихъ результатовъ. Но вѣдь сравненіе не есть еще опредѣленіе; къ тому-же ни и съ дѣтьми не научились еще обращаться сколько-нибудь рационально, такъ что вполне законно сомнѣваться въ томъ, будутъ ли большая польза для преступниковъ или для общества, если даже уголовное законодательство всѣхъ странъ и усвоитъ себѣ эту глубоко-женственную точку зрѣнія.

Привлеченіе медицинскихъ экспертовъ къ участию въ уголовныхъ слѣдствіяхъ часто проливаетъ, конечно, совершенно новый и вполне научный свѣтъ на многіе частные случаи преступленій и спасаетъ отъ казни многихъ безумцевъ. Но оно показываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что обществознаніе или не научилось еще такъ ставить свои вопросы, чтобы на нихъ былъ возможенъ категорическій научный отвѣтъ, либо естествознаніе не привыкло еще къ тому, чтобы давать отвѣты на живые, конкретные общественные вопросы, или-же, наконецъ, и то, и другое вмѣстѣ. Прокурорскій надзоръ требуетъ отъ медицинскаго эксперта, чтобы онъ рѣшилъ, безуменъ-ли подсудимый или умственно здоровъ, сообразуя съ медицинскимъ отвѣтомъ наказуемость или невмѣняемость преступленія. Но лучшіе психіатры нашего времени говорятъ, что многіи, даже очень существенныя органическія поврежденія мозга могутъ обнаружиться только по вскрытіи черепа, т. е., что прежде нужно снять голову съ подсудимаго, а потомъ рѣшать, виноватъ-ли онъ или нѣтъ. Да къ тому-же мы еще рѣшительно не знаемъ, гдѣ лежитъ роковая грань между безуміемъ и предполагаемымъ здоро-

внмъ состояніемъ психической дѣятельности. Мы не знаемъ даже, существуютъ-ли такіа своеобразныя состоянія нашего психическаго я, которыя не могутъ быть отнесены ни къ здоровому состоянію, ни къ безумію. Бывали вѣдь и такіе примѣры: подсудимый притворяется сѣумасшедшимъ, въ надеждѣ такимъ образомъ избѣжать наказанія; но, по своему невѣжеству въ психіатріи, онъ неудачно пародируетъ такой видъ умственнаго расстройства, котораго у него на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Добросовѣстный врачъ нерѣдко, однакъ, открываетъ къ своему удивленію, что пациентъ этотъ дѣйствительно одержимъ безуміемъ, но совершенно иного вида, чѣмъ то, которое онъ хочеть заставить предполагать въ себѣ. Тѣмъ не менѣе предположеніе, будто преступленіе есть непременно только одинъ изъ видовъ безумія, въ свою очередь не выдерживаетъ никакой критики. Д-ръ Ломброзо показываеть, что между психическимъ состояніемъ многихъ закоренѣлыхъ преступниковъ и безуміемъ существуетъ во многихъ отношеніяхъ поразительная аналогія; но во многихъ другихъ не менѣе существенныхъ отношеніяхъ эти два психическія состоянія расходятся совершенно. Модсли посвятилъ этому дѣлу свое замѣчательное сочиненіе „Преступленіе и безуміе“...

Короче говоря, антропологическое изслѣдованіе частныхъ случаевъ преступленія дало уже много результатовъ, драгоцѣнныхъ съ весьма разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Но время обобщенія, т. е. сознанія антропологической теоріи преступленія, еще не пришло. Оно должно начаться съ примѣненія естественно-научныхъ приѣмовъ изслѣдованія не къ однимъ только вопросамъ вмѣняемости, а къ самымъ критеріумамъ преступности. Это легко сказать, но если принять во вниманіе, что уголовное законодательство всякой страны есть продуктъ многообразнѣйшихъ условій, включающихъ въ себя, между прочимъ, и всю исторію этой страны, отъ эпохи людоѣдства и человѣческихъ жертвъ до одиночной тюрьмы, то едва-ли можно надѣяться на скорое пополненіе того пробѣла, который мы намѣтили въ самомъ началѣ этой главы. При существованіи-же этого пробѣла антропологическія изслѣдованія надъ уголовщиною могутъ представлять крайне разнообразный и поучительный интересъ, но только совѣмъ не тотъ, кото-

рый думают придать имъ слишкомъ рьяные творцы антропологической теории преступлений.

Отправляясь въ туринскую центральную тюрьму для того, чтобы исвать тамъ необходимой антропологической базы для своей теории, докторъ Ломброзо производитъ въ ней рядъ краниологическихъ и антропометрическихъ изслѣдованій, вполне заслуживающихъ нашего вниманія.

Начиная съ окружности черепа, которую онъ измѣрилъ у 101 узника, онъ нашелъ преобладаніе у этихъ арестантовъ микроцефалій (т. е. уменьшеннаго мозгового объема) въ гораздо болѣе значительной степени, чѣмъ даже у сумасшедшихъ. Оно приближаетъ ихъ къ кафрамъ и готтентотамъ, какъ это явствуетъ изъ нижеслѣдующихъ цифръ: максимумы черепной окружности, которые по изслѣдованіямъ Фриша (*Die Eingeborenenen Süd. Africa's*, Берлинъ, 1873 г.) у южно-африканскихъ дикарей не встрѣчаются вовсе и которые вращаются у высшихъ культурныхъ расъ между 590 и 550 миллиметрами вклучительно, найдены имъ всего только у 5 туринскихъ заключенныхъ, между тѣмъ какъ у сумасшедшихъ, обслѣдованныхъ тѣмъ-же докторомъ Ломброзо, эти высшіе предѣлы развитія черепной окружности встрѣчаются въ размѣрахъ болѣе 13%. Наилучше развитый готтентотскій черепъ выражается окружностью 540; но на каждые 7 южно-африканскихъ дикарей съ такою окружностью приходится въ туринской центральной тюрьмѣ только 3 заключенныхъ. 50% южно-африканскихъ череповъ имѣютъ окружность отъ 510 до 520 вклучительно, и въ туринской тюрьмѣ 47 человекъ изъ 101 оказались съ такою-же точно формаціею черепа, тогда-какъ почти 65% сумасшедшихъ достигаютъ того-же самаго или даже значительно высшаго предѣла. Съ окружностью 500, черепа готтентотовъ, туринскихъ заключенныхъ и сумасшедшихъ встрѣчаются почти въ равномъ числѣ. Ниже этого предѣла численный перевѣсъ остается уже на сторонѣ южно-африканскихъ череповъ (46%); затѣмъ слѣдуютъ сумасшедшіе (около 35%), а заключенные являются только въ размѣрѣ около 15%. Но за то минимума черепной окружности, найденный у 1 туринскаго заключеннаго—450, не встрѣчается ни у сумасшедшихъ, ни у кафровъ готтентотовъ.

Переходя къ изслѣдованію средняго объема мозга, который для взрослыхъ итальянцевъ мужскаго пола оказался, по измѣреніямъ Калори, = 1,551 куб. сантиметру, Ломброзо нашель, что у 101 туринскаго заключеннаго онъ значительно ниже этого предѣла, т. е. всего только 1,466. У 8 человекъ онъ спускался до минимума, отъ 1,100 до 1,200, а у 44 колебался между 1,300 и 1,400.

Эти цифры несомнѣнно показываютъ, что итальянскій антропологъ встрѣтилъ въ туринской центральной тюрьмѣ представителей какой-то низшей породы людей, выказывающей одинъ изъ характернѣйшихъ признаковъ дикихъ расъ — малое развитіе черепа, микроцефалію. Но одно дѣло измѣрять черепа, другое дѣло — выводить изъ добытыхъ такимъ образомъ цифръ социологическія или даже антропологическія заключенія. Тѣ-же самыя наблюденія д-ра Ломброзо свидѣтельствуютъ какъ нельзя лучше на нашъ взглядъ, что эти несомнѣнные анатомическіе признаки одичалости изучаемой имъ въ туринской тюрьмѣ породы людей не имѣютъ никакого прямого отношенія къ преступности. Такъ, напримѣръ, десять узниковъ изъ 101 представили мозговой объемъ = 1,600 куб. сант. и выше, т. е. значительно развитѣ средняго европейскаго уровня (1,500), и средняго итальянскаго, установленнаго Калори, но тѣмъ не менѣ эти-то именно субъекты и были почти всѣ самыя заклятые злодѣи. Въ ихъ числѣ мы находимъ знаменитаго своею свирѣпостью Артузіо, атамана пьемонтской разбойничьей шайки, и его не менѣ жестокаго эсауда Виолини. Къ нимъ-же относится и монахъ изъ Брешии, осужденный за неоднократныя грабежи, сопровождавшіеся звѣрскими убійствами. Нѣтъ также недостатка и въ кровавыхъ прелюбодѣяхъ въ этой небольшой группѣ, обладающей съ антропологической точки зрѣнія вполне нормальнымъ черепомъ. Въ ней-же мы видимъ и семидесятилѣтняго разбойника Солдати, представляющаго такой максимумъ мозговой вѣстности, который мы не всегда найдемъ даже у знаменитѣйшихъ мыслителей и ученыхъ нашего времени (1,633). А между тѣмъ минимумы черепного развитія (отъ 1,100 до 1,200, т. е. меньше, чѣмъ Карль Фогтъ нашель у полинезійцевъ и готландцевъ) принадлежать группѣ изъ 8 человекъ, среди которыхъ сѣ простые воры, поджигатели и убійцы, но нѣтъ ни одного выдающагося изъ ряда злодѣя.

Цифры, собранныя докторомъ Ломброзо, не настолько многочисленны, чтобы на эти противорѣчія мы имѣли право смотрѣть какъ на исключенія, будто-бы только подтверждающіе общее правило. Мы думаемъ, что почтенный докторъ самое общее правило выводить не надлежащимъ путемъ. Въ туринскую центральную тюрьму узники были загнаны не для антропологическихъ наблюденій, а по приговору суда, руководившагося совершенно иного рода соображеніями; поэтому-то здѣсь и встрѣчаются субъекты, крайне разнородные съ естественно-исторической точки зрѣнія: встрѣчаются и такіе высоко развитые въ антропологическомъ отношеніи индивиды, какъ Солдаты и другіе вышеупомянутые убійцы по ремеслу; но гораздо многочисленнѣе тѣ европейскіе дикари, которымъ мы собственно и посвящаемъ этотъ этюдъ. Мы только за тѣмъ и обратились къ уголовно-антропологической литературѣ, чтобы заимствовать у нея краски и черты для описанія этого крайне интереснаго типа, для опредѣленія мѣста, подобающаго ему въ ряду развитія человѣческихъ существъ, начиная отъ обезьяно-подобныхъ микроцефаловъ и кончая лучшими представителями высшей культурной породы. Европейскіе дикари непременно должны оказаться наиболѣе многочисленными среди народонаселенія тюремъ; но они точно также необходимо будутъ преобладать и въ каждомъ другомъ труппномъ мірѣ, нелибыщемъ въ себѣ рѣшительно ничего преступнаго. Д-ръ Ломброзо находитъ, что средняя мозговая вмѣстимость изучаемаго имъ, но все-же таки остающагося фиктивнымъ итальянскаго homo delinquente=1,466 куб. сант. Но таковая-же вмѣстимость изслѣдуемаго нами современно-европейскаго дикаря должна быть значительно ниже, потому что эта цифра получена изъ произвольной смѣси этихъ дикарей съ субъектами гораздо высшаго антропологическаго порядка, хотя въ уголовномъ и даже въ нравственномъ отношеніи именно эти-то высшіе субъекты и играютъ самую неблагоприятную роль. Мы видѣли въ туринской тюрьмѣ восемь европейскихъ дикарей съ черепами болѣе звѣроподобными, чѣмъ черепа австралийцевъ и готтентотовъ, т. е. съ мозговою вмѣстимостью отъ 1,100 до 1,200. Но какова средняя мозговая вмѣстимость нашихъ дикарей—этого мы не можемъ рѣшить, благодаря смѣшенію идей, господствующему въ уголовно-антропологической литературѣ. Въ общихъ-же чертахъ мы имѣемъ несомнѣнное право замѣтить, что

въ просвѣщенной Европѣ существуетъ многочисленная низшая порода людей, по черепному развитію приближающаяся къ южно-африканскимъ и австралійскимъ дикарямъ гораздо больше, чѣмъ къ типу того средняго культурнаго европейца, котораго мы обыкновенно имѣемъ въ виду, говоря объ антропологическомъ развитіи нашего племени. Изучать эту породу людей въ тюрьмахъ очень удобно, потому что врачъ по своему официальному положенію имѣетъ возможность продѣлывать тамъ всѣ необходимыя для него измѣренія и изслѣдованія. Но только не слѣдуетъ забывать, что, тюрьма вовсе не есть жилище, самую природою предназначенное для европейскихъ дикарей, и что тамъ, какъ и внѣ ея, они живутъ въ смѣшеніи съ совершенно иными антропологическими разновидностями.

„Слишкомъ часто, говорить Ломброзо — встрѣчаются преступники съ обширною мозговою вмѣстимостью и съ прекраснымъ анатомическимъ развитіемъ вообще. Такъ Лафатеръ въ своемъ „Опытѣ фizioноміки“ говоритъ объ одномъ убійцѣ, чертами лица напоминавшемъ прекраснѣйшаго изъ ангеловъ Гвидо Рени. Фантастическій полковникъ Понтисъ де-Сант’Элена, замѣчательно ловкій мошенникъ и, вѣроятно, убійца, блиставшій втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ высшемъ обществѣ, Ласенеръ, Буше и многіе другіе, прославившіеся своими злодѣяніями, были замѣчательно красивы и хорошо сложены... Бандитъ Карбоне имѣетъ красивую и почти миловидную фizioномію; то-же самое можно сказать и о нѣсколькихъ другихъ южно-итальянскихъ разбойникахъ, изъ числа которыхъ особенно Франко соединялъ съ симпатичной наружностью самую звѣрскую жестокость... Воръ Розати поражалъ меня своимъ умомъ и благообразіемъ; его спокойное и величавое лицо напоминало одного изъ лучшихъ и извѣстнѣйшихъ нашихъ министровъ“.

Ломброзо всѣ эти, имъ самимъ замѣчаемая противорѣчія, считаетъ за исключенія. Но для насъ и этихъ исключеній вполне достаточно для того, чтобы признать случайность и необязательность совпаденія юридической категоріи преступниковъ съ чисто-антропологическою категоріею дикарей, имѣющею во всѣхъ европейскихъ тюрьмахъ и внѣ [тюремныхъ стѣнъ болѣе или менѣе многочисленныхъ представителей.

Изучать прекрасную половину этой дикой породы людей въ тюрьмахъ оказалось уже неудобнымъ. Сдѣлавъ очень немного антро-

померическихъ измѣреній надъ узницами туринскаго центральному острога, д-ръ Ломброзо замѣтилъ, что по развитію череда женщины этой породы очень незначительно разнятся отъ мужчинъ, точно также, какъ и у многихъ первобытныхъ племенъ, отсталыхъ въ культурномъ развитіи. Впослѣдствіи мы увидимъ, что и дѣти этой дикой породы гораздо раньше достигаютъ полнаго своего развитія (какъ физическаго, такъ и умственнаго), или, по крайней мѣрѣ, меньше отличаются отъ взрослыхъ субъектовъ обоего пола, чѣмъ дѣти такъ-называемаго хорошаго общества. Это тоже можетъ служить только новымъ подтвержденіемъ уже засвидѣтельствованнаго эмбриологіею закона, что организмы высшіе или болѣе совершенные допускаютъ обыкновенно и больше индивидуальныхъ уклоненій по поламъ, возрастамъ и т. п.

За неимѣніемъ въ тюрьмѣ пригоднаго матерьяла для его изслѣдованій надъ женскою половиною своего фиктивнаго типа *homo delinquente* итальянскій антропологъ долженъ былъ выйти изъ криминалистическихъ рамокъ, въ которыя онъ произвольно загналъ себя въ ущербъ своимъ теоретическимъ выводамъ. Онъ обращается къ проституткамъ, предварительно распространившись о томъ, что „проституція для женщины служитъ тѣмъ-же, чѣмъ преступленіе для мужчины“.

Ingegna ti se puoi d'esser palese! (старайся, если можешь, яснымъ быть).

скажемъ мы ему словами его великаго соотечественника Данте. Преступленіе для мужчинъ состоитъ въ такомъ нарушеніи господствующихъ въ странѣ законовъ, за которыя виновный подвергается опредѣленному наказанію. Законъ не дѣлаетъ никакого ограниченія для обоего пола, и юридическое опредѣленіе преступленія одно и то-же для женщинъ, какъ и для мужчинъ, а другого опредѣленія преступленія намъ не дадутъ и антропологикриминалисты. Проституція, — именно тотъ ея видъ, который изслѣдовалъ Паранъ-Дюшатле (*Parent-Duchâtelet*), д-ръ-же Ломброзо пользуется главнѣйшимъ образомъ его изслѣдованіями, — не включена ни однимъ европейскимъ уголовнымъ кодексомъ въ число преступленій, такъ что мы совершенно не понимаемъ, чѣмъ мотивируется отождествленіе этихъ явленій, неожиданно устанавливаемое новою *quasi*-научною школою криминалистовъ. Съ нашей точки зрѣнія, мы рѣшительно ничего не имѣемъ противъ

того, чтобы сама европейскаго дикаря изслѣдовалась въ публичныхъ домахъ, такъ-какъ мы уже выше замѣтили, что эта жалкая разновидность кипитъ во всѣхъ притонахъ порока, нищеты и разврата; но только не одна она пользуется печальною привилегіею поставлять пациентовъ уголовному суду, тюрьмѣ и каторгѣ. Но мы не понимаемъ, на какомъ основаніи итальянскій антропологъ не ограничивается одними только проститутками, а старается смѣшивать ихъ въ одну общую группу съ немногими извѣстными преступницами, о физической организаціи которыхъ у него имѣются хоть какія-нибудь данныя. Преступницы эти принадлежали по большей части къ высшему свѣту, какъ, наприимѣръ, маркиза Бренвилле, Эберцани, Лафаржъ. Относительно этой послѣдней нельзя не замѣтить, что самая преступность ея по меньшей мѣрѣ не доказана. Обвинительный актъ, на основаніи котораго она была осуждена очевидно враждебными ей присяжными, можетъ служить образцомъ недѣло и пристрастно веденнаго уголовного дѣла, такъ-какъ королевскій прокуроръ не далъ себѣ даже труда доказать, что мужъ этой „знаменитой отравительницы“ дѣйствительно былъ отравленъ, а трижды повторенная медицинская экспертиза не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ умеръ во всякомъ случаѣ не отъ мышьяка, найденнаго у его вдовы. Впрочемъ, въ сочиненіяхъ, претендующихъ на ученое значеніе, давно-бы ужъ пора перестать пользоваться такимъ сомнительнымъ матеріаломъ. Благодаря этимъ промахамъ, изслѣдованія Ломброзо надъ проститутками и преступницами вмѣстѣ далеко не даютъ такихъ отчетливыхъ результатовъ, какъ вышеприведенныя измѣренія череповъ туринскихъ арестантовъ. Симптомы списаны съ субъектовъ черезчуръ очевидно разнородныхъ. Уже и въ числѣ проституткозъ непремѣнно должны-бы были оказаться женщины разныхъ антропологическихъ типовъ развитія; но въ публичныхъ домахъ, какъ и во всякомъ пріютѣ нищеты, было-бы нѣкоторое основаніе предполагать преобладаніе одичалой разновидности. Но съ чего-же причислять къ той-же разновидности, наприимѣръ, г-жу Лафаржъ, которой преступность по меньшей мѣрѣ еще сомнительна, а острый умъ и замѣчательное литературное образованіе блещетъ въ каждой строкѣ оставленныхъ ею мемуаровъ? Замѣтите это, предполагая въ проституткахъ численное преобладаніе или одичалой разновидности, мы вовсе не вносимъ въ наши

изслѣдованія крайне неопредѣленныхъ еще съ антропологиче-
 точки зрѣнія нравственныхъ элементовъ, которые только услож-
 ютъ вопросъ. Желтый билетъ выдается женщинамъ не психиче-
 безнравственнымъ, а только тѣмъ изъ нихъ, которыя вынуждены
 изъ безнравственности дѣлать себѣ открытое ремесло. Въ борь-
 бѣ за существованіе культурный человѣкъ имѣетъ надъ сво-
 дикимъ сверстникомъ такіа неоспоримыя преимущества, что
 весьма естественно долженъ былъ предоставить ему одиѣ толь-
 отвратительныя или позорныя професіи.

Ломброзо не ограничиваетъ своихъ изслѣдованій одними толь-
 черепными измѣреніями. Онъ разсматриваетъ своихъ паціентовъ
 и паціентовъ сперва анатомически со всѣхъ сторонъ и старает-
 выразить въ среднихъ цифрахъ ростъ, вѣсъ и мускульную си-
 представителей фиктивного своего типа homo delinquente. И
 такъ - какъ категорія эта разнохарактерна, то и результаты
 его антропометрическихъ операцій въ среднихъ выводахъ не-
 мѣнно смягчены и далеко не всегда вразумительны. Относитель-
 роста преступниковъ онъ даже впадаетъ въ прямое противорѣ-
 съ изслѣдованіями Томпсона и Вильсона, которые, идя такимъ-
 точно путемъ, нашли, что обитатели англійскихъ тюремъ, вооб-
 говоря, ростомъ ниже средняго уровня. Самъ Ломброзо это про-
 ворѣчіе объясняетъ тѣмъ, что въ числѣ его паціентовъ преобла-
 дали разбойники и грабители, у которыхъ вообще замѣчается
 меньше признаковъ физическаго вырожденія, чѣмъ у городскихъ
 воровъ, которыхъ преимущественно изучали англійскіе криминаль-
 сты-антропологи. Это замѣчаніе необходимо принять къ сви-
 денію, такъ-какъ оно снова подтверждаетъ, что между антропо-
 гическимъ одичаніемъ и преступностью не существуетъ того пря-
 мого отношенія, которое уголовная школа пытается розыскать
 которое мы отрицали а priori. Это-же замѣчаніе подтверждаетъ
 предположеніе, что европейская раса менѣе дичаетъ и вырождаетъ
 даже среди пустынь Базилкаты и Капитанаты, служащихъ при-
 тами многочисленнымъ разбойничьимъ шайкамъ, чѣмъ среди
 нихъ всесвѣтныхъ культурныхъ центровъ, какъ Лондонъ, гдѣ
 разбой и грабежи замѣтно исчезаютъ, но за то воровство вооб-
 растаетъ въ гораздо сильнѣйшей степени если не съ каждымъ
 домъ, то, по крайней мѣрѣ, съ каждымъ вздорожаніемъ съѣстныхъ
 припасовъ и пониженіемъ поденнаго заработка.

разбираемый нами авторъ переходитъ къ изученію да и фізіономіи преступниковъ. Эта часть его труда кожь, гораздо больше литературный, чѣмъ ученый. Въ числѣ рисуемыхъ имъ портретовъ убійць, разоловыхъ преступниковъ всякаго рода и вида, замѣло фізіономій, представляющихъ несомнѣнные признагического вырожденія, часто чистѣйшихъ микроце-едва-ли еще не многочисленнѣе тѣ физически-пре-вы, о которыхъ уже выше было говорено; такъ что какое-нибудь криминалистическое обобщеніе на этотъ ажется рѣшительно невозможнымъ. Однакожь, антро-и діагноза даетъ, какъ мы уже видѣли, средніе ре-шительно благопріятные для убійць: у нихъ и че-сформированъ, они и ростомъ выше не только менѣе своихъ собратій, но даже и средняго типа добродѣ-рыхъ согражданъ. На первой литографированной табли-ти прекрасно нарисованныхъ головъ, только двѣ по-отическихкими формами: одинъ неаполитанскій воръ, а монетскій фальшивый монетчикъ. Отравитель и мошен- (Desruets) отличается, напротивъ, правильными, тон-и лица, прекрасно развитымъ лбомъ и умнымъ, мяг-сколько насмѣшливымъ выраженіемъ, съ нервнымъ по-рта. На второй таблицѣ тоже только одинъ неапо-ръ выглядитъ кретиномъ, четыре разбойника не пред-ничего особенно выдающагося, а извѣстный и свирѣ-разбойничей шайки, уже помянутый Карбоне, обра-бъ вниманіе не только животнымъ, но и умнымъ обще изъ убійць и разбойниковъ, изображенныхъ пе-рандашомъ въ книгѣ Ломброзо, только совершенноые субъекты представляютъ иногда рѣзкіе признакиескаго вырожденія. Всѣ-же сколько-нибудь выдающіесяи отличавшіеся хотя-бы только свирѣностью своихъпредставляютъ волюнѣ нормальный типъ. Истинныхъкъ преступности можно искать въ чемъ угодно, ноемъ основанія отнести ихъ къ той породѣ выро-ли одичалыхъ европейцевъ, которая, повидимому, дажееніи осуждена на подчиненную роль.

къ нѣкоторому единству показанія д-ра Ломброзо и

нѣкоторыхъ другихъ, мы можемъ обрисовать ви́шній видъ европейскаго дикаря нижеслѣдующими чертами: роста ниже него (по Вильсону и Томпсону), съ черенною ви́стимостью, чительно приближающеюся къ типу австралійскихъ и южно-канскихъ дикарей, съ рѣшительною наклонностью къ брахиолюлія (т. е. большому развитію поперечнаго діаметра головы) въ странахъ, гдѣ средній типъ народонаселенія долизоцефалскій (длинноголовый). Уши большія и торчащія по сторонамъ глаза почти всегда косые или несимметрическіе; губы мясистыя и отвислыя (при выдающихся впередъ челюстяхъ), передніе зубы часто видны и лицо имѣетъ глупо или животное-тупое выраженіе скулы широкія и выдающіяся; лобъ низкій и отклоняющійся назадъ. Волосы чаще всего черные или, по крайней мѣрѣ, темные. Паранъ-Дюшатле замѣчаетъ, что проститутки охотятся въ большей части случаевъ обиліемъ и длиною волосъ. То-же самое Ломброзо говоритъ и о мужчинахъ; но у послѣднихъ рѣдко встрѣчаются густые усы и бороды, а кенбарды почти никогда. Это послѣднее обстоятельство значительной степени способствуетъ тому, что у многихъ мужского этого типа лицо и общій складъ фигуры имѣетъ женственный видъ, который Ломброзо замѣтилъ у многихъ преступниковъ, особенности у осужденныхъ за недерастію или обнаружившихъ порочную привычку въ тюрьмѣ. Женщины-же, наоборотъ, имѣютъ часто мужественный видъ, низкій, грубый голосъ и много имѣютъ привычки мужчинъ: страсть къ табаку, къ спиртнымъ напиткамъ и т. п. Вообще, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, морфологическаго различія между мужчинами и женщинами замѣчается меньше, чѣмъ въ среднемъ европейскомъ типѣ; но то у женщинъ этого типа обнаруживается примѣтная склонность къ отучненію, а у мужчинъ наоборотъ; эта-же самая черта замѣчается и у монгольскихъ (но не тюркскихъ) народовъ. Женщины этого типа отличаются также большою, сравнительно съ мужчинами, головою. Кожа у тѣхъ и другихъ имѣетъ обыкновенно темноватый оттѣнокъ, даже при блѣдности, часто являющійся какъ результатъ негигіеническаго образа жизни, излишества пищи и лишеній. Мускульная система развита слабо. Ломброзо не замѣтилъ особенно сильныхъ людей даже между разбойниками, славившимися своимъ удалствомъ и гимнастическими подвигами, но многие

нихъ за то были необыкновенно ловки и изворотливы. Все это даетъ намъ несомнѣнное право сказать, что въ просвѣщенной Европѣ, вѣроятно, длиннѣмъ, но неизслѣдованнымъ еще доселѣ рядомъ регрессивныхъ измѣненій, перерожденій и атрофій, выработался и вполнѣ установился даже анатомически-своеобразный одичалый типъ. Многія черты этого типа представляютъ поразительную аналогію съ дикарями южной Африки и Австраліи, но всего ближе одичалый европеецъ нашего времени подошелъ въ этомъ регрессивномъ развитіи къ монгольскому типу.

Прежде, чѣмъ покончить съ внѣшнимъ видомъ этой породы туземныхъ западно-европейскихъ дикарей, мы должны сказать еще нѣсколько словъ объ одной, крайне замѣчательной его особенности. Особенность эта не анатомическая, не естественная даже, а искусственная, но громаднаго значенія ея не станеть отрицать ни одинъ этнографъ: мы говоримъ о татуированіи. Всѣмъ извѣстно, что обычай этотъ крайне распространенъ едва-ли не у всѣхъ первобытныхъ народовъ, но что онъ повсюду исчезаетъ съ распространеніемъ культурнаго образа жизни и правовъ. У римлянъ и у грековъ въ историческія времена обычай этотъ уже не существовалъ; но у кельтійскихъ племенъ онъ долгое время держался въ Европѣ. Пиеты (*расписанные*) были такъ названы римлянами потому, что они удивляли ихъ разнообразіемъ и богатствомъ своей татуировки. Но немногимъ изъ нашихъ читателей, можетъ быть, извѣстно, что этотъ варварскій обычай, съ которымъ средній культурный европеецъ разстался, повидимому, разъ навсегда съ тѣхъ поръ, какъ христіане, переставъ быть гонимомъ сектою, отбросили обыкновеніе набалывать у себя на рукахъ и на груди знаки креста, — что обычай татуировать, говоримъ мы, сохранился въ значительной силѣ въ томъ подпольномъ или трущобномъ мірѣ, о которомъ мы говоримъ. Тардье и Гютенъ (Hutin) разслѣдовали этотъ вопросъ во Франціи. Ломброзо собралъ въ своей книгѣ множество интересныхъ фактовъ о татуированіи въ Италіи. Въ тюрьмахъ между взрослыми арестантами онъ нашель около 8⁰/₀ татуированныхъ; между дѣтьми, содержимыми въ исправительныхъ заведеніяхъ, пріютахъ для малолѣтнихъ бродягъ и т. п., отношеніе это доходить до 40⁰/₀.

Легко объяснить, что матросы, особенно коммерческихъ судовъ, бывавшіе на островахъ Тихаго Океана, только изъ подражанія

и отъ скуки могли перенять отъ дикарей этотъ странный обычай. Мы знаемъ даже, что многіе офицеры возвращаются изъ кругосвѣтнаго плаванія съ рисунками преимущественно на рукѣ. Но здѣсь идетъ дѣло о распространеніи татуированія у такихъ классовъ европейскаго народонаселенія, которые не имѣютъ ни малѣйшаго понятія даже о существованіи какихъ-нибудь заморскихъ дикарей. Въ Италіи татуируются всего больше пьемонтцы и лобардцы, т. е. жители именно тѣхъ областей, которыя лежатъ вдали отъ моря. Всего болѣе склонности къ этому обнаруживаютъ здѣсь крестьяне и каменщики, а на югѣ пастухи. Во Франціи существуютъ специалисты-татуировщики, живущіе преимущественно въ мѣстахъ, куда стекается много богомольцевъ на поклоненіе святымъ мѣстамъ; то-же самое нашель Бертонъ и въ сѣверной Италіи, при монастырѣ Лоретской Богородицы, и т. п. За плату отъ 60 до 80 сантимовъ они иглою выводятъ на кожѣ набожныхъ любителей кресты или священные символы. Операция эта не такъ невинна, какъ можно думать: многимъ приходится поплатиться за нее болѣе или менѣе продолжительною болѣзнию, лихорадкою, рожею или т. п. Бертонъ говоритъ, что ему даже нѣсколько разъ приходилось отрѣзывать члены, въ которыхъ вслѣдствіе татуированія обнаруживался антоновъ огонь.

Но главнымъ рассадникомъ татуировки въ Италіи, какъ и во Франціи, да, вѣроятно, и въ другихъ странахъ, служатъ казармы, тюрьмы и каторга. Рѣдко кто покидаетъ особенно эти два послѣднія учрежденія безъ того, чтобы не вынести на кожѣ какихъ-нибудь неизгладимыхъ рисунковъ, выведенныхъ часто рукою опытнаго артиста и всегда напоминающихъ мелочную законченность и тщательное исполненіе подробностей, характеризующія живописцевъ отсталыхъ народовъ. Иногда рисунки эти такъ сложны, что нужно предположить замѣчательное притупленіе чувствительности у пациента, рѣшившагося выдержать такую мучительную операцию безъ всякой нужды. Ламброзо даетъ рисунокъ одного бывшаго моряка, расписаннаго такъ, какъ уже рѣдко расписываются даже отдаленные дикари. Эти послѣдніе оставляютъ, по крайней мѣрѣ, нетронутыми дѣтородныя части, за единственными исключеніями татуировки и жительницъ острововъ Вити. Но у моряка, изображеннаго въ книгѣ Ламброзо, даже и на этотъ, по преимуществу чувствительномъ мѣстѣ, красуется Савойскій гербъ. Впрочемъ, Ламброзо на

тъ 8 примѣровъ подобнаго-же татуированія всего тѣла отъ и до колѣнъ. Тардье видѣлъ, кажется, въ Тулонѣ од- станта, который вытатуировалъ на всемъ своемъ тѣлѣ сскій мундиръ со звѣздами и цѣлымъ шитьемъ. Въ по- случаяхъ не знаешь, чему болѣе удивляться: психическому-ли порождающему въ человѣкѣ подобныя склонности, или-же ому огрубѣнію организма, способнаго переносить такія опе- Не надо упускать изъ вида, что въ особенности для иковъ татуировка представляетъ еще и то существенное во, что она облегчаетъ поимку ихъ въ тѣхъ случаяхъ, итъ удастся бѣжать. Видокъ совершенно основательно ука- на это, какъ на примѣръ непонятнаго легкомыслія боль- ги арестантовъ и неспособности ихъ къ послѣдовательно- ненію. Каждый обитатель Тулона или Шербурга только и мыслью о побѣгѣ, но ни одинъ изъ нихъ не преминетъ не-же мѣсяцы своего пребыванія въ тюрьмѣ изобразить на тѣлѣ какой-нибудь отличительный знакъ, который очень изъ нихъ умѣютъ впоследствии вытравлять укусною кие-

у заморскихъ, такъ и у европейскихъ дикарей, обычай нанія распространенъ гораздо меньше между женщинами. ны крестьянки сѣверной Италіи накалываютъ, однакожъ, етъ или священные символы на рукахъ. Во Франціи изъ татуируются только нѣкоторыя проститутки. Тардье об- вниманіе на то, что ни у одной изъ изслѣдованныхъ имъ токъ онъ не видалъ неприличныхъ символовъ, надписей или ѣ, которые такъ часто встрѣчаются у мужчинъ. Большая татуированныхъ проститутокъ выбираютъ, напротивъ, сим- менной и платонической любви, т. е. накалываютъ у себя ѣ пылающее сердце, пронзенное стрѣлою, или имя пер- овника и т. п. Меньшее распространеніе татуировки у объясняется болшею ихъ воспримчивостью къ боли.

гдая о причинахъ, побуждающихъ европейскихъ дикарей свое тѣло мучительно наколотыми на немъ рисунками, находитъ ихъ тождественными съ тѣми, которыя вызы- подобныя-же явленія у другихъ отсталыхъ народовъ: же- хвастать нечувствительностью къ физической боли или въ воспоминаніе о какомъ-нибудь важномъ или дорогомъ

для нихъ событія, суевѣрія и т. п. Всего же болѣе подражательность и скука продолжительнаго бездѣйствія въ казармахъ и въ тюрьмѣ. Но иногда татуировка европейцевъ имѣетъ даже и то значеніе контракта или обязательства, носимаго на собственномъ тѣлѣ, которое придаютъ ей незнакомые съ письменностью дивари. Члены всѣхъ подпольныхъ братствъ, воровскихъ и т. п. обществъ, повидимому, иногда вынуждаются помѣтить себя какнигубудь особеннымъ значкомъ.

Во всякомъ случаѣ, мы видимъ здѣсь крайне замѣчательный примѣръ того, что въ исторіи развитія принято называть *эпизизмомъ*.

Левъ Мечниковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ЭКОНОМИКА НАШИХЪ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХЪ СИЛЪ.

I.

Статья седьмой книжки „Дѣла“: „Аристократизмъ въ промышленности“, остановила на себѣ вниманіе г. Скальковскаго, экономиста „Новаго Времени“. Г. Скальковскій дѣлаетъ автору упрекъ въ незнакомствѣ съ предметомъ, о которомъ онъ взялся судить, и затѣмъ предлагаетъ свое собственное сужденіе. По этому сужденію оказывается, что наша промышленность не гонится ни за какими утонченностями, что она существуетъ вовсе не для привилегированнаго класса, что стоитъ побывать хоть на нижегородской ярмаркѣ, чтобы убѣдиться, что всѣ крупныя отрасли промышленности въ Россіи рассчитаны именно на общую массу потребителей и что сообразно съ этимъ составленъ и нашъ таможенный тарифъ. Такъ-ли?

Въ другой статьѣ нашего журнала былъ подробно разобранъ нашъ тарифъ и указано на основаніи точныхъ цифръ, что нашъ тарифъ, какъ и вся финансовая система,—и не у насъ однихъ,—основываетъ весь свой расчетъ на большинство потребителей. Известно, что предметы роскоши: бархатъ, кружева, бронза, картины, хрусталь, фарфоръ, какъ и налогъ на предметы роскоши, оказываютъ всегда на-столько ничтожную поддержку финансамъ, что пользуются повсюду льготой, а главными предметами обложенія являются предметы потребленія большинства. Такъ соль обложена у насъ $38\frac{1}{2}$ коп. съ пуда, что составляетъ почти 70% ея цѣны, а конфеты 5 рублями съ пуда или $12\frac{1}{2}$ проц. Базисъ, составляющій меньшую потребность, оплачивается такую-же

пошлиной, какъ кофе, который пьеть каждая кухарка. Вина не-пишучія въ бутылкахъ оплачиваются 33 коп. съ бутылки, все равно, будетъ-ли вино рублевое или десятирублевое, слѣдовательно, всякая болѣ дорогая бутылка оплачивается обратно пропорціо-нально своей цѣнѣ. Чай цвѣточный, зеленый, желтый оплачи-вается 22 рублями съ пуда, а черный и кирпичный 15 р. 40 к. съ пуда. Но какъ есть цвѣточный чай, стоящій 400 руб. пудъ, а кирпичный стоитъ только 30 рублей, значитъ, кирпичный опла-чивается болѣ, чѣмъ на 50% своей цѣны, а цвѣточный менѣе 6%.

Г. Скальковскій увѣряеть, что крупныя отрасли промышленно-сти рассчитаны все на общую массу. Что вы называете круп-ными? Если винокурные заводы, то это вѣрно, а если произ-водство даже хлопчатобумажныхъ издѣлій, то невѣрно; ужъ мы не говоримъ о цѣлой массѣ другихъ производствъ, которыя ров-но ничего не перерабатываютъ для массы.

Мы говоримъ съ г. Скальковскимъ о совершенно разныхъ ве-щахъ и потому другъ друга не понимаемъ. Онъ признаеть, что масса крестьянскаго населенія приготовляетъ себѣ до сихъ поръ холсты и грубыя сукна, но что будто-бы промышленность здѣсь не причесть, потому что, „имѣя свой собственный матеріалъ и не цѣня ни во что женскій трудъ зимою, во многихъ мѣстахъ домашнее производство крестьянъ, конечно, всегда будетъ конку-рировать съ выгодой съ фабричнымъ“. Вотъ объ этомъ-то мы и говоримъ, что для массы промышленность не дѣлаеть ничего и ее игнорируютъ. Г. Скальковскаго радуеть, что женскій трудъ, который не стоитъ будто-бы ничего, вынужденъ конкурировать съ фабричнымъ, а насъ это-то именно и огорчаеть. Г. Скальков-скій радуеться, что у этой массы есть много свободнаго времени и оттого она сама, отъ нечего дѣлать, производить для себя, что ей нужно, и, по бѣдности, избѣгаетъ покупокъ на наличныя деньги. „Хотя такихъ мѣстностей, говорить г. Скальковскій, — живущихъ уединенно въ экономическомъ отношеніи, въ Россіи оста-лось очень мало, но онѣ именно существуютъ тамъ, гдѣ совер-шенное отсутствіе фабрикъ и заводовъ, при плохой почвѣ, лишаетъ населеніе заработковъ“. Г. Скальковскій, кажется, не при-даеть этому факту достаточнаго значенія, а для насъ онъ слу-жилъ точкой отправленія. Прискорбность его именно въ томъ и заключается, что всякій другой производитель можетъ обмѣнивать

свой трудъ на фабричное, болѣе дешевое производство, а тотъ, кому некуда пристроить свой трудъ и силы, долженъ производить на себя и обувь, и одежду первобытнымъ способомъ. Выгодно это или нѣтъ? Можно считать промышленность организовавшейся правильно, если существуетъ въ странѣ такое явленіе?

Г. Скальковскій говоритъ, что это оттого, что народъ бѣденъ, и для такихъ бѣдныхъ мѣстностей предлагаетъ развитіе фабричныхъ производствъ. Это значитъ, что земледѣльца, который идетъ въ отхожіе промыслы, потому что у него мало земли, г. Скальковскій любезно помѣщаетъ на фабрику и производитъ въ фабричные рабочіе. Затѣмъ г. Скальковскій прибавляетъ, что автору статьи „Аристократизмъ въ промышленности“ непонятно благотворительное вліяніе промышленности на окружающія мѣстности. Да, непонятно, даже и послѣ разъясненій г. Скальковскаго. Въ доказательство выгоды промышленности г. Скальковскій ссылается на наше свеклосахарное производство, а мы на него указывали, какъ на примѣръ убыточности. Г. Скальковскій ссылается на 32 миліона рублей лишняго дохода отъ свеклосахарнаго производства, которое составляетъ благодѣяніе для всей Россіи. Но странная вещь: все, что г. Скальковскій приводитъ въ доказательство выгоды, авторъ статьи приводилъ въ доказательство невыгоды. По словамъ г. Скальковскаго, 32 миліона, выручаемые на сахарѣ, создаютъ слѣдующую необыкновенно оживленную промышленную картину. „Продавая свой сахаръ, кіевская губернія покупаетъ взамѣнъ его другіе товары, мануфактурные, металлические и проч., а эта покупка переноситъ миліоны въ сѣверныя мѣстности, оживляетъ ихъ, вызываетъ запросъ на сырье съ юга и т. д., то-есть, другими словами, создаетъ оборотъ въ пять и десять разъ больше“. Что за воображеніе у г. Скальковскаго! Кіевская губернія переноситъ въ архангельскую, въ вологодскую и другія сѣверныя губернія свои миліоны, затѣмъ вездѣ и впередъ начинаютъ двигаться мануфактурные, металлические товары, сахаръ, чай, и вмѣстѣ съ 32 миліонами, идетъ на сѣверъ сырье;—но позвольте узнать, зачѣмъ? У г. Янсона, авторитетности котораго г. Скальковскій отрицать не станетъ, можно найти совсѣмъ другой расчетъ. По его словамъ, обрабатывающей промышленности, какъ крестьянскаго промысла, въ западныхъ губерніяхъ не существуетъ; слабо развита она и не въ крестьянскихъ

рукахъ. Въ черноземной части, въ кievской, подольской губерніяхъ, менѣе въ южной части волынской, свеклосахарные заводы одни могутъ представлять внѣ земледѣлія сколько-нибудь значительный спросъ на рабочія руки. Въ 1873—1874 году на заводахъ этихъ губерній работало около 43½ тысячъ человекъ обоого пола, а это составляетъ немного болѣе 1% крестьянскаго населенія тѣхъ уѣздовъ, гдѣ эти заводы существуютъ; къ тому-же значительная часть рабочихъ пришлая—недоимщики харьковской, полтавской, черниговской губерній. Мѣсячная плата въ подольской губерніи 4—5 рублей въ мѣсяцъ, т. е. 13—18 коп. въ день, на хозяйскихъ харчахъ, за 12-ти-часовую работу, при огромномъ рискѣ для здоровья. Кажется, это совѣтъ не то, что рисиываетъ г. Скальковскій. Гдѣ-же здѣсь 32 миліона, которые такъ красиво путешествуютъ на сѣверъ, оживляютъ всѣхъ, провождаютъ туда-же сырье, съ которымъ, однако, неизвѣстно, что дѣлается. И какое это сырье? Хлѣбъ? Едва-ли, кievская губернія сама его сѣдуетъ. Тулуны, овчины? — и они не идутъ изъ кievской губерніи въ Архангельскъ. Или свекловича? — по она на мѣстѣ перерабатывается въ сахаръ. Или хлопчатобумажное сырье?—но его кievская губернія вовсе не производитъ. А если богородскія и московскія фабрики и оживляются американскими хлопкомъ, то это оживленіе не идетъ дальше богатыхъ фаворитовъ, единственно и увеселяющихся тѣми 32 миліонами, которые даритъ имъ г. Скальковскій. Что-же затѣмъ остается у кievскихъ сахарныхъ заводчиковъ, если они всѣ свои миліоны отдадутъ другимъ фабрикантамъ? Относительно благотѣльности вліянія сахарной промышленности для мѣстнаго населенія едва-ли стоитъ распространяться, потому что благотѣніе оказывается всего на 1% всего населенія, а 13—18 коп. въ день—не такой капиталъ, который-бы позволялъ рабочему пользоваться плодами той цивилизаціи и промышленныхъ порядковъ, лучше которыхъ г. Скальковскій не можетъ себѣ и представить. По словамъ г. Скальковскаго это народъ все счастливый и довольный, а по словамъ г. Яковлева который ужъ, конечно, компетентнѣе, счастливые и довольные въ эту работу не идутъ, а идутъ только недоимщики.

Опровергая автора, дѣлавшаго расчетъ переплатъ для развитія искусственныхъ промышленностей, г. Скальковскій спрашиваетъ, куда-же могли дѣваться 13 миліардовъ, переплаченные Россіей

въ пользу фабрикантовъ втеченіи двухсотъ лѣтъ? Неужели наши промышленники и фабриканты пропили и прогуляли ихъ? А если эта переплата осталась не въ карманахъ фабрикантовъ, а разошлась въ народъ въ видѣ переплаты за трудъ и сырье, то понятно, что переплата фиктивная и бѣда отъ нея не велика. Въ томъ-то и дѣло, что все это не фиктивное и переплата попала совсѣмъ не туда, куда ее помѣщаетъ г. Скальковскій. Изъ цифръ, которыя мы привели выше, г. Скальковскій можетъ усмотрѣть, что 13—18 к. въ день на хозяйскихъ харчахъ не создаютъ для неплательщиковъ свободныхъ 32 миліона, которыми г. Скальковскій такъ оживляетъ русскую промышленность, а скорѣе нужно заключить, что плата за трудъ или рабочая плата всегда держится на минимумѣ потребностей и имъ устанавливается. Прочитайте это у Сэ, Рикардо, Адама Смита, Стюарта Милля, Рау, Рошера. Что-же вы хотите доказать? А вѣдь вы патріотъ, вы болѣете интересами Россіи, вы признаете разстройство нашихъ финансовъ и народную бѣдность, вы не отрицаете миліарда новаго государственнаго долга... Въ томъ-же „Новомъ Времени“ помѣщена статья, доказывающая совсѣмъ не то, что доказываетъ г. Скальковскій. Въ томъ-же „Новомъ Времени“ помѣщена корреспонденція изъ Берлина, гдѣ говорится опять не то; помѣщена и выписка изъ „Голоса“, съ которой „Новое Время“ соглашается и говоритъ опять не то, что говоритъ г. Скальковскій.

Въ выпискѣ изъ „Голоса“ по поводу статьи Вагнера, помѣщенной въ „Новомъ Времени“, говорится о мѣрахъ къ спасенію Россіи отъ избытка бумажныхъ денегъ. „Голосъ“ говоритъ о вредѣ спекулятивнаго увеличенія производства хотя-бы и нѣсколькихъ сотъ и тысячъ фабрикантовъ, работающихъ для нижегородской и другихъ ярмарокъ. Все, что будетъ приготовлено въ изобиліи, должно, разумѣется, найти покупателей. Но откуда же они явятся, не можетъ-же народное богатство вырости вдругъ въ нѣсколько мѣсяцевъ, да еще послѣ войны, на которую убиты не сотни, а тысячи миліоновъ рублей и цѣлая сотня тысячъ рабочихъ рукъ. Ясно, что все, заготовленное неизвѣстно для кого, будетъ отдаваться въ кредитъ, затѣмъ послѣдуетъ кризисъ, а кризисъ вызоветъ всѣ тѣ страшныя послѣдствія, которыми онъ всегда сопровождается. На какого-же потребителя разчитывала-бы промышленность? Г. Скальковскій увѣряетъ, что наша промышленность

вовсе не аристократическая и работаетъ для деревни; что промышленность эта поддерживаетъ народъ и служитъ для него благодѣяніемъ, что она организована такъ, что и желать больше нечего. Но если-бы все это было такъ прекрасно, почему-бы могъ случиться тотъ казусъ, о которомъ говорить замѣтка „Голоса“, вызвавшая подтвержденіе и со стороны „Новаго Времени“?

Г. Скальковский упрекаетъ автора „Аристократизма въ промышленности“ въ незнакомствѣ съ предметомъ, о которомъ онъ взялся судить. Но авторъ можетъ доказать ссылками на Адама Смита, Рикардо, Стюарта Милля и даже Ропера, вообще несклоннаго къ увлеченію, что ошибка его не принадлежитъ *ему* лично. Подобную-же ошибку дѣлаетъ нынче вся нѣмецкая печать и нѣмецкій публицистъ Кремеръ, котораго г. Скальковский, конечно, не упрекнетъ въ зловредныхъ тенденціяхъ.

Вотъ что, напримѣръ, говоритъ берлинскій корреспондентъ „Новаго Времени“. Наблюдая то, что дѣлается не только въ Германіи, но и въ Швейцаріи, въ Италіи, во Франціи, корреспондентъ замѣчаетъ, что европейскія государства въ настоящее время все болѣе и болѣе убѣждаются въ необходимости усиливать сбытъ своихъ произведеній внутри государства. Что это значитъ? Не знаю, какое-бы объясненіе далъ этому замѣчанію г. Скальковский, но, кажется, совершенно ясно, что корреспондентъ говоритъ о необходимости дать вообще европейской промышленности болѣе народное развитіе, заставить ее работать для большинства и, такъ-сказать, сообщить ей демократическое направленіе. Причина этого направленія очень проста. Въ Германіи болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, и особенно послѣ французско-прусской войны обнаружилась бѣдность массъ и положеніе народа, ухудшаясь годъ отъ году, дошло до того, что германскому парламенту былъ представленъ на разрѣшеніе социальный вопросъ. Германія находитъ, что ея производительность слишкомъ мала, а если ея не поддерживать, если не дать ей возможности работать главнѣйшимъ образомъ для массы населенія и открыть свои рынки для иностранныхъ товаровъ, то нѣмецкая производительность будетъ падать все больше и больше. Другими словами, миліоны капиталовъ исчезнутъ изъ обращенія, рабочіе станутъ оставаться тысячами безъ куска хлѣба, спросъ на рабочія силы значительно уменьшится и предложенія увеличатся; слѣдствіемъ этого будетъ уменьшеніе заработной платы, а затѣмъ на-

родное неудовольствіе, которое потребуетъ, можетъ быть, такихъ серьезныхъ мѣръ, какихъ нѣмецкому правительству въ настоящее время даже и не представляется. Нѣмцы думаютъ, что лучшее средство предупредить подобное бѣдствіе заключается въ томъ, чтобы уменьшить свободу ввоза и придерживаться, по преимуществу, покровительственнаго или запретительнаго тарифа. Мы не станемъ разбирать, насколько Германіи нужно или не нужно прибѣгать къ помощи тарифа для развитія своихъ внутреннихъ производительныхъ силъ; мы только констатируемъ фактъ, что Европа убѣдилась въ необходимости развитія своихъ внутреннихъ производительныхъ силъ и стремится къ усилению сбыта произведеній внутри страны. Проще говоря, подобная экономическая политика рассчитывается на большинство, на массу, а какъ она можетъ явиться потребителемъ только въ томъ случаѣ, если имѣетъ къ тому денежную возможность, то ясно, что увеличеніе благосостоянія народа является единственнымъ для того средствомъ.

Наконецъ, Бремеръ обвиняетъ Германію въ томъ, что въ ней, особенно въ послѣднее время, явилось излишнее преобладаніе крупныхъ собственниковъ и промышленниковъ, которые не считали для себя обязательнымъ правильное отношеніе къ рабочимъ; къ этому присоединилось чрезмѣрное развитіе спекуляцій; наконецъ, вредное для общественной нравственности всемогущество биржи и международнаго биржевого капитализма. Для устраненія подобнаго зла Бремеръ предлагаетъ разныя практическія средства, даже противодѣйствіе еврейской эксплоатаціи, и, наконецъ, высказываетъ теорію нравственныхъ отношеній власти къ народу или, точнѣе, даетъ слѣдующую програму нѣмецкимъ правительствамъ. „Мудрый государственный человѣкъ, говоритъ Бремеръ, — проникнутый истинно-христіанскимъ образомъ мыслей, долженъ сообщать всѣмъ своимъ мѣропріятіямъ такой характеръ, чтобы прежде всего они были благодѣтельны для низшихъ слоевъ населенія. Бѣдные, слабые нуждаются всегда гораздо больше въ помощи, чѣмъ богатые и сильные. Когда законъ благоприятствуетъ лишь сильнымъ, на долю слабыхъ остается только нужда, лишеніе и неудовольство, а между тѣмъ сила, могущество и благоденствіе государства основываются всегда на довольствѣ массъ и на способности ихъ къ труду. Если среди народа царитъ нужда и неудовольствіе, государственными основами всегда грозитъ опасность, въ особенности,

если на жалобы страдающих отвѣчаютъ насильственными средствами“. Кремеръ изъ этого выводитъ, что Германія не слѣдуетъ прибѣгать къ драконовскимъ законамъ, а, напротивъ, войтъ въ положеніе народа и устранить тѣ причины, которыя мѣшаютъ экономическому здоровью.

Къ этимъ печальнымъ явленіямъ. констатируемымъ тѣми авторами, противъ которыхъ г. Скальковскому возражать не приходится, присоединяются еще факты европейскихъ и американскихъ промышленныхъ и торговыхъ кризисовъ. Все это вмѣстѣ представляетъ такой грандіозный хаосъ всякихъ неуставившихся отишеній и путаницы, что нужно обладать слишкомъ большимъ общественнымъ и личнымъ благодушіемъ, чтобы вообразить себѣ гуляющимъ въ померанцевой рошѣ. Слѣдующихъ общезвѣстныхъ выводовъ изъ общаго наблюденія теперешняго состоянія экономической Европы не станеть отрицать г. Скальковскій: что промышленность и все промышленное производство бредеть куда-то съ завязанными глазами, въ чемъ и заключается причина промышленныхъ кризисовъ; что производители недовольны, потребители тоже недовольны; что масса ходитъ въ лохмотьяхъ, болна фабрикахъ изготовляются пурпуръ и парчи; что мануфактурные товары годъ отъ году дешевѣютъ, и не только дешевѣютъ, но иногда гниютъ въ складахъ, потому что не находятъ покупателей, а предметы первыхъ потребностей растутъ въ цѣнѣ; что люди даже средняго состоянія стали питаться рисомъ вмѣсто пшеницы, а г. Скальковскій увѣряетъ, что ничего подобнаго буди бы нѣтъ, и видѣтъ причины подобныхъ явленій въ нарушеніи гармоніи экономическихъ отношеній, значить быть „незнакомыи съ предметомъ“.

Настоящая статья могла-бы, конечно, обойтись безъ этого нужденнаго предисловія, и авторъ рѣшился на него не ради удовлетворенія полемическаго чувства. Ему случалось слышать мнѣнія о вопросѣ, составляющемъ предметъ настоящей статьи. мнѣнія, составленныя исключительно по отзывамъ г. Скальковскаго. Печально это явленіе или не печально, указываетъ на серьезность или на легкомысліе подобныхъ читателей или вообще какой оно имѣетъ моральный цвѣтъ, говорить мы не будемъ. Но вотъ что, наконецъ, должно понять всѣмъ и въ чемъ судеть, наконецъ, всѣмъ убѣдиться. Экономическое и финансовое

разстройство Россіи, конечно, ни для кого не секретъ; также не секретъ экономическое положеніе народа; также не секретъ крайняя необходимость податной реформы; также не секретъ трудность разрѣшенія всѣхъ нашихъ экономическихъ задачъ; также не секретъ необыкновенный упадокъ нашего экономического мышленія; также не секретъ малое знакомство нашей публики съ экономическими знаніями и ея полнѣйшій индифферентизмъ къ экономическимъ вопросамъ, хотя всѣ плачутся на бѣдность и дороговизну. И вотъ среди подобнаго печальнаго состоянія нашего экономического мышленія, въ органѣ, наиболѣе распространенномъ, одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ его увѣряетъ, что объясненіе всей этой путаницы нарушеніемъ закона сочетанія труда есть невѣжество. А между тѣмъ самъ-же г. Скальковскій говоритъ, что предметъ, затронутый авторомъ статьи, „слишкомъ обширенъ и серьезенъ, чтобы его разбирать въ объемъ газетной статьи“. Зачѣмъ-же вы не отнеслись къ нему серьезно и не написали серьезной статьи? Только это и было для васъ обязательно.

II.

Съ начала XIX столѣтія Европа находится въ необыкновенномъ экономическомъ и политическомъ напряженіи. Политическое напряженіе вызвало небывалое развитіе военныхъ силъ и небывалые расходы на ихъ содержаніе. Расходы эти считаются обыкновенно непроизводительными и вызываютъ сильное порицаніе со стороны экономическихъ писателей. Порицанія экономическихъ писателей, можетъ быть, и справедливы, и желаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, чтобы европейскія государства устроились по примѣру Швейцаріи или Сѣверо-американскаго союза, заслуживаетъ уваженія. Въ Швейцаріи, напримѣръ, расходы на войско составляютъ нѣсколько болѣе 7%, тогда какъ въ Австріи они больше 40. Но въ этихъ цифрахъ нужно относиться только къ факту, потому что нельзя-же требовать, чтобы Австрія и Пруссія устроились по швейцарскому образцу. А такъ-какъ невозможно и европейскія потребности въ направленіи военныхъ расходовъ полиціи растутъ все болѣе и болѣе, то въ европейскихъ государствахъ растутъ все болѣе и болѣе

дефициты, составляющіе ежегодно болѣе 250 миліоновъ рублей. Еслибы экономическая производительность европейскаго населенія была такъ велика, что расходы на политическія потребности могли-бы удовлетворяться народными средствами, — дефициты оказывались-бы невозможными и не было-бы необходимости прибѣгать къ займамъ. А такъ-какъ этого не существуетъ, то Европѣ приходится увеличивать годъ отъ году свои долги. Въ 1789 году, то-есть передъ французской революціей, европейскіе долги составляли 3 миліарда 434 миліона рублей, а нынче они составляютъ 16 миліардовъ, или меньше, чѣмъ въ столѣтіе, увеличились на 360%. Еслибы народное благосостояніе возрасло въ это время въ такомъ-же размѣрѣ, то конечно, долги были-бы невозможны. Нельзя сказать, чтобы европейскія правительства не понимали этого: они сами — жертва той цивилизаціи и тѣхъ стремленій, которыми, по необходимости, должны подчиняться. Всѣ возстаютъ противъ воинственнаго настроенія Европы, всѣ имъ недовольны, а оно не только не ослабѣваетъ, а, напротивъ, изъ года въ годъ увеличивается. Рядомъ съ этимъ воинственнымъ напряженіемъ стоитъ неизбежно усиливающееся капиталистическое производство, и между этой Сцилой и Харибдой стоитъ производительное населеніе, долженствующее удовлетворять и военнымъ расходамъ, и капиталистическому производству. Понятно, что подобное тяжелое состояніе должно было вызвать недовольство производительнаго населенія и обратиться на его положеніе вниманіе правительствъ. Европа пришла къ убѣжденію, что средствами внѣшней дисциплины нельзя никого успокоить; что жалобы на дороговизну, на бѣдность, на трудное положеніе массъ — жалобы не фантастическія; что состояніе это существуетъ, что на него нужно смотрѣть, какъ на серьезное явленіе, и то пренебрежительное отношеніе къ нему, которое до сихъ поръ практиковалось, ведетъ не къ улучшенію, а къ ухудшенію общественныхъ отношеній. Германскій парламентъ весьма серьезно призадумался надъ экономическимъ положеніемъ Германіи и убѣдился, что слѣдуетъ, наконецъ, измѣнить всю внутреннюю экономическую политику и выработать для нея иные руководящія принципы. Одолѣеть-ли Германія эту задачу и сдѣлаетъ-ли встать на ея высоту — предрѣшать не беремся.

Если мы обратимся къ Россіи, то увидимъ, что, понавѣ въ вѣдворотъ европейской политики и живя солидарной жизнью съ

Европой, мы должны вертѣться въ томъ-же водоворотѣ. Если-бы мы обнесли себя стѣною, то намъ жилось-бы, конечно легче, но трудность является съ того момента, когда намъ приходится тянуть веревку или воевать то съ Турціей, то съ Англіей, то съ Германіей, то съ Франціей. Хотимъ мы или не хотимъ поступать такъ, но логикой историческихъ событій мы роковымъ образомъ увлекаемся на этотъ путь и не можемъ поступать иначе. Но если даже Европа не находитъ достаточно денежныхъ средствъ, чтобы покрывать всѣ расходы на внѣшнюю политику, то наше положеніе въ этомъ отношеніи еще печальнѣе. Мы—самое большое европейское государство и въ то-же время самое бѣдное. Потому, что мы велики и бѣдны, а между тѣмъ наши политическія надобности и отношенія нисколько не меньше надобностей Англіи и Пруссіи, намъ приходится тратить на политику почти въ три раза болѣе Великобританіи и почти въ $2\frac{1}{2}$ раза больше Пруссіи. Это значить, что если англійскій подданный отдаетъ на политическія и государственныя наобности $\frac{1}{5}$ своего труда, нѣмецъ $\frac{1}{4}$, то русскій долженъ отдать почти половину. Иначе сказать, наше историческое равновѣсіе, при нашей крайней бѣдности, обходится намъ вдвое дороже, чѣмъ странамъ болѣе насъ производительнымъ и богатымъ.

III.

По историческимъ, климатическимъ и интеллектуальнымъ особенностямъ мы находимся въ положеніи далеко менѣе благоприятномъ для экономическаго развитія, чѣмъ Европа. На климатическое положеніе Россіи, какъ на одинъ изъ факторовъ экономическаго успѣхія, обращается гораздо меньше вниманія, чѣмъ-бы нужно. Въ Европѣ нѣтъ страны болѣе холодной, чѣмъ Россія; напримеръ, въ Якутскѣ самый холодный мѣсяць имѣетъ $-42,1^{\circ}$, а самый теплый $+16,7^{\circ}$, такъ что разницу между теплою и холодною температурой образуется 58,8. Ничего подобнаго не знаетъ у себя Европа. Чего-же ожидать отъ Якутска и его области, какую промышленность онъ можетъ создать, какое выработать себѣ благосостояніе, какую внести долю на государственныя и общественныя потребности Россіи? Якутскъ и Камчатка, конечно, исключеніе, но это исключеніе все-таки въ Россіи, исключеніе это состав-

ляютъ двѣ громадныя мертвыя области, въ которыхъ раз-
витіе промышленности и цивилизаціи почти невозможно.

Если мы обратимся къ мѣстностямъ менѣе крайнимъ и
имѣемъ европейскую Россію, то и тутъ окажется, что наши
не имѣютъ себѣ подобныхъ на западѣ Европы. Наши длин-
нныя зимы существенно вліяютъ на все народное хозяй-
ство во всѣхъ его частностяхъ, т. е. не только на земледѣліе,
на промыслы, на торговлю, на обмѣнъ, на передвиженія, но и
на всѣ нужды, надобности и потребности населенія. Русская зима
дастъ изъ русскаго народнаго быта нѣчто вовсе непохожее на бытъ
европейскій. Она измѣняетъ даже характеръ одежды, даже весь ми-
ръ бытъ крестьянина. Холодъ въ полярныхъ странахъ дѣлаетъ
земледѣліе невозможнымъ, а въ мѣстностяхъ болѣе умѣренныхъ умень-
шаетъ его производительность. Онъ задерживаетъ развитіе сель-
скаго хозяйства, потому что заставляетъ дѣлать большіе запасы кормовъ
на зиму. Ничего подобнаго нельзя встрѣтить въ Европѣ. Гдѣ-ж
зимы, какъ, напримѣръ, у насъ, рѣка Амуръ замерзаетъ на двѣ
семь мѣсяцевъ? Въ Дублинѣ мирты зимуютъ на воздухѣ,
у насъ подъ той-же широтой средняя температура зимы въ Сибирѣ
равняется—20°. Буки растутъ въ Шотландіи подъ 56°, въ Пис-
ции подъ 54, а у насъ только въ восточной части Польши,
въ горахъ Крыма и Кавказа. Въ Англіи, въ Испаніи, на берегахъ
Балтійскаго моря зимы почти нѣтъ; въ Берлинѣ она продолжается
около 40 дней, въ Вѣнѣ около 70, а во владимірской губерніи
полевыми работами можно заниматься всего 5 мѣсяцевъ, а
вологодской и пермской даже менѣе 4-хъ. Этого мало: суровая
зима мѣшаетъ иногда разведенію такихъ растений, которыя мо-
гутъ бы созрѣвать при мѣстной весенней и лѣтней температурѣ. Въ
Сибирѣ, между устьями Днѣпра и Урала, яровая пшеница вы-
растаетъ отлично, а озимая не сѣется. Суровая зима причиной,
въ большой части Россіи скотъ приходится держать въ стойлахъ
почти полгода, а въ сѣверныхъ губерніяхъ даже 245 дней. Мѣ-
сяцъ въ Бессарабіи скотъ кормится подножнымъ кормомъ
весь годъ. Не одновременное наступленіе тепла вліяетъ на начало
и конецъ сельскихъ работъ. На Кавказѣ и на черноморскомъ
бережьи посѣвы начинаются въ мартѣ или въ апрѣлѣ, а въ сѣ-
верной Россіи не ранѣе 3 мая. Сѣпьяны на югѣ начинаются
перваго іюня, а на сѣверѣ только послѣ перваго августа. Ж

точно также начинается не въ одно время: на югѣ въ половинѣ іюня, нѣсколько сѣвернѣе — въ половинѣ іюля, а еще сѣвернѣе — даже послѣ перваго августа.

Атмосферные осадки распредѣляются у насъ менѣе равномерно и вообще количество атмосферной влаги у насъ менѣе, чѣмъ въ западной Европѣ. Губерніи, прилегающія къ балтійскому побережью, имѣютъ климатъ болѣе влажный, чѣмъ мѣстности по берегамъ Чернаго и Каспійскаго морей. И чѣмъ губерніи лежатъ отъ Балтійскаго моря далѣе на юго-востокъ, тѣмъ климатъ въ нихъ суше. Въ то время, какъ въ средней и сѣверной Россіи выпадаютъ до 700 миллиметровъ влаги, въ Новороссіи она доходить до 300 миллиметровъ, а въ киргизскихъ степяхъ до 200. Поэтому южная Россія страдаетъ постоянными засухами; то-же самое можно сказать и о Кавказѣ, въ которомъ влага распредѣляется неравномерно по частямъ года, а потому многія мѣстности отличаются лѣтними засухами. Въ условіяхъ болѣе благопріятныхъ находятся губерніи, лежащія въ полосѣ между Каменецъ-Подольскою, Киевою, Орловою, Уфой, Кишиневскою, Изюмскою, Ново-Хонерскою, Царицыновою и Оренбургскою.

Климатическими и почвенными условіями опредѣляются у насъ культура и предѣлы распространенія хозяйственныхъ растений, а слѣдовательно и выгоды сельскаго хозяйства. Сѣвернымъ предѣломъ распространенія пшеницы служитъ южная граница олонечкой губерніи, уѣзды уржумскій, малмыжскій и сарапульскій вятской губерніи. Сѣвернѣе пшеница вырѣвовать не можетъ. Выше этой пшеничной полосы слѣдуетъ полоса ржи, а затѣмъ полоса ячменя, не растущаго далѣе 65° сѣверной широты.

Даже распредѣленіе древесныхъ породъ у насъ менѣе выгодно, чѣмъ въ Европѣ, благодаря менѣе благопріятному климату, и поэтому наша древесная флора гораздо бѣднѣе европейской. Твердые породы, необходимыя для подѣлокъ и нуждающіяся въ болѣе тепломъ климатѣ, у насъ растутъ въ очень ограниченнхъ предѣлахъ распространенія. Букъ, эта наиболѣе полезная порода по своей твердости и крѣпости, въ Россіи почти неизвѣстенъ. Дубъ распространень значительно слабѣе, чѣмъ на западѣ Европы, и выше тульской губерніи сплошными насажденіями не идетъ. Болѣе распространенная у насъ береза далеко не обладаетъ свойствами и бука и, какъ машинный лѣсъ и лѣсъ для подѣлокъ, во

многихъ случаяхъ ихъ замѣнить не можетъ. Сосна, благодаря хищническому хозяйству, годъ отъ году подбирается и господствующей породой остается ель, материалъ вовсе не цѣнный даже для построекъ.

IV.

У г. Янсона въ его „Сравнительной статистикѣ“ помѣщены слѣдующія цифры о движеніи народонаселенія по сословіямъ въ 1858 и 1870 годахъ:

Сословія.	Численность 1858 г.	Численность 1870 г.	Отношеніе къ населенію въ 1858 и въ 1870 г.	Прибыль или убыль; абсо- лют. цифры.
Дворянство потом- ственное. . . .	609,973	554,188	1,03	0,8 — 18 ^o
Дворянство личное и служашіе	276,809	316,994	0,55	0,4 + 14 ^o
Духовенство	601,929	608,629	1,10	0,9 + 1 ^o
Городскія сословія .	4,300,355	6,090,508	7,25	9,2 + 45 ^o
Сельскія сословія .	48,953,483	53,630,522	82,55	81,5 + 10 ^o
Военныя „	3,767,436	3,981,319	6,35	6,5 + 5 ^o
Иностранцы	61,078	149,283	0,13	0,27 + 131 ^o
Лица, непринadle- жащія къ этимъ сословіямъ. . . .	730,183	383,116	1,04	0,5 — 48 ^o

Изъ этой таблицы видно, что дворянство потомственное сильно уменьшилось, что замѣчается, впрочемъ, и повсюду. Прибыль духовенства очень мала, конечно, потому, что кончилась замкнутость этого сословія и многіе его оставляютъ. Военное сословіе увеличилось тоже на очень незначительный процентъ, что слѣдуетъ, однако, объяснить тѣмъ, что многія изъ лицъ, считавшихся прежде въ военномъ сословіи, напримѣръ, безсрочно-отпускные, отставные, кантонисты, солдатскія дѣти, перечислены преимущественно въ сельское сословіе. Но самую любопытную цифру представляютъ сословія сельское и городское. Въ то время, какъ сельское сословіе увеличилось только на 10°, городское увеличилось на 45. Въ этомъ приращеніи повторяется явленіе, замѣчаемое не у насъ однихъ. Вездѣ въ Европѣ земледѣльческое населеніе обнаруживаетъ или очень слабый приростъ, или даже убыль. На-

противъ того, городское повсюду растетъ. Среднимъ числомъ годичный приростъ большихъ городовъ составляетъ 15,8%, а остального населенія только 3,9. Это возрастаніе населенія городовъ совершается на-счетъ населенія страны, а не на-счетъ прилива изъ-за границы. У насъ приращеніе населенія городовъ представляетъ нѣсколько иной и, можетъ быть, болѣе невыгодный характеръ. Въ Европѣ это явленіе болѣе постоянное и правильное и происходитъ оно отъ постоянного уменьшенія сельскаго населенія, оставляющаго земледѣліе по безземелію и ищущаго занятія въ городахъ. У насъ двигается народъ не потому, чтобы его совсѣмъ вытѣснялъ недостатокъ земли, а потому, что городъ и его городскія занятія представляютъ для крестьянина случайности временныхъ заработковъ. Большинство отхожаго населенія стремится у насъ въ большіе города, въ Петербургъ, въ Москву, на югъ, въ черноземныя не степныя и степныя губерніи, и на востокъ, въ Сибирь и въ центральную Азію. Часть этого населенія идетъ на большія фабрики, въ фабричныя уѣзды своей полосы. Нѣкоторые изъ кочующихъ переселенцевъ остаются окончательно на новомъ мѣстѣ; другіе-же отправляются исключительно на короткій лѣтній и зимній сроки. Къ сожалѣнію, статистическіе матеріалы по этому вопросу очень бѣдны у насъ; то, что извѣстно, выясняетъ только частности и не даетъ понятія объ общемъ. Напримѣръ, перепись Петербурга 1869 года дала 204,347 человекъ крестьянъ обоюго пола, приписанныхъ къ сельскимъ обществамъ разныхъ губерній, или почти 40% всего петербургскаго населенія. Въ Москвѣ оказалось 256,146 человекъ крестьянъ разныхъ губерній или 43,6 всего населенія. Въ Кіевѣ по переписи 1874 года оказалось 28,3% кіевскихъ уроженцевъ и 71,7 уроженцевъ не Кіева. Районъ тяготѣнія отхожихъ промысловъ къ столицѣ гораздо шире, чѣмъ къ другимъ мѣстностямъ Россіи. Къ Петербургу народъ тянется сильнѣе, чѣмъ къ Москвѣ, въ него тянется верхнее Поволжье и весь сѣверо-западный край, а къ Москвѣ—губерніи, расположенныя вокругъ нея концентрически. Наибольшее количество пришлаго элемента даетъ Петербургу губернія ярославская, высылающая 9,4 мужчинъ и 1,9% женщинъ. Затѣмъ слѣдуетъ губернія петербургская, потомъ губернія тверская, архангельская, новгородская, олонецкая, костромская, псковская. Къ Москвѣ тянется преимущественно губернія московская, высылающая

въ нее 10,9% мужчинъ и 4,3% женщинъ. Затѣмъ слѣдуютъ губерніи смоленская, тульская, ярославская, тверская, рязанская, калужская и владимірская.

V.

Еще факты. Въ статистикѣ производительныхъ силъ Россіи г. Карачунскаго, въ таблицѣ мануфактурной промышленности, мы находимъ вотъ что: въ 1877 году было выработано золотыхъ издѣлій на 105,000 рублей; желѣза и желѣзныхъ издѣлій—на 495 тысячъ; жестяныхъ издѣлій—на 33,000 руб., бронзовыхъ—на 410,000 руб. Мы не имѣемъ никакого права не довѣрять этимъ цифрамъ, потому что г. Карачунскій пользовался официальными источниками. Если же по цифрамъ, сообщеннымъ г. Карачунскимъ, можно судить хотя приблизительно о характерѣ нашей промышленности и если она изготовляетъ бронзовыхъ издѣлій на 410,000 р., а желѣзныхъ—на 495,000 р., то слѣдуетъ заключить, что для изготовленія бронзовыхъ вещей Россія тратитъ почти столько-же труда и капитала, какъ и для издѣлій желѣзныхъ, и если на приобрѣтеніе бронзы тратится 410 тысячъ, а на приобрѣтеніе желѣза—495, то ясно, что бронзовыя издѣлія составляютъ предметъ почти одинаковой потребности или для бронзы можно найти у насъ скорѣе покупателя, чѣмъ для желѣза. Относительно золота и жестяныхъ издѣлій придется повторить то-же самое. Жестяныя издѣлія, вообще дешевыя, составляютъ принадлежность небольшихъ и небогатыхъ хозяйствъ, а между тѣмъ Россія на приобрѣтеніе ихъ тратитъ въ годъ только 33 тысячи, а на золотыя вещи—105 тысячъ. Ясно, что въ русской жизни являются какъ-бы два слоя и одинъ изъ нихъ не можетъ поддержать даже жестяной промышленности, а для другого нужна промышленность золотая, и онъ тратитъ на нее больше, чѣмъ втрое, сравнительно съ потребителями жестяныхъ издѣлій.

Въ издѣліяхъ изъ неметаллическихъ минераловъ повторяется опять то-же. На производство предметовъ, составляющихъ потребленіе большинства, Россія тратитъ гораздо меньше силъ и капиталовъ, чѣмъ на предметы, составляющіе потребленіе меньшинства. Такимъ образомъ, на производство гончарныхъ издѣлій, то-

есть на горшки и плошки, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одинъ жилищный домъ и ни одно самое бѣдное хозяйство, тратится 343 тысячи рублей, а на фарфоровыя издѣлія—1 миліонъ 81 тысяча. Фаянса, который потребляется тоже большинствомъ, производится на 185 тысячъ или въ 5 разъ меньше, чѣмъ фарфора. Кожевенныхъ издѣлій, которыя уже ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться предметами роскоши и служатъ несомнѣнно предметомъ потребления большинства, изготовляется на 2 миліона 148 тысячъ или вдвое больше, чѣмъ фарфора. Еще любопытнѣе, что позументныхъ издѣлій изготовляется даже больше, чѣмъ кожевенныхъ, а именно на 2 миліона 190 тысячъ рублей.

Обоевъ готовится на 620 тысячъ р., а картъ—на 1 миліонъ 191 тысячу руб. Это, конечно, можетъ происходить только оттого, что для картъ у насъ находится больше потребителей. Салотопныхъ товаровъ изготовляется на 9 миліоновъ 334 тысячи руб., а мыла на 3 миліона 508 тысячъ руб. Казалось-бы, мыло составляетъ настолько общую потребность, что оно, какъ предметъ каждаго хозяйства, должно-бы играть въ немъ такую-же роль, какъ соль, а между тѣмъ шелковыхъ издѣлій требуется у насъ вдвое больше, чѣмъ мыла.

У того-же г. Барачунскаго есть сравнительная таблица успѣховъ промышленности за послѣднія двадцать лѣтъ. Изъ этой таблицы усматривается, что сборъ хлѣба составлялъ въ гектолитрахъ на одного человѣка въ 1855 году—6,3, а въ 1875 г.—6,4. Между тѣмъ народонаселеніе въ 1855 году составляло 3,4 на одинъ квадратный километръ, а въ 1875 г.—4,1; или въ то время, когда народонаселеніе увеличилось на $\frac{1}{3}$, количество производимаго имъ хлѣба осталось неподвижнымъ. Скота въ 1855 году приходилось на 100 жителей 130 штукъ, затѣмъ начинается постепенно его уменьшеніе и въ 1865 г. приходилось на 100 жителей—112, а въ 1875 г. уже 110. Однимъ словомъ, въ то время, когда народонаселеніе увеличилось на $\frac{1}{3}$, скота уменьшилось на $\frac{1}{5}$.

Золота въ 1855 году получалось 500 центнеровъ, а въ 1875 г.—600 центнеровъ. Количество серебра осталось то-же, а мѣди вмѣсто 126 тысячъ центнеровъ, добытыхъ въ 1855 году, получено въ 1875 г.—74 тысячи центнеровъ.

Еще любопытно, что втеченіи двадцати лѣтъ не усилились внутреннія почтовые сношенія, точно явилось меньше нужды во внутренней корреспонденціи и убавилось число грамотныхъ. Это явленіе до того странно, что еслибы г. Карачунскій не ссылался на официальные источники, то можно было-бы усомниться въ достоверности его свѣденій. Такимъ образомъ, въ 1855 году было отправлено 64,649,397 писемъ, а въ 1875 г. — 66,419,328 писемъ. Это значить, что на каждого жителя приходится въ годъ меньше одного письма и что внутренняя корреспонденція, еслибы она шла параллельно съ увеличеніемъ народонаселенія, которое увеличилось на $\frac{1}{3}$, должна была-бы въ 1875 году дать цифру почти въ 90 миліоновъ.

Въ сравнительной таблицѣ народнаго просвѣщенія мы находимъ такія цифры, изъ которыхъ оказывается, что высшее образованіе увеличилось сравнительно въ слабѣйшей прогресіи, чѣмъ образованіе низшее. Низшихъ школъ было въ 1855 году 5,995, съ 320,000 учащихся, а въ 1875 году — 21,893, съ 771,706 учащ. Среднихъ училищъ въ 1855 году считалось 77 и въ нихъ учащихся 17,817; а въ 1875 году — 208 и 51,097 учащихся. Университетовъ въ 1855 году было 6, съ 4,325 студентами, а въ 1875 г. — 8, съ 5,679 студ. Изъ этихъ цифръ оказывается, что въ то время, какъ число студентовъ увеличилось только на $\frac{1}{4}$, число учащихся въ среднихъ заведеніяхъ возрасло втрое, а учащихся въ народныхъ школахъ нѣсколько болѣе, чѣмъ вдвое.

VI.

У каждого работника или производителя въ произведеніяхъ его труда является всегда излишекъ, которымъ, за удовлетвореніемъ своихъ потребностей, онъ можетъ располагать по своему усмотрѣнію. А такъ-какъ у всѣхъ остальныхъ производителей всевозможныхъ предметовъ потребленія являются подобныя-же излишки, то каждый имѣетъ возможность мѣнять свой излишекъ въ чужой, прямо предметъ на предметъ или за цѣну этихъ предметовъ, и каждый работникъ взамятъ своего излишка получаетъ то, что ему нужно. Вслѣдствіе этого всеобщаго обмѣна каждый получаетъ все необходимое и всеобщее довольство разливается по всѣмъ классамъ общества.

Этотъ законъ, установленный Адамомъ Смитомъ, называется закономъ раздѣленія труда, и если гармонія въ сочетаніи труда устанавливается правильная, дѣйствию закона раздѣленія труда ничто не мѣшаетъ, то, конечно, должно наступить и общее благосостояніе. Но въ дѣйствительности этого-то именно и не бываетъ, потому что дѣйствию закона раздѣленія труда, особенно при международныхъ сношеніяхъ, мѣшаетъ множество причинъ, частію естественныхъ, частію искусственныхъ, какъ, на примѣръ, дурная организація общества, неудовлетворительныя учрежденія, низкій уровень знаній.

Если русская зима закупориваетъ русскаго земледѣльца на шесть мѣсяцевъ, если лѣто даетъ ему всего четыре мѣсяца, то ясно, что производитель, имѣющій всего четыре мѣсяца рабочаго времени, долженъ произвести меньше, чѣмъ работникъ, имѣющій для того-же пять, шесть, семь, восемь мѣсяцевъ. Если виды труда большей или меньшей продолжительности одинаковы, то они могутъ уравниваться только разностью энергіи, т. е. трудъ меньшей продолжительности долженъ быть произведенъ съ большей энергіей. Такъ, если два земледѣльца обрабатываютъ одинаковое количество пашни, но въ разныхъ по климату мѣстностяхъ и при разныхъ условіяхъ успѣшности, одному производителю слѣдуетъ произвести эту работу въ три мѣсяца, другой — ту-же работу долженъ совершать въ четыре, то ясно, что работа перваго должна быть энергичнѣе работы втораго на одну четверть. Слѣдовательно, чѣмъ лѣто короче, тѣмъ энергичнѣе долженъ быть земледѣлецъ. Русская „страда“ — не выдуманное, а вымученное названіе. Это, дѣйствительно, пора страданія, — пора, когда требуются почти нечеловѣческія усилія, чтобы въ три мѣсяца окончить цѣлую массу работъ, скопившихся сразу. Европейскій земледѣлецъ „страды“ не знаетъ и расходъ его силъ подчиняется совсѣмъ иному расчету. Его пашня меньше и поэтому трудъ его можетъ быть выше по качеству. Трудъ его можетъ быть распределенъ равномернѣе, потому что европейское лѣто длиннѣе и, слѣдовательно, даже уже по одной своей продолжительности оно даетъ европейцу возможность быть болѣе специальными земледѣльцемъ, чѣмъ русскому, у котораго остается длинная, холодная зима, ни для какой земледѣльческой работы непригодная.

Эта разница въ естественныхъ отношеніяхъ дѣлаетъ трудъ одного производителя болѣе дорогимъ, а другого болѣе дешевымъ. Такъ-какъ количество работы есть мѣра цѣны труда, то ясно, на счетъ чего достигается равновѣсіе обмѣна при международномъ раздѣленіи труда. Чтобы препятствія, представляемія природо-климатомъ, почвой, положеніемъ, могли быть уравновѣшены, производителю нужно или усилить энергію личнаго труда, или повысить его качества. Но представьте положеніе производителя, трудъ котораго парализуется не только природой, но когда и всѣ остальные его качества, какъ работника, составляютъ тоже помѣху для успѣшности. Сравните, напримѣръ, положеніе турецкаго или болгарскаго земледѣльца съ русскимъ. Турокъ броситъ въ землю пять зеренъ и получить 250; ярославецъ броситъ пять зеренъ и получить 25. Тутъ одна природа дѣлаетъ трудъ ярославца въ десять разъ безуспѣшнѣе труда турка. Выгоды, представляемія природой турку, такъ велики, что всѣ остальные препятствія могутъ быть въ десять разъ больше и только тогда успѣшность его труда сравняется съ успѣшностью ярославца, или, точнѣе, чтобы успѣшность труда ярославца сравнялась съ успѣшностью труда турка, нужно, чтобы ярославцу, какъ работнику, жилось-бы въ десять разъ легче. При равныхъ климатическихъ и почвенныхъ естественныхъ условіяхъ трудъ американскаго земледѣльца будетъ совершеннѣе, потому что первый овладѣлъ лучше силами природы, у него больше знаній, онъ пользуется разными изобрѣтеніями, создающими большую успѣшность его труда. Такіе образцы, чтобы парализовать вредныя дѣйствія скудной природы, нужно въ соотвѣтственной степени улучшить всѣ остальные условія успѣшности, и если этого не случится, то при международномъ раздѣленіи труда всѣ потери лягутъ на того производителя, трудъ котораго обставленъ хуже.

Въ числѣ причинъ естественныхъ, мѣшающихъ успѣшности, занимаютъ весьма важное мѣсто средства сообщенія. Въ этомъ отношеніи едва-ли есть какая-нибудь другая страна въ мірѣ, гдѣ положеніе земледѣльца было менѣе благоприятно, чѣмъ въ Россіи. Только въ новѣйшее время явилась у насъ довольно полная сеть желѣзныхъ дорогъ, да и то еще окраины не соединились съ центрами. Затѣмъ за линіями желѣзныхъ путей лежатъ наши старые лѣтніе и зимніе проселки. Наши водные пути, какъ-бы они

ни были хороши, худы ужъ потому, что слишкомъ длинны и медленны. Вотъ приблизительный расчетъ тѣхъ излишнихъ переплатъ, которыя мы должны дѣлать, благодаря нашимъ дурнымъ перевозочнымъ средствамъ. Четверть хлѣба продается въ Петербургѣ на кораблѣ за 12 рублей. Средняя цѣна ей на мѣстѣ производства, положимъ, 8 рублей. Слѣдовательно, земледѣлецъ продаетъ свою четверть за 8 рублей, а купецъ продаетъ ее въ Петербургѣ за 12 руб. и 4 руб. составляютъ накладные расходы за перевозку, за комисію, за проценты на капиталъ. Еслибы земледѣлецъ, получающій 8 рублей за свой продуктъ, находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ заграничнымъ покупателемъ и между ними не лежало длинное разстояніе съ дурными или дорогими сообщеніями, то эти 4 р. достались-бы земледѣльцу. Теперь-же получается такой расчетъ. По цифрамъ г. Барачунскаго, мы отпускаемъ за-границу хлѣба на 212,054,000 р. Въ этой суммѣ цѣна провоза и другихъ накладныхъ расходовъ составляютъ одну треть и земледѣльческій производитель получаетъ на 70,000,000 р. меньше. Такимъ образомъ, чтобы нашъ земледѣлецъ могъ на европейскихъ рынкахъ конкурировать съ туркомъ, египтяниномъ, американцемъ, ему, производителю, находящемуся въ климатическомъ отношеніи въ неблагоприятныхъ условіяхъ, нужно его и безъ того слишкомъ дешевый трудъ уступить еще дешевле.

Можно сказать, что у насъ каждая губернія представляетъ свои особенности неуспѣшности, и нѣтъ ни одной мѣстности, въ которой-бы по возможности соединялись условія благоприятныя. Если заволжскій степной край можетъ давать урожай самъ-50, за то онъ отдѣленъ отъ портовъ тысячеверстными разстояніями и до развитія пароходства и желѣзныхъ дорогъ хлѣбъ, случалось, шель двѣ навигаціи. Сѣверныя губерніи, лежащія ближе къ морю, терпятъ отъ дурной природы и непроизводительной почвы, и какая-нибудь петербургская или новгородская губернія, пользующаяся болѣе удобными путями сбыта, даетъ жалостный урожай самъ-3, самъ-5. На-сколько-же должна быть понижена цѣна труда земледѣльца этой мѣстности, чтобы онъ могъ конкурировать съ трудомъ турецкаго или египетскаго земледѣльца, которыми такъ благословила природа? Сравните островное положеніе Англіи съ континентальнымъ положеніемъ Россіи, или, чтобы

примѣръ не былъ такъ рѣзокъ, сравните съ Россіей тоже довольно континентальныя страны, Францію или Германію. Страны эти населены густо; это значитъ, что жители соединены такъ болѣе короткими разстояніями и средства сообщенія устроены хорошо. Потому, что въ нихъ климатъ благопріятнѣе, у нихъ и земля даетъ больше, и урожай травъ больше, а у насъ меньше. Скотъ ихъ лучше, нашъ—хуже; ихъ земледѣлецъ ѣдетъ до рынка 5—10 верстъ, нашъ—10—20 верстъ; ихъ земледѣлецъ кладетъ на возъ 60—100 пудовъ, нашъ—20—30 пудовъ; ихъ—дѣлаетъ 10 верстъ въ 2 часа, нашъ—20 верстъ въ 5 часовъ. Поэтому весь расчетъ времени и силъ для нѣмецкаго и французскаго земледѣльца вдвое-втрое выгоднѣе, чѣмъ для нашего; слѣдовательно, трудъ нашего земледѣльца при международномъ обменѣ является вдвое-втрое дешевле. Чтобы получить отъ нѣмца пару сапоговъ, русскій долженъ отдать втрое больше труда, чѣмъ за ту же пару отдастъ нѣмецъ. Россія за каждое иностранное издѣліе, которое она не производитъ у себя, должна заплатить вдвое или втрое противъ того, что за нее платитъ у себя дома иностранецъ. Присоедините къ этому разные накладные расходы и цѣну перевозки, и вещь, стоющая въ Лионѣ какой-нибудь франкъ, въ Казани будетъ стоить 10 франковъ.

На свѣтѣ пѣтъ такой статистики, которая бы давала сравнительный расчетъ международнаго труда, указывала бы, насколько трудъ, напримѣръ, русскаго производителя окупается трудомъ француза, нѣмца, англичанина. Если бы подобный расчетъ былъ возможенъ, то трудъ русскаго производителя, обязаннаго обменивать свои продукты на иностранные, оказался бы самымъ убыточнымъ трудомъ, а на международномъ рынкѣ русскій явился бы самымъ слабосильнымъ.

Есть еще природная особенность Россіи, которая тоже не идетъ ей въ выгоду, это — ея лѣсистость. Европа знаетъ камень; эта страна горь, поэтому у нея постройки каменные, а въ деревняхъ Россіи—деревянные. Потому, что въ Россіи всѣ постройки деревянные, она выгораетъ вся чуть-ли не каждая семь лѣтъ и ея ежегодные пожарные убытки считаются въ 20 миліоновъ въ годъ. Это вопросъ чисто климата и нашей скудной природы, давши намъ матеріалъ неудобный, да и тотъ распредѣлившей такъ, что съверхъ покрыть почти дремучими лѣсами, отъ которыхъ она

не знаетъ, какъ спастись, а югъ—открытая безлѣсная степь, въ которой люди живутъ въ мазанкахъ и земляныхъ норахъ и топятъ печи соломою или навозомъ.

VII.

У русскаго земледѣльца остается длинная зимняя пора и праздный запасъ зимнихъ силъ, который онъ долженъ употребить или прямо на себя, или продать. Является масса предложеній и трудъ продается по небывалой въ Европѣ цѣнѣ. Г. Янсонъ говоритъ, что во всемъ западномъ краѣ преобладающія цѣны годовымъ рабочимъ 30—35 рублей съ хозяйскими харчами. Въ могилевской губерніи онѣ спускаются до 24—28 рублей. Въ Полѣсьи, гдѣ поденныя цѣны выше вслѣдствіе рѣдкости населенія, онѣ доходятъ осенью до 50—60 коп., а вблизи свеклосахарныхъ заводовъ до 40 к. на хозяйскихъ харчахъ. Безземельные работники должны довольствоваться платой отъ 20 до 25 рублей въ годъ на харчахъ хозяина. Въ подольской губерніи крестьянинъ, занимающій деньги для уплаты податей, продаетъ свой будущій трудъ менѣе, чѣмъ по 20 коп. въ день на своихъ харчахъ.

Когда земледѣлецъ отправляется на земледѣльческій отхожій промыселъ, кромѣ того, что онъ совершаетъ тысячеверстное бродяжесство, онъ подвергаетъ себя и всѣмъ случайностямъ заработка риска, если окажется неурожаемъ въ той мѣстности, куда онъ отправился. Поэтому Чаславскій говоритъ объ отхожихъ земледѣльческихъ промыслахъ, что они невыгодны ни самимъ крестьянамъ, ни частнымъ владѣльцамъ, ни, наконецъ, государству. Брестыянинъ, отправляющійся на земледѣльческій промыселъ, несетъ свой дешевый трудъ и, несмотря на его дешевизну, долженъ иногда продешевить на-столько, что является домой чисто нищимъ.

Чтобы опредѣлить выгоды другихъ отхожихъ промысловъ, попытаемся выяснитъ хотя приблизительно сравнительную выгодность труда пришлаго населенія въ Петербургѣ и въ Москвѣ.

Въ Петербургѣ является пришлаго народа 204 тысячи, въ Москву—256 тысячъ; всего въ два города 460 тысячъ. Если-бы имѣлась цифра всего населенія деревень, приходящаго въ города, то, конечно, была-бы много грандіознѣе. Мы этой цифры не

знаемъ и потому вся картина труда получится болѣе блѣдная. Для чего народъ изъ деревень приходитъ въ города? Въ Петербургъ и въ Москву приходитъ полмиліона народа, чтобы слѣпить мостовую, складывать дома, штукатурить, красить, плотничать. Полмиліона земледѣльцевъ оставляютъ 4 миліона десятинъ, которые они могли-бы обработать, если-бы эти миліоны были ихъ. Они могли-бы произвести 22,500,000 четвертей ржи продавъ каждую только по 8 рублей, выручили-бы 180,000,000 рублей. Что-же эти рабочіе (считая только 500 тысячъ, а ихъ конечно, уходитъ въ города болѣе одного миліона) производятъ въ Петербургѣ? Укажу на одинъ фактъ. Теперь въ Петербургѣ создается новая улица; это улица грандіозныхъ палацовъ, домовъ, а дворцовъ; въ ней сразу строится десять домовъ. Мастера рабочихъ кишатъ, точно муравьи. Между рабочими вы увидите не только крестьянъ, но и солдатъ; значить, деревня не выдала, что нужно Петербургу. Средняя плата рабочему по 1 рублю въ день или всѣмъ 500,000 руб.; въ мѣсяцъ 15 миліоновъ, а въ 6 мѣсяцевъ — 90 миліоновъ. Значить, рабочій, являющійся въ Петербургъ съ предложеніемъ свободнаго труда, получаетъ его въ половину дешевле, чѣмъ ему могла-бы дать деревня, если-бы она была у него. Присоедините къ этому убытки передвижки за 500—1,000 верстъ. Въ чемъ же выгода подобнаго бродячества труда? Увеличьте цѣну заработка до 1½ рубля, чего нѣтъ въ дѣйствительности, уменьшите цѣну земледѣльческаго продукта, который-бы могъ получить крестьянинъ дома, и, несмотря на эти натяжки, окажется, что отхожіе трудъ идетъ въ чистый убытокъ общей производительности страны.

Есть еще подсобное занятіе у нашего земледѣльца — его кустарная промышленность. Было время, когда крестьянинъ могъ обрабатывать одну землю и извлекать изъ нея доходы, достаточные для своей семьи, говорить г. Исаевъ. Это время было въ сравнительно недалекомъ прошломъ. Напримѣръ, въ московской губерніи развитіе промысловъ находится въ прямой связи съ упадкомъ земледѣлія. Пятьдесятъ лѣтъ назадъ число дворовъ было втрое меньше чѣмъ нынче, а земли было больше, и это почти повсюду. Насколько прежде положеніе крестьянина было лучше, положенія промышленника, указываетъ слѣдующая народная поговорка сложившаяся въ то время: „мастеръ наши, весь годъ не ш...

крестьянинъ три мѣсяца паши, а девять мѣсяцевъ на печи ле-
жи“. Особенно сильное развитіе промысловъ въ московской гу-
берніи относится ко времени освобожденія крестьянъ. Земле-
дѣльческій промыселъ считался прежде гораздо почетнѣе вся-
каго ремесленного труда. Ремесленниковъ, забросившихъ земле-
дѣліе, называли голяками, бездомными, людьми несвободными,
закрѣпощенными въ мастерской. Но по мѣрѣ упадка земле-
дѣлія, нужда заставила крестьянина покрывать свои дефици-
ты промышленными заработками, и это занятіе, пелибимое дѣ-
лами, стало до того важнымъ и необходимымъ для внуковъ,
что они уже не относятся къ нему съ дѣдовскимъ высокомѣріемъ.
„И вотъ, говоритъ г. Исаевъ, — на нашихъ глазахъ происходитъ
въ деревнѣ процессъ обращенія къ неземледѣльческимъ занятіямъ
большого числа рукъ. Крестьяне, бывшіе прежде исключительно
земледѣльцами, становятся теперь кузнецами, мѣдниками и т. д.“.
Зимой деревенскій производитель ничѣмъ не отличается отъ го-
родского. Заботы и думы того и другого одинаково поглощены
промыслами, но лѣтомъ совсѣмъ другое. Кустарь-земледѣлецъ очень
хорошо знаетъ, что доходъ отъ его промысла не проченъ. Пред-
меты, имъ производимые, не имѣютъ для него никакой потреби-
тельной стоимости; онъ производитъ ихъ только для обмѣна; вы-
годы обмѣна зависятъ отъ цѣны, а цѣна на товарномъ рынкѣ
устанавливается помимо его воли, какою-то невѣдомою силой.
Часто случается, что эта невѣдомая, неустраняемая сила устанав-
ливаетъ такія цѣны, которыя совершенно разрушаютъ всѣ планы
кустара. Но земля служитъ для него источникомъ совсѣмъ иного
дохода. Она ему даетъ цѣнности потребительныя. Если на рын-
кѣ дадутъ ему мало за его жатву, онъ увезетъ ее домой и по-
требитъ въ своей семьѣ. Но если онъ надѣлаетъ подсвѣчниковъ,
подносовъ, самоваровъ, которыхъ ему сбыть некуда, съ ними ему
дѣлать нечего и дома. Если земледѣлецъ не продастъ ленъ, онъ
изъ него наткнетъ дома рубахъ или другой одежды и самъ удовле-
творитъ свои потребности, а что ему дѣлать съ подсвѣчниками?
Нсколько кустарь понимаетъ важность земледѣлія, видно изъ
того, что въ горячую пору онъ не промѣняетъ своего земледѣль-
ческаго труда ни на какой. Земледѣлецъ знаетъ, что земля для
него источникъ самаго прочнаго и непоколебимаго дохода, тогда
какъ рабочая плата и вообще доходъ отъ кустарной промыш-

ленности зависеть не только отъ состоянiя рынка, но и отъ здорова. Насколько земледѣлецъ цѣнить выше свою пашню, видно изъ того, что рабочiй, получающiй въ день 60 копеекъ, не согласится работать лѣтомъ за 1 рубль, потому что ему совершенно ясна сравнительная выгодность земледѣльческаго труда передъ кустарнымъ. Для него доходъ отъ земли всегда нѣчто остаточное, представляющееся въ видѣ хлѣба, льна, сѣна, тогда какъ въ перспективѣ его кустарнаго производства могутъ стоять иногда вовсе ненужные для него шандалы, подносы и т. п. Однимъ словомъ, земледѣлецъ очень хорошо знаетъ, насколько ему невыгодно мѣнять свой коренной трудъ на трудъ ремесленный, не дающiй ему непосредственныхъ потребительныхъ цѣнностей.

Въ чемъ-же выгода всѣхъ этихъ подсобныхъ промысловъ и запродажи на нихъ труда? Спросите штукатура, плотника, младчика, копошавшихся, какъ муравьи, въ Новой улицѣ, и они какъ скажутъ: будь у насъ земля, мы-бы не пошли въ Петербургъ. Спросите крестьянина Полѣсья, какъ это онъ нанимается въ работу за 20 рублей въ годъ, т. е. продаетъ свой рабочiй день меньше, чѣмъ за полкопейки, онъ отвѣтитъ то-же. Спросите московскаго мѣдника-кустара, онъ отвѣтитъ то-же. И всякiй отвѣтитъ то-же. Что-же значить годовая плата въ 20—30—35 рублей? Значить то, что рабочiй и произведетъ на соответственное количество цѣнностей. Если-бы онъ произвелъ ихъ на тысячу рублей, ему-бы и дали тысячу рублей. А такъ-какъ крестьянинъ не имѣетъ возможности приложить свой трудъ къ своей пашнѣ и долженъ продать его, ему и дадутъ такую цѣну, какая допускается рынокомъ. Ясно также, что на международномъ или на внутреннемъ рынкѣ трудъ изображаетъ такую невысокую цѣнность или по его неуспѣшности, которая иногда вовсе не зависитъ отъ работника, или-же потому, что предложенiя сильнѣе спроса. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что всѣ условiя русскаго труда такого рода, что и на международномъ, и на внутреннемъ рынкѣ цѣна его представляетъ ничтожную величину, и когда земледѣлецъ долженъ искать подсобнаго промысла въ длинныя зимы и исключительно по недостатку земли, и для этого уходить въ Петербургъ, въ Москву, онъ продаетъ свой трудъ гораздо дешевле, чѣмъ-бы могъ получить, приложивъ его къ собственной пашнѣ (если-бы она была).

VIII.

Если страна производитъ больше золотыхъ издѣлій, чѣмъ жестиныхъ, больше бронзы, чѣмъ желѣза, больше игральныхъ картъ, чѣмъ обоевъ, больше шелковыхъ издѣлій, чѣмъ кожевеннаго товара, больше фарфора, чѣмъ простой глиняной посуды; если народонаселеніе въ странѣ растетъ быстрѣе, чѣмъ количество продуктовъ отъ земли; если количество скота уменьшается, если жизнь, т. е. предметы первой необходимости, все дорожаетъ, то ясно, что въ раздѣленіи труда произошла какая-то перемѣна и все это лишь ея послѣдствія.

Изъ Мальтусава закона извѣстно, что если народонаселеніе увеличивается, а улучшенія идутъ медленно, то измѣнившіяся условія успѣшности труда ведутъ къ дефициту въ земледѣльческомъ продуктѣ. Въ этомъ случаѣ перенаселеніе можетъ достигнуть того, что выше извѣстнаго предѣла рабочія руки оказываются излишними, а трудъ ихъ ненужнымъ. Такъ если на одну десятину, при высшемъ предѣлѣ ея обработки, нужно 12 рабочихъ, то тринадцатый будетъ лишнимъ. У насъ уже и есть такія мѣстности. Вотъ всѣ эти лишнія руки и должны найти себѣ помѣщеніе, онѣ-то и являются на рынкахъ съ предложеніемъ своихъ услугъ. Но какія услуги онѣ могутъ предложить и какія цѣнности онѣ будутъ производить?

Возьмемъ хоть только тѣ 500 тысячъ человѣкъ, которые въ Москвѣ и въ Петербургѣ строятъ мостовыя и дома. Напримѣръ, въ Петербургѣ рабочія руки, оказавшіяся излишними въ деревнѣ, строятъ Новую улицу. Что это значитъ? Это значитъ, что свободные капиталы пожелали превратиться въ дома, а не во что-либо другое. И вотъ создается 20 семиэтажныхъ гигантовъ только въ одной улицѣ. Чтобы выстроить эти гиганты, явились десятки тысячъ народа. Нашъ примѣръ не потеряетъ ничего, если мы его обобщимъ и предположимъ, что всѣ 500 тысячъ кришлаго народа въ Москвѣ и въ Петербургѣ строятъ подобныя же новыя улицы. Изъ разсчета, который мы уже сдѣлали, оказывается, что дома они могли-бы произвести земледѣльческихъ продуктовъ на 180 миліоновъ. Въ видѣ-же мостовой и домовъ произведутъ только на 90 миліоновъ, положимъ даже на 150

миліоновъ; 30 миліоновъ обазываются очевиднымъ дефицитомъ вслѣдствіе убыточнаго раздѣленія труда. Какую услугу экономической производительности страны оказываютъ всѣ эти дома и петербургская новая улица, половина домовъ которой стоятъ пустыми и бесплодно приглашаютъ жильцовъ бумажками, наклеенными на окнахъ? Развѣ въ этихъ домахъ явятся какія-нибудь фабричныя или ремесленныя производства и поселатся работники такого рода, въ результатѣ котораго явятся мѣновныя цѣнности, т. е. вещи, которыя поступать въ лавки, въ магазины, — будутъ это сапоги, платья, хлѣбъ, мясо, молоко? Нѣтъ. Палаццо погребутъ въ своихъ стѣнахъ разныхъ труженниковъ, но отнюдь не экономическихъ производителей. Какъ-бы ни были полезны эти труженники въ канцеляріяхъ, на биржѣ, въ лавкахъ, въ магазинахъ, въ журналистикѣ, въ художествахъ, но во всякомъ случаѣ это прежде всего желудки, для которыхъ нужно лишнее количество хлѣба, масла, молока, мяса, въ обмѣнъ на которые они предлагаютъ свой невещественный трудъ. Но кому нуженъ ихъ невещественный трудъ? Изъ деревень пришли въ города 500 тысячъ производителей, которые сдѣлали это только потому, что не имѣли возможности создавать предметы первой необходимости у себя дома. Въ какой-же формѣ совершился тутъ обмѣнъ труда? Развѣ всѣмъ этимъ пришлымъ штукатурамъ, плотникамъ, каменщикамъ нужны продукты интеллигентнаго труда, производимаго въ новой улицѣ? Нѣтъ; ни одному плотнику и штукатуру ничего этого не нужно. Онъ оставитъ въ Петербургѣ свой реальный трудъ въ видѣ новой улицы, которую вы не только можете видѣть, но и жить въ ней, и взаимѣнъ того получить деньги; эти деньги онъ реализируетъ на хлѣбъ, который онъ и самъ могъ-бы произвести, если-бы имѣлъ къ тому возможность. Если бы обмѣнъ труда могъ совершиться иначе, работникъ не пошелъ-бы въ Петербургъ, чтобы дорогой цѣной, которую онъ получитъ тамъ, купить у себя дома дешевый хлѣбъ. Но если-бы рабочій не пошелъ — не явились-бы дома. Что-же случилось отъ этого обмѣна труда? Явился рядъ громадныхъ домовъ, поглотившихъ въ одной только Новой улицѣ 10 миліоновъ рублей. Эти 10 миліоновъ похоронятъ въ себѣ неэкономическихъ производителей и дадутъ 80,000 въ годъ дохода. Куда-же пойдутъ эти 80,000? Опять на невещественное производство, а вовсе не на произведеніе реальныхъ цѣнностей,

какъ продукты первой потребности. Ихъ, напротивъ, будетъ получаться все меньше, потому что большая масса людей будетъ отрыватья отъ земли, недающей дѣла, и взаимнѣ дефицита въ хлѣбѣ, мясѣ и т. д., которыхъ они не произведутъ, они выстроютъ дома. Въ этихъ домахъ поселатся работники иного рода, для которыхъ хлѣбъ, мясо, сапоги, платье и т. д. должны производить другіе производители, а не они сами. Но какъ число этихъ производителей уменьшилось, то и продуктовъ первой необходимости стало тоже меньше, въ то время, какъ желудковъ, требующихъ пищи, стало больше. Ясно, что гармонія въ раздѣленіи труда нарушилась, число первыхъ производителей уменьшилось, вторыхъ — увеличилось, и наступающій дефицитъ даетъ себя чувствовать избыткомъ нуждающихся въ пищѣ людей и дороговизной жизни. Руки, отвлеченныя отъ земли и отъ производства предметовъ первой необходимости, пошли предлагать себя для производства дѣла второй, третьей, четвертой необходимости.

Отвлечение рукъ отъ первыхъ ко вторымъ производствамъ, напримѣръ, къ производству игральныхъ картъ, когда въ странѣ недостаетъ хлѣба, мяса, сапоговъ, ведетъ къ явленію, которое на языкѣ экономической науки называется убыточнымъ потребленіемъ. Если всѣ господа, на которыхъ изготовляется на 1,191,000 игральныхъ картъ, не дѣлаютъ ничего другого, какъ только играютъ, то результатомъ этого не только не является ни одного реального полезнаго предмета, но и все это времяпрепровожденіе идетъ странѣ въ чистый убытокъ. Въ сущности совершается лишь перемѣщеніе денегъ изъ однихъ кармановъ въ другіе и ни одного лишняго рубля въ странѣ не является. Но и для этихъ праздныхъ играющихъ людей каменщики должны строить дома, столяры дѣлать мебель, портные шить платье, земледѣльцы производить хлѣбъ, мясо, и все это потребляется людьми, недающими взаимнѣ ни одного реального предмета, ни одной полезной цѣнности. Здѣсь реальный трудъ экономическихъ производителей, создающихъ полезныя цѣнности, обмѣнивается на трудъ людей, создающихъ цѣнности фививныя, или, точнѣе, непроевдящихъ никакихъ цѣнностей. Мы не скажемъ, чтобы интеллигентные производители, которые населятъ „Новую улицу“, были-бы подобными убыточными потребителями; они могутъ быть очень почетными тружениками, они могутъ быть крайне необходимы въ

„Дѣло“, № 10, 1878 г.

конторахъ, въ банкахъ, на биржѣ, въ магазинахъ, въ лавкахъ. Между ихъ трудомъ и трудомъ каменщиковъ, строившихъ для нихъ дома, можетъ и не быть прямого сочетанія, иначе сказать, каменщикъ и почтенный труженникъ Новой улицы могутъ и не обмѣнивать непосредственно труда на трудъ, что и есть въ дѣйствительности, но точно также они могутъ и не видѣть экономической связи между собою и какое общее дѣло они совершаютъ. Такъ въ Новой улицѣ могутъ жить адвокаты, поэты, журналисты, судья, прокуроры, купцы, и, можетъ быть, ни въ одномъ изъ нихъ во всю свою жизнь не понуждается каменщикъ или штукатуръ, строящій для нихъ дома. Но изъ этого, конечно, еще не слѣдуетъ, чтобы эти лица не были необходимы для общаго хода русской жизни; вопросъ въ томъ, на-сколько они нужны и для чего?

Нужно, чтобы сочетаніе труда было такъ-же выгодно, какъ и обмѣнъ труда, а если не существуетъ въ сочетаніи труда гармонія, оно можетъ быть для страны убыточнымъ. Дома Новой улицы, можетъ быть, очень нужны для Россіи, а можетъ быть, и не очень нужны; можетъ быть, достаточно, чтобы они были трехъ, а не пятиэтажные, или деревянные, а не каменные. Кто изъ строителей Новой улицы знаетъ это? Можетъ быть также, что для правильнаго сочетанія и обмѣна внутренняго русскаго труда была вовсе не нужна Новая улица. Можетъ быть, для Россіи было-бы выгодно, чтобы капиталы, затраченные на эти дома, пошли на учрежденіе такихъ экономическихъ предпріятій, которыя бы дали непосредственныя мѣновныя цѣнности, напримѣръ, лучшую породу скота, большее количество хлѣба, кожевенные заводы, мастерскія сапоговъ, платья и вообще такихъ предметовъ, которыхъ въ странѣ недостаетъ и которые ей нужны, чѣмъ красивые дома и вообще приращеніе городскихъ интеллектуальныхъ работниковъ въ ущербъ силамъ земледѣльческимъ.

Что же намъ извѣстно въ этомъ сочетаніи труда, въ обмѣнѣ труда интеллектуальныхъ производителей на трудъ производителей прямыхъ мѣновныхъ цѣнностей? Существуетъ гармонія или не существуетъ? Трудъ распределяется и обмѣнивается правильно или неправильно? Возможно при этомъ сочетаніи и раздѣленіи высшее приращеніе общаго благосостоянія или нужно другое распредѣленіе сочетанія?

Изъ свѣденій г. Карачунскаго о народномъ образованіи оказывается, что приращеніе въ числѣ лицъ, получающихъ высшее образованіе, составляетъ въ 20 лѣтъ только 32%, а въ среднихъ заведеніяхъ 300%. Эти абсолютныя цифры не говорятъ, конечно, ничего и ничего еще не опредѣляютъ. Очень можетъ быть, что это приращеніе дало техникувъ, механикову, ремесленниковъ, людей, воспитанныхъ въ высшихъ экономическихъ понятіяхъ и потому способныхъ усматривать и понимать связь и смыслъ экономическихъ явленій. Но вѣдь точно также можетъ быть, что именно этого рода людей и не явилось, а, напротивъ, всѣ способности направлены на приобрѣтеніе другихъ знаній. Изъ иныхъ источниковъ, а не изъ г. Карачунскаго, мы имѣемъ возможность узнать характеръ умственныхъ стремленій учащихся. Страшный наплывъ ученицъ существуетъ на женскіе врачебныя курсы, студентовъ въ медицинскую академію, въ университеты по юридическому факультету, учениковъ въ военныя гимназій, въ морское училище. Напротивъ того, въ институты технологическій, путей сообщенія, горный—приливъ слабѣе, а въ горномъ въ нынѣшнемъ году вовсе не было пріема. Ясно, что исключительное большинство посвящаетъ себя интеллектуальному труду внѣ экономической сферы, а потому, несмотря на всю почтенность ихъ труда, не производятъ ни сами лично приращенія предметовъ матеріальнаго благосостоянія, ни способствуютъ приращенію ихъ, хотя годъ изъ году матеріальный недостатокъ ощущается у насъ все сильнѣе и сильнѣе.

И, несмотря на то, у насъ растетъ изъ году въ годъ именно число интеллектуальныхъ производителей, адвокатовъ, купцовъ, конторщиковъ, бухгалтеровъ, приказчиковъ, учителей, учительницъ, докторовъ—людей, конечно, очень полезныхъ, но во всякомъ случаѣ не производителей предметовъ матеріальнаго благосостоянія. Что же касается прямыхъ экономическихъ производителей, то число ихъ уменьшается, что видно изъ постояннаго приращенія городского населенія въ ущербъ деревенскому и увеличенія пришлаго городского рабочаго населенія.

Рядомъ съ этимъ замѣчается еще одно явленіе. Нельзя отрицать, что въ послѣднія двадцать лѣтъ промышленность у насъ усилилась, прибавилось число фабрикъ, но въ то же время не только не поднялись промышленныя способности народа, но и всѣ направленія капиталовъ нужно заключить, что интелек-

туальный слой не выставилъ ни просвѣщенныхъ экономическихъ дѣятелей, ни такихъ лицъ, которыя-бы дали своимъ капиталамъ движеніе, связанное прямо и непосредственно съ экономической народной производительностью. Непроизводительное движеніе нашихъ капиталовъ виднѣе всего на усилившейся торговлѣ бумагами и на постройкахъ вродѣ Новой улицы Петербурга. Это капиталы, если не идущіе прямо въ убытокъ, то во всякомъ случаѣ получающіе направленіе менѣе выгодное, чѣмъ какое-бы они могли имѣть, конечно, только потому, что для помѣщенія капитала въ домъ или въ цѣнныя бумаги не нужно не только знаній, но даже и способностей, а чтобы создать изъ капитала выгодную производительную силу, нужна кромѣ знаній еще масса умственныхъ качествъ, которыхъ у создателей каменныхъ монстровъ или нѣтъ, или не было возможности проявить. Слѣдовательно, и въ экономикѣ нашихъ умственныхъ силъ существуетъ та-же убыточная затрата, какая существуетъ въ экономикѣ матеріальнаго труда.

Н. Шелгуновъ.

МЕСТЬ КЛОДИОНА.

РОМАНЪ

А. МАТТЕИ.

ГЛАВА XL.

Четверги г-жи Риккарди.

Въ назначенный день абать пріѣхалъ въ Пасси съ Жюлемъ Флорестаномъ и представилъ его г-ну и г-жѣ Риккарди.

Жоржета, предупрежденная о томъ, что будутъ гости, вышла въ гостиную за пять минутъ до обѣда. Ей показалось очень страннымъ, что ея мать нарушала свое обыкновеніе—не принимать никого къ обѣду, но, по просьбѣ ея, пріодѣлась къ столу.

Увидавъ Флорестана, котораго она прежде никогда не встрѣчала, и услыжавъ его имя, извѣстное ей, какъ сотни другихъ именъ писателей, артистовъ и другихъ замѣчательныхъ личностей въ Парижѣ, она почувствовала мгновенно подозрѣніе и потому была весь вечеръ насторожѣ. Она вспомнила, что г-жа Риккарди нѣсколько дней передъ тѣмъ говорила ей о бракѣ, хотя и въ смутныхъ, неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Она замѣтила, что мать ея была необычайно любезна и предупредительна съ гостемъ. Поэтому она поняла, что должна была существовать важная причина, побудившая ея мать нарушить всѣ свои правила.

Обѣдъ былъ скучный, натянутый. Г-жа Риккарди такъ-же мало была свѣтской женщиной, какъ женою и матерью; она не умѣла поддерживать живого разговора и вообще не отличалась хотя поверхностнымъ, но блестящимъ лоскомъ парижанки.

Абатъ Клодіонъ, съ своей стороны, былъ очень скучный собесѣдникъ; онъ ѣлъ очень мало, пилъ еще меньше и почти не открывалъ рта. Онъ не походилъ на тѣхъ улыбающихся, веселыхъ и остроумныхъ абатовъ, у которыхъ за столомъ развязывается языкъ, къ величайшему удовольствію молодыхъ дѣвушекъ. Суровыя черты его лица никогда не смягчались, и если онъ произносилъ нѣсколько словъ, то непремѣнно торжественнымъ тономъ проповѣдника на кафедрѣ. Онъ былъ кошачьей породы, но умѣлъ только выпускать когти, а не гладить бархатной лапой.

Флорестанъ, разбитый и уничтоженный съ тѣхъ поръ, какъ онъ чувствовалъ себя совершенно въ рукахъ абата, не могъ поборотъ своего смущенія, еще болѣе увеличившагося при видѣ Жоржеты, которая своимъ искреннимъ, гордымъ взглядомъ и внушающими уваженіе манерами какъ-бы окружала себя атмосферой честности и благородства. Къ тому-же, привыкнувъ только къ обществу кутающихъ актрисъ и кокетокъ, онъ не зналъ, какъ держать себя съ нею и что говорить, точно они объяснялись на чуждыхъ, непонятныхъ другъ другу языкахъ. Конечно, онъ находилъ ее прелестной, но не могъ не сознавать, что онъ былъ ей не пара.

Однако, къ концу обѣда, благодаря значительному количеству выпитого вина, онъ сталъ гораздо смѣлѣе и къ нему возвратился его обычный цинизмъ. Онъ теперь смотрѣлъ на нее, говорилъ съ нею, отпускалъ ей комплименты и вообще старался доказать, что онъ не первый встрѣчный, а умный, любезный и свѣтскій человекъ.

Что касается Жоржеты, она большею частью молчала, холодно слушала его, отвѣчала только въ крайнихъ случаяхъ, и то отрывочными фразами, не улыбалась его каламбурамъ и какъ-бы не понимала его пошлыхъ комплиментовъ.

„Она дурочка, думалъ Флорестанъ, видя, что всѣ его усилія нравиться не ведутъ ни къ чему;—но это не мѣшаетъ, я даже это предпочитаю въ женѣ“.

И онъ обратилъ все свое краснорѣчіе на самого Риккарди, который казался очень веселымъ, говорилъ громко и ѣлъ много. Ужь если расходы на обѣдъ были сдѣланы, то имъ слѣдовало вполнѣ воспользоваться. Поэтому онъ ѣлъ за обѣ щеки и весело болталъ. Жюль Флорестанъ давалъ ему реплику, какъ говорится

на театральномъ языкѣ, и, благодаря ихъ усиліямъ, общій разговоръ поддерживался.

Послѣ обѣда удивленіе Жоржеты еще болѣе увеличилось, когда она увидала, что въ ихъ гостиной начали мало-по-малу собираться набожныя дамы и почтенные старики околотка, которые иногда посѣщали по утрамъ г-жу Риккарди, но еще ни разу не бывали у нея въ домѣ вечеромъ, такъ-какъ она изъ экономіи не хотѣла перенять у парижанокъ убыточной привычки принимать по вечерамъ.

Жоржета замѣтила, что кромѣ нея не было ни одной молодой дѣвушки, и всѣ мужчины были, по крайней мѣрѣ, на двадцать лѣтъ старше Жюля Флорестана. Это окончательно убѣдило ее, что г-жа Риккарди имѣла намѣреніе выдать ее замужъ.

Около восьми часовъ Цезарь Риккарди, нелюбившій сидѣть поздно, пошелъ спать. Въ девять часовъ подали чай, а въ десять гости разошлись.

— Какъ тебѣ понравился г. Флорестанъ? спросила г-жа Риккарди, оставшись наединѣ съ дочерью, которая хотѣла уже уйти въ свою комнату.

— Я не обратила на него вниманія, отвѣчала спокойно Жоржета:—развѣ въ немъ есть что-нибудь замѣчательное?

— Это одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей Парижа. Онъ очень талантливъ: главный редакторъ вліятельной газеты и много зарабатываетъ денегъ. Вообще онъ на виду и чрезвычайно уменъ.

— Можетъ быть, но я этого не замѣтила.

— Я надѣюсь, что онъ будетъ часто посѣщать насъ по четвергамъ. Ты знаешь, Жоржета, я рѣшилась принимать по четвергамъ.

Жоржета посмотрѣла на мать.

— По четвергамъ? повторила она.

— Да. Молодой дѣвушкѣ въ твои годы надо видѣть свѣтъ, а не оставаться вѣчно въ четырехъ стѣнахъ. Я рассчитываю, что г. Флорестанъ будетъ нашимъ постояннымъ гостемъ.

— Онъ другъ абата Клодіона?

— Абатъ его очень уважаетъ.

— Четверги! повторила про себя Жоржета, возвратясь въ

свою комнату; — отчего выбрали именно четвергъ? Не для того-ли, чтобъ помѣшать мнѣ бывать у Штейнбока, а Оливье у насъ на этихъ вечерахъ?

Жоржета всегда по четвергамъ проводила день и вечеръ у адвоката, который разъ въ недѣлю принималъ своихъ близкихъ друзей.

ГЛАВА XLI.

Подозрѣніе Оливье.

Узнавъ, что г-жа Риккарди начала принимать гостей по вечерамъ и выбрала именно четвергъ, Штейнбокъ, также какъ и Жоржета, подумалъ, что тутъ скрывалось желаніе порвать всѣ связи молодой дѣвушки съ семействомъ самаго преданнаго друга ея отца.

Что означала странная рѣшимость г-жи Риккарди вдругъ измѣнить свою уединенную жизнь? Онъ никакъ не могъ этого понять. Она по-прежнему принимала его очень любезно, а онъ естественно не зналъ разговора ея съ абатомъ. Ему также было неизвѣстно, что Клодионъ, слѣдившій за всѣми его попытками открыть тайну преступленія въ Ссо, рассказалъ вдовѣ Жоржа о посѣщеніи рокового дома ея дочерью съ адвокатомъ и Оливье.

Что касается этого послѣдняго, онъ не дѣлалъ никакихъ замѣчаній о четвергахъ г-жи Риккарди, а только спросилъ у Жоржеты, кто бывалъ на вечерахъ у ея матери.

Молодая дѣвушка назвала ему нѣсколько именъ, но не упомянула о Флорестанѣ, затѣмъ они болѣе не говорили объ этомъ предметѣ въ продолженіи двухъ недѣль, хотя и видѣлись нѣсколько разъ.

Но на третій четвергъ г-жи Риккарди, около девяти часовъ, когда только-что подали чай, слуга неожиданно доложилъ:

— Г. Оливье Штейнбокъ.

Жоржета была внѣ себя отъ удивленія, а г-жа Риккарди очень недовольна этимъ посѣщеніемъ, такъ-какъ она любила Оливье не болѣе его отца. Но все-же, сдѣлавъ усиліе надъ собой, она встрѣтила его съ любезной улыбкой.

— Мы не надѣялись васъ видѣть сегодня, сказала она.

Да, сегодня также вечеръ у моего отца, отвѣчалъ онъ ве-
—но у меня, смѣю думать, два семейства, и по справедли-
я долженъ раздѣлиться между обоими. Сегодня мой отецъ
безъ меня принимать нашихъ друзей.

Тотъ Оливье поздоровался съ Риккарди, который, по своему
овенію, уже собирался идти спать, и нѣжно пожалъ рукъ,
етъ, смотрѣвшей на него съ безпокойствомъ. Она замѣтила,
тъ быстро окинулъ взглядомъ всѣхъ присутствующихъ и
вился на Жюль Флорестанъ, который одинъ былъ сравни-
молодъ. Она тотчасъ поняла, что въ головѣ Оливье ро-
также опасенія, которыя она сама питала насчетъ журна-
партіи нравственнаго порядка, и боялась, чтобъ возлю-
нѣ не позволялъ себѣ какой-нибудь гнѣвной выходки про-
предполагаемаго соперника, что могло только повредить
ей.

давъ молодому человѣку чашку чая и не спуская съ не-
азъ, она отошла къ окну. Онъ послѣшно выпилъ свой чай
ошелъ къ ней.

Зачѣмъ вы бросили своего отца и пріѣхали къ намъ? спро-
Жоржета.

Чтобъ тебя видѣть, отвѣчалъ Оливье.

Только для этого?

Развѣ этой причины не довольно?

Ты не говоришь правды, Оливье, ты ужъ меня видѣлъ
и въ нашемъ домѣ

Я также хотѣлъ знать, кто у васъ бываетъ, прибавилъ
и человѣкъ.

Наконецъ, ты сознался. Вотъ настоящая причина твоего
а.

Гостиная г-жи Риккарди, повидимому, сдѣлается полити-
съ салономъ, сказала Оливье съ иронической улыбкой.

Что ты хочешь этимъ сказать?

Вонъ у камина стоитъ извѣстный журналистъ и его при-
е здѣсь очень знаменательно.

Г. Жюль Флорестанъ?

Да, ты объ немъ мнѣ не говорила.

Я забыла.

Среди всѣхъ этихъ набожныхъ старушекъ и плѣшивыхъ

старичковъ, продолжалъ Оливье, обводя глазами все общество, — вижу только одного молодого человѣка. Очевидно, что для него и сочинены эти четверги, а ты именно его и забыла.

— Его присутствіе тебя беспокоитъ?

— Да, потому что ты о немъ ничего не упомянула. Должна же была твоя мать имѣть причину для назначенія четверговъ. Вотъ она живьемъ.

— Такъ ты думаешь...

— То-же, что и ты. Это женихъ.

— Можетъ быть, хотя мнѣ объ этомъ еще не сказали слова, и если я умолчала о немъ, то лишь потому, что не хотѣла тебя безъ причины огорчать. Я довольно взрослая, чтобъ замѣтить себя сама.

— А если онъ будетъ къ тебѣ приставать, то я довольно взрослый, чтобъ избавить тебя отъ него, отвѣчалъ Оливье съ сердцемъ.

— Послушай, сказала Жоржета съ нѣжной мольбой въ голосъ, — не обращай со мной, какъ съ легкомысленной дурочкой, которую ревнуютъ потому, что сомнѣваются въ ея мужествѣ. Ты знаешь, что сердце мое принадлежитъ тебѣ, я дала тебѣ слово, что не выйду ни за кого замужъ, кромѣ тебя; не усложни же моего довольно грустнаго положенія гнѣвными выходками, въ сущности, неимѣющими никакого повода. Я скажу тебѣ, какъ этотъ господинъ офиціально попроситъ моей руки.

— О! Жоржета, еслибъ ты согласилась быть моей женою, то я не выстрадалъ-бы тѣхъ мукъ, которыя меня терзали эти двѣ недѣли, подозрѣвая то, что я теперь вижу, да и себя ты избавила-бы отъ тяжелой борьбы.

— Оливье, я не могла тогда отвѣчать иначе.

— А сегодня?

— Сегодня это еще болѣе невозможно, отвѣчала молодая душа съ лихорадочной дрожью.

Разговоръ Оливье съ Жоржетой, которые выросли вмѣстѣ были друзьями съ дѣтства, никого не поразилъ и только обратилъ на себя вниманіе Жюль Флорестана, неслухавшаго ихъ глазъ, г-жи Риккарди, очень недовольной, что съ Жоржетой бесѣдовалъ Оливье, а не избранный ею женихъ, и абата Клодіона, издали слѣдившаго за ними.

Вдруг абать подошелъ къ своей духовной дочери и сказалъ ей что-то на ухо. Она тотчасъ встала и подошла къ Флорестану.

— Извините меня, сказала она, — я, кажется, забыла представить вамъ одного изъ друзей нашего дома, сына знаменитаго адвоката Штейнбока.

— Одного изъ выдающихся дѣателей республиканской партіи, отвѣчалъ Флорестанъ съ двусмысленной улыбкой; — я очень радъ съ нимъ познакомиться, но боюсь нарушить его прелестный tête-à-tête.

Г-жа Риекарди прикусила губу, но ничего не отвѣчала и послѣшила познакомиться молодыхъ людей, надѣясь, что этимъ прервется разговоръ Оливье съ Жоржетой и что Флорестанъ займетъ его мѣсто. Но ея надежда не исполнилась. Обмѣнявшись холодными поклонами, Оливье продолжалъ разговаривать съ Жоржетой, не обращая никакого вниманія на журналиста, который медленно отошелъ, пожелтѣвъ еще болѣе обыкновеннаго.

Вскорѣ онъ и совсѣмъ удалился, вмѣстѣ съ Клодіономъ.

— О, г. абать, сказалъ онъ, очутившись на улицѣ, смущеннымъ и обиженнымъ тономъ, — вы меня не предупредили, что у нея есть любовникъ.

— У нея нѣтъ любовника, отвѣчалъ сухо абать; — можетъ быть, этотъ юноша въ нее влюбленъ, но полагаю, что, женившись, вы съумѣете защитить свое добро.

— Еще-бы! сказалъ Флорестанъ съ злобной улыбкой.

ГЛАВА XLII.

Вышитый пеньюаръ.

На другой день, послѣ завтрака, мать и дочь остались однѣ. На лицахъ обѣихъ виднѣлось смущеніе, а на лицѣ г-жи Риекарди выражалось явное безпокойство. Сначала онѣ обѣ вели пустой, отрывочной разговоръ. Очевидно было, что та и другая жаждали коснуться предмета, близкаго ихъ сердцу, и только ждали удобнаго случая.

Г-жа Риекарди, наконецъ, заговорила о вчерашнемъ вечерѣ и о долгихъ подходовъ сказала:

— Ты уже въ такихъ годахъ, что можешь выйти замужъ, и пора объ этомъ подумать серьезно. Если ты не хочешь позаботиться о себѣ, то обязанность твоей матери устроить твою судьбу.

Жоржета посмотрѣла на нее.

— Я тебя слушаю, отвѣчала она;—ты мнѣ нашла жениха?

Г-жа Риккарди, въ свою очередь, посмотрѣла на дочь съ удивленіемъ, нелюбимымъ удовольствіемъ, и поспѣшно продолжала:

— Можетъ быть. Что-бы ты сказала о Жюль Флорестагъ?

— Такъ дѣло идетъ о немъ?

— Отчего-же нѣтъ? Я полагаю, что это лучшая для тебя партія, и я была-бы очень счастлива...

— Онъ просилъ у тебя моей руки?

— Официально—нѣтъ, но если-бы ты хоть немного поощрила его ухаживаніе, то, конечно, онъ тотчасъ сдѣлалъ-бы предложеніе. Онъ желалъ познакомиться съ нами только ради тебя. Онъ хочетъ жениться, ты ему очень нравишься и, мнѣ кажется, онъ самъ не можетъ не нравиться. Онъ далъ-бы тебѣ блестящее положеніе въ свѣтѣ и, я думаю, ты не прочь переимѣнить свою скучную жизнь въ нашемъ домѣ на веселое свѣтское существованіе.

— Мнѣ нечего торопиться, отвѣчала Жоржета тѣмъ-же спокойнымъ тономъ; — странно бросаться на шею первому встрѣчному.

— Боже мой, моя бѣдная Жоржета, ты, повидимому, не понимаешь, что, несмотря на твою молодость, красоту и богатство, ты не можешь браковать жениховъ, какъ другія молодыя дѣвушки.

Г-жа Риккарди произнесла эти слова краснѣя и съ замѣтнымъ волненіемъ.

— Я тебя не понимаю, сказала Жоржета прежнимъ невозможнымъ голосомъ.

— Несчастіе... поразившее наше семейство... нѣсколько лѣтъ тому назадъ...

Голосъ г-жи Риккарди дрожалъ. Она остановилась въ надеждѣ, что дочь пойметъ ее на полусловъ. Очевидно, ей было очень тяжело говорить о мрачномъ прошедшемъ, и если-бы она, побуждаемая опасеніями, внушенными ей абатомъ, не чувствовала необхо-

дичности побороть сопротивленіе дочери, г-жа Риккарди никогда не затронула-бы предмета, о которомъ онѣ обѣ такъ долго старались умолчать. Съ другой стороны, она хотѣла убѣдиться, каковы были въ дѣйствительности мысли и воззрѣнія молодой дѣвушки относительно этой грустной драмы. Она надѣялась, что Жоржета проговорится и дастъ ей возможность узнать, какая опасность грозила ей съ этой стороны. Но Жоржета молчала, опустивъ глаза, и на ея лицѣ нельзя было ничего прочитать.

Г-жа Риккарди, блѣдная и видимо тревожная, продолжала:

— Я говорю о процессѣ... о катастрофѣ, окончившей его. Этотъ скандалъ... можетъ оттолкнуть жениховъ отъ тебя.

— Ты хочешь сказать, произнесла тихо Жоржета, пристально смотря на мать, — что немногіе захотятъ жениться на дочери челоуѣка, приговореннаго къ смертной казни?

Г-жа Риккарди вздрогнула.

Мать и дочь съ минуту смотрѣли молча другъ на друга. Какъ-будто молнія блеснула въ ихъ глазахъ и первая поникла головой.

— Да, прошептала съ ужасомъ г-жа Риккарди.

— И я того-же мнѣнія, прибавила Жоржета.

Г-жа Риккарди подняла голову и снова взглянула на дочь въ надеждѣ отгадать ея сокровенныя мысли. Но большіе черные глаза Жоржеты, устремленные на нее, смутили ее и она вторично отвернулась отъ дочери.

Опять наступило тяжелое молчаніе.

— Хорошо, я подумаю, сказала, наконецъ, Жоржета прежнимъ спокойнымъ тономъ; — спѣха нѣтъ.

Г-жа Риккарди легко вздохнула при этомъ неожиданномъ результатѣ ихъ разговора, на который она нисколько не рассчитывала, и улыбка торжества появилась на ея губахъ.

— Отлично, сказала она живо, — подумай и мы поговоримъ объ этомъ черезъ нѣсколько дней. Я увѣрена, ты тогда будешь во всемъ согласна со мною.

Послѣ этого Жоржета перемѣнила разговоръ и начала говорить о туалетахъ.

— Кстати, сказала она, — я хочу заказать Франсиѣ вышить мнѣ кисейное платьѣ, которое я купила надняхъ. Это очень красиво и входитъ въ моду.

— Какого рода шитье ты хочешь сдѣлать? спросила г-жа Риккарди.

— Я сама не знаю. Мнѣ надо найти образецъ. Ахъ, да, я припоминаю, у тебя въ старину былъ прекрасный длинный бѣлый пеньюаръ. Я ребенкомъ восхищалась имъ. Онъ цѣль у тебя?

— Не знаю, у меня ихъ много.

— Покажи мнѣ ихъ всѣ. Я выберу.

Г-жа Риккарди, очень довольная успѣшнымъ окончаніемъ разговора о Флорестанѣ и желая сдѣлать пріятное дочери, повела ее тотчасъ въ свою комнату и обѣ онѣ начали рыться въ довольно богатомъ гардеробѣ итальянки.

Жоржета старательно осматривала всѣ предметы, но не останавливалась ни на одномъ. Уже болѣе двадцати вышитыхъ вещей прошло черезъ ея руки и она каждую бросала со словами:

— Это не то.

Наконецъ, ея зоркій взглядъ замѣтилъ въ углу ящика, подъ грудой старомодныхъ воротничковъ и рукавовъ, пожелтѣвшій отъ времени бѣлый пеньюаръ.

Жоржета быстро схватила его и, развернувъ, воскликнула:

— Вотъ чего я искала.

— Это старина и, по-моему, вышивка вовсе не красива, сказала г-жа Риккарди, снова вздрагивая.

— Напротивъ, вышивка на этомъ пеньюарѣ удивительно хороша. Я помню, ты его иногда носила, когда мы жили въ Сео.

— Можетъ быть, отвѣчала мать измѣнившимся голосомъ; — я не знала, что онъ еще не брошенъ.

— О, у меня отличная память. Я его возьму. Благодарю тебя.

Г-жа Риккарди протянула руку, чтобы взять обратно пеньюаръ.

— Я тебѣ возвращу его черезъ нѣсколько дней. Мнѣ только хочется показать шитье Франсинѣ.

И съ этими словами Жоржета выбѣжала изъ комнаты съ своей добычей въ рукахъ.

ГЛАВА XLIII.

Н А - с т о р о ж ь .

Жоржъ Дельмонъ пришелъ въ улицу Консерваторіи, когда уже стемнѣло. Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ онъ ходилъ взадъ и впередъ подъ деревьями, отыскивая удобное мѣсто, откуда можно было-бы, незамѣтно для другихъ, наблюдать за всѣми, которые входили въ домъ или выходили изъ него.

Прежде всего надо было узнать, дома-ли абать. Отецъ Жоржеты тщетно ломалъ себѣ голову, чтобы пайти приличный предлогъ войти къ абату или навести днемъ справку у сосѣдей. Наконецъ, случай помогъ ему.

Поваренокъ изъ ресторана, находившагося напротивъ, вышелъ изъ своего заведенія съ корзиной въ рукахъ и, подойдя къ двери абата Клодіона, позвонилъ. Дельмонъ поспѣшно приблизился и увидать въ полуотворенную дверь рясу абата. Поваренокъ вошелъ въ домъ и черезъ минуту возвратился съ корзиной, полной посуды; абать, очевидно, пообѣдалъ. Клодіонъ проводилъ его до порога, посмотрѣлъ ему вслѣдъ и заперъ дверь.

„Хорошо, подумалъ Дельмонъ; — теперь я увѣренъ, что увижу, если кто-нибудь придетъ къ нему или онъ самъ выйдетъ“.

И онъ сталъ ждать въ тѣни каштановыхъ деревьевъ, не боясь быть замѣченнымъ, такъ-какъ эта улица, особенно въ такое позднее время, была почти пустынна.

Часы шли. Наступила ночь. Сосѣднія лавочки заперлись одна за другою и вскорѣ прекратился даже глухой шумъ громадныхъ колесъ дилижансовъ. Весь кварталъ погрузился въ безмолвный сонъ.

Дверь маленькаго дома ни разу не отзорялась. Абать не выходилъ и никто не являлся къ нему.

Тщетно Жоржъ не спускалъ глазъ съ оконъ, надѣясь замѣтить гдѣ-нибудь хоть лучъ свѣта и по этому признаку отгадать, спалъ-ли абать или еще не ложился. Весь домъ былъ мраченъ и безмолвенъ. Читатель помнитъ, что наружныя окна, кромѣ ставней, имѣли толстыя темныя занавѣси, такъ-что снаружи не было видно, если внутри и былъ свѣтъ. Наконецъ, Жоржъ осторожно

подошелъ къ двери и приложилъ къ ней ухо. Ничего не было слышно.

Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, чѣмъ долѣе Жоржъ ждалъ, тѣмъ болѣе онъ убѣждался, что въ этомъ домѣ скрывается ключъ къ открытію роковой тайны. Онъ вспоминалъ свою прошедшую жизнь и, благодаря свѣту, брошенному на нее печальными открытіями адвоката, все становилось въ ней ясно, кромѣ одного главнаго пункта, отъ котораго зависѣла вся его будущность: кто убилъ Иполита Риккарди?

Вдругъ среди этихъ размышленій онъ почувствовалъ какую-то дрожь. Ему было холодно. Онъ машинально оглянулся. На горизонтѣ небо свѣтлѣло. Наступало утро. Онъ безсознательно провель на-сторожѣ цѣлую ночь.

— Неужели я ничего не узнаю? сказалъ онъ самъ себѣ съ удивленіемъ и злобой. — Но вѣдь записка Франсины ясно назначала свиданіе!

Мрачное отчаяніе овладѣло имъ; бросивъ послѣдній взглядъ на безмолвный, темный домъ абата, столь-же непроницаемый, какъ лицо Клодіона, онъ медленно удалился.

„Однако, думалъ онъ,—это не иллюзія. Я самъ видѣлъ, какъ Франсина писала записку. Я держалъ ее въ рукахъ и въ ней ясно было назначено свиданіе. Нѣтъ, судьба рѣшительно меня преслѣдуетъ“.

Онъ уже входилъ въ улицу Ада, какъ вдругъ увидать передъ собой фигуру, которая заставила его вздрогнуть. Онъ бросился за нею.

— Это ея осанка и походка, сказалъ себѣ Жоржъ и ускори́лъ шаги, чтобъ перегвять шедшую передъ нимъ женщину.

Темный вуаль скрывалъ ея лицо; Дельмонъ уже начиналъ думать, что ошибся, какъ неожиданно одна прядь ея волосъ высвободилась изъ-подъ капюшона. Волосы ея были рыжіе.

— Нѣтъ сомнѣнія, сказалъ онъ,—это Франсина. Но какъ она попала сюда въ этотъ часъ? Значить, она была у абата. Но какъ-же я не видалъ, когда она вошла въ домъ и вышла изъ него?

Въ концѣ улицы Ада Франсина повернула въ улицу Абата-де-Лепэ. Жоржъ болѣе не слѣдовалъ за нею; онъ видѣлъ, что

она нѣсколько разъ оборачивалась, и подумаль, что излишне было возбуждать ея подозрѣніе.

Онъ ее узналъ. Этого было для него достаточно.

Онъ остановился и, послѣ минутнаго размышленія, возвратился къ обсерваторіи, спрашивая себя, куда выходилъ задній фасадъ дома, въ которомъ жилъ абать Клодіонъ.

ГЛАВА XLIV.

Пустопорожнее мѣсто.

Читатель, конечно, пойметъ, что домъ, занимаемый абатомъ, выходилъ своимъ заднимъ фасадомъ на обширное пустопорожнее мѣсто, обнесенное рѣдкими полусгнившими досками, между которыми было очень легко пролѣзть. Въ самой-же стѣнѣ, служившей оградой дома, находилась дверь, давно заколоченная и, по-видимому, никогда неупотреблявшаяся.

Это пустопорожнее мѣсто окружали со всѣхъ сторонъ огороды и нигдѣ не было видно жилого зданія; проникнуть-же туда можно было совершенно незамѣтно по узкому переулку, очень мало посѣщаемому днемъ и совсѣмъ пустынному ночью.

Вотъ путь, избранный Франсиной для посѣщенія абата Клодіона. Заколоченная дверь, покрытая пылью и паутиною, отворялась очень легко и неслышно на хорошо смазанныхъ петляхъ, стоило только пожать невидную снаружи пружину въ верхнемъ углѣ стараго замка.

Спустя пять дней Жоржъ Дельмонъ, спрятавшись за нѣсколькими бревнами, наконецъ, увидалъ Франсину, которую онъ поджидалъ каждый вечеръ, въ полной увѣренности, что если она не вышла изъ парадной двери, то должна была выйти изъ задней, несмотря на всю ея видимую ветхость.

Было 10 часовъ. Ночь была темная, безлунная. Газовый фоварь, стоявшій въ концѣ переулка, не освѣщаль той части пустодорожняго мѣста, гдѣ находился Жоржъ.

Франсина оглянулась по сторонамъ и, успокоенная дарившими между кракомъ и тишиной, послѣшно прошла мимо Жоржа и

исчезла за дверью, которая неслышно отворилась и затворилась за нею.

Дельмонъ тотчасъ бросился къ двери и хотѣлъ отворить ее, но она не подавалась.

Не смѣя стучать изъ боязни, чтобы Франсина не услышала шума, такъ-какъ, несмотря на дубовую массивную дверь, слышны были за нею легкіе шаги молодой женщины, онъ припалъ ухомъ къ замку и сталъ прислушиваться.

Сначала раздался звукъ мелкихъ камешковъ, брошенныхъ въ окно, потомъ заскрипѣла дверь. Очевидно, Франсина вошла въ домъ.

Жоржъ снова старался отворить дверь, но она была очень массивна и всѣ его усилія были тщетны.

Онъ не слышалъ, чтобъ Франсина ключомъ отворила дверь, и потому догадался, что, вѣроятно, замокъ былъ съ секретной пружиной; впродолженіи четверти часа онъ дрожащими руками ощупывалъ всѣ неровности желѣзнаго замка, всѣ шапки гвоздей и пр. Но все это не привело ни къ чему. Дверь не хотѣла выдать своей тайны.

Онъ остановился, наконецъ, въ отчаяніи. Крупныя капли пота выступили на его лбу. Руки его были въ крови.

„Однако, я долженъ взойти, думалъ онъ;—нѣтъ надо узнать, надо услышать, надо видѣть, что тамъ дѣлается“.

Онъ почти машинально оглянулся.

— Доски! вдругъ воскликнулъ онъ.

И, поднявъ съ большимъ усиліемъ одно изъ бревенъ, за которыми онъ прятался, Жоржъ поставилъ его къ стѣнѣ подъ косымъ угломъ и, цѣпляясь руками и ногами, вскарабкался по нему на стѣну. Ловкость и быстрота его движеній, повидному, странно противорѣчили сѣдинамъ этого человѣка, но ему было только тридцать-семь лѣтъ и въ послѣднее время онъ велъ дѣятельную жизнь на пампасахъ Ла-Платы, укрощая дикихъ лошадей и охотясь арканомъ на буйволовъ.

Очутившись на стѣнѣ, онъ искалъ себѣ точки опоры и едва не упалъ, огласивъ воздухъ полузаглушеннымъ стономъ.

Вершина стѣны была унижена осколками бутылокъ, которые рѣзали ему руки и ноги. Но онъ преодолѣлъ физическія страданія. Онъ жаждалъ возвратитъ себѣ дочь и свое честное имя!

Быть может, онъ тутъ могъ найти способъ возстановить все потерянное! Онъ утвердился на стѣнѣ и столкнулъ бревно, которое грохнулось на кусты репейника, росшіе внизу. Самъ-же онъ спустился со стѣны на рукахъ и потомъ прыгнулъ на землю съ легкостью кошки.

Проникнувъ за стѣну, онъ легко вздохнулъ и съ торжествомъ посмотрѣлъ на домъ абата, возвышавшійся въ трехъ шагахъ отъ него. Ничто не отдѣляло его теперь отъ этого дома.

Войти въ него было немислимо, но Жоржъ видѣлъ свѣтъ въ одномъ изъ оконъ второго этажа. Надо было добраться до этого окна. Но какъ? По лѣстницѣ? Ея не было.

Онъ взлѣзъ на карнизъ перваго этажа и хотѣлъ подняться на рукахъ до подоконника второго; но разстояніе до послѣдняго было слишкомъ велико.

Однако, было-бы слишкомъ жестоко послѣ столькихъ усилій и почти достигнувъ цѣли, понести поражение. Онъ ошупью прошелъ вдоль маленькаго двора, въ надеждѣ найти что-нибудь, что могло-бы ему преодолѣть преграду. Но не сдѣлалъ онъ и десяти шаговъ, какъ наткнулся съ громкимъ трескомъ на кабую-то громадную массу.

Страхъ приковалъ его къ землѣ. Шумъ, вѣроятно, былъ услышанъ въ домѣ, потому что занавѣси на окнѣ распахнулись и показался на стеклѣ силуэтъ абата.

„Я погибъ, подумалъ Жоржъ;—если онъ увидитъ меня, я ничего не узнаю“.

Однако, свѣтъ, падавшій изъ окна на землю, обнаружилъ, что предметъ, на который наткнулся Жоржъ, была бездонная бочка, стоявшая у стѣны, но не совсѣмъ прижатая, такъ что въ пустомъ пространствѣ между бочкой и стѣной можно было спрятаться человѣку, не очень толстому.

Жоржъ поспѣшно воспользовался этимъ тайникомъ въ ту самую минуту, когда абатъ, отворивъ окно, высунулъ голову; держа въ рукахъ лампу, онъ сталъ зорко осматривать внутренній дворикъ.

ГЛАВА XLV.

ЗА ЗАНАВѢСАМИ.

Дворъ былъ маленькій, четырехугольный и, кромѣ бочки, за которой пріютился Дельмонъ, на немъ не было ничего.

Абатъ старательно осматривалъ всё углы.

— Это вѣрно какая-нибудь кошка соскочила на бочку и спихнула камень съ крышки, сказалъ онъ.

Но все-же онъ еще съ секунду остался въ окнѣ, внимательно прислушиваясь и всматриваясь въ темноту.

Дельмонъ сдерживалъ свое дыханіе и боялся, чтобъ не услышали бѣненіе его сердца.

Наконецъ, абатъ медленно удалился, затворилъ окно и опустил занавѣси.

Впродолженіи четверти часа Дельмонъ оставался неподвижнымъ въ своемъ убіжищѣ, не смѣя пошевелиться отъ страха, чтобъ абатъ не замѣтилъ его изъ-за занавѣсей или не вздумалъ сойти внизъ. Но абатъ нигдѣ не показывался.

Наконецъ, Жоржъ вышелъ изъ своей засады и, осторожно перетаскивъ бочку подъ окно, взлѣзъ на нее. Теперь онъ могъ достать подоконникъ второго этажа и настолько подняться на рукахъ, чтобъ лицо его стало въ уровень съ нижнимъ звеномъ окна.

Онъ съ минуту погрузился въ глубокую думу. Все его хладнокровіе вернулось къ нему. Онъ могъ оставить на камнѣ слѣды крови и потому надѣлъ перчатки. Потомъ схватился руками за подоконникъ и притянулся, какъ мы уже сказали, къ нижнему звену окна, но въ этомъ положеніи онъ могъ держаться не болѣе двухъ минутъ.

Сначала занавѣси мѣшали ему видѣть, что дѣлалось въ комнатѣ, но вскорѣ онъ замѣтилъ случайную скважину между занавѣсью и стѣной, чрезъ которую видна была часть кабинета абата.

Прямо противъ окна сидѣлъ въ креслѣ у своего стола абатъ Клодионъ. Его костлявое, худое лицо лихорадочно горѣло. Глаза блестя, а толстыя, сладострастные губы дрожали. Онъ жадно

смотрѣлъ въ уголъ комнаты, который не былъ видѣнъ Дельмону.

Абатъ былъ одинъ. Удивленіе Жоржа не знало границъ. Что случилось съ Франсиной? Куда она ушла? На что смотрѣлъ абатъ съ такой жадой?

Усталость заставила Жоржа спуститься на землю. Но въ ту-же минуту онъ услыхалъ сѣриць шаговъ, шумъ отодвинутаго стула и смутный говоръ двухъ голосовъ. Очевидно, кто-то вошелъ или возвратился въ комнату.

Жоржъ немедленно занялъ снова свой обсерваціонный пунктъ и не повѣрилъ своимъ глазамъ. Такое странное зрѣлище представилось ему.

Абатъ стоялъ, прислонясь къ стѣнѣ. Противъ него виднѣлась женщина въ бальномъ туалетѣ, съ открытой до невозможности шеи, обнаженными руками и распущенными волосами, которые падали золотымъ ослѣпительнымъ дождемъ на бѣлыя атласныя плечи. На ея длинномъ, гибкомъ горлѣ красовалось ожерелье, а на рукахъ сверкали браслеты. Одной рукой она приподнимала спереди свое бѣлое шелковое платье, убранный пунцовыми лентами и гирляндами цвѣтовъ, такъ что ея маленькая нога въ ажурномъ розовомъ чулкѣ и атласной туфлѣ соблазнительно манила къ себѣ.

Глаза абата Клодіона метали искры. Его трясла лихорадочная дрожь и дикая, животная страсть искажала грубыя черты его лица. Страшно было смотрѣть на него.

— Да, да, бормоталъ онъ глухимъ голосомъ и скрежеща зубами, какъ сатиръ, — ты великолѣнна! Ты просто герцогиня, принцеса!

И, бросившись на Франсину, онъ схватилъ ее своими длинными, худыми, мощными руками.

Жоржъ Дельмонъ опустился на землю и поставилъ на мѣсто бочку. Теперь ему надо было выйти.

Онъ думалъ только, какъ бы открыть тайну абата, полагая, что съ такимъ орудіемъ въ рукахъ онъ будетъ въ состояніи заставить его высказать всю правду и дать ему средства къ блестящему возстановленію своей чести. Но того, что онъ видѣлъ, было недостаточно. Онъ не зналъ, какъ и почему Франсина попала во власть абата. Сама Франсина должна была знать всю подногот-

ную этого человека. Следовательно, прежде всего надо было допросить ее, а потомъ уже съ помощью Штейнбока извлечь наибольшую пользу изъ этого открытія.

— Наконецъ-то я поймалъ его! Теперь онъ у меня не увернется! говорилъ себѣ Жоржъ съ торжествомъ.

Однако еслибъ абать зналъ, что его накрыли, или только имѣлъ-бы подозрѣніе, то онъ могъ отпарировать подготовлявшійся ему ударъ. Поэтому Дельмону необходимо было уйти незамѣтнымъ образомъ и уничтожить свои слѣды. Но это было очень трудно.

Онъ осмотрѣлъ изнутри замокъ въ двери стѣны, но по-прежнему не нашелъ секретной пружины.

Ночь клонилась къ концу. Вскорѣ уже должно было настать утро.

Вдругъ онъ услышалъ шаги по лѣстницѣ. Дверь дома открылась. Дельмонъ прижался къ стѣнѣ, неподвижный и похолодѣвъ, какъ мертвый. Было темно, онъ одѣтъ былъ весь въ черномъ. Быть можетъ, его не замѣтятъ!

Франсина вышла, закутанная въ длинную шаль и съ вуалемъ на лицѣ. Она была одна. Дельмонъ вздохнулъ легко. Утомленный абать, вѣроятно, уже спалъ.

Она быстро прошла черезъ дворикъ, не замѣтивъ Дельмона, котораго почти задѣла платьемъ. Она подошла къ двери въ стѣнѣ, пожалала замокъ и дверь открылась. Она переступила черезъ порогъ и хотѣла затворить за собою дверь, но Жоржъ схватилъ ее неожиданно за руку.

Она обернулась. Увидавъ, что какой-то человекъ выходитъ съ нею изъ внутренняго дворика, она вскрикнула.

Дельмонъ зажалъ ей ротъ.

— Молчите! сказалъ онъ шопотомъ, — или вы погубли!

Она высвободилась изъ его рукъ и даже сквозь вуаль было ясно видно, какъ она поблѣднѣла отъ страха.

Дельмонъ тихонько затворилъ дверь.

— Я не врагъ вашъ, сказалъ онъ; — дайте мнѣ вашу руку и пойдите отсюда.

— Кто вы? Что вамъ отъ меня надо? прошептала Франсина.

— Можетъ быть, я вашъ другъ. Во всякомъ случаѣ, я васъ знаю, Франсина Дюранъ.

Молодая женщина вздрогнула.

— Меня зовутъ иначе, сказала она нерѣшительнымъ голосомъ:—зачѣмъ вы меня называете Дюрангъ?

— Зачѣмъ? Потому, что жена всегда носить фамилію своего мужа, и Франсину Ледювъ нельзя иначе звать, какъ Франсиной Дюрангъ.

— Молчите, ради Бога!

— Такъ пойдите со мною.

И, предложивъ ей руку, Жоржъ Дельмонъ увлекъ ее за собою. Она не сопротивлялась.

ГЛАВА XLVI.

Стычки.

Г-жа Риккарди была въ восторгѣ, что Жоржета такъ хорошо приняла ея предложеніе о бракѣ, и поспѣшила передать эту радостную вѣсть абату Клодіону. Но абать зналъ лучше матери, какія чувства наполняли сердце молодой дѣвушки, и потому онъ очень удивился ея покорности.

Донесенія Франсины, его собственныя наблюденія и самая логика событій вполне убѣждали его во взаимной любви Жоржеты и Оливье. Конечно, онъ былъ увѣренъ, что ему удастся разлучить молодыхъ людей, пустивъ въ ходъ всѣ средства, которыми располагають католическіе патеры, но онъ ожидалъ сопротивленія, борьбы со стороны Жоржеты и слишкомъ легкій успѣхъ возбуждалъ въ немъ живѣйшее безпокойство. Однако, онъ не обидѣлся ни этого безпокойства, ни удивленія, а только посоветовалъ г-жѣ Риккарди не терять времени и воспользоваться удобнымъ случаемъ для скорѣйшаго окончанія этого дѣла.

Спустя недѣлю г-жа Риккарди, оставшись наединѣ съ Жоржетой, объявила ей, что Жюль Флорестанъ офиціально просилъ ея руки.

— Какъ! это серьезно? спросила Жоржета спокойно.

— Совершенно серьезно.

— Я никогда этого не подумала-бы.

— Ты нисколько его не поощряла и твоя холодность мѣшала ему высказать тебѣ свои чувства. Впрочемъ, онъ поступилъ очень

прилично, обратившись сначала ко мнѣ съ своимъ предложениемъ, такая деликатность съ его стороны можетъ только заставитьъ насъ еще болѣе уважать его.

— Что же ты ему отвѣчала?

— То, что я должна была отвѣтить: что его предложение дѣлаетъ намъ честь, что я тебѣ передамъ его и что...

— И что, мама?

— Что я не сомнѣваюсь въ твоёмъ удовлетворительномъ отвѣтѣ.

— Ты, можетъ быть, слишкомъ поторопилась.

— Нѣтъ, я имѣла на это полное право послѣ нашего разговора. Вѣдь ты согласилась со мною, что г. Флорестанъ—лучшаго для тебя партія.

— Но я вовсе не хочу выйти замужъ.

— Вотъ твой отвѣтъ вовсе ужъ не серьезный, и если у тебя нѣтъ другихъ причинъ къ отказу, то... это дѣло рѣшенное.

— Развѣ такой спѣхъ?

— Конечно, отвѣчала г-жа Риккарди, подстрекаемая словесными движеніями молодой дѣвушки; — онъ ждетъ отвѣта. Зачѣмъ его мучить? Я также сочла бы себя счастливой, еслибъ судьба твоя была обезпечена.

— По несчастью, я не люблю г. Флорестана.

— Ты его полюбишь, а онъ уже любитъ тебя. Къ тому же, повѣрь мнѣ, что браки по любви не самые счастливые. Бракъ по раздо болѣе серьезное дѣло, чѣмъ любовь.

— Но если мужъ любить, а жена нѣтъ, какъ въ настоящемъ случаѣ, то могутъ произойти большія непріятности.

Жоржета произнесла эти слова такимъ страннымъ, хотя и спокойнымъ тономъ, что г-жа Риккарди невольно съ большимъ вниманіемъ посмотрѣла на дочь. Жоржета же, казалось, этого замѣтила.

— Это не отвѣтъ, сказала г-жа Риккарди послѣ нѣкотораго молчанія; — я позволила г. Флорестану ухаживать за тобой и знаешь, какъ я желаю этого брака, блестящаго во всѣхъ отношеніяхъ.

Жоржета молчала.

— Однакожь, я не намѣрена слишкомъ торопить тебя, и

бавила мать, вспоминая, что опасно было возбуждать духъ сопротивленія въ молодой дѣвушкѣ.

Въ тотъ-же день Штейнбокъ заѣхалъ къ г-жѣ Риккарди съ своимъ сыномъ.

По лицу Жоржеты Оливье понялъ, что она хотѣла поговорить съ нимъ наединѣ; онъ пригласилъ ее пойти съ нимъ въ садъ, чтобъ собрать букетъ для его матери. Молодые люди отправились туда.

— Что случилось? спросилъ съ жаромъ Оливье, какъ только они остались одни.

— Г. Флорестанъ сдѣлалъ предложеніе.

— Я былъ въ этомъ увѣренъ, воскликнулъ съ сердцемъ Оливье;—но когда и какъ?

— Моя мать только-что сказала мнѣ объ этомъ, и я, исполняя свое обѣщаніе, передаю тебѣ ея слова.

— Что-же ты отвѣчала?

— Что не желаю выйти замужъ.

— А мать настаивала?

— Сначала да, а потомъ дала мнѣ время на размышленіе.

— Такъ что-жь?

— Какъ что-жь?

— Послушай, Жоржета, ты знаешь, что я готовъ освободить тебя отъ этого господина, какъ только онъ станетъ помѣхой...

— Избави Богъ! воскликнула Жоржета. — Пожалуйста безъ скандаловъ. Я знаю, какъ мнѣ слѣдуетъ поступить, я такъ и поступлю.

— Однако, намъ надо на чемъ-нибудь остановиться, сказалъ Оливье;—умоляю тебя, позволь мнѣ переговорить съ моимъ отцомъ. Согласись быть моею женою. О, еслибы ты только знала, какъ я тебя люблю, прибавилъ онъ съ пламенной страстью, — и какъ я страдаю.

Жоржета подняла на него свои большіе глаза и положила свои маленькія руки на его ладонь.

— Я тебя люблю такъ-же, какъ ты меня любишь, а страдаю болѣе тебя, отвѣчала она нѣжно.

— Ты страдаешь! Ты страдаешь! воскликнулъ Оливье дрожащимъ голосомъ.

— Да, и очень страдаю, отвѣчала молодая дѣвушка и на

лицѣ ея, обыкновенно спокойномъ, выразилось столько тревожной тоски, что Оливье испугался.

— Что съ тобою? воскликнулъ онъ;— скажи мнѣ.

— Не могу.

— Что случилось, Жоржета? Что мнѣ дѣлать?

— Ждать.

— Ждать, все ждать! развѣ я могу ждать, когда ты несчастна, когда моя кровь кипитъ при видѣ...

— А я жду.

— Чего же ты ждешь?

Молодая дѣвушка молчала.

— Узнала ты что-нибудь новаго? Открыла ты...

— Не спрашивай, я не могу тебѣ отвѣтить.

— Но ты поклялась мнѣ все сказать.

— Я тогда могла это обѣщать. Я была свободна и отъ меня все зависѣло.

— А теперь?

— Я не имѣю права теперь говорить.

Она остановилась, блѣдная, едва переводя дыханіе. Оливье видѣлъ, какъ тревожно подымалась ея грудь, и чувствовалъ, какъ похолодѣли ея руки.

Онъ никогда не видалъ ее въ такомъ состояніи, и его глубоко потрясло это зрѣлище внутренней борьбы, которую она умѣла скрывать до сихъ поръ съ геройскимъ самоотверженіемъ.

— Но ты все-же меня любишь? воскликнулъ онъ съ наивнымъ эгоизмомъ влюбленнаго, для котораго любовь выше всего,—и ты не выйдешь замужъ ни за кого, кромѣ меца?

— Шш! идутъ! предупредила она.

Въ эту минуту Штейнбокъ и г-жа Риккарди показались въ аллеѣ не вдалекѣ отъ нихъ.

Съ необыкновеннымъ усиленіемъ Жоржета приняла свой обычный спокойный видъ и, нагнувшись къ Оливье, лицо котораго сохранило еще слѣды волненія, она прошептала съ нѣжной мольбой:

— Прошу тебя, будь терпѣливъ и слушайся меня.

Молодой человѣкъ покорно опустилъ голову, хотя ему это стоило очень дорого. Его сердце, раздираемое тревожными опасеніями, жаждало подробныхъ объясненій, и только любовь прида-

вала ему силы побѣдить нетерпѣливую страсть и слѣпо повиноваться любимой дѣвушкѣ.

— Ну, спросилъ Штейнбокъ, подходя къ нимъ, — готовъ букетъ?

— Вотъ онъ, отвѣчала Жоржета, указывая на цвѣты, которые держалъ Оливье.

— Вы погубили всѣ розы въ саду и даже похитили у нихъ ихъ цвѣтъ, сказалъ адвокатъ, смѣясь и пристально смотря на молодую дѣвушку.

Дѣйствительно, Жоржета была краснѣе обыкновеннаго, а замѣчаніе адвоката заставило ее окончателно побагровѣть.

— Г-жи Штейнбокъ здѣсь нѣтъ, прибавилъ онъ, — и потому я долженъ поблагодарить васъ за нее.

И онъ нѣжно поцѣловалъ ее въ лобъ.

Прощаясь съ Жоржетой, Оливье грустно посмотрѣлъ на нее. Она приложила палецъ къ своимъ губамъ и въ этомъ граціозномъ жестѣ было столько-же нѣжной ласки, сколько благоразумнаго предостереженія.

ГЛАВА XLVII.

П Е Р Е М Ъ Н А Ф Р О Н Т А .

На слѣдующій четвергъ, по обыкновенію, явился Жюль Флорестанъ въ сопровожденіи неизбѣжнаго абата Клодіона, который хотѣлъ самъ убѣдиться, хорошо-ли ухаживаетъ за Жоржетой покровительствуемый имъ молодой человекъ. Флорестанъ зналъ черезъ него, что Жоржета выслушала извѣстіе о его предложеніи безъ гнѣвнаго протеста и что поэтому онъ могъ считать свой услѣхъ обезпеченнымъ.

Жоржета приняла его, какъ всегда, съ холодной учтивостью. Однако, онъ замѣтилъ, что она теперь не избѣгала остаться съ нимъ наединѣ, а, напротивъ, какъ-бы искала случая поговорить съ нимъ съ глазу на глазъ. Онъ видѣлъ въ этомъ хорошее предзнаменованіе и чувствовалъ, что наступила минута личнаго объясненія.

Флорестанъ, какъ помнитъ читатель, нисколько не дорожилъ этимъ бракомъ, но онъ не могъ не согласиться на него. Онъ

былъ совершенно въ рукахъ абата и хотя не понималъ тайны цѣли, въ которой стремился Клодионъ, добываясь этого брака, но все-же слѣпо повиновался его волѣ изъ боязни, чтобъ абатъ, знавшій его роковую тайну, не погубилъ его безвозвратно.

Въ концѣ вечера, пользуясь удобной минутой, когда, по вѣдому, никто не обращалъ на нихъ вниманія, Флорестанъ пошелъ къ Жоржетѣ, которая, въ свою очередь, какъ-бы ждала его, и сѣлъ подлѣ нея съ любезной улыбкой на своемъ помпѣзномъ, суровомъ, плоскомъ лицѣ.

Хотя онъ не любилъ Жоржету и подчинялся ей только какъ наказанію или, по крайней мѣрѣ, искупленію за его ужасное прошлое, Флорестанъ не могъ не любоваться красотой молодой дѣвушки и въ ея присутствіи онъ чувствовалъ какую-то робость, которая была не безъ прелести.

Жоржета слушала его объясненіе совершенно спокойно. Она опускала глазъ, не краснѣла и вообще не прибѣгала къ обыкновеннымъ ужимкамъ молодой дѣвушки въ подобномъ положеніи, и принимала это за безмолвное согласіе.

— Мама меня предупредила, сказала Жоржета очень лениво, выслушавъ Флорестана.

— И г-жа Рибкарди подала мнѣ надежду, что я не откажусь отъ васъ отказа.

— Значить, она не поняла моего отвѣта, сказала Жоржета тѣмъ-же тономъ; — я прямо ей объявила, что не хочу еще ходить замужъ, и надѣялась, что она предупредитъ васъ.

— Но ни она, ни я не поняли вашъ отвѣтъ въ смыслѣ отказа.

— Однако, это безусловный отказъ, г. Флорестанъ.

— О! воскликнулъ онъ, пораженный этимъ неожиданнымъ рѣзкимъ отвѣтомъ; — позвольте мнѣ надѣяться, что это послѣднее ваше слово.

— Нѣтъ, послѣднее, и я желала-бы, чтобъ вы не считали этого ни малѣйшаго сомнѣнія.

Флорестанъ пришелъ въ тупикъ. Онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на молодую дѣвушку, столь тихую на взглядъ и хорошую танцовщицу, которая, однако, говорила такъ рѣшительно и рѣзко.

— Я прибавлю еще, г. Флорестанъ, продолжала она,

его недоумѣніе, — что вы заслужите мою благодарность, если не будете наставлять, пользуясь поддержкой моей матери.

Флорестанъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ и униженнымъ. Какъ, эта дѣвчонка, дочь преступника, приговореннаго къ смертной казни, позорно отказывала ему? Вся желчь въ немъ поднялась, онъ позеленѣлъ и прикусилъ себѣ губу.

— Вы просите невозможнаго, сказалъ онъ; — вы все-же позовите мнѣ надѣяться... впоследствии переимѣна въ вашихъ чувствахъ...

— Нѣтъ, переимѣны не будетъ.

— Вы слишкомъ жестоки!

— Я откровенна. Вы можете мнѣ причинить много горя и заставить меня прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ, чего я не желала-бы. Поэтому я еще разъ спрашиваю васъ: хотите-ли вы заслужить мою благодарность? Вы молчите? Хорошо. Я васъ понимаю и сожалѣю столько-же ради васъ, сколько и ради себя.

Она встала, но безъ малѣйшаго гнѣва, поклонилась и медленно пошла къ группѣ пожилыхъ дамъ, окружавшихъ г-жу Ривкарди.

„Какая птица! подумалъ Флорестанъ, смотря ей вслѣдъ; — чортъ-бы поbralъ мерзавцевъ, по милости которыхъ я съѣлъ такую оплеуху“.

И онъ бросилъ злобный взглядъ въ ту сторону, гдѣ стоялъ абатъ Клодионъ, но замѣтивъ, что абатъ слѣдитъ за нимъ, онъ поспѣшно отвернулся.

— Если я на ней женюсь, то она за это дорого заплатитъ, сказалъ онъ сквозь зубы и направился къ патеру, который собирался уйти, чтобъ поскорѣе узнать о результатѣ его разговора съ Жоржетой.

— Ну, что-же, вы съ ней говорили? спросилъ абатъ, когда они вышли на улицу.

— Да.

— И она отвѣчала?

— Отказомъ.

Абатъ не выразилъ никакого удивленія.

— Она мнѣ безусловно и рѣзко отказала, прибавилъ Флорестанъ.

— Повторите мнѣ слово въ слово вашъ разговоръ.

Флорестанъ повиновался съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, такъ какъ его неудача уничтожала планы абата.

— Она сказала, что будетъ вынуждена прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ? повторилъ абатъ.

— Да, но я не понялъ хорошо...

— Я понялъ. Эта угроза касается не васъ, а ея матери.

— Какимъ образомъ?

— Не ваше дѣло, отвѣчалъ сухо Клодіонъ.

Флорестанъ еще болѣе поблѣднѣлъ при этомъ оскорбительномъ отвѣтѣ.

Абатъ молчалъ, погруженный въ тяжелую думу.

— У нея, очевидно, любовникъ, сказалъ Флорестанъ черезъ нѣсколько минутъ. — Я это отгадалъ тотчасъ, какъ увидѣлъ г. Штейнбока, и васъ предупредилъ.

Абатъ ничего не отвѣчалъ и продолжалъ думать.

— Что-же мнѣ, наконецъ, дѣлать? спросилъ Флорестанъ внѣ себя отъ сдержаннаго гнѣва.

Абатъ поднималъ голову.

— Продолжайте, сказалъ онъ рѣзко; — вы женитесь на дѣвицѣ Дельмонъ, за это я ручаюсь.

ГЛАВА XLVIII.

Битва.

Жоржета сидѣла въ своей комнатѣ.

Одна, вдали отъ постороннихъ взглядовъ, она казалась очень грустной и убитой. Ея блѣдность и заплаканные глаза, окруженные черной полосой, ясно доказывали, какъ тяжело было переносить мучительную борьбу этому ребенку, преждевременно сдѣлавшемуся женщиной, благодаря жестокимъ испытаніямъ, выпавшимъ на ея долю. Опустивъ голову и откинувшись на спинку кресла, она погрузилась въ свои мрачныя мысли.

Неожиданно дверь отворилась и вошла г-жа Риекарди.

Жоржета быстро вскочила и посмотрѣла на мать, точно очнувшись отъ страшнаго сна.

Съ перваго взгляда она поняла, въ чемъ дѣло. Г-жа Рие-

карди казалась угрюмѣ обыкновеннаго и выраженіе ея лица обнаруживало полусдержанное негодованіе.

Она только-что говорила съ абатомъ Клодіономъ, который передалъ ей отвѣтъ Жоржеты Флорестану и старался всѣми силами возбудить въ ней ея эгоистическія чувства, личныя опасенія, ненависть къ Штейнбоку, и хотя скрытую, но очевидную антипатію къ дочери. Мы уже сказали, что она не любила Жоржету и не могла ее любить. Прямая, искренняя натура молодой дѣвушки рѣзала ей глаза, какъ непріятный контрастъ съ ея собственнымъ характеромъ. А поклоненіе Жоржеты памяти отца окончательно оттолкнуло отъ нея мать. Дѣйствительно, эти двѣ женщины въ сущности были врагами: одна, зная невинность мужа, допустила судъ приговорить его къ смертной казни, когда она могла спасти его однимъ словомъ, и, спустя пятнадцать мѣсяцевъ, считая себя вдовой, вышла замужъ за главнаго свидѣтеля со стороны обвиненія, а другая стремилась всѣми силами доказать невинность отца.

Убѣдяся изъ словъ абата, что Штейнбокъ не поддастся обману, открылъ ея преступное прошедшее и еще недавно, вмѣстѣ съ Жоржетой, производилъ дознаніе на мѣстѣ преступленія, г-жа Риккарди рѣшилась окончательно уяснить, въ какомъ положеніи она находилась относительно своей дочери, которую теперь считала своимъ злѣйшимъ врагомъ и опасѣйшей помѣхой.

— Я рѣшительно не понимаю твоего поведенія, сказала она голосомъ, предвѣщавшимъ грозу, — и очень желала-бы выслушать твое оправданіе.

— Въ чемъ дѣло, мама? спросила Жоржета спокойнымъ, но грустнымъ тономъ.

— Въ чемъ дѣло? повторила ея мать: — ты очень хорошо знаешь. Дѣло идетъ о твоёмъ бракѣ съ г. Флорестаномъ... Правда-ли, что ты ему отказала въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ?

— Я ему сказала, что не желаю выйти замужъ и прошу его отказаться отъ всякихъ притязаній на мою руку.

— И ты это сдѣлала, не спросивъ и даже не предупредивъ меня? А я, твоя мать, единственное лицо, имѣющее право рѣшить этотъ вопросъ, сказала ему, что я и ты согласны на его предложеніе. Вотъ странное, невозможное, немислимое поведеніе!

Эти слова она произнесла громко и скоро, очевидно, желая напускнымъ гнѣвомъ побороть худо скрываемую робость.

— Я не понимаю твоего удивленія, отвѣчала Жоржета, — я тебя предупредила...

— Никогда.

— А если ты общала что-нибудь г. Флорестану, продолжала съ спокойной рѣшимостью Жоржета, — то ты сама виновата, я тебя на это не уполномочивала.

— Не уполномочивала! Не уполномочивала! Теперь мнѣ надо уполномочіе дочери! Я безъ нея не знаю, какъ поступать! Вотъ къ чему ведетъ безвѣріе и духъ независимости, духъ противо-дѣйствія! Теперь дѣти повелѣваютъ, а родители должны повиноваться.

— Зачѣмъ-же ты спросила у меня мое мнѣніе, если оно не должно было имѣть никакой силы?

— Я не спрашивала твоего мнѣнія. Я предупредила тебя съ материнской любовью, что очень желала-бы этого брака, — кажется, было довольно. Но если ты вынудишь меня, то я, пользуясь своими правами, начну требовать слѣпного повиновенія.

— Какъ, даже если я скажу тебѣ: „Мама, я не люблю г. Флорестана, онъ мнѣ не нравится и этотъ бракъ составитъ несчастіе всей моей жизни. Умоляю тебя, не настаивай“?

— Это все вздоръ. Г. Флорестанъ представляетъ всѣ гарантіи хорошаго мужа. Онъ пригоденъ тебѣ во всѣхъ отношеніяхъ и я не намѣрена уступать капризу глупой дѣвченки.

Прося мать пожалѣть ее, Жоржета смотрѣла ей прямо въ глаза съ болѣзненнымъ трепетомъ и какъ-бы старалась прочесть въ нихъ хоть блѣдный лучъ материнской любви, который тотчасъ ее обезоружилъ-бы. Но отвѣтъ г-жи Риккарди окончательно уничтожилъ всѣ ея сомнѣнія. Она выпрямилась во весь ростъ, блѣдная, рѣшительная. Глаза ея сверкали.

— Это не слова любящей матери, сказала она.

— Это слова матери, которая требуетъ повиновенія.

Г-жа Риккарди, казалось, забыла всѣ свои опасенія и начинала горячиться. Абатъ совѣтовалъ ей быть твердой и ея итальянская натура побуждала ее къ суровой грубости, разъ она вышла изъ своей обычной апатіи. Одна мысль теперь руководила

ему: удалить дочь, сдѣлать ее неопасной черезъ бракъ, который, по словамъ абата, быдъ ея единственнымъ спасеніемъ.

— Я тебѣ сказала, продолжала Жоржета, — что мнѣ нечего торопиться, я еще очень молода. Я подожду и сама выберу себѣ мужа, потому что для брака необходимо мое согласіе.

— Ждать! Выбирать! Да никто другой тебя не захочетъ! воскликнула г-жа Риккарди, выходя изъ себя и рѣшившись во что-бы то ни стало сломить непослушную дочь.

— Не знаю.

— А я знаю. Хочешь доказательствъ? Оливье приходитъ сюда почти каждый день. Его отецъ твой другъ, а не мой, прибавила она съ горечью и злобой; — кажется, естественно было подумать о тебѣ. Нѣтъ, ему и въ голову не пришло жениться на тебѣ.

— А еслибъ ему пришло это въ голову? спросила тихо Жоржета, послѣ минутнаго размышленія.

— Еслибъ пришло, то я ему отказала-бы, я прогнала-бы его! воскликнула г-жа Риккарди, впервые высказывая свою ненависть къ адвокату и его сыну.

— Отчего?

— Потому, что я знаю, какое дурное вліяніе они оба, отецъ и сынъ, имѣли на тебя. Потому, что они меня ненавидятъ. Потому, что мнѣ надоѣли ихъ покровительственныя заботы о тебѣ, очень обидныя для меня, твоей матери. Потому, что я презираю ихъ мнѣнія и вѣрованія. Потому, что они, враги католицизма, свободные мыслители, возстановили тебя противъ меня. Потому, что Штейнбокъ не перестаетъ злоумышлять противъ меня съ самой... смерти моего перваго мужа.

Эти неосторожныя нападки на Штейнбока и Оливье задѣли за живое молодую дѣвушку и оскорбили ее въ сто разъ болѣе, чѣмъ все, что ея мать могла-бы сказать лично противъ нея. Вся ея любовь къ Оливье отхлынула у нея отъ сердца къ мозгу.

— Какъ! ты ненавидѣла моего отца, если ты такъ не любишь его и моихъ друзей! воскликнула Жоржета, совершенно забывшись.

Г-жа Риккарди бросилась на дочь, блѣдная отъ гнѣва; черные глаза ея грозно сверкали.

— Берегись! прошипѣла она сквозь зубы, — я не обязана да-

вать тебѣ отчета. Скажи еще одно слово—и я не велю пускать сюда этихъ людей, которыхъ я ненавижу. Слышишь, я ихъ ненавижу. И ты ихъ никогда болѣе не увидишь. Мы посмотримъ, кто здѣсь господинъ: они или я.

— Я такъ-же преступна, какъ они, отвѣчала Жоржета громкимъ голосомъ;—мы вмѣстѣ стремимся доказать невинность моего отца.

— Невинность твоего отца! Вотъ мы и договорились! Такъ вы хотите найти доказательство его невинности? Ищите, ищите! Но ты ничего не найдешь, ни ты, ни кто иной! Прочти его процессъ, ты увидишь, какія улики были противъ него.

И г-жа Риккарди, усмѣхнувшись, бросила вызывающій взглядъ на Жоржету.

Молодая дѣвушка вынесла этотъ взглядъ и отвѣчала съ язвительной холодностью:

— Одна я ничего не найду. Но съ твоей помощью это будетъ легко. Ты вѣдь знаешь, что отецъ былъ невиновенъ, и ты можешь представить доказательства его правоты.

ГЛАВА XLIX.

Дознаніе Жоржеты.

Г-жа Риккарди отскочила въ ужасъ отъ свѣта дочери. Вздланное лицо ея выражало столько изумленія и трепета, что Жоржета пожалѣла о неумоимости своего обвиненія.

— Я знаю... я... я знаю? бормотала г-жа Риккарди, пожирая глазами дочь.

— Послушай, мама, сказала Жоржета послѣ минутнаго молчанія, нѣжнымъ, глубоко-прочувствованнымъ тономъ,—остановимся на этомъ. Не заставляй меня сказать то, что я хочу скрыть, столько-же для тебя, сколько и для себя. Вѣдь дѣло идетъ не объ отца, а о моей святѣбѣ. Вмѣсто того, чтобъ поощрять укаживаніе г. Флорестана, попроси его не преслѣдовать меня. Я не хочу, чтобы страшныя несчастія, которыя я предчувствую, были навлечены мною. Твоя дочь проситъ тебя въ послѣдній разъ: оставь этотъ разговоръ.

И Жоржета простерла къ ней руки съ пламенной мольбой.

Но г-жа Ривкарди ничего не слышала, ничего не могла слышать. Обвинение Жоржеты было такъ определенно и ясно, что она хотѣла во что-бы то ни стало узнать всю правду и измѣрить глубину той бездны, на краю которой она вдругъ очутилась. Говорила-ли Жоржета такъ положительно, зная дѣйствительно что-нибудь, или только желала заставить ее проговориться? Были-ли основаны ея слова на какихъ-нибудь доказательствахъ или на однихъ предположеніяхъ?

Жоржета поразила ее въ самое слабое ея мѣсто, и когда первое изумление прошло, она воскликнула внѣ себя отъ гнѣва:

— Ты обвиняешь меня, безчеловѣчная дочь! Ты хочешь погубить, опозорить меня! Нѣтъ, я заставлю тебя говорить!

— Умоляю тебя, мама... я сожалею, что у меня вырвались эти слова.

— Ты идешь на понятный, а я не желаю. Ты не хочешь говорить? Хорошо, я буду дѣйствовать. Ты мнѣ угрожаешь! Погоди, я тебя сломаю! Во-первыхъ, съ сегодняшняго дня я закрываю свой домъ Штейнбоку и его сыну. Они тебя возстановляютъ противъ меня и учатъ сопротивляться моей волѣ. Ты ихъ болѣе никогда не увидишь! Во-вторыхъ, ты выйдешь замужъ за г. Флорестана, потому что я этого хочу, потому что я не потерплю болѣе подъ своимъ кровомъ врага и шпіона. Ты меня понимаешь? Я такъ хочу. Ты меня еще не знаешь. Я всегда была добра съ тобою, и ты во зло употребляешь мою доброту. Но если ты думаешь угрожать моему счастью и быть мнѣ помѣхой въ жизни, то ты ошибаешься. Я тебя уничтожу.

И г-жа Ривкарди сдѣлала нѣсколько шаговъ по направлению въ своей дочери. Глаза ея метали пламя, губы дрожали, волосы развѣвались въ беспорядкѣ и вся ея фигура дышала бѣшеной злобой.

Жоржета выпрямилась во весь ростъ. Угрозы и насиліе возбуждали въ ней только пламенное сопротивленіе. Она молча смотрѣла на свою мать и блѣдное лицо ея обнаруживало страшную борьбу, происходившую въ ея сердцѣ. Ясно было, что какое-то слово жгло ея губы и просилось наружу.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказала она, наконецъ, и закрыла себѣ ротъ обѣими руками, какъ-бы желая удержать роковое слово.

Г-жа Ривкарди ничего не поняла и воскликнула:

— Ты не хочешь говорить? Значить, ты ничего не знаешь. А! ты думаешь, что мнѣ ничего незвѣстно? Ты ошибаешься. Хочешь, я тебѣ скажу, гдѣ ты была три недѣли тому назад? Ты была въ Ссо, съ Штейнбоккомъ и Оливье. Вы осматривали весь домъ, отыскивая доказательства невинности твоего отца. Вы ничего не нашли и никогда не найдете. Твой отецъ убитъ Иполита Риекарди. Да, онъ, онъ, онъ!

— Ты лжешь! воскликнула Жоржета страшнымъ голосомъ, — ты лжешь! Онъ невиненъ и ты это знаешь. Подло обвинять его въ убійствѣ передо мною, дочерью. Ты предала его смерти и опозорила въ глазахъ всего свѣта, когда ты могла однимъ словомъ спасти его. Тебѣ этого не довольно, ты хочешь еще обезчестить его память въ глазахъ его собственной дочери. Ты хочешь, чтобы Жоржета Дельмонъ презирала Жоржа Дельмона, чтобы она отвернулась отъ него и измѣнила ему такъ же, какъ ты!

Жоржета преобразилась. Борьба въ ней была окончена. Она вся теперь отдалась дикой ярости и пламенной любви къ отцу.

Г-жа Риекарди была поражена энергіей и рѣшимостью дочери. Она смотрѣла на нее недвижимо и притаивъ дыханіе. Грозный голосъ молодой дѣвушки проникалъ до глубины ея совѣсти, усиленной эгоизмомъ и ханжествомъ.

— Ты хочешь, чтобы я говорила... хорошо, я буду говорить, продолжала Жоржета. — Да, я была въ Ссо и произвела такъ дознание, которое судъ не слухнулъ сдѣлать. Я открыла тайну, которую я знаю все.

— Ты открыла тайну, ты знаешь все! повторила г-жа Риекарди, позеленѣвъ.

— Да. Прежде всего я удостовѣрилась, что изъ кабинета отца нельзя было слышать ничего, что говорилось въ гостиной, а, напротивъ, изъ твоей комнаты можно разобрать каждое слово. Если ты была въ своей комнатѣ, какъ ты заявила на судѣ, то слышала все... и разговоръ, и борьбу, предшествовавшіе убійству.

— Я спала.

— Нѣтъ, ты не спала.

— Я выбѣжала, услыхавъ крикъ несчастнаго... и паденіе его тѣла.

— Неправда.

— Это удостовѣрено на судѣ.

— А я удостовѣрилась въ иномъ.

— Ты?

— Я.

— Какимъ образомъ? спросила г-жа Риккарди, которая пришла къ себѣ на помощь все свое хладнокровіе и, забывъ, что рѣдъ нею дочь, вообразила, что она призвана въ кабинетъ вѣдственнаго судьи для отвѣта по ужасному обвиненію.

— Нѣтъ, ты не спала, и вотъ мои доказательства.

Молодая дѣвушка на минуту умолила. Г-жа Риккарди смотрѣла на нее уже не съ дикой яростью, а со страхомъ и удивленіемъ. Она не могла понять, какъ этотъ неопытный ребенокъ открылъ, что избѣгло вниманія судей и полицейскихъ сыщиковъ. По тому она все-же не теряла надежды, что Жоржета принимала вѣдственные подозрѣнія за матеріальныя улики.

— Въ ту ночь, начала Жоржета тихимъ, глухимъ голосомъ, — было очень душно. Уснувъ въ обычный часъ, я вскорѣ проснулась. Мнѣ стало страшно и я позвала Жюли, горничную, которая жила въ сосѣдней комнатѣ. Она не отвѣкнулась. Я сошла съ постели и выбѣжала въ сосѣдную комнату, дверь въ которую была всегда отворена. Жюли тамъ не было. Я пошла по коридору до твоей комнаты. Ты уже лежала въ постели. Жюли убирала что-то. Увидавъ меня въ рубашкѣ и босу, ты испугалась. Я въ слезахъ бросилась тебя цѣловать, говоря, что мнѣ стало вдругъ страшно. Жюли пожелала тебѣ спокойной ночи, погасила лампу, какъ всегда, и, оставивъ въ спальнѣ только ночникъ, пошла со мною въ гостиную, гдѣ закрыла дверь и потомъ, отвѣдя меня въ мою комнату, положила въ постель. Правду я говорю?

— Можетъ быть, я не помню всѣхъ подробностей, отвѣчала г-жа Риккарди, которая чувствовала, что ей грозилъ страшный испугъ, хотя не могла отдать себѣ яснаго отчета, какой именно. Ей пугала удивительная память дочери, но еще болѣе ее поразили мраморная холодность Жоржеты, неожиданная суровость взгляда и безжалостная твердость ея голоса.

— А я помню все, продолжала Жоржета съ угрожающей улыбкой; — я въ эту ночь также, какъ ты, не спала. Я про-

должна: лампа въ твоей комнатѣ была погашена, а ты вышла въ гостиную съ зажженной лампой.

Г-жа Ривкарди вздрогнула.

— Тебѣ надо было встать и зажечь лампу; на это требовалось время и въ этотъ промежутокъ ты должна была слышать и узнать голоса говорившихъ въ гостиной.

— Лампа не была погашена, пробормотала мать.

— Я утверждаю противное. Я вижу, какъ теперь, Жюли, опустившую фитиль въ лампѣ и задувную ее. Она даже хотѣла унести лампу съ собою, но ты сказала, чтобы она оставила ее, хотя *это совершенно противорѣчило твоимъ привычкамъ.*

Крупныя капли холоднаго пота выступили на лбу обвиняемой.

— Мало этого. Я видѣла тебя въ постели въ одиннадцать съ половиною часовъ. Я очень хорошо помню время, потому что Жюли, упрекая меня за мою выходку, сказала, что въ одиннадцать съ половиною часовъ я должна была уже давно спать. Въ ту минуту, какъ я вышла изъ твоей комнаты и ты осталась въ постели, на тебѣ былъ твой обыкновенный ночной пеньюаръ, бѣлый кисейный, совершенно простой, безъ вышивокъ.

Г-жа Ривкарди вторично вздрогнула и ея глаза широко раскрылись. Она начинала предчувствовать, къ чему клонились слова ея дочери. Но она не имѣла силы перебить Жоржету, которая казалась ей ангеломъ-мстителемъ. Ужась все болѣе и болѣе овладѣвалъ ею и она сознавала, что попала въ роковую сѣть.

— Послѣ совершенія убійства, продолжала Жоржета, произнося каждое слово съ звонкимъ, язвительнымъ удареніемъ, — весь домъ наполнился криками. Перепуганная Жюли быстро накинула на себя платье и, забывъ обо мнѣ, побѣжала узнать, въ чемъ дѣло. Мнѣ казалось, что я видѣла кошмаръ, такъ ужасали меня бѣготня, шумъ дверей и страшныя слова, долетавшія иногда до меня. Садовникъ прошелъ мимо двери моей комнаты и громко сказалъ кому-то: „Какое несчастье! Убійство! нашъ господинъ... кто-бы могъ это подумать!“ Я была увѣрена, что моего отца убили, и хотя хорошо не понимала, что это значило, но очень испугалась и хотѣла узнать правду. Я соскочила съ постели и, помня, что ты бранила меня за то, что я ходила босая, надѣла туфли. Потомъ я набросила себѣ на плечи первую попавшуюся вещь и тихонько пробралась въ гостиную. На полу я увидела

какое-то тѣло, покрытое окровавленной простыней. Два жандарма стояли подлѣ и говорили между собою вполголоса. Ни отца, ни тебя не было въ комнатѣ. Я начала плакать и кричать: „Папа, гдѣ папа?“ Жандармы обернулись и что-то сказали, чего я не могла разслышать. Потомъ одинъ изъ нихъ промолвилъ: „это его дочь“. Онъ подошелъ ко мнѣ и, взявъ меня за руку, отвелъ въ твою комнату. Ты стояла на колѣняхъ и, закрывъ лицо руками, плакала. Я бросилась къ тебѣ. Ты была въ самомъ лучшемъ изъ твоихъ пенъюаровъ. Я всегда завидовала этому роскошно вышитому пенъюару и говорила себѣ: „когда я вырасту, у меня будетъ такой-же“.

— Что-же это доказываетъ? сказала г-жа Риккарди, совершенно теряя присутствіе духа.

— Это доказываетъ, что послѣ ухода Жюли со мною ты встала съ постели, зажгла лампу и переодѣлась. Значить, ты не спала.

— Неправда. Ты ошибаешься. На мнѣ не былъ тотъ пенъюаръ, о которомъ ты говоришь.

— Вотъ онъ, воскликнула Жоржета, взявъ пенъюаръ съ своей постели. — Это тотъ самый, который ты мнѣ дала надняхъ для образца вышивки.

— Такъ вотъ для чего ты его спрашивала! сказала г-жа Риккарди, съ трепетомъ смотря на свою дочь.

— Да, отвѣчала молодая дѣвушка, — я хотѣла убѣдиться, что не ошибалась. Посмотри на него, на лѣвомъ плечѣ оторванъ кусокъ вышивки.

Г-жа Риккарди еще болѣе поблѣднѣла, если это было только возможно.

— Хочешь видѣть недостающій кусокъ?

И, не дожидаясь отвѣта, Жоржета подошла къ шифоньеркѣ, отперла ее и вынула доскутокъ вышивки, пожелтѣвшей отъ времени и какъ-бы покрытой ржавчиной. Онъ совершенно подходилъ къ разорванному мѣсту въ пенъюарѣ.

Г-жа Риккарди прислонилась къ спинкѣ кресла, чтобъ не упасть.

— А знаешь ты, гдѣ я подняла этотъ доскутокъ, въ самый день преступленія? продолжала неумолимая Жоржета.

— Молчи! вскрикнула ее мать внѣ себя отъ страха.

Наступило молчаніе. Обѣ женщины стояли другъ противъ друга. Дочь первая заговорила.

— И ты хочешь увѣрить меня, также, какъ судей, что отецъ мой былъ убійцей! воскликнула она съ пламеннымъ негодованіемъ.

— Кого-же ты обвиняешь?

— Кого?

Жоржета подошла къ матери и, пагнувшись, сказала ей на ухо одно, только одно слово.

Г-жа Ривкарди отчаянно вскрикнула и отскочила отъ дочери, простирая впередъ руки, какъ бы въ защиту отъ враговъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, шептала она, — это неправда! это ложь! я до конца буду говорить: нѣтъ. Попробуй это доказать.

— А кто вамъ говоритъ, что я хочу это доказывать? отвѣчала тихо молодая дѣвушка;—это не мое дѣло. Не мнѣ судить или миловать.

Она провела рукою по лбу и поникла головой.

ГЛАВА L.

Т и г р и ц а.

Франсина и Жоржъ Дельмонъ быстро удалялись отъ дома абата.

Ранній часъ способствовалъ сохраненію ихъ инкогнито: оба они по различнымъ причинамъ не желали возбудить вниманія постороннихъ.

Разсвѣтало. Тяжелые возы огородниковъ медленно направлялись къ центральному рынку; страды бѣдняковъ, подметавшихъ улицы, спѣшили къ своимъ постамъ; штофныя лавки открывались кое-гдѣ. Работники въ блузахъ, съ краюшкой хлѣба подъ мышкой, входили къ продавцамъ спиртныхъ напитковъ и, стоя передъ выручкой, выпивали стаканчикъ бѣлаго вина или рюмку водки. Работницы въ ситцевыхъ платьяхъ и полотняныхъ чепцахъ отправлялись на свою ежедневную работу.

Дельмонъ шелъ подъ руку съ Франсиной, чувствуя по временамъ, какъ ее била лихорадочная дрожь. Она не смотрѣла на него. Два раза онъ пробовалъ завести разговоръ, но она не отвѣчала

ни слова. Вдругъ при входѣ на мостъ св. Михаила она остано-вилась.

— Куда мы идемъ? спросила она рѣзко.

— Къ вамъ.

— Это невозможно. Ко мнѣ? Никогда. Онъ узнаетъ!

Дельмонъ настаивалъ. Онъ хотѣлъ видѣть ея комнату и обстановку, въ которой она жила, надѣясь по домашнимъ мелочамъ, всегда обнаруживающимъ характеръ, привычки, нужды и желанія человѣка, отгадать лучшій способъ пріобрѣсти ея довѣріе и развѣдать ея тайны. Но Франсина упорствовала и ему пришлось отва-заться отъ своего намѣренія. Онъ видѣлъ, что ее нельзя было по-бороть.

— Въ такомъ случаѣ войдемте сюда, сказалъ Жоржъ, ука-зывая на маленькій ресторанъ, уже наполненный обычными посѣ-тителями.

Франсина послѣдовала за нимъ.

Онъ спросилъ отдѣльную комнату, заказалъ что-то, и когда слу-га принесъ требуемое, онъ заперъ за нимъ дверь.

Франсина продолжала молчать. Она бросилась на стулъ, изне-могая отъ усталости или волненія.

— Ну, теперь поговоримъ, сказалъ Жоржъ, садясь противъ нея.

Она вскочила, подняла свой вуаль, точно онъ мѣшалъ ей ды-шать, и, пожирая Жоржа своими свѣтлыми, дикими глазами, въ которыхъ блестяли любопытство, недоувѣріе и гнѣвъ, спросила:

— Кто вы такой?

— Кто я? Послѣ я вамъ скажу. Я васъ знаю, а вы меня— нѣтъ. Позвольте мнѣ пока пользоваться этимъ преимуществомъ.

— Что вамъ отъ меня надо?

— Я хочу, чтобъ вы сказали мнѣ всю правду объ абатѣ Клодіонѣ, все, что вы о немъ знаете.

Франсина пожала плечами.

— Мнѣ это необходимо, прибавилъ Жоржъ.

Франсина засмѣялась.

— Я ничего не знаю. Я не знакома съ абатомъ, о которомъ вы говорите.

— Вы забываете, что я васъ накрылъ, когда вы выходили отъ него полчаса тому назадъ.

— А мнѣ какое до этого дѣло?

— Но вы тогда очень испугались.

Франсина ничего не отвѣчала.

— Я не только знаю, что вы были у абата Клодіона, продолжалъ Жоржъ,—но могу сказать вамъ, зачѣмъ вы тамъ были и въ какомъ костюмѣ. Онъ нисколько не походилъ на эту одежду, Франсина Дюранъ.

Молодая женщина вздрогнула.

— Отчего вы упорно такъ называете меня? воскликнула она.

— Оттого, что это ваша фамилія. Въ 1866 году вы вышли замужъ за Луи Дюрана, славнаго и честнаго наборщика. Онъ васъ обожалъ и вы его, повидимому, любили. Вы работали оба, чтобъ поддержать свое хозяйство. Вы были очень слабого здоровья и онъ выбралъ вамъ нетрудное занятіе, которое не разлучало васъ съ нимъ. Онъ былъ наборщикомъ, а вы фальцовщицей въ типографіи Жоржа Дельмона, издателя газеты „Новая страна“.

— Да, это правда, отвѣчала она послѣ минутнаго колебанія, дрожащимъ голосомъ и со слезами на глазахъ; — я была тогда счастлива, очень счастлива.

Ея дикій взглядъ смягчился. Но это продолжалось недолго. Черезъ минуту она подняла голову и глаза ея снова заблестали лютымъ пламенемъ.

— Къ чему вы мнѣ напоминаете о томъ времени? Оно умерло и съ нимъ умерла тогдашняя Франсина. Я не имѣю съ нею ничего общаго.

— Я хотѣлъ только вамъ сказать: я знаю ваше прошлое и ваше настоящее. Я знаю двухъ женщинъ: одну, которая честно работала, скромно одѣваясь, и другую, которая, убѣгая взглядовъ людей, пронибаетъ ночью въ уединенное жилище, какъ преступница, и тамъ наряжается въ шелкъ, цвѣты, брильянты!

Франсина бѣшено сжала свои тонкія, нѣжныя руки.

— Если вы хотите скрывать ваше старое имя и новое ремесло, продолжалъ Дельмонъ,—если вы не хотите ничего сказать мнѣ, я обнаружу вашу тайну, такъ старательно вами скрываемую.

— Вы донесете на меня, вы все расскажете? воскликнула Франсина, подходя къ нему съ стиснутыми зубами и поблѣднѣвшими зрачками.

— Я сдѣлаю все необходимое, чтобы узнать отъ другихъ тѣ свѣденія, которыя вы не хотите сообщить мнѣ. Вы понимаете, что сдѣлать это мнѣ будетъ очень легко.

— А если я убью васъ?

И, поспѣшно выхвативъ изъ-за своего корсажа маленькій кинжалъ, Франсина бросилась на Жоржа съ ловкостью и быстротой тигрицы.

Дельмонъ, неожидавшій подобнаго нападенія, успѣлъ, однакожь, отпарировать рукою этотъ ударъ, но лезвее кинжала прорвало рукавъ его сюртука и скользнуло по кожѣ.

Онъ схватилъ ее за кисть руки и сжалъ съ такой силой, что кости хрустнули. Страшная боль искажила лицо молодой женщины. Кинжалъ упалъ на полъ.

Но она не произнесла ни слова, не вскрикнула, не просила пощады. Она упала на колѣни, лихорадочно дрожа всѣмъ тѣломъ; пѣна показалась у нея на губахъ.

Только тогда Дельмонъ, сперва увлеченный инстинктомъ самосохраненія и гнѣвной вспышкой, понялъ, что онъ ломаетъ ей руки, и выпустилъ ее. Его изумило и тронуло, что въ этой женщинѣ, повидимому, заклеянной пороками и преступленіями, было столько энергіи и мужества.

Освободившись отъ жестокаго страданія, Франсина безпомощно опустила руку и осталась неподвижной въ той-же позѣ, не стараясь даже поднять кинжала, который лежалъ на полу почти подъ ея рукою.

Она была теперь удивительно трагически хороша. Ея золотистые волосы, распустившіеся отъ минутной борьбы, падали въ роскошномъ безпорядкѣ на ея плечи; пуговицы отлетѣли отъ ея корсажа и полуобнаженная грудь ея тяжело волновалась; на лицѣ ея выразалось ужасное страданіе, но скорѣе нравственное, чѣмъ физическое, а опущенныя длинныя вѣки, скрывая дикій блескъ глазъ, дозволяли доброму, нѣжному выраженію ея лица взятъ рѣшительный перевѣсъ надъ лютымъ, жестокимъ характеромъ ея глазъ, бровей и лба. Она теперь привела-бы въ восторгъ любого художника.

Пораженный этой внезапной переимѣной, Дельмонъ былъ одаренъ слишкомъ впечатлительной натурой, чтобы не понимать красоты и суровой прелести цѣльной природы, а потому онъ почувствовалъ къ молодой женщинѣ глубокое сожалѣніе.

Онъ подошелъ къ ней и поднялъ ее. Она не сопротивлялась. Онъ посадилъ ее на диванъ у окна и взялъ ее бѣдную руку. Кисть ея была фіолетоваго цвѣта и до того окостенѣла, что не сгибалась. Онъ засучилъ Франсинѣ рукавъ, намочилъ салфетку водою изъ графина и обвернулъ ея руку этимъ импровизированнымъ компресомъ.

Она не произнесла ни слова, не сдѣлала ни одного жеста. Но когда онъ кончилъ и посмотрѣлъ на нее, то съ изумленіемъ увидалъ, что крупныя слезы медленно катились по ея щекамъ.

ГЛАВА LI.

НЕСЧАСТНАЯ.

Дельмонъ молча смотрѣлъ на нее въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ.

— Зачѣмъ вы плачете? сказалъ онъ наконецъ; — вамъ жалко, что не удалось меня убить? или просто у васъ разстроены нервы?

До сихъ поръ она стояла на колыняхъ; теперь она съѣздила поль и, взявъ руку Жоржа, быстро поцѣловала ее прежде, чѣмъ онъ успѣлъ отдернуть ее.

— Какъ вы добры, сказала она; — хорошо имѣть дѣло съ добрымъ человѣкомъ. Вотъ уже два года я вижу только злыхъ.

Дельмонъ насильно поднялъ ее и посадилъ на диванъ.

— Вы странное существо, сказалъ онъ съ удивленіемъ; — я зналъ васъ молодой дѣвушкой, честной и работающей, потомъ васъ видѣлъ преданной женою человѣка, вполне достойнаго своей любви. Теперь я васъ нахожу таинственнымъ, погибшимъ зданіемъ, куртизанкой, готовой на убійство. Въ продолженіи четверти часа, что мы вмѣстѣ, вы рѣзко переходите отъ страха, вызывающей смѣлости, отъ ярости къ раскаянію и слезамъ. Вамъ жно быть, вы очень несчастны.

— О, да, отвѣчала она; — еслибъ вы знали, какъ я несчастна!

И, уткнувъ лицо въ подушку дивана, она громко зарыдала.

— Такъ скажите мнѣ ваше горе! воскликнулъ съ жаждою Дельмонъ: — вы видите, я вамъ не врагъ. Вы хотѣли меня убить. Мнѣ стоило только сказать слово — и васъ-бы арестовали. Но

этого не сдѣлалъ. Я полагаю, что большая часть зла и преступленій происходитъ отъ несчастія или болѣзненнаго разстройства. Будьте со мною искренны и откровенны. Клянусь, что вы въ этомъ не раскаетесь. Преступница-ли вы или жертва—мнѣ все равно. Я протягиваю вамъ руку и готовъ васъ спасти, если это еще возможно. Представьте себѣ, что я вашъ отецъ... или, лучше, старшій братъ, такъ-какъ отцу нельзя много сказать. Я могу все выслушать и все понять лучше патера на исповѣди, потому что я самъ много перенесъ и выстрадалъ въ жизни.

Франсина подняла голову, отерла свои глаза и въ первый разъ посмотрѣла прямо на Дельмона.

— Да, сказала она взволнованнымъ голосомъ,—я вамъ вѣрю. Вы говорите и дѣйствуете какъ хорошій человѣкъ. Вы знаете, что я преступное созданіе, и вы не отворачиваетесь отъ меня. Да, я вамъ скажу все. Это облегчитъ мое горе, которое давно тяготитъ мое сердце. Наконецъ, еслибъ я и хотѣла молчать, то вы ужъ слишкомъ много знаете. Но я вамъ все скажу, только подъ однимъ условіемъ, прибавила она послѣ минутнаго колебанія.

— Подъ какими?

— Дайте мнѣ честное слово, поклянитесь всеи для васъ святымъ, что абать Клодіонъ никогда не узнаетъ о нашемъ разговорѣ.

— Такъ вы его любите? спросилъ Дельмонъ, не скрывая своего удивленія.

— Я! воскликнула Франсина и въ ея голосѣ звучали ненависть и отвращеніе.

„Какая драма разыгрывается въ сердцѣ этой женщины?“ подумалъ Дельмонъ, смотря на подвижное лицо Франсины.

— Вы колеблетесь, продолжала она, не понимая настоящей причины его молчанія.—Въ такомъ случаѣ я не скажу ни слова. Вы можете меня убить, но вы ничего отъ меня не узнаете, прибавила она съ грустной улыбкой.

— Франсина, клянусь вамъ, какъ честный человѣкъ, что никогда абать Клодіонъ не узнаетъ о нашемъ разговорѣ. Только я буду имѣть право воспользоваться тѣми свѣденіями, которыя вы мнѣ дадите?

— Мнѣ все равно. Но если вы надѣетесь получить ору-

діе противъ абата, то вы ошибаетесь. Вы ничего съ нимъ не сдѣлаете.

— Предоставьте это мнѣ. Если вы ненавидите абата, который держитъ васъ въ своихъ рукахъ, я не знаю, по какой причинѣ, то не бойтесь дать мнѣ средство заставить и его дрожать въ свою очередь.

Франсина пожала плечами.

— Хорошо, отвѣчала она, — я вамъ скажу все, какъ на исповѣди. Но если вы меня обманете и измѣните вашему слову, то берегитесь. Я только-что дала маху и не убила васъ потому, что предалась безумной вспышкѣ, какъ иногда со мною случается. Но въ тотъ день, когда я окончательно потеряю надежду, которой я до сихъ поръ живу, я сумѣю отомстить за себя.

Глаза ея снова метали молніи.

— Если я не сдержу своего слова, то вы можете сдѣлать со мною все, что хотите, отвѣчалъ Жоржъ.

Франсина задумалась. Лицо ея еще разъ приняло новое выраженіе и она начала свою исповѣдь нѣжнымъ, грустнымъ голосомъ:

— Какъ вы только-что сказали, я вышла замужъ за Люи Дюрана въ 1866 году. Я была почти круглой сиротой, потому что мать моя умерла, а отецъ проводилъ время болѣе въ кабакѣ, чѣмъ дома. Какой славный, честный человекъ былъ бѣдный Люи! Хорошій работникъ и добрый мужъ. Мы были очень счастливы. Онъ много работалъ, и я также помогала ему для поддержанія нашего маленькаго хозяйства. Все шло хорошо до войны 1870 года. Я тогда была беременна. Тяжело было жить рабочему люду во время осады Парижа. Получая вмѣстѣ съ мужемъ 2¹/₄ франка въ день, мы не могли быть всегда сытыми. Но мы голодали для торжества республики, какъ говорилъ бѣдный Люи, и мы не жаловались. Иногда мнѣ бывало очень холодно на нашемъ чердакѣ; лежа на голомъ полу безъ соломы, я вспоминала еще, что мой мужъ стоялъ на аванпостѣхъ по колѣни въ снѣгу, и мнѣ было вдвое холоднѣе... За то когда онъ возвращался домой съ своего дежурства, нашему блаженству не было конца. Меня особенно беспокоила моя беременность. Я боялась, что не буду имѣть силы родить, — такъ я исхудала отъ голода. Мой бѣдный Дюранъ также сильно тревожился, видя, какъ я была блѣд-

на и слаба. Однакожь, я благополучно родила въ день заключенія перемирія. Меня сводила съума мысль, что я не буду имѣть достаточно молока для ребенка. Но въ это время подвезли въ городъ провизію, я набралась силъ и могла кормить малютку. Это былъ мальчикъ и его звали Люи.

— Какъ вы странно говорите, Франсина! замѣтилъ Жоржъ:— развѣ онъ умеръ?

— Нѣтъ, къ сожалѣнію, нѣтъ.

Дельмонъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Вы сожалѣете, что онъ живъ?

— Да, бываютъ минуты, что я сожалѣю, что онъ не умеръ. Я тогда не была-бы такимъ презрѣннымъ созданіемъ, какъ теперь, сказала Франсина дикимъ голосомъ и грозя кулакомъ своимъ невидимымъ врагамъ.—Но я продолжаю. Я кормила ребенка и онъ былъ здоровъ. Но вотъ Парижъ возсталъ. Люи Дюранъ былъ назначенъ командиромъ своей роты. Снова началась борьба, еще страшнѣе, чѣмъ во время осады. Только въ припасахъ не было недостатка, и я не боялась потерять молоко отъ недостатка пищи. Но за то мнѣ было страшно за моего бѣднаго Люи. Еслибъ я еще могла слѣдовать за нимъ въ огонь, какъ другія жены, мнѣ было-бы легче. Но это было невозможно съ ребенкомъ и я должна была сидѣть дома. Вы знаете, что Дюранъ былъ храбрый, мужественный человекъ. Онъ вездѣ былъ первымъ, какъ въ работѣ, такъ и въ битвѣ. Онъ бросался всегда туда, гдѣ было всего опаснѣе. Въ нашемъ кварталѣ уже было много вдовъ и сиротъ, оглашавшихъ воздухъ своими воплями и криками о мести. „Завтра наступитъ моя очередь“, думала я всякій день, цѣлуя своего ребенка. Но иногда онъ мнѣ становился противнымъ при мысли, что еслибъ его не было, то я сражалась-бы рядомъ съ мужемъ и могла-бы защитить его въ случаѣ опасности, ухаживать за нимъ, еслибъ онъ былъ раненъ, и отомстить за него, еслибъ онъ былъ убитъ. Дѣла шли дурно. Но насъ успокоивали: говорили намъ о братствѣ, солидарности и прочее. Все это были пустякъ слова. Однажды вечеромъ я пошла въ клубъ и одинъ ораторъ говорилъ: „Солдаты—наши братья; войдя въ Парижъ, они побратаются съ нами“. Да, такъ они съ нами и побратались!

Франсина умолкла; она встала и дико заскрежетала зубами.

— Да, я знаю, сказалъ Дельмонъ.

— Наконецъ, версальцы вошли въ Парижъ, и пошла расправа. Дюранъ пропалъ. Гдѣ онъ былъ? Что онъ дѣлалъ? — я ничего не знала. Я бродила, какъ съумасшедшая, по улицамъ, стараясь узнать что-нибудь о немъ. Много было тогда насъ, женщинъ искавшихъ среди мертвецовъ кто мужа, кто сына, кто брата, кто отца, кто возлюбленнаго!.. Притомъ ребенокъ мнѣ былъ почти мѣхой. Я ничего не могла узнать. Солдаты взяли нашъ кварталъ послѣ битвы. Они наполнили нашъ домъ, въ которомъ жили одни рабочіе. Многихъ мужчинъ разстрѣляли; женщинъ и дѣтей схватили. Кто сопротивлялся, того приваливали штыкомъ. Увидѣвъ это, я замолчала. Я хотѣла спасти ребенка и узнать, живъ ли мой мужъ. О, ради ребенка и мужа можно сдѣлать много на что не рѣшилась-бы для самой себя. Меня взяли вмѣстѣ съ другими. Насъ была цѣлая толпа несчастныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, покрытыхъ грязью, лохмотьями, ранами... Это было страшное зрѣлище. Я думала объ одномъ: „только-бы и локо у меня не пропало!“ Я взяла съ собою ребенка и спрятавъ его на груди въ складкахъ шали. Насъ повели по улицамъ Парижа и по большимъ дорогамъ въ Версаль. Мы шли по солдаты съ обнаженной головой, съ пустымъ желудкомъ. Зѣваки оскорбляли насъ. Наконецъ, я не могла идти далѣе отъ изнеможения. „Ну, шевелись, пеструха!“ кричали на меня со всѣхъ сторонъ потому что у меня волосы рыжіе. Одинъ молодой франтъ, увидѣвъ меня, воскликнулъ: „Смотрите, эта подлячка надѣла краснаго флага на голову“. И толпа смѣялась. Какая-то женщина шелковымъ платьемъ бросилась на меня, вырвала изъ моей груди клочокъ волосъ и воскликнула: „Каналья, петролейщица!“ Вдругъ въ суматохѣ, шаль моя распахнулась и ребенокъ высунулся съ плачущою рожицею. Я думала, что его пожалѣютъ... Какъ-бы такъ! „Тоже тащить своего щенка, сказалъ кто-то; — надо убить это мятежное сѣмя!“ Я крѣпко прижимала его къ груди. Мучили жажда и голодъ, но я не могла кормить его при всѣхъ мученіяхъ. Надо мной смѣялись-бы. Я также умирала отъ жажды.

Въ послѣднія минуты Франсина говорила глухимъ, хриплымъ стрывочнымъ голосомъ. Глаза ея дико блуждали.

— Остановитесь на минуту, сказалъ нѣжно Дельмонъ. — Вос...

минанія слишкомъ волнуютъ васъ. Я знаю всё эти ужасныя подробности. Отдохните немного.

Франсина упала на диванъ, бормоча какія-то невнятные слова, но страшное выраженіе ея глазъ и лица придавало ясный, грозный смыслъ этимъ неопредѣленнымъ звукамъ.

Черезъ нѣсколько минутъ она поднялась, взяла со стола стаканъ воды и выпила его залпомъ. Потомъ, обратясь къ Дельмону, она сказала:

— Теперь я могу продолжать.

ГЛАВА ЛІІ.

Конецъ исторіи Франсины.

— Мы прибыли въ Версаль, продолжала молодая женщина;— все та-же толпа, тѣ-же оскорбленія. Въ насъ бросали грязью. Только мы были болѣе утомлены, чѣмъ въ Парижѣ, и казались безумными. Наконецъ, насъ заперли въ какія-то конюшни. Воздухъ тамъ былъ зараженъ миазмами. Мы размѣстились въ повалку среди грязи. Голова у меня кружилась, словно я была пьяна. Воды не было ни капли... а насъ всёхъ мучила жажда. У нѣкоторыхъ губы почернѣли и растрескались. Мы едва не высовывали языка, какъ собаки. При первой возможности я сказала себѣ: „наконецъ-то малютку можно покормить“, и хотѣла дать ему груди. О, ужасъ! молока у меня не было. Оно пропало отъ усталости, волненія и отчаянія. Бѣдный ребенокъ сосалъ изо всёхъ силъ. Все было тщетно, я кричала отъ боли. Только нѣсколько капель крови можно было выжать изъ моихъ засохшихъ грудей. Ребенокъ плакалъ. Мнѣ приходила въ голову дикая мысль размовжить ему голову о стѣну и потомъ убить себя. Вокругъ шумъ и суматоха были неописанныя. Тутъ скучены были сотни женщинъ. Однѣ плакали, другія пѣли пѣсни, сойдя съума отъ горя, третья валялись на землѣ, оглашая воздухъ проклятіями. Дѣти всёхъ возрастовъ ревѣли отъ голода. Это былъ адъ! Я уже ничего не понимала, ничего не сознавала. Я ужасно страдала. Ребенокъ просилъ молока, а у меня его не было. Умъ у меня при-тупѣлъ и я впала въ какое-то страшное забытѣе.

Франсина тяжело перевела дыхание и продолжала свой иррациональный рассказ:

— Вдруг меня кто-то толкнулъ. Я обернулась. Рядом со мною была женщина лѣтъ тридцати. Она кормила грудью своего ребенка. „У меня есть молоко, хотя его немного, сказала она;— все же могу подѣлиться. Дайте сюда вашего малютку!“ Вы можете себѣ представить, какъ я была счастлива. Ребенокъ этой женщины, уже сытый, заснулъ, а мой бѣдняжка, такъ и впился въ ея грудь. Я плакала отъ благодарности. Это меня успокоило. Наступила ночь. Страшно вспомнить ее! Потомъ разсвѣло. Двѣ женщины у насъ умерли. Одна изъ нихъ задушила себя подвязкой. Это была молодая дѣвушка, невѣста, одна изъ моихъ сосѣдокъ въ Парижѣ. „Какія онѣ счастливицы!“ говорили всѣ. Ихъ мертвые тѣла унесли только черезъ три дня. Не было времени раньше. Постоянно приводили новыхъ арестантовъ. Наконецъ, насъ начали распредѣлять по классамъ. Офицеры спрашивали наши имена. Вдругъ молодая женщина, которая кормила моего ребенка, бросилась, какъ тигрица, на вошедшаго солдата. „Убійца! во имя божье!“ кликнула она, впиваясь ногтями въ его лицо;—отдай мнѣ мужа! На ея глазахъ разстрѣляли ея мужа. Она узнала въ этомъ солдатѣ одного изъ стрѣлявшихъ и обезумѣла отъ отчаянія. Она грубо оттолкнулъ ее. Она упала и, схвативъ его за колѣни, стала грызть ему ноги. Онъ оттолкнулъ ее ногою. На другое утро груди вспухли и стали какъ полѣнья. Ее увели въ лазаретъ вместе съ ребенкомъ. Снова у моего малютки не стало молока. Сама была совершенно больна. Меня трясла лихорадка, я бредила и не могла стоять на ногахъ. Въ это время къ намъ приходило нѣсколько патеровъ, которые читали намъ мораль. Они обѣщали смягчить судьбу тѣхъ, которые раскаятся и очистятъ свою душу чистойсердечной исповѣдью. Только три или четыре изъ насъ покинулись набожными и стали молиться. Ихъ тотчасъ увели въ комнату, и, вѣроятно, ихъ положеніе улучшилось. Одинъ изъ патеровъ появился передо мною. Онъ заговорилъ со мной, но я его не слушала. Въ моихъ ушахъ раздавались только вопли моего бѣднаго ребенка, который такъ исхудалъ, что можно было видѣть пламя свѣчки сквозь его тѣло. „Вашъ ребенокъ умретъ, сказалъ мнѣ абать:— вы дурная мать!“ Я—дурная мать! Я хотѣла привстать и отвѣтить ему, но не могла.

Въ глазахъ у меня потемнѣло... Я не помню, что потомъ произошло. Онъ обѣщаль, что ребенокъ останется живъ, если я его отдамъ ему... Онъ взялъ его или ему отдали ребенка... Я чувствовала, что иначе бѣдняжка умретъ... Болѣе я ничего не помню. Когда я очнулась, то лежала въ лазаретѣ. Я была уже тамъ шесть недѣль. Я стала требовать моего ребенка. Мнѣ отвѣчали, что когда меня принесли въ лазаретъ, у меня не было никакого ребенка. Тогда я вспомнила о патерѣ и спросила его имя. Мнѣ отвѣчали, что приходило много патеровъ и что никто не зналъ ихъ именъ. Всѣ сторожа, смотрители и офицеры перемѣнились уже нѣсколько разъ и никто не могъ мнѣ дать никакихъ свѣденій. Я спросила, наконецъ, о Дюранѣ. Отъ меня всѣ отвернулись. Я снова впала въ бредъ. Но я не умерла. Съ теченіемъ времени я выздоровѣла, меня перевели въ тюрьму, подвергли слѣдственному допросу и освободили. Такимъ образомъ черезъ шесть мѣсяцевъ я очутилась на улицѣ, безъ мужа, безъ ребенка, несчастная, убитая, безъ средствъ къ жизни.

— Бѣдная женщина, сказала Дельмонъ.

— Да, бѣдная. И, однакожь, это было еще не все. Мнѣ суждено было испытать еще худшее.

— Что еще?

— Мое паденіе! воскликнула Франсина съ ожесточеніемъ. — Вы знаете, что я теперь низкое, презрѣнное существо!

— Вы — несчастная жертва, Франсина. Не презирайте себя. Это лишаетъ человѣка силъ къ борбѣ. Никогда не поздно опомниться.

— Я не хочу и не могу, глухо произнесла она; — у меня есть цѣль въ жизни и ничто не помѣшаетъ мнѣ достигнуть ея.

— Какая у васъ цѣль, Франсина?

Молодая женщина съ минуту молчала, потомъ провела рукою по лбу и спросила:

— На чемъ я остановилась?

— На вашемъ выходѣ изъ тюрьмы.

— Да. Я очутилась одна на улицѣ. Я прямо побѣжала къ намъ въ домъ. Хозяинъ продалъ всѣ наши вещи въ уплату долга за квартиру. Все исчезло. Хорошо! Я стала спрашивать о Дюранѣ. Его никто не видалъ. Послѣ долгихъ розысковъ въ

нашемъ кварталѣ я, наконецъ, узнала, что его тѣло, пронзенное штыками, нашли за одной изъ барикадъ.

Голосъ Франсины задрожалъ.

— Я этого ожидала, продолжала она; — еслибъ онъ былъ живъ, то такъ или иначе, но даль-бы мнѣ знать о себѣ. Это извѣстiе убило-бы меня полгода тому назадъ, но ко всему привыкаешь... У меня остался ребенокъ. Но былъ-ли онъ живъ или умеръ? Я спрашивала объ этомъ у всѣхъ. Но всѣ меня гнали. Я была, какъ прокаженная. Однако, надо было жить, ѣсть и работать, если я желала найти ребенка. Прежде всего я обратилась въ типографію, гдѣ работалъ прежде Дюранъ, но меня не приняли. Въ первые два дня послѣ моего освобожденія я спала подъ мостами и питалась кускомъ сухого хлѣба. Что мнѣ было дѣлать? Машинально я вошла въ какую-то церковь. Меня все преслѣдовала мысль найти версальскаго патера. Вдругъ я услышала за собою шаги. Я обернулась и узнала патера, взявшаго моего ребенка. Онъ слѣдилъ за мною. Это былъ абатъ Клодіонъ. Я бросилась къ нему и просила отдать мнѣ ребенка. Въ церкви никого не было. Онъ сначала притворился, что меня не понимаетъ, но потомъ объяснилъ, что мой ребенокъ живъ, что я его увижу и что теперь онъ въ провинціи у честныхъ поселянъ. Я хотѣла тотчасъ отправиться за моимъ дѣтищемъ. Но онъ меня остановилъ, говоря, что мнѣ понадобятся деньги для путешествія и прокормленія ребенка въ Парижѣ. Потомъ онъ оторвалъ листокъ изъ своей памятной книжки и написалъ нѣсколько словъ карандашемъ, рекомендуя меня набожной дамѣ, которая могла дать мнѣ работу. Я отправилась по адресу. Эта дама приняла меня очень любезно, дала мнѣ впередъ денегъ для найма комнаты и достала мнѣ работу. Я не люблю патеровъ, но абатъ Клодіонъ меня тронулъ. Я очень ослабѣла отъ долгихъ лишеній, болѣзни и отчаянія. Всякая сила воли во мнѣ исчезла. Такъ хорошо встрѣтить иногда человѣка, который не дѣлаетъ вамъ зла. Я думала, что въ каждой средѣ есть хорошіе люди и что, быть можетъ, это образцовый патерь. Къ тому-же у меня не было никого, къ кому обратиться за помощью и совѣтомъ. Впродолженіи мѣсяца онъ кормилъ меня общаніями. Мы видались въ маленькой церкви, гдѣ онъ исповѣдовалъ. Я также какъ-будто приходила для исповѣди, но это было только для формы, такъ-какъ

иначе наши длинные разговоры могли скомпрометировать его. Онъ никогда не приходилъ ко мнѣ и я не ходила къ нему. Онъ заставилъ меня поклясться, что я никому не скажу о его покровительствѣ. Онъ увѣрялъ, что это могло повредить ему въ глазахъ начальства. Я вѣрила ему. Онъ могъ отдать мнѣ ребенка и досталъ мнѣ работу. Я питала къ нему благодарность. Но мало-по-малу его цѣли выяснились... Я ему понравилась въ Версали и онъ тогда-же составилъ планъ, какъ мною овладѣть. Онъ любить ржижхъ!.. Я жаждала получить обратно моего ребенка... Онъ одинъ могъ его возвратить мнѣ... Онъ назначилъ цѣну, какую вы знаете... Я заплатила, а онъ меня обманулъ.

— Вашъ ребенокъ...

— Я даже не знаю, гдѣ онъ.

— Вамъ надо было обратиться къ защитѣ правосудія, воскликнулъ Дельмонъ.

Франсина дико захохотала.

— Правосудіе не защититъ меня, арестантку, вышедшую изъ версальской тюрьмы, вдову убитаго на барикадѣ. Трудно судиться съ патеромъ! Вамъ хорошо, вы господинъ. Вы пойдете въ судъ и вашу жалобу выслушаютъ. У васъ есть деньги и время; у васъ друзья, родственники, покровители. Вы можете прибѣгнуть къ гласности. Наконецъ, вы мужчина. Какъ могла я жаловаться на абата? Что-жь мнѣ было сказать? Что онъ взялъ моего ребенка и мнѣ не отдаетъ? Онъ не признался-бы. У меня не было свидѣтелей. Развѣ мнѣ повѣрили-бы скорѣе, чѣмъ ему? Меня выгнали-бы, вотъ и все. А если-бы я стала настаивать, то меня еще засудили бы за клевету, оскорбленіе или тамъ за что-нибудь другое. Къ тому-же Клодіонъ угрожалъ запереть меня въ Сен-Лазаръ. Это дѣлается очень легко. Вы не знаете подобныхъ продѣлокъ, а я знаю. У меня была подруга въ такомъ-же положеніи. Она была бѣдная сирота и не хотѣла согласиться на позорныя предложенія одного богача. Онъ донесъ на нее и ее заперли въ Сен-Лазаръ, гдѣ содержатся проститутки. Она тамъ оставалась три мѣсяца... Теперь она ходитъ по улицамъ.

— Да, сказалъ Дельмонъ, — вы правы. Мы не думаемъ объ этомъ.

— Вотъ почему я поддалась абату, произнесла Франсина съ

своимъ прежнимъ дикимъ хохотомъ, отъ котораго морозъ пробѣгалъ по кожѣ.

ГЛАВА LIII.

ЖОРЖЪ УЗНАЕТЪ НЕ ТО, ЧЕГО ОЖИДАЛЪ.

— Почему онъ вамъ не отдалъ ребенка, когда добился своего? спросилъ Дельмонъ.

Франсина пожала плечами.

— Онъ знаетъ, что я его ненавижу и, получивъ сына, убѣгу отъ него, отвѣчала она. — Онъ держитъ меня въ рукахъ своими вѣчными обѣщаніями. Я все надѣюсь, жду и ползаю передъ нимъ.

— Вы не знаете даже, гдѣ ребенокъ?

— Нѣтъ, не знаю. Но рано или поздно, онъ долженъ же сказать. Нѣсколько разъ, въ минуту пламенной страсти, онъ, казалось, смягчался, и я была увѣрена, что сейчасъ достигну своей цѣли. Но вѣтъ, онъ слишкомъ владѣетъ собою. Однако, я вѣчно на-сторожѣ, я слѣжу за нимъ, какъ кошка за мышью. О! я поставлю на своемъ. Вы понимаете, я хочу имѣть своего сына, онъ мнѣ необходимъ. Я не желаю, чтобъ онъ былъ воспитанъ имъ. Клодионъ научитъ его ненавидѣть своего отца и презирать свою мать. Я хочу сама воспитать своего сына такъ, чтобъ онъ отомстилъ за насъ обоихъ. Конечно, онъ будетъ питать ко мнѣ презрѣніе, но это мнѣ все равно, если только мнѣ удастся влить въ его жилы всю мою ненависть.

Франсина была страшна въ эту минуту, точно древняя Мемида. Ея свѣтлыя глаза какъ-бы увеличились и расширялись зрачки отражали внутренней огонь, пожиравшей ее. Длинные шелковистые волосы ея, на которыхъ игралъ лучъ солнца, походили на расплавленное золото. Ея слабое, нервное тѣло лихорадочно дрожало. Ея бѣлыя зубы скрежетали.

— Вотъ почему я скрываю мое имя и не хочу, чтобъ меня называли Франсиной Дюранъ. Я недостойна носить это имя съ тѣхъ поръ, какъ я стала преступнымъ существомъ.

Франсина снова упала на диванъ и закрыла лицо руками. Дельмонъ подошелъ къ ней и отдернулъ ея руки.

— Успокойтесь, Франсина, сказалъ онъ, — вы страдали болѣе меня, что я полагалъ невозможнымъ, но вы не низкое существо и напрасно презираете себя. Посмотрите, я васъ не презираю.

— Правда? воскликнула молодая женщина, устремивъ на него смятенный взглядъ, и щеки ея зардѣлись. — Правда, вы меня не презираете?

— Нѣтъ, честное слово.

— Благодарю васъ, благодарю. Вы правы. Мнѣ иногда кажется, что еслибъ Дюранъ воскресъ, онъ простилъ-бы меня, пожалѣлъ и сталъ-бы любить по-прежнему, потому что я связала-бы ему: „Если я и продала себя, то сдѣлала это для тебя. Я хочу, чтобъ твой сынъ чтить твою память. Я хочу, чтобъ позоръ его матери наполнилъ его сердце ненавистью къ тѣмъ, которые превратили твою жену, твою обожаемую Франсину въ... падшее созданіе“.

— Однако, Франсина, развѣ нѣтъ другого способа получить обратно вашего ребенка? Развѣ нельзя заставить абата открыть тайное убожище вашего сына?

— Нѣтъ, отвѣчала она мрачно, — я искала, но не могла найти способа вырвать отъ него тайну. Если я брошу его, онъ запретъ меня въ Сен-Лазаръ, какъ онъ часто мнѣ угрожалъ, или уничтожить моего бѣднаго Люи.

— Развѣ онъ на это способенъ?

— Онъ на все способенъ.

Дельмонъ задумался.

— И вы не знаете, спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія, — ничего въ его жизни, никакой тайны, которою можно было-бы воспользоваться въ видѣ угрозы противъ него? Никогда у него не вырвалось какого-нибудь неосторожнаго слова?

— Никогда. Я знаю только, что онъ побочный сынъ и что сдѣлался патеромъ не по призванію, а по необходимости, чтобы избѣгнуть нищеты и добиться такого положенія въ свѣтѣ, которое дало-бы ему возможность отомстить тѣмъ, кого онъ ненавидитъ.

— Кому именно?

— Не знаю.

— Онъ никогда не говорилъ вамъ о семьѣ Дельмонъ... о прощесѣ...

— Да, говорилъ.

— Что?

— Онъ поручилъ мнѣ слѣдить за дѣвицей Дельмонъ.

— Зачѣмъ?

— Чтобы вывѣдать, любитъ-ли она Оливье Штейнбока, сына адвоката, защищавшаго ея отца.

Дельмонъ поблѣднѣлъ и, несмотря на всѣ его усилія, голосъ его задрожалъ.

— Неужели, пробормоталъ онъ, — абать это хотѣлъ знать? И... и что-же, она его любитъ?

— Да, я ихъ накрыла, они говорили другъ другу „ты“. Она поклялась, что не выйдетъ ни за кого замужъ, кромѣ Оливье Штейнбока. Но вамъ какое дѣло? Вы ее знаете?

„Они другъ друга любятъ“, подумалъ онъ и сказалъ вслухъ:

— Вы объ этомъ передали абату?

— Конечно.

— Какъ вы согласились быть шпиономъ и выдали тайну молодой дѣвушки человѣку, который, вы сами говорите, способенъ на все?

— Я исполняю всѣ его желанія.

— Это низко! воскликнулъ Дельмонъ съ жаромъ: — вы предали молодую дѣвушку, неимѣющую отца и... покровителя. Она была добра съ вами и помогла вамъ выйти изъ вашего бѣдственнаго положенія, а вы ее не пожалѣли.

— Развѣ кто-нибудь жалѣлъ меня! воскликнула Франсина.

Дельмонъ гнѣвно махнулъ рукою и хотѣлъ продолжать свои упреки, но вдругъ умолеъ и только сказалъ:

— Правда.

Наступило молчаніе.

— Что-же сказалъ абать? спросилъ онъ снова.

— Онъ былъ доволенъ.

— Вы продолжаете исполнять роль шпиона безъ всякаго отращенія?

— Да, когда это необходимо. Я дѣлаю гораздо худшее, болѣе мнѣ ненавистное.

— Но еслибъ я сказалъ вамъ: „Я интересуюсь этимъ ребенкомъ, я зналъ ея отца, я былъ его другомъ и общалъ быть ея покровителемъ“?

Франсина не отвѣчала впродолженіи нѣсколькихъ минутъ; потомъ встала и, подойдя къ Дельмону, сказала:

— Послушайте, вотъ уже сколько лѣтъ я не слышала хорошаго слова. Вы первый обошли со мною почеловѣчески. Какъ я ни пала низко, но я все-же не потеряла чувства благодарности. Вы интересуетесь дѣвицею Дельмонъ и я не буду болѣе доносить на нее. Если абать станетъ спрашивать меня, я ему солгу.

— Благодарю васъ, Франсина, я вполне рассчитываю на васъ. Онъ взялъ ее за руку и крѣпко пожалъ.

— Вы мнѣ все сказали?

— Все.

Дельмонъ покачалъ головой, явно разочарованный. Франсина посмотрѣла на него и горько улыбнулась.

— Вы видите, что я была права, говоря, что вы не узнаете отъ меня ничего такого, что можно было-бы употребить орудіемъ противъ абата. Вы теперь знаете мою исторію и общали мнѣ свято хранить мою тайну.

— Я сдержу свое слово, но...

— Безъ но! восликинула съ жаромъ Франсина.—Я недаромъ погубила и опозорила себя. Горе вамъ, если, по вашей винѣ, я разстанусь съ абатомъ прежде, чѣмъ вырву отъ него тайну и узнаю, куда онъ спраталъ моего сына! Горе вамъ и горе дѣвицѣ Дельмонъ, которою вы такъ интересуетесь.

— Успокойтесь, Франсина, повторяю, успокойтесь. Если я воспользуюсь чѣмъ-нибудь изъ всего, что вы мнѣ сказали, то, клянусь, я не выдамъ васъ.

Франсина посмотрѣла на него подозрительно.

— Теперь скажите мнѣ, кто вы? спросила она.

— Я другъ Жоржа Дельмона и интересуюсь его семействомъ, особенно его дочерью. Не менѣе васъ я ненавижу абата Клодіона за то, что ему извѣстна тайна, которая для меня такъ-же важна, какъ для васъ адресъ вашего сына. Я американецъ; зовутъ меня донъ Рамонъ Лоренте. Вы теперь знаете, кто я. Соединимся и постараемся восторжествовать надъ абатомъ.

Но Франсина по-прежнему смотрѣла на него подозрительно и почти сожалѣла, что открыла ему свою тайну. Очевидно, она рассчитывала только на себя и боялась вступить въ союзъ съ этимъ незнакомцемъ, который могъ отдалить ее отъ достиженія

ей цѣли, столь желанной, что она жертвовала ради нея всѣмъ дорогимъ для женщинъ.

— Вы знаете, чего я добиваюсь отъ абата, а я не знаю, чего вы хотите отъ него, сказала она, наконецъ.

— Если я вамъ скажу, чего я хочу, сказалъ Дельмонъ, смотря ей прямо въ глаза, — то могу-ли я быть увѣренъ, что вы не выдадите моей тайны абату за обѣщаніе отдать вамъ ребенка?

Франсина покраснѣла, опустила голову и, послѣ минутнаго молчанія, воскликнула:

— Да, вы правы! Не говорите мнѣ вашей тайны. Я не могу отвѣчать за себя. Я способна васъ выдать. Сегодня, своимъ сожалѣніемъ и добрыми словами, вы оказали мнѣ благодѣяніе. Я не желала-бы заплатить вамъ черной неблагодарностью. Дѣйствуйте сами, я тоже не буду дремать. Вѣроятно, я дурно сдѣлала, что сказала вамъ все. Но вы меня увлекли своей добротой и я не хочу, чтобъ вы въ этомъ раскаялись.

Однако, она рѣшительно отказалась снова видѣться съ Дельмономъ.

— Абатъ узналъ-бы о нашихъ свиданіяхъ, прибавила она; — за мною слѣдятъ невидимые его агенты. Еслибъ онъ узналъ мои отношенія къ вамъ, я погибла-бы безвозвратно. Я тогда потеряла-бы всякую надежду узнать, гдѣ мой сынъ. Вотъ почему я такъ испугалась, когда вы накрыли меня во дворѣ дома абата; я тихо пошла съ вами, боясь его разбудить, и хотѣла васъ убить, когда вы грозили открыть мою тайну. Моя жизнь имѣетъ одну цѣль. Для достиженія ея я пожертвовала всѣмъ и не хочу остаться въ дуракахъ. Я слишкомъ дорого за это заплатила.

Она согласилась только написать Дельмону, если узнать, что дѣвицѣ Дельмонъ грозитъ какая-нибудь опасность.

Они разстались.

Дельмонъ былъ разочарованъ. Открытіе, отъ котораго онъ ждалъ большихъ результатовъ, оказалось ничтожнымъ и не дало ему никакого орудія въ борьбѣ съ абатомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ очень взволнованъ неожиданной вѣстью, что Жоржета любила сына Штейнбока. При другихъ обстоятельствахъ эта взаимная любовь была-бы радостью для него, но теперь она терзала его сердце, напоминая ему, въ какомъ щевотливомъ и тяжеломъ положеніи находилась Жоржета.

ГЛАВА LIV.

С О В Ъ Щ А Н І Е.

Разставшись съ Франсиной, Дельмонъ отправился прямо въ улицу Гельдеръ. Онъ хотѣлъ поскорѣе передать адвокату сдѣланное имъ открытіе и посовѣтоваться съ нимъ, нельзя-ли чѣмъ-нибудь напугать абата Клодіона и заставить его открыть тайну убійства Иполита Риккарди. По дорогѣ къ Штейнбоку онъ думалъ о Жоржетѣ, быть можетъ, болѣе, чѣмъ о себѣ. Мысль о любви дочери къ Оливье глубоко волновала его. Конечно, эта любовь была совершенно достойна Жоржеты и онъ никогда не желалъ-бы ей лучшаго мужа, чѣмъ Оливье. Но эта любовь была обставлена такими сложными и трагическими обстоятельствами, что возбуждала теперь въ немъ столько-же безпокойства и страха, сколько причинила-бы ему радости въ нормальномъ положеніи дѣлъ. Зналъ-ли Штейнбокъ о взаимной любви молодыхъ людей? Если зналъ, то почему онъ не сказалъ ему объ этомъ? Неужели онъ осуждалъ эту любовь? Увы, это было очень вѣроятно. Дружба, какъ все другое на свѣтѣ, имѣетъ границы. Какъ-бы адвокатъ друженъ ни былъ съ нимъ, живимъ мертвецомъ, опозореннымъ смертнымъ приговоромъ, онъ долженъ былъ любить болѣе своего единственнаго сына. Какой отецъ согласился-бы добровольно женить своего сына на молодой дѣвушкѣ, имя которой было соединено съ уголовнымъ процесомъ? Конечно, она сама была невинна и вполнѣ заслуживала уваженія и любви всѣхъ честныхъ людей. Даже онъ, ея отецъ, былъ невиновенъ, и Штейнбокъ зналъ это лучше всѣхъ. Но все это были философскія разсужденія и возвышенныя идеи; общество-же такъ крѣпко держится за свои предрасудки. Легко осуждать эти предрасудки и бороться съ ними въ теоріи, но когда дѣло дойдетъ до практики, иногда самые ярые ихъ противники низко преклоняются передъ ними. Штейнбокъ, вѣроятно, мечталъ о блестящемъ бракѣ для своего сына. Жоржета могла быть хорошей партіей только для человѣка, который поставилъ-бы состраданіе къ невинной молодой дѣвушкѣ, несправедливо страдающей, выше всѣхъ свѣтскихъ предрасудковъ, который искалъ-бы въ своей невѣстѣ не удовле-

творенія личнаго самолюбія и матеріальныхъ интересовъ, но счастья своего сына, мыслимаго лишь въ томъ случаѣ, когда жена — женщина съ сердцемъ, любящая и преданная. Былъ-ли Штейнбокъ такимъ человѣкомъ, выходящимъ изъ общаго уровня?

— Бѣдная Жоржета, повторялъ Дельмонъ про себя: — она любить!

И онъ, столько любившій, столько выстрадавшій отъ обманутой любви, съ ужасомъ думалъ, что эта невинная, героическая молодая дѣвушка, его собственная дочь, такъ много перенесшая горя изъ любви къ отцу, теперь, вѣроятно, встрѣтитъ новыя мученія отъ другой любви, которая должна была-бы служить наградою и утѣшеніемъ за ея благородную энергію и терпѣливую покорность въ перенесеніи незаслуженныхъ страданій.

„О! думалъ онъ, пылая злобой,—мнѣ необходимо возстановить мое доброе имя, не для меня, но для Жоржеты. Я долженъ доказать публично свою невинность и, взявъ Жоржету за руку, подвести къ Штейнбоку съ словами: „Вотъ дочь Жоржа Дельмона, честнаго человѣка, уважаемаго всѣми; она любитъ Оливье и онъ ее любитъ“. Необходимо, чтобъ Штейнбокъ могъ сказать мнѣ при всѣхъ и безъ задней мысли: „Сдѣлайте мнѣ честь породниться со мною“.

Волнуемый такими чувствами и мыслями, Дельмонъ вошелъ въ домъ адвоката, который принялъ его, какъ всегда, самымъ дружескимъ образомъ.

Жоржъ рассказалъ ему со всѣми подробностями, какъ онъ провелъ ночь, какъ проникъ за Франсиной во внутренній дворикъ дома, гдѣ жилъ абать, какъ онъ открылъ его тайну и добился чистосердечной исповѣди молодой женщины.

Адвокатъ выслушалъ рассказъ своего друга съ большимъ удивленіемъ и глубокимъ вниманіемъ. Конечно, Жоржъ промолчалъ о любви Жоржеты къ Оливье и только упомянулъ, что абать поручилъ Франсинѣ слѣдить за молодой дѣвушкой и доносить ему обо всемъ, замѣченномъ ею.

Когда онъ умолкъ, Штейнбокъ не произнесъ ни слова, а сталъ задумчиво ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Дельмонъ не спускалъ съ него глазъ, стараясь прочесть на подвижномъ, умномъ лицѣ знаменитаго адвоката, видитъ-ли онъ возможность успѣшно воспользоваться сдѣланнымъ открытіемъ.

— Все это очень важно, сказалъ онъ, вдругъ останавливаясь
едь Жоржемъ, — но...

И онъ сомнительно покачалъ головой.

— Но? повторилъ Дельмонъ.

— Я не вижу, какую пользу мы можемъ изъ этого извлечь.
Естественно, легко поставить свидѣтелей, накрыть абата, угрожать
скандаломъ... Положимъ, это — грязно, но въ вашемъ исклю-
чительнономъ положеніи вы не можете выбирать средствъ для
этого.

— Нѣтъ, Франсина на это не согласится, а я поклялся не
прометировать ее.

— Эта клятва связываетъ васъ совершенно и дѣлаетъ вполне
слабымъ.

— Я не могъ поступить иначе. Во-первыхъ, безъ этой клят-
вы ничего не добился-бы отъ Франсины, а во-вторыхъ, стре-
звательно вернуть себѣ дочь, я не имѣю права отнять отъ Фран-
сины надежду найти ея сына, когда она пожертвовала этой на-
деждою, чѣмъ можетъ пожертвовать женщина.

— Конечно, эти чувства дѣлаютъ вамъ честь, какъ благород-
ство чуждому. Можетъ быть, и я на вашемъ мѣстѣ поступилъ-бы
также. Но вы теперь совершенно обезоружены.

— Если-бы мы могли отыскать ея ребенка и вернуть ей,
развязали-бы себѣ руки и нашли-бы въ ней дѣятельнаго со-
участника. Чувство благодарности...

— Не слишкомъ надѣйтесь на это. У нея ожесточенное сердце
нельзя полагаться на такую натуру, однажды сбившуюся съ
пути. Очевидно, весь центръ тяжести заключается въ ребенкѣ.
Если можно было доказать похищеніе абатомъ ребенка, легко
можно было начать уголовное дѣло и этимъ путемъ мы добились-
бы того, но если ограничиться его связью съ Франсиной, то
подлежалъ-бы лишь духовной дисциплинарной отвѣтствен-

Такъ надо искать доказательствъ уголовного преступленія.

Я буду искать. Но не думаю, чтобы мы ихъ нашли.

Отчего?

По очень простой причинѣ. Изъ самаго разсказа Франсины
видно, что она не можетъ сослаться на свидѣтеля, при ко-
мъ отдала своего ребенка абату Клодиону. Поэтому судебнымъ

порядкомъ нельзя заставить его сознаться, куда онъ дѣвалъ ребенка. Но, съ другой стороны, онъ, конечно, не оставилъ малютку у себя. Куда онъ спряталъ его? Кому онъ его довѣрилъ? Отдалъ-ли онъ его въ деревню къ кормилицѣ или просто помѣстилъ въ воспитательный домъ? Во всякомъ случаѣ, онъ, конечно, не дѣйствовалъ лично самъ и никому не открылъ настоящаго имени ребенка. Я за нимъ долго слѣдилъ и знаю, что онъ никогда не выѣзжаетъ изъ Парижа и очень рѣдко ходитъ въ гости въ немногіе дома, въ томъ числѣ къ г-жѣ Риккарди. Поэтому я увѣренъ, что мы ничего не найдемъ, но и Франсина наврядъ-ли будетъ счастливѣе насъ, хотя она обладаетъ единственнымъ орудіемъ, чтобы узнать истину. Пока она ему нравится или онъ въ ней нуждается, онъ будетъ кормить ее общаніями, а когда она ему надоѣстъ или покажется опасной, онъ не только не отдастъ ей ребенка, но надѣлаетъ еще ей много бѣды.

— Значитъ, нѣтъ никакой надежды?

— Подумайте серьезно — и вы согласитесь со мною. Единственнымъ практическимъ способомъ было-бы напугать его угрозою, обличить его распутство; быть можетъ, цѣною молчанія мы купили-бы у него раскрытіе роковой тайны. Но вы дали клятву...

— Я не могъ иначе поступить.

— Вамъ не надо было показываться Франсинѣ, не вырывать насильно у нея то, что вы называете ея исповѣдью, и прийти ко мнѣ до разговора съ нею, а не послѣ.

— Я думалъ, что ей извѣстно...

— То, чего она не знаетъ. Вы недостаточно знакомы съ патерами. Они васъ держатъ въ рукахъ, а не даются вамъ руками. Абатъ слишкомъ ловкій человѣкъ, чтобы люди, эксплуатируемые имъ, могли отгадывать его замыслы или его соврѣнные мысли. Если-бы вы не погорячились, дѣло было-бы въ нашихъ рукахъ, а теперь всѣ шансы противъ насъ.

— Я въ отчаяніи, воскликнулъ Дельмонъ; — вы совершенно правы.

— А со стороны Риккарди вы ничего не узнали?

— Ничего. Но я не теряю его изъ виду.

— Это меня не удивляетъ. Онъ не пасторъ, но итальянецъ, очень стойкій, хитрый и осторожный, несмотря на его болтливость и кажущееся добродушіе.

— Однако, онъ совершилъ преступленіе. Онъ одинъ имѣлъ интересъ убить Иполита Риккарди.

— Намъ такъ кажется. И это очень вѣроятно. Впрочемъ, можетъ быть, убійца и самъ абать.

— Онъ? для какой цѣли?

— Еслибъ я это зналъ, любезный другъ, то ваша честь была-бы давно восстановлена.

— Такъ все погибло?

— Нѣтъ. Успѣхъ иногда является въ ту минуту, когда всего болѣе отчаяваешься въ немъ. Всегда надо надѣяться на непредвидѣнные обстоятельства. Иногда ничтожный фактъ освѣщаетъ самое запутанное дѣло. Я основательно обдумалъ все, что вы мнѣ рассказали: быть можетъ, мы съ вами просмотрѣли какое-нибудь обстоятельство, которое можетъ послужить намъ орудіемъ для открытія роковой тайны. Франсина по рекомендаціи Жоржеты работаетъ на мою жену. Я буду слѣдить за нею. Въ сущности невѣроятно, чтобъ сдѣланное вами открытіе не послужило-бы ни къ чему.

ГЛАВА LV.

ДРУГОЕ СОВѢЩАНІЕ.

Легко себѣ представить, въ какомъ страшномъ волненіи находилась г-жа Риккарди послѣ сцены съ дочерью. Въ одну секунду отъ дуновенія Жоржеты рушилось величественное зданіе, которое она съ такимъ трудомъ возводила втеченіи семи лѣтъ изо лжи и лицемерія. Она уже думала, что ея тайна навѣки скрыта въ прошедшемъ, а теперь она предстала передъ нею, грозя уничтожить и погубить все ея существованіе.

Ей удалось обмануть правосудіе, что, какъ извѣстно, довольно легко, — свѣтъ, что гораздо труднѣе, и Штейнбока, умнаго, опытнаго адвоката, а теперь ребенокъ, ея собственная дочь, существо, котораго она менѣе всего могла бояться, все открыла, все поняла и могла назвать имя настоящаго убійцы. При этой мысли она дрожала всѣмъ тѣломъ, но столько-же отъ гнѣва, сколько отъ страха, и ея мстительное итальянское сердце наполнялось пламенной ненавистью. Она почти-что мечтала объ ужасномъ пре-

ступленіи, которое могло-бы спасти ее отъ опасности и отомстить за ея униженіе.

Лѣнивая, томная, эгоистичная въ нормальной жизни, г-жа Риккарди была способна на страстную, энергичную вспышку, когда дѣло шло объ ея спокойствіи и счастіи. Самое отвращеніе ея къ дѣятельности и къ борьбѣ побуждало ее предпринять что-нибудь быстрое и рѣшительное, послѣ чего она снова могла возвратиться къ своей нравственной и матеріальной лѣни. Еслибъ кто-нибудь увидалъ ее въ эту минуту, блѣдную, съ искаженнымъ лицомъ отъ дикаго гнѣва, съ сверкающими глазами и съ растрепанными волосами, то съ трудомъ узналъ-бы въ ней г-жу Риккарди, обыкновенно столь спокойную, томную и ничтожную.

При всемъ этомъ на лицѣ ея не выражалось и слѣдствіе раскаянія или сожалѣнія. Она пожертвовала своимъ мужемъ не безъ колебанія и даже нѣкотораго страданія, но она это сдѣлала для обезпеченія своего спокойствія. Впродолженіи многихъ лѣтъ она была спокойна, и если теперь о чемъ-нибудь сожалѣла, то лишь объ опасности, которой снова подвергалось это спокойствіе. Вотъ и все.

Въ своемъ тревожномъ волненіи она вспомнила абата Клодіона, знавшаго всѣ ея тайны безъ исключенія и руководившаго столько лѣтъ тѣмъ, что она называла своею совѣстью. Онъ одинъ могъ посовѣтовать ей, какъ выйти изъ такого критическаго положенія. Она рѣшилась поступить такъ, какъ онъ ей укажетъ. Ее къ этому побуждала и набожная привычка ничего не дѣлать и даже не думать безъ разрѣшенія своего духовника.

Спустя часъ послѣ разговора съ дочерью она надѣла шляпу и пальто, вышла изъ дому пѣшкомъ, наняла на улицѣ фіакръ и отправилась въ монастырь, гдѣ абать исполнялъ обязанности духовника.

Былъ именно тотъ день, въ который онъ исповѣдывалъ своихъ духовныхъ дочерей, и она была увѣрена его застать. Но, прибывъ въ часовню, она увидѣла, что онъ занятъ съ молодой исповѣдницей, совѣсть которой, вѣроятно, была очень обременена грѣхами, потому что она оставалась у абата цѣлый часъ. Г-жа Риккарди посвятила это время молитвѣ и пламенно просила небо обезпечить ей то мирное, счастливое существованіе, создала себѣ, предавъ мужа смертной казни.

Услыжавъ, наконецъ, шаги абата, она поспѣшила къ нему навстрѣчу. Часовня была совершенно пустая, такъ-какъ уже было поздно.

— О! воскликнула она, — какое страшное событіе! И какъ вы его предсказали!

— Что случилось?

— Жоржета все знаетъ! сказала она, инстинктивно понижая голосъ.

— Все! повторилъ абатъ съ удивленіемъ и безпокойствомъ; — это невозможно.

— Все, я вамъ говорю, все.

— Можетъ быть, она имѣетъ подозрѣнія?

— Нѣтъ, она вполне убѣждена и даже имѣетъ доказательства.

— Какія? объясните все подробно.

Г-жа Риккарди передала тогда абату разговоръ съ дочерью. Онъ выслушалъ ее внимательно, ни разу не перебивая; на его лицѣ, полускрытомъ въ наступившихъ сумеркахъ, нельзя было прочесть, какое впечатлѣніе производили на него ея слова.

— Сказала она объ этомъ Штейнбоку? спросилъ онъ, когда г-жа Риккарди окончила свой рассказъ.

— Нѣтъ, по крайней мѣрѣ, она меня такъ увѣрила. Пораженная страхомъ, я прежде всего спросила ее объ этомъ.

— А Оливье?

— Какъ Оливье?

— Ему она сказала?

— Конечно, нѣтъ. Впрочемъ, мнѣ не пришло въ голову спросить объ этомъ, но если она не сказала отцу, то тѣмъ болѣе...

— Можетъ быть, отвѣчалъ абатъ задумчиво.

— Не въ этомъ главная опасность, продолжала она; — я могу помышлять имъ видѣться. Нѣтъ, нѣтъ, я боюсь гораздо худшаго. Еслибъ Жоржета вздумала отомстить мнѣ и открыть всю правду моему мужу, Риккарди, который ничего не подозрѣваетъ! О! одна мысль объ этомъ сводитъ меня съума. Я лучше умерла-бы, чѣмъ дожить до такого позора.

И въ отчаяніи она схватила себя за голову обѣими руками.

— Берегитесь, отвѣчалъ абатъ, — это несчастныя слова и набожная христіанка не должна ихъ произносить. Надо покорно

принимать испытанія, ниспосылаемыя Господомъ и благословлять Его святое имя.

— Можетъ быть, но меня надо спасти, отвѣчала г-жа Риккарди съ необычайной рѣшимостью. — Вы должны меня спасти. Я на васъ рассчитываю. Къ тому-же, прибавила она, боясь, чтобы абать не бросилъ ее въ эту критическую минуту, — если я виновна, то не одна. Вы это знаете. И если я погибну, то не одна.

Абать понялъ ея угрозу, но не нашелъ нужнымъ это обвѣрнуть.

— Послушайте, сказалъ онъ, — будьте спокойны и хладнокровны. Мои совѣты были всегда вамъ благодѣтельны. Кому вы обязаны семью годами спокойствія и счастья?

— Конечно, вамъ. Я этого не отрицаю.

— Я исполнилъ свой долгъ и исполню его до конца. Вы можете всегда положиться на мою поддержку. Въ вашемъ дѣлѣ замѣшаны и наши интересы.

— Что-же мнѣ дѣлать? спросила г-жа Риккарди смягченнымъ тономъ.

— Какъ вамъ показалось, Жоржета готова употребить во зло тайну, открытую ею съ такою удивительною прозорливостью?

— Не думаю... по крайней мѣрѣ, теперь. Но кто можетъ поручиться за завтра?

Г-жа Риккарди задумалась и черезъ минуту прибавила:

— Я вспоминаю ея послѣднія слова: „событія не зависятъ отъ меня... Не мнѣ судить или миловать“.

Абать быстро поднялъ голову.

— Она это сказала?

— Да. Я теперь это отлично вспоминаю. Въ первое время я была такъ взволнована, что забыла.

— Это всего важнѣе.

— Что-же означаютъ, по-вашему, ея слова?

— Вѣроятно, кто-нибудь другой знаетъ тайну.

— Кто-же, Штейнбокъ?

— Она вамъ сказала, что онъ не знаетъ. Къ тому-же, еслибъ онъ зналъ, вы замѣтили-бы это.

— Вы правы.

— Видала-ли она кого-нибудь въ это послѣднее время?

— Нѣтъ. Она видитъ только адвоката и моихъ друзей, васъ, г. Флорестана...

Абатъ, повидимому, былъ очень встревоженъ.

— Вы ей дали, кажется, какого-то учителя? спросилъ онъ вдругъ.

— Да.

— Его рекомендовалъ Штейнбокъ?

— Да.

— Что это за человѣкъ?

— Старикъ, американецъ, никогда небывавшій во Франціи. Какое отношеніе вы видите...

— Никакого.

— Что-же вы, наконецъ, мнѣ совѣтуете?

— Спокойствіе и терпѣніе. Не выказывайте къ дочери ни злобы, ни ненависти. Будьте съ нею мягки и даже немного смиренны,—вы понимаете? Пусть она думаетъ, что вы ее боитесь. Однимъ словомъ, старайтесь тронуть ея сердце, а не возстановляйте ее противъ себя. Надо быть внимательными въ отношеніи тѣхъ, которые насъ держатъ въ рукахъ, а въ настоящую минуту мы исполнѣ зависимъ отъ нея. Главное, не говорите ей болѣе ни слова о Флорестанѣ. Она могла-бы выйти изъ себя, а вамъ надо этого избѣгать и не обращаться съ нею жестоко, а то она, защищая себя и изъ мести къ вамъ, можетъ все сказать Риккарди. Во всякомъ случаѣ, она не скоро рѣшится на обнаруженіе тайны. Вѣдь возстановляя честь своего отца, она опозоритъ мать. Вы теперь понимаете свое положеніе и какую роль вы должны играть. Въ случаѣ надобности надѣньте даже маску раскаянія и угрызения совѣсти. А я пока обдумую все серьезно и посмотрю, нельзя ли какъ-нибудь обезоружить молодую дѣвушку. Положитесь на меня, я никогда не обманывалъ вашего довѣрія.

Г-жа Риккарди поняла, чего отъ нея хотѣлъ абатъ. Хитрость и лицемеріе согласовались исполнѣ съ натурой ханжи, которая принимаетъ всевозможныя маски для торжества надъ своими врагами.

ГЛАВА LVI.

Б И Б Л И О Т Е К А .

Впродолженіи нѣсколькихъ дней послѣ встрѣчи и разговора съ Франсиной, Жоржъ Дельмонъ былъ боленъ и долженъ былъ сидѣть дома. Хотя онъ отличался замѣчательнымъ здоровьемъ и сильной натурой, но онъ, наконецъ, поддался вліянію столькихъ тревожныхъ ощущеній и мрачныхъ разочарованій.

Видѣть дочь было для него большой радостью, но влѣсть съ тѣмъ и тяжелымъ испытаніемъ. Знать, что она любитъ Оливье и чувствовать себя беспомощнымъ въ ту самую минуту, когда надо было завоевать ей счастье, это было выше силъ его. Къ тому же онъ замѣтилъ нѣчто новое, неожиданное въ обращеніи Штейнбока во время послѣдняго ихъ разговора. Всѣ возраженія адвоката были вполнѣ справедливы, но Жоржу казалось, что онъ теперь не такъ хотѣлъ, какъ прежде, раскрытія истины. Что означала эта перемѣна?

Около недѣли Дельмонъ пролежалъ въ постели. Его трясла лихорадка. Наконецъ, преодолевъ недугъ силой воли и подвываясь непреодолимому желанію видѣть Жоржету, онъ отправился въ домъ г-жи Ривкарди.

Это не былъ день урока и его не ждали. Но его посѣщеніе не было неприлично или необыкновенно. Онъ пришелъ лично объявить о своемъ выздоровленіи. Вотъ и все.

Слуга провелъ его въ гостиную и пошелъ доложить Жоржетѣ, которая, онъ думалъ, была въ своей комнатѣ.

Читатель помнитъ, что кабинетъ съ старинной библіотекой Жоржа находился рядомъ съ гостиной, и что ключъ отъ его двери находился въ рукахъ Жоржеты, пользовавшейся имъ втайнѣ отъ матери.

Не прошло и двухъ минутъ послѣ того, какъ Дельмонъ остался одинъ въ гостиной, маленькая дверь въ кабинетъ неслышно отворилась. На порогъ показалась Жоржета. Увидавъ дону Рамона, она вскрикнула отъ удивленія и бросилась къ нему, а онъ, поспѣшно вставъ, раскрылъ свои объятія, какъ-бы желая прижать ее къ своему сердцу.

Но на серединѣ комнаты Жоржета остановилась; Жоржъ опустил руки и оба взглянули другъ на друга молча.

— Вы больны, донъ Рамонъ? спросила она; — вы блѣдны. Я объ васъ очень беспокоилась.

— У меня была лихорадка, отвѣчалъ онъ съ усміемъ, — но теперь все прошло и я пріѣхалъ заявить вамъ объ этомъ. Но вы также въ это время измѣнились, прибавилъ онъ, пристально смотря на нее: — вы поблѣднѣли и похудѣли. Вы нездоровы?

— Нѣтъ, молодныя дѣвушки блѣднѣютъ и худѣютъ безъ всякой причины, замѣтила она со смѣхомъ, какъ-бы желая успокоить его напускной веселостью. — Вы не дадите мнѣ теперь урока, не правда-ли? Это васъ слишкомъ утомитъ. Вамъ надо отдохнуть. Я не хочу, чтобы вы снова занемогли. Я слишкомъ... беспокоюсь о васъ... должно быть, очень грустно лежать больному... одному, какъ вы.

„Я не былъ одинъ, у меня былъ твой портретъ, моя возлюбленная дочь“, подумалъ Дельмонъ, но произнесъ вслухъ: — Я совершенно выздоровѣлъ.

— Вы открыли мою тайну, сказала съ улыбкой Жоржета.

— Какую тайну? спросилъ съ удивленіемъ Дельмонъ.

— Это бібліотека моего отца, отвѣчала Жоржета, указывая на полуотворенную дверь въ кабинетъ. — Никто не знаетъ, что у меня ключъ, и я иногда сижу часами въ бібліотекѣ. Я чувствую себя тамъ ближе къ нему.

— А! прошепталъ Дельмонъ.

Жоржета подошла къ двери, которая вела въ переднюю, и съ неожиданной рѣшимостью сказала:

— Мы одни. Пойдемте, я хочу вамъ показать бібліотеку.

Она протянула руку. Дельмонъ сдѣлалъ то-же. Они оба **дрожали.**

Жоржета быстро повела его въ кабинетъ и затворила за собою дверь, но не совсѣмъ плотно. Дельмонъ прислонился къ стѣнѣ. **Онъ** едва стоялъ на ногахъ. Жоржета также была очень взволнована.

Дельмонъ вдругъ очутился среди своихъ старыхъ книгъ, переплеты и названія которыхъ ему были такъ хорошо знакомы. Эти вѣрные друзья живо напоминали ему прошедшее. Ему казалось, что онъ нашелъ свою семью.

Въ этомъ домѣ, который долженъ былъ принадлежать ему, все было ему ново, незнакомо. Г-жа Риккарди не удовольствовалась перемѣной квартиры послѣ смерти своего перваго мужа, а купила новую мебель и уничтожила всѣ слѣды своей прежней жизни. Поэтому Жоржу всѣ предметы въ домѣ были чужды, но эти книги, прочитанныя имъ и снабженныя замѣтками на поляхъ, воскрешали передъ нимъ его молодость.

Преодолѣвъ первое волненіе, онъ подошелъ ближе къ полкамъ и сталъ съ любовью смотрѣть на тѣ изъ книгъ, которыми онъ былъ обязанъ наибольшимъ развитіемъ. Жоржета молча слѣдила за нимъ. Наконецъ, онъ обернулся.

— И вы ихъ спасли! сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Нѣтъ, онѣ меня спасли, отвѣчала она тихо.

Дельмонъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Да, продолжала она, — я только ихъ берегла, ихъ и любила. Онѣ-же меня спасли отъ величайшаго изъ бѣдствій. Безъ нихъ я сдѣлалась-бы недостойной моего отца, не понимала-бы и не раздѣляла его убѣжденій, быть можетъ, проклинала-бы ихъ и потому не могла-бы цѣнить и уважать его, какъ онъ заслуживаетъ.

Дельмонъ подошелъ ближе къ дочери, но не могъ произнести ни слова.

— Вы иногда удивлялись, что я выражала извѣстныя чувства и мысли. Дѣйствительно, я воспитана въ католической средѣ, гдѣ всѣ эти чувства и мысли осуждаются. Но не тамъ я развивалась, а здѣсь. Всѣ эти книги я прочла, перечла и изучила. Быть можетъ, тутъ были и такія, которыхъ не слѣдовало читать молодой дѣвушкѣ, но истина никогда не можетъ повредить тому, кто ее любить и честно ищетъ. Когда-же я была смущена или взволнована чтеніемъ, я чувствовала, что любимая тѣнь наклонялась надъ моимъ плечомъ и отцовскимъ взглядомъ очищала слишкомъ обнаженную правду или уясняла слишкомъ возвышенную, непонятную моему юному уму идею. Я говорила себѣ, что книги, сдѣлавшія моего отца добрымъ, благороднымъ, гордымъ и смѣлымъ, должны были и меня, его дочь, сдѣлать доброй, благородной, гордой и смѣлой. Вотъ какъ я образовала себя, вопреки всѣмъ окружающимъ меня, не желая поразить сердце человѣка, котораго я не должна была никогда увидать, послѣдней и горчайшей измѣ-

ной—именно дозволить врагамъ украсть у него сердце и умъ его дочери... Въ этой борьбѣ, часто очень тяжелой, меня поддерживали только воспоминаніе о немъ, любовь къ нему и эти книги, его друзья, а мои учителя. Но еслибъ онъ теперь вернулся и увидалъ меня, то онъ не покраснѣлъ-бы за свою дочь. Я та, какой онъ желалъ меня сдѣлать; я его дочь, настоящая дочь Жоржа Дельмона.

Жоржъ схватилъ ея обѣ руки и крѣпко сжималъ ихъ, впинаясь въ нее глазами.

— Благодарю! сказалъ онъ едва слышно; — благодарю... за него.

Голосъ его оборвался. Двѣ крупныя слезы медленно скатились по его исхудалымъ щекамъ.

— Вы плачете! сказала она съ блестящими, также влажными глазами.

И быстрымъ, неожиданнымъ движеніемъ она подставила ему своей лобъ. Дельмонъ забылъ все на свѣтѣ, схватилъ ее обѣими руками, крѣпко прижалъ къ груди и прильнулъ пламенными губами къ ея чистому, цѣломудренному лбу.

Но въ ту-же минуту Жоржета вскрикнула, быстро оттолкнула отъ себя донна Рамона и отскочила отъ него, смотря съ ужасомъ на что-то невидное ему.

Видъ себя отъ удивленія и безпокойства, онъ поспѣшно обернулся.

ГЛАВА LVII.

Абатъ Клодіонъ держитъ свое слово.

Въ дверяхъ стоялъ абатъ Клодіонъ.

Увидавъ его, Дельмонъ закипѣлъ гнѣвомъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, но, вспомнивъ свое положеніе, онъ остановился, блѣдный, нерѣшительный; только взглядъ его выражалъ ненависть и, очевидно, его сдержанная ярость могла вспыхнуть всякую минуту. Этотъ человѣкъ, укравшій ребенка у Франсини, предававшійся тайному разврату, слѣдившій съ помощію шпіона за каждымъ шагомъ его дочери и вывѣдавшій тайну ея дѣвственнаго сердца,—этотъ человѣкъ, низко содѣйствовавшій его поги-

бели, несмотря на то, что зналъ его невинность, и вмѣстѣ съ его женой и Риккарди отнявшій у него все: честь, уваженіе свѣта, семейное счастье и ласки дочери, — этотъ человекъ возбуждалъ въ Жоржѣ такое отвращеніе, что онъ сдерживалъ себя съ неимоверными усиліями.

Абатъ холодно и спокойно вынесъ его взглядъ; ни одинъ мускулъ его лица не выразилъ смущенія, а его суровые, пронизательные глаза пристально осматривали Дельмона съ головы до ногъ. Этотъ обзоръ, однако, продолжался недолго. Черезъ минуту онъ отвернулся и, обращаясь къ Жоржетѣ, сказалъ, какъ-будто ни въ чемъ не бывало:

— Я думалъ, что найду здѣсь г-жу Риккарди.

— Она, вѣроятно, въ своей комнатѣ, отвѣчала молодая дѣвушка съ поблѣднѣвшими губами и дрожащимъ голосомъ.

— Благодарю васъ; извините, что я васъ беспокоилъ.

Произнеся эти слова, абатъ смиренно поклонился Жоржетѣ и Дельмону и удалился изъ комнаты.

Какъ только онъ вышелъ, Жоржета воскликнула:

— Уйдемте отсюда. Я въ отчаяніи, что этотъ человекъ засталъ меня съ вами.

Они перешли въ гостиную. Жоржета заперла за собою дверь изъ библіотеки и спрятала ключъ въ карманъ.

Она была взволнована и озабочена, нервы ея были натянуты. Ее безпокоила мысль, видѣлъ-ли абатъ поцѣлуй Жоржа Дельмона и слышалъ-ли ихъ разговоръ. Она не хотѣла громко высказать этого, но Жоржъ Дельмонъ вполне понималъ, что ее тревожило.

— Вы боитесь, что абатъ Клодіонъ насъ подслушалъ? спросилъ онъ, но не посмѣлъ прибавить: „Вы боитесь, что онъ видѣлъ, какъ я васъ поцѣловалъ“.

Какъ сожалѣлъ онъ теперь свою неосторожную выходку, вызванную неожиданнымъ движеніемъ Жоржеты!

— Надѣюсь, что нѣтъ, отвѣчала она; — впрочемъ, я не стыжусь своихъ словъ и готова повторить ихъ при всѣхъ.

Она смѣло подняла голову и легкая морщина надъ ея тонкими бровями обнаруживала волю.

— Остерегайтесь этого человека, воскликнулъ съ жаромъ Жоржъ, желая предупредить ее объ опасности, но не считая себя вправѣ связать, что за нею слѣдять шпионы.

— Я всегда его остерегалась.

— И хорошо дѣлали. Я его не знаю, но онъ на взглядъ холодный лицемеръ. Я увѣренъ, что онъ не любитъ васъ... что онъ вашъ врагъ.

— Я это знаю, отвѣчала Жоржета, — но не стоитъ беспокоиться о немъ. Я не боюсь ни его, ни кого другого. Онъ знаетъ мои чувства къ нему, также какъ и мнѣ известно, какъ онъ относится ко мнѣ.

Въ эту минуту дверь въ гостиную изъ внутреннихъ комнатъ отворилась и вошла г-жа Ривкарди въ сопровожденіи абата Клодіона. Она сдѣлала нѣсколько шаговъ и остановилась посрединѣ комнаты; глаза ея гнѣвно сверкали и она смотрѣла на дочь съ торжествующей злобой. Абатъ прислонился къ притолкѣ двери, спокойный, неподвижный.

Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ длилось молчаніе. Очевидно, г готовилось что-то необыкновенное.

Жоржъ Дельмонъ смотрѣлъ попеременно то на свою жену, то на абата, а взглядъ Жоржеты тревожно перебѣгалъ съ матери на дона Рамона. Очевидно, абатъ замѣтилъ все и передалъ г-жѣ Ривкарди.

— Милостивый государь, сказала г-жа Ривкарди рѣзкимъ голосомъ, обращаясь къ Жоржу Дельмону, — хотя вы давали уроки только впродолженіи двухъ недѣль, но вотъ вамъ плата за весь мѣсяцъ.

И она бросила на столъ нѣсколько монетъ, завернутыхъ въ бумагу. Жоржъ вздрогнулъ.

— Вы меня гоните изъ дома, сказалъ онъ внѣ себя отъ волненія и злобы.

— Я вамъ плачу и прошу болѣе не посѣщать насъ.

„Прогнанъ! прогнанъ этой женщиной и разлученъ съ дочерью!“

Въ глазахъ Дельмона потемнѣло, но черезъ секунду любовь отца пересилила въ немъ оскорбленную гордость. Мысль, что его удалятъ отъ Жоржеты, совершенно подавила его.

— Зачѣмъ вы меня гоните? спросилъ онъ послѣ минутнаго колебанія.

— Я скажу своей дочери... Впрочемъ, вы можете сами отгадать.

Произнеся эти слова, г-жа Ривкарди бросила на Жоржету,

стоявшую неподвижно, какъ статуя, убійственный взглядъ женщины, старающейся унизить и погубить другую женщину.

Дельмонъ былъ пораженъ, какъ громомъ. Онъ чувствовалъ страстное желаніе броситься на эту женщину и абата и уничтожить ихъ. Но присутствіе Жоржеты сдерживало его. Открыть свою тайну преждевременно, когда онъ еще ничего не знаетъ и не имѣлъ никакого орудія для уничтоженія своихъ враговъ — значило все погубить и на-вѣки проститься съ надеждой на месть и восстановление своего честнаго имени. Къ тому-же, очевидно, его обвиняли въ какомъ-нибудь низкомъ поступкѣ, одна мысль о которомъ заставляла его съ ужасомъ содрогнуться. Абатъ, конечно, видѣлъ его поцѣлуй и рассказалъ объ этомъ матери. Они принимали этотъ невинный, цѣломудренный поцѣлуй отца за развратную ласку низкаго обольстителя.

— Я не знаю, на что вы намекаете, воскликнулъ онъ, наконецъ, — но знаю только, что Жорж... дѣвица Дельмонъ дѣвушка достойная всякаго уваженія и что никакая тѣнь подозрѣнія не можетъ пасть на нее. Если-же кто-нибудь осмѣлится усомниться въ ней при мнѣ, то, кто-бы онъ ни былъ, я его сотру съ лица земли.

И Дельмонъ бросалъ страшные взгляды то на г-жу Ривкарди, то на абата.

Жоржета, не говоря ни слова, приблизилась къ отцу. Г-жа Ривкарди, вѣ себя отъ изумленія и смущенія, не понимала его смѣлости и угрозъ. Она отшатнулась и дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ сказала:

— Это слишкомъ! Это слишкомъ! Я позову слугъ!

И она искала глазами звонка.

Абатъ остановилъ ее жестомъ и медленно сказалъ, произнося каждое слово съ особымъ удареніемъ:

— Милостивый государь, дѣвицѣ Дельмонъ не время брать уроки. Черезъ мѣсяць она выходитъ замужъ за г. Жюля Фрестана.

Дельмонъ не могъ этого вынести. Онъ бросился на абата.

— За этого подлеца! воскликнулъ онъ; — никогда, пока живъ.

Абатъ Клодіонъ спокойно скрестилъ руки на груди и пожалъ плечами.

— Обратитесь, милостивый государь, къ ея матери, отвѣчайте оныя холодно.

— Хорошо, я обращусь къ ея матери, къ этой женщинѣ, заревѣлъ Жоржъ, совершенно забывшись;—этотъ бракъ—преступленіе, гнусность! И ему не бывать. Нѣтъ! я этого не хочу!

— Оныя съума сошелъ, сказала г-жа Риккарди; — оныя взбѣсился. По какому праву вы вмѣшиваетесь въ чужія дѣла? Кто вы?

— Кто я? повторилъ Дельмонъ, подходя къ женѣ съ поднятыми руками, какъ-бы желая ее смать:—я...

Но оныя не могъ окончить своей фразы.

Жоржета бросилась между нимъ и матерью. Закрывъ ротъ донна Рамона своей ручкой, она прошептала ему на ухо:

— Молчи, отецъ!

Дельмонъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ и едва не упалъ. Жоржета поддержала его и прибавила шопотомъ:

— Уходи, умоляю тебя, уходи. Черезъ часъ у Штейнбока.

Оныя поднялъ голову и взглянулъ на дочь. Радость и удивленіе выражались на его лицѣ. Оныя забылъ все, гдѣ находился и среди кого. Оныя нашелъ дочь. Она называла его отцомъ. Оныя опьянѣлъ, обезумѣлъ отъ радости. Оныя пожиралъ ее глазами, но не могъ вымолвить ни слова.

Лицо Жоржеты свѣтилось такой мужественной энергіей, святымъ энтузіазмомъ и пламенной мольбою, что оныя поддался ей волѣ и вышелъ изъ комнаты, провожаемый молодой дѣвушкой, которая, затворяя за нимъ дверь, снова прошептала:

— Черезъ часъ.

Когда Дельмонъ исчезъ, Жоржета возвратилась къ матери и бросила на нее самый вызывающій взглядъ.

— Такъ вотъ отчего она не хочетъ выходить замужъ! воскликнула г-жа Риккарди, выходя изъ себя отъ дерзкой смѣлости дочери.

Молодая дѣвушка вмѣсто отвѣта посмотрѣла на нее съ такимъ презрѣніемъ, что г-жа Риккарди совершенно смутилась. Жоржета молча вышла изъ комнаты.

— Каково нахальство! сказала, наконецъ, г-жа Риккарди, обращаясь къ абату, который оставался, какъ всегда, холоднымъ и спокойнымъ; — вы мнѣ совѣтовали прогнать стараго негодяя

увѣряли, что она будетъ униженно просить прощенія. А она гордо вызываетъ меня на бой.

— Я повторяю, что все обстоитъ благополучно. Жоржета не откроетъ никому вашей тайны и чрезъ два дня сама скажетъ вамъ, что согласна выйти замужъ за Жюля Флорестана.

ГЛАВА LVIII.

Отецъ и дочь.

Очутившись на свѣжемъ воздухѣ, Дельмонъ пришелъ въ себя. Первой его мыслию было возвратиться въ этотъ роковой домъ, вырвать изъ него Жоржету и увести ее съ собою. Куда? Онъ самъ не зналъ. Она была его дочь. Онъ хотѣлъ взять ее и чувствовалъ въ себѣ достаточно силы, чтобы защитить ее отъ всего свѣта.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ дому, чтобы исполнить свое безумное намѣреніе, но вдругъ остановился. Ему казалось, что передъ нимъ стоитъ Жоржета, умоляя его спокойно уйти и подождать ее у Штейнбока.

— Она права, сказалъ онъ самъ себѣ. — Я только накликаю несчастье. Я уже и то поступилъ неблагоразумно. Надо думать о ней, а не обо мнѣ. Я не имѣю права дѣлать то, чего она не хочетъ. Надо ей повиноваться.

И онъ поспѣшилъ къ Штейнбоку, какъ-будто Жоржета была уже тамъ и ждала его.

Прибывъ къ адвокату и не заставъ ее тамъ, хотя она не могла еще пріѣхать, онъ былъ очень разочарованъ. Онъ опустился на стулъ, усталый, взволнованный, такъ-какъ онъ бѣжалъ всю дорогу изъ Пасси въ улицу Гельдеръ. Онъ хотѣлъ сказать что-то своему другу, но слова его были безсвязны и ничего нельзя было въ нихъ понять.

Штейнбокъ смотрѣлъ на него съ изумленіемъ и безпокойствомъ. Большіе, пронизательные глаза адвоката ясно говорили: „Онъ опять сдѣлалъ какую-нибудь глупость; онъ взялъ на себя слишкомъ тяжелое дѣло. Оно ему не по силамъ; онъ слишкомъ пламенный и вспыльчивый человѣкъ“.

Наконецъ, Дельмонъ немного успокоился и, собравшись съ силами, рассказалъ въ отрывочныхъ фразахъ и дрожащимъ голосомъ все, что случилось съ нимъ въ домѣ г-жи Ривкарди. Адвокатъ сначала слушалъ, насупивъ брови, но мало-по-малу онъ поддался трогательному разсказу и едва не заплакалъ.

— Какое сердце у Жоржеты! воскликнулъ онъ наконецъ; — какъ добра и мужественна эта хорошенькая дѣвочка! Послушайте, Рамонъ, этотъ ребенокъ стоитъ въ сто разъ болѣе насъ обоихъ.

— Конечно, отвѣчалъ Жоржъ, крѣпко прижимая къ груди своего стараго друга. — Такъ вы ее очень любите, очень цѣните?

— Какой чортъ не сталь-бы ее любить, воскликнулъ адвокатъ, освобождаясь изъ объятій Дельмона и стараясь возвратиться къ своему, обычному хладнокровію. — Однако, все это очень серьезно. Увѣрены ли вы, что никто другой васъ не узналъ?

— Жена—нѣтъ! Она убѣждена, что я умеръ, и вполне счастлива, отвѣчалъ Дельмонъ съ горькой улыбкой.

— А Клодионъ?

— Абатъ? Если вдова Дельмона его не узнала, то какъ-же узнаеть чужой...

— Гмъ! Это еще не доводъ. Я всегда боюсь патеровъ. Они чертовски хитры... Ну, если Жоржета знаетъ одна вашу тайну, это еще не бѣда, можетъ быть, оно и къ лучшему. Ваше положеніе, во всякомъ случаѣ, будетъ теперь не столь ложное и тяжелое, какъ прежде. Но что намъ дѣлать? Прежде всего надо съ нею посовѣтоваться. Мы не имѣемъ права дѣйствовать безъ ея согласія.

— Я то-же думалъ, замѣтилъ Дельмонъ.

— Во всякомъ случаѣ намъ обоимъ нѣтъ болѣе дороги въ ея домъ. Какъ помѣшать намъ ея браку съ Флорестаномъ? Вотъ въ чемъ весь вопросъ.

— Я не знаю, какъ намъ поступить. Но она не выйдетъ за мужъ за этого низкаго человѣка и я не разстанусь съ нею. Насъ никто и ничто не разлучить.

Въ эту минуту кто-то тихонько постучалъ въ дверь. Дельмонъ бросился и, поспѣшно отворивъ дверь, принялъ въ объятія Жоржету.

Она прѣѣхала въ каретѣ и общала двадцать франковъ на чай кучеру, чтобы онъ только скакалъ сломя голову.

— Папа! воскликнула она.

— Жоржета! моя дочь! мой милый ребенокъ, прошепталъ Дельмонъ задыхающимся голосомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ они, какъ-бы сговорившись, отшатнулись и пристально посмотрѣли другъ на друга, словно они видѣлись въ первый разъ.

— Сними твои гадкіе очки, сказала, наконецъ, Жоржета съ улыбкой, — дай мнѣ посмотрѣть на твои глаза.

И, сорвавъ очки, она бросила ихъ на полъ.

Жоржъ взялъ ее на руки, перенесъ черезъ комнату и, посадивъ на кресло, сталъ передъ нею на колѣни.

— Бѣдное дитя мое, сказалъ онъ, — какъ ты много страдала ради меня! но и я перенесъ страшныя муки вдали отъ тебя. Посмотри, какъ я посѣдѣлъ отъ разлуки съ тобою, прибавилъ Жоржъ, забывая, что до возвращенія во Францію и открытія низкой измѣны жены онъ любилъ ее не менѣе дочери. — Но мы теперь соединились и ничто насъ не разлучитъ. О, я не сожалѣю, что страдалъ. Я готовъ былъ-бы вынести въ сто разъ болѣе мукъ, только чтобы дожить до этой блаженной минуты! Я нашелъ свою дочь, и еще какую — прекрасную, добрую, умную!

— Такая-ли я, папа, какой ты желалъ меня видѣть? спросила молодая дѣвушка съ нѣжной улыбкой. — Я образовала себя вдали отъ тебя, какъ-бы ты самъ меня образовалъ, если-бъ жилъ со мною. Ты мечталъ именно о такой дочери? Правда?

— Нѣтъ, ты лучше, прекраснѣе, благороднѣе, чѣмъ я когда-нибудь мечталъ.

Между тѣмъ Штейнбокъ отошелъ въ сторону и не могъ удержаться отъ слезъ, хотя внутренно и сердился на свою слабость. Онъ былъ такъ взволнованъ, что даже не видѣлъ, какъ въ комнату вошелъ Оливье.

Молодой человекъ, блѣдный, какъ смерть, молча смотрѣлъ на эту сцену. Тысячи различныхъ чувствъ терзали его сердце при неожиданномъ открытіи тайны Жоржеты.

„Такъ вотъ что она отъ меня скрывала, подумалъ онъ и, видя, какииъ счастьемъ дышало ея лицо, онъ внутренно прибав-

ляль:—Она уже не думаетъ обо мнѣ. Она любитъ его больше, чѣмъ меня“.

Онъ также спрашивалъ себя, какую пережвну произведетъ въ отношеніяхъ его къ Жоржетѣ неожиданное появленіе ея отца, ускорить-ли оно ихъ бракъ или уничтожить всякую мысль о немъ. Онъ чего-то боялся, хотя не понималъ, чего именно. Онъ чувствовалъ себя очень несчастнымъ и ревновалъ Жоржету къ ея отцу. Ему было стыдно, но онъ не могъ преодолѣть этой ревности.

Вдругъ Штейнбокъ замѣтилъ сына и, подойдя къ нему, сказалъ рѣзко, но шопотомъ:

— Зачѣмъ ты здѣсь? Этого только недоставало. Теперь всѣ узнаютъ тайну.

— Я видѣлъ, что Жоржета вошла сюда, и естественно послѣдовала за ней. Но никто не обратилъ на меня вниманія.

— Ты все слышалъ и ничего не понялъ?

— Да.

— Пойдемъ. Оставимъ ихъ на минуту вдвоемъ. Они хотятъ поговорить наединѣ и мы здѣсь лишніе.

Они вышли изъ комнаты на цыпочкахъ.

Дельмонъ все еще стоялъ на колѣняхъ передъ дочерью и потому не видѣлъ, что дѣлалось за его спиной. Но Жоржета подняла голову и глаза ея встрѣтились съ глазами Оливье. Одною взгляда было ей достаточно, чтобъ понять, какія страданія терзали его сердце, и другимъ безмолвнымъ взглядомъ она ясно сказала ему: „Прости меня, что я счастлива безъ тебя и съ другимъ; но я тебя люблю по-прежнему и совершенно иначе“.

Оливье просіялъ и вышелъ изъ комнаты съ отцомъ, совершенно счастливый.

ГЛАВА LIX.

Р о м а н ъ Ж о р ж е т т и .

— Но какъ-же ты меня узнала? воскликнулъ, наконецъ, Жоржъ, не спуская глазъ съ дочери.—Когда и почему?

— Почему? повторила Жоржета;—а по всему. Когда? Почти

съ перзаго раза, когда я тебя увидѣла. Какъ? Благодаря тысячѣ маленькихъ хитростей. Притомъ, вспоминая о прошедшемъ или взволнованный моими словами, ты забывалъ твой иностранный акцентъ и говорилъ своимъ естественнымъ голосомъ.

— А ты его помнила?

— Отлично, какъ-будто я его слышала вчера. Онъ зашелъ у меня вотъ здѣсь, сказала Жоржета, указывая рукою на свое розовое ухо.

— Но ты думала, что я умеръ. Ты не знала, что Штейнбокъ меня спасъ.

— Нѣтъ, какой онъ злой, что мнѣ ничего не сказалъ.

— Не обвиняй этого прекраснаго человѣка и преданнаго друга. Онъ долженъ былъ такъ поступить.

— Я ему прощаю. Я очень рада, что нашла тебя сама, ты теперь вдвойнѣ мой.

Дельмонъ хотѣлъ знать всё подробности, какимъ образомъ молодая дѣвушка узнала, что онъ ея отецъ. Онъ былъ счастливъ, что могъ, наконецъ, открыто говорить съ нею, какъ съ дочерью, сбросить такъ долго душившую его маску. Къ тому-же истинно онъ отлагалъ тяжелую минуту, когда придется практически рѣшить, какъ имъ выйти изъ своего затруднительнаго положенія.

— Выслушай мой маленькій романъ, начала Жоржета.—Увидавъ тебя впервые на лѣстницѣ съ Штейнбоккомъ, я была удивлена твоимъ волненіемъ. Штейнбокъ мнѣ объяснилъ, что донъ-Рамонъ Лоренте потерялъ дочь моихъ лѣтъ и что я ему напоминаю ея лицо. Мнѣ это показалось очень страннымъ и я заинтересовалась бѣднымъ учителемъ, красивое лицо котораго носило на себѣ явные слѣды перенесенныхъ имъ страданій. Потому меня удивляло, что тебя называли старикомъ, тогда какъ ты въ сущности не былъ старъ, несмотря на твои сѣдины и длинную бороду. Я отгадала, что тутъ кроется какая-то тайна, и мое любопытство было задѣто. Мало-по-малу я почувствовала глубокую симпатію къ испанскому изгнаннику, котораго часто приводила въ смущеніе такая глупая дѣвчонка, какъ я. Помнишь, я заставляла тебя много говорить. Я задавала тебѣ безчисленные вопросы, которые казались столь невинными, что ты ни разу не усомнился. Я спрашивала тебя о твоихъ путешествіяхъ и убѣди-

лась по нѣкоторымъ фактамъ, что ты себя старилъ по крайней мѣрѣ на десять лѣтъ. Потому ты увѣрялъ, что никогда прежде не былъ въ Парижѣ, а я незамѣтно заставляла тебя рассказывать тысячи мелочныхъ подробностей о Парижѣ, которыя могъ знать только человекъ, жившій здѣсь много лѣтъ. Наконецъ, я навела разговоръ на политическіе и философскіе вопросы. Твои мысли и понятія были тѣ самыя, которыя раздѣлялъ мой отецъ. Въ библіотекѣ я нашла полный экземпляръ твоей газеты: „Новая Вѣра“. Донъ-Рамонъ не только повторялъ мысли, но даже цѣлыя фразы Жоржа Дельмона. Я, въ свою очередь, говорила тебѣ о моемъ отцѣ. Въ первый разъ, когда я упомянула о немъ, ты поблѣднѣлъ, смѣтился и отошелъ въ сторону, чтобъ скрыть свое волненіе. Прощаясь со мною, ты былъ все еще разстроенъ и рука твоя дрожала. Въ другой разъ я тебѣ сказала, что видѣла во снѣ, какъ-будто меня отдавали насильно замужъ, и у тебя вырвался крикъ отчаянія, крикъ отца, дочь котораго губятъ на всю жизнь. Я пришла тогда въ ужасное волненіе. Спустя нѣсколько дней я нарочно положила на столъ альбомъ съ своимъ портретомъ, на задней сторонѣ котораго я написала свое имя... нарочно для тебя. Ты его взялъ, поднесъ къ губамъ и прошепталъ мое имя.

— Но тебя не было въ комнатѣ! воскликнулъ Дельмонъ.

— Я смотрѣла въ сѣважину двери. Услыхавъ мои шаги, ты потерялъ голову и спряталъ портретъ въ карманъ, точно воръ, пойманный на мѣстѣ преступленія. Ты былъ страшно смущенъ и тебѣ даже не показалось страннымъ, что я не сказала ни слова, замѣтивъ отсутствіе моего портрета въ альбомѣ. Наконецъ, послѣ долгихъ наблюденій, я стала узнавать подъ твоими сѣдинами, преждевременными морщинами и гадкими очками дорогія черты и взглядъ того, кого я помнила молодымъ и красивымъ. Къ тому же никто другой не могъ украсть моего портрета, пламенно цѣловать его...

— А влюбленный? замѣтилъ съ улыбкой Жоржъ; — любовь доступна всѣмъ возрастамъ и я былъ-бы не первымъ учителемъ...

— О, нѣтъ! воскликнула Жоржета съ веселымъ смѣхомъ, — ты ведъ себя не какъ влюбленный. Я не могла ошибиться.

— А ты знаешь, какъ ведутъ себя влюбленные?

Жоржета покраснѣла, но ничего не отвѣтила.

— Когда я позвала тебя въ библиотеку, я уже знала все, продолжала она черезъ нѣсколько минутъ, — и, подставляя тебѣ свой лобъ, я просила поцѣлуя отца.

Нельзя выразить словами, что чувствовалъ Дельмонъ, слушая рассказъ молодой дѣвушки, которая, благодаря чуткому инстинкту своего сердца и рѣдкой проницательности ума, открыла тайну, неотгаданную никѣмъ другимъ. Онъ былъ внѣ себя отъ восторга и гордился дочерью, которая, еще ребенкомъ, сама образовала себя и съумѣла подняться высоко надъ уровнемъ окружавшей ее среды.

Потомъ, въ свою очередь, ему пришлось рассказать, какъ Штейнбокъ его спасъ, какъ онъ жилъ въ Америкѣ, какъ нажилъ себѣ состояніе и вернулся въ Европу, желая увидать жену и дочь, несмотря на запрещеніе адвоката. Конечно, онъ пропустилъ все, что узналъ отъ своего друга о низкой измѣнѣ жены, недостойной матери Жоржеты.

Какъ ни былъ сжатъ этотъ рассказъ, но онъ продолжался довольно долго, потому что дочь перебивала часто отца, забрасывая его вопросами. Такимъ образомъ прошло два часа прежде, чѣмъ адвокатъ отворилъ двери и возвратился съ Оливье. Ихъ неожиданное появленіе возвратило къ дѣйствительности этихъ счастливицевъ, унесенныхъ своимъ блаженствомъ на седьмое небо

ГЛАВА LX.

Возвратъ къ дѣйствительности.

Жоржъ Дельмонъ въ продолженіи этихъ двухъ восхитительныхъ часовъ такъ вполне отрѣшился отъ дѣйствительности и внѣшней жизни, что съ удивленіемъ посмотрѣлъ на адвоката и Оливье. Онъ совершенно забылъ, гдѣ онъ и у кого. Штейнбокъ приписалъ этотъ удивленный взглядъ своего друга присутствію Оливье.

— Сынъ мой все знаетъ, сказалъ онъ, — но я въ этомъ не виноватъ. Онъ вошелъ вслѣдъ за Жоржетой и все слышалъ. Но я отвѣчаю за него такъ-же, какъ за себя.

Вмѣсто отвѣта Жоржъ, который теперь уже пришелъ въ себя, дружески протянулъ руку молодому человѣку. Оливье любилъ

Жоржету и она его любила. Дельмонъ обожаль-бы его по этой одной причинѣ, а онъ, еще былъ сынъ его лучшаго друга и честнѣйшаго человѣка.

— Вы имѣли довольно времени, чтобы отвести душу, ссказаль адвокатъ съ добродушной рѣзкостью, — пора поговорить серьезно и рѣшить, что дѣлать. Четырехъ головъ не будетъ слишзомъ много для этого военнаго совѣта.

Лица всѣхъ приняли серьезное выраженіе.

— Прежде всего, обратился Штейнбокъ къ Жоржетѣ, — знаешь ли ваша мать, что вы здѣсь?

— Нѣтъ. Я уѣхала второпяхъ, не предупредивъ никого. Я хотѣла быть здѣсь одна, безъ гувернантки.

— Это благоразумно. Но надо будетъ объяснить дома это бѣгство.

Дельмонъ быстро обернулся.

— Какъ! воскликнулъ онъ, — Жоржета возвратится въ этотъ домъ! Она здѣсь со мною, и если я ее отпущу, я снова потеряю ее! Никогда! Это невозможно! Это сверхъ моихъ силъ! это противорѣчить даже моему долгу, какъ отца!

— Извините, другъ мой, но я долженъ замѣтить, что несовершеннолѣтняя молодая дѣвушка имѣеть, доколѣ судъ иначе не постановилъ, только одно законное мѣстопребываніе — въ домѣ своихъ родителей. У дѣвицы Дельмонъ *нѣтъ отца* (адвокатъ произнесъ эти два слова съ особымъ удареніемъ), а потому она ни въ какомъ случаѣ не можетъ покинуть дома своей матери.

— Проклятіе! воскликнулъ Дельмонъ; — это правда, юридически я не существую! Я умеръ! я умеръ! Но это не можетъ такъ продолжаться! Что дѣлать? Развѣ вы не знаете, что моя жена совершенно...

Онъ остановился, не смѣя сказать при Жоржетѣ, что г-жа Риккарди была недостойна оставаться матерью этого прелестнаго ребенка. Ему неизвѣстно было, что она знала и что думала о своей матери, и онъ не хотѣлъ порочить въ ея глазахъ ту, которую она должна была уважать.

— Къ тому-же, продолжалъ онъ, — ее хотять выдать замужъ за низкаго...

— Ее насильно не обвѣнчаютъ, перебилъ его Штейнбокъ, —

мы оба знаемъ ее, и когда она однажды сказала нѣтъ, то ее не заставлятъ сказать да,—не правда-ли, Жоржета?

— Конечно, отвѣчала она съ усиленіемъ,—для свадьбы необходимо мое согласіе, а я его не дамъ.

Произнося эти слова, она чувствовала на себѣ пронизательный взглядъ Оливье и избѣгала его, не желая отвѣчать на отгадываемый ею безжолвный вопросъ молодого человѣка.

— Положимъ, замѣтилъ Жоржъ, — но ее стануть тогда преслѣдовать, сдѣлають ее жизнь невозможной, а я этого не хочу.

— Кто далъ г-жѣ Риккарди мысль объ этомъ бракѣ? спросилъ адвокатъ, снова обращаясь къ Жоржетѣ.

— Абатъ Клодіонъ.

— А! Старый негодяй! Онъ вездѣ вмѣшается. Это становится опасно.

— Вотъ почему я не хочу и не могу этого терпѣть, воскликнулъ Дельмонъ; — все-же я ея отецъ, я живъ и она со мною. Самый святой и первый мой долгъ—защитить свою дочь. Я объявлю, кто я, и вступлю въ мои права...

— И васъ арестуютъ, посадятъ въ тюрьму, и такъ-какъ у васъ нѣтъ болѣе вѣскихъ доказательствъ вашей невинности, чѣмъ семь лѣтъ тому назадъ, васъ снова приговорятъ къ смертной казни. А Жоржета, которая и теперь почти не имѣетъ отца, тогда совсѣмъ его лишится. Славную штуку вы придумали.

— Я знаю теперь многое, чего прежде не подозрѣвалъ и что вы-же мнѣ рассказали, отвѣчалъ Дельмонъ; — я потребую слѣдствія, строгаго слѣдствія, и правда обнаружится.

— Скажете вы судьямъ и при публикѣ то, что вы узнали отъ меня?

Штейнбокъ подошелъ къ Дельмону и прибавилъ, понижая голосъ:

— Скажете вы все Жоржетѣ? Потащите вы въ судъ г-жу Риккарди, какова-бы она ни была, и, обличивъ мать Жоржеты, скомпрометируете бѣдную молодую дѣвушку.

Дельмонъ вздрогнулъ и не произнесъ ни слова. Нѣтъ, онъ не могъ разыграть роль отца, публично бросающаго грязью въ мать своей дочери.

— Вы правы, Штейнбокъ, сказалъ онъ, наконецъ, — я этого не сдѣлаю, но сдѣлаю что-нибудь другое. Ждать и молчать бо-

лѣе невозможно и подло. Меня прогнали и я не могу возраться въ домъ, гдѣ живетъ Жоржета, не могу ее видѣть, а я не хочу ее бросить.

— Вы ее будете видѣть у меня, замѣтилъ адвокатъ.

— Да, пока на это будетъ согласна г-жа Ривкарди или абать Влодионъ. Когда-же они вздумаютъ, то васъ прогонятъ такъ-же, какъ меня, и прервутъ всѣ ваши сношенія съ Жоржетой.

Всѣ молчали, понимая, что Дельмонъ говорилъ правду, а Жоржета могла-бы еще сказать, что совершилось ужъ то, чего боялся ея отецъ.

— А тогда, продолжалъ Дельмонъ, — живя въ Парижѣ и имѣя дочь вблизи, я не могъ-бы ее видѣть и защитить. Она была-бы сиротой, а я не имѣлъ-бы дочери! Неужели, Штейнбокъ, вы согласились-бы на такое положеніе?

— Я ничего не говорю... Я ищу прагматическаго способа выйти изъ нашего затруднительнаго положенія. Вотъ и всё.

— Есть два способа. Я могу уѣхать въ Америку съ Жоржетой и скрываться съ нею...

При этихъ словахъ Оливье поблѣднѣлъ и хотѣлъ закричать, что онъ любитъ Жоржету и не хочетъ лишиться ея, но отвѣтъ адвоката остановилъ его:

— Это нелѣпо, сказалъ Штейнбокъ;— васъ станутъ разыскивать и арестуютъ. У васъ отнимутъ Жоржету и вы предадите себя въ руки правосудія безъ всякой пользы для дочери. Но если вамъ и удастся скрыть Жоржету въ какомъ-нибудь уединенномъ уголкѣ Америки, то хороша будетъ ея жизнь! Ей нельзя будетъ выйти замужъ, такъ-какъ надо представить или согласіе матери, отъ которой одной она теперь зависитъ, или свидѣтельство о смерти г-жи Ривкарди.

Жоржета хотѣла сказать: „не думайте обо мнѣ, а только о моемъ отцѣ“, но Дельмонъ закрылъ ей рукою ротъ.

— Нѣтъ, молчи, сказалъ онъ нѣжно, — эгоизмъ отца меня ослѣплялъ. Дѣйствительно, я не имѣю права подвергать тебя печальной участи изгнанницы.

Онъ посмотрѣлъ на Оливье, искаженное лицо котораго ясно обнаруживало его страданія, и поцѣловалъ Жоржету въ лобъ.

— Вѣдное дитя мое, прошепталъ онъ.

Штейнбогъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Значить, сказалъ Дельмонъ, — остается одинъ путь.

— Какой? спросилъ адвокатъ, останавливаясь.

— Г-жа Риккарди одна можетъ перерубить роковой узелъ. Она знаетъ, кто убилъ Иполита Риккарди. Я пойду прямо къ ней, скажу, кто я, и вырву у нея правду.

Вся фигура Жоржа дышала такой холодной и твердой рѣшимостью, что, очевидно, онъ не остановился-бы ни передъ какими средствами для достиженія своей цѣли.

— Это было-бы всего проще и лучше, сказалъ адвокатъ, — но очень опасно. Что съ вами? прибавилъ онъ вдругъ, замѣтивъ, что Жоржета зашаталась.

Оливье бросился къ ней и поддержалъ ее.

— Что съ тобою? Жоржета, что съ тобой? воскликнулъ, въ свою очередь, Дельмонъ, взявъ ее за руку.

— Ничего, отвѣчала она, — мнѣ теперь лучше.

— О! всѣ эти треволненія убьютъ ее! вскричалъ Оливье.

Съ неимовѣрнымъ усиленіемъ Жоржета поборола свои разстроенные нервы и сказала слабымъ, тихимъ голосомъ:

— Папа, я вижу, что мнѣ надо сказать то, что я хотѣла отъ всѣхъ скрыть. Я не могу и не должна болѣе молчать... Тайна, ключъ къ которой ты ищешь и такъ долго искалъ г. Штейнбогъ...

— Ну? воскликнули въ одинъ голосъ Жоржъ и адвокатъ.

— Я ее знаю.

— Ты?

— Вы?

— Да, я знаю убійцу.

Говоря это, она дрожала всѣмъ тѣломъ и Оливье, все еще поддерживавшій ее, чувствовалъ, какъ сердце ея тревожно билось.

— Мы спасены, воскликнулъ Дельмонъ; — говори, Жоржета, говори, моя радость! Ты мнѣ возвратила счастье и тебѣ я буду обязанъ восстановленіемъ моей чести.

Жоржъ сіялъ и съ свѣтлой надеждой смотрѣлъ на взволнованную молодую дѣвушку. Штейнбогъ также не спускалъ съ нея глазъ, но съ замѣтнымъ безпокойствомъ.

— Его имя! его имя! воскликнулъ Дельмонъ внѣ себя.

— Если ты потребуешь, я скажу его имя... тебѣ одному, отвѣчала Жоржета;—дѣло идетъ о тебѣ и о твоей чести, значитъ, ты одинъ судья. Но, повѣрь мнѣ, лучше не спрашивай ничего у моей матери и у меня.

— Отчего? спросилъ Дельмонъ, пораженный удивленіемъ.

— Потому что бываютъ истины, которыхъ лучше не знать.

— Такъ истина очень страшна?

— Очень.

Дельмонъ провелъ рукой по лбу и молча посмотрѣлъ прежде на дочь, а потомъ на Штейнбока.

— У васъ есть доказательства? спросилъ адвокатъ.

— Есть, но я не знаю, достаточно-ли ихъ для суда.

— Я могу вынести все, сказалъ Дельмонъ, подходя къ молодой дѣвушкѣ;—говори.

— Я готова исполнить твое приказаніе. Но еще разъ предупреждаю тебя... ты пожалѣешь, что заставилъ меня говорить, и врядъ-ли воспользуешься тѣмъ орудіемъ, которое я тебѣ дамъ для возстановленія твоей чести.

Въ виду неожиданной скрытности дочери и необыкновеннаго ея волненія, Дельмонъ сталъ колебаться. Онъ не боялся истины, какова-бы она ни была, но онъ предчувствовалъ, что открытіе тайны растерзаетъ сердце Жоржеты, которую онъ любилъ болѣе всего на свѣтѣ и готовъ былъ цѣною жизни предохранить отъ всякаго страданія.

Въ эту минуту Оливье прервалъ молчаніе, которое онъ свято сохранялъ все время.

ГЛАВА ЪХІ.

П л а н ъ О л и в ѣ в ѣ.

— Отецъ, сказалъ онъ, обращаясь къ адвокату, прочувствованнымъ, но твердымъ голосомъ, — намъ или, лучше, тебѣ надо перерубить роковой узелъ. Ты одинъ можешь это сдѣлать.

Штейнбокъ посмотрѣлъ на сына безъ особаго удивленія.

— Я слушаю, сказалъ онъ.

— Вотъ въ какомъ мы положеніи: г. Дельмонъ, спасенный

тобою, возвратился во Францію, нашелъ дочь и не хочетъ ее потерять или разлучиться съ нею. Всякій на его мѣстѣ чувствовалъ-бы такъ-же. Онъ желаетъ обнаружить, кто онъ, и возстановить свою честь для того, чтобъ вступить въ свои права отца, вырвать дочь изъ-подъ опеки, по его мнѣнію, опасной для нея, и уничтожить, если я не ошибаюсь, пятно, омрачающее ея имя.

Дельмонъ внимательно слушалъ Оливье, недоумѣвая, къ чему онъ все это говоритъ. Штейнбокъ, насупивъ брови, снова началъ ходить взадъ и впередъ, но шаги его были быстрѣе обыкновеннаго.

— Жоржета, продолжалъ Оливье, — имѣть въ рукахъ доказательства его невинности, но эти доказательства; повидимому, такъ ужасны, — въ какомъ отношеніи, я не знаю, — что сердце ея разрывается при мысли открыть роковую тайну. Она, столь любящая отца и съ такой удивительной энергіей стремившаяся къ возстановленію его чести, колеблется и умоляетъ, чтобъ ее не заставили высказать всю правду. То, что она знаетъ, мнѣ неизвѣстно. Но я знаю одно, что она чудесное созданіе и что если она колеблется открыть тайну, то никто не долженъ принуждать ее къ этому.

Голосъ Оливье громко звучалъ и въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ его взглядѣ виднѣлась восторженная, первая любовь.

— Теперь, продолжалъ онъ, — я обращусь къ г. Дельмону, который перенесъ столько страданій и такъ чистосердечно любитъ дочь. Еслибъ кто-нибудь далъ ей возможность жить съ нимъ подъ однимъ кровомъ, свободной, счастливой, гордой своимъ именемъ, — то отказался-ли-бы онъ отъ возстановленія своей чести, чего, очевидно, нельзя достигнуть легко, безъ скандала и жестокихъ страданій для Жоржеты?

Наступило молчаніе.

Штейнбокъ ходилъ по комнатѣ все болѣе и болѣе быстрыми шагами. Онъ не смотрѣлъ на сына.

Дельмонъ подошелъ къ дочери, взялъ ее за руку и, смотря ей прямо въ глаза, сказалъ:

— Жоржета, одинъ вопросъ, но отвѣчай твоему отцу откровенно. Это первая моя просьба къ тебѣ.

— Я честно отвѣчу, что-бы ты ни спросилъ.

— Лучше-ли было-бы *для тебя*, если-бъ я послѣдовалъ совѣту Оливье?

Дельмонъ произнесъ эти слова очень медленно.

Жоржета колебалась отвѣтить.

— Я рассчитываю на твое обѣщаніе.

— Да лучше, сказала она, наконецъ, покраснѣвъ; — для меня... и *для тебя*.

— Обо мнѣ не думай. Тебѣ будетъ лучше, и мнѣ этого довольно. Оливье, вы правы. Никто не посмѣетъ сказать, что я не люблю своей дочери болѣе всѣхъ на свѣтѣ. Я отказываюсь отъ всего ради нея. Только-бы она была счастлива. Ея счастье—мое счастье.

— Ты слышишь? воскликнулъ съ жаромъ Оливье, обращаясь къ отцу.

— Что? спросилъ рѣзко адвокатъ.

— Отвѣтъ г. Дельмона.

— Да.

— Такъ исполни свой долгъ.

— Въ чемъ заключается мой долгъ, объясни?

Оливье взявъ за руку Жоржету, подвелъ къ адвокату, положилъ дрожащую руку молодой дѣвушки въ грубую, толстую руку Штейнбока и сказалъ:

— Попроси у г. Дельмона сдѣлать тебѣ честь отдать руку его дочери, Жоржеты, сыну твоему Оливье, потому что они любить другъ друга.

Штейнбокъ покраснѣлъ.

Дельмонъ, блѣдный и взволнованный, не смѣлъ взглянуть на своего старого друга, боясь отказа, который разбилъ-бы сердце молодой дѣвушки.

— Чортъ возьми! воскликнулъ адвокатъ, — я это давно знаю.

— Штейнбокъ! вскричалъ Дельмонъ умоляющимъ голосомъ.

Адвокатъ колебался еще нѣсколько секундъ. Онъ посмотрѣлъ прежде всего на Жоржету, блѣдную, какъ полотно, потомъ на сына, который съ пламеннымъ безпокойствомъ ждалъ его отвѣта, наконецъ, на Дельмона, задышавшагося отъ тревожныхъ опасеній.

— Дельмонъ, сказалъ онъ наконецъ, — ваше отреченіе окончательное и совершенное?

— Да.

— Такъ что-жь, вы согласны имѣть сыномъ Оливье? Я съ радостью приму въ свое семейство милую Жоржету.

И онъ поцѣловалъ въ лобъ молодую дѣвушку, дрожавшую всѣмъ тѣломъ.

Жоржъ радостно вскрикнулъ и крѣпко обнялъ своего стараго друга.

— Благодарю, благодарю! сказала онъ отрывисто. — Я вамъ обязанъ болѣе, чѣмъ жизнью, болѣе, чѣмъ возстановленіемъ моей чести. Вы спасаете Жоржету и дѣлаете меня вполне счастливымъ.

— Ты видишь, говорилъ Оливье Жоржетѣ, прижимая ее къ своему сердцу и прикасаясь губами къ ея чуднымъ каштановымъ волосамъ, — ты видишь, онъ согласенъ, и ты моя, злая Жоржета!

— Оливье! шептала она, — Оливье!

И молодая дѣвушка, мужественно перенесшая столько тяжелыхъ испытаній, залилась слезами.

— А твоя мать? спросила она наконецъ.

— Она тебя обожаетъ и будетъ благодарна, что ты согласилась быть моей женою.

— А моя?

— Какъ, вы беспокоитесь о вашей матери! воскликнулъ Штейнбокъ. — Развѣ вы думаете, что она посмѣетъ отказать мнѣ? Полноте! Она будетъ рада имѣть такого зятя, какъ Оливье!

— Она очень расположена къ г. Флорестану, а абать, руководящій ею, еще болѣе дорожить имъ.

— Это правда. Ну, такъ что-жь? Мы преодолѣемъ всѣ эти преграды.

Однако, Жоржетѣ было пора вернуться домой. Адвокатъ рѣшилъ отвезти ее самъ, чтобъ поговорить наединѣ съ молодой дѣвушкой.

Пришлось почти насильно вырвать ее изъ объятій Жоржа.

„Мнѣ кажется, я болѣе никогда ее не увижу!“ думалъ онъ.

Сердце Оливье было также полно грустныхъ предчувствій, хотя онъ самъ не зналъ, почему, и старался успокоить свои опасенія, повторяя про себя: „Она будетъ моей, она уже моя“.

По дорогѣ въ Пасси Жоржета сочла своимъ долгомъ преду-

предить Штейнбока, что ея мать питала къ нему очень мало сочувствія.

— Я уже давно подозрѣвалъ, отвѣчалъ онъ, — и это меня нисколько не удивляетъ. Но я имѣю противъ нея орудіе, которое подѣйствуетъ не хуже совѣтовъ абата Клодіона, и такъ-какъ васъ не обвинчаютъ насильно, то, повторяю, мы преодолѣемъ всѣ преграды, благодаря вашей твердости и моей хитрости.

Онъ довезъ Жоржету до дома и простился съ нею на крыльцѣ, находя, что еще не настала удобная минута для объясненія съ г-жею Риккарди.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Б Ъ Д А .

Блѣднѣетъ краткій день. Осенній холодокъ
Струится по полямъ, все тихо; лишь въ селенѣ
Зловѣщій слышенъ шумъ, тревога и смятенье.
Сгущаясь каждый мигъ, взвивается дымокъ
Надъ хатой крайнею; кругомъ толпа, движенье...
— Давай скорѣй воды!—Колодець-то глубокъ!—
— Ну, такъ бѣги на прудъ!—Тащи сюда ушаты!..
Но пламя красное ужъ лижетъ стѣны хаты.

Раздался бабій плачь и вопль: спасай добро!
И къ избамъ кинулся народъ, дава другъ друга.
Кто тащитъ образа, кто платье, кто ведро;
Тотъ лошаденку впрягъ въ телѣгу и съ испуга
Оглоблей сломанной ей тыкаетъ въ ребро;
Но валится дуга, разорвалась подпруга—
И прочь, махнувъ рукой, растерянный мужикъ
Бѣжитъ къ себѣ въ избу, слышавъ дѣтскій крикъ.

А между тѣмъ пожаръ все дальше подается:
Трещать ужъ три избы, объятая огнемъ;
Клубами черный дымъ вдоль улицы несется,
Пылая, головни летаютъ надъ селомъ
И стая голубей испуганная вьется,
Ища пристанища; но сыплется дождемъ
На крыши ветхія горящихъ искръ миллионы
шире все пожаръ, и громче вопль и стоны!

Всѣмъ доля равная—не сосчитать потерь...
Да и къ чему считать?—все сгибло, все пропало!
Селеніе въ огнѣ; огонь, какъ лютой звѣрь,
Бѣжитъ, и прыгаетъ, и жретъ, что ни попало.

То смѣлымъ хищникомъ вбѣгаетъ прямо въ дверь,
 То, какъ ползучій змѣй, онъ въ щель вонзаетъ жало
 И жертву трепетную лижетъ языкомъ,
 Обвившись вокругъ нея сверкающимъ кольцомъ.

На дальнемъ западѣ угасла ужь денница.
 Багровымъ пламенемъ во тьмѣ озарены
 Кругомъ то хмурья, то плачущія лица;
 Тамъ баба изъ окна кидаетъ новины,
 Тамъ охаетъ старикъ, тамъ плачетъ молодца.
 Два парня взобрались на крышу и, полны
 Безумной удали, отворотясь отъ жара,
 Усердно воду льютъ въ кипящій зѣвъ пожара.

А на землѣ ужь ночь. Въ далекихъ деревняхъ
 Все нѣмо; спать народъ, уставши отъ работы.
 И только пьяница, домой бредя въ потьмахъ,
 Безпечно тянетъ пѣснь, не вѣдая заботы;
 Но вотъ и онъ примолкъ; шатаясь на ногахъ,
 Во мракѣ сталъ искать знакомыя ворота,
 И зарево вдали увидя предъ собой,
 Проговорилъ: бѣда!—и погрозилъ рукой...

Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

ВЪ ПОРОХОВОМЪ ДЫМУ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(Окончаніе.)

ГЛАВА XI.

„ПАПЕНЬКА“.

Пріѣхалъ Иванъ Аполоновичъ домой, то-есть въ свою половину номера „Сербской Кроны“, и первымъ дѣломъ послалъ Ефрема за почтовыми лошадьми, чтобы ѣхать въ Парачинъ, но не успѣлъ онъ докончить своего внушительнаго приказанія, не успѣлъ договорить: „но смотри у меня, чтобы въ одинъ мигъ!.. Лучшую тройку! живо!“ какъ все еще лежащій на постели сожитель озадачилъ его замѣчаніемъ:

— А вы изволите полагать, что вамъ таѣ и дадутъ лошадей?.. Напрасно беспокоитесь...

— А какже... я... я... Вѣдь...

— Для того, чтобы выѣхать изъ Бѣлграда, а тѣмъ болѣе по дорогѣ въ армію, надо получить „объяву“... Безъ этой объявы вамъ никто не дастъ и одного ишака, не то что коней, да еще тройку...

— Но моя дочь... Nadine Пестрой-Коврикова, она въ Парачинѣ. Я къ ней. Я, какъ отецъ, согласитесь сами...

„Одинъ изъ пострадавшихъ“ при этихъ словахъ приподнялся

съ постели, пристально посматрѣлъ на Ивана Аполонovichа и почему-то торопливо сталъ надѣвать сапоги.

— Вотъ какъ, проговорилъ онъ.—Такъ вы такъ и скажите тамъ, въ министерствѣ, что вы, молъ, батюшка княжны Надежды Ивановны, такъ и скажите... Вамъ и рекомендаціи никакой больше не нужно. Да вотъ, чего-жъ лучше: здѣсь теперь Хмуровъ, черезъ два номера... Онъ вамъ все живо устроить. Вы сейчасъ, что-ли, хотите ѣхать?

— Да, я-бы хотѣлъ, произнесъ князь, чувствуя, какъ по всѣмъ его жиламъ особенно живо, весело такъ заструилось нѣчто похожее на масло по ощущенію... „Что-же это, право, моя Надя... Какое мелодецъ! Ахъ, Боже мой... дитя мое, гордость моя“... промелькнуло у него въ головѣ и чуть было даже не сорвалось вслухъ съ языка.

А большой тѣмъ временемъ, тяжело позачнувшись всѣмъ тѣломъ при первомъ шагѣ отъ кровати, поправилъ всею пятернею сбившіеся на лобъ волосы, вышелъ въ коридоръ и князь тотчасъ же услышалъ его голосъ, кричавшій:

— Эй, Хмуровъ! Михайло Алексѣевичъ, ты дома, что-ли?

Затѣмъ послышалось женское хихиканье, топотня по ковру коридора чьихъ-то босыхъ ногъ, визгливое: „Та уйди!“ внушительное: „экая ты дура!“ и сильный, откуда-то изъ глубины, словно недовольный чѣмъ-то голосъ:

— Что тамъ такое? кто меня спрашиваетъ? А! поднялся, пріятель, аль полегчало?..

Въ коридорѣ заговорили, нѣсколько дверей щелкнули замками; князь чувствовалъ, что рѣчь идетъ о немъ, и ему стало какъ-будто неловко; онъ слышалъ только отрывочныя фразы:

— „Не можетъ быть! Такъ это, значить, папенька... Волоки его сюда!.. а, что такое? На кой тамъ чортъ „неловко“... Аристократъ, ты говоришь? Наплевать! волоки за шиворотъ, коли честью не пойдешь... Да онъ тутъ, что-ли? А вотъ я самъ до него доберусь“... „Ну, полно, оставь!“ „Да что „полно“... я не съ дурнымъ намѣреніемъ“... „Брось!“ „Я чествовать хочу! Душкинъ, распорядись шампанскаго полдюжины... Тащи цѣлую!.. Качать не надо? Развѣ послѣ. Ну, господа, идемъ!“

— Ужъ не бить-ли меня собираются? чуть было не испугался, да и не на шутку, Иванъ Аполонovichъ, слыша прибли-

жающуюся къ его дверямъ тяжелую топотню сапоговъ со шпорами и безъ онѣхъ.

Дверь распахнулась настежь, на обѣ половинки. Между ея косяковъ, какъ въ рамѣ, обрисовалась массивная, дышущая веселостью, добродушіемъ и какою-то распушенной, безшабашною, самодурствующею удалю фигура Хмурова, Михайла Алексѣевича *); за нимъ видѣлись еще нѣсколько лицъ, раскрасившихся и возбужденныхъ нѣсколько болѣе, чѣмъ-бы слѣдовало по нормальному состоянію.

Не успѣлъ Иванъ Аполонovichъ опомниться и сообразить, въ чемъ дѣло, какъ уже попалъ всецѣло въ могучія объятія геркулеса, ощутилъ на своихъ губахъ сочное, троекратное лобызаніе, а затѣмъ уже началось взаимное представленіе другъ другу..

Чадъ и сумбуръ страшный царили въ головѣ Ивана Аполонovichа, когда его доставили, уже въ третьемъ часу ночи, на свою собственную постель.

Весь остатокъ ночи его осаждали самыя разнообразныя фантастическія сновидѣнія и, конечно, въ этихъ хибльныхъ грезахъ доминирующее, лучезарное мѣсто занимала его дочь, его Надя...

— О, я постараюсь... я буду достойнымъ своей дочери, коснѣющимъ языкомъ твердилъ онъ въ послѣднее время импровизированнаго пира, твердилъ и встати, и невстати... Онъ и засыпая бормоталъ все ту-же фразу, и теперь сновидѣнія его вертѣлись все на одномъ и томъ-же—на желаніи быть вполне достойнымъ своей дочери. Во снѣ, конечно, эти благія желанія воплотились уже въ цѣлый рядъ совершившихся фактовъ. Тѣло князя Пестраго-Коврякова пластомъ лежало на кровати, мычало, сопѣло и даже пыталось жестикулировать. Опытный въ этихъ случаяхъ Ефремъ усердно выжималъ и прикладывалъ куда слѣдуетъ освѣжительно-успокоительныя компрессы. Душа княжеская ликовала и бодрствовала...

И вотъ, въ силу этихъ ликованій, Иванъ Аполонovichъ стоитъ во главѣ всѣхъ сербскихъ армій; кругомъ дымъ, пламя и грохотъ орудій, лязгъ сабель, торжествующіе клики побѣдителей,

*) См. романъ „На далекихъ окраинахъ“.

вопли унынія побѣжденныхъ, кровь, кровь, кровь... Ефремъ и Миронъчъ ведутъ къ нему пойманнаго Абдуль-Керима, тотъ опускается на колѣни, склоняетъ голову и обѣими руками протягиваетъ ему свою саблю... (Иванъ Аполонъвичъ видѣлъ когда-то взятіе Хивы на Крестовскомъ островѣ)... Князь тронуть, глубоко тронуть этою молчаливою покорностью, его глаза полны слезъ, онъ хочетъ, онъ долженъ быть великодушнень... „Въ уваженіе вашей личной храбрости“... начинается онъ рѣчь... — „Да охота тебѣ, моншеръ, разговаривать съ этою свиньею, говоритъ ему Хмуровъ, — вели повѣсить, да и шабашъ! а мы выпьемъ!“... „Нѣтъ, нѣтъ, я не могу, возражаетъ князь, — по долгу побѣдителя... не могу“... „Ну для меня, для друга-то“... — „Ей-богу не могу, *ragole d'honneur*, а впрочемъ, какъ скажетъ Надя, какъ она рѣшитъ, такъ и будетъ“... Начинается невидимая музыка, мелодичная, тихая, отдаленная, свѣтъ какой-то особенный, не то розоватый, не то гри-де-перль. А вотъ и она сама... Все ниць!.. „Папаша, я съ княземъ Миланомъ паковала полушубки...“ Урррра! реветъ во все горло Хмуровъ, ура! подхватываютъ всѣ окружающіе. „Качать его, качать!“ и его качаютъ, его высоко подбрасываютъ въ воздухъ, ему дурно отъ этой качки, онъ боится быть неприличнымъ. Такой особенный, торжественный случай, всемірно-историческій фактъ, а онъ...

— Эй, ты, „молимо“, тазъ поскорѣе да полотеничиковъ пару, распоряжается тѣмъ временемъ Ефремъ, обращаясь къ растрепанному, босоному сербу, коридорному служителю, и недружелюбно косится на товарища по комнатѣ, храпящаго во всю ивановскую послѣ доброй выпивки.

— Ихъ сіятельство здоровья деликатнаго, а они, вишь ты, обрадовались, а вотъ теперича бросили... Возись съ нимъ, какъ знаешь... бормочетъ секретарь-камердинеръ. — Да говорятъ-же тебѣ, молимо, чортъ тебя дери, тазъ и полотенце!..

А на Бѣлградской площади, на той самой, что князь видѣлъ, ѣздивши на почту, уже воздвигаютъ триумфальную арку и даже монументъ... Надя сидитъ на самой вершинѣ этого монумента... Его, папашу, тоже ведутъ туда... тамъ такъ хорошо и видъ чудесный на Босфоръ... Море синее, минареты все бѣлые, кипарисы зеленые, мягкій диванъ и гаремъ... и какой гаремъ!.. Это все у султана отняли... Тутъ и графина Огуль-Болтаева, и

баронеса Кунштюкъ, и всѣ петербургскія знакомня; тутъ и попутчица до Черновицъ; всѣ онѣ въ чалмахъ и красныхъ шароварахъ... Посрединѣ сидитъ въ ваннѣ она... „Ахъ, Боже мой, зачѣмъ-же она здѣсь?.. Этого нельзя... Я далъ слово Надѣ, я не могу... Господа, посудите сами... я не могу... я не хочу“...

— Ну, плакать начинаетъ... захлипалъ... это, значитъ, къ концу, соображаетъ знающій свое дѣло Ефремъ. — Теперьча равнѣ въ вечеру проснутся и сейчасъ сельтерской потребуютъ...

А солнце уже взошло и космичъ лучемъ пробралось въ комнату... Движеніе въ отелѣ развивалось съ минуты на минуту; уже и Хмуровъ раза два навѣдывался справиться о здоровьѣ друга. Въ туфляхъ на босую ногу, въ нижнемъ бѣльѣ и короткомъ пиджакѣ въ накидку, стоя, подбоченясь, передъ постелью, лукаво подмигивая глазомъ, онъ замѣчалъ, что „паренекъ-то хорошъ, малый — простота, да слабенець, нигъ не подь пару... А, впрочемъ, Господь пошлетъ—приобыкнетъ“.

— Да, если не убьютъ до того времени, замѣчалъ, въ свою очередь, красавецъ-брюнетъ съ подкрученными усиками, совершеннѣйшій типъ подрумяненнаго наѣздника въ циркѣ, monsieur Муслинъ-Душеинъ, прославившійся сожиганіемъ турецкихъ мостовъ на Моравѣ, а еще болѣе сожиганіемъ сердець всѣхъ прислужницъ по всѣмъ сербскимъ и попутнымъ отелямъ.

— Убьютъ? возражалъ Хмуровъ. — Это съ чего-же его убивать-то стануть?.. Кто его пуститъ туда, гдѣ убьютъ-то, кой съ него прокъ?.. Проваландается такъ-себѣ, при штабѣ... *Дадимъ ему „Такова“*, — ну, и пускай-себѣ живетъ... И удивительно, право...

— Что?

— Да вотъ, какъ это отъ такой кислотины да такая дочь молодчина... У-ди-ви-тель-но!..

А „кислотина“ все отсыпалась и отсыпалась, и дѣйствительно, какъ предсказывала Ефремъ, только къ вечеру очнулась и немедленно потребовала „сельтерской“.

ГЛАВА XII.

Первый день пути въ „великой колѣ“.

Поѣздку въ Делиградъ взялся устроить Хмуровъ; ему встать и самому „пора была туда ѣхать, — такъ, значитъ, за компанію

веселѣе“, какъ онъ выразился. Иванъ Аполоновичъ посвятилъ цѣлый день визитамъ, по указанію того-же Хмурова; князю Милану не представлялся, такъ-какъ тотъ уѣхалъ куда-то охотиться на фазановъ, но за то объѣздилъ всѣ министерства и получилъ просфору отъ самого митрополита Михаила. Князь былъ очень пораженъ простотою нравовъ и обычаевъ высшей сербскої администраціи. Онъ не могъ придти въ себя отъ изумленія послѣ того, какъ полчаса толковалъ съ какимъ-то старичкомъ въ приемной министерства внутреннихъ дѣлъ, принимая этого старичка за скромнаго просителя, а оказалось, что это и есть самый министр Стефичъ... Иванъ Аполоновичъ еще болѣе удивился, когда увидѣлъ, что министръ, провожая его на крыльцо, пожалъ руку его возницѣ на козлахъ, оказавшемуся, въ свою очередь, близкимъ его родственникомъ, чуть не дядею даже...

„Объявы“ были получены, снабжены печатями, — оставалось только ѣхать, но Хмуровъ почему-то опять оттянулъ поѣздку на день и для препровожденія времени устроилъ загородный пикникъ на берегу Дуная, гдѣ варилъ собственноручно уху изъ только-что пойманныхъ дунайскихъ стерлядокъ.

— Вѣдь вотъ тоже, говорилъ онъ при этомъ, — родная славянская рыбаца радуется теперь и торжествуетъ, что наконецъ-таки дождалась праздника, въ русскій желудокъ попала, а не въ поганое турецкое брюхо.

— Австрійцы тоже ѣдятъ стерлядей, замѣтилъ Муслинъ-Душкннъ. — Въ Пештѣ, напримѣръ...

— Господа, господа, а уговоръ: политику по боку! остановилъ ихъ третій собесѣдникъ, усачъ въ фуражѣ гродненскаго гусарскаго полка, личность замѣчательная тѣмъ, что всю кампанію занималась формированіемъ особаго кавалерійскаго легіона, съ которымъ такъ и не выступила въ поле до самаго окончанія военныхъ дѣйствій...

Только на пятый день пребыванія Ивана Аполоновича въ Бѣлградѣ удалось ему, наконецъ, выѣхать дальше, и то уже значительно послѣ полудня, хотя поѣздка проектирована была съ разсвѣтомъ, даже до солнечнаго восхода.

Сопутствуемая благими пожеланіями всѣхъ обитателей отеля, выснапавшихъ на площадку ради проводъ, „великая кола“, безжа развинтившимися гайками, подозрительно присѣдая на

своихъ ослабшихъ, обмотанныхъ веревками ресорахъ, еще того подозрительнѣе вилля однимъ колесомъ, тронулась въ путь, увозя въ своихъ нѣдрахъ князя Ивана Аполоновича, Хмурова и Муслина-Душкина по направленію къ боевымъ позиціямъ...

На главномъ мѣстѣ въ экипажѣ возсѣдалъ, конечно, Иванъ Аполоновичъ, рядомъ съ нимъ Хмуровъ, напротивъ Муслинъ-Душкинъ и ящикъ съ бутылками; въ ногахъ и подъ сидѣньями масса коробокъ съ консервами, кулекъ съ мѣстной ветчиною и другія съѣдобности; на козлахъ Мироничъ, сзади на запяткахъ прижостились Ефремъ съ почтальономъ, такъ-какъ кола везла, между прочимъ, и официальную почту.

День былъ прохладный, хорошій, осенній; заморенный четверикъ рысиль неторопливо, предоставляя пассажирамъ возможность вкушать всю прелесть окрестныхъ пейзажей, а вкушать было дѣйствительно что: дорога шла съ горы на гору и съ каждымъ подъемомъ влѣво открывался чудный видъ на прибрежную низовину съ бѣленькими церквями, съ красными черепичными и соломёнными крышами селеній, съ желтѣющими уже садами и перелѣсками и свѣтлою водною полосою Дуная на горизонтѣ.

Не успѣли отъѣхать версты отъ города, какъ Иванъ Аполоновичъ началъ уже обнаруживать всѣ признаки величайшаго нетерпѣнія: онъ поминутно высовывался изъ экипажа, искалъ чего-то глазами, перевода бинокль съ одной точки на другую. Ему все казалось, что вотъ-вотъ замѣтитъ онъ гдѣ-нибудь дымъ выстрѣловъ или бѣлые ряды шатровъ, бивачные костры, вообще что-нибудь такое, что должно-же напоминать имъ путешествіе по странѣ, переживающей роковую эпоху войны и разоренія, но, къ его сожалѣнію, никакихъ такихъ интересныхъ признаковъ пока не появлялось.

— Э, батенька, еще не скоро! утѣшалъ его Михайло Алексѣвичъ.—А вотъ пока лучше мы выпьемъ! Это, знаете, необходимо въ виду предупрежденія разныхъ этихъ эпидемій, дисентерій и прочаго.

— О, конечно, въ виду эпидемій, соглашался, хотя и морщился каждый разъ, Иванъ Аполоновичъ, неопредѣлившій еще совершенно точно, что ему неприятели въ данную минуту — возмож-

ность-ли подвергнуться эпидеміи въ будущемъ, или-же глотокъ этого мерзвѣйшаго коньяку въ настоящемъ.

Должность виночерпія въ такихъ случаяхъ блистательно исполнялъ Мусливъ-Душкинъ: онъ замѣчательно ловко ухитрился во время ѣзды, даже при толчкахъ, и откупорить бутылку, и налить серебряные стаканчики, не потерявъ ни капли драгоценной влаги.

Часа черезъ два съ половиною ѣзды вымышленный, тяжело поводящій боками четверенькъ остановился передъ подъѣздомъ гостиницы въ Семендріи.

Здѣсь князю пришлось впервые видѣть признаки военного времени. Большинство посѣтителей большой общей столовой, во всю длину которой стоялъ узкій сервированный столъ, были теперь уже дѣйствительно пострадавшіе: подвязанныя скулы, какія-то чалмообразныя повязки на головахъ, руки на подвѣсахъ, у каждаго почти стула торчащія костыли и особенный запахъ госпиталя и карболовой кислоты, заглушавшій даже острый аромать обильно приправленнаго перцомъ кушанья.

Все это не особенно возбуждало аппетитъ пріѣзжихъ, за исключеніемъ, впрочемъ, Михаила Алексѣевича, немедленно потребовавшаго себѣ одному пару „ручекъ“ *). Пострадавшіе оказались въ большинствѣ его знакомцами. Появленіе Хмурова вызвало общій взрывъ удовольствія, нѣсколько человекъ даже ура! закричали и непечатно выругались въ знакъ своего полного восторга.

За отдѣльнымъ столомъ у окна сидѣлъ высокій, красивый докторъ и нѣсколько скромно одѣтыхъ дамъ съ повязками Краснаго Креста. Докторъ медленно допивалъ чашку чернаго кофе и протекторски окидывалъ взглядомъ своихъ пациентовъ, „свою паству“, какъ онъ выражался. Онъ тоже оказался добрымъ знакомымъ Хмурова и даже облобызался съ нимъ при этой встрѣчѣ, сказавъ:

— А засидѣлись вы въ Бѣлградѣ долгонько! Я третьяго дня только оттуда. Михаилъ Григорьевичъ уже спрашивалъ о васъ. Ну что, какъ дѣла?

— Да ничего, отвѣчалъ Хмуровъ, — гроши получили; изъ ко-

*) Ручекъ—обѣдъ.

митета питерцы прислали триста тысячъ да москвичи тоже раскошелились. Я писалъ туда благопріятелю, чтобы выслалъ тулуповъ да валенокъ партію—общались.

— Это хорошо... холодновато тоже становится по ночамъ. Видѣли повозки?

— Это товаревскія-то?

— Да! Вотъ вѣдь пакость-то поставили... я не принялъ ни одной... По совѣсти, не могу; я ужъ лучше простыя мужичьи колы поприспособлю... Это чортъ знаетъ, что такое!

— Лупить-бы ихъ по зубамъ, прррррррррррррррррррррррр. Pardon, madame! Расп...

— А какъ мы турокъ вздули! прихрамывая, съ помощью палки, подошелъ тутъ офицеръ-доброволецъ въ русскомъ пальто безъ погоновъ и въ одномъ нижнемъ бѣльѣ.— До новыхъ вѣнниковъ не забудутъ. Подошли мы на сто шаговъ да какъ двинемъ!

— Да, двинули, вмѣшался черезъ столь другой,— изъ трехсотъ человекъ только семьдесятъ осталось... Двинули!..

— Да вѣдь они бѣжали, не мы, мы до самой темноты держались, а потомъ отступили... Патроновъ нѣтъ, отъ воды далеко, во рту пересохло... а тутъ еще раненныхъ убрать надо было, всю ночь таскали...

— Они не только раненныхъ, они и убитыхъ своихъ вынесли, замѣтилъ докторъ.— Мнѣ Дворяшинъ говорить: „смотрю, потащили на перевязочный пунктъ и безголовныхъ, и такихъ, что уже окоченѣть успѣли. Я спрашиваю: „зачѣмъ?“ а они: „да кто ихъ знаетъ, можетъ очнуться еще какъ-нибудь...“ Чудаке!

— Не то, что очнуться, гдѣ ужъ тутъ очнуться, когда полчерпа снесено гранатомъ, а тѣла чтобы не пакостили, — вотъ почему.

— Вѣррно!

— Савельевцы-то на послѣдней развѣдкѣ попятились, наклонившись къ самому уху Хмурова, съ соболѣзнованіемъ въ шопотъ, сообщилъ какой-то совершенно скелеть, обтянутый сухою, желтоватою кожей.

— А вы опять пришли въ общую? строго замѣтилъ ему докторъ; — а вамъ велѣлъ лежать и даже не двигаться, а вы... Вѣдь это нельзя-же... вѣдь это...

— Случно очень, тоска одному... Тянетъ, ну и поползъ... Тутъ лучше, а потомъ уйду, я уйду.

— Не хотите поскучать немного, а потомъ опять хуже будетъ; такъ вѣдь нельзя лечиться, нельзя-сь!

— Да и что лечиться, все одно умру, не сегодня, такъ завтра, дѣло рѣшеное... я вѣдь знаю.

— Положимъ, что такъ, а все-таки... въ свою очередь, немного смутился атлетъ-докторъ.— У него двѣ пули въ почкахъ, а одна за правннхъ легкимъ зашла, шепнулъ онъ Ивану Аполоновичу.

— Угаiment? пробормоталъ тотъ и началъ усиленно сморкаться, маскируя этимъ свои невольныя слезы.

А Хмуровъ теперь обходилъ вокругъ стола и все разспрашивалъ, называя то ту, то другую фамилию; ему отвѣчали. Въ этихъ отвѣтахъ, сказанныхъ, повидимому, совершенно спокойнымъ, равнодушнымъ тономъ, безпрестанно слышалось: „убить, померь, мскалѣченъ“; иногда отвѣтъ замѣнялся выразительнымъ жестомъ, тоже неизмѣвшимъ ничего отраднаго. Даже вѣчно-веселый Михаилъ Алексѣевичъ—и тотъ не выдержалъ.

— Да вѣдь это просто поголовная бойня какая-то! вскрикнулъ онъ и съ ожесточеніемъ черпнулъ ложкою супу съ лапшой изъ общей чашки, сунувъ предварительно въ тарелку стручекъ краснаго перца.

— Это Марковецъ, сообщилъ онъ Ивану Аполоновичу на его вопросъ: „кто этотъ докторъ, съ которымъ онъ сейчасъ разговаривалъ?“

— Ахъ, слышалъ. Какъ это все интересно! нашелъ почему-то князь, недоумѣвая, приняться-ли ему за это снадобье, что стоитъ передъ его приборомъ, или ужъ лучше и не пробовать.

Муслинъ-Душкинъ, какъ только вошелъ въ гостиницу, такъ сейчасъ-же направился къ прилавку буфета и, красиво позируя, велъ все время самую оживленную бесѣду съ двумя бойкими сербками-буфетчицами, хохотавшими безъ умолку, несмотря на то, что вся обстановка столовой вовсе не располагала къ веселью.

Часа три провели въ Семендріи.

Хмуровъ уходилъ наверхъ, въ номеръ, навѣститъ тамъ лежащихъ своихъ знакомыхъ, ходилъ въ городъ зачѣмъ-то, былъ на

пристани, раздавалъ деньги, совѣщался съ Марконетомъ, получилъ отъ одной изъ сестеръ милосердія въ презентъ бисерный башмачекъ для часовъ и, наконецъ, уже совсѣмъ въ сумерки объявилъ, что, „однако, пора-бы и ѣхать!“

Поѣхали.

Темнѣло... Тамъ и сямъ засвѣтились огоньки въ окнахъ чистенькихъ, уютныхъ деревенскихъ кучъ. Почти безъ промежутковъ сирава и слѣва отъ дороги тѣснились отдѣльныя селенія — полныя чаши; темныя силуэты свирдъ убранной кукурузы, печныхъ трубъ, прикрытыхъ чугунными горшками, приземистыхъ колоколенъ, а мѣстами изрѣдка и тонкихъ мусульманскихъ минаретовъ отчетливо такъ рисовались на красно-багровомъ фонѣ потухающей вечерней зари. Длинныя вереницы журавлей и дикихъ гусей летѣли куда-то къ югу; у колодцевъ и прудовъ толпились рабочій скотъ на водопой; возы, нагруженные хлѣбомъ, медленно двигались по боковымъ дорожкамъ. Все еще пока вѣяло миромъ и довольствомъ, только на шоссе теперь уже стали появляться картины и сцены совершенно противоположнаго свойства. Уже нѣсколько разъ „великая кола“, несмотря на представительный, воинственный видъ Мирончы и звонъ официальнаго колокольчика на кончикѣ дышла, все-таки должна была покорно сворачивать въ сторону, а иногда и терпѣливо пережидать двигавшіеся навстрѣчу обозы. На простыхъ повозкахъ, часто даже безъ навѣса отъ дождя и солнца, везли больныхъ и раненныхъ съ позицій. Медленно шагали волы и буйволы, уныло скрипѣли незаманная оси, флегматично, ну точь-въ-точь наши степные чумаки, брели усатые погонщики... Пассажиры этихъ повозокъ рѣдко, развѣ на очень ужъ усердномъ толчкѣ, издавали болѣзненные стоны, а въ большинствѣ пластомъ лежали, молчаливо-покорные, безропотные...

Во главѣ одного изъ такихъ обозовъ ѣхалъ санитаръ въ статскомъ платьѣ, резиновомъ плащѣ и въ русской военной фуражкѣ съ кокардой. На вопросъ Хмурова, обращенный къ нему: „кто такіе?“ онъ угрюмо отвѣчалъ, подозрительно почему-то косясь на прочихъ пассажировъ вола:

— Все наши.

— Наши! вздохнулъ Хмуровъ.

— То-есть, рускіе? переспросилъ Иванъ Аполоновичъ, не безъ ужаса глядя на эти ряды печальныхъ экипажей.

— Конечно; изъ сербовъ мало кого казеннымъ порядкомъ волокутъ, тѣхъ больше свои родственники по деревнямъ къ себѣ возвать, тѣмъ лучше.

— Тамъ подальше и сербы вамъ встрѣтятся, добавилъ санитаръ, — они пѣшкомъ идутъ. Тоже не мало такихъ, только все больше „самопалы“.

— Это съ пальчиками-то? замѣтилъ Михайлъ Алексѣвичъ. — Такъ-съ... дѣло знакомое!

— Вы не повѣрите, князь, какая это сволочь! Они сами себѣ пальцы отстрѣливаютъ, чтобы только изъ строя уйти, успѣвши объяснить, въ чемъ дѣло, Муслинъ-Душкинъ. — Вѣдь вотъ какіе, каналы, трусы!

— А ты не ругайся зря... Тоже и на то, чтобы себѣ самому палецъ отстрѣлить, надо не мало отваги и рѣшимости, прервалъ его Хмуровъ. — На-ка тебѣ револьверъ, стрѣльни, попробуй.

— Съ какой-же стати?

— То-то. Надо, значить, имѣть сильную побудительную причину, чтобы рѣшиться на самопораненіе. Вотъ и рассматривай эту причину, устраний, коли можно.

— Я слышалъ, я читалъ даже объ этомъ въ газетахъ, произнесъ князь. — Вѣдь они рискуютъ быть разстрѣлянными, если не ошибаюсь.

— Рискуютъ, а все-таки уклоняются отъ службы. То-есть ни одного дѣла не проходитъ, чтобы не оказалось десятка, а то и больше „самопаловъ“. Разъ приводятъ одного такого къ генералу, показываютъ руку, — два среднихъ пальца на лѣвой отстрѣлены начисто, вся кисть почернѣла отъ пороховой копоти, обжогъ видны — видимое дѣло, въ упоръ стрѣлялъ; улики на лицо — разстрѣлять его, каналю, прочимъ для примѣра. Вотъ какъ теперь помню этого „войника“, — молодой еще, совѣмъ безъусый, глаза такіе добрые, не плачетъ, не проситъ, только смотритъ кругомъ на всѣхъ эдакъ уныло, словно насъ всѣхъ жалѣетъ, и головою даже покачиваетъ. Говорю я шопотомъ: „Михайло Григоричъ, ну его къ чорту, отпусти“. Гмъ!.. На душѣ-то не ладно какъ-то стало. Поставили хлопца передъ фронтомъ, скомандовали,

а тотъ: „погоди!“ говорить, и сталъ рваться за пазухою. Копалясь онъ, копалясь, четыре дуката вытащилъ въ тряпочкѣ, къ генералу подошелъ. — „На, говорить, отдай живнѣ“. Положилъ деньги на землю и сталъ на „свое“ мѣсто.

— Ну, ну?

— Да что „ну“. Ужь я и не знаю, какъ тамъ дальше случилось. Генералъ сѣлъ на лошадь и уѣхалъ, мы всё тоже поразбредлись, кто куда; смотрѣть-то другъ другу въ глаза было какъ будто совѣстно; взводъ тоже повернулся да пошелъ справо рядами, и тотъ пошелъ, прямо домой пошелъ, его пагнали уже за часъ ходу, деньги-то отдать надо было, что на землѣ остались, — вотъ и все!

Тяжелое впечатлѣніе произвелъ этотъ разговоръ на слушателей. Даже Мироничъ, прислушиваясь съ козелъ, вздохнулъ и перекрестился, а сербъ-возница пробормоталъ себѣ въ усы: — а тако-жъ!..

— Говорять, есть болѣзнь такая, продолжалъ Хиуровъ, — зовется та болѣзнь тоскою по родинѣ, — скверная болѣзнь. Отъ этой болѣзни сплошь да рядомъ въ верхній чердакъ себѣ пулю засаживаютъ, а не то что въ пальцы. Полагаю я такъ, что это тоже болѣзнь — „тоска по вучѣ“. Вѣдь вотъ „стоячее“ войско, то успѣло поотвыкнуть отъ дому, казарма обработала ихъ по-своему, вотъ и бьются молодцами, не хуже нашихъ, особенно артиллеристы, тѣ хоть куда народъ, смотрѣть любо! О-о-о-охъ! Душквинъ, скрути папиросу!..

Свернула кола съ шоссе и мягко, спокойно покатила по грунтовой дорогѣ. Сыростью дубоваго лѣса повѣяло. Хиуровъ бурку натянулъ на себя, Муслинъ-Душквинъ заботливо прикрылъ толстымъ пледомъ тощія колѣни Ивана Аполоновича, тотъ зѣвнулъ ему въ отвѣтъ на эту любезность: „Ахъ, что вы безпо-ко-о-онитесь!“ Сожигатель сердець тоже зѣвнулъ: „помилуйте, какое-же тутъ безпоко-о-о-йство!“ и, минутъ десять спустя, въ нѣдрахъ колн водворилось общее молчаніе.

Сонная кола, прогремѣвъ по жидкому, новостроющемуся мосту, прибыла въ сонный „Ягодинъ“.

ГЛАВА XIII.

ТЕПЛОЕ ГНѢЗДЫШКО.

Въ Парачинѣ, въ одной изъ боковыхъ улицъ, нѣсколько на отлетѣ отъ прочихъ строеній, пріятно ласкаетъ глазъ проѣзжаго красивая группа опротно выбѣленныхъ домиковъ, крытыхъ желѣзняковою черепицею. Эти домики только лицевыми фасадами выглядываютъ на улицу, все остальное прячется въ густую зелень фруктовыхъ садовъ и кудреватыхъ каштановыхъ деревьевъ. Лѣтомъ, кромѣ того, высаживаются передъ фронтомъ кадки съ роскошными олеандрами и миртами, душистая бѣлая акація причудливо лѣпится по стѣнамъ между оконъ, скромно закрытыхъ рѣшетчатыми жалюзи и парусинными маркизами; зимою, конечно, всѣ эти нѣжныя, любящія свѣтъ и тепло декорація прячутся въ крытые сараи. Въ этихъ домикахъ до „тяжкаго времени“ жило тихо, уютно, мирно. Въ часы досуга слышался звукъ рояля, а то и пѣніе въ часы обыденнаго труда, шорханье рубанка, стукъ молотка, шипящій свистъ пилы, прокладывающей себѣ дорогу въ здоровомъ смолистомъ тѣлѣ сосны и кипариса. Теперь эти звуки смѣнились иными. Теперь отсюда несется на улицѣ грубый говоръ солдатскихъ голосовъ, стоны и жалобы страдающихъ, суетливая докторская рѣчь... шипитъ иногда пила, да ж часто бываетъ, но только не дерево она пилитъ, а нѣчто другое, что и радо-бы крикнуть отъ боли, да замерло временно, удушненное парами хлороформа.

Теперь надъ этими домиками плавно колыхнется въ воздухѣ большой лоскутъ бѣлаго полотна съ краснымъ, прямоугольнымъ крестомъ посрединѣ.

Здѣсь госпиталь и перевязочный пунктъ, созданный исключительно частною благотворительною дѣятельностью. Попастъ на излеченіе въ этотъ госпиталь—завѣтная мечта каждаго страдальца съ боевого поля. Здѣсь тепло и уютно, здѣсь нѣтъ и тѣни гнетущей душу, тормозящей дѣло официальной формальности; расходная графа на пресловутыя „канцелярскія принадлежности“ распорѣчиво гласитъ о семъ своими бѣлыми полосами. Здѣсь

для больного всегда есть хина, и въ такомъ количествѣ, въ какомъ она требуется, корпія и бинты лежатъ здѣсь наготовѣ, прежде чѣмъ привезутъ раненныхъ. Здѣсь не пытаются полубезпамятнаго, искалѣченнаго бѣдняка разспросами, сколько ему лѣтъ, да какъ его зовутъ, да гдѣ родился, да въ какой бригадѣ и „четѣ“ служилъ. Здѣсь только берутъ, лечатъ и выпускаютъ здоровыхъ... Рабочіе этого благотворительнаго гнѣзда не считаются работою, всякъ несетъ свою долю труда по силамъ и знанію; здѣсь не наблюдается ревниво чиновная іерархія, здѣсь нѣтъ ни старшаго, ни младшаго,—здѣсь только товарищи... Нѣтъ здѣсь и крупно-жертвующихъ благотворителей, вѣчно не встаетъ сующихъ свой носъ въ дѣло въ почетной роли попечителей. Дѣятельность этого мѣста создавалась безъимянными мѣдными грошами, силою любви къ человѣчеству сплавившимися въ золотое дѣло.

Душою этого теплаго гнѣздышка была Надежда Ивановна Пестрая-Коврикова.

Много врачей, чиновныхъ и нечиновныхъ, молодыхъ и старшихъ, недоучившихся и переучившихся, заявили о своемъ желаніи ѣхать на театръ военныхъ дѣйствій; эти заявленія шли разными путями и обставлены были также различными условіями и требованіями; и, странно, чѣмъ эти требованія были скромнѣе, тѣмъ меньше имѣли шансовъ на успѣхъ, можетъ быть потому, что широкія требованія завистли и отъ широкихъ знакомствъ и связей. можетъ быть, и потому, почему часто бываетъ легче учителю найти уроки по десяти рублей за часъ, чѣмъ по полтиннику, легче распродать концертанту свои кресла по двадцати пяти рублей, чѣмъ по рублю. Какъ-бы то ни было, но только скромнымъ въ своихъ желаніяхъ пришлось или бросить свои затѣи, или-же отправляться на свой счетъ, идти работать ради самой работы, а не ради содержания.

Чиновныя, официализированныя лица медицинскаго персонала свнсока смотрѣли на своихъ неоплачиваемыхъ волонтеровъ-собратьевъ, „врачей-добровольцевъ“, какъ ихъ называли, и оттирала ихъ отъ дѣла. Безпокойный народъ, молъ, суютъ носъ куда не слѣдуетъ, одни безпорядки производятъ, опять-же и болтливы очень. За то эти безпокойные элементы находили себѣ работу тамъ, гдѣ уже оттирать ихъ было некому, то-есть въ районѣ, обстрѣливаемомъ вражескими снарядами, или въ близкомъ сосѣдствѣ

съ этимъ райономъ; не мало такихъ уже поплатилось головами за свое самоотверженіе. Разбросанныя единицы такихъ дѣятелей, случалось, за немнѣишемъ никакихъ перевязочныхъ средствъ, съ отчаяніемъ глядя на ряды искалѣченныхъ, безпомощныхъ героевъ, брали въ руки ружье и шли въ бой, увеличивая потомъ своимъ собственнымъ тѣломъ эти печальные ряды. Натуры покрѣпче, поддержаннѣй, изумляли своею находчивостью; по пословицѣ: „голь на выдумки хитра“, они безъ гроша иногда создавали то, до чего часто не достигало оплачиваемое тысячами.

Они не всегда пользовались дружелюбіемъ высшей администраціи, за то завладѣли всецѣло общою симпатіею солдатъ боевого строя.

Здѣсь тѣ самые прославленно-лѣтныя, безсердечныя сербы-санитары, вяло и даже *непочтительно* исполняющіе свою обязанность подъ присмотромъ офиціально-чиновнаго взгляда и сухого приказанія, живо сновали то туда, то сюда, поражали даже своею неутомимостью и энергіей въ работѣ. Сербъ, болгаринъ, боснякъ, черногорець, плѣнный башибузукъ, даже одинъ англійскій шпіонъ, попавши разъ на койку этого госпиталя, равно заслуживали ухода и участія въ своемъ горѣ. Національность здѣсь не имѣла никакого значенія. Здѣсь были только больныя и врачующіе.

Начался этотъ госпиталь съ самаго малаго зернышка, съ одной палатки, растянутаго между двумя телѣгами; мѣсяца въ два онъ развился до настоящаго положенія, и главною виновницею этого развитія была Надя, давшая свои собственныя средства, а главное, умѣвшая сюда-то именно привлечь добрую часть народной грошевой лепты. Ей довѣряли. А народная лепта, идущая въ искренно „довѣренныя“ руки, неистощима.

Надеждѣ Ивановнѣ Пестрой-Ковриковой помогло, между прочимъ, и личное знакомство со многими членами и главными дѣятелями славянскихъ комитетовъ. Ея письма въ Петербургъ и Москву не оставались безъ отвѣта.

Надъ этимъ гнѣздомъ, какъ я уже сказалъ, развѣвался флагъ Краснаго Креста; этотъ флагъ выражалъ собою широкую идею благотворительности и не имѣлъ никакого другого, болѣе частнаго значенія.

ГЛАВА XIV.

ВЪ П А Р А Ч И Н Ъ.

Стефо Сумичъ, столяръ, хозяинъ и собственникъ большей половины занятаго подъ госпиталь помѣщенія, безвозмездно стѣснившій себя и свою семью для патриотическаго дѣла, сосредоточенно разсматривалъ свое новое произведеніе. Онъ до сихъ поръ находилъ его превосходнымъ, безупречнымъ, чуть не послѣднимъ словомъ механики и столярнаго ремесла, а вотъ „они“ находятъ недостатки, и даже очень важные, и самъ-то онъ, мастеръ, тоже находитъ теперь эти недостатки, а прежде не замѣчалъ. И какъ это онъ могъ не замѣтить? Удивительно!

— Вотъ и некуда *ему* будетъ ноги протянуть... Какъ только подъ гору пойдетъ, такъ сейчасъ и неладно, говорилъ, тыча толстымъ, краснымъ пальцемъ, аптекаръ Гезонъ, онъ-же и начальникъ перевязочныхъ средствъ госпиталя.

— Та, разуме, разуме, пожималъ плечами Сумичъ.—Бого-ми, никакъ не можно... Овакимъ образомъ?

— То-то „овакимъ образомъ“! А вы, господине, вотъ тутъ подрубите, а тутъ подпилите...

— Гмъ! тай надо подрубить, тай тоже и подпилить надо; све разуме, све...

Подошелъ тутъ еще одинъ юноша, чуть не косяя сажень въ плечахъ, обошелъ вокругъ новенькой повозки, подвигалъ ее взадъ и впередъ одною рукою и рѣшилъ, что легонька-то легонька, только поскрипываетъ.

— Не мазана еще, сказалъ сербъ Сумичъ.

Вышла и Надежда Ивановна изъ сосѣдняго домика, нагнувъ теплый шерстяной платокъ на свои вздернутыя, какъ-то ежившіяся плечики, и подошла къ группѣ.

— Ну, какъ вы находите? обратился къ ней аптекаръ.—Я, видите-ли, говорю ему...

— Ну, право-же, ничего не понимаю въ этомъ дѣлѣ, проговорила она. — А вотъ что, господа: у насъ вино все почти на исходѣ... Привезли вчера бутлю, да, кажется, кислое очень...

— Ахъ, каналы!.. Хмуровъ обѣщался изъ Бѣлграда, какъ побѣдетъ, да вотъ что-то замѣшался...

Изъ другого домика, побольше, четыре санитара выносили какіе-то длинныя свертки на носилкахъ. Нада поблѣднѣла немного и отвернулась.

— Стыдно плакать, неожиданно появился около нея лѣтній пиджакъ съ докторскими погонами.—И когда это вы, хорошая моя, попривыкнете?

— Жаль... совсѣмъ вѣдь дѣти... старшему и восемнадцати лѣтъ не было, дрогнувшимъ голосомъ проговорила она. — Онъ вчера еще былъ въ памяти, говорилъ со мною... Все просилъ вылечить его поскорѣе... Бѣдный!..

— Тяжкое время!.. вздохнулъ сербъ-столаръ Сумичъ.

— А, говорятъ, насъ ревизовать хотятъ... отчетность требовать. Листы скорбные, говорятъ, не въ порядкѣ, улынулся докторъ.—Упрекають, между прочимъ, что мы выздоравливающихъ отпускаемъ на всѣ четыре стороны, а не на позиціи. Чудаки, право... Что вамъ писалъ генералъ?

— Ничего, благодарить за своего конвойца,—помните, что руку отняли?—и за то, что послѣдней партии добровольцевъ рубашекъ дали... Денегъ предлагалъ.

— Это хорошо!

— Ничего нѣтъ хорошаго... Какія у него деньги... Тамъ вѣдь тоже нужда, а у насъ пока всего достаточно... А, наконецъ-то!

Лицо Нади, нѣсколько печальное до сихъ поръ, вдругъ прояснилось, сдвинутыя, по обыкновенію, къ переносью брови приподнялись, глазки замскрились и ротъ сложился въ веселую, привѣтливую улыбку.

Въ ворота дворика восолапо шагала массивная фигура Михаила Алексѣевича и его сиповатый голосъ еще издали обратилъ на себя вниманіе всѣхъ, здѣсь присутствующихъ.

— Наше вамъ почтеніе, здравія желаемъ, почтенной матери игуменьи съ братіей... Здравствуйте, матушка Надежда Ивановна, здравствуйте, ангелъ Божій, сестрица наша милая... Что ваша лихорадочка?

— Вина привезъ? спросилъ докторъ, облобызавшись троекратно съ новопривывшимъ.

— Вина привезли? добавилъ и аптекарь, обтирая свои губы, ради тоже предстоявшаго лобзанія.

— А привезли вина? повторила вопросъ и Надя, протянувъ Хмурову обѣ ручки и терпѣливо выжидая, пока тотъ измуслитъ достаточно ея нервные, тонкіе пальчики съ прозрачными, розовыми ноготками.

— Папеньку приволокъ! шепнулъ ей на ухо Михайло Алексѣвичъ, да такъ, что всѣ слышали, кто только ни былъ здѣсь во дворикѣ;—въ районѣ десяти сажень разстоянія.

Надя широко раскрыла свои глаза и ея веселое, довольное лицо снова приняло свое прежнее, озабоченно-растерянное выраженіе.

— Аль не рады? спросилъ Хмуровъ, тотчасъ-же замѣтя эту переиству. — Приважите—я назадь его отвезу... Мнѣ вѣдь все равно... Ей-богу отвезу... Сейчасъ пойду и скажу: налѣво кругомъ—маррршъ!.

— Когда вы шутить перестанете!.. Гдѣ онъ?.. Да вы, вѣрно, соврали... что за шутки, право!..

— Здѣсь, здѣсь... Тамъ его Душкинъ,—вы помните Душкина?—его Душкинъ водою отливаетъ; волненіе съ нимъ сильное... Послѣднія десять верстъ въ колѣ не могъ усидѣть... Говорить, пѣшкомъ скорѣе дойдетъ, бѣжать собирался. Онъ добрый такой, славный старичекъ... А любить васъ... ну, такъ ужъ любить! намъ даже надоѣлъ своею любовью... Да вы куда-же? Онъ самъ сейчасъ придетъ, его Душкинъ приведетъ. Постоите-же!.. Ну, чего, право... ну, ну... Ахъ, вы, горячка... Ахъ!..

И Хмуровъ поспѣшно пустился догонять Надю, чуть не бѣгомъ бросившуюся къ декорированной олеандрами входной калиткѣ.

Душкинъ, успѣвши какъ-то незамѣтно отъ нея самой приложиться къ рукѣ Нади, отошелъ почтительно въ сторону и позировалъ у забора. Хмуровъ теръ себѣ желудокъ и чувствовалъ себя какъ-будто-бы не совсѣмъ ловко. Докторъ и санитары черезчуръ ужъ пристально разсматривали новую повозку, чуть-что не обнюхивая ее со всѣхъ сторонъ; они тоже были нѣсколько смущены. Сербъ Сумичъ всхлипывалъ и утиралъ концомъ пояса глаза. Князь Иванъ Аполоновичъ не замѣчалъ, не чувствовалъ даже всего окружающаго, его грудь душили истерическія рыда-

нiя... Онъ даже не успѣлъ разглядѣть свою Надю, онъ чувствовалъ только, что это она, никто другая, въ его объятiяхъ... А та улыбалась такъ ясно, такъ весело, бормотала: „папа, папочка, да успокойся, папа... да поидежь-же ко мнѣ, папочка“... и тщетно силилась приподнять, поддержать это размякшее отъ избытка чувствъ, опустившееся на колѣни старческое тѣло.

Душкинъ поспѣшилъ къ ней на выручку.

— Ахъ, князь, будьте мужественны... Calmez vous, mon prince. Mais que se que vous faites devant celle... Посмотрите, сколько тутъ посторонняго народа. Вонъ и эти тоже... Ну чего стали, пошли вонъ, скоты!.. Чего не видѣли!..

Послѣднее относилось къ вучкѣ сербовъ-коморджiевъ, запрудившей весь просвѣтъ калитки.

— Раскись папаша! произнесъ и Михайло Алексѣевичъ. — Надежда Ивановна, да ведите его къ себѣ. Душкинъ, бери подъ руки!..

Подоселъ тутъ и докторъ.

— Нервное потрясенiе, говорить. — Опять и безъ шапки на солнцѣ не слѣдуетъ стоять.

Взяли всѣ трое Ивана Аполоновича подъ руки и повели въ домикъ. Надя впередъ порхнула, растворила широкое итальянское окно и кричитъ оттуда:

— Сюда, сюда!..

— Это, значить, ейный родитель! объяснялъ, сидя на лазаретномъ порогѣ, солдатикъ съ обвязанною головою другому, на деревьяшкахъ.

— Не видались давно, надо полагать, отвѣчалъ тотъ. — Надясь тоже эдакъ-то мать къ одному прiѣхала. Сказывали, пѣшкомъ дошла изъ Костромы... Приходить это она въ лазаретъ, а сынъ-то, вишь, помираетъ... Что тогда было и что только тогда было!..

Минуть черезъ десять пассажиры „великой колы“ уже сидѣли въ уютной, комфортабельно-меблированной комнаткѣ Нади. Пришелъ и Миронъ и на вытяжкѣ стоялъ у порога, никакъ не соглашаясь сѣсть и быть гостемъ, какъ этого настойчиво требовала сама хозяйка... А еще минуть черезъ десять всѣ постороннiе, подъ разными благовидными предлогами, вышли и оставили наединѣ папеньку съ его дочкою.

Жмуровъ, уходя, сообщилъ Ивану Аполоновичу, что останется въ Парачинѣ до ночи, а можетъ и почевать здѣсь будетъ; во всякомъ-же случаѣ, заблаговременно предупредить о своемъ отъѣздѣ, если папашѣ желательно будетъ, и проч., и пр., и пр. Душкинъ, уходя, продлилъ поцѣлуй руки Нади долѣе, чѣмъ-бы слѣдовало, и испустилъ глубокой вздохъ. Докторъ пообѣщалъ приготовить яичницу съ ветчиною, а сербъ-столяръ принесъ уже на подносикѣ синихъ гроздовъ, айвы и какихъ-то грушъ, жесткихъ, какъ дерево, за то разнѣровъ необычайныхъ. Нада звала сегодня къ себѣ всѣхъ обѣдать.

— Ну, что она? улыбнувшись не безъ лукавства, спросила Нада, когда они уже успѣли переговорить обо всемъ, составившемъ интересъ дня и обстановки.

— Другъ мой! ради Бога не отравляй этихъ чудныхъ, свѣтлыхъ минутъ напоминаніемъ объ этой...

— Не буду, не буду... затараторила Нада, разглаживая руками рѣденькіе сѣдые волосы на отцовской лысинѣ.

— А что онъ... тотъ?... сорвался вопросъ у Ивана Аполоновича и вызвалъ краску на его впалыхъ щекахъ.

Легкая тѣнь набѣжала на довольное, веселое личико княжны, между бровей обрисовались характерныя складочки.

— Не буду, не буду! въ свою очередь засуетилса князь, замѣтивъ эти всегда пугавшіе его признаки.

На этотъ разъ признаки эти были поняты имъ и истолкованы въ самомъ успокоительномъ, желанномъ смыслѣ.

— Я зналъ, дитя мое, началъ онъ; — я былъ увѣренъ, что княжна Пестрая-Коврикова никогда не сдѣлаетъ ничего противнаго...

— Да будетъ-же, папа, будетъ. Ахъ, Боже мой, что я, въ самомъ дѣлѣ! Хочешь кофе? Какъ я научилась здѣсь варить кофе, настоящій турецкій кофе, въ крошечныхъ чашечкахъ, съ гущей, — превкусно, право!.. Я сейчасъ.

И она захопотала около буфетнаго шкафика, извлекая оттуда на свѣтъ Божій различные металлическіе приборы для кофеварительнаго процесса и бѣленькія, съ наперстокъ величиною, фарфоровыя чашечки.

За обѣдомъ всѣ сообща постановили дальнѣйшее рѣшеніе. Надя разрѣшила папашѣ ѣхать на боевыя позиціи, посмотрѣть все, что онъ найдетъ тамъ интереснымъ, но чтобы онъ и не думалъ рисковать собою. Она мотивировала свое требованіе тѣмъ, что преклонный возрастъ, физическая слабость и полная боевая неопытность Ивана Аполоновича не могутъ принести дѣлу никакой пользы, а оставаясь въ тылу арміи, она найдетъ ему не менѣе почетную работу. Надя изложила свои взгляды въ такой мягкой, деликатной формѣ, что Иванъ Аполоновичъ не чувствовалъ никакого укола своему самолюбію.

— Да, да, согласился и Хмуровъ. — Пускай его поѣдетъ съ нами, поглядить. Это интересно и недалеко.

— Повѣрьте, заявилъ и Мусливъ-Душкинъ, — мы его сбережемъ, Надежда Ивановна. Я вамъ ручаюсь честью и головою за его безопасность.

— Мерси!.. протянула ему руку Надя.

— Я ему такихъ тѣлохранителей двухъ предоставлю... началь-было Хмуровъ.

— И не надо... никакихъ тѣлохранителей не надо, заговорила Надежда Ивановна. — Я вѣдь васъ знаю!.. Вы вѣдь сейчасъ... Вы его, смотрите, не вздумайте въ ночныя экспедиціи посылать... Вотъ только смѣйте!..

— Не пошлю... ну его!.. Онъ и пить-то не умѣетъ по-нашему... куда его въ ночную...

— То-то...

Хмуровъ досталъ бутылки двѣ шампанскаго. Выпили за дочку, за папашу, за успѣхъ тимовско-моравскаго войска, за скорый и почетный миръ. Разошлись уже, когда стемнѣло, а на другой день утромъ великая кола снова появилась передъ воротами госпиталя и послѣдовала не менѣе трогательная сцена разставанья, съ маханіемъ платками и изъ окошка Нади, и изъ обонихъ пролетовъ навѣса экипажа, — маханія, прекратившагося только тогда, когда кола свернула на главную улицу и скрылась, лавируя между безчисленными, нагруженными сѣномъ и сухарями, возами загромождавшихъ всю дорогу обозовъ.

— Да, батенька, воевать-то мы васъ не пустимъ! подмигивалъ Хмуровъ, усаживаясь поспоконѣе.

— Да-съ, говорилъ Муслинъ-Душкинъ.—Я далъ слово, и вы меня, князь, ужъ извините... Я честно сдержу это слово.

— Ахъ, господа! вздыхалъ Иванъ Аполоновичъ.—Я счастливъ, я безмѣрно счастливъ... Повѣрьте, я старъ, да, но я-бы сзумѣлъ умереть съ честью... Повѣрьте, сзумѣлъ бы лечь костью... да-съ!..

— Да на кой чортъ умирать-то зря? недоумѣвалъ Михайло Алексѣвичъ.—Я понимаю...

— Вы будете, князь, жить для вашей дочери, для насъ, для счастья...

— Да ты, братъ, Душкинъ, что-же? ты это никакъ „съ мѣста въ карьеръ“ начинаешь! захохоталъ Хмуровъ.

— И что тутъ смѣшного!! пожалъ плечами тотъ.

На дорогѣ слышались десятки дѣтскихъ голосовъ. Босня, полуголая дѣти въ припрыжку бѣжали, равняясь съ экипажемъ. Въ сторонѣ видѣлись шалаши и землянки несчастныхъ бѣглецовъ изъ разореннаго края. У Хмурова на этотъ случай всегда были заготовлены полные карманы серебряной монеты.

— А золото бросать не годится! замѣтилъ Михайло Алексѣвичъ князю, швырнувшему въ толпу просящихъ милостиню дѣтей нѣсколько новенькихъ дукатовъ.

ГЛАВА XV.

Первыя звуки боя.

Моросившій весь день пренепріятный, мелкій, напоминающій близкую осень дождь мало-по-малу прекратился, каменистая дорога уже успѣла просохнуть мѣстами, на западѣ зазолотились свѣтлыя полосы разъясняющагося неба... Веселѣе какъ-будто бѣжали уставыя, загнанныя непомятою работою почтовые влячи, веселѣе тянулись по боковымъ тропинкамъ группы солдатъ, возвращавшихся въ боевой лагерь съ временной побывки, веселѣе поскрипывали немязанныя оси тяжело нагруженныхъ провіантскихъ телѣгъ, запряженныхъ косматыми буйволами, веселѣе даже шли другіе, печальные обозы навстрѣчу, не такъ уже уныло, безнадежно выглядывали блѣдныя, обвязанныя грязными, окровавлен-

ними тряпками лица раненныхъ. Даже по временамъ шутка и что-то похожее на веселый смѣхъ прорывались въ этихъ тяжелыхъ столахъ, усиливающихся, когда полотно дороги попадалось болѣе изрытое, кочковатое, стихавшихъ, когда это полотно шло поглаже...

И Хмуровъ пересталъ дремать съ подхрапываніемъ, и его спутникъ Муслинъ-Душкинъ фальшивымъ теноромъ затянулъ пикантные мотивы Офенбаха, перебивъ свою сдержанность и чувство почтительности сыновней, и самъ Иванъ Аполоновичъ молодцевато подбоченился, освободившись уже отъ того слезливо-умиленнаго состоянія, навѣяннаго на него послѣднею сценою разставанія, хотя и временнаго, съ дочерью.

Хмуровъ теперь не обращался къ нему иначе, какъ съ словомъ „папаша“, объясняя это тѣмъ, что если Нада признана по праву ихъ общею сестрою, то отецъ ея, понятно, ихъ общій папаша.

Ивану Аполоновичу это льстило, и даже очень; онъ даже чувствовалъ въ своемъ сердцѣ нѣчто вродѣ зародыша чисто-отеческаго чувства ко всѣмъ этимъ, что сначала нѣсколько шокировали его своими разнузданными манерами, усиленно-ухарскою рѣчью, а главное — вонючими смазными сапогами и отсутствіемъ носовыхъ платковъ, даже безъ помощи перчатокъ.

Великая кола поднялась на довольно высокую гору, обогнула ея лѣсистый кряжъ и передъ глазами путешественниковъ, какъ на ладони, застрѣбли черепичныя крыши и сверкающія заревомъ заката окна селенія... Печенымъ хлѣбомъ потянуло оттуда снизу, столбы черного дыма поднимались надъ какими-то странными сооруженіями въ видѣ колосальныхъ муравьиныхъ кучъ, глухое мычаніе рогатаго скота, рѣзкій крикъ ословъ, ржаніе коней, чующихъ вечернюю торбу, гулъ смѣшанной русско-сербской рѣчи и надтреснутые звуки военнаго рожка...

— А вотъ и Рожанъ! высунулъ Хмуровъ до половины свое грузное туловище. — Теперь пять верстъ всего до мѣста осталось... Душкинъ, достань-ка коньячку!.. Папаша, приязжете?

Папашѣ вовсе не хотѣлось пить этотъ скверный, хотя очень дорогой коньякъ; его даже передернуло слегка отъ такого предстоящаго удовольствія. Однако, онъ счелъ долгомъ немедленно отвѣтить на приглашеніе:

— А что же, недурно! Это не мѣшает!

И со страхомъ покосился на слишкомъ ужъ большой стаканъ, недрогнувшій даже въ мощной десницѣ Михайлы Алексѣевича, несмотря на толчки колы при спускѣ.

— За вашу дочь! чокнулся, обращаясь къ князю, Муслинъ-Душкинъ, испустивъ при этомъ глубокой вздохъ, и безъ передышки выпѣдилъ весь стаканъ сквозь зубы.

— И куда это, лѣшій его побери, сунулъ я кусокъ черстур? Ты, кажется, уѣлся на него... Ну, такъ и есть! Привстанъ-ка немного... Не прикажете-ли, папаша, кусочекъ? Ишь ты, какъ нагрѣлся! Пожалуйте...

Но князь закусить отказался и незамѣтно сунулъ себѣ въ ротъ мятную лепешечку, — незамѣтно потому, что онъ счелъ такой деликатный способъ закусыванія, въ виду боевыхъ позицій, нѣсколько предосудительнымъ.

— Гудько! здравствуй, братъ! ты куда? замахалъ руками Хмуровъ. — Эй, Гудько!..

Къ колѣ подѣхалъ плотный, маленького роста, доброволецъ съ офицерскими звѣздочками на воротникѣ, съ громаднымъ палашемъ сбоку и черкесскою, добытою съ боя, магазинкою за плечами. Онъ остановилъ у экипажа свою лошадеку, облобызался, не сходя съ сѣдла, съ Михайломъ Алексѣевичемъ, протянулъ руку Душкину и вопросительно посмотрѣлъ на Ивана Аполонovichа.

— А вотъ къ намъ ѣдетъ, турку страдать! объяснилъ ему Хмуровъ. — Куда несеть?

— Въ Парачинъ... Насилу отпросился, и то, чтобы завтра къ обѣду непременно вернуться. Штаны совсѣмъ износились, новые раздобыть.

И Гудько безцеремонно показалъ остатки своего нижняго костюма, отъ котораго буквально сохранились въ цѣлости одни только лампасы.

— Отецъ ея, кивнулъ Хмуровъ въ сторону Ивана Аполонovichа. — Папаша!

Гудько поспѣшно снялъ шапочку.

— А вы знакомы съ моею дочерью? покровительственнымъ тономъ спросилъ Иванъ Аполонovichъ.

Молодой доброволецъ только широко раскрылъ свои большіе,

каріе глаза, въ которыхъ высказалось наивное удивленіе такому странному вопросу.

— Было что-нибудь? полюбопытствовалъ Муслинъ-Душманъ, протягивая ему стаянъ.

— Было, да все мелочь!.. Охотники-астраханцы за Мораву у Бобовиште ходили, двухъ турокъ живьемъ притащили. Щуповъ и Лукошцовъ купаться пошли, пристрѣлили ихъ черкесы; лазутчика вчера у насъ вѣшали. Въ четвергъ общее наступленіе было хотѣли наши сдѣлать, да не разберешь, кто на кого наступалъ: мы-ли на турокъ, они-ли на насъ, народу много побиты, пушку взяли...

— Нашу?

— А чортъ ее знаетъ, чью! Говорятъ, будто пушку взяли, а толку не доберешься. Генераль на рекогносцировку поѣхалъ. Медвѣдовскій съ бригадою съ дороги вернулся; его въ Бняжевацъ послали, а потомъ вернули. Плесовъ двѣсти дукатовъ выигралъ. Штабный баракъ сгорѣлъ... Къ туркамъ, говорятъ, двадцати-четырефунтовки подвезли...

— Плохо!

— Да, будутъ беспокоить... Слушай, Хмуровъ, есть деньги?

— А сколько нужно?

— Да дай пять дукатовъ до жалованья... Мнѣ за три мѣсяца должны; получу—отдамъ...

— Вери!

Хмуровъ полѣзъ въ карманъ.

— Позвольте...

Иванъ Аполоновичъ тоже поспѣшилъ въ свой карманъ за кошелькомъ.

— Спасибо! Нѣтъ, ужъ я у него... Къ Надеждѣ Ивановнѣ у меня письмо есть, забѣгу на минуточку... Вотъ скажу, что встрѣтилъ батюшку ихнего... Кланяться, что-ли?

— Ахъ, пожалуйста! засуетился Иванъ Аполоновичъ. — Позвольте познакомиться кстати: князь Пестрый-Ковриковъ...

— Поручикъ Гудько!

— Очень пріятно...

— Ну, до свиданія! Хмуровъ, везешь коньячище?

— Есть!

— То-то, у насъ уже нехватки... Ну, прощайте! А смотри, какого я турка за два дуката раздобылъ!

Юноша молодцевато повернулъ кровную, рыжую лошадеу на заднихъ ногахъ, хлестко вытянулъ ее нагайкою по боку, приложилъ руку къ околышу шапочки и сталъ пробираться между возами и неподвижно лежащими посреди улицы отдыхающими буйволами.

Хмуровъ вылѣзъ изъ колы и пошелъ провѣдать знакомаго почтмейстера-серба. Муслипъ-Душкинъ, пользуясь тѣмъ, что Иванъ Аполоновичъ тоже обнаружилъ намѣреніе поразиться, заботливо оправлялъ ему сидѣнье, разглаживая складки косматой бурки и хитро улаживая ребромъ подушку въ ситцевой наволочкѣ.

Какія-то двѣ дамы, одѣтыя хотя и грязно, какъ и слѣдуетъ сообразно съ условіями военнаго времени, но слишкомъ пестро и затѣйливо для сестеръ милосердія, звонко хохотали, перевѣсившись черезъ перила невысокаго балкончика, и на всю улицу кричали: „Душкинъ, голубчикъ Душкинъ! идите сюда, что мы вамъ покажемъ!..“

Но Муслинъ-Душкинъ дѣлалъ видъ, что не слышитъ и не замѣчаетъ этихъ приглашеній. Въ присутствіи отца Надежды Ивановны Пестрой-Ковриковой онъ счелъ это почему-то не только предосудительнымъ, но даже нѣсколько его компрометирующимъ, за что и дождался громкаго, отчетливаго возгласа: „Хорошо-же, свинья эдакая!“ — возгласа, отъ котораго его бросило-было въ жаръ и въ холодъ, да, спасибо, Иванъ Аполоновичъ отошелъ куда-то за уголъ и, какъ кажется, не слышалъ такого скандальнаго фивала.

Минуть черезъ двадцать великая кола снова тропулась въ путь.

Пришлось подниматься круто въ гору; дорога была узкая, сильно сжатая съ боковъ глинистыми обрывами. Корявые, покрытые пожелтѣлою листвою дубы громоздились на этихъ обрывахъ; чуть не подъ каждымъ деревомъ бивуакировали разнохарактерныя группы, придавая всей мѣстности оживленный видъ сплошнаго лагеря. Тамъ, въ шалашахъ изъ вѣтвей, ютилась семья бѣженцевъ, высылая на дорогу, по обыкновенію, чумазыхъ ребятъ за подаваніемъ. Тамъ вокругъ котелка видѣлись пестрыя, ярко расшитыя рубахи сербянокъ, женъ, матерей и всякихъ родствен-

ницъ, побывавшихъ уже у своихъ въ войскѣ или только идущихъ на эти свиданія; тамъ собрались погонцы отъ приставшей скотины, пасущейся тутъ-же, по близости... Партія новобранцевъ-милиціонеровъ подъ конвоемъ стараго служилаго изъ „стоячаго“ (постояннаго) войска, группы легко раненныхъ, но больше всего— это группы и одиночки тѣхъ неопредѣленныхъ личностей, что словно изъ-подъ земли выростаютъ въ смутныя времена и шакальными стаями тянутся за хвостомъ арміи... На полуподъемѣ горы колу задержалъ уже сплошной, правильный бивуакъ, растянувшійся какъ-разъ по дорогѣ... Въ линію стояли ряды солдатскихъ ружей, а около все сѣрыя русскія шинели, накинутыя на плечи, прикрывающія собою синіе сербскіе казакины и большею частію потертые, заплатанные отставные мундиры нашихъ солдатиковъ.

Это шелъ уже седьмой батальонъ русскихъ добровольцевъ и приостановился здѣсь, чтобы немного отдохнуть, пообчиститься, а затѣмъ молодцами явиться въ лагерь на Моравѣ, лихо пропарадировать передъ излюбленнымъ генераломъ и такъ-же тихо, можетъ быть, въ ту-же ночь идти на вѣрную смерть, на турецкіе редуты, *„примѣра ради юному сербскому воинству“*...

Хиуровъ было началъ ругаться за эту неожиданную остановку, собирался уже было кому-то чистить зубы, да увидѣлъ, кто такіе, засуетился, захватилъ пару бутылокъ и торопливо полѣзъ изъ экипажа.

А Мироничъ давно уже, съ прыткостью не по лѣтамъ, соскочилъ съ козелъ, узналъ своихъ и уже разговаривалъ о чемъ-то важномъ съ унтеромъ Николаевымъ.

— Ребятунки, молодцы, разбирай ружья, живо! Пропусти начальство... Четвертое капральство, Селифонъ Петровъ, не слышишь, что-ли! расчисти дорогу! суетился унтеръ.—Эй, ящичекъ, трогай!! Ничего, не робѣй! Трогай впередъ! Проѣдешь!

Но разъ остановившіяся на скатѣ усталыя влячи замаялись и не трогались съ мѣста, тяжелая кола даже обнаружила было нажѣреніе ползти назадъ.

— Эй, подсоби! подхвати, братецъ, за колеса! крикнулъ кто-то въ рядахъ бивуакирующихъ.

— Ну, дружно, ну, разомъ! Тише, дьяволы! ружья поломаешь! Трогай!

Съ постороннею помощію влячи чуть не вскачь выхватили на гору, гдѣ кола и остановилась поджидать своихъ, оставшихся съ земляками, пассажировъ.

Первымъ явился князь подъ руку съ Муслинымъ-Душенинымъ, за ними Хмуровъ, сопя и пыхтя отъ усталости, происшедшей не столько отъ крутого подъема пѣшкомъ на гору, сколько отъ дружнаго подкидыванія его особы кверху, чѣмъ солдаты выразили свое полное удовольствіе и оказали, такъ-сказать, почетъ и вниманіе. Затѣмъ явился Миронъ, но не полѣзъ на козла, а подошелъ къ дверцамъ и, приложивъ руку къ козырьку, доложилъ его сіятельству, не позволять-ли ему, старому фельдфебелю, пройти эти послѣднія пять верстъ съ товарищами и представиться на генеральскій смотръ не въ качествѣ якобы служителя на козлахъ, а какъ и подобаетъ, въ строю, значить, съ всѣми прочими...

Его сіятельство на эту просьбу изъявилъ свое полное согласіе, хотя это согласіе и послѣдовало уже послѣ того, какъ Хмуровъ сказалъ просителю: „Ладно, братъ, оставайся, это ти вѣррррно!..“

Разсѣлись по своимъ мѣстамъ, тронулись.

Вдругъ откуда-то, очень издалека, до слуха нашихъ путниковъ донесся глухой ударъ.

Этотъ звукъ вызвалъ у Ивана Аполоновича совершенно рефлективное движеніе: онъ поспѣшно выхватилъ свои массивныя золотыя часы изъ кармана.

Этотъ знакомый звукъ былъ тотъ самый, что въ Петербургѣ возвѣщаетъ полдень,—звукъ, по которому вся пестрая, движущаяся по Невскому толпа моментально задерживается на ходу и провѣряетъ свои хронометры.

Это былъ пушечный выстрѣлъ, первый боевой звукъ, услышанный Иваномъ Аполоновичемъ; отъ этого звука, конечно мгновеніе спустя, когда часы князя заняли снова свое обычное мѣсто въ карманѣ, у него вся кровь прилила къ сердцу, онъ поблѣднѣлъ какъ полотно и вопросительно смотрѣлъ на своихъ спутниковъ. А тѣ молчать и, казалось, никакого вниманія не обращаютъ на то, что донеслось до нихъ глухими перекатами „оттуда“.

— Стрѣляютъ! почти задыхаясь проговорилъ Иванъ Аполоновичъ.

— Пуцають, точно! зъвнуль Хмуровъ и повернулся на другой бокъ, да такъ, что даже ресоры издали крайне подозрительное поскрипыванье.

— Это у Хорватовича, авторитетно кивнуль головою Муслинъ-Душкинъ.

Кола уже поднялась на послѣднюю гору, и отсюда какъ на ладони видѣлась долина Моравы и расположенная вокругъ нея боевая позиція сербовъ.

ГЛАВА XVI.

Долина Моравы.

Генерала въ Делиградѣ не было, онъ еще вчера вечеромъ уѣхалъ съ своими адъютантами и ординарцами на позиціи Межанинова, на дърнишскихъ высотахъ, тамъ и ночевалъ, тамъ и теперь находится, какъ предполагали оставшіеся штабные; являться немедленно, значить, было не къ кому. Хмуровъ привезъ Ивана Аполоновича прямо къ своему шалашу, гдѣ и пріютилъ его „на первое время“.

Неловко, даже жутко отчасти чувствовалось князю въ этой новой, совершенно непривычной ему обстановкѣ. На него всѣ смотрѣли чуть не въ упоръ, объ немъ говорили при немъ-же, даже почти не понижая голоса, и Иванъ Аполоновичъ успѣлъ уже услышать нѣсколько не особенно пріятно щекотавшихъ его самолюбіе замѣчаній... Къ довершенію непріятности положенія, князь счелъ нужнымъ почему-то не отказываться отъ нѣсколькихъ приглашеній выпить, когда ему этого вовсе не хотѣлось. У него разболѣлась голова и слабый желудокъ пришелъ въ безпорядокъ, что тоже не мало вліяло на расположеніе духа.

Накурено такъ въ шалашѣ, виномъ воняетъ, чаднымъ самоваромъ, гамъ, возгласы, хохотъ, безцеремонное толканіе проходящихъ и опять эти ужасные смазные сапожищи... Хмуровъ царитъ, дышетъ жизнью и весельемъ въ центрѣ этого хаоса, его голосъ покрываетъ все собою. Покосился онъ раза два въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Иванъ Аполоновичъ.

— А вы, папенька, прогулялись-бы немножко, вотъ я Сумоч-

книа пошлю проводить васъ и показать кое-что, замѣтилъ онъ князю, понявъ, что тому уже мочи нѣтъ сидѣть здѣсь долѣе.

— Не привыкъ еще, съ соболѣзнованіемъ въ голосѣ кивнулъ головою сосѣду воинствующій негоціантъ. — Эй, Миша, Сумочкинъ! Покажи папашѣ боевыя позиціи, какъ у насъ здѣсь и что. Ты вѣдь штабный прохвость, всякую это ему диспозицію, дивлокацію, субординацію, эзальтацію, конституцію, проституцію — все покажи, какъ вы тамъ съ Комаровымъ пишете. Прогуляйтесь, папаша!.. Онъ вамъ покажетъ, онъ у насъ ученый.

Кто были въ шалашѣ, захохотали въ отвѣтъ на тираду Хмурова, захохоталъ и Миша Сумочкинъ, добавивъ: — я съ удовольствіемъ!

— Если, князь, васъ не стѣсняетъ мое общество, я тоже предложилъ-бы вамъ мои услуги въ качествѣ чичероне, приподнялся Муслинъ-Душкинъ. — Знаете, отсюда, съ горы, очень близко отсюда, можно видѣть мѣсто, гдѣ былъ турецкій мостъ на Моравѣ, знаете...

— Да, какже, читалъ и слышалъ, успѣшилъ замѣтить Иванъ Аполоновичъ. — У насъ въ Петербургѣ...

— Ну, господа, гуляйте! порѣшилъ Хмуровъ. — А я велю вамъ свѣжаго сѣна накрасть для логова, а то въ здѣшнемъ столько блохъ развелось, страсть! Съ непривычки не уснуть.

— Да ужъ насчетъ этихъ свакуновъ у насъ достаточно, что твоихъ штабныхъ развелось... вздохнулъ одинъ изъ собесѣдниковъ въ темномъ уголѣ.

Князь и оба его чичероне вышли изъ душевой атмосферы боевого хмуровскаго обиталища. Свѣжій, прохладный воздухъ такъ и обдалъ ихъ съ ногъ до головы. А ночь была чудная, ясная, лунная, слегка даже морозная.

— Сюда, князь! меланхолически пригласилъ его Муслинъ-Душкинъ, — вотъ въ эту сторону...

— Нѣтъ, позвольте, перебилъ Сумочкинъ, — мы начнемъ съ точки А, на операціонной базѣ... Позвольте, я сейчасъ ориентируюсь... Это, должно быть...

Но пока Миша Сумочкинъ, поднявъ кверху свой курносый профиль, разыскивалъ эту точку А между группами воевъ съ мирно почивающими около буйволами, коновязями коморджіевъ, одиночными фигурками солдатъ, отбѣжавшихъ на минутку въ сто-

рону отъ своихъ бивуаковъ, Муслинъ-Душкинъ нѣжно, но энергично взявъ князя подъ руку и, овладѣвъ имъ такимъ образомъ, повлекъ въ гору, гдѣ на вершинѣ виднѣлась темная линия земляной насыпи и два силуэта грозно глядящихъ черезъ банкъ орудій.

— А вы думаете, лучше начать съ точки С? извѣтительно улыбнулся штабный Миша и, бросивъ свои розыски за точкой А, послѣдовалъ за ними.

Пришли на гору. Тутъ былъ редуть, доминирующій надъ всею мѣстностью центральнаго лагеря. Дремавшій сербъ-часовой встрепенулся при звукѣ офицерскихъ сабель и вѣкинулъ какой-то артикулъ ружьемъ. Всѣ трое отвѣтили приложеніемъ пальцевъ къ околышамъ шапокъ и прошли къ укрѣпленіямъ. Съ помощію спутниковъ Иванъ Аполоновичъ взобрался на брустверь, Муслинъ-Душкинъ разостлалъ свою шинель; князь сказалъ по этому поводу: — „Ахъ, что вы беспокоитесь!“

Сѣли. Полная луна высоко поднялась надъ долиною Моравы. Словно серебряная лента, рѣка, причудливо извиваясь, прорѣзывала вдоль эту долину. Отсюда, съ горы, берега шли отлогія скатомъ; сѣрватая полоса шоссеиной дороги въ Алексинацъ раздѣляла собою бивуачное расположеніе обозовъ и войскъ. Несмотря на позднее время, по этой дорогѣ непрерывно тянулись обозы и шли медленнымъ, лѣнивымъ шагомъ сверкающія штыками колонны пѣхотинцевъ... Прямо видна была высокая крыша домика бывшаго училища, теперь главной квартиры; тамъ, за оградю, горять яркіе костры, слышенъ хоръ пѣсенниковъ, окна горять огнями, въ окнахъ движутся тѣни, звенить посуда; это ужинаетъ штабъ, то-есть та его половина, которая, обыкновенно, подъ разными благовидными предлогами уклоняется отъ сопровожденія генерала въ его боевыхъ рекогносцировкахъ и разъѣздахъ. Тамъ кто-то, должно быть, рѣчь произносить, потому что періодически сюда доносятся взрывы громогласнаго ура... Дальше коническіе, островерхіе шалаши-землянки, безконечно длинные навѣсы коновязей, опять ряды шалашей поменьше и ряды ружейныхъ козелъ; тамъ тихо, тамъ рѣчей не произносятъ и ура не кричатъ... Небольшой промежутокъ—и опять шалаши, опять ружейные козлы, и такъ все дальше и дальше, съ перерывами и сплошь, безъ конца, безъ начала... Вправо еще группа домиковъ, а около все

возы и возы; это перевязочный пунктъ и аптека, нѣчто вродѣ гостинницы и маревантскаго депо; здѣсь опять пѣсни и веселье, а съ тѣмъ вмѣстѣ и жалобныя стоны, озлобленная ругань... Какой-то обозъ вытянулся у подѣзда большаго изъ этихъ домиковъ, — это раненыхъ владуть на повозки, для отправки дальше, во вторую линію... Везутъ этихъ раненыхъ прямо въ триумфальную арку, что была построена для торжественнаго вѣзда „короля сербскаго“ послѣ провозглашенія его въ королевскомъ званіи. Арка эта съ тѣхъ поръ пообтрепалась, зелень, ее украшавшая, засохла и виситъ хлопьями, флаги оборвались, вылиняли, а громкія надписи еще цѣлы, держатся, и четко такъ онѣ написаны по черному бѣлымъ, ночью даже читать можно. Неизвѣстно, прочитывали-ли ихъ тѣ, которыхъ теперь везли распластанныхъ на тряскихъ телегахъ по этому триумфаторскому пути...

Костры и костры кругомъ, куда ни взглянешь, костры здѣсь, костры за тѣмъ лѣсомъ, вонъ опять мигаютъ красныя точки за черными силуэтами дубовъ и сосенъ, и внизу, по долинѣ, тоже огни, огни и по ту сторону, только рѣже... Отсюда видна поросшая лѣсомъ сѣдловина криветская, мѣсто недавняго кроваваго побоища, чуть не поголовнаго истребленія цѣлой бригады; правѣй этой сѣдловины высокая гора, тоже вся заросшая; тамъ тихо и, кажется, безлюдно, тамъ и огней даже нѣтъ. Это Дюнишъ, межаниновская позиція, ключъ всему, единственное звено, соединяющее правый флангъ Хорватовича съ лѣвыми и главными силами, самое днище пресловутаго мѣшка. А противъ этой позиціи, кливомъ упершись въ днище, цѣпь отдѣльныхъ горъ и на гребняхъ сплошныя линіи ярко пылающихъ костровъ; это позиціи турокъ...

Делиградъ отдѣленъ отъ этихъ позицій только Моравою и ея низкими берегами. Съ горы смотрѣть отсюда — рѣкою податъ... У самой воды нѣтъ-нѣтъ да и ружейный выстрѣлъ слышится; это и день, и ночь такъ. Рѣкою одинаково и сербы, и турки пользуются; ея берега — арена постоянныхъ единичныхъ схватокъ. Съ одной стороны залегли или рыщутъ башни-бузуки и черкесы, съ другой — охотники изъ русскихъ добровольцевъ, — ну, и попугиваютъ другъ друга... Прежде здѣсь у самой воды сербы стояли, такъ тѣ сѣлись съ турками: пойдутъ сербы купаться или бѣлье мыть, турки имъ не мѣшаютъ, подальше держатся;

настанетъ туркамъ очередь, сербы ихъ не беспокоятъ, перекри-
киваются только съ берега на берегъ; ну, а теперь не такъ про-
сто стало, теперь тоже вѣшатся бѣгутъ наши, только штуце-
ровъ не забываютъ: раздѣнется любитель кунацья, лѣзетъ въ во-
ду, а ружье въ рукахъ, и вслѣживается онъ, не мелькнетъ-ли
въ береговыхъ заросляхъ зазѣвавшаяся красная феска...

— Вонъ Бобовиште, видите-ли-съ? указываетъ Муслинъ-Душ-
кинъ пальцемъ. — Вонъ чуть-чуть деревья чернѣютъ, тамъ обрывъ,
а за обрывомъ видны... я ихъ не вижу теперь, а днемъ въ би-
нокль видны обгорѣлыя сваи *бывшаго* моста... это тамъ...

Чицероне особенно подчеркнулъ слово „бывшаго“.

— И вовсе не тамъ, пожалуй плечами Миша Сумочкинъ. —
Это гораздо лѣвѣе...

— Можетъ быть, вамъ лучше знать. Но я думаю, что
ежели я самъ лично...

— Да вѣдь это еще не доказано... Что такое „лично“?
Кто видалъ? никто, да и моста не было совсѣмъ никакого...

— То-есть что-же вы хотите этимъ сказать?.. По-вашему,
значить, я лгу, я сдѣлалъ ложное донесеніе?

— Ну, вотъ... вовсе нѣтъ... Вотъ позвольте, князь, я вамъ
расскажу, какъ собственно происходило дѣло...

— Ахъ, нѣтъ... я знаю... Не надо... засуетился Иванъ Апо-
лоновичъ, неловко чувствуя себя при этомъ спорѣ двухъ знаю-
щихъ, но только не одинаково знающихъ офицеровъ:

— Жаль, что вы не пріѣхали мѣсяцемъ раньше, князь, рѣзко
перемѣнилъ тему разговора Муслинъ-Душкинъ. — Какъ мы тогда
раскатали Абдуль-Керима на шуматовскомъ рудѣ... Славная
была работа...

— То-есть вы хотите сказать — двумя мѣсяцами раньше?.. по-
правиль и тутъ Сумочкинъ.

Иванъ Аполлоновичъ пригѣлся, лежа на шинели, да и усталъ
за день дороги и сталъ дремать; онъ уже зѣвнулъ раза два, а
тѣ двое все спорять, не унимаются... Вотъ уже Миша что-то
новое рассказываетъ, начала-то самого и не слышалъ тотъ, въ
кому обращались съ повѣствованіями.

— А не пора-ли вернуться? предложилъ Муслинъ-Душкинъ,
поднимаясь на ноги; — я думаю, наши уже разошлись.

— Здѣсь такъ прекрасно, а впрочемъ...

Бнязь тоже поднялся на ноги и запахнулся плащомъ.

— ... Генераль даетъ мнѣ это порученіе, продолжаетъ Сухочкинъ. — Вы понимаете, какое порученіе! Отъ этого зависѣла вся участь кампаніи... Что-же, мы вѣдь сюда не на балъ ѣхали, — умирать, такъ умирать!.. Я ѣду... Лѣсъ кишитъ черкесами... Со мною только два конника, и оба трусы страшные... вдругъ...

Серебристый, мелкій такой, лихой, душу радующей звукъ родного русскаго колокольчика послышался за лѣсомъ... все ближе и ближе... Впереди по шоссе замелькали всадники и надъ ихъ головами разѣввающеся на длинномъ древкѣ знамя; за ними на свѣтлой полосѣ дороги ясно обрисовалась тройка, самая типичная русская тройка, какъ ее Гоголь описываетъ: „голова направо, голова налѣво, голова посрединѣ“; вокругъ тройки снова толпа джигитующихъ кавалеристовъ... что-то кричатъ, шелкаютъ нагайками; дребезгъ сабельныхъ ноженъ сюда доносится, усталый храпъ коней, легкая тревога по зсему бивуаку, по шѣрѣ проѣзда кортежа. У штабнаго домика закопошилась спящая группа, поспѣшно разобрала ружья, вдоль забора образовалось нѣчто похожее даже на фронтъ... Раздалась команда: „Слушай! на пле... чо!..“

— Генераль вернулся! почему-то шопотомъ сообщилъ Сумочкинъ и ринулся бѣгомъ къ воротамъ двора главной квартиры.

— Вамъ сегодня уже поздно являться, сообщилъ Душеинъ тоже заволновавшемуся, растерянному Ивану Аполонвичу; — генераль, вѣроятно, сейчасъ запрется съ Комаровничи и никого не приметъ... уже половина перваго. Пойдемте спать!..

— Да, да, какъ хотите. Вы думаете, что сейчасъ неловко? Да, конечно, онъ занятъ... да, да.

— Пойдемте къ Хиурову, онъ все знаетъ, тамъ и къ все, что нужно, услышимъ.

— Го-го-го-ство!.. донеслось со стороны караула. Потомъ легкая пауза, абсолютная тишина, потомъ чей-то рѣзкій голосъ: „ординарцевъ къ его превосходительству!“ затѣмъ опять пауза.

— Тяжкое время... о, Бого-ми, тяжкое! послышался глубокий вздохъ около, на двѣ рва, подъ тѣмъ самымъ мѣстомъ бруствера, гдѣ сидѣли созерцатели и истолкователи боевыхъ позицій.

Тамъ вытянулась тощая, высокая фигура серба-милиціонера, не-

замѣчавшая вовсе близости начальства, занятая исключительно приведеніемъ въ порядокъ своего рваного костюма.

— Ты, свинья, не нашелъ другого мѣста!.. Животное!.. накинута-было на него Муслинъ-Душкинъ.

— Ахъ, оставьте его, вступился князь Иванъ Аполоновичъ и вынулъ изъ кармана платокъ, надушенный есмиевникомъ.

Оба, черезъ нѣсколько минутъ, вернулись уже къ шалашу Хмурова, изъ котораго генеральскій прїѣздъ тоже разогналъ большинство посѣтителей.

ГЛАВА XVII.

З л о в ѣ щ и е п р и з н а в и .

Какое скверное, тяжелое время наступило! Веселого лица не встрѣтишь; всюду физиономіи недовольныя, то сердитыя, нервно-раздраженныя, то лѣнливо-апатичныя, то отупѣло-пьяныя; ни пѣсенъ, ни музыки нигдѣ не слышно.

Лихорадка опустошаетъ ряды сербскихъ войскъ... Рѣдѣютъ отъ боевыхъ потерь и безъ того немногочисленные ряды дружинъ русскихъ добровольцевъ. Межъ тѣми и другими словно черная кошка пробѣжала, часу не проходитъ безъ ссоры. И тѣмъ, и другимъ тяжело, и тѣ, и другіе сваливаютъ вину другъ на друга.

Сербь—трусы, они бѣгутъ и оставляютъ на полѣ одинокихъ русскихъ, тѣ гибнуть напрасно и безъ пользы—„примѣръ плохо дѣйствуетъ“. Сербь недовольны своими добровольными товарищами: офицеры русскіе, молъ, слишкомъ строги, многого требуютъ. Не спѣлись, значитъ, надо ихъ подѣлить. Собрали всѣхъ русскихъ, сформировали отдѣльные роты и батальоны,—это оплотъ и единственная прочная сила тимокско-моравскаго войска. Этотъ оплотъ уже два раза смѣнился своимъ составомъ... Вотъ уже мѣсяцъ, какъ наши не выходятъ изъ линіи огня. Они голодаютъ въ своихъ позиціяхъ; большыя, въ лихорадочномъ жару и бреду, они идутъ на турецкія позиціи, берутъ и гибнутъ на нихъ... Старая, избитая пѣсня: „сербь, молъ, не поддержали“... Это идетъ какое-то эпидемическое, повальное самоистребленіе.

Меньшинство убѣждено уже въ полномъ проигрышѣ дѣла, но за то это меньшинство проникнуто рѣшимостью умереть, но не попятиться; большинство тоже давно уже потеряло вѣру въ успѣхъ и держится только, подчиняясь чуть-чуть еще тлѣющимъ остаткамъ духа дисциплины. Это большинство, можетъ быть, и еще продержится; но въ его рядахъ можетъ съ электрическою быстротою развиваться полная паника и сигналомъ начала этой паники можетъ послужить одинъ неосторожный крикъ, одно необдуманное слово.

И въ штабѣ неурядица: частыя смѣны и отміны приказаній, таинственное перешептываніе посвященныхъ, безпокойное снова съ мѣста на мѣсто непосвященныхъ... Ободрительно-побѣдныя бюлетени въ Бѣлградѣ, подозрительность, развившаяся до болѣзненного состоянія, боязнь шпионства, ежедневная ловля шпионовъ, и мнимыхъ, и дѣйствительныхъ. Строгая, суровая мѣра рядомъ съ полною распущенностью и послабленіемъ.

Недобрые патологическіе признаки недоброй болѣзни человѣчества, именуемой „войною“!

И погода стоитъ какъ-разъ въ тонъ общему состоянію духа. День и ночь дожди и дожди... Тяжело нависли сѣрые тучи надъ станомъ и нашихъ, и турокъ, разбухли дороги отъ невылазной грязи, промокли и не просыхаютъ, вотъ уже мѣсяць скоро, рванья солдатскія шинели... Въ грязи просыпаются люди послѣ тревожнаго сна, въ грязи сидятъ на позиціяхъ, въ грязи и умираютъ... И холодно, и голодно.

Сплошнымъ туманомъ дождя заволокло турецкія горы; что тамъ дѣлается—не видно, чувствуется только недоброе. Кровавымъ заревомъ мерцаютъ тамъ пятна ночныхъ костровъ, глухіе отзвуки выстрѣловъ слышатся, не видно за туманомъ дыма пушекъ, а только такъ, словно сами по себѣ, сверлятъ воздухъ, воютъ и несутъ сюда смерть пушечные снаряды.

А вѣсти приходятъ одна другой безотраднѣе. Вчера вонъ еще свѣжаго подтвержденія подошло къ тѣмъ двадцать тысячъ, сегодня пушекъ большихъ ждутъ какихъ-то. Говорятъ, турки атакуютъ скоро будутъ, „изъ мѣша-то прорываться“. Только худо! Хорошо, если назадъ, во-свои, а какъ впередъ? Удержатъ-ли? А вѣдь это послѣдній оплотъ Сербіи, вѣдь за спиной это оплота открытая дорога къ самому Бѣлграду. Тамъ

иѣстами хотъ и настроили по горекѣмъ разныхъ хитрыхъ редутовъ, да кто ихъ защищать будетъ? Не тѣ-ли, что побѣгутъ отсюда?

Открытая дорога! Да вѣдь по этой дорогѣ сотни тысячъ женъ и дѣтей, тамъ сплошь все мирныя, деревенскія кучи, тамъ поля, виноградники, тамъ храмы божіи. Не устоятъ, пропустятъ—вѣдь сплошной пожаръ все это доброе и мирное охватитъ, вѣдь рѣки крови, совсѣмъ ужъ неповинной, не зальютъ этого пожара.

И всѣ понимаютъ это, отлично понимаютъ, только высказать боятся; и томить всѣхъ эта тяжелая мысль, смертельное предчувствіе могилы.

— Если насъ отсюда турнуть, говорить вполголоса одинъ изъ штабныхъ юнцевъ,—я брошу все и уѣду. Чортъ съ ними, право!.. Надоѣло!..

Душа изныла по „Боре-е-е-е-лю!“

— Какъ-бы только намъ перехватить пока дукатовъ по триста, забла-го-вре-менно, резонно змѣняетъ другой.

Тамъ, въ первыхъ рядахъ, гдѣ нашихъ отъ турокъ отдѣляетъ только узкая полоса, и день, и ночь обстрѣливаемая пулями, — тамъ разговоровъ такихъ не услышишь; сюда-же, въ штабъ, пока турецкія пули не долетаютъ, даже ни одного дальнеполетнаго ядра пушечнаго не пожаловало. Тамъ не у всякаго и мѣдныя деньги найдутся въ карманѣ, здѣсь новенькое золото позванивается.

Тамъ на отречанныхъ боргахъ полусгнившихъ шинелей чуть замѣтно пестрѣютъ только старыя, за давно-минувшіе подвиги полученныя георгіевскія ленточки; здѣсь на всякомъ-то лацканѣ, на всякой шеѣ ярко сверкаютъ новенькіе, только-что вышедшіе изъ рукъ ювелировъ кресты „Такова“ и серебрянныя медали „за храбрость“.

Пѣсня старая, обычная!

Вѣдь сложилась-же еще издавна такая по сему поводу математическая формула: „Количество получаемыхъ боевыхъ наградъ обратно пропорціонально квадратамъ разстояній награждаемыхъ отъ полей сраженій“.

Тамъ лозунгомъ дня служить: „стоять и умереть“; здѣсь: „урвать и удрать“.

Но удрать тоже надо съ толкомъ: во-первыхъ, и невинность соблюсти, и славу пріобрѣсти, а во-вторыхъ, „заблаговременно“, то-есть пока не нагнали черкесы или тамъ зейбеки какіе-то и не учинили съ ними какой-либо неблагопристойности, могущей помѣшать когда-либо похвалиться своими подвигами въ теплыхъ, свѣтлыхъ, комфортабельныхъ салонахъ и ресторанахъ.

И тяготитъ эта забота, страсть какъ тяготитъ, до сихъ поръ безшабашныя, вѣчно самонадѣянно-веселыя, гладко чесанныя, слегка даже надушенные штабныя головы.

— Вы куда это, князь?

— А я, отвѣчаетъ тотъ съ важнымъ, сосредоточеннымъ видомъ, садясь на лошадь,—тутъ не далеко, генераль приказалъ мнѣ въ Чупрію поѣхать, распорядиться тамъ и осмотрѣть вторую линію, приготовиться, такъ-сказать, на всякій случай къ оборонѣ.

— Такъ. А оттуда, чай, въ Бѣлградъ прокатите, въ „Сербскую крону“, а то и...

— О, нѣтъ, я дня на два, на три развѣ... Только боюсь, какъ-бы здѣсь не прозвать дѣла; послѣ обидно будетъ... Да я, во всякомъ случаѣ, успѣю еще вернуться. Тутъ у насъ получены свѣденія, что еще не скоро... Я вернусь...

„Ладно, братъ, думаютъ провожающіе; — вернешься, какже! тебя теперь и на арканѣ сюда не притянешь... Ликуешь, что удираешь за-бла-го-вре-мен-но да еще подъ бла-го-вид-нымъ предлогомъ.“

И завидуютъ ему, шибко завидуютъ, и даже не скрываютъ уже своей зависти... Вкупѣ и порознь измышляютъ и для себя такіе-же благовидные предлоги. Изобрѣтательность развилась въ этомъ направленіи.

У одного старья контузій Богъ вѣсть отчего разболѣлись, да такъ, что ни ходить, ни ѣздить не можетъ, бѣдняга!.. И откуда только у него получились эти контузій? Говорить, что будто-бы еще съ польской кампаніи.

Завидовали даже раненымъ, особенно если не очень тяжело и безъ увѣчья; и сами-бы не прочь попасть въ число такихъ-же раненыхъ, да рискованно! А ну, какъ вмѣсто того, чтобы невинно въ мякоть, да съ раздробленіемъ кости,—тоже не вкусно!.. Тифіеъ-бы развѣ захватить гдѣ легонькій?

Хмуровъ не весель, пить пересталъ. Только и бормочетъ себѣ подъ носъ: „Ахъ, подлецы, подлецы!“ Оскудѣлъ материалъ для его ночныхъ экспедицій.

— Мы, говорить, съ Михаиломъ Григорьевичемъ свое дѣло сдѣлали — и будетъ съ того дѣла прокъ.

Самъ генералъ тоже не весель, безнадежно рукою махнулъ на штабную челядь. Лично съ утра и до ночи на передовыхъ позиціяхъ, и ночуетъ тамъ даже зачастую. И все въ центрѣ, въ самомъ *днуциъ мѣшка*. Тамъ собраны послѣдніе остатки сѣрковъ-дружинниковъ. Отдыхаетъ генералъ сердцемъ, глядя на простыя, серьезныя, честныя такія лица чернорабочихъ боевого дѣла и болить, шибко болить за нихъ это отдыхающее сердце.

Эти дружины были теперь единымъ живымъ пульсомъ громаднаго, но уже разлагающагося тѣла тимовско-моравскаго войска.

Подозрительныя личности тамъ и сямъ стали появляться въ районѣ лагернаго расположенія. Ристичъ телеграму прислалъ, увѣдомляетъ о какомъ-то важномъ шпионѣ, якобы уже пробравшемся въ лагерь. Разносятся слухи о какой-то адской машинѣ, изобрѣтенной англичанами по константинопольскому заказу. Вотъ, думаютъ, здѣсь въ одинъ прекрасный мигъ: „трахъ!“ и полетѣли всѣ кувырки на воздухъ.

Вчера повѣсили на всякій случай гроба-маркитанта, сегодня пона переодѣтаго собираются вѣшать.

Некрасива, страшна даже образина у этого попа; бѣщеннымъ волкомъ озирается; на допросѣ мичить и слова человѣческаго отъ него не добьешься. Да и что тутъ допрашивать: улики на лицо, съ поличнымъ и пойманъ; самъ говорить, что читать и писать „не разуме“, а подъ рубашкою у него и въ опанкахъ клочки бумаги нашлись, мелко исписанные и исчерченные карандашемъ, и на этихъ клочкахъ всѣ подробности боевого расположенія обозначены, да такъ точно, такъ вѣрно, что и въ самомъ штабѣ не сдѣлали-бы лучше.

Повели вѣшать.

Повалила толпа за печальной процесіей, изъ солдатъ только кто по наряду, а господъ довольно-таки собралось по доброй волѣ... Все-таки какое ни на есть развлеченіе!

Подъ горою, спустившись къ самой Савѣ, у понтоннаго моста растутъ дулистая ива, старая, листья всѣ облетѣли, воронье

гнѣздо чернымъ косматымъ пятномъ издалека на ней видѣется, — сюда и привели. Только-что *совершили*, какъ слѣдуетъ, все по положенію, бѣда случилась: и полминуты шпіонъ не провисѣлъ на деревѣ, лопнула веревка, полетѣлъ попъ на землю. Шлепнулся въ грязь какъ куль, приподнялся, сидитъ и руками петлю съ шеи оттягиваетъ.

Съ румынскимъ князькомъ однимъ, Гикомъ, дурно даже сдѣлалось отъ такого неожиданнаго пасажа, только и успѣлъ промолвить: „экая вѣдь скотина!“ и упалъ въ обморокъ.

— Не къ добру! глухо гудитъ въ рядахъ суевѣрныхъ сербовъ. Это „не къ добру“, часу не прошло, облетѣло по всему бивуаку съ праваго фланга на лѣвый.

Фраза Хорватовича: „Теперь только Богъ да русскій царь могутъ спасти Сербію“, тоже изъ устъ въ уста передается, дошла и до Бѣлграда. Не вяжется эта злобщая фраза съ официальными побѣдными бюлетенями, разгоняетъ въ столицѣ ликующее настроеніе.

Князь Миланъ, слышно, самъ къ войску собирается. Давно пора бы!..

ГЛАВА XVIII.

„И з ъ ц ѣ п и“.

Ночь съ восьмого на девятое октября выдалась нехорошая, особенно темная, зги не видно, земли отъ неба не отличишь, какъ ни приглядывайся. Черныя, тяжелыя тучи весь день висѣли въ воздухѣ, къ ночи еще ступились, низко стелются: даже вершины сосѣднихъ холмовъ затянули и окутали молчаливый Дюнишъ. Дождь такъ и лилъ, не переставая, — ни огня развести, ни шагу ступить толкомъ.

Только миновала полночь, гдѣ-то далеко-далеко хватило орудіе, за нимъ, погода немного, второе, тамъ третье. Тамъ чаще и чаще... Чуть видно, какъ на турецкихъ горахъ вспыхиваютъ красныя пятна пушечныхъ выстрѣловъ, канонада у нихъ все сильнѣе и сильнѣе разгорается. Отдѣльныхъ выстрѣловъ уже не слышно, а ревъ сплошной и гулъ отзвука. А въ воздухѣ адъ цѣлый: визжать, стовутъ, фыркаютъ летяціе надъ головами не-

видимые снаряды. Съ трескомъ лопаются гдѣ-то высоко шрапнель, съ какимъ-то всхлипывающимъ свистомъ разносится картечь и осколки, колетъ на-двое деревья, ломаетъ сучья, и все это надъ южнымъ скатомъ Дьюниша да надъ криветскою сѣдловиною разразилось. Тамъ двѣ бригады стояли; послали убрать ихъ оттуда, но кого послали—Аллахъ вѣдаетъ, исполнилъ-ли посланный порученіе—никто не знаетъ... Сами сербы догадались и отодвинулись назадъ да за гору, очистивъ передовые ложементы.

А передъ этими передовыми ложементами были еще самые передовые. Далеко они выдвинулись, на половину ружейнаго выстрѣла всего отъ турецкой пѣщи. Тамъ вырыли себѣ ровики и засѣли наши, всего одна рота, и сидятъ и не знаютъ, что они только одни и оберегаютъ отъ всей арміи турецкой опасное мѣсто.

Никто не спалъ на позиціяхъ въ эту адскую ночь съ восьмого на девятое... Генераль опять уѣхалъ впередъ, приказалъ и всѣмъ ординарцамъ, всему штабу съ собою ѣхать, да темно, посбивалось большинство съ дороги, трудно, почти невозможно ориентироваться въ такомъ непроницаемомъ мракѣ. Самому генералу и очень немногимъ посчастливилось, они какъ-разъ прибыли куда слѣдуетъ, а прочіе, нечаянно, чуть не за Рожанъ, верстъ за восемь назадъ, попали.

Сербскія батареи стали было отвѣчать на турецкій вызовъ, да замолчали, берегли снаряды, а турекъ—тѣ всю ночь упражнялись... Всѣ увѣрены были, что съ разсвѣтомъ начнетъ Абдуль-Керимъ общее наступленіе, вотъ и подготавливаетъ пушками себѣ дорогу. Ждутъ наши...

Къ утру пересталъ ливень, вѣтеръ поднялся, холодный, рѣзкій, льдистый такой. Живо коромъ покрылись всѣ размокшія тропинки, коломъ стали шинели, зубъ на зубъ у людей не попадаетъ, руки заоченѣли. Вѣтеръ отсюда, прямо въ лицо туркамъ. Стало проясняться; видно, какъ на ихъ лысыхъ горахъ рветъ и волочить по глинѣ вихремъ коническія палатки, разметаетъ крыши палашей... Выслали охотниковъ поразвѣдать. Пробрались тѣ, унтеръ Николаевъ съ семнадцатю товарищами, кусточками да рытвинками къ самымъ ночи ложементамъ турецкимъ, видѣли тѣла своихъ, что еще съ прошлаго боя остались неубранными, захватили даже низама одного зазѣвавшагося, своихъ троихъ потеряли и назадъ благополучно вернулись. Нѣтъ, говорить, ни-

какого признака, чтобы турки атаку начали. И вѣрно вышло ихъ показаніе.

Дня два возились на позиціяхъ, пока привели въ порядокъ да убрали всѣ слѣды этой скверной ночи съ дождемъ, холоднымъ ураганомъ и турецкою канонадою.

Разказы пошли сейчасъ, все для слуха очень пріятныя: то говорили, что въ ту ночь, гдѣ-то на правомъ флангѣ, Маша Врбица съ своими черногорцами цѣлый батальонъ низамъ вырѣзалъ и обезносилъ; то будто наши охотники пушку турецкую съ ручи спустили. Одинъ, изъ штабныхъ, конечно, клялся и божился, какъ онъ ѣздилъ провѣрить посты и на него наскочили три черкеса верхомъ, но онъ ихъ всѣхъ троихъ уложилъ изъ револьвера. Мѣсто даже послѣ показывалъ, гдѣ тѣла ихъ должны бы валаться теперь, да вѣрно товарищи унесли.

Пришло приказаніе привести передовые лазареты и перевозочные пункты въ возможность двинуться съ мѣста по первому-же приказанію.

— Хмуровъ, голубчикъ, не слыхали чего?.. прибѣжалъ за справкою офицерикъ изъ скромныхъ, строевыхъ, прибѣжалъ откуда-то съ позиціи, поѣсть чего-нибудь наскоро и товарищамъ отнести. Вторые сутки вѣдь ничего не ѣли.

Вошелъ онъ въ шатеръ Хмурова, одна нога, пожалуй-что, и въ сапогѣ, а другая войлочкомъ обернута, шинелишка вся въ грязи, лицо и не отличишь отъ грязи, дрожить отъ озноба; увидалъ коробку сардинокъ—глаза заискрились.

— А вы это какъ, па-а-звольте васъ спросить, изъ цѣпи-то безъ спросу?.. остановилъ было его стройный, щеголеватый адъютантъ съ двумя нашивками на шапочкѣ.—Па-а-атрудитесь явиться въ орд...

— Эхъ, не дури, баронъ! остановилъ его Хмуровъ,—ну, что ты это на него набросился? Видишь, взмокалъ еси человекъ.

— Я поѣсть немного. Товарищи тоже просили, я сейчасъ... ваше... сконфузился офицерикъ.

Снабдилъ его Хмуровъ провіантомъ, далъ коняку бутылку на передовую братію.

— Да погоди, говоритъ, голубчикъ, я тебѣ лошадь велю осѣдлатъ. Неужели-же опять пѣшкомъ одинадцать верстъ пролупишь!

— Вотъ спасибо. Вотъ родной. Ахъ, Боже мой! товарищи ждуть, оно, конечно, верхомъ скорѣе. Нѣтъ-ли хинки порошка четыре? Морозова, капитана, у насъ шестой день лихорадка треплетъ, а въ больницу не хочетъ, каждую ночь изъ цѣпи не выходитъ.

— Дамъ и хины... У меня все запасено. Я вѣдь здѣсь за неофициальнаго интенданта состою.

— Говорятъ, будто приказано санитарамъ, какъ что, такъ чтобы сейчасъ...

— Да-съ, мобилизируютъ, кивнулъ утвердительно баронъ, подмигивая товарищамъ, какъ голодный офицеръ таскалъ изъ жестянки сардинки въ ротъ одна за другою, глотая чуть не цѣликомъ.

— Неужели отступаютъ, да? Господа, не знаетъ-ли кто здѣсь въ штабъ? Господа, неужели-же отступаютъ?!

— Движенье предстоитъ, и даже очень скоро, авторитетно замѣтилъ другой изъ штабныхъ.

— Назадъ?

Въ голосъ спрашивающаго прозвучала тоскливая, полная отчаянья и грусти нота.

— Нѣтъ, впередъ, озлобленно чуть не заоралъ во все горло Хмуровъ.—Впередъ! въ самый Константинополь!

И въ уголкахъ его заплавленныхъ отъ жира и перепоя глазъ засвѣтились не то капельки коньяку, не то, пожалуй, и что-то похожее на слезы.

— Ахъ да, встать: что Коробкинъ, корнетъ, съ вами еще? Я ему „Такова“ выхлопоталъ, съ большимъ трудомъ, но, однако, выхлопоталъ, заговорилъ тотъ, кого Хмуровъ назвалъ барономъ.— Корнетъ Коробковъ?

— Его убили третьяго дня еще. Пошли это охотники турокъ выбить изъ кусточковъ, съ флангу; тѣ зашли и безпоянты начали. Выбить-то выбили турокъ, да и сами чуть не попались. Вотъ тутъ и убили Коробкова.

— Жаль!..

— Дулову обѣ ноги оторвало, маіору... этого еще на прошлой недѣлѣ свезли на пунктъ, не знаю, живъ-ли.

— Да вы и сами-то никакъ прихрамываете? полюбопытствоваль кто-то еще изъ штабныхъ.

— Пустяки, колѣно немного ссадило осколочкомъ. Больно-то

больно, а ничего. Хмуровъ, отецъ родной, что-же лошадеу-то общанную, тамъ товарищи дожидаются.

Хмуровъ выглянулъ изъ шатра, кивнулъ кому-то шапочкою и крикнулъ:— „Бонжуръ, принцъ!“

— Да вотъ, говорить, уже и лошадка готова... Садись и съ Богомъ! Я съ тобою конника пошлю, лошадь назадъ привести, а то, неровень часъ, еще убьютъ ее у васъ на позиціяхъ...

Уѣхалъ офицеръ.

Ловкіе щеголи-кавалеристы, все штабники, посмѣивались ему вслѣдъ, гляди на его неумѣлую посадку въ сѣдлѣ.

— Regardez donc! какъ онъ локтями работаетъ, замѣтилъ одинъ, взявнувъ шпорами.— Въ манежѣ-бы ихъ прогонять года два, а они воевать!.. Чудаки!

— Сколько, однако, этого хламу наслалъ намъ комитетъ, замѣтилъ другой,— удивительно!

— Да, таки-многогнѣю, согласился съ послѣднимъ замѣчаніемъ и Хмуровъ и безцеремонно окинулъ взглядомъ все собраніе, словно опредѣляя приблизительно численность этого „многогнѣю“...

ГЛАВА XIX.

Шестнадцатое октября.

Весь южный скатъ возвышенности Дьюнишъ и широкая сѣдловина, отдѣляющая этотъ скатъ отъ подъемовъ на сосѣдніе холмы, изрытые турецкими ложементами, увѣчаннае контурами редутовъ, густо, беспорядочно поросли лѣсомъ, все дубы и буки... Невидимы для турокъ за этою гущею растительности ни бивуачное расположеніе сербскихъ бригадъ, ни ихъ батареи уступами, ни узкія тропинки путей сообщенія... Слышенъ туркамъ въ этомъ лѣсу только гулъ какой-то характерный, особенный, и голоса человѣческіе, ржаніе коней и стукъ топора, трескъ разгорающагося сухолому, скрипъ осей тельжнихъ, карканье встревоженныхъ воронъ... Кипучею жизнію кишатъ эти пожелтѣлые, разукрашенные осеннимъ золотомъ лѣсистые склоны; то прижолкнутъ на время, затаятся, то снова заговорятъ, снова стихнутъ. Отдѣльный, тяжелый ударъ орудійнаго выстрѣла нарушить разомъ это

молчаніе, думаешь, тамъ хватило, а совсѣмъ въ другой сторонѣ. Сквозь путаницу дубовыхъ кронъ клубами выбивается бѣлое облако порохового дыма.

Ждутъ турки такого облака, на него разомъ чуть не со всѣхъ батарей отвѣчаютъ; въ воздухѣ слышенъ визгливый ревъ летающихъ снарядовъ; рветъ ихъ и надъ деревьями, рветъ ихъ невидимо въ самой чащѣ лѣса, и долго еще послѣ такого залпа слышится глухой трескъ по лѣсу, перекатами эхо разносится во всѣ стороны.

Съ каждымъ днемъ все растутъ и растутъ въ сербскихъ рядахъ безполезныя потери. Замѣтили это — замолчалъ Дьюнишъ, замолчали и турки. Велѣно было не заирать враговъ, беречь огонь для болѣе важнаго случая, неравно атаку поведутъ.

Надолго замолеъ Дьюнишъ; только у подножья его, въ самой котловинѣ, и день, и ночь трещить ружейная перестрѣлка; тамъ забавляются передовыя цѣпи, тамъ ужъ глазъ-на-глазъ сторожать другъ друга, съ одной стороны, красныя фески низама, съ другой — шапочки русскихъ добровольцевъ. Турокъ спущено въ цѣпи батальоновъ пять, если не больше, у нихъ сплошь чернѣютъ свѣжія насыпи ровиковъ; у насъ человѣкъ четыреста всего, и тѣ разбѣлись по кучкамъ; у турокъ что ни день, то смѣна, наши вотъ ужъ третью недѣлю лежатъ все тѣ-же и смѣнить ихъ некому. Не сербовъ-же послать въ такое опасное мѣсто!.. Къ туркамъ самъ Эюбъ-паша частенько навѣдывается и все высматриваетъ что-то на Дьюнишъ; къ нашимъ навѣзжаетъ Межаниновъ, начальникъ позиціи и генералъ тоже. Я не знаю, съ какимъ чувствомъ увѣзжалъ съ передовыхъ постовъ, послѣ своихъ посѣщеній, турецкій начальникъ штаба; наши увѣзжали отсюда безъ особо-утѣшительныхъ чувствъ и ихъ всегдашнее: „Ну, ребята, постойте-же здѣсь, какъ слѣдуетъ, покажите сербамъ, какъ надо...“ звучало не весело, такъ-же не весело, какъ и глухой отвѣтъ изъ ложементовъ: „Постараемся, ваше п—ство-о-о!..“

Понимали люди, что дѣло-то „не того“, трудненько выходитъ, на свои плечи все взять придется. Подорвалась вѣра въ резервъ, не ждутъ должной поддержки отъ сербовъ-милиціонеровъ. Лучшее-то стоячее войско у Хорватовича, на правомъ флангѣ, далеко, а здѣсь все „второклассники“...

А ну, какъ дрогнуть раньше времени!..

Наступило утро шестнадцатаго октября, роковой день для тиховско-моравскаго войска.

Сырой разсвѣтнй туманъ неподвижною стѣною стоялъ въ воздухѣ; покрыло этимъ туманомъ всѣ горы „турецкія“. Тихо тамъ, ни голоса, ни выстрѣла не слышно, замерли, словно опустѣли ложементы, даже часовые всѣ куда-то попрятались.

Пробрались наши охотники въ одиночку туда, — что за дикона?! Пусты передніе ровики турецкихъ стрѣлковъ. Подвинулись наши аванпосты впередъ, опять выслали на развѣдку, — опять тоже самое.

Подумали было, ужъ не отступать-ли вздумали турки, что тихоньку передовые посты снимаютъ; дали знать Межанникову, тотъ поморщился, велѣлъ резервамъ придвинуться поближе...

На батареяхъ уши настожили. Злятся всѣ на туманъ, ждуть, не разсѣется-ли.

Вотъ уже часъ скоро, какъ всѣ находятся въ такомъ томительномъ выжиданіи.

Получили записку на аванпостахъ, — долженъ былъ эту записку привезти лично ординарецъ, а попала она сюда чуть-ли не черезъ десятыя руки; сказано въ ней: „генераль приказалъ...“ а что дальше — разобрать невозможно, размазано, размочено и подписи нѣтъ...

Повертѣлъ бумажку въ рукахъ поручикъ Распутовъ, передалъ сосѣду, тотъ тоже поглядѣлъ, перевернулъ, дальше передалъ...

— Ну, братцы, смотри! Приказалъ генераль зубами держаться, а назадъ — ни-ни, потому тутъ самый предѣлъ! ухитрился какъ-то докопаться смысла какой-то солдатикъ ингерманландскаго полка.

Миколаевъ унтеръ видѣлъ тоже эту записку, говоритъ: „вѣрно!“

А туманъ такъ и лѣзетъ со всѣхъ сторонъ своими сырыми стѣнами; маячитъ въ немъ что-то внизу, словно изгородь черная; растетъ эта изгородь, все ближе и ближе движется.

Согнувшись, словно котъ у мышиной щели, обѣжалъ ближайшія кучки Распутовъ и скомандовалъ:

— На мой голосъ всѣ собирайся, не стрѣлять до команды...
Боже сохрани!

Люди крестятся, сжались, къ землѣ совсѣмъ припали.

— Идутъ! прошепталъ кто-то. — Идутъ, идутъ! пронесся по рядамъ этотъ тревожный шопоть.

Турки дѣйствительно шли. Въ этомъ туманѣ дѣйствительно двигались ихъ необозримыя, сплошныя колонны.

Они шли молча, безъ выстрѣла... Слышенъ былъ только нѣрный, тяжелый шагъ, шорохъ и трескъ кустовъ подъ безчисленными ногами.

— Ребята, близко! Бери мушки мельче. Пли!..

— Алла-а-а-а! застонали невидимые пока голоса, покрывая своимъ воємъ ружейные залпы.

— Въ кучу! сбивайся всѣ въ кучу. Держись!..

— Алла-а-а-а!

— Смерть моя пришла... ба-а-а-а-а! Въ ку-у-чу!.. Пли!..

— Держись!.. резервы подходятъ...

— Алла-а-а-а! слышится тамъ, откуда ожидаютъ этихъ желанныхъ резервовъ.

Словно живая лавина, двигались все впередъ и впередъ турецкія колонны, туманъ покраснѣлъ отъ ихъ фесокъ, обходятъ справа, обходятъ слѣва.

— Я убить! шепчетъ поручикъ Распутовъ, не падая, а присѣдая какъ-то на землю, — въ грудь... вотъ сюда... Дитцъ... Сомовъ... кто тутъ... выводите людей.. я уб...

И Сомовъ лежитъ уже ничкомъ и не отвѣчаетъ, и Дитцъ стынетъ уже, проколотый разомъ двумя штыками... Крохотная фигура Николаева унтера мелькаетъ въ кустахъ, съ нимъ десятка два нашихъ, плечо къ плечу, прокладываютъ себѣ дорогу... Рядомъ слышенъ револьверный выстрѣлъ — это молодой офицерикъ самъ себѣ въ високъ пустилъ пулю. Слава-богу, вовремя!..

„Алла, Алла, Алла!“ гудитъ ужъ на подъемахъ самаго Дюниша, а тотъ молчитъ... Тамъ сербы уже снимаютъ орудія съ позицій... Почему, кто приказалъ?—никто не знаетъ и до сихъ поръ не знаютъ.

Справа, далеко, у Хорватовича гремитъ канонада. Тамъ тоже бьются. Тамъ турки демонстрируютъ, а сюда ломятъ всѣми си-

лами. И ждали ихъ, и неожиданно какъ-то вышло. Легко достаются туркамъ грозныя позиціи.

Чуть не со всею армією Абдуль-Берима бьется упорно, стойко горсть русскихъ добровольцевъ и гибнетъ.

Тяжелый день, тяжелый, бессмысленный кошмаръ. Въ результатѣ хаосъ, паника, пораженіе...

.

— Вы ужь останьтесь здѣсь, чего вамъ туда-то соваться, сказалъ Гудько Ивану Аполоновичу и ускакалъ, нахлестывая своего рыжого турка.

Остался князь. Кругомъ все возы и возы, около суетятся сербы, впрягаютъ воловъ, кричатъ, путаются, мечутся, какъ ошалѣлые. Снимаютъ палатки, повалили большой шатеръ, подъ холстомъ шевелятся и стонутъ раненые.

— Да тише вы, черти! неистово кричить докторъ.— Носилки всѣ сюда, санитары, сюда!..

— Попадетесь вы со всѣмъ лазаретомъ баши-бузукамъ въ руки, словно подсмѣивается кто-то, сидя на землѣ, спиной къ дереву присловившись. Нога у него только-что отнята, а перевязка не докончена. Сидитъ онъ, блѣднѣетъ съ минуты на минуту и револьверъ въ рукахъ держать.

Бѣгутъ мимо вразсыпную сербы-милиціонеры, кричатъ: „на тракъ, на тракъ!.. Турци!..“

— Да вы-то что-же!.. Вы-бы хоть помогли! накинулся докторъ на Ивана Аполоновича.

— Я, я готовъ, я... засуетился князь, не зная, за что взяться, какъ приступить къ дѣлу.

Надъ самою головою грохнуло что-то въ воздухѣ, засвистала картечь, брызнула и по живымъ, и по мертвымъ, что лежали рядомъ, прикрытые древесными вѣтками... Суматоха усилилась.

— Черкесы, черкесы! доносится чей-то отчаянный вопль.

Конныя фигуры, дѣйствительно, замелькали внизу, въ кустахъ; по самому берегу Моравы рысать, пробираются. Бѣгутъ всѣ теперь... Остановить невозможно.

— Да опомнитесь, дьяволы! Бога въ васъ нѣту. Стой, подлецы!.. Стрѣлять буду.

Всѣ раненные, кто только сохранилъ еще какую-нибудь возможность хотя ползкомъ двигаться, поднимаются, слабыя руки нервно стиснули оружіе.

— Ваше сіятельство, выручка подходит!.. Помиловаль Господь... Ваше сіятельство!

Это Мироннычъ тронулъ за плечо Ивана Аполоновича. Старый инвалидъ смотритъ бодро, выпрямился даже какъ-то не по лѣтамъ.

— Сейчасъ на уру поидемъ, съ нами Богъ!.. говоритъ старикъ и широко, размахисто крестится.

— Съ нами Богъ! бессознательно повторяетъ князь и идетъ, идетъ самъ.

А около него, съ боковъ, даже впереди люди какіе-то идутъ. Шапки мѣховыя, лица такія черныя, усатыя, свитки рваныя. Идутъ они не то строемъ, не то въ разбродъ. Ведетъ ихъ...

— Кто это ихъ ведетъ? Видѣлъ гдѣ-то, а не могу припомнить, сообщаетъ Иванъ Аполоновичъ.

— *Воевода* съ нами, шепчетъ Мироннычъ-швейцарь.

Ноги вязнуть въ болотѣ, мокрою вѣткою хлестнуло по лицу. Кто-то подъ ноги къ нему бросился. Прямо такъ и кинулся, съ ногъ сбиль. Поднялся князь снова... Ружье... у него вѣдь ружье было, а теперь нѣтъ. Гдѣ-же оно?..

— Воевода, да, воевода. Теперь помню. Вонъ онъ! я его по плечамъ узнаю. Какъ онъ скоро идетъ, какъ скоро. Я догнать не могу... я...

И все идетъ кругомъ: и кусты идутъ, и вотъ этотъ дуплистый дубъ, свѣже-расколотый, тоже идетъ впередъ, а онъ, Иванъ Аполоновичъ, стоитъ на мѣстѣ. То-есть онъ идетъ, а все-таки... все-таки какъ-будто-бы на одномъ и томъ-же мѣстѣ топчется... Отсталъ совсѣмъ и ничего не видитъ впереди.

Прямо передъ его глазами кочка какая-то моховая. Черный жукъ ползетъ и подъ сухой листь прячется... да, жукъ...

Ахъ, какая усталость, какъ спать хочется, такъ-бы и смѣнулъ глаза и... только зачѣмъ это такъ жжетъ въ самомъ сердцѣ и мокро? Пальцы липнуть, а голова какая стала тяжелая. „Ефремъ, компрессы! Нѣтъ, не надо, не надо... по-ослѣ“...

Покончилъ свое земное странствованіе князь Иванъ Аполоновичъ Пестрый-Бовриковъ.

Три табора турецкихъ обошли Дьвинишъ справа, лоциною. Тѣ мѣста, гдѣ стояли сербскія батареи, совсѣмъ ужь отъ нихъ влѣво остались. Съ таборами сброду коннаго не мало. Какъ волеи ршцуть по сторонамъ, рассыпались по мелкичъ хуторамъ долины, жгутъ постройки, скирды хлѣбныя. Густой желтый дымъ клубится надъ пожарищемъ. Все живое, что на пути встрѣчается, гибнетъ и уйти некуда. Бѣжить кучка сербовъ-милиционеровъ; только-что изъ чащи выскочила, а противъ нихъ прямо фески красныя... Метнулись бѣглецы влѣво—тамъ тоже... Опять „Алла, Алла!“ опять „живіо!“ трескотня ружей... Несется конь со всадникомъ, всадникъ-то еле держится въ сѣдлѣ, за гриву коня ухватился слабѣющими руками. За нимъ, словно стая гончихъ, увязались черкесы... Тотъ съ разбѣгу въ Мораву и тѣ туда-же... Конь на другой берегъ уже одинъ выплылъ, безъ сѣдока. Нашли семью цѣлую, въ осокѣ береговой притаилась, обступили несчастныхъ... Въ узкой калиткѣ задворка засѣлъ за высокимъ порогомъ серб-селякъ, положилъ на порожину свое ружье и отлеживается, не стрѣляетъ, а противъ него, тоже попрятавшись за стѣнками да за вишневыми кустами, низамы... Осада пока идетъ правильная... Холодной рѣшимостью блещутъ глаза старика, знаетъ онъ, что все равно не отсидится, знаетъ, что помереть, да хоть-бы не даромъ, подороже продать свою голову; опять-же и семья его только-что задами прошла, хоть-бы подальше пока уйти успѣла... Возъ съ добромъ опрокинулся на самой дорогѣ... Хрюкаютъ перепуганные буйволы, бьются, не могутъ освободиться отъ крѣпкого яра, свернувшего имъ шею, а у воза уже баши-бузуки хозяйничаютъ, тонконогіе такіе, чалмы высокія, лица черныя, руки цѣпкія...

А таборы густою цѣпью все впередъ и впередъ ломаютъ... Завидѣли они сквозь чащу дубовыхъ стволовъ палатки бѣлыя, знамя съ краснымъ крестомъ, лазаретную суматоху... Рванулись... А навстрѣчу имъ, безъ выстрѣла, грозно уставивъ штаны, движется, развертываясь, кучка черныхъ свитокъ... Ведетъ эту кучку богатырь-воевода, трубочку въ зубахъ крѣпко стиснулъ... Дрогнули таборы, затоптались на мѣстѣ, беспорядочной пальбою встрѣчаютъ атакующихъ... А тѣ уже вотъ вплотную подошли...

— Руссы, руссы! проносится по турецкимъ рядамъ.

— Бей ихъ, проелатыхъ! слышенъ громкій воеводскій голосъ.

Бѣгутъ, въ свою очередь, низамы, не любятъ штыковой работы... Словно метлою сметаетъ враговъ со склоновъ Дѣвниша болгарская дружина воеводы „Жука“; далеко оны уже отбросилъ ихъ отъ перевязочнаго пункта и прикрылъ своими дружинниками опасное мѣсто.

А тутъ еъ нему бѣгутъ сербы-артиллеристы, плачутъ, за полы хватаютъ.

— Топове, топове наши спаси, господине!

Какая смертельная тоска, какое отчаяніе слышится въ этихъ мольбахъ! Мать за ребенка такъ просить.

Бѣжали до времени милиціонеры, не дали пушкарямъ даже снять свои пушки съ позиціи. Турки насѣдаютъ, гдѣ-же горсти артиллеристовъ отстоятъ свои орудія, а орудія эти сама княгиня Наталья дала имъ, говоря: „храните добре!“ Заберутъ турки эту святиню.

— Топове, топове наши спаси! навзрыдъ плачутъ сербы. — Вотъ тутъ оны, сейчасъ за горою.

Повернулъ Жукъ свою дружину; порѣдѣли сильно ея ряды, половины не осталось... Только успѣлъ перевалить лѣсную балочку, а уже турки на самыхъ пушкахъ сербскихъ бьются... Выше всѣхъ видна фигура серба съ банникомъ въ рукахъ; какъ отъ собачьей стаи наотмашъ отбивается.

Только бросились на выручку жуковцы, отсадили немного турокъ, изъ лѣса еще дружина спускается, самъ Межаниновъ ведетъ ее, а за тою дружиною тянется безконечная вереница носилокъ... Тянутся кони коморджіевъ и черезъ каждое сѣдло по тѣлу, а то и по два переброшено...

Въ Делиградѣ смятеніе... Штабные заметались... Даль имъ сюда знать генераль, чтобы не трогались съ мѣста, что нѣтъ опасности, успѣлъ оны прикрыть рожанскую дорогу, отбросилъ турокъ отсюда, да не получили этого приказанія въ Делиградѣ, говорили, будто-бы черкесы проволоку телеграфную перервали, — можетъ быть!..

Возы нагружаютъ, по двое на одну лошадь садятся, подожгли шалаши даже кое-кто, чтобы туркамъ не доставались... Запрудили силошъ всю дорогу. Подъ триумфальною аркою нельзя уже

и двигаться... Паника растетъ и растетъ. Всякому уже черкесы въ глазахъ мерещатся... Сколько смѣху было потомъ, когда вернулся генералъ и только головою покачалъ, глядя на все это штабное безобразіе...

Заняли турки Дьюнишъ, прорвали днище мѣшка; передъ ними теперь была открытая, свободная дорога въ сердце Сербіи... То, что бѣжало, смѣшавшись съ обозами, перепутавъ свои части и роды оружія, — то уже не было войскомъ и не могло служить преградой къ дальнѣйшему наступленію... А турки сами стали и впередъ не пошли; ихъ самихъ словно ошеломила эта легкая, неожиданная для нихъ побѣда.

Робко тольлись побѣдители на занятыхъ горахъ и сейчасъ-же, по обыкновенію, окапываться начали: все имъ казалось, что вотъ-вотъ вернуться, изъ земли вынырнуть сербскія бригады съ кучками руссовъ въ головахъ и сметутъ ихъ снова внизъ, снова изъ воя голыя, изрытыя, запакощенные долгою стоянкою, голодныя, холодныя прежнія позиціи.

ГЛАВА XX.

На другой день утромъ Надя получила записку отъ Хмурова. Записку эту привезъ сербъ-воиникъ и лично передалъ по назначенію.

Надя прочла съ начала до конца внимательно и, повидимому, спокойно, только аптекарь Герзонъ, слѣдя за процессомъ чтенія, поспѣшилъ подвинуть читавшей стулъ и шепнулъ служителю, чтобы тотъ на всякій случай позвалъ доктора.

Его смутила эта смертельная блѣдность, разомъ покрывшая щеки Нади, этотъ ледяной холодъ въ пальцахъ княжны, когда онъ взялъ ее за руку.

— Да вы успокойтесь, Господь съ вами!.. Такъ вѣдь нельзя... Такъ вѣдь и нервный ударъ случится, голубушка! Да заплачете-же; ну, ради Бога, ну, пожалуйста, ну, закричите... Ахъ, Боже мой!.. Тсъ!..

— Что такое? показалась на порогѣ толстенная докторская фигура.

Аптекарь молча показалъ глазами на Надю, а самъ, бережно вынувъ изъ ея руки письмо, пробѣжалъ его содержаніе.

„Сообщаю вамъ печальное извѣстіе, дорогая Надежда Ивановна, писалъ ей Хмуровъ карандашемъ на клочкѣ оберточной бумаги.—Наше дѣло не выгорѣло. Турки насъ побили. Оправиться будетъ трудновато, да авось, съ божіею помощію, еще поддержимся... Папенька вашъ, царство ему небесное,—и какъ это его нелегкая дернула?—убить наповаль двумя пулями, въ черепъ и въ сердце. Умеръ онъ героемъ, дай Богъ всякому, шель во главѣ колонны молодцемъ. Матъ очевидцы лично рассказывали. Мирончъ тоже убить. Нашли сюртукъ его у плѣннаго черкеса, а тѣла самого не отыскали. Тѣло-же папеньки вашего болгары успѣли вынести изъ боя, вмѣстѣ съ своимъ тяжело раненымъ воеводою.

„Будьте мужественны и постарайтесь по-христіански, съ поборностью волѣ Господней, перенести это горе и сохранить драгоценное здоровье ваше на пользу намъ и утѣшеніе.

„Къ вечеру, надо полагать, доставятъ вамъ одного раненаго, того самаго воеводу, въ дружинѣ котораго убить вашъ батюшка; приложите свое особенное усердіе и вниманіе къ сему бѣдняку,—человѣкъ-то онъ больно хорошій и дѣлу нужный, одно слово—голова. А выжить онъ долженъ, развѣ только, что калѣкою останется... Ну, да мы на васъ надѣемся.

„Насчетъ папенькинаго тѣла ждемъ вашего распоряженія: хоронить-ли его здѣсь на мѣстѣ или доставить на ваше благоусмотрѣніе? Впрочемъ, я уже сдѣлалъ распоряженіе къ перевозкѣ, а завтра къ ночи, позднее самое—послѣ завтра утромъ, представляюсь лично.

Подписано: М. Хмуровъ“.

Долго, долѣе полугода тянулось выздоровленіе болгарскаго воеводы, но такъ-какъ тотъ былъ сложенія крѣпкаго да вдобавокъ былъ обставленъ такимъ уходомъ, что дай Богъ всякому, то, конечно, выздоровленіе послѣдовало самое полное, если не считать за большую неприятность необходимость въ сырую погоду опираться на палку при передвиженіи съ мѣста на мѣсто.

Надя передъ отъѣздомъ изъ Сербіи прислала въ консульство визировать свой паспортъ, а въ этомъ паспортѣ совершилась тѣмъ временемъ нѣкоторая метаморфоза: тамъ вмѣсто прежняго, аристо-

кратическаго: „Княжна Надежда Ивановна Пестрая-Коврицова“, значилась теперь самая скромная надпись: „Надежда Ивановна Жукъ“.

Надя, впрочемъ, увѣрена, что даже и самъ Иванъ Аполонovichъ, такъ дорожившій при жизни своимъ аристократическимъ титуломъ, ничего не имѣлъ-бы противъ этой переимѣны; — я-же, какъ повѣствователь событій, завѣряю положительно, что ничего-бы не могъ пожелать моеи героинѣ лучшаго.

Н. Караничъ.

К о н е ц ъ .

БРОДЯГА.

(Съ англійскаго.)

Гдѣ родился я? Во тѣмъ подвала.
Гдѣ я росъ? На пыльной мостовой,
И не разъ я припадалъ, бывало,
Ночью къ ней усталой головой.
Ничему меня не научили,
Чтобы честно могъ я грошъ добыть,
Но я видѣлъ, что другіе жили,
И хотѣлось самому мнѣ жить.

Мнѣ хотѣлось жить, когда весною
Щебетали сотни птицъ кругомъ.
И четы влюбленныхъ предо мною
Уходили въ глубь садовъ тайкомъ,
И, слѣдя за ними мрачной тѣнью
Съ бурей страсти въ молодой крови,
Я готовъ былъ даже къ преступленью
За одинъ блаженный мигъ любви.

Мнѣ хотѣлось жить, когда кипѣла
Городская жизнь вокругъ меня
И столица роскошью блестяла,
Къ наслажденьямъ cadaго маня.
Слыша звуки музыки и пѣнья,
Видя въ окнахъ блескъ ночныхъ пировъ,
Я стоялъ въ угрюмомъ озлобленьи
У подъѣздовъ каменныхъ дворцовъ.

Мнѣ хотѣлось жить, во что-бъ ни стало,—
Ну, и жилъ. Но какъ? Зачѣмъ вамъ знать,

Какъ успѣла выходца подвала
 Тина грязной жизни засосать,
 Какъ попалъ онъ въ омуты столицы,
 Проторивъ къ паденью скользкій путь?
 Это жизни грязныя страницы
 И теперь нельзя ихъ зачеркнуть.

Былъ я всѣмъ,—бродягою и вромъ;
 Въ экипажахъ часто ѣздилъ я,
 Только чаще спалъ я подъ заборомъ,
 Проклиная ближнихъ и себя.
 Молодымъ сносилъ я бодро музъ,
 Но я сталъ и слабъ и старъ теперь,
 И рѣшился вамъ отдаться въ руки,
 Какъ на травлѣ заморенный звѣрь.

Я погибъ, какъ гибнуть горемыки,
 Я стою теперь передъ судомъ,
 Какъ преступникъ. Явныя улики
 Говорятъ вамъ о моемъ быломъ.
 Присуждайте, гдѣ мнѣ жить. Въ острогѣ?
 Въ рудникахъ? Чего меня жалѣть,—
 Мнѣ и такъ пришлось бы на дорогѣ,
 Какъ собакамъ, скоро околѣть.

А. И

КАРЛЬ-ЭРНСТЪ БЭРЪ.

IV.

На службѣ Россіи.

Если біологія безспорно потеряла отъ перехода фон-Бэра въ Петербургъ, то Россія столь-же безспорно выиграла. По впечатлительности и живости своей натуры, новый академикъ могъ тратить на десятки менѣе важныхъ работъ и предпріятій время, необходимое для трудовъ, которые онъ одинъ могъ-бы въ эту эпоху выполнить въ біологіи. Но вслѣдствіе этой самой живости и впечатлительности онъ не могъ никакъ спокойно видѣть подлѣ себя какое-нибудь нужное или полезное дѣло, къ которому относились халатно люди при немъ состоявшіе; видѣть и не приложить къ этому дѣлу своей руки, своего труда, своего ума было невозможно для фон-Бэра. Тотъ, кто знаетъ Россію, можетъ сказать а ргіогі, что такого дѣла было тамъ очень много и что скоро подлежащія власти разсмотрѣли, насколько для ихъ „государственной заботливости“ и „общественной предусмотрительности“ пріятно и полезно назначать академика фон-Бэра, большею частью по собственному его вызову, во всякіе комитеты, посылать его съ разными порученіями, тѣмъ болѣе, что, по своему положенію и характеру, онъ не могъ быть соперникомъ ни на какою высшую должность. Его знаніями пользовались, его проекты читали (иногда не придавая имъ практическаго хода), а онъ оставался кабинетнымъ ученымъ, чуждымъ всякаго административнаго положенія. Но дѣла у него было много, и дѣла самаго разнообразнаго.

Онъ былъ библиотекаремъ иностраннаго отдѣленія библиотеки академіи наукъ съ 7 іюня 1830 г. и составлялъ каталогъ, даже писалъ каталогъ рукописей собственною рукою. Онъ былъ впродолженіи двухъ лѣтъ, по распоряженію графа Уварова, инспекторомъ частныхъ пансіоновъ (Selbstbiogr. 439; г. Стида, кажется, не упоминаетъ объ этомъ назначеніи). Онъ читалъ публичный курсъ по антропологии и исторіи развитія животныхъ. Онъ произносилъ рѣчи при ежегодныхъ академическихъ актахъ. Онъ издавалъ вмѣстѣ съ Гельмерсеномъ на нѣмецкомъ языкѣ журналъ, съ цѣлью знакомить иностранцевъ съ Россіей (Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches). Онъ былъ впродолженіи 11 лѣтъ (1841—1852) профессоромъ сравнительной анатоміи и физиологии въ петербургской медико-хирургической академіи, гдѣ читалъ лекціи по-латыни, издавалъ для студентовъ латинскій курсъ гистологии (Praelectiones histiologicae), устраивалъ институтъ для работъ по сравнительной анатоміи и физиологии (такъ-называемый „физиологическій“ институтъ), дѣятельно участвовалъ въ работахъ конференціи академіи, вліялъ на приглашеніе въ академию профессоровъ, подобныхъ Пирогову, и содѣйствовалъ энергически учрежденію анатомическаго института подъ руководствомъ Пирогова и Грубера. Онъ былъ впродолженіи 7 лѣтъ (1843—1850) членомъ медико-статистическаго комитета и составлялъ (1847) програму медико-статистическихъ работъ для Россіи вообще. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ при основаніи географическаго общества (1845) и предсѣдателемъ его этнографическаго отдѣленія. Перейдя въ 1846 г. въ академию наукъ изъ отдѣла зоологіи въ отдѣлъ сравнительной анатоміи и физиологии, онъ получилъ въ свое завѣдываніе анатомическій музей, который подъ его руководствомъ скоро обратился (около 1858) въ замѣчательный антропологическій музей, въ эпоху, когда антропологическія коллекціи составляли еще исключеніе и въ центрахъ европейской науки. Онъ писалъ отчетъ объ образованіи при географическомъ обществѣ этнографическаго музея. Онъ основывалъ (1859—1860) антропологическое общество въ Россіи и устраивалъ въ Геттингенѣ собраніе нѣмецкихъ антропологовъ, которое должно было повести нѣсколько позже къ основанію замѣчательнаго нѣмецкаго антропологическаго журнала, окрещеннаго фон-Вэромъ въ слѣдующемъ-же году (Archiv für Anthropologie), а

еще позже къ основанію нѣмецкаго антропологическаго общества. Онъ, наконецъ, на 72-мъ году отъ роду еще инспектировалъ казанскій университетъ (1863) по порученію тогдашняго министра просвѣщенія, г. Головина.

Во всякой задачѣ фон-Вэръ относился настолько серьезно, что неизбѣжно долженъ былъ взволновать тину халатности и беззаботности, около него царствовавшую, долженъ былъ бороться съ непониманіемъ и съ неохотою дѣлать дѣло, столь обычными повсюду, и если побуждалъ препятствія, то не всегда или съ большими затрудненіями, причеиъ борьба изъ-за мелочей лишала его всякой возможности совершать долгія и усидчивыя ученныя работы. Изъ этихъ разнообразныхъ сферъ русскаго „служенія“ фон-Вэра останавлиюсь преимущественно на его дѣятельности въ петербургской медико-хирургической академіи, пользуясь для этого особенно данными книги доктора Сиды (125 и сл.).

„Вслѣдъ за его назначеніемъ (професоромъ сравнительной анатоміи и фізіологіи) Вэръ представилъ конференціи медико-хирургической академіи програму... Онъ раздѣлялъ курсы на *теоретическій* и *практическій* отдѣлы. Къ предметамъ *теоретическаго* преподаванія слѣдуетъ отнести:

„1. *Общій* курсъ сравнительной анатоміи и фізіологіи, который содержалъ-бы какъ ученіе о развитіи животныхъ организмовъ (исторія развитія), такъ и ученіе объ элементарномъ (feipem) строеніи животныхъ (ученіе о тканяхъ).

„2. *Спеціальныи* курсъ сравнительной анатоміи и фізіологіи, въ который вошли-бы отдѣльныя избранныя главы. Курсъ долженъ продолжаться два года.

„Рядомъ съ теоретическими лекціями должны непрерывно идти практическія упражненія.

„Для того, чтобы надлежащимъ образомъ выполнить програму, Вэръ требовалъ средствъ для основанія сравнительно-анатомической колекціи, средствъ для библіотеки и помѣщенія для производства работъ, для библіотеки и для колекціи; далѣе требовалъ прозектора или помощника и прежде всего—денегъ, опредѣленный штатъ.

„Это было очень трудно: Вэру пришлось за-ново собирать и основывать все то, что онъ имѣлъ въ Кенигсбергѣ въ отличномъ состояніи для личнаго удобства. Сначала Вэръ долженъ былъ со-

всѣмъ отказаться отъ практическихъ упражненій, потому что для нихъ не было помѣщенія. Когда ему, наконецъ, отвели помѣщеніе, хотя и не то, о которомъ онъ просилъ, но другое, худшее, онъ могъ кое-какъ устроиться и положить, по крайней мѣрѣ, начало работамъ студентовъ, также основать маленькую коллекцію. Но явились новыя затрудненія: въ августѣ 1843 г. онъ жалуется конференціи, что безъ его вѣдома и безъ его участія у него снова взяли комнаты, назначенныя подъ лабораторію, и отвели другія, которыя никуда не годятся; что при перемѣщеніи погибла часть матеріала, нужнаго для изслѣдованій; онъ не можетъ уже вовсе заниматься практическими упражненіями и можетъ читать лишь теоретическія лекціи. Но и для теоретическихъ лекцій недостаетъ матеріала: ему, напримѣръ, отказываются дать нѣсколько человѣческихъ мозговъ, которые ему крайне нужны. Онъ проситъ конференцію о назначеніи человѣческихъ труповъ и объ отведеніи надлежащаго помѣщенія для практическихъ работъ. Докторъ Стида дѣлаетъ въ этому скромное примѣчаніе внизу страницы, что „Бэру была возвращена эта записка, какъ неприличная (ungehörig)“.

„Кромѣ того Бэръ имѣлъ много хлопотъ, такъ-какъ назначенный ему въ помощники докторъ Нордштрэмъ былъ въ то-же время практическимъ врачомъ, долженъ былъ наблюдать, какъ профессоръ, за практическими упражненіями студентовъ-ветеринаровъ и не имѣлъ достаточно времени для исполненія всѣхъ своихъ обязанностей.“

„Бэръ призналъ, что это не должно больше такъ идти. Энергически поддерживаемый его тогдашними товарищами, профессоромъ У. К. Зейдлицемъ и профессоромъ госпитальной хирургіи, докторомъ Пироговымъ, Бэръ представилъ предложеніе объ основаніи института для сравнительной анатоміи и физиологіи, т. е. института, въ которомъ можно было-бы производить какъ работы по зоологической анатоміи, такъ и опыты по физиологіи. Желаніе это было исполнено не сейчасъ, но лишь въ 1844 г.; Бэру назначена была небольшая штатная сумма въ 300 р., отведены были кое-какія помѣщенія для работъ, гдѣ нашлось мѣсто и для небольшой коллекціи сравнительно-анатомическихъ препаратовъ и гдѣ можно было устроить практическія занятія...“

„Но и теперь встрѣчались всякія затрудненія, какъ видно изъ

того, что въ августѣ 1850 года Вэръ просилъ о передачѣ микроскопа Шика изъ зоологическаго института въ его институтъ, такъ-какъ тамъ было всего два микроскопа, которыхъ было недостаточно для демонстрацій при столь большомъ числѣ учащихся...

„Особенно важною и прочною заслугою Вэра въ пользу медико-хирургической академіи можно считать его содѣйствіе основанію особеннаго анатомическаго института, т. е. института для *анатоміи челоуѣка*. По случаю новыхъ выборовъ на кафедру анатоміи челоуѣка, сдѣлавшуюся вакантною съ выходомъ профессора Буяльскаго, Зейдлицъ, Пироговъ и Вэръ подали конференціи академіи записку, гдѣ они энергически предлагали и поддерживали основаніе анатомическаго „отдѣла“ подъ названіемъ „анатомическаго института“ для пособія при изученіи анатоміи. Это предложеніе могло казаться страннымъ, такъ-какъ можно спросить себя, развѣ не было ранѣе чего-либо подобнаго? развѣ профессоръ анатоміи не имѣлъ анатомическаго кабинета? Конечно, существовала анатомическая колекція, которая служила для теоретическаго преподаванія; конечно, была тогда и препаровочная, гдѣ студенты работали надъ трупами подъ руководствомъ профессора. Повидимому, по мнѣнію Вэра, при этихъ пособіяхъ занятія анатоміею для большинства студентовъ не могли быть такъ основательны, какъ это было необходимо... Предложеніе заключалось въ томъ, чтобы основать анатомическій институтъ, назначить ему необходимыя средства для занятій, инструменты, бібліотеку и т. д. Институтъ долженъ былъ состоять подъ специальнымъ наблюденіемъ директора, на обязанности котораго лежало руководство практическими упражненіями студентовъ, вмѣстѣ съ двумя или тремя помощниками... 28 января 1846 года утверждёнъ былъ анатомическій институтъ, директоромъ его назначёнъ профессоръ Пироговъ, прозекторами Груберъ изъ Праги и Шульце изъ Дерпта“.

Упомяну еще объ инспекціи фон-Вэромъ казанскаго университета въ 1863 году, когда ему было болѣе 71 года. „Въ Казани, пишетъ докторъ Стида (стр. 171),—Вэръ осматрѣлъ, какъ былъ обязанъ, всѣ колекціи, лабораторіи и кабинеты; съ особеннымъ интересомъ остановился онъ на естественно-историческихъ колекціяхъ, особенно на колекціяхъ череповъ. По возвращеніи онъ представилъ министру отчетъ; къ сожалѣнію, изъ этого отчета

напечатано лишь извлеченіе; насколько намъ извѣстно со словъ Бэра, выкинуто многое, что именно было-бы важно для характеристики состоянія университета.

V.

Путешественникъ.

Но рядомъ съ этими разнообразными занятіями фон-Бэръ принималъ еще рядъ путешествій, имѣвшихъ цѣлью научное и промышленное изслѣдованіе разныхъ частей нашей родины. Его всегдашняя страсть къ переѣздамъ и ученымъ прогулкамъ могла теперь быть удовлетворена въ значительной степени, и эти путешествія не остались безъ результатовъ для географическаго, этнографическаго и промышленнаго познанія Россіи, хотя нельзя сказать, чтобы они привели къ какимъ-нибудь важнымъ мѣрамъ для поднятія русскихъ промысловъ, которые при этомъ ижились въ виду, или для улучшенія положенія населенія, занимавшагося этими промыслами.

Прежде всего мысли фон-Бэра направились на сѣверъ, въ Новую Землю, Лапландію, въ Сибирь. Кое-гдѣ ему удалось быть лично.

Съ 26 мая (7 іюля) по 11 сентября 1837 года онъ совершилъ первое путешествие на сѣверъ, именно въ Новую Землю. „Зиволка, офицеръ корпуса штурмановъ, пишетъ фон-Бэръ (стр. 486), — интересовавшійся наукою въ разныхъ отношеніяхъ и совершившій уже двѣ поѣздки въ Новую Землю подъ руководствомъ Пахтусова, не только доставилъ мнѣ наблюденія, собранныя во время этихъ экспедицій и результаты которыхъ были имъ обнародованы, но рассказалъ мнѣ еще очень много объ этомъ островѣ, который онъ очень полюбилъ. Онъ подстрекнулъ мое любопытство, возбужденное уже вопросами, касающимися температуры. Мнѣ хотѣлось посмотрѣть, какіе органическіе процессы могла извѣдать природа со столь ограниченными средствами, и я просилъ академию послать меня туда на ея счетъ... Еще тогда (1864 г.) въ самымъ живымъ картинамъ въ моей памяти и надлежитъ воспоминаніе о величественномъ зрѣлищѣ стѣнных и скальных массъ снѣга съ разноцвѣтными от-

вами низенькихъ береговыхъ окраинъ, собранными почти всюду въ миниатюрные дерновые лужи, и ползущихъ въ землѣ ивъ, выглядывающихъ изъ расщелинъ лишь крайними своими побѣгами. Можетъ быть, къ лучшимъ изъ этихъ картинъ принадлежитъ впечатлѣніе торжественной тишины, господствующей на островѣ, когда воздухъ чистъ и солнце свѣтитъ ясно, и въ полдень, и въ полночь. Эту тишину не нарушаетъ ни жужжаніе насѣкомаго, ни движеніе травы или кустарника, потому что вся растительность находится на самой поверхности земли“. Изъ самой Новой Земли 17 (29) августа фон-Бэръ писалъ своему пріятелю въ Кенигсбергъ, что ему пришлось заниматься гораздо болѣе ботаникой, чѣмъ зоологіей и зоотоміей, какъ онъ имѣлъ прежде въ виду: „На Новой Землѣ ищутъ для стоянки самыя глубокія бухты, чтобы обезопасить судно, и въ настоящую минуту, напр., мы стоимъ въ расширенномъ устьѣ рѣчки, куда не заходитъ никакое морское животное, кромѣ одного вида семги, а чисто-прѣсноводныя животныя на Новой Землѣ—уродство. Короче, я снова срывалъ и разсматривалъ растенія, и мнѣ казалось, какъ-будто я снова на Зальцбургскихъ Альпахъ, независимый какъ Богъ (потому что здѣсь нѣтъ никакихъ сношеній: весь остальной міръ можетъ погибнуть или воскреснуть и сюда не достигнетъ ни звука) и какъ-будто между Унтербергомъ, гдѣ я собиралъ саксифраги въ 1815 году, и Новою Землею вовсе не существуетъ промежутка ни во времени, ни въ мысляхъ. Разницу чувствовалъ я лишь въ томъ, что тогда я шелъ въ легкомъ нанковомъ платьѣ и легко несъ на спинѣ ранецъ въ 40 фунтовъ, теперь-же ботанизировалъ въ шубѣ и съ трудомъ тащилъ легкій ящикъ изъ березовой коры, куда собиралъ хорошенькія растенія“.

Въ 1836 году фон-Бэръ ѣздилъ лѣтомъ въ Финляндію до Гельсингфорса для геологическихъ наблюденій; въ 1839 году—на три недѣли на финскіе острова Балтійскаго моря. „Островъ Гохландъ, состоящій изъ порфира, пишетъ фон-Бэръ (стр. 410),—представляетъ красивое изображеніе въ миниатюрѣ горнаго хребта, гдѣ можно въ продолженіи недолгой прогулки въ одно утро видѣть живописныя стѣны утесовъ и обвалы скалъ, проломы и т. п. Недостаетъ лишь ледниковъ, чтобы имѣть передъ собою Швейцарію въ маленькомъ изданіи, за то вы видите со всѣхъ сторонъ море. Другіе острова плоче, но привлекательны по патріархальнымъ

правамъ своихъ жителей“. Ъздилъ онъ въ Финляндію и еще нѣсколько разъ. Самая значительная изъ этихъ поѣздокъ совершенна была вмѣстѣ съ Миддендорфомъ въ Лапландію съ 28 мая (9 іюня) по 6 (18) сентября 1840 года. Въ Сибирь онъ самъ не попалъ, но содѣйствовалъ отправкѣ туда Миддендорфа, слѣдилъ съ самымъ живымъ вниманіемъ за его путешествіемъ, поддерживалъ всѣми силами въ академіи и въ публикѣ интересъ къ этой поѣздкѣ и старался придать ей возможно болѣе научнаго значенія.

Перейдя около 1840 года со всей живостью своей мысли съ занятій біологіею къ занятіямъ географіею, фон-Бэръ не могъ и стремиться и въ этой области не ограничиваться отрывочными данными, но оставить работы, имѣющія научную цѣнность, по тѣмъ вопросамъ, которыхъ касался. Такова была его цѣль, когда онъ занялся изученіемъ сѣверныхъ странъ. „Долго, пишетъ докторъ Стида (стр. 125),—носился Бэръ съ мыслию написать подробное разсужденіе о Новой Землѣ и Лапландіи; онъ для этого приступилъ къ обширнымъ историческимъ и естественно-историческимъ изслѣдованіямъ, собралъ многочисленныя и богатныя коллекціи. Долго занимало его историческое изслѣдованіе о прошломъ Лапландіи, онъ хотѣлъ написать подробную флору и фауну даннаго сѣвера, Новой Земли и Лапландіи; хотѣлъ поставить географическій памятникъ честному и дѣльному Зиволькѣ, который окончательно погибъ раннею смертію на Новой Землѣ, какъ жертва своей любознательности; должно было появиться описаніе Новой Земли безъ вѣдома академіи. Изъ всего этого ничего не вышло“. Тотъ-же фатумъ, лежавшій въ собственной натурѣ фон-Бэра и прекратившій его біологическіе труды, задалъ въ зародышѣ и эти начинанія большихъ и цѣльныхъ географическихъ трудовъ. Докторъ Стида сообщаетъ въ приложеніи отрывокъ изъ послѣдняго имѣвшагося въ виду труда Новой Земли, которому фон-Бэръ, очевидно, хотѣлъ придать популярный характеръ. Мы считаемъ не лишнимъ привести этотъ отрывокъ для того, чтобы дать читателю еще указаніе на отнесенія знаменитаго ученаго къ политическимъ вопросамъ, хотя и въ шуточной формѣ:

Кто сказалъ вамъ, что я не люблю политическіе вопросы? —

изъ лицъ и *былъ* въ Петербургѣ академикомъ? Новая Земля— истинная страна свободы, гдѣ каждый можетъ дѣлать, что хочетъ. Это—единственная страна, гдѣ нѣтъ ни полиціи, ни правленія, кромя полиціи и правленія общаго владыки, которыя, впрочемъ, здѣсь строже, чѣмъ въ большинствѣ другихъ мѣстъ на земномъ шарѣ. *Это* преимущество Новой Земли предъ всѣми цивилизованными странами. Кромя того, это—единственная страна, по крайней мѣрѣ въ Европѣ, гдѣ прибывающаго не встрѣчаютъ какъ мошенника. Если я вступаю въ такъ-называемую цивилизованную страну, меня встрѣчаетъ немедленно отъ имени правительства банда чиновниковъ съ вопросомъ: не дѣлаю-ли я чего-либо запрещеннаго, ввозя запрещенный товаръ? Эта банда не только высказываетъ подобный вопросъ, но и дѣйствуетъ немедленно на основаніи его. На Новой Землѣ всякаго прибывающаго встрѣчаютъ какъ *honnete homme*. Но Новая Земля должна быть также Эльдорадо или утопій консерваторовъ; тамъ до чрезмѣрности доведена свобода мысли и прессы и между тѣмъ нѣтъ никакого злоупотребленія пресою; не правда-ли, Эльдорадо свободы! Серьезно, не слѣдовало-ли-бы выслать ультра-либераловъ на Новую Землю? Если при высылкѣ не будутъ поступать несправедливо и произвольно, то никакое наказаніе не можетъ быть справедливымъ и разумнымъ. Если кто не хочетъ приспособиться къ отношеніямъ, принятымъ въ нашемъ обществѣ, то всего справедливѣе, чтобы общество послало его въ такое мѣсто, гдѣ эти отношенія ему не мѣшали-бы и онъ самъ себѣ составлялъ-бы свое общество. Тогда онъ живѣе почувствуетъ, что существуетъ высшая необходимость, которой приходится подчиниться добровольно или недобровольно“. Конечно, это шутка, но подъ конецъ она становится ужь очень грубо-нѣмецкою шуткою. Почувствовалъ-ли это фон-Бэръ, когда онъ бросилъ этотъ отрывокъ, не продолжая его? Не поступилъ-ли его біографъ нѣсколько по-медвѣжьи, напечатавъ во всевѣденіе этотъ брошенный и, можетъ быть, случайный ^{нѣ}блочекъ мысли покойнаго академика? Предоставляю это судить читателямъ, но, очевидно, доктору Сидѣ этотъ отрывокъ пришелся по вкусу и *э* именно такъ понимаетъ политическую шутливость.

Въ срединѣ сороковыхъ годовъ ѣздилъ фон Бэръ и въ Европу, къ берегамъ Средиземнаго моря, въ Геную и въ Триестъ. Опять дохнула на него страсть къ біологическимъ изслѣдованіямъ.

„По первоначальному плану, пишетъ докт. Стида (138),—онъ долженъ былъ (1845) посѣтить нѣсколько прибрежныхъ мѣстъ и попасть также на собранія натуралистовъ въ Нюрнбергъ, но для этого было уже поздно. Кромѣ того, его изслѣдованія такъ увлекли его, что онъ при этомъ забылъ все остальное. Онъ изучалъ развитіе асцидій и затѣмъ *Echinus brevispinosus* Risso (*escolentus autorum*) при помощи искусственнаго оплодотворенія. Полученные результаты восхитили его, такъ-какъ оплодотвореніе удалось легко; однако молодыя животныя скоро умерли. Но когда *Echinus escolentus* пересталъ метать икру, Вэръ оставилъ Геную... Въ Венеціи д-ръ Нардо доставилъ ему сейчасъ по его приѣздѣ экземпляры *Echinus brevispinosus*. Вэръ немедленно приступилъ къ искусственному оплодотворенію въ стаканѣ воды и выжидалъ результата. Но служанка отеля выплеснула стаканъ съ грязною морскою водою и съ 100,000 „незаконныхъ дѣтей“ Вэра и Вэръ уѣхалъ въ Триестъ“. Онъ тамъ продолжалъ еще работы. „Изслѣдованія и работы въ Генуѣ и Триестѣ очень утомили Вэра; усиленные занятія микроскопомъ и дурная осенняя погода повредили ему физически и вообще раздражили его умственно, такъ-что результатъ его изслѣдованій ему казался гораздо важнѣе, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Его первый отчетъ изъ Триеста былъ вообще полонъ надеждъ и обѣщалъ дальнѣйшія важныя сообщенія; повидимому, академія отнеслась къ этому отчету нѣсколько холодно, и Вэръ пишетъ секретарю академіи наукъ: „Послѣ послѣдняго отчета академіи я *еще разъ* продолжалъ мои наблюденія надъ яйцомъ морского ежа (*echinus*). Я получилъ снова прежній результатъ. Легко вѣрю, что другіе придаютъ ему меньше значенія. Но для меня оно не такъ. Для меня исторія развитія—любовница, за которой я ухаживалъ въ молодые годы; она была ко мнѣ, повидимому, долго привязана (1820—1835 гг.), потомъ внезапно ускользнула отъ меня, такъ-что я не зналъ, гдѣ ее искать; теперь, когда я уже долго о ней не думалъ, когда я постарѣлъ и посѣдѣлъ, она мнѣ показывается издали, и когда я собираюсь идти къ ней, она отдается мнѣ, по крайней мѣрѣ, мнѣ это такъ кажется. Неудавительно, что я нѣсколько предаюсь мечтаніямъ“.

„Старая склонность къ исторіи развитія стала такъ жива, что Вэръ думалъ оставить Петербургъ, чтобы жить только для нея“.

Онъ мечталъ о томъ, какъ-бы хорошо было имѣть 100,000 р. асс.; на проценты съ нихъ жить съ семьей (?), переѣзжая съ мѣста на мѣсто, и сказать академіи: „Хочешь-ли ты имѣть меня кочевнымъ членомъ? Хорошо; если-же нѣтъ, то мы должны разстаться. Моя дорога—въ эту сторону“. (Письмо къ Фуссу, цитир. у Стиды, 140). Онъ понималъ, что въ Петербургѣ онъ не останется вѣренъ этой „любовницѣ молодыхъ его годовъ“, и пишетъ о желаніи „посвятить себя новымъ работамъ внѣ Россіи. Въ Россіи мнѣ не удастся, или, по крайней мѣрѣ, не удастся моимъ изслѣдованіямъ. Мой фатумъ, повидимому, хочетъ меня помѣстить внѣ Россіи... Въ Россіи предпринялъ я два путешествія съ тайною цѣлю сдѣлать что-либо для исторіи развитія. Напрасно. Послѣ 11 лѣтъ въ первый разъ я переѣзжаю границу и дѣлаю открытіе, которое, какъ я думаю, составляетъ суть исторіи развитія и предъ которымъ яйцо млекопитающихъ мнѣ кажется теперь лишь слабымъ прологомъ. Поэтому я просилъ-бы моихъ друзей сообщить мнѣ, если они узнаютъ о мѣстѣ для меня въ Германіи. Я думаю, мой добрый геній толкаетъ меня туда, и я поступилъ нехорошо, насильно обратившись къ Россіи, которой отъ меня, впрочемъ, нѣтъ никакой пользы“. Но это были, какъ и сознается его биографъ, „случайныя мечтанія“. Любовницы, подобныя биологіи, требуютъ постоянства и жертвъ, которыхъ не въ характерѣ фон-Бэра было приносить, но которыя приносились и приносятся другими своимъ духовнымъ любовницамъ безъ 100,000 капитала.

„Бэръ вернулся съ портфелями, полными рисунковъ, съ тетрадами, полными выписокъ, примѣчаній и описаній, съ обширными сокровищами естественно-историческихъ коллекцій, хорошо упакованныхъ въ стаканахъ и въ бочкахъ, съ твердымъ намѣреніемъ скоро, очень скоро сообщить подробно ученому міру результаты своихъ изслѣдованій. Но все это осталось при намѣреніяхъ, которыя не были исполнены. Бэръ уже настолько расширилъ во всѣ стороны свои интересы, дѣйствовалъ въ столь различныхъ должностяхъ, что анатомико-эмбриологическіе результаты поѣздки въ Триестъ, неожиданно вынырнувшіе, очень скоро снова исчезли за горизонтомъ. Кромѣ наблюдений падъ ядромъ въ яйцѣ морского ежа, мы не знаемъ ничего о результатахъ этихъ изслѣдованій. Можетъ быть, впоследствии Бэръ самъ признался, что его наблюдения не имѣютъ того обширнаго значенія, которое онъ имъ сна-

чала приписывать“. Въ сороковыхъ годахъ Бэръ предпринималъ и другія немаловажныя работы по біологіи. Такъ въ 1845 г. онъ объявилъ академіи, что принялся снова за свои эмбриологическія работы. Въ 1844 г. извѣстилъ академію наукъ, что онъ напечатаетъ при содѣйствіи медико-хирургической академіи на русскомъ языкѣ большое разсужденіе о развитіи челоуѣа и животныхъ, обращая особенное вниманіе на уродства (Stieda, 134). Готовилъ онъ позже (по Сидѣ, 144—145) и другія работы, но все это осталось или несдѣланнымъ, или недодѣланнымъ. Вообще, онъ самъ говоритъ въ концѣ своей автобіографіи (стр. 442): „Старая нѣмецкая пословица: всякое начало трудно, не прилагается къ сочинительству, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи ко мнѣ: я находилъ всегда начало легкимъ, но конецъ труднымъ и часто вовсе недостижимымъ“.

Надо замѣтить, что Бэръ не только по необходимости принималъ на себя многочисленныя порученія, особенно тѣ, которыя давали ему возможность путешествовать, но часто самъ на нихъ навязывался. Такъ въ 1839 г. ему очень хотѣлось участвовать въ несчастной экспедиціи въ Хиву, предпринятой Перовскимъ (Stieda, 119). Такъ онъ пишетъ (стр. 414), что въ 1801 г., когда графъ Киселевъ, тогдашній министръ государственныхъ имуществъ, составилъ планъ изслѣдованія рыболовства въ Чудскомъ озерѣ и въ Балтійскомъ морѣ, онъ самъ предложилъ принять на себя это порученіе, „такъ-какъ мнѣ было интересно, пишетъ онъ, — прослѣдить приложеніе естествознанія къ практической жизни“. Это повело въ 1801—1802 годахъ къ 6 послѣдовательнымъ путешествіямъ въ различныя времена года на берега Чудскаго озера, на остзейскіе и финляндскіе берега Балтійскаго моря и въ Швецію. Результаты были обнародованы въ первомъ томѣ „Изслѣдованія о состояніи рыболовства въ Россіи“ 1860 г.

Подобныя-же изслѣдованія въ Каспійскомъ морѣ повели къ болѣе обширнымъ путешествіямъ на югъ, или, точнѣе, къ одному путешествію, продолжавшемуся съ 1853 по 1857 годъ, но такъ что фон-Бэръ возвращался два раза зимой въ Петербургъ для свиданія съ семействомъ. Мы видѣли выше впечатлѣніе, которое произвела на фон-Бэра сѣверная природа; приведу теперь выраженіе его о природѣ на югѣ, на персидскомъ берегу Каспійскаго моря. „Впечатлѣнія этой поѣздки, пишетъ онъ (422), — прина-

лежать къ самымъ живымъ, которыя я имѣлъ во время моихъ путешествій. Прежде всего я видѣлъ въ сильно нагрѣтой водѣ разростаніе водяныхъ растений въ такомъ размѣрѣ, какъ никогда не удавалось видѣть. Приходилось просто продираться среди занихеловыхъ, наядъ, удоровыхъ. На берегу-же моря насъ встрѣтилъ величественный лѣсъ высокоствольныхъ гледичій и другихъ деревьевъ, по которымъ ползли массивныя лозы винограда, толщиной въ ляжку, а иногда доходившіе до толщины человѣческаго тѣла, причеиъ онѣ нерѣдко поднимались надъ вершиною дерева въ видѣ длинной гирлянды, колеблющейся въ воздухѣ. Эта растительность особенно скучена на берегу узкой рѣки, такъ что лодка отъ устья до мѣста высадки плыветъ какъ-бы сквозь мрачный проходъ".

Объ изданіи „Ислѣдованій о состояніи рыболовства въ Россіи“ фон-Бэръ пишетъ (стр. 507 и слѣд.), что по окончаніи отчетовъ о путешествіи онъ обратился въ министерство государственныхъ имуществъ съ требованіемъ въ свое распоряженіе суммы для изданія рисунковъ, описанія рыбъ и т. в. „Во время моихъ путешествій министерство государственныхъ имуществъ перешло отъ графа Биселева къ генералу Н. Муравьеву и предпочло издать отъ самого министерства не только ислѣдованія о рыболовствѣ, мнѣ принадлежавшія, но и тѣ, которыя имѣлись въ виду. Не получивъ отвѣта на мое требованіе, я узналъ изъ газетъ, что императоръ назначилъ гораздо болѣе значительную сумму, чѣмъ та, которую я просилъ, и меня словесно спрашивали, что я имѣю дать еще. На это я согласиться не могъ, такъ-какъ мнѣ нужно было частью располагать деньгами, чтобы, напр., соединить различныя карты и привести ихъ къ одному масштабу, заказать рисунки и т. д.; съ другой стороны, матеріалы не могли уже быть обработаны такъ скоро, когда я снова вступилъ въ свои обязанности академикъ. Притомъ, при подобныхъ изданіяхъ, которыя выходятъ не подъ именемъ автора, но издаются какими-либо вѣдомствами, никто не можетъ быть обезпеченъ отъ произвольныхъ измѣненій и прибавокъ. Адмиралъ Врангель, возвратясь съ Ситхи, принужденъ былъ уничтожить начатое уже морскимъ вѣдомствомъ изданіе его отчета о путешествіи въ Ледовитое море, такъ-какъ онъ встрѣтилъ въ этомъ изданіи измѣненія, и принужденъ былъ передать свой трудъ въ русскомъ оригиналѣ частному изда-

телю. Само собою разумѣется, что министръ передаетъ хлопоты объ изданіи чиновнику, который остается неназваннымъ, потому становится *introuvable* и отъ произвола подобнаго издателя завѣстятъ измѣненія, которыя ему вздумается сдѣлать. Такъ я встрѣтилъ же въ первомъ томѣ этого изданія, гдѣ содержатся отчеты о путешествіи на Пейпусъ и на берега Балтійскаго моря, совершенно ложное объясненіе одной формы сѣти *)). Отчеты фон-Бэра о его путешествіи въ Каспійскому морю входятъ во второй томъ упомянутыхъ уже „Изслѣдованій о состояніи рыболовства въ Россіи“, причѣмъ рисунки изданы и отдѣльно. Общие географическіе результаты этого путешествія фон-Бэръ помѣстилъ въ *Bulletin de la classe physico-mathématique de l'academie impériale des sciences de St.-Petersbourg*, въ томахъ XIII—XV, подъ общимъ названіемъ „Каспійскихъ изслѣдованій“ (*Kaspische studien*, I—VII).

Намъ совершенно неизвѣстно, извлекло-ли русское рыболовство и въ особенноти русскіе рыболовы какіе-нибудь полезныя результаты изъ этихъ путешествій и изданій, но поѣздки на Каспійское море продолжались и послѣ того, хотя фон-Бэръ не принималъ уже въ нихъ участія; ему было въ 1857 году 65 лѣтъ. Тѣмъ не менѣе онъ еще въ 1860 г. поѣхалъ на Чудское озеро, а въ 1862 г. на Азовское море, и опять по собственному предложенію.

„Путешествіе на Азовское море имѣло замѣчательный поводъ — пишетъ фон-Бэръ (457). Уже древніе греки знали, что это море мелко, называли его болотомъ и оставили промѣры его ~~незначительной~~ глубины. Довольно извѣстно было и то, что ~~мелко~~ особенно устье Дона и что отмели продолжаютъ до таганрогской гавани; что, кромѣ того, колебанія уровня въ восточномъ углу Таганрогскаго залива такъ значительны и при продолжительныхъ восточныхъ вѣтрахъ вода такъ понижается, что близъ Таганрога морское дно на большое разстояніе обнажается и даже въ пристани, находящейся на 15 и на 20 верстѣхъ высуша кажутся вѣлечь дна. Но въ послѣдніе годы по моему поѣздкою начались большія жалобы, что эти неудоб-

*) Издатель счелъ нужнымъ объяснить мѣстное названіе ~~клевичицы~~ сѣти „большіе зимніе невода“, тогда какъ это вовсе не невода.

возникли лишь въ послѣднее время, именно въ слѣдствіе выбрасыванія въ море баласта большими, особенно иностранными судами. Поэтому сдѣлано было предложеніе, состоявшее не въ томъ, чтобы наблюдать строже за исполненіемъ существовавшаго уже запрещенія бросать баластъ въ море, и не въ томъ, чтобы углубить устья Дона и т. п., но въ томъ, чтобы вовсе запретить большимъ судамъ входить въ Азовское море, принудить ихъ оставаться въ Керчи и тамъ ожидать подвоза товаровъ; въ Азовскомъ-же морѣ дозволить лишь каботажное судоходство... Я предложилъ сдѣлать лѣтомъ предварительное изслѣдованіе... Въ результатъ моей поѣздки (1862) получило, что не только Донъ, но и обрушенія береговъ, тамъ, гдѣ они совѣмъ плоски, приносятъ въ море болѣе осадковъ, чѣмъ ихъ удаляется чрезъ Керченскій проливъ, такъ-что у береговъ море мелѣетъ, а также мели, вдающіяся въ море, медленно растутъ, но нельзя доказать увеличенія обмеленія въ главномъ водоемѣ и въ форватерѣ Таганрогскаго залива. Главную-же причину предложенія я нашелъ въ томъ, что втихомолку образовалась каботажная компанія. Ея предприниматель, нѣкто Дервицкій, отговаривалъ меня и отъ поѣздки. Когда-же я прибылъ въ Таганрогъ, онъ исчезъ". Результаты этой поѣздки, представленные фон-Вэромъ въ географическое общество, были, по словамъ д-ра Стиды (170), напечатаны „лишь частью“.

Съ тѣхъ поръ фон-Вэръ предпринималъ въ Россіи только одно путешествіе, именно въ 1865 году въ Казань, для инспекціи казанскаго университета, о чемъ сказано уже выше.

Годы не дозволяли болѣе далекихъ и частыхъ перемѣщеній, но страсть къ нимъ сохранилась въ фон-Вэрѣ до глубокой старости, и болѣе чѣмъ восьмидесятилѣтній старикъ, удалившійся въ Дерптъ доживать послѣдніе годы, увлекался еще планомъ дальнихъ поѣздокъ. Д-ръ Стида пишетъ (183): „когда онъ занимался составленіемъ разсужденія о гомеровскихъ мѣстностяхъ въ Одиссеѣ (этотъ посмертный трудъ появился въ нынѣшнемъ году и составляетъ возраженіе на нападки филологовъ на его статью въ „Ausland“, напечатанную въ 1874 г., когда ему было 82 года), онъ желалъ еще разъ съѣздить къ Черному морю; онъ сказалъ, чтобы ему доставили маршруты и карты. При составленіи подобныхъ плановъ путешествій онъ никогда не бралъ въ расчетъ

слабость и дряхлость своего тѣла, свои годы; онъ принужденъ былъ отказаться отъ этихъ плановъ по инымъ причинамъ и соображеніямъ“.

Но фон-Въръ не только самъ любилъ путешествовать, онъ съ особеннымъ интересомъ слѣдилъ за всякимъ предпріятіемъ подобнаго рода; онъ поддерживалъ въ академіи и внѣ академіи всѣ подобныя предпріятія, какъ только видѣлъ въ нихъ что-либо серьезное; онъ лично интересовался путешественниками, которые отправлялись изслѣдовать далекія страны, интересовался даже въ томъ случаѣ, когда прямая цѣль этихъ путешествій лежала совершенно въ иной области, чѣмъ его обычныя занятія, наприм., въ области лингвистики; онъ, наконецъ, при своихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ занятіяхъ, находилъ возможнымъ еще писать полемическія статьи по поводу разныхъ путешественниковъ стараго и новаго времени. Я упоминалъ уже выше о томъ содѣйствіи, которое онъ оказывалъ поѣздѣ Миддендорфа въ Сибирь. О его участіи при обсужденіи проекта путешествій и дѣйствительныхъ поѣздокъ, предпринятыхъ при содѣйствіи академіи наукъ въ продолженіи 40-хъ и 50-хъ годовъ, д-ръ Стида пишетъ (131): „вообще нельзя назвать ни одной экспедиціи, ни одного предпринимаемаго путешествія въ это время, въ которомъ-бы Въръ не участвовалъ своимъ совѣтомъ. Мы чувствуемъ, что мы вовсе не въ силахъ достигъ полноты въ этомъ отношеніи, такъ какъ многія предпріятія остались въ видѣ проектовъ, а относительно проектовъ мы не имѣемъ никакого матеріала“. Въ біографическомъ отношеніи представляетъ интересъ участіе фон-Вѣра въ путешествіи фанатика-венгерца Регули, извѣстіе о которомъ позволить читателю подмѣтить и нѣкоторыя новыя стороны характера знаменитаго ученаго, да и самая личность Регули не лишена занимательности.

„Регули, пишетъ фон-Вѣръ въ примѣчаніяхъ къ списку своихъ трудовъ (494 и сл.), — родился въ 1819 г. и въ 1839 г. поѣхалъ въ 4-хъ-мѣсячное путешествіе по Германіи. На сѣверѣ Германіи въ немъ пробудился живой интересъ къ первымъ временамъ исторіи, — интересъ, неизмѣнный, повидимому, опоры въ прежнихъ занятіяхъ. Онъ отправился въ Копенгагенъ, гдѣ старательно собирали скандинавскія древности и гдѣ Регули былъ совершенно увлеченъ изученіемъ первобытныхъ временъ, причѣмъ

въ немъ сильно пробуждался и мадьяризмъ. Онъ отправился чрезъ Готенбургъ въ Стокгольмъ, чтобы подготовиться къ изученію финскаго языка при помощи изученія шведскаго“. Такимъ образомъ добрался онъ до Финляндіи, гдѣ онъ провелъ 10 мѣсяцевъ въ отдаленномъ жилищѣ финскаго крестьянина. Теперь, совершенно увлеченный финскимъ вопросомъ какъ пра-мадьярскимъ, онъ пошелъ Финляндію до Лапландіи, гдѣ онъ изучилъ лапландскій языкъ, и до архангельской губерніи. „Въ Гельсингфорсѣ въ первый разъ узнали отъ магистра Готлунда объ этомъ человѣкѣ“, опыяненномъ наукою, или, какъ выражается Вэръ, скорѣе одержимымъ бѣсомъ (besessenen) науки. „Изъ Гельсингфорса онъ пошелъ изучать эстовъ до Дерпта, и потомъ дошелъ до Петербурга, гдѣ занялся сравнительнымъ языкознаніемъ“. „Я познакомился съ нимъ, пишетъ Вэръ (494), — такъ-какъ онъ былъ мнѣ рекомендованъ изъ Дерпта... Я очень любилъ его“. Въ Петербургѣ Регули, кромѣ сравнительнаго языкознанія, изучалъ еще русскій языкъ и подготовлялся къ изученію восточно-финскихъ и татарскихъ языковъ. Изъ Петербурга онъ обратился къ мадьярской академіи, прося пособія для изученія восточно-финскихъ племенъ, такъ-какъ до тѣхъ поръ онъ существовалъ и путешествовалъ на средства своей семьи, но при этомъ неизбѣжно впадалъ въ долги, которые не очень его рекомендовали въ глазахъ членовъ австрійскаго посольства, какъ это и увидѣлъ Вэръ, когда обратился къ одному изъ нихъ съ хлопотами о Регули. „Регули, пишетъ фон-Вэръ, — нуждался въ очень немногомъ для жизни, но онъ былъ совершенно неспособенъ отказаться отъ ученаго вопроса, его увлекающаго, изъ-за экономическихъ причинъ. Я, по крайней мѣрѣ, не видалъ никогда, даже въ позднѣйшее время, человѣка, способнаго такъ вполне отдаться научной задачѣ“. Мадьярская академія дала ему кое-какія порученія въ Петербургѣ, затѣмъ въ маѣ 1842 г. комисія этой академіи составила отчетъ о его работахъ и планахъ, имѣвшихъ связь и съ національнымъ интересомъ, и предложила назначить сумму для его работъ. Тѣмъ не менѣе академія отказала „по недостатку суммъ“. Регули кое-какъ пробивался въ Петербургѣ, но заболѣлъ, и къ этой болѣзни его относится маленькій эпизодъ, нелишенный нѣкотораго интереса подъ перомъ эстляндскаго ученаго аристократа.

„Это было въ 1842 году, и я не видалъ уже впродолже-

ни нѣсколькихъ недѣль венгерскаго путешественника, который меня обыкновенно посѣщалъ часто; справляясь о немъ, я узналъ, что онъ переѣхалъ на другую квартиру, но что слышво въ послѣднее время, будто онъ сильно заболѣлъ. Надо было отыскать его, чтобы посмотрѣть, нельзя-ли помочь въ чемъ-нибудь. Я могъ узнать лишь то, въ какой городской части находится его новая квартира, но не узналъ ни номера дома, ни даже названія улицы. Я поѣхалъ въ эту часть города, но тамъ приходилось искать. Я оглядѣлъ извозчиковъ, стоявшихъ съ своими дрожками, замѣтилъ одного изъ нихъ съ большою бородою и съ очень честнымъ лицомъ и рѣшился взять его въ помощники, рассчитывая на сочувствіе, которое почти всегда русскій оказываетъ нуждающемуся. „Послушай, братецъ, сказалъ я ему, — мнѣ надо найти молодого человѣка изъ Венгріи, о которомъ меня просили. Онъ, говорятъ, очень боленъ и его мать ничего объ этомъ не знаетъ. Онъ можетъ умереть и мы не можемъ даже сказать тогда, что мы старались помочь ему. Намъ надо найти его, но я знаю только, что онъ живетъ въ этихъ мѣстахъ, но не знаю, въ чемъ домѣ. Хочешь-ли ты ѣхать со мной и помочь мнѣ отыскать его: ты можешь лучше говорить, чѣмъ я. Спрашивай во всѣхъ лавкахъ, я-же буду розыскивать дворниковъ. Я тебѣ заплачу за трату времени“. На эту длинную рѣчь онъ отвѣтилъ мнѣ однимъ словомъ: „Найдемъ“... Начались розыски, которые въ Петербургѣ не легки, такъ-какъ русскіе изъ низшихъ классовъ знаютъ людей лишь по имени и отчеству, и вовсе не заботятся о фамиліи (?), но отчества Регули я не зналъ. Мы должны были поэтому описывать личность и нашли его послѣ трехчасовыхъ хлопотъ. Регули лежалъ еще въ кровати и, вѣроятно, заболѣлъ вслѣдствіе неуиѣренныхъ умственныхъ напряженій. Когда извозчикъ увидѣлъ изъ двери больного и какъ тотъ медленно поднялся верхнею частью своего тѣла, онъ не хотѣлъ брать вовсе платы за богоугодное дѣло. Мнѣ пришлось формально спорить съ нимъ и втолковать ему, что надо-же вознаградить его за трату времени и что ему вовсе не грѣхъ принять подобную плату“.

Въ 1845 г. мадьярская академія прислала 200 флориновъ Регули, но этого было мало для поѣздки на Уралъ и ихъ пришлось растратить въ Петербургѣ, ожидая возможности уѣхать.

Объщана была помощь отъ австрійскаго императора, но она не приходила. Даже венгерцы отговаривали Регули настаивать на его планахъ и совѣтовали вернуться въ Венгрію, но онъ былъ непоколебимъ. Тогда академикъ Фрэнъ, фон-Бэръ и нѣкоторые другіе ихъ товарищи сложились. „Сумма была невелика, но я не могу сказать, какова она была, потому что въ подобныхъ дѣлахъ здѣсь счетовъ не ведутъ. Она была, однакожь, достаточна, чтобы доѣхать до вогуловъ и пробыть среди нихъ нѣсколько времени“. Регули уѣхалъ поздно осенью 1843 г. Въ 1844 г. императоръ австрійскій назначилъ ему 1,000 флориновъ, но еще въ 1843 г. „Allgemeine Zeitung“ напечатала, что Регули путешествуетъ на средства мадьярской академіи, а въ маѣ 1844 г. въ разныхъ нѣмецкихъ газетахъ было напечатано слѣдующее извѣстіе изъ Петербурга:

„Здѣсь обращаютъ необыкновенное вниманіе на путешествіе, которое предпринялъ нѣкто г. Регули, вызванный къ тому мадьярской академіей, чтобы отыскать, начиная съ Петербурга, историческіе слѣды мадьяровъ. Такъ-какъ онъ былъ лишень средствъ, то въ Петербургѣ г. фон-Бэръ сдѣлалъ ему предложеніе отъ имени императорской академіи давать ему пособія, если онъ обязется доставлять и этой академіи вѣрные отчеты о своей поѣздкѣ. Регули отказался уже потому, что это предложеніе сдѣлано было русскимъ. Точно также устранилъ онъ предложеніе высокопоставленнаго лица, но нашелъ средства ѣхать на Уралъ“.

Въ это время Регули пользовался гостепріимствомъ извѣстныхъ заводчиковъ Всеволожскихъ, на земляхъ которыхъ, находившихся тогда подъ опекою, жили вогулы, и Регули оказано было всевозможное содѣйствіе въ его изслѣдованіяхъ, хотя совѣтъ опеки и удивлялся, „какъ это разсудительный человѣкъ ѣдетъ изъ Венгріи въ дальнюю Сибирь, чтобы учиться по-вогульски“. Демидовъ, вовсе не зная Регули, предлагалъ ему „самое славянское гостепріимство“ на ниже-тагильскомъ заводѣ, еслибы онъ пріѣхалъ туда. Регули, по своему обыкновенію, увлекся все большимъ и большимъ расширеніемъ своей задачи, и поѣхалъ еще далѣе. Онъ умеръ, не напечатавъ результатовъ своихъ изслѣдованій. Но фон-Бэръ напечаталъ въ „Petersburger Zeitung“ и въ академическомъ „Bulletin“ 7 статей объ этомъ путешественникѣ, совершенно чуждомъ какому-либо задачамъ естествознанія, и въ од-

ной изъ этихъ статей („Dichtung und Wahrheit“ въ „Petersb. Zeit.“ 1844, № 113) сильно полемизировалъ противъ приведенныхъ выше ложныхъ извѣстій и высказавшейся въ нихъ мадырской патріотической руссофобіи (еще до 1849 г., когда онашла себѣ нѣкоторое оправданіе).

Фон-Бэру пришлось вскорѣ бороться на этой почвѣ и противъ русской патріотической германофобіи. Въ статьяхъ о „заслугахъ Петра Великаго по части распространенія географическихъ познаній“ (въ „Зап. русск. геогр. общ.“, кн. III и IV) онъ съ большимъ сочувствіемъ говорилъ о Бэрингѣ и о его печальной судьбѣ. Но, пишетъ фон-Бэръ (172), „тогда въ отдѣльныхъ проявленіяхъ начала уже высказываться тенденція унижать и слуги лицъ нѣмецкой національности въ отношеніи къ Россіи и къ наукѣ и возвышать заслуги лицъ русской націи, — тенденція, которая впоследствии потекла широкою струею, нашла все нѣмецкое устарѣлымъ и гнилымъ въ противоположность свѣжей жизни, которую руссофилы думали видѣть въ себѣ самихъ. Однѣ изъ застрѣльщиковъ, начавшихъ тогда эти нападенія, былъ флотскій лейтенантъ Соколовъ, который былъ вполне честенъ въ томъ отношеніи, что онъ розыскивалъ въ архивахъ морского вѣдомства старыя отчеты о морскихъ путешествіяхъ и печаталъ ихъ. Но вмѣсто того, чтобы обвинить морское вѣдомство, которое оставляло подъ сукномъ эти отчеты, иные болѣе ста лѣтъ, онъ нападалъ на людей, незнавшихъ ничего объ этихъ утаенныхъ отчетахъ“. По поводу статьи фон-Бэра, Соколовъ обвинилъ его, что все говорятъ лишь о нѣмцахъ (фон-Бэръ при этомъ замѣчаетъ ехидно, что Бэрингъ былъ датчанинъ), а никогда о русскихъ, между которыми Чириковъ стоитъ во всѣхъ отношеніяхъ выше Бэринга. Фон-Бэръ помѣстилъ немедленно возраженіе (въ „Petersb. Zeit.“ 1849, № 114—116: Bering und Tschirikow) и замѣтилъ еще позже совершенно вѣрно, что вина относительно Чирикова лежитъ на морскомъ вѣдомствѣ, которое ничего не напечатало о Чириковѣ. Въ IX-й книжкѣ „Beiträge f. Kenntniss d. Russ. Reiches“ (появилась въ 1855 г.) фон-Бэръ напечаталъ составленный имъ въ 1849 г. подробный отчетъ о русскихъ путешествіяхъ за 1840—1845 г. Вообще онъ, живя въ „ясныхъ и спокойныхъ сферахъ“ чистой науки, былъ менѣе другихъ склоненъ къ національнымъ увлеченіямъ въ ту или другую сторону.

VI.

ГЕОГРАФЪ.

Но что-же сдѣлалъ фон-Вэръ для этихъ „ясныхъ и спокойныхъ сферъ“ науки, въ которыя онъ поднялся, на томъ новомъ поприщѣ научной географіи, гдѣ онъ теперь дѣйствовалъ впродолженіи двухъ десятилѣтій до 1857 г., когда годы сдѣлали ему уже не подъ силу далекаго путешествія и онъ обратилъ работу своей мысли на новую почву?

Географія съ нѣсколькими научными характеромъ только-что возникла въ этотъ періодъ. Еще въ 1807 г. Пинкертонъ, географія котораго пользовалась большимъ успѣхомъ, говорилъ въ предисловіи къ этому труду: „Географія, подобно хронологіи, стремится къ тому лишь, чтобы уяснить исторію“. Задачи новой географіи едва мелькали въ умѣ изслѣдователей болѣе въ формѣ философскихъ изрѣченій или фантастическихъ мечтаній, чѣмъ сколько-нибудь серьезныхъ вопросовъ, для которыхъ можно было найти опредѣленные методы рѣшенія. Понять законы распредѣленія материковъ и водъ на поверхности земли, распредѣленіе неровностей земной поверхности, законы климатическихъ измѣненій, угадать хотя въ общихъ чертахъ тѣ событія исторіи земной коры и земли, какъ планеты, которыя привели къ этимъ фактамъ распредѣленія, и тѣ условія, которыя, на основаніи данныхъ этого распредѣленія, установились для исторіи человѣчества, — всѣ эти задачи, и до сихъ поръ остающіяся въ значительной степени гораздо болѣе въ области общихъ угадываній и эмпирическихъ построеній, чѣмъ въ области научныхъ результатовъ, были тогда едва намѣчены.

Въ XVIII вѣкѣ іезуитъ Кирхеръ мечталъ о „земномъ скелетѣ, (assatura mundi), состоящемъ изъ материковыхъ и морскихъ хребтовъ, которые будто-бы пересекаютъ другъ друга, какъ горные меридіаны и горные параллельные круги. Эта фантазія, возобновленная черезъ 100 лѣтъ Бюашемъ, увлекла многихъ географовъ конца XVIII и начала XIX вѣка. Бюашъ сталъ обращать вниманіе на общія пластическія формы земного шара. Гаттереръ сталъ искать естественныхъ географическихъ границъ для раздѣленія народовъ и ввелъ вы-

раженія: „Пиренейскій полуостровъ“, „западная, сѣверная, южная, альпійская область“, „Балтійскія земли“, „Карпатскія земли“ и т. п. Цэине (Zeune) пошелъ далѣе на этомъ пути и ввелъ названіе „Балканскій полуостровъ“. Іоаннъ Рейнгольдъ Форстеръ въ „Примѣчаніяхъ къ кругосвѣтному путешествію“ (1785 г.) указалъ эмпирической законъ, что всѣ материка обращены къ южному полюсу въ формѣ заостренныхъ мысовъ. Еще Франсисъ Бэконъ подмѣтилъ сходство строенія Африки и южной Америки. Кантъ на своихъ лекціяхъ не упустилъ изъ виду, что, за немногими исключеніями, всѣ полуострова обращены къ югу. Стефенсъ призналъ въ Новой Гвинее, въ Ново-Гебридскихъ островахъ, въ Новой Каледоніи и въ Новой Зеландіи „древній очеркъ болѣе пространной въ прежнее время Австраліи“. Шамиссо указалъ сходство строенія Малайскаго архипелага съ Антильскимъ. Въ 1811 г. Браузе въ своемъ трудѣ, подъ названіемъ „Земля, какъ жилище человѣка“, разсмотрѣлъ оба большіе материка, какъ одно цѣлое, со впадиной на западной сторонѣ (западный берегъ Америки), съ выпуклостью на восточной (восточный берегъ Азіи), причемъ Европа представилась ему, какъ „полуостровъ азіятскаго материка“, а Атлантической океанъ — какъ самое большое Средиземное море. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ (съ 3-го ноября 1827 г. по 26-е апрѣля 1828 г.) читалъ въ Берлинѣ только-что переселившійся туда изъ Парижа Александръ Гумбольдтъ свои знаменитыя лекціи, которыя легли въ основу „Космоса“. Въ 1838 г. появился атласъ физической географіи Берггауза. „Наука тогда созрѣла, пишетъ Пешель, — настолько, что могла указать, что ходъ развитія человѣческаго рода представлялъ естественное явленіе, обусловленное мѣстностью“. Разговоръ съ Александромъ Гумбольдтомъ указалъ Карлу Риттеру истинный путь его дѣятельности, и онъ поставилъ задачей своей жизни „открыть вліяніе мѣстной природы на судьбу народовъ, угадать прошедшее и будущее исторіи изъ мертвыхъ формъ нашей планеты и законовъ силъ природы, на ней дѣйствующихъ“. „Всюду, писалъ онъ, — нашелъ я одни и тѣ-же законы, тѣ-же побужденія къ перемѣщенію, къ первоначальному поселенію, къ первоначальному земледѣлію, къ первоначальному мореплаванію. Такимъ образомъ, получили историческое значеніе каждый горный переваль, какъ проходъ, каждый водопадъ, около котораго

возникало первое поселеніе, каждый мысъ, у котораго оно оставилось, каждое явленіе прилива и отлива, которое, вліяя на рѣчную область, являлось побужденіемъ къ мореплаванію“. Въ 1817 г. напечаталъ К. Риттеръ первый томъ своей знаменитой „Erdkunde“, въ которой части свѣта были, такъ-сказать, индивидуализированы и задача научной географіи поставлена.

При этомъ положеніи вопроса ф.-Бэръ могъ дѣйствовать въ смыслѣ фактическаго расширенія географическихъ знаній и въ смыслѣ уясненія общаго пониманія географическихъ законовъ, насколько можно было называть законами тѣ эмпирическія обобщенія, на которыя я только-что указалъ, и ту зависимость, которую пытались открыть между географическими данными и историческими событіями. Въ своемъ трудѣ по исторіи географіи Пэшель упоминаетъ имя ф.-Бэра только въ первомъ отношеніи, какъ содѣйствовавшего расширенію фактическаго знанія о Новой Землѣ. Мы видимъ, что ф.-Бэру не удалось написать тотъ подробный трудъ о Лапландіи и Новой Землѣ, который онъ подготавливалъ.

Но нѣсколько странно, что Пэшель не нашелъ нужнымъ внести въ свою исторію имя ф.-Бэра въ связи съ *закономъ* физической географіи, сохранившимъ названіе „закона Бэра“ и представляющимъ географическое обобщеніе, тѣмъ болѣе интересное, что оно не осталось на чисто-эмпирической почвѣ, но фон-Бэръ нашелъ для него рациональный выводъ изъ общихъ законовъ механики. Этотъ „общій законъ формы русла рѣкъ“ былъ сначала изложенъ фон-Бэромъ въ 1855 году по-русски въ отчетѣ о путешествіи по Каспійскому морю, въ „Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ“. Затѣмъ напечатанъ по-русски-же въ 1856 и 1857 годахъ въ „Вѣстникѣ Естественныхъ Наукъ“ и въ „Морскомъ Сборникѣ“. Должно быть извѣстіе объ этихъ статьяхъ проникло и въ Европу, такъ-какъ въ парижской академіи наукъ заговорили о вліяніи вращенія земли на текучую воду, въ то самое время, когда фон-Бэръ приготавливалъ къ печати на нѣмецкомъ языкѣ осьмой (послѣдній) выпускъ своихъ „Kaspische Studien“, специально относившійся къ этому вопросу. Впослѣдствіи, въ самомъ полномъ видѣ, этотъ вопросъ обработанъ Бэромъ въ статьѣ „О рѣкахъ и ихъ вліяніи“, вошедшей въ составъ второго тома сборника его

статей (Studien aus dem Gebiete der Naturwissenschaften), появившагося въ послѣдній годъ его жизни (1876).

Эта статья заключаетъ весьма немаловажныя отрицательныя положенія, рядомъ съ положительнымъ результатомъ упомянутаго выше закона. Прежде всего ф.-Вэръ отрицаетъ возможность установить какой-либо общій законъ для теченія рѣкъ. „Нельзя было открыть, пишетъ онъ (Studien, II, 116),—никакого общаго правила для покатостей почвы; для рѣкъ существуетъ лишь то правило, что онѣ направляются сообразно неправильнымъ покатостямъ, а не какой-либо присущій имъ законъ“. Точно также онъ отрицаетъ всякую возможность заключать по толщинѣ отложенія осадковъ въ рѣкѣ, гдѣ образуются подобныя отложенія, о времени, необходимомъ для образованія подобныхъ толщъ, и Волга доставляетъ ему многочисленныя и едва-ли допускающіе сомнѣніе аргументы въ пользу этого отрицанія. Самый „законъ Вэра“ заключается въ слѣдующемъ (Studien, 122 и слѣд.): „Рѣки, въ которыхъ вода движется отъ полюса (сѣвернаго) къ экватору, должны оказывать давленіе на западный берегъ, такъ-какъ текущая вода приноситъ въ этомъ случаѣ меньшую скорость вращенія, чѣмъ каждая точка, къ которой она притекаетъ; она, слѣдовательно, производитъ давленіе на западный берегъ, который при этомъ направленіи теченія есть правый берегъ. Та-же вода, которая течетъ къ полюсу, давитъ на востокъ, такъ-какъ приноситъ съ собою большую скорость, и для этихъ рѣкъ на сѣверномъ полушаріи восточный берегъ есть опять правый. Въ южномъ полушаріи вода, текущая къ экватору, давитъ также на западъ, а вода, текущая отъ экватора—на востокъ, но здѣсь этотъ берегъ лѣвый... Отсюда видно, отчего происходятъ крутые берега. Болѣе сильное давленіе воды разрушаетъ и размываетъ этотъ берегъ, если онъ состоитъ не изъ очень твердой породы, вслѣдствіе чего должны обрушиться и болѣе высокіе слои, до которыхъ вода не можетъ достигнуть. Наоборотъ, на другомъ берегу рѣки теченія гораздо слабѣе. Тамъ и отлагаются осадки, которые не уносятся рѣкою“. Въ подтвержденіе этого закона фон-Вэръ приводитъ многочисленныя личныя наблюденія, сдѣланныя имъ на русскихъ рѣкахъ, и ссылается на наблюденія, сдѣланныя въ другихъ странахъ, даже въ южномъ полушаріи. Всѣ кажущіяся исключенія являются не про-

творѣчіями этому закону, но лишь результатами усложненія его вслѣдствіе одновременнаго дѣйствія другихъ законовъ. Несмотря на возраженія, противопоставленныя этой теоріи, она принята въ наше время большинствомъ географовъ.

Уже въ разсужденіи о рѣкахъ Бэру пришлось не разъ указать и на явленія, относящіяся къ другой, исторической сторонѣ научной обработки географіи. Останавливаясь преимущественно на зависимости теченія рѣкъ и образованія береговъ, отмелей, барръ, дельтъ отъ общихъ физическихъ законовъ, ф.-Вэръ не оставлялъ безъ вниманія и вліяніе теченія рѣкъ на ходъ исторіи. Но въ одной изъ первыхъ своихъ работъ, исполненныхъ для петербургскаго географическаго общества, онъ разсмотрѣлъ этотъ вопросъ во всей его широтѣ, хотя и въ очень популярной формѣ. Я говорю о статьѣ: „О вліяніи внѣшней природы на соціальныя отношенія отдѣльныхъ народовъ и исторію человѣчества“. Она была напечатана въ 1849 г. въ „Карманной книжкѣ для любителей землѣвѣденія“, изданной русскимъ географическимъ обществомъ. Впослѣдствіи, въ 1873 г., она появилась и по-нѣмецки въ сборникѣ, о которомъ уже говорено выше*). Здѣсь высказываетъ ф.-Вэръ тѣ общія философско-историческія воззрѣнія, которыя онъ выработалъ при своихъ разнообразныхъ занятіяхъ, обращая преимущественно вниманіе, конечно, на вліяніе природы на исторію.

„То-же побужденіе, говоритъ онъ (Studien, II, 7),—которое руководитъ животнымъ, побуждаетъ и человѣка сперва къ *мгновенному* удовлетворенію его животныхъ потребностей, но послѣ этого человѣкъ, возвышаясь надъ животнымъ, стремится къ обезпеченію этого удовлетворенія въ будущемъ. Когда самосохраненіе обезпечено, онъ стремится къ богатству, чтобы доставить себѣ наслажденія и за предѣлами прямыхъ потребностей, стремится къ удовлетворенію требованій честолюбія, религіознаго побужденія, умственныхъ наклонностей къ искусству и къ наукѣ...“

„Въ естественныхъ наклонностяхъ человѣка заключены побужденія, которыя его ведутъ къ ассоціаціи, затѣмъ къ дальнѣйше-

*) Не имѣя предъ собою „Карманной книжки“, я цитирую по нѣмецкому изданію, которое, впрочемъ, представляетъ оригиналъ въ его окончательной обработкѣ авторомъ.

му развитію общественныхъ отношеній, но въ то-же время поддерживаютъ въ этихъ отношеніяхъ постоянное движеніе и грозятъ имъ разрушеніемъ, вслѣдствіе борьбы, частью внѣшней, частью внутренней“ (13).

Переходя затѣмъ къ явленіямъ застоя или крайне незначительнаго прогреса, замѣчаемаго у нѣкоторыхъ племенъ, ф.-Бэръ говоритъ (14): „Въ этомъ можно признать вліяніе условій природы мѣстожителства народовъ на ихъ общественный строй. Гдѣ природа очень бѣдна, тамъ она не позволяетъ развиваться общественнымъ отношеніямъ и еще менѣе позволяетъ имъ сдѣлаться разнообразными... Но бѣдна природа не тамъ, гдѣ въ почвѣ не встрѣчаются благородные металлы и драгоценные камни, но тамъ, гдѣ она производитъ органическія тѣла въ недостаточномъ количествѣ и въ недостаточномъ разнообразіи. — Человѣкъ питается лишь органическими веществами, и то далеко не всѣми. Но онъ можетъ сѣять пшеницу тамъ, гдѣ природа, предоставляемая сама себѣ, производитъ лишь дубъ, или онъ можетъ выкармливать желудями отъ этихъ дубовъ животныхъ, для доставленія себѣ пищи. Итакъ, онъ можетъ замѣнить первоначальный, естественный обмѣнъ веществъ другимъ обмѣномъ, полезнымъ для его существованія“. Разсматривая естественный обмѣнъ веществъ, совершающійся въ природѣ, и сводя его окончательно на простѣйшіе организмы, Бэръ говоритъ (15): „Для образованія этого первоначальнаго вещества, какъ и для всѣхъ его дальнѣйшихъ преобразованій, природа употребляетъ воздухъ и воду, какъ матеріалъ, теплоту и свѣтъ, какъ возбуждающія средства жизненнаго процесса. Но такъ-какъ воздухъ распространенъ по всей поверхности земли и вездѣ имѣетъ одинаковый составъ, такъ-какъ и свѣтъ довольно равномерно достигаетъ до всѣхъ странъ, между тѣмъ какъ вода и теплота распределены весьма неравномерно, то естественные продукты, а слѣдовательно и средства питанія человѣка, зависятъ преимущественно отъ распределенія теплоты и воды.

„На далекомъ сѣверѣ незначительная теплота позволяетъ развиваться на голомъ утесѣ лишь лишаямъ и блѣдному мху, да немногимъ растеніямъ на мерзлой землѣ; лишай доставляютъ пищу сѣверному оленю, сѣверный олень — человѣку. Но необходимо большее пространство, покрытое лишаями, чтобы прокормить одного

олени, и многіе олени, чтобы прокормить одного человѣка. Поэтому въ полярныхъ странахъ люди будутъ всегда разселены рѣдко и уже потому не могутъ прогрессировать въ социальномъ отношеніи, особенно тамъ, гдѣ они отрѣзаны отъ моря“. Ф.-Бэръ, показывая дѣйствіе подобныхъ-же условій и въ другихъ странахъ съ бѣдною растительностью, но замѣчаетъ, что существуютъ и другія причины, кромѣ бѣдности растительности, препятствующія развитію общества. „Такъ Кавказъ сохранилъ древнюю извѣстность о своемъ негостепріимствѣ. Такъ пространные лѣса обращаютъ людей въ охотниковъ, а пространные луга въ кочевниковъ, даже тогда, когда свойства почвы не противодѣйствуютъ земледѣлю... Лишь разнообразіе свойствъ мѣстожителства народа, именно сѣвна суши и воды, горъ и долинъ, лѣса и луга, вызываетъ разнообразіе въ самомъ способѣ жизни народа, занявшаго эту мѣстность, и тѣмъ самымъ содѣйствуетъ развитію общественныхъ отношеній, такъ-какъ это развитіе есть ничто иное, какъ разнообразіе общественныхъ отношеній во времени... *)

„Такимъ образомъ можно сказать, что судьба народовъ съ нѣкоторою неизбѣжностью опредѣляется и заранѣе устанавливается свойствами мѣстности, въ которой эти народы поселяются.

„Но мы еще расширимъ этотъ кругозоръ и постараемся доказать, что не только исторія жизни отдѣльныхъ народовъ, но и развитіе всего человѣчества зависѣло и еще зависитъ въ значительной степени отъ внѣшней природы, — въ степени гораздо болѣе значительной, чѣмъ можно-бы обыкновенно думать“. Здѣсь ф.-Бэръ говоритъ сначала о томъ, насколько распредѣленіе металловъ и болѣе или менѣе удобнаго строительнаго матерьяла содѣйствовало или противодѣйствовало успѣхамъ культуры. Затѣмъ переходитъ къ вліянію распредѣленія животныхъ на развитіе культуры и въ этомъ отношеніи противопоставляетъ материкъ Америки материкъ Стараго свѣта. „Удивляешься, пишетъ онъ (24), — разсматривая состояніе населенія Америки въ эпоху ея открытія, и особенно удивляешься тому, что обширныя равнины ея были такъ рѣдко населены, и что человѣкъ на нихъ почти всюду стоялъ такъ

*) Последнія слова требовали-бы довольно значительнаго ограниченія, для отличія регрессивнаго „разнообразія во времени“ отъ прогрессивнаго.

низко въ общественномъ отношеніи. Поэтому считали необходимымъ принимать населеніе Новаго свѣта какъ гораздо болѣе молодое, чѣмъ населеніе Стараго. Но вѣрно или невѣрно мнѣніе о позднемъ расселеніи человѣка въ Америкѣ, все-таки ясно, что туземныя животныя этой части свѣта, допускающія прирученіе, должны уже были обусловить совершенно иное и гораздо болѣе медленное развитіе общества, чѣмъ въ Старомъ свѣтѣ*. Здѣсь ф.-Баръ разсматриваетъ первоначальныя фазисы общежитія подъ вліяніемъ прирученія животныхъ, но многія черты этой картины теперь уже устарѣли, вслѣдствіе новыхъ изслѣдованій о семьѣ-общинѣ, поставившихъ вопросъ гораздо шире.

„Если мы бросимъ взглядъ на вліяніе растительнаго міра въ развитіе человѣчества, то мы можемъ напомнить, что многія особенныя растенія, какъ пряности Индіи, рано отырыли пути дальней торговли. Но эти вліянія окажутся незначительными, если мы захотимъ далѣе развить положеніе, навѣрно не слишкомъ свѣлое, что растительныя напитки разныхъ народовъ со временемъ оказали дѣйствіе на ихъ способъ чувствъ и дѣйствія, а слѣдовательно существенно вліяли и на ихъ умственныя и физическія особенности... Но еще болѣе важный предметъ привлекаетъ насъ—вліяніе хлѣбныхъ растеній. Лишь ихъ обработка во-истину освободила человѣка отъ его животной природы... Полюбить трудъ было тяжелымъ шагомъ. но его нужно было сдѣлать и для него нужно было народамъ навѣрно много времени... Могуча должна была быть связь, которая сплотила людей въ болѣе значительныя и прочныя государства, такъ-какъ независимость для человѣка, въ томъ видѣ, какъ онъ вышелъ изъ рукъ природы, составляетъ столько же необходимую потребность, какъ и для животнаго. Но сила этого прирожденнаго требованія свободы противодѣйствуетъ образованію государства... Необходимость личной обработки веществъ нужныхъ для питанія, внушила прежде всего чувство собственности и родины. Когда собственность и родина приковываютъ человѣка къ почвѣ, то не только ослабляется чувство животной свободы, но становится важной и защита такимъ-же образомъ поставленнаго сосѣда. Такимъ образомъ, въ школѣ Цереры развилась не только тяжелая привычка къ труду, но и привычка къ самообладанію въ отношеніи чужихъ правъ. Господство же на

собственными чувствами есть рѣшительное и значительное возвышеніе человѣка надъ животными.

„Уходъ за растеніями и животными ведетъ насъ почти насильно къ еще болѣе широкому кругозору, къ разсмотрѣнію вліяній общихъ физическихъ свойствъ страны на развитіе ея жителей. Обработка почвы и сельское хозяйство въ обширномъ смыслѣ есть, какъ сказано выше, ничто иное, какъ господство надъ природною производительностью и надъ преобразованиемъ органическаго вещества и направленіе этихъ процессовъ къ пользѣ человѣка. Итакъ, человѣкъ употребляетъ производительныя силы природы для своихъ цѣлей. Онъ не можетъ ихъ создать, увеличить или уменьшить. Производительныя силы и вещества распределены частью равномерно, частью неравномерно. Неравномерно распределены, какъ мы выше замѣтили, преимущественно теплота и вода. Человѣкъ можетъ перенести съ собою отдѣльные продукты природы, но не солнечный свѣтъ и не дождь. Но такъ-какъ органическія тѣла могутъ размножаться лишь при опредѣленномъ отношеніи солнечнаго свѣта и дождя, то отъ этого распределенія зависитъ прежде всего физическое, а затѣмъ и общественное благосостояніе отдѣльныхъ народовъ. Изъ благосостоянія же отдѣльныхъ народовъ выростаетъ исторія человѣчества.“

Я не имѣю возможности остановиться на слѣдующихъ страницахъ, иллюстрирующихъ въ многочисленныхъ примѣрахъ вліяніе топографическихъ, климатическихъ и астрономическихъ условій на исторію человѣчества, и ограничусь лишь заключеніемъ (40): „Такъ-какъ наклонъ земной оси преимущественно обуславливаетъ распределеніе теплоты; такъ-какъ границы суши и воды частью видоизмѣняютъ распределеніе теплоты, частью облегчаютъ сношенія между людьми или препятствуютъ этимъ сношеніямъ; такъ-какъ высота или низменность почвы оказываетъ значительное вліяніе на дожди, опредѣляетъ возвратъ дождевой воды въ море, а тѣмъ самымъ обозначаетъ естественные пути сношенія на материкахъ, подобно тому, какъ горные хребты разграничиваютъ и раздѣляютъ народы; такъ-какъ отношенія теплоты и воды (вообще климатъ) опредѣляютъ производительность почвы, и частью непосредственно, частью при посредствѣ этой производительности дѣйствуютъ на родъ жизни и на другія особенности народовъ; такъ-какъ даже

отдѣльнымъ произведеніямъ природы слѣдуетъ приписать значительное вліяніе, но эти произведенія, въ свою очередь, зависятъ отъ совокупности физическихъ отношеній, то можно сказать: въ физическихъ свойствахъ жилищъ какъ бы предначертана судьба народовъ и всего человѣчества. Но само собою разумѣется, что эта судьба развивается лишь вслѣдствіе дѣйствія стремленій и способностей, прирожденныхъ человѣку.

„Повидимому, въ наклонности человѣка къ обществу и въ стремленіи его улучшить условія своего существованія лежатъ основанія того, что болѣе или менѣе обособленная масса людей вырабатываетъ себѣ общій языкъ и проходитъ, какъ однородность, чрезъ различные фазисы общественнаго развитія; что нѣсколько такихъ народовъ дѣйствуютъ другъ на друга, и дѣйствуютъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе полно ихъ раздѣленіе; что отсюда вырабатывается общая цивилизація, которая постепенно распространяется на все человѣчество, если природа не ставитъ этому непреодолимыхъ препятствій. Однако ходъ всемірной исторіи навѣрно опредѣляется преимущественно внѣшними физическими отношеніями. Дѣйствіе отдѣльныхъ людей высказывается при этомъ незначительнымъ. Они большею частью исполняютъ лишь то, что было подготовлено и должно было совершиться такъ или иначе. Стремленіе совершать нѣчто совершенно новое и неподготовленное остается безъ результата или приводитъ лишь къ разрушенію.“

Ф.-Бэръ показываетъ, какъ измѣнился бы ходъ исторіи, если бы, напримѣръ, Суэзскій перешеекъ былъ уничтоженъ распространеніемъ Краснаго моря на одинъ градусъ широты далѣе на сѣверъ, или еслибы распредѣленіе покатостей направило теченіе Нила въ Красное море, и заключаетъ словами:

„Сказаннаго достаточно, чтобы сдѣлать нагляднымъ слѣдующее: когда ось земли получила свой наклонъ, когда море отдѣлилось отъ материковъ, когда поднялись хребты горъ и разграничили страны, тогда заранѣе была предначертана судьба (фатумъ) человѣчества въ главныхъ ея чертахъ и всемірная исторія есть осуществленіе этой судьбы.“

Онъ полагаетъ, что и въ настоящемъ продолжаетъ дѣйствовать этотъ фатумъ, поддерживаетъ мысль кенигсбергскаго ботаника Мейера, что человѣкъ, при размноженіи въ цивилизованномъ

рѣ, снова переселится въ тропическія страны, гдѣ гораздо значительнѣйшія массы людей могутъ на ти пропитаніе при самомъ незначительномъ трудѣ. „Но человекъ, возвращающійся изъ Европы на родину, изъ которой онъ первоначально выселился, принесетъ туда пріобрѣтеніе, котораго онъ никогда не достигъ бы подѣ тропиками: любовь къ труду, сокровища науки, развитіе индустріи и пониманіе потребностей благоустроеннаго общежитія *)... Поэтому Европа кажется мнѣ въ исторіи человечества, рассматривая послѣднюю въ общихъ чертахъ, высшей школой, гдѣ человечество было принуждено работать и научилось любить умственные занятія. Я желалъ-бы, чтобы наши потомки 30-го и 300-го поколѣнія, когда они будутъ подѣ тѣвнью пальмъ размышлять о судьбахъ человечества въ роскошномъ Цейлонѣ или въ вѣчно-ровной температурѣ острововъ Южнаго океана, признали, что мы недурно провели наше школьное время на сѣверѣ, но оставили имъ въ наслѣдство умственные дары, которые не могли бы выработаться между тропиками. Я желалъ-бы, чтобы они, предпринимая ученыя путешествія на сѣверъ, чтобы увидѣть снѣгъ собственными глазами, посмотрѣли-бы съ благодарнымъ уваженіемъ на развалины нашихъ школъ и рабочихъ домовъ“.

Читатель самъ замѣтитъ тѣ пункты, въ которыхъ историческое міросозерцаніе ф.-Бэра должно было-бы подвергнутъ критикѣ и исправленію, но я не имѣю здѣсь ни возможности, ни желанія входить въ эти разсужденія, чуждыя цѣли этихъ статей.

Въ только-что указанной статьѣ ф.-Бэръ доказалъ, что „географія есть необходимое основаніе для изученія всемірной исторіи“. Эту-же мысль онъ проводилъ въ объявленіи о журналѣ, который онъ издавалъ вмѣстѣ съ Гельмерсономъ (*Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches*). Зная значеніе, которое онъ придавалъ географіи, неудивительно, что онъ оказалъ очень энергическое содѣйствіе основанію русскаго географическаго общества и ревностно участвовалъ въ его засѣданіяхъ, гдѣ одно время предсѣдательствовалъ въ этнографическомъ отдѣлѣ (съ 1845 по

*) Собственно ф.-Бэръ говоритъ *Staatsleben*, но нѣмцы въ его время упорно смѣшивали государственность съ общественностью и потому, кажется, мысль вѣрнѣе передана такъ, какъ сдѣлано въ текстѣ.

1846 и съ 1857 по 1860). Но по самимъ своимъ условіямъ, географія не могла допускать такой обработки, которая подвинула-бы ее слишкомъ далеко на научномъ пути. За предѣлами философскихъ обобщеній, для которыхъ данныя уже существовали, оставалась работа накопленія новыхъ данныхъ, расширенія точныхъ фактовъ, для чего требовалась настойчивость и предприимчивость Ливингстоновъ, Стэнлеевъ и Камероновъ гораздо болѣе, чѣмъ гениальный умъ первостепеннаго біолога.

II. Угрюмовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

НА ПРОСЕЛОЧНОЙ ДОРОГѢ.

По сторонамъ, куда ни кинешь взглядъ,
Болота, лѣсъ, лишь изрѣдка селенье,
Печальныхъ избъ убогій темный рядъ
И снова глушь, и снова заустѣнье!
Долить дрема; хотѣлось-бы заснуть,
Да не даетъ ухабистый проселокъ...
Немудрено, что невеселый путь
Мнѣ кажется такъ безконечно-долго!
Ужъ въ головѣ назойливо встають
Косматыя и пестрыя мечтанья
И, какъ въ бреду, покоя не даютъ
Какихъ-то словъ нелѣпыхъ сочетанья.
Пронзительно бубенчики визжать;
Въ груди тоска, лѣнивая истома...
Не лучше-ль, не умнѣй-ли во сто кратъ,
Не суетяся, сидѣть спокойно дома?
— „Да ну, ямщикъ, потрогивай! нѣтъ силъ
Слѣдить копыть докучное мельканье,
Внимать колесъ и стукъ, и дребезжанье!
На козлахъ ты какъ-будто приунылъ,
Спой пѣсню“.—Но молчитъ ямщикъ угрюмый;
Невостаный дождь кругомъ туманить даль,
А въ головѣ опять больныя думы,
Дорожный бредъ, дорожная печаль...
Ахъ, гдѣ-же, гдѣ ты, тройка удалая,
Безумный бѣгъ, что вихремъ давить грудь,
Кудряшъ-ямщикъ, раздолье, пѣснь лихая,—
Ахъ, гдѣ-же ты, широкій русскій путь?

Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

СЧАСТЛИВАЯ СЕМЬЯ.

(Изъ Ф. Конне.)

Здоровый гробовщикъ, насвистывая что-то,
Строгааетъ, рукава поднявши до локтей...
Хорошіе деньги! Онъ заваленъ работой,
И въ праздники въ кабакъ не тащитъ барышей.

За грудюю гробовъ, не вѣдая заботы,
Малютки увлеклись вполнѣ игрой своей.
И только крестятся, узнавъ, что умеръ кто-то:
Чужая смерть несетъ имъ рядъ счастливыхъ дней.

Мать, на порогъ присѣвъ, мечтаетъ про размѣры
Доходовъ будущихъ при помощи холеры,
И вяжить свой чулокъ съ улыбкой на губахъ.
И мирный ихъ кружокъ при гаснущихъ лучахъ
Намъ говорить, что Богъ послалъ имъ всѣ условия
Довольства сытаго и крѣпкаго здоровья...

А. М.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

КЛАДЕЗИ МУДРОСТИ РОССІЙСКИХЪ ФИЛОСОФОВЪ.

(В. Лесевичъ, „Письма о научной философіи“. Спб., 1878 г.).

I.

Я знаю, что не только бесѣдовать съ россійскими филосо-
фами, но бесѣдовать даже по поводу ихъ не всегда безопас-
но. Россійскіе философы—люди крайне амбиціозные, на языкѣ
очень невоздержные и даже ядовитые. А ужъ какіе они руга-
тели — Боже мой, какіе ругатели! Если вы, читатель, имѣли
терпѣніе слѣдить за якобы литературной полемикой, завязав-
шейся недавно между нѣкимъ де-ла-Сердо, съ одной стороны,
гг. Михайловскимъ и Лесевичемъ съ другой, по поводу кни-
жки послѣдняго объ „Основно-началахъ позитивной философіи“, то
вы, вѣроятно, согласитесь со мною, что извѣстная поговорка:
„бранятся, какъ извозчики“, далеко не выражаетъ собою высшей
степени брани и что ее слѣдовало-бы замѣнить другою, болѣе
соотвѣтствующею дѣйствительности: „бранятся, какъ русскіе фи-
лософы“. Дѣло въ томъ, что извозчицья брань, по существу сво-
ему, довольно невинна; направляясь, главнымъ образомъ, не столь-
ко на личность ругаемаго лица, сколько на личности его родите-
лей и отдаленныхъ предковъ, она, очевидно, не грозитъ самому
обруганному лицу никакими „непріятными послѣдствіями“. Совер-
шенно другой характеръ имѣетъ брань не извозчиковъ, а на-
шихъ философовъ: родителей они не трогаютъ, но за то всѣ
ихъ усилія исключительно устремляются къ оскорбленію личнаго
характера и къ учиненію всяческой пакости объекту брани. И чего-
чего только они не наговариваютъ другъ на друга, какихъ клеветъ

и небылицъ не вводятъ на своихъ противниковъ! Намеки чисто-личнаго и крайне-недвусмысленнаго свойства, инсинуаціи—все пускается въ ходъ! Де-ла-Сердо, напр., желая уничтожить Лесевича, какъ философа, „поинтересовался“ прежде всего узнать, кто такой г. Лесевичъ, и ему сообщилъ *никто* (по всей вѣроятности, околодочный надзиратель той части, гдѣ живетъ г. Лесевичъ), что сей вышерѣченный Лесевичъ есть „личный врагъ одного весьма высокопоставленнаго, хотя, по всѣмъ вѣроятіямъ, лишь мистическаго существа“ (?), и что онъ принадлежитъ къ „союзу“ какихъ-то „трезвыхъ философовъ“,—союзу, начальствомъ, повидимому, неразрѣшенному. Получивъ отъ околодочнаго надзирателя эти драгоцѣнныя свѣдѣнія, де-ла-Сердо спѣшитъ подѣлиться ими съ читателями въ Бозѣ почившаго „Знанія“ (см. „Знаніе“, апрѣль, 1877 г.). Не правда-ли, не дурной полемическій приемъ? Самъ вѣчной памяти Фаддѣй Булгаринъ остался-бы доволенъ. Разумѣтся, и г. Лесевичъ не изъ тѣхъ, которые остаются въ долгу, когда литературная полемика переходитъ въ площадную брань. Обращаясь лично къ де-ла-Сердо онъ дастъ ему очень ясно понять, что между нимъ, Лесевичемъ и г. де-ла-Сердо лежитъ пропасть столь-же и даже болѣе глубокая и широкая, чѣмъ „между литераторомъ и биржевымъ игрокомъ, между литераторомъ и субъектомъ, способнымъ вымогать себѣ синекуру, между литераторомъ и кулакомъ“. Тутъ, какъ видите, опять сокрытъ какой-то намекъ въ назиданіе тѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ. Но это еще не все. Желая уязвить де-ла-Сердо, г. Лесевичъ принимается ругать де-Роберти: де-Роберти и невѣжда, и шарлатанъ, и проводникъ самыхъ обскурантныхъ идей, человекъ „крайне-недалекій“ и т. д., и т. д. Причемъ-же тутъ, съ удивленіемъ спрашиваетъ читатель, де-Роберти, когда споръ ведется съ де-ла-Сердо? Это опять одинъ изъ полемическихъ приемовъ російскихъ философовъ. Г. Лесевичу, видите-ли, желательно намекнуть, что онъ очень хорошо знаетъ, что за гусь такой де-ла-Сердо и какая именно личность скрывается подъ этимъ псевдонимомъ. Оберъ-философъ г. Михайловскій, вмѣшавшійся въ эту полемику съ-боку-припека, тоже, разумѣтся, не отстаетъ отъ своего собрата: лгунъ, лжесвидѣтель, клеветникъ, шутъ такъ и сыпятся изъ-подъ пера мудрѣйшаго изъ философовъ. Но полагая, вѣроятно, что всѣ эти нѣжные эпитеты недостаточно ядовиты, философъ „Отечественныхъ Записокъ“ придирается къ фамилии де-ла-Сердо и съ язвительнымъ остроуміемъ замѣчаетъ, что „а-ла-серда“, въ переводѣ съ испанскаго языка на русскій, значить—свинья!

Ну, скажите, кто кромѣ російскихъ философовъ можетъ такъ ловко „отдѣлывать“ другъ друга? Правда, въ этомъ ловкомъ „отдѣ-

льваніи“ своихъ противниковъ они подчасъ заходятъ черезчуръ ужь далеко, такъ далеко, что почти совершенно уничтожается грань, отдѣляющая ихъ, російскихъ философовъ, отъ заурядныхъ російскихъ будочниковъ... Я извѣдалъ это отчасти на личномъ опытѣ... но я не стану здѣсь объ этомъ говорить, чтобы не слишкомъ ужь конфузить г. Лесевича. Во всякомъ случаѣ, изъ приведенныхъ мною образчиковъ „полемическихъ красотъ“ російскихъ философовъ вы можете видѣть, читатель, что человѣку благоразумному и смирному приличнѣе всего держаться отъ нихъ подалше и отнюдь къ нимъ не прикасаться, по пословицѣ... впрочемъ, не къ чему приводить пословицу, вы ее и сами знаете. И, однакожь, я хотя и считаю себя человѣкомъ благоразумнымъ и смиреннымъ,—я, уже имѣвшій несчастье навлечь на себя гнѣвъ цѣлыхъ двухъ російскихъ философовъ, — я все-таки дерзаю снова побесѣдовать съ однимъ изъ нихъ. Судя по прежнему опыту, я не могу, разумѣется, считать эту бесѣду вполне для себя безопасной... но что дѣлать? Вѣдь если всѣ мы, пишущая братія, въ интересахъ личной безопасности, станемъ молчать, то вороны въ павлиньихъ перьяхъ окончательно насъ заклюютъ и самодовольное невѣжество, прикрываясь маскою учености, безконтрольно станетъ хозяйничать во всѣхъ областяхъ нашего знанія и литературы и, въ-концѣ концовъ, возмнитъ, что руководящая роль принадлежитъ никому другому, какъ этому самодовольному невѣжеству. Оно уже и теперь задираетъ носъ и, пользуясь благоприятными для него условіями, лѣзетъ впередъ и всѣмъ дирижируетъ... Вотъ почему я не желаю проходить молчаніемъ „Писемъ о научной философіи“, вотъ почему я буду говорить о г. Лесевичѣ... quand mѣme. Впрочемъ, о г. Лесевичѣ я буду говорить очень мало; главная моя цѣль—подвергнуть нѣкоторому, въ предѣлахъ журнальной статьи возможному, анализу воды того кладезя мудрости, изъ котораго онъ черпаетъ свою ученость и свою философію,—воды, чистоту и достоинства которыхъ онъ такъ неумѣренно восхвалялъ передъ російскою легковѣрною публикою въ своемъ „Опытѣ критическаго изслѣдованія осново-началъ позитивной философіи“.

Г. Лесевичъ, по всѣмъ видимостямъ, принадлежитъ къ весьма расплодившейся у насъ въ послѣднее время породѣ писателей, которыхъ, изъ деликатности, можно назвать „самозванцами въ наукѣ“. Самозванцы эти, въ свою очередь, представляютъ изъ себя не болѣе, какъ только нѣкоторую разновидность того обширнаго типа людей, одного изъ представителей котораго поэтъ такъ прекрасно охарактеризовалъ двумя строчками: „Что послѣдняя книжка скажетъ, то ему на душу и ляжетъ“. Они не лишены любознатель-

ности и любятъ читать серьезныя книжки. Но, къ несчастію, общественныя условія, среди которыхъ они росли и среди которыхъ они живутъ, весьма мало благоприятствуютъ развитію любознательности и чтенію серьезныхъ книжекъ, они дѣлаютъ почти невозможною серьезную научную подготовку и препятствуютъ всестороннему, широкому, разумному образованію. Отсюда понятно, почему люди, сѣумѣвшіе, наперекоръ этимъ условіямъ, сохранить нѣкоторую дозу любознательности и нѣкоторую охоту къ чтенію серьезныхъ книжекъ, были, такъ-сказать, какъ-бы самою судьбою обречены на научное самозванство. Дѣйствительными, заподазриваемыми учеными имъ невозможно было сдѣлаться; не говоря уже о томъ, что въ юности всѣ они учились „понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь“, но даже и впоследствии окружающая ихъ жизнь на каждомъ шагу ставила почти непреодолимыя преграды ихъ любознательности. Нужно было имѣть изъ ряду вонъ выходящія способности, чтобы, несмотря на все противоудѣйствіе, оказываемое жизнію наукѣ, стать все-таки „человѣкомъ науки“, не той сластолюбивой, фальсифицированной, мертвой науки, урѣзанной, кастрированной въ угоду „житейскимъ требованіямъ“, а наукѣ въ истинномъ значеніи этого слова,—наукѣ живой, свободной, безкорыстно и смѣло ищущей одной только правды и ничего, кромѣ правды. Конечно, и у насъ были люди, одаренные такими изъ ряда вонъ выходящими способностями; люди, силою одного своего генія усвоившіе себѣ все то, что усваивается людьми обыкновенными лишь путемъ тщательной научной подготовки, серьезнаго, всесторонняго образованія; люди съ могучимъ, оригинальнымъ умомъ, способные не только механически воспринимать, но и критически перерабатывать имѣвшійся у нихъ подъ руками ученый матеріалъ. Эти люди внесли въ наше общество массу свѣтлыхъ, живыхъ идей и содѣйствовали расширенію его умственнаго кругозора, его научному воспитанію въ несравненно большей степени, чѣмъ всѣ его общеобразовательныя и техническія, ученныя и учебныя заведенія и учрежденія.

Но это были исключенія, рѣдкія исключенія. О нихъ я не говорю. Я говорю о большинствѣ нашего интеллигентнаго меньшинства, о людяхъ „среднихъ способностей“, средняго уровня умственнаго развитія. Они лишены, по причинамъ, только-что объясненнымъ, серьезной научной подготовки, широкаго, всесторонняго образованія; у нихъ нѣтъ и той замѣчательной силы ума, которая у талантливыхъ людей нерѣдко съ успѣхомъ восполняетъ пробѣлы по части образованія и подготовки. У нихъ есть только любознательность и любовь къ чтенію серьезныхъ книжекъ. Пожалуй (да и то не всегда), этого было-бы достаточно для составленія только-

выхъ компиляцій „изъ прочитаннаго“. Но бѣда въ томъ, что скромная роль компиляторовъ не удовлетворяетъ ихъ, и не потому не удовлетворяетъ, чтобы они были черезчуръ самолюбивы и тщеславны, нѣтъ, русскій человѣкъ и въ особенности человѣкъ интеллигентный рѣдко страдаетъ излишнимъ самоувѣиенъ; скорѣе его можно упрекнуть въ противоположной слабости... Русскій человѣкъ, что-бы тамъ ни говорили, совсѣмъ не любитъ оригинальничать и еще менѣе любитъ садиться „не въ свои сани“. Напротивъ, онъ и свои-то „сани“ охотно готовъ уступить первому встрѣчному; онъ пробирается въ жизни какъ-то бокомъ, всегда старается ступешваться, отодвинуться на задній планъ, закопаться въ землю; внутри его сидитъ духъ Молчалина, постоянно нашептывающій ему въ уши: „въ ваши лѣта не должно смѣть свое сужденіе имѣть“. Но несмотря, однако, на свои молчалино-подхалюзинскія свойства, онъ чувствуетъ какое-то неудержимое стремленіе постоянно становиться на ходули, постоянно казаться не тѣмъ, что онъ есть на самомъ дѣлѣ. То, напр., эти люди выдаютъ себя за Колумбовъ, открывающихъ новыя Америки, то корчатъ мины серьезныхъ, даже оригинальныхъ ученыхъ, глубокомысленныхъ философовъ и т. п. И странная вещь! Повидимому, они сами вполне и совершенно искренно убѣждены, что они дѣйствительно и Колумбы, и ученые, и философы. Какъ согласить такое странное, чтобы не сказать, близкое къ идиотизму самоувѣиеніе съ ихъ врожденною приниженностью, смиренномудріемъ, съ ихъ раболѣпиемъ передъ авторитетомъ? Миѣ кажется, очень просто: ихъ самоувѣиеніе именно и обуславливается ихъ раболѣпиемъ. Не будучи въ состояніи относиться критически, переработать самостоятельно научный матеріалъ, представляемый тою или другою серьезною книжкою, они смотря на него глазами ея автора. Они стараются всецѣло проникнуться идеями и возрѣніями послѣдняго, и, въ большинствѣ случаевъ, имъ это настолько удается, что въ-вонцѣ-вонцовъ они какъ-бы сливаются съ интеллектуальною личностью своего излюбленнаго авторитета, они перестаютъ отличать себя отъ него, они думаютъ его мыслями, говорятъ его словами. Разумѣется, они считаютъ его авторитетомъ не только для себя, но и для всѣхъ вообще: его міросозерцаніе представляется имъ высшею точкою развитія современнаго знанія; онъ—глашатай послѣдняго слова науки; и они,—они, отождествившіе себя съ нимъ,—они тоже знаютъ это „послѣднее слово“, они вполне усвоили его себѣ, они проводятъ его въ общественное сознаніе,—значить, они тоже передовые дѣятели науки и даже „вѣщатели“ ея послѣднихъ словъ. Воздвигая пьедесталъ своему авторитету, они воздвигаютъ его и себѣ. Такимъ образомъ ихъ рабскій духъ, незамѣтно для нихъ са-

михъ, приводитъ ихъ къ самовозвеличенію. Это самовозвеличеніе принимаетъ иногда въ высшей степени курьезныя формы: самозванный ученый, напр., не просто компилируетъ своего „учителя“, нѣтъ: сперва онъ перескажетъ его мысли своими словами, а затѣмъ уже прибавляетъ: „высказанныя мною мысли находятъ себѣ полное подтвержденіе въ такомъ-то замѣчательномъ твореніи такого-то великаго мыслителя...“ и тутъ только начинается настоящая компиляція *). Но и компилируя чужія мысли, они все-таки при каждомъ удобномъ случаѣ даютъ понять читателю, что на компиляцію эту онъ долженъ смотрѣть только какъ на иллюстрацію ихъ собственныхъ, совершенно самостоятельныхъ и оригинальныхъ мыслей. Г. Лесевичъ, напр., заявляетъ, что онъ въ своихъ философскихъ компиляціяхъ ограничивается лишь ролью „докладчика назрѣвшихъ или назрѣвающихъ успѣховъ въ области научной философіи“; это скромное заявленіе нисколько, однакожь, не мѣшаетъ ему величать себя „представителемъ сложившихся или слагающихся научно-философскихъ воззрѣній“. Какъ-будто быть докладчикомъ, репортеромъ чужихъ идей и быть представителемъ научнаго философскаго прогресса—одно и то-же, какъ-будто тутъ нѣтъ никакой разницы. Но самоиѣніе самозванныхъ ученыхъ постоянно заставляетъ забывать эту разницу. Спутавъ роль докладчика „передовыхъ“ (т. е. считаемыхъ ими за передовыя) идей съ ролью представителя этихъ идей, они, естественно, начинаютъ смотрѣть на себя, какъ на одну изъ важнѣйшихъ спицъ въ колесницѣ научнаго прогресса, и если имъ случится, на ихъ бѣду, встрѣтить какой-нибудь, хоть сколько-нибудь благоприятный отзывъ въ заграничной или отечественной прессѣ о ихъ компиляторскихъ упражненіяхъ,—они носятся съ этимъ отзывомъ, какъ съ какою-то писаной торбой, естат и некстати тычутъ имъ въ носъ своимъ долготерпѣливымъ читателямъ. „Вотъ-де мы какіе, даже иностранные ученые и тѣ обь

*) Для образца укажемъ хоть на того-же Лесевича; онъ большой мастеръ въ подобнаго рода продѣлкахъ. Въ своемъ „Опытѣ“ и въ своихъ „Письмахъ о научной философіи“ онъ постоянно приписываетъ себѣ чужія мысли и затѣмъ съ апломбомъ подтверждаетъ ихъ ссылками на тѣ источники, изъ которыхъ онѣ имъ заимствованы. Возьмите для примѣра, ну, хоть его „Письма“. На 92-й и предыдущихъ страницахъ онъ излагаетъ своими словами, приписывая ихъ, разумеется, себѣ, мысли Авенариуса о характерѣ и содержаніи научной философіи; затѣмъ на стр. 93-й онъ скромно замѣчаетъ: „Я готовъ-бы былъ, признаться, пожалѣть о своей дерзости... если-бы не видѣлъ возможности найти поддержку у людей, болѣе меня компетентныхъ и искусныхъ. На этотъ разъ я найду эту поддержку у Авенариуса“. И затѣмъ начинается уже компиляція. Не правда-ли, это очень мило и очень скромно?

насъ знаютъ, и тѣ насъ поощряютъ,—значить мы не даромъ трудимся! Да посрамятся-же наши противники!“ и т. д. *)).

Разумѣтся, всѣ эти наивности—какъ онѣ ни поучительны для выясненія типа нашихъ самозванныхъ ученыхъ—все-таки онѣ гораздо болѣе забавны, чѣмъ вредоносны; поэтому я и не стану на нихъ долго останавливаться, тѣмъ болѣе, что самовозвеличеніе самозванныхъ ученыхъ не всегда отличается характеромъ дѣтской невинности; нерѣдко оно проявляется въ формахъ несравненно грубѣйшихъ и совсѣмъ уже не невинныхъ. Чуть только подобный ученый наталкивается на мысли и воззрѣнія, не совсѣмъ гармонирующія или прямо идущія въ разрѣзъ съ мыслями и воззрѣніями излюбленнаго ими „авторитета“, онъ впадаетъ въ необузданную ярость, подобную той, въ которую впадали преданные холопы добраго стараго времени, когда кто-нибудь чужой осмѣливался при нихъ не совсѣмъ лестно отзываться объ ихъ баринѣ. Желая быть Контонъ, Авенариусомъ, Дюрингомъ и т. п. болѣе, чѣмъ самъ Контъ, Авенариусъ и Дюрингъ и т. п., они не могутъ выносить ни малѣйшаго противорѣчія идеямъ своихъ „учителей“; ихъ противниковъ (кто-бы они ни были и какимъ-бы уваженіемъ они ни пользовались въ ученномъ мірѣ) они третируютъ *en sa paille*. Для иллюстраціи этой мысли отсылаю васъ, читатель, къ упомянутому уже мною выше философскому спору между гг. Михайловскимъ, Лесевичемъ и де-ла-Сердо. Мѣшая съ грязью „несогласныхъ“ съ ихъ авторитетами, они въ то-же время имѣютъ привычку превозносить выше облака ходячаго не только своихъ единомышленниковъ, но и всѣхъ вообще лицъ, относящихся къ нимъ болѣе или менѣе благосклонно. Разумѣтся, эта черта ихъ характера дѣлаетъ имъ нѣкоторую честь: она показываетъ, что, по крайней мѣрѣ, чувство признательности и благодарности развито у нихъ въ довольно высокой степени... Бѣда только въ томъ, что эта признательность и благодарность заводятъ ихъ иногда

*) Опять-таки для иллюстраціи этой общей характеристики самозванныхъ ученыхъ сошлесь на г. Лесевича, автора „Писемъ о научной философіи“. Въ первомъ-же письмѣ онъ снѣшить оповѣстить своихъ читателей, что о его „Опытѣ критическихъ изслѣд. осново-началъ позит. филос.“ появились благопріятные отзывы въ одномъ французскомъ и въ одномъ испанскомъ журналахъ, и что эти отзывы „убѣждаютъ его, что онъ трудится не понапрасну и что продолженіе его работы можетъ расчитывать на вниманіе и поддержку компетентныхъ судей“ (Письма о науч. фил., стр. 12). Какой-же это работы? Г. Лесевичъ компилируетъ для назиданія російской публики Авенариуса, Геринга и иныхъ однородныхъ съ ними нѣмецкихъ писателей,—ну, что же, пускай себѣ компилируетъ, но при чемъ-же тутъ „вниманіе и поддержка компетентныхъ судей“? (въ заграничной прессѣ.) Какое имъ можетъ быть дѣло до того, что компилируетъ и чего не компилируетъ г. Лесевичъ?

черезчуръ далеко и ставятъ нерѣдко въ очень комическое положеніе. Вотъ хоть, напр., г. Лесевичъ,—да простить меня читатель за то, что мнѣ такъ часто приходится ссылаться на сего философа для иллюстрированія моихъ мыслей; чѣмъ-же я виновать, что онъ представляетъ изъ себя такой образцовый экземпляръ самозваннаго ученаго?—итакъ, вотъ, напр., г. Лесевичъ: послушайте-ка, какая курьезная исторія съ нимъ приключилась, и приключилась именно благодаря черезчуръ развитому въ немъ чувству... признательности. Въ своемъ „Опытѣ крит. изслѣд. основ.-началь позит. философіи“ онъ, говоря о новой якобы „научной философіи“, зародившейся въ Германіи, ни единымъ словомъ не упоминаетъ, что и во Франціи есть одинъ такой философъ, который философію эту давно уже постигъ и давно уже пропагандируетъ, онъ ни единымъ словомъ не упомянулъ о Т. Рибо, какъ объ единомышленникѣ и сторонникѣ излюбленныхъ г. Лесевичемъ Авенариусовъ, Геринговъ, Паульсеновъ, Дюринговъ, Ланге и др. Напротивъ, когда я въ своей замѣткѣ „О пользѣ философіи“ намекнулъ на нѣкоторое сходство въ направленіи журнала Авенариуса (*Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie*) и журнала Рибо (*Revue Philosophique*), то г. Лесевичъ съ негодованіемъ отвергъ подмѣченное мною сходство и сталъ увѣрять своихъ читателей, будто только крайній невѣжда можетъ смѣшивать философскія тенденціи Авенариуса съ философскими тенденціями Рибо. Прекрасно. Но вотъ, на бѣду г. Лесевича, въ № 7 за прошлый годъ „*Revue Philosophique*“, т. е. въ журналѣ, редактируемомъ Рибо, появилась небольшая замѣтка, авторъ которой довольно благосклонно отнесся къ книгѣ г. Лесевича „Опытъ крит. изслѣд.“ и т. д. Замѣтка эта привела, повидимому, въ неописанный восторгъ нашего философа и преисполнила его самою нѣжною признательностью къ редактору, напечатавшему ее на страницахъ своего журнала. Рибо мгновенно возвысился въ его глазахъ,—возвысился не только до степени единомышленника основателей „научной философіи“, но даже до степени одного изъ ея основателей. Теперь оказалось, что Рибо по своему философскому направленію „писатель вполне родственнѣй“ Авенариусу, Герингу и другимъ издателямъ и соредакторамъ „*Vierteljahrsschrift für wissenschaft. Philosophie*“, и что знакомство съ идеями этого замѣчательнаго ученаго „могло-бы расширить то понятіе, которое мало-по-малу складывается у насъ о научной философіи“. Впрочемъ, изъ боязни, какъ-бы г. Лесевичъ не обвинилъ меня въ искаженіи его мыслей, я позволю себѣ привести дословно его послѣднее мнѣніе о Рибо,—мнѣніе, которое, какъ вы сейчасъ увидите, имѣетъ не малое зна-

ченіе для характеристики нашихъ ученыхъ самозванцевъ. Слушайте-же, и слушайте внимательно,—это очень интересно.

„Почти одновременно съ трудами... представителей „научной философіи“ въ Германіи получилъ громкую и почетную извѣстность вполне родственныи имъ писатель Тома Рибо во Франціи. Рибо, также какъ и названные нѣмецкіе философы (т. е. Авенариусъ и Герингъ), признаетъ основаніемъ философіи одну только науку, и съ замѣчательною яркостью и ясностью указываетъ на то восхождение обобщеній, которое приводитъ къ философскимъ понятіямъ. Вообще говоря, Рибо—мыслитель вполне положительный, писатель послѣдовательный, ясный, богатый эрудиціею, словомъ, такой, у котораго всегда есть чему поучиться, и нельзя не пожалѣть, что ни одно изъ его произведеній не переведено на русскій языкъ. Индивидуальныя свойства таланта Рибо могли-бы только расширить то понятіе, которое мало-по-малу складывается у насъ о научной философіи“ и т. д. (см. „Письма о науч. филос.“, стр. 11).

Итакъ, г. Лесевичъ, увлеченный чувствомъ благодарности, утверждаетъ, что Рибо по своимъ воззрѣніямъ на научную философію писатель вполне родственныи съ Авенариусомъ, Герингомъ и другими „нѣмецкими“ учителями автора „Писемъ“; что основаніемъ философіи онъ, Рибо, признаетъ одну только науку и что, наконецъ, въ интересахъ расширенія понятія руссiйской публики о научной философіи, было-бы весьма полезно познакомить первую со взглядами Рибо на послѣднюю. Ну, хорошо, г. Лесевичъ, такъ и быть, въ интересахъ расширенія понятія вашихъ читателей о научной философіи и въ особенности въ интересахъ вашего собственнаго поученія, я возьму на себя довольно непріятный трудъ познакомить и ихъ, и васъ съ воззрѣніями Рибо на роль, значеніе и характеръ философіи „будущаго“. Чтобы меня не заподозрили въ преднамѣренномъ искаженіи его мыслей, я буду приводить дословныя цитаты. Я очень хорошо знаю, что, пробѣгая эти цитаты, г. Лесевичъ покраснѣетъ, и не разъ даже покраснѣетъ; но что дѣлать? пусть это ему послужитъ маленькимъ урокомъ; нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, говорить всегда безнаказанно о книгахъ, которыхъ никогда и въ рукахъ даже не держалъ, о людяхъ, которыхъ не знаешь даже и по наслышкѣ.

Въ своемъ похвальномъ словѣ Рибо г. Лесевичъ упоминаетъ, между прочимъ, о его трактатѣ *) объ „англійской психологіи“,—трактатѣ, встрѣченномъ, если вѣрить г. Лесевичу, „весьма ра-

*) Говоря проще, довольно поверхностной и крайне неуклюжей компиляціи, излагающей психологическія теоріи Джемса и Стюарта Миллей, Спенсера, Бэна, Льюса, Бэббеля, Мореля и Мурфи.

душно въ Англии, Испаніи и Германіи“, той самой Германіи, которая родила научную философію. Прекрасно, возьмемъ-же этотъ трактатъ (*La psychologie Anglaise contemporaine*) и раскроемъ его на самыхъ первыхъ страничкахъ, на введеніи, въ которомъ авторъ излагаетъ свои взгляды на философію, на то, чѣмъ она была и чѣмъ она должна быть. Какъ смотритъ авторъ на историческую философію—это для насъ не интересно; намъ нужно знать только, какъ онъ смотритъ на философію будущаго, какой идеаль философіи сложился въ его головѣ.

„Въ будущемъ, говоритъ онъ, — въ область философіи будутъ входить одни лишь общія отвѣченія человѣческаго ума о первичныхъ и конечныхъ принципахъ всѣхъ вещей (*speculations générales sur les principes premiers et les raisons dernières de toutes choses*). Философія будетъ метафизикою и ничѣмъ больше (курсивъ въ подлинникѣ). Она будетъ заниматься исключительно лишь тѣмъ неизвѣстнымъ (*inconnu*), на которомъ строится каждая наука (2) и спорить о которомъ люди науки обыкновенно предоставляютъ философамъ“ (стр. 12). „Кто-то очень умно замѣтилъ, что метафизики—поэты, неосуществившіе своего призванія. И, дѣйствительно, чѣмъ больше вдумываешься въ это замѣчаніе, тѣмъ болѣе убѣждаешься въ его истинѣ. Когда философія станетъ дѣйствительно тѣмъ, чѣмъ она должна быть, когда она совершенно отрѣшится отъ области фактовъ и не будетъ содержать въ себѣ ничего, кромѣ высшихъ обобщеній, абстракцій и чистыхъ идей, тогда для всѣхъ сдѣлается вполне очевиднымъ, что она не столько прозвѣдѣніе науки, сколько произведеніе искусства; что это поэзія, — поэзія, по мнѣнію однихъ, очень плохая и скучная, по мнѣнію другихъ — возвышенная, могучая, божественная (курсивъ въ подлинникѣ), въ истинномъ смыслѣ этого слова“ (стр. 15). За тѣмъ слѣдуетъ сравненіе поэтовъ съ философами; но такъ-какъ оно нисколько не интересно, то я его пропускаю. Авторъ заканчиваетъ его словами: „метафизики—это поэты, поставившіе себѣ цѣлью возстановленіе синтеза міра“. „Неужели эти грандіозныя космогоническія эпопеи должны исчезнуть? Неужели мы должны окончательно отказаться отъ нихъ потому только, что опытъ много разъ доказывалъ ихъ несостоятельность? Должна-ли философія по-прежнему заниматся поэзіею вмѣсто науки, облекать свои фикціи въ непонятныя (*indéchiffrables*) формулы и въ сотый разъ возвѣщать міру, что она нашла, наконецъ, разгадку его тайны? Почему-же нѣтъ? Въ наше время, правда, многіе полагаютъ, будто человѣческій умъ долженъ разъ навсегда отказаться отъ подобныхъ изслѣдованій, какъ отъ ребяческихъ забавъ. Но по-моему это и нежелательно, и невозможно. Когда позитивисты утверждаютъ, что метафизика никогда

не можетъ имѣть значенія науки, такъ-какъ она не въ состояніи ни провѣрить, ни доказать своихъ положеній, то противъ этого никто, разумѣется, не станетъ спорить, это очевидно само по себѣ. Когда они стараются устранить метафизическій элементъ изъ наукъ опытныхъ, они опять-таки оказываютъ наукѣ услугу... но считать изслѣдованія о послѣднихъ причинахъ пустыми и опасными иллюзіями, желать, чтобы мы излечились отъ нихъ, какъ отъ какого-то хроническаго недуга,—это значитъ не возвеличивать, а, напротивъ, унижать человѣческій умъ. Важность изслѣдованій совсѣмъ не опредѣляется ихъ успѣхомъ или неуспѣхомъ. Искать безъ надежды, найти искомое — это совсѣмъ не пошло и не бессмысленно. Конечно, опытъ имѣетъ свое значеніе, но однимъ имъ нельзя ограничиваться. Кто можетъ утверждать, будто факты важнѣе идей (?!), открытія важнѣе поисковъ за ними? Философія всегда останется, какъ вѣчное стремленіе человѣческаго ума къ неизвѣстному. Она, конечно, никогда не откроетъ послѣдней причины вещей, но это-то и хорошо; если-бы метафизика могла дать намъ все то, что она обѣщаетъ, то гораздо было-бы лучше обречь ее на вѣчное молчаніе; это не парадоксъ. Предположите, въ самомъ дѣлѣ, что она разрѣшитъ когда-нибудь всѣ вопросы относительно Бога, природы и насъ самихъ,—что останется тогда дѣлать человѣческому уму? Это рѣшеніе будетъ его смертью. Всѣ люди любознательные и дѣятельные согласятся въ этомъ случаѣ съ Лессингомъ: „гораздо пріятнѣе гоняться за зайцемъ, чѣмъ поймать его“. Философія всегда будетъ поддерживать ихъ дѣятельность своимъ магическимъ и обманчивымъ миражемъ (*rag son magique et decevant mirage*)“ (стр. 17, 18).

Но не довольно-ли, читатель? Приведенныхъ выписокъ, кажется, совершенно достаточно какъ для поученія г. Лесевича, такъ и для „расширенія“ вашего понятія о научной философіи. Онѣ не нуждаются въ коментаріяхъ... Вы видите теперь, какого рода научную философію защищаетъ и пропагандируетъ Рибо, — Рибо, который, по признанію г. Лесевича, вполне родственъ по своему философскому направленію съ „основателями“ нѣмецкой научной философіи. Это философія, отрѣшенная отъ опыта, философія чисто-абстрактная, философія, стремящаяся объять необъятное и познать непознаваемое, открыть начало всѣхъ началъ, причину всѣхъ причинъ, постигнуть сущность вещей, разгадать тайну міра,—короче, это та-же старая метафизика, въ самомъ буквальномъ и отталкивающимъ смыслѣ этого слова. Она не имѣетъ и не должна имѣть ничего общаго съ наукою, она всецѣло относится къ области искусства—поэзіи...

Г. Лесевичъ утверждаетъ, будто подобныя воззрѣнія на филосо-

фію могутъ содѣйствовать расширенію „того понятія, которое мало-по-малу у насъ складывается о научной философіи“. Какъ! такъ вы хотите, г. Лесевичъ, „расширенія понятія о научной философіи“ именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее пропагандируетъ Рибо? Бѣднѣе же ваши „молодые друзья“, которымъ вы посвящаете свои письма о научной философіи! Вы слишкомъ скоро хотите ихъ окастричь, т. е. преждевременно довести ихъ мозги до старческаго притупленія и расслабленія. Вѣдь услаждаться тою научною философіею, которою такъ восхищается Рибо, могутъ только слюноточивые старцы, совершенно выжившіе изъ ума.

Я очень хорошо знаю, что вы, торжественно отрекавшійся отъ всякой солидарности съ російскимъ Кифой Мокіевичемъ—Козывымъ, постоянно утверждавшій, что только ограниченные и недалковидные люди могутъ смѣшивать вашу научную философію съ старою метафизикою,—вы, конечно, никогда-бы не рѣшились поставить Рибо на одну доску съ вашими учителями, съ Авенариусомъ и Гёрингомъ, еслибы... еслибы вы читали Рибо. Но вы его не читали; вы знали только, что сочиненія Рибо переведены на испанскій, нѣмецкій и англійскій языки и что въ его журналѣ вашъ „Опытъ критич. изслѣд. осново-нач. позит. филос.“ удостоился милостиваго вниманія. Человѣкъ, болѣе сообразительный, чѣмъ вы, умолчалъ-бы объ этомъ вниманіи, какъ онъ умолчалъ-бы о похвалѣ удостоенной ею на страницахъ какого-нибудь Аскоченскаго, а вы... вы сейчасъ и заключили, что ужь если Рибо переводится на иностранные языки и если въ его журналѣ васъ поощряютъ, то, значить, онъ (т. е. Рибо) несомненно долженъ быть „мыслителемъ вполне положительнымъ, яснымъ, богатымъ эрудиціею и по духу своему вполне родственнымъ представителямъ научной философіи въ Германіи“; что онъ, „также какъ и Гёрингъ и Авенариусъ, признаетъ основаніемъ философіи одну только науку“. Я понимаю, что выводъ этотъ подсказанъ былъ вамъ чувствомъ признательности. Я ничего не имѣю противъ этого чувства; это чувство похвальное, но только не слѣдуетъ перепускать его черезъ мѣру; перепущенное черезъ мѣру, оно перерождается обыкновенно въ холопское чувство лакейской угодливости и лакейской преданности... Будьте признательны своимъ наставникамъ, но не идолопоклонствуйте передъ ними... Не говорите также никогда,—въ особенности не говорите съ апломбомъ и авторитетомъ,—о томъ, чего вы не знаете, иначе вы можете попасть (и, какъ видите, дѣйствительно попали) въ большой просакъ. Бѣда не въ томъ, что вы не читали книжекъ Рибо. Напротивъ, это даже очень хорошо, а то, чего добраго, вы и Рибо возвели-бы въ научные авторитеты и вздумали-бы еще, пожалуй,

пропагандировать его воззрѣнія на философію среди вашихъ „молодыхъ друзей“. Дѣло въ томъ, что Рибо, хотя въ его журналѣ и отнеслись къ вамъ благосклонно, тѣмъ не менѣе не только не „положительный мыслитель“, но и вообще не мыслитель; это просто довольно искусный компиляторъ (болѣе искусный, чѣмъ вы), умѣющій весьма ловко (хотя и не такъ ловко, какъ, напр., ну хоть Тэнъ) пользоваться чужимъ умомъ, но никогда ни въ чемъ непроявлявшій своего собственнаго. Онъ хорошій также переводчикъ, это правда; его переводъ на французскій языкъ спенсеровскихъ „Принциповъ психологіи“ можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ переводовъ этой книги, во всякомъ случаѣ онъ несравненно лучше русскаго *)... Но... но это и все, что можно сказать о Рибо. Поэтому, повторю опять, я далеко отъ мысли осуждать васъ за то, что вы его не читали. Не читали—и не читайте, ничего не потеряете... Но дѣло въ томъ: зачѣмъ вы судите о немъ съ такою самоувѣренностью, зачѣмъ пускаете пыль въ глаза вашимъ „молодымъ друзьямъ“? Зачѣмъ этотъ авторитетный тонъ, эти учительскіе позы и жесты? Не говоря уже о томъ, что вы ставите себя чрезъ это въ высшей степени комическое положеніе (какъ, напр., въ случаѣ съ Рибо; о другихъ случаяхъ рѣчь будетъ ниже), вы оказываете (и это-то самое главное) крайне вредное вліяніе на умственное и нравственное развитіе вашихъ „молодыхъ друзей“, вы притупляете самостоятельность ихъ мысли, вы укореняете въ нихъ тотъ „подхалюзнический духъ“, который такъ свойственъ русскому человѣку вообще и самозванымъ ученымъ въ особенности. У насъ нѣтъ ничего легче, какъ навязаться въ авторитетные „учители“ „молодыхъ друзей“. Говорите только обо всемъ, и о томъ, что вы знаете, и о томъ, чего не знаете, съ апломбомъ и самоувѣренностью, тычьте въ глаза заглавіями серьезныхъ книжекъ, которыя будто-бы вы прочли и въ которыхъ будто-бы сокрыто „последнее слово“ науки, дѣлайте какъ можно больше ссылокъ на извѣстныхъ и неизвѣстныхъ вамъ ученыхъ, дайте при случаѣ замѣтить, что „даже въ заграничной прессѣ“ люди компетентные васъ одобряютъ и поощряютъ,—и вы составите себѣ репутацію авторитета, васъ будутъ слушать съ почтительнымъ благоговѣніемъ, вамъ будутъ вѣрить на-слово, о васъ будутъ выражаться не иначе, какъ прибавляя словечки: „даже и самъ, даже самъ такой-то говоритъ то-то; даже самъ такой-то согласенъ съ нами“ и т. д. „Самъ такой-то“ можетъ говорить глупости, можетъ говорить даже гнусности; ему все прощительно, потому что какою-

*) Правда, что и русскій-то переводъ сдѣланъ, главнымъ образомъ, по переводу Рибо. Но если онъ оказался во всѣхъ отношеніяхъ ниже послѣдняго, то это ужъ не вина Рибо, а вина русскаго переводчика или, лучше сказать, переводчика.

бы глупость онъ ни сказалъ, какую-бы гнусность онъ ни сдѣлалъ онъ все прикрываетъ маскою напускной, самозванной учености,—маскою, передъ которой мы идолопоклонствуемъ. Я не стану приводить примѣровъ, ихъ слишкомъ много, и не только въ лагерѣ самозванныхъ ученыхъ московско-катковско-патріотическаго направленія, но и въ лагерѣ самозванныхъ ученыхъ петербургско-либеральнаго направленія. Читатель самъ можетъ безъ труда ихъ припомнить. „Кто первый палку взялъ, тотъ и капраль“, ну, а извѣстно: капраль—начальство, что съ него взынешь? И это мудрое изрѣченіе оказывается у насъ вполне примѣнимымъ не только къ сферѣ нашихъ будничныхъ практическихъ отношеній, но и въ сферѣ нашей какой ни на есть духовной и умственной жизни. Было-бы весьма любопытно написать исторію нашихъ идоловъ (въ области мысли) за послѣднія десять, пятнадцать лѣтъ, и въ особенности исторію нашихъ отношеній къ нимъ. Наше развитіе, какъ и развитіе нашихъ отцовъ, совершалось подъ вѣчнымъ гнетомъ того или другого умственнаго авторитета. Освобождаясь отъ одного идола, отъ одного авторитета, мы сейчасъ-же подпадали подъ иго другого; познакомились мы съ Боклемъ—и мы стали клясться имъ и всякое несогласіе съ нимъ казалось намъ несомнѣннымъ признакомъ крайняго невѣжества и даже ретроградства: прочли мы Милля—и Милль сталъ нашимъ „учителемъ“; усомниться въ доброкачественности этого учителя — значило прозвать за человѣка не только глупаго, но просто даже недобросовѣстнаго. Теперь смѣшно объ этомъ вспоминать, но вѣдь это было очень недавно, это повторяется на каждомъ шагу и теперь; мѣняются только имена авторитетовъ, а отношеніе къ нимъ не измѣнилось ни на волосъ. Вчера мы идолопоклонничали передъ однимъ „учителемъ“, сегодня идолопоклонствуемъ передъ другимъ, завтра будемъ идолопоклонствовать передъ третьимъ. Нашу страсть къ идолопоклонству наши самозванные ученые (обоихъ лагерей) постоянно въ насъ поддерживаютъ и раздуваютъ; находясь сами вѣчно подъ игомъ какого-нибудь авторитета, они стараются подчинить этому игу и своихъ „молодыхъ“ или „старыхъ“ друзей. Въ этомъ-то, по моему мнѣнію, и заключается величайшее зло самозванной учености. Лучше быть человѣкомъ малосвѣдущимъ, но за то сохраняющимъ полную свободу и самостоятельность своей мысли, чѣмъ человѣкомъ многосвѣдущимъ, но одержимымъ „рабскимъ духомъ“. Поэтому, при извѣстномъ уровнѣ общественнаго развитія, импонировать читателей научными авторитетами гораздо вреднѣе, чѣмъ отрицать эти авторитеты, хотя-бы и безъ достаточнаго основанія. Я знаю, что самозванные ученые такое непризнаніе авторитетовъ „безъ достаточныхъ основаній“ счи-

таютъ чуть-что не профанаціею науки, отношеніемъ къ ней „съ кандачка“, крайнимъ невѣжествомъ, даже шарлатанствомъ *). Но гг. самозванные ученые не понимаютъ, что въ ихъ отношеніяхъ къ наукѣ и ея дѣятелямъ скрывается еще больше легкомыслія, шарлатанства и невѣжества, чѣмъ въ „отрицаніи авторитетовъ“. Вѣдь ужъ во всякомъ случаѣ гораздо послѣдовательнѣе отрицать авторитеты вообще, чѣмъ мѣнять ихъ чуть не ежедневно, сообразуясь съ тѣмъ, что

„Послѣдняя книжка скажетъ“.

Еще очень недавно они, напр. (я говорю здѣсь только о самозванныхъ ученыхъ либеральнаго направленія; самозванные ученые

*) Для примѣра напомню читателю одинъ курьезный эпизодикъ изъ той якобы философской полемики, о которой я упоминалъ выше и которая возникла по поводу книги Лесевича „Объ осново-началахъ позитивной философіи“. Одинъ изъ полемизаторовъ въ разгарѣ спора дерзнулъ приравнять Дюринга къ нашему Скальковскому. Жрецы и поборники самозванной учености пришли отъ такой дерзости въ благородное негодованіе. „Сравнивать Дюринга съ Скальковскимъ—какое грубое невѣжество, какая наглая недобросовѣстность, какое возмутительное неуваженіе къ наукѣ!“ Несчастный полемизаторъ (который,—замѣтимъ въ скобкахъ,—самъ принадлежитъ къ разряду самозванныхъ ученыхъ), осмѣлившійся усомниться въ авторитетѣ Дюринга, самъ струсилъ своей смѣлости и сейчасъ же покаялся. „Помилуйте, вы меня не такъ поняли: я никогда и не думалъ ставить на одну доску Дюринга съ Скальковскимъ (полемизаторъ глалъ, и глалъ сознательно, но ему казалось менѣ постыднымъ быть уличеннымъ во лжи, чѣмъ въ неуваженіи къ авторитету); напротивъ, я ставлю его (г. е. Дюринга) очень высоко и считаю однимъ изъ своихъ наиболѣе уважаемыхъ учителей“. Ну, развѣ это не забавно! Положимъ, Дюрингъ не совсѣмъ то, что Скальковскій, но еще менѣ онъ то, за что хотятъ его выдать его россійскіе прихвостни. Въ философскихъ и политико-экономическихъ сочиненіяхъ Дюринга иногда, дѣйствительно, можно встрѣтить мысли довольно разумныя, выводы и обобщенія довольно вѣрныя, но рядомъ съ этими разумными мыслями и вѣрными обобщеніями мы наталкиваемся на каждомъ шагу на мысли, выводы и обобщенія совершенно противоположнаго характера. Вообще у Дюринга на ведро дегтя приходится не болѣе ложки меда, въ особенности это справедливо относительно его политико-экономическихъ трактатовъ, представляющихъ собою какой-то нелѣпый внигреть изъ всевозможныхъ и часто діаметрально другъ другу противоположныхъ экономическихъ направленій. Дюрингъ умудряется, напримѣръ, въ одно и то-же время и выставляетъ себя человѣкомъ радикальныхъ экономическихъ воззрѣній (понимая ихъ, впрочемъ, весьма смутно), и восхищаться Листомъ, и кадить фіямъ Кери. Но хуже всего, что Дюрингъ имѣетъ обыкновеніе говорить и томъ, что онъ знаетъ, и о томъ, чего онъ не знаетъ или знаетъ, но не понимаетъ, съ такою импонирующею самоувѣренностью, что люди, мало знакомые съ вопросами, о которыхъ онъ трактуетъ, въ самомъ дѣлѣ могутъ вообразить себѣ, что имѣютъ дѣло съ серьезнымъ ученымъ и глубокимъ мыслителемъ, а не съ развязнымъ, самолюбивымъ дилетантомъ, какимъ онъ и есть въ дѣйствительности. Поэтому-то навязывать его въ авторитеты своимъ „молодымъ друзьямъ“ какъ это дѣлаютъ гг. Михайловскій и Лесевичъ, по моему мнѣнію, гораздо вреднѣе и гораздо нелѣпѣе, чѣмъ приравнять его къ г. Скальковскому.

противоположнаго направленія, вродѣ гг. Влад. Соловьевыхъ, Миллеровъ, Ламанскихъ и иной юродствующей братіи, еще непостояннѣ въ своихъ идолахъ, но о нихъ когда-нибудь въ другой разъ),—еще очень недавно, говорю я,—они носились съ Контъ и позитивизмомъ, какъ съ писаной торбѣю. Всякое неуважительное отношеніе къ этой „писаной торбѣ“ навлекало на „неуважительнаго“ человѣка наименованіе „суздальца“, т. е. „суздальскаго богомаза“. Контъ величался не иначе, какъ гениальнымъ мыслителемъ, его классификація наукъ считалась образцовою и вполне рациональною; утверждалось, что позитивизмъ окончательно рѣшилъ „задачу“, подготовлявшуюся вѣками,—задачу основанія научной философіи; что онъ далъ намъ истинное пониманіе міра, какъ связнаго цѣлага, что установленный имъ законъ трехъ фазисовъ умственнаго развитія стоитъ внѣ всякой критики и т. д., и т. д. Но вотъ, на бѣду или на несчастіе самозванныхъ ученыхъ, имъ попались случайно въ руки книжки Авенаріуса, Лянге, Дюринга и Гѣринга—и слава Конта померкла. Вчерашній идолъ сверженъ съ пьедестала и на его мѣсто поставлены другіе боги. Оказывается, что система Конта далеко не удовлетворяетъ самымъ основнымъ требованіямъ научной философіи; что истинными основателями послѣдней слѣдуетъ считать Гѣринга, Авенаріуса, Дюринга и Лянге, и что вообще передъ этими философами „блѣднѣетъ вся осталная современная философская литература“ и т. д., и т. д.

Вы, можетъ быть, думаете, что я клевету на нашихъ самозванныхъ ученыхъ, что я черезчуръ утрирую непостоянство въ любви къ идоламъ? Въ такомъ случаѣ позвольте привести вамъ небольшой образчикъ.

Можетъ быть, вы не совсѣмъ еще забыли о пресловутой защитѣ въ залѣ петербургскаго университета нѣкимъ юродствующимъ російскимъ философомъ Иваномъ Яковлевичемъ, т. е. Вл. Соловьевымъ, своей не менѣ пресловутой диссертациі „Кризисъ западной философіи противъ позитивизма“. По поводу этой диссертациі въ январской книжкѣ „Отечеств. Записокъ“ за 1875 г. появилась небольшая замѣтка за подписью: В. Лесевичъ (о болѣе раннихъ статьяхъ того-же Лесевича о позитивизмѣ я уже не говорю: онѣ принадлежатъ уже къ области „древней исторіи“ и, выкапывать ихъ изъ архивной пыли я не чувствую ни малѣйшей охоты). Въ этой замѣткѣ г. Лесевичъ слѣдующимъ образомъ выражается о Контѣ и позитивизмѣ: „Съ силою генія кладетъ Ог. Контъ краеугольный камень этой (основанной на наукѣ, научной) философіи — свой Cours de Philosophie Positive, и даетъ задачѣ рѣшеніе, подготовлявшееся вѣками... Положительная философія, какъ установилъ ее Контъ, является міросозерцаніемъ, обнимаю-

щимъ міръ, какъ связанное единство, управляемое присущими ему законами, открытыми посредствомъ научнаго метода и сведенными въ группы, представляющія область отдѣльныхъ наукъ, соединенныхъ іерархическою связью, соображенною съ градаціею явленій дѣйствительнаго міра“. И далѣе: „въ позитивной философіи представляется намъ вся совокупность человѣческаго знанія, органически стройная, поставленная въ указанныя необходимою отношенія, какъ съ тѣмъ, что замкнуто опредѣленными границами, такъ и съ тѣмъ, что находится внѣ этихъ границъ“ („Отеч. Зап.“ № 1, стр. 41—42).

Прошло два года. Г. Лесевичъ успѣлъ за это время познакомиться съ Авенаріусомъ, Лянге, Гѣрингомъ, можетъ быть, даже Дюрингомъ, и вотъ что онъ пишетъ теперь о Контѣ и позитивизмѣ:

„Ог. Контъ, полагая основаніе системы позитивной (замѣтьте: позитивной, а не научной, какъ утверждалось въ 1875 г.) философіи, имѣлъ въ виду (только имѣлъ въ виду, а два года назадъ говорилось, что „положилъ краеугольный камень“) созданіе системы научно-философской, и потому онъ не остался вполнѣ чуждымъ строю этой системы (только „не остался вполнѣ чуждымъ?“). Увлеченный, однакожь, слишкомъ обширною и сложною чисто-научною работою, онъ не развилъ его до той полноты, которая неизбѣжно предполагается системою научной философіи, а оставилъ ее въ зародышѣ“... Предшествовавшіе Ог. Контѣ мыслители, Локкъ, Юмъ и Кантъ, гораздо сознательнѣе отнеслись къ этой сторонѣ задачи Ог. Конта и выяснили уже, что характеръ основначалъ научной философіи есть характеръ критическій. Контъ же этого не понималъ, и потому къ основному требованію научной философіи относился *безсознательно* (подлинное слово г. Лесевича).

Согласитесь: говорить, что Контъ положилъ „краеугольный камень научной философіи“, что обоснованіемъ ея онъ „рѣшилъ задачу, подготовлявшуюся вѣками“, и затѣмъ утверждать, что въ его системѣ лежитъ только зародышъ научной философіи, что зародышъ этотъ не развить, что самъ Контъ относился къ нему безсознательно, что онъ гораздо менѣе понималъ истинный характеръ „осново-началъ научной философіи“, чѣмъ его предшественники,—согласитесь, вѣдь тутъ есть маленькая непослѣдовательность, маленькое самопротиворѣчіе.

Но пойдѣмъ далѣе. Въ 1875 г. утверждалось, что „философія, какъ ее установилъ Контъ“, т. е. позитивизмъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, давала намъ совершенно рациональное, научное пониманіе міра, „какъ свѣтлаго единства, управляемаго присущими

ему законами“ и т. д.; что „въ позитивизмѣ вся совокупность человѣческаго знанія представляется намъ, какъ одно стройное органическое цѣлое“. Въ 1877 г. оказывается, что „задача позитивной философіи,—образованіе понятія о мірѣ“,—совсѣмъ не рѣшена позитивизмомъ, и что „она можетъ быть разрѣшена лишь тогда, когда позитивизмъ отрѣшится отъ бесплоднаго суммированія частныхъ научныхъ понятій... когда онъ изъ позитивной схемы наукъ перестроится въ систему критическаго реализма“ (Опытъ крит. изслѣд. осн.-нач. позит. фил., стр. 194—195). Такимъ образомъ, два года тому назадъ позитивизмъ представлялъ собою совокупность человѣческихъ знаній „въ стройной органической“ связи; теперь же онъ представляетъ собою лишь „бесплодное суммированіе (надѣюсь, что между простымъ суммированіемъ и органическою связью есть нѣкоторая и весьма существенная разница) частныхъ научныхъ понятій“...

Ну, что, читатель, вѣрите ли вы теперь тому, что я говорилъ вамъ насчетъ постоянства любви нашихъ самозванныхъ ученыхъ къ ихъ идоламъ? Вы, быть можетъ, скажете, что это ихъ непостоянство, эта ихъ непоследовательность дѣлаетъ имъ честь, она не даетъ имъ, такъ-сказать, застыть, примерзнуть къ одному какому-нибудь научному положенію, къ одному какому-нибудь ученому авторитету, она постоянно толкаетъ ихъ впередъ и впередъ... Г. Лесевичъ, положимъ, увлекался одно время позитивизмомъ, но это увлеченіе ничуть не мѣшало ему знакомиться и съ другими философскими направленіями, т. е. не остановило его философскаго развитія. Теперь онъ убѣдился, что позитивизмъ далеко не удовлетворяетъ (чего прежде онъ не зналъ) основнымъ требованіямъ научной философіи, и, не желая оставлять въ заблужденіи своихъ „молодыхъ друзей“,—тѣхъ друзей, которыхъ прежде онъ увѣрялъ, что Контъ „положилъ краеугольный камень“ научной философіи,—онъ спѣшитъ оповѣстить ихъ о своей... ошибкѣ. Что же тутъ другого? Напротивъ, это весьма похвально! Конечно, ваяться въ своихъ ошибкахъ—это похвально, но ошибаться—это совсѣмъ не похвально. Зачѣмъ же г. Лесевичъ брался толковать о философіи Конта, не изучивъ ее съ достаточною основательностью? Зачѣмъ онъ возносилъ его на пьедесталь, зачѣмъ онъ увѣрялъ своихъ „молодыхъ друзей“, будто позитивизмъ рѣшилъ, наконецъ, задачу, подготовлявшуюся вѣками, и будто онъ далъ намъ истинно-научную философію, когда онъ самъ еще не зналъ истинныхъ требованій и основнаго характера этой философіи? Кто намъ теперь поручится, что черезъ два года г. Лесевичъ снова не заявитъ намъ, что тѣ, которыхъ онъ теперь провозглашаетъ „основателями“ науч-

ной философіи,—совсѣмъ не основатели, ея, и что они такъ-же мало понимаютъ ея истинный характеръ, какъ Литре и Вырубовъ?

Хорошо-бы было, если-бы, дѣйствительно, каждый новый идолъ нашихъ самозванныхъ ученыхъ знаменовалъ-бы собою новую, болѣе высокую стадію ихъ умственнаго развитія, если-бы они, дѣйствительно, всегда переходили отъ худшаго къ лучшему, отъ низшаго къ высшему. Но вѣдь въ томъ и бѣда, что идолы ихъ мѣняются совершенно случайно: „что послѣдняя книжка скажетъ, то на душу и ляжетъ“. А въ послѣдней книжкѣ не всегда бываетъ сокрыто „послѣднее“ слово науки.. И въ этомъ насъ убѣдильно анализъ кладезя той новѣйшей мудрости, которую г. Лесевичъ почерпнулъ изъ послѣднихъ прочтенныхъ имъ книжекъ и которую онъ хочетъ просвѣщать умы своихъ „молодыхъ друзей“.

II.

„Въ настоящемъ трудѣ, заявляетъ г. Лесевичъ во вступленіи къ своимъ „Письмамъ о научной философіи“, — трудѣ, представляющемъ переработку для печати писемъ моихъ къ одному изъ молодыхъ моихъ друзей (и когда это гг. Лесевичъ, и Михайловскій оставляютъ, наконецъ, въ покоѣ своихъ „молодыхъ друзей“? Пора-бы имъ, кажется, понять, что ихъ „молодые друзья“ давно уже перестали быть ихъ „друзьями“), я являюсь не съ какою-нибудь оригинальною (еще-бы!) русскою философскою системою, а только съ тѣми результатами западно-европейской философіи, которые могутъ считаться научными и на которые поэтому я могу указать, какъ на прочно-установленные“ (стр. 12).

Замѣтьте, читатель, эту оригинальную манеру самозванныхъ ученыхъ поучать своихъ друзей, да еще молодыхъ! Приступая къ раскрытію имъ тайнъ своей премудрости, они съ самаго начала огорашиваютъ ихъ заявленіемъ, что ихъ мудрость стоитъ внѣ всякихъ споровъ и сомнѣній, что она заключаетъ въ себѣ одніи лишь строго-научныя, прочно-установленныя истины. Самозванный ученый рассчитываетъ, что молодые друзья повѣрятъ ему на слово, а разъ они ему повѣрятъ, они тѣмъ самымъ какъ-бы впередъ берутъ на себя обязательство безпрекословно соглашаться со всѣмъ, что онъ будетъ имъ говорить. Еще-бы не согласиться! вѣдь онъ сообщаетъ имъ только строго-научныя, вполне установленныя выводы! Не идти-же имъ, въ самомъ дѣлѣ, противъ авторитета науки! Наука рѣшила, ея рѣшеніе на лицо, и молодымъ друзьямъ ничего болѣе не остается, какъ безмолвно и почтительно склонить передъ ними свою голову. Ну, а что, если подъ бандеролью „научныхъ,

прочны установленных истинъ“ вамъ приподносятся, молодые друзья, такіе выводы и воззрѣнія, которые не имѣютъ съ наукою ничего общаго,—разный метафизическій вздоръ и бессмысленная галиматья? Что, если вашъ самозванный наставникъ стоитъ отъ науки на несравненно болѣе „благородной дистанціи“, чѣмъ вы сами? Что, если онъ васъ, хотя, быть можетъ, и бессознательно, но все-таки морочить? Сдѣлаться жертвою сознательной или бессознательной мистификаціи—это ни для кого не можетъ быть пріятно; я думаю, это будетъ непріятно и для васъ, молодые друзья. Постарайтесь-же гарантировать себя отъ этой непріятности; это совсѣмъ не трудно: не нужно только заранѣе склонять свою голову ни передъ какимъ научнымъ авторитетомъ. Пусть васъ увѣряютъ, что такой-то выводъ есть выводъ вполне научный, что подь нимъ готовы обѣими руками подписаться всѣ знаменитости науки,—какое вамъ до этого дѣло? Думайте собственнымъ умомъ. Если выводъ согласенъ съ посылками, изъ которыхъ онъ сдѣланъ, если эти посылки дѣйствительно представляютъ собою точныя научныя наблюденія или обобщенія, тогда и только тогда принимайте его не провѣривъ-же его, не убѣдившись путемъ самостоятельной умственной работы въ его истинности, относитесь къ нему всегда критически. Въ противномъ случаѣ вы никогда не избавитесь отъ мистификацій самозванныхъ ученыхъ. Вы, пожалуй, скажете, что вы, въ качествѣ „профановъ“ въ наукѣ, не въ силахъ самостоятельно провѣрять каждаго приподносимаго вамъ научнаго вывода, вы не специалисты, и потому вамъ волею-неволею приходится часто вѣрить на слово специалистамъ. Зачѣмъ-же? Положимъ, вы не специалистъ, вы сами не открываете, не изслѣдуете и не наблюдаете научныхъ фактовъ, вы не дѣлаете изъ нихъ никакихъ выводовъ. Но разъ вамъ предложенъ извѣстный уже готовый выводъ, разъ вамъ указаны какъ факты, послужившіе ему основаніемъ, такъ и тѣ пути и средства, при помощи которыхъ добыты эти факты, вы имѣете всѣ данныя для провѣрки правильности выводовъ и научности факта. Вамъ не зачѣмъ быть для этого специалистомъ, вамъ нужно быть только мыслящимъ человѣкомъ, привыкшимъ думать своимъ умомъ и одареннымъ среднею, обыденною дозою здраваго смысла. Здравый смыслъ всегда можетъ и долженъ контролировать логику ученаго, въ особенности логику философа... Я знаю, что многіе философы очень не долюбиваютъ и даже боятся этого контроля надъ собою здраваго смысла. Къ числу этихъ „многихъ“ принадлежатъ и тѣ „основатели“ научной философіи, роль пропагандиста и популяризатора которыхъ взялъ на себя г. Лесевичъ. Со словъ своихъ „учителей“ г. Лесевичъ вѣщаетъ своимъ молодымъ друзьямъ, что будто „нѣтъ ничего оши-

бочнѣ“, какъ предполагать, „что научное міроразумѣніе составляетъ прямой результатъ хода развитія обыденнаго мышленія, что между этими двумя фазисами умственнаго развитія нѣтъ никакой противоположности, не лежитъ никакого перелома“ (стр. 20). „Не вѣрьте, закликаетъ нашъ философъ своего „молодого друга“,—что вашъ здравый смыслъ, ваше обыденное мышленіе отличается только по степени отъ здраваго смысла, отъ мышленія философа, ученаго; нѣтъ, они различны по типу; для того, чтобы вы могли высвиться отъ перваго къ послѣднему, вы должны перешагнуть цѣлую пропасть, должны пережить нѣкоторый умственный кризисъ“ *).

„Большинство окружающаго насъ общества“ находится въ полнѣйшемъ заблужденіи, полагая, будто „просвѣщеніе, образованіе, ученость суть разныя степени накопленія знанія“, будто „они представляютъ количественную его сторону у того или другого лица, причѣмъ качественная сторона не претерпѣваетъ никакого измѣненія“ (стр. 76).

Итакъ, „научная философія“ утверждаетъ, что между обыденнымъ и научно-философскимъ мышленіемъ существуетъ не только количественное, но и качественное различіе, что результаты того и другого „принципіально-различны“ (стр. 33). Въ чемъ-же, по мнѣнію этой философіи, заключается это качественное различіе обыденнаго мышленія отъ мышленія научнаго? Послушайте г. Лесевича—это очень любопытно. „Обыденное мышленіе (въ отличіе отъ мышленія правительнаго, методическаго, научнаго) образуетъ представленія безсознательно, безконтрольно, оно комбинируетъ понятія произвольно, внѣ всякой критики, и, что особенно важно, оно не различаетъ этихъ двухъ моментовъ, смѣшиваетъ понятія съ представленіями, точнѣе, принимаетъ первыя (т. е. понятія) за послѣднія (т. е. за представленія)“. Это говорится на стр. 26. На стр.-же 74 мы читаемъ слѣдующее: „Обыденное мышленіе, образующее понятія безсознательно, вовводитъ обыкновенно единичное на степень общаго... вращаясь среди представленій и не

*) Вотъ подлинныя слова г. Лесевича: „Настоящія трудности начнутся для васъ (т. е. для его „молодого друга“), когда вамъ скажутъ, что научный характеръ мышленія тождественъ обыденной смышлености или такъ-называемому здравому смыслу (sens commun) и отличается отъ него только степенью, и что, слѣдовательно, ни для какаго кризиса въ развитіи образованныхъ людей нѣтъ повода, а что если-де иногда и совершаются измѣненія при переходѣ отъ низшей степени умственнаго состоянія къ высшей, то измѣненія эти ограничиваются очищеніемъ процесса развитія отъ нѣкоторыхъ засоряющихъ его элементовъ и вовсе не вносятъ въ самый процессъ развитія никакого существеннаго и рѣшительнаго переворота“. „Ничто не можетъ быть ошибочнѣе такого взгляда“ (стр. 17, 2).

будучи способно подняться до дѣйствительныхъ обобщеній (т. е. до понятій), оно принимаетъ представленія за понятія“.

Разберите-ка теперь, читатель, эту путаницу „научнаго мышленія“. Въ одномъ мѣстѣ говорится, что обыденное мышленіе принимаетъ понятія за представленія, т. е. общее возводитъ на степень частнаго, единичнаго. Въ другомъ-же мѣстѣ съ такимъ-же точно апломбомъ утверждается, что обыденное мышленіе не можетъ вообще возвыситься до понятія и что оно принимаетъ обыкновенно „представленія за понятія, т. е. единичное за общее“. Но это еще не бѣда: докладывая „молодымъ друзьямъ“ чужіи мысли, недостаточно продуманныя и провѣренныя собственныи умомъ, немудрено сбиться въ терминахъ. Но вотъ что совсѣмъ ужъ непонятно: какимъ образомъ возможно на 12 стр. утверждать будто обыденное мышленіе составляетъ свои понятія произвольно, а на стр. 74 увѣрять, будто оно образуетъ свои понятія бессознательно? То, что произвольно, не можетъ быть бессознательно, а то, что бессознательно, не можетъ быть произвольно. Кажется, это должно быть очевиднымъ для всякаго обыденнѣйшаго изъ „обыденныхъ“ мышленій. Неужели-же это не очевидно для мышленія научнаго? Но, быть можетъ, слово „произвольно“ нужно понимать не въ психологическомъ его значеніи, а въ значеніи болѣе широкомъ, въ смыслѣ беспорядочности, случайности, неправильности и т. п.? Ну, хорошо, допустимъ это толкованіе; какая же все-таки качественная разница между обыденнымъ и научнымъ мышленіями? Какъ на характеристическую особенность перваго указывается на то, что оно „образуетъ представленія и изъ нихъ понятія, бессознательно, безконтрольно“. Ну, а научное мышленіе? Неужели оно образуетъ свои представленія и понятія сознательно и съ контролемъ? Если это такъ, то, дѣйствительно, мы должны тогда признать, что между умомъ философа, ученаго и умомъ обыкновеннаго смертнаго существуетъ качественное различіе. Но вѣдь это-же не такъ; вѣдь всякій, никогда даже неучившійся психологіи, очень хорошо знаетъ, что и у образованнаго, и у необразованнаго человѣка, у ученаго и у невѣжды представленія и понятія всегда образуются бессознательно, не подчиняясь (или подчиняясь въ очень слабой степени) никакому контролю человѣческаго ума. „Образованіе представленій, какъ и образованіе понятій, прекрасно замѣчаетъ одинъ современный, и дѣйствительно научный (а не метафизическій, какъ Гёрингъ) психологъ, — есть процессъ чисто-органической, совершающійся внѣ сознанія; сознаніе вовсе даже о немъ ничего не знаетъ, воля не имѣетъ на него никакого контролирующаго вліянія; тѣсная органическая связь тѣхъ клѣточекъ мозга, въ которыхъ возбуждаются идеи, обуслов-

ливааетъ опредѣленную связность или, какъ говорится обыкновенно, опредѣленные асоціаціи нашихъ представленій и понятій*. Но кромѣ анатомическаго устройства нервныхъ центровъ, сочетаніе нашихъ мыслей (т. е. ощущеній въ представленія, представленій въ понятія и понятій между собою) опредѣляется личнымъ жизненнымъ опытомъ. Мысли никогда не слѣдуютъ одна за другою безъ всякаго разбора, но приобрѣтаются посредствомъ опыта... слѣдовательно, связи, которыя однѣ идеи имѣютъ съ другими въ нашемъ мозгу, должны соответствовать порядку жизненнаго опыта (Модсли, „Физиологія и патологія души“). Наконецъ, есть еще одинъ факторъ, вліяющій на характеръ сочетанія нашихъ представленій и понятій — это индивидуальныя особенности человѣческихъ мозговъ: одни люди, какъ замѣтилъ еще Пристлей (во введеніи къ гертлейевской „Теоріи человѣческаго ума“), сочетаютъ съ большею легкостью одновременно сосуществующіи представленія и чувственныя воспріятія, изъ которыхъ слагаются первыя; другіе, напротивъ, съ большею легкостью сочетаютъ послѣдовательныя воспріятія и представленія. Эта различная склонность къ сочетанію послѣдовательныхъ и сосуществующихъ представленій обуславливаетъ, по мнѣнію Модсли, два различные типа ума: одинъ умъ болѣе способенъ сочетать свои представленія въ понятія, относящіяся, если можно такъ выразиться, къ непосредственному бытію вещи, отвѣчающія на вопросъ: что есть? другой — въ понятія, относящіяся къ происхожденію вещи, отвѣчающія на вопросъ: почему есть то, что есть?

Изъ перечисленныхъ здѣсь трехъ факторовъ, опредѣляющихъ умственную, психическую жизнь каждаго человѣка, на какой-бы ступени умственнаго развитія онъ ни стоялъ, первый факторъ, извѣстное анатомическое сочетаніе мыслительныхъ клѣтокъ, по природѣ своей болѣе или менѣе одинаковъ у всѣхъ нормально-развитыхъ людей; поэтому при оцѣнкѣ индивидуальныхъ различій умовъ онъ не можетъ играть существенной роли. Послѣдній факторъ въ значительной степени обуславливается количествомъ и характеромъ явленій, окружающихъ человѣка и служащихъ источникомъ его представленій. Если на умъ человѣка дѣйствуетъ одновременно значительное количество сосуществующихъ явленій, то у него выработается привычка связывать свои представленія по сосуществованію; напротивъ, если на него дѣйствуетъ одновременно очень небольшое количество сосуществующихъ явленій и притомъ явленій постоянно повторяющихся, то представленія о нихъ будутъ формироваться въ асоціаціи по послѣдовательности. Слѣдовательно, наклонность человѣческаго ума къ образованію тѣхъ или другихъ асоціацій, представленій и понятій зависитъ глав-

нымъ образомъ отъ второго фактора, т. е. „житейскаго опыта“. Житейскій опытъ (понимая подъ этимъ выраженіемъ всю совокупность вліяній внѣшняго міра на человѣка) является, такимъ образомъ, самымъ существеннымъ и самымъ важнымъ условіемъ, опредѣляющимъ форму, характеръ и содержаніе нашей интеллектуальной жизни. Онъ даетъ намъ не только матеріалъ для умственной работы, но и тѣ формы (различные виды асоціацій, представленій и понятій), въ которыя этотъ матеріалъ укладывается въ наше умѣ.

Я полагаю, что г. Лесевичъ не станетъ оспаривать этихъ общепризнанныхъ психологическихъ положеній. А между тѣмъ они найдутся въ самомъ рѣзкомъ противорѣчій со всѣмъ, что говоритъ наш самозванный философъ (со словъ своихъ нѣмецкихъ учителей) о принципиальномъ, качественномъ различіи такъ-называемаго имъ обыденнаго мышленія отъ такъ-называемаго мышленія научнаго и о необходимости какихъ-то кризисовъ, какихъ-то переломовъ въ умственной жизни человѣка, — кризисовъ и переломовъ, не переживъ которыхъ, онъ не можетъ будто-бы возвыситься до научнаго мышленія. Нѣкто, конечно, не мѣшаетъ извѣстныя формы мышленія *) называть обыденнымъ мышленіемъ, другія формы — мышленіемъ научно-философскимъ; но утверждать, будто формы эти принципиально-различны между собою—это значитъ грѣшить не только противъ психологіи, но и противъ логики. Принципиальное различіе предполагаетъ, что въ одномъ случаѣ законы формированія нашихъ представленій и понятій одни, а въ другомъ случаѣ совершенно другіе, отличные отъ первыхъ. Тогда какъ въ дѣйствительности въ обоихъ случаяхъ они не только одинаковы, но вполне тождественны. И эта-то тождественность умственныхъ процесовъ, совершающихся въ умѣ людей, на какой-бы различной степени образованія и учености они ни стояли, и заставила сказать одного проницательнѣйшаго и остроумнѣйшаго психолога-философа конца XVIII вѣка, что между умомъ Сократа и умомъ пустой свѣтской модницы-рокетки нѣтъ въ сущности ни малѣйшей качественной разницы. Дѣйствительно, для того, чтобы доказать, что такая разница существуетъ, нужно доказать, что въ процесѣ образованія представленій и понятій философа принимаетъ участіе какой-нибудь новый, особенный факторъ, неиграющій никакой роли въ процесѣ образованія понятій и представленій свѣтской модницы, пустой и

*) Подъ формами мышленія я разумѣю привычку человѣческаго ума, — привычку, пріобрѣтенную подъ вліяніемъ „житейскаго опыта“, — связывать свои представленія и понятія въ извѣстныя, опредѣленныя сочетанія, въ извѣстныя, опредѣленныя умственные асоціаціи.

невѣжественной кокетки. Но нашли-ли вы этотъ добавочный психическій факторъ? Нѣтъ, не нашли и никогда не найдете. Вы говорили объ элементѣ сознанія, отсутствующемъ при процесѣ образованія представленій и понятій обыденнаго мышленія и будто бы присутствующемъ при образованіи понятій и представленій мышленія научнаго. Но вы сами знаете, что это неправда, и на стр. 179-й вы даже заявляете, что актъ мышленія (т. е. образованія представленій и понятій) не совершается сознательно. Вы говорили также, что отличительнымъ признакомъ обыденнаго мышленія является то обстоятельство, что оно образуетъ свои понятія „произвольно, внѣ критики“. Критика является такимъ образомъ какъ-бы демаркаціонною линіею, отдѣляющею обыденное мышленіе отъ научнаго; первое совершается безъ критики, второе съ критикою. Но что-же такое критика? Это — одинъ изъ видовъ сочетанія нашихъ ощущеній, представленій и понятій; сущность критическаго процесса состоитъ въ сравненіи представленій и понятій, въ соединеніи ихъ сходственныхъ частей, въ различеніи несходственныхъ, въ группированіи общихъ признаковъ, въ ихъ анализѣ и синтезѣ. Безъ посредства критики мы не можемъ, на какой-бы низкой ступени умственнаго развитія мы ни стояли, составлять изъ ощущеній представленія, а изъ представленій понятія. Каждое наше представленіе, каждое наше понятіе есть продуктъ нѣкотораго сравненія, различенія и объединенія, т. е. продуктъ критики. Поэтому „умъ некритическій“—это психологическая невозможность, это умъ „пустой“, умъ безъ представленій и понятій. Правда, критика не всегда бываетъ сознательною, напротивъ, въ большинствѣ случаевъ она совершается внѣ предѣловъ сознанія, но критика сознательная отличается отъ критики безсознательной не по существу, а лишь по степени. Въ обоихъ случаяхъ совершается одинъ и тотъ-же процесъ сравненія, различенія и объединенія, только въ первомъ случаѣ объектами его являются сознаваемые нами въ моментъ критики понятія и представленія, во второмъ—несознаваемые.

Слѣдовательно, если и можно различать мышленіе критическое (т. е. сознательно-критическое) отъ мышленія некритическаго (т. е. безсознательно-критическаго), то только какъ различныя степени, а отнюдь не какъ различные типы мышленія. Между обѣими степенями не лежитъ никакой пропасти; чтобы перейти съ первой на вторую, не требуется никакого экстраординарнаго перелома, никакого кризиса; развитіе нашего мозга, а слѣдовательно и нашего мышленія, есть развитіе органическое, совершающееся по опредѣленнымъ законамъ и съ опредѣленною постепенностью, а слѣдовательно исключющее (при нормальныхъ условіяхъ) вся-

кіе скачки, переломы и кризисы. Я не спору, что въ умственной жизни того или другого индивида могутъ быть и скачки, и кризисы, и переломы; но эти случаи принадлежать уже къ области душевной патологии, а не физиологіи... Справьтесь объ этомъ, г. Лесевичъ, у гг. психіатровъ. Впрочемъ, и у съумасшедшихъ даже эти умственные кризисы и переломы едва-ли имѣютъ тотъ радикальный характеръ, едва-ли отличаются тѣмъ по-истинѣ чудодѣйственнымъ свойствомъ, которое имѣютъ и которымъ отличаются, по вашимъ словамъ, кризисы и переломы у людей умственно-здоровыхъ. Мышленіе съумасшедшаго разстраивается, характеръ его измѣняется, измѣняются многія изъ его установившихся умственныхъ и нравственныхъ привычекъ, представленія и понятія составляются хотя и по тѣмъ-же законамъ, какъ и у несъумасшедшихъ, но въ нѣсколько иномъ порядкѣ, въ такомъ порядкѣ, который съ точки зрѣнія здороваго человѣка кажется безпорядкомъ; однако онъ не перескакиваетъ отъ одного типа мышленія къ другому, качественно противоположному первому, какъ это дѣлаетъ, судя по вашимъ словамъ, каждый здоровый, нормально развитый человѣкъ прежде, чѣмъ онъ вступить въ періодъ научнаго критическаго мышленія. Нѣтъ, г. Лесевичъ, еслибы дѣйствительно для того, чтобы стать научно-мыслящимъ философомъ, нужно было предварительно продѣлать такой удивительный психологическій salto mortale, то, увѣряю васъ, на свѣтѣ не было-бы ни одного философа, отчего, впрочемъ, свѣтъ не остался-бы въ большемъ убыткѣ. Существой дѣйствительно, какъ вы и ваши „нѣмецкіе учителя“ полагаютъ, принципиальное, качественное различіе въ процесѣ мышленія научнаго, критическаго и обыденнаго, некритическаго, въ такомъ случаѣ, конечно, и не могло-бы быть никакого естественнаго, послѣдовательнаго перехода отъ перваго къ послѣднему, въ такомъ случаѣ, дѣйствительно, понадобились-бы кризисы и переломы и разныя другія психологическія чудеса. Но, къ счастью, естественная исторія психическаго развитія человѣка можетъ обойтись въ настоящее время безъ всякихъ чудесъ. Правда, для поверхностнаго наблюдателя многое кажется въ ней чудомъ и онъ склоненъ нерѣдко видѣть какое-то „откровеніе“, какой-то кризисъ и переломъ тамъ, гдѣ въ сущности нѣтъ ничего, кромѣ методическаго, строго-послѣдовательнаго и постепеннаго развитія. Дѣло въ томъ, что наиважнѣйшая и наибольшая часть процесса нашего умственнаго развитія совершается внѣ нашего сознанія по мѣрѣ того, какъ расширяется и разнообразится нашъ жизненный опытъ, въ умѣ нашемъ медленно, постепенно и безсознательно образуются новыя сочетанія представленій, новыя понятія и обобщенія; иногда эти новыя сочетанія входятъ въ наше созна-

не мало-по-малу, иногда они вторгаются въ него, повидимому, совершенно внезапно; какая-нибудь случайно попавшаяся подъ руку книга, какой-нибудь обыденный фактъ, необращавшій до сихъ поръ на себя нашего вниманія, какой-нибудь незначащій разговоръ, какая-нибудь житейская сценка, вызываютъ въ нашемъ умѣ цѣлый рядъ представленій и понятій, неимѣющей ничего общаго съ нашими прежними представленіями и понятіями. Эти новыя ассоціаціи идей являются въ нашемъ сознаніи, какъ конечные выводы, какъ послѣдніе результаты безсознательной работы ума; но на поверхностнаго наблюдателя они производятъ впечатлѣніе какого-то „отравленія“. Ничтожность вызвавшего ихъ повода, ихъ противорѣчіе съ ранѣе усвоенными и давно уже ставшими достояніемъ сознанія ассоціаціями невольно наталкиваетъ его на мысль объ „умственномъ кризисѣ“, о „случайномъ скачкѣ“ и т. п. Но вы видите, что въ сущности здѣсь нѣтъ ни „случайнаго скачка“, ни „кризиса“; это не болѣе, какъ одинъ изъ моментовъ правильнаго, послѣдовательнаго умственнаго развитія, обусловленный расширеніемъ и бѣльшимъ разнообразіемъ нашего житейскаго опыта. Слѣдовательно, для того, чтобы сдѣлать изъ человѣка „обыденнаго“, некритическаго мышленія человѣка мышленія научнаго, критическаго, нужно только расширить сферу его опыта; расширить-же сферу его опыта—значить увеличить какъ число, такъ и разнообразность воспринимаемыхъ имъ представленій. Повидимому, съ этимъ согласны и г. Лесевичъ съ своими нѣмецкими учителями. По крайней мѣрѣ, г. Лесевичъ признаетъ, что „различіе міра мысли личностей образованныхъ отъ міра мысли людей первобытныхъ находится въ прямомъ соотношеніи съ численностью представленій каждаго изъ нихъ“ (стр. 38); что „большая численность представленій, находящихся въ распоряженіи мыслящаго лица, предполагаетъ и большее развитіе способности различенія у этого лица. Чѣмъ способность эта развитѣе, тѣмъ представленія опредѣленнѣе и тѣмъ вѣрнѣе могутъ они соотвѣтствовать объектамъ“ (стр. 41); чѣмъ больше у человѣка опредѣленныхъ, соотвѣтствующихъ реальному объекту представленій, тѣмъ легче они будутъ сочетаться въ его умѣ въ правильныя (т. е. опять-таки соотвѣтствующія реальнымъ свойствамъ объекта) понятія; чѣмъ больше у него вѣрныхъ понятій, непосредственно снятыхъ съ представленій, тѣмъ легче изъ нихъ будутъ формироваться дальнѣйшія, болѣе отвлеченныя обобщенія и тѣмъ въ большей гармоніи они будутъ находиться съ объективною дѣйствительностью, однимъ словомъ, тѣмъ критичнѣе, тѣмъ научнѣе будетъ мыслить человѣкъ. Наоборотъ, чѣмъ меньше, однообразнѣе представленія человѣка, тѣмъ слабѣе у него развита и способность къ различенію; чѣмъ слабѣе у него

развита способность къ различенію, тѣмъ неопредѣленнѣе, тѣмъ неправильнѣе его представленія; чѣмъ неправильнѣе его представленія, тѣмъ менѣе его понятія соотвѣтствуютъ реальности и т. д., и т. д., т. е. тѣмъ ненаучнѣе, цекритичнѣе онъ мыслить.

Отсюда, какъ кажется, самъ собою вытекаетъ слѣдующій выводъ: обыденное мышленіе не только съ чисто-формальной стороны, но и со стороны матеріальной тождественно съ мышленіемъ научнымъ и отличается отъ послѣдняго, какъ низшая ступень развитія отъ высшей, а не какъ одинъ типъ отъ другого. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли уже раньше, что процессъ образованія представленій и понятій, какъ у ученыхъ, такъ и у невѣждъ, опредѣляется одними и тѣми-же факторами, совершается по однимъ и тѣмъ-же законамъ, и притомъ почти безъ всякаго участія нашего сознанія. Теперь, со словъ-же самого Лесевича, оказывается, что и по содержанію своему мышленіе образованнаго человѣка разнится отъ мышленія человѣка необразованнаго лишь большею численностью своихъ представленій, а отнюдь не по существу. Дайте, слѣдовательно, любому „среднему“ цивилизованному человѣку возможность усвоить такое-же количество и столь-же разнообразныхъ представленій, какимъ обладаетъ, положимъ, Дарвинъ, и онъ хотя, быть можетъ, и не сдѣлаетъ тѣхъ открытій и не дойдетъ до тѣхъ обобщеній, которыя сдѣлалъ и до которыхъ дошелъ Дарвинъ (открытій и обобщеній, обусловленныхъ личными, чисто-индивидуальными качествами его мозга), но тѣмъ не менѣе онъ будетъ мыслить такъ-же научно, какъ и знаменитый англійскій естествоиспытатель. Кажется, тутъ нѣтъ никакой натяжки, и разъ вы согласны съ установленными выше послылками, вы должны признать и это заключеніе. Но у г. Лесевича или у его „научной философіи“ своя особенная логика; на стр. 38 онъ говоритъ: „разумъ человѣка несомнѣнно растетъ пропорціонально численности представленій“, а на стр. 18 мы читаемъ: „хаосъ обыденнаго мышленія всегда возрастаетъ вмѣстѣ съ возрастаніемъ единичнаго, личнаго опыта“. т. е. чѣмъ болѣе увеличивается число представленій человѣка обыденнаго мышленія, тѣмъ глупѣе и бессмысленнѣе онъ становится *). Если-бы г. Лесевичъ ясно усвоилъ себѣ мысль, высказан-

*) Въ подтвержденіе этой мысли авторъ приводитъ слѣдующій весьма неудачный и совсѣмъ неидущій къ дѣлу примѣръ. „Возьмите, на примѣръ, говоритъ онъ,—хоть опытъ воина, продѣлывающаго кампанію съ какимъ-нибудь искуснымъ полководцемъ. Становится-ли онъ въ силу одного этого опыта знатокомъ стратегіи и тактикъ?“ Теоретическимъ знатокомъ, конечно, нѣтъ, такъ-какъ въ предѣлахъ солдатскаго опыта не входятъ тѣ представленія, безъ усвоенія которыхъ нельзя себѣ составить правильныхъ теоретическихъ понятій о тактикѣ и стратегіи. Но безъ сомнѣнія, его опытъ дастъ ему нѣкоторыя чисто-практическія свѣдѣнія о

ную имъ на 38 стр., если-бы онъ дѣйствительно признавалъ, что между научнымъ и обыденнымъ мышленіемъ не существуетъ никакого качественного различія, никакой принципиальной противоположности, что все отличие перваго отъ послѣдняго сводится лишь къ количеству и разнородности воспринимаемыхъ человѣкомъ представленій, иначе, къ широтѣ и разнообразію человѣческаго „опыта“,—онъ не могъ-бы этого сказать. Онъ сказалъ-бы тогда: „человѣкъ, живущій однимъ лишь „единичнымъ, личнымъ опытомъ“, тѣмъ опытомъ, о которомъ поэтъ сказалъ: „будь онъ проклятъ, растлѣвающій, пошлый опытъ — умъ глупцовъ“,—такой человѣкъ никогда не можетъ составить себѣ правильныхъ понятій объ объектахъ своего опыта, такъ-какъ послѣдній даетъ ему слишкомъ ограниченное число слишкомъ однородныхъ и одностороннихъ представленій“. Противъ этого никто, конечно, ничего не возразилъ-бы; это былъ-бы простой, логическій выводъ изъ той уже признанной посылки, что „разумъ человѣка растетъ пропорціонально численности представленій“. Но г. Лесевичъ, совершенно въ духѣ своей научной философіи, не хочетъ быть ни яснымъ, ни логичнымъ. Съ одной стороны, онъ какъ-будто признаетъ, что одни только численность и разнообразіе представленій опредѣляютъ степень умственного развитія челсвѣка. Но, съ другой стороны, не желая, очевидно, собственными руками разрушить самимъ-же имъ воздвигнутую китайскую стѣну между обыденнымъ и научнымъ мышленіями, онъ утверждаетъ, что какъ-бы ни было велико количество представленій обыденнаго мышленія, все-таки оно не станетъ отъ этого научнымъ. Однако количества представленій недостаточно, нужно еще, говоритъ г. Лесевичъ, чтобы человѣкъ обладалъ способностью „ясно и отчетливо различать ихъ другъ отъ друга“. Но отъ чего-же, въ свою очередь, зависитъ эта способность различенія? Оттого-ли человѣкъ можетъ воспринимать большое количество разнообразныхъ представленій, что онъ обладаетъ способностью различенія, или, наоборотъ, оттого-ли онъ обладаетъ способностью различенія, что онъ воспринимаетъ большое количество разнообразныхъ впечатлѣній? Отвѣтите, г. Лесевичъ, прямо на этотъ вопросъ. Впрочемъ, какъ-бы вы на него ни отвѣтили, вамъ все-таки не удастся выбраться изъ противорѣчій ва-

нѣкоторыхъ тактическихъ и стратегическихъ правилахъ и приѣмахъ. Потому-то солдатъ „продѣлавшій нѣсколько кампаній, да еще съ искуснымъ полководцемъ“. всегда считается (и считается вполне справедливо) болѣе опытнымъ по части тактикъ и стратегій, чѣмъ солдатъ-новичекъ. Неужели-же г. Лесевичъ этого не знаетъ? Неужели онъ не знаетъ, что изъ такихъ опытныхъ солдатъ, единственно благодаря только ихъ практическому опыту, нерѣдко выходили „искусные полководцы“? Какой-же смыслъ имѣетъ его примѣръ?

шей „научной философіи“. Въ самомъ дѣлѣ: если наше умѣнье „ясно и отчетливо различать представленія“ всецѣло опредѣляется количествомъ и разнообразіемъ послѣднихъ, въ такомъ случаѣ для перехода нашего мышленія изъ фазиса обыденнаго мышленія въ фазисъ научнаго нужно только постепенно увеличивать число нашихъ представленій о явленіяхъ обыденнаго міра; ни о какихъ кризисахъ и переломахъ тутъ и рѣчи не можетъ быть. Наоборотъ, если количество воспринимаемыхъ нами представленій обуславливается нашею способностью къ различенію, въ такомъ случаѣ способность къ различенію (а не количество представленій) является характеристическою чертою, отличающею мышленіе научное отъ мышленія обыденнаго. Не одаренъ человѣкъ „способностью къ различенію“—онъ вѣчно будетъ мыслить „обыденно“, ненаучно; одаренъ онъ этою способностью—его мышленіе всегда будетъ „мышленіемъ научнымъ“. А такъ-какъ эта способность не зависитъ ни отъ количества, ни отъ разнообразія получаемыхъ нами представленій, то, очевидно, у кого ея нѣтъ, у того она и не можетъ развиться, т. е. человѣкъ „обыденнаго мышленія“ никогда не можетъ сдѣлаться человѣкомъ „научнаго мышленія“, несмотря ни на какіе умственные кризисы и переломы. Никакой кризисъ не дастъ человѣку способности, которой онъ не имѣетъ и которая не зависитъ отъ получаемыхъ человѣкомъ представленій. Кажется, это очевидно?

Итакъ, первый вопросъ, который г. Лесевичъ взялся разрѣшить „своимъ молодымъ друзьямъ“ съ точки зрѣнія своей „научной философіи“, оказался не подъ силу этой философіи. Желая во что-бы то ни стало поставить „обыденное мышленіе“ на благородную дистанцію отъ „мышленія научнаго“, она запуталась въ самопротиворѣчіяхъ и договорилась до какихъ-то врожденныхъ, отъ опыта (т. е. отъ количества и разнообразія представленій) независящихъ способностей.

Но пойдѣмъ дальше: это только бутончики, сейчасъ мы дойдемъ и до цвѣточковъ.

П. Никитинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ПРОШЕДШЕЕ СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ.

(Окончаніе.)

IV.

„Собирание русской земли“ и постройка московскаго государства, продолжавшіяся втеченіи столѣтій, потребовали для достиженія своей цѣли всѣ хозяйственныя силы русскаго народа, всю наличность его экономическихъ средствъ. Послѣ такихъ московскихъ погромовъ, какъ погромъ Новгорода, цѣлыя области дѣлались пустырями и, вдобавокъ къ этому, вновь слагавшееся большое московское государство по необходимости втягивалось въ частыя и продолжительныя войны, бѣдствія которыхъ ложились новымъ бременемъ на вновь присоединенныя земли. Особенно страдалъ Новгородъ: въ 1448 г. нашествіе шведовъ и нѣмцевъ, вслѣдъ затѣмъ — Василя Темнаго, ужасное и опустошительное нашествіе москвичей 1471 г., присоединеніе къ Москвѣ въ 1478 г., сопровождавшееся еще большимъ опустошеніемъ; въ 1555 г. война со шведами, съ 1558 г. опустошительная ливонская война, во время которой московскія войска разорили новгородскій край; въ 1569 г. Иванъ Грозный опустошилъ всю дорогу отъ Москвы до Новгорода, подвергая жителей невѣроятнымъ мученіямъ; въ 1590—1591 г. война со шведами, въ 1611 г. нашествіе шведовъ и затѣмъ ужасы смутнаго времени. Разоряя страну, войны отвлекали отъ производительнаго труда множество народа. Въ первой литовской войнѣ въ 1535 г. участвовало до 150,000, подъ Старицей въ войну съ Баторіемъ было собрано 300,000; кромѣ того, по украинской линіи, по Окѣ и по другимъ рѣкамъ каждое лѣто стояли полки, такъ-что, по вычисленію Бѣляева, при Грозномъ было около 1,000,000 разнаго войска и въ томъ числѣ до 500,000 служилыхъ

людей получали на свое содержаніе помѣстья, раздача которыхъ страшно усилилась съ утвержденіемъ московскаго единовластія. На содержаніе остальныхъ 500,000, неполучавшихъ земель, и на пособіе помѣщикамъ въ военное время нужны были громадныя деньги; напр., въ 1563 г. для полоцкаго похода самому послѣднему разряду войскъ, посохѣ, дано 180,000 р., а всей этой посохи было 80,000 чел. На удовлетвореніе всѣхъ подобныхъ расходовъ шла земля, ставшая теперь вся „государевою“. Нужны были служилые люди — раздавались помѣстья; нужны были деньги — земли массами отдавались на оброкъ. Послѣ покоренія Новгорода великій князь въ вотской пятинѣ около $\frac{1}{4}$ всѣхъ земель перевелъ на оброкъ, около $\frac{1}{3}$ роздалъ своимъ служилымъ людямъ, а остальные оставилъ монастырямъ и новгородскимъ земцамъ; то-же было въ Твери, Псковѣ, Казани, Смоленскѣ и т. д. Принимая мѣры, чтобы по возможности ограничить увеличеніе монастырскихъ имуществъ и раздавая массу помѣстій служилымъ людямъ, великіе князья приобретали множество земель въ свою пользу покупкою, просто отбираниемъ, какъ въ Новгородѣ, и т. д. Потому изъ этихъ „дворцовыхъ“ земель они тоже жаловали и награждали служилыхъ людей. Эти раздачи были такъ значительны, что въ XVI в. „черныя“ волости почти вовсе исчезли въ новгородскомъ и тверскомъ краяхъ и въ центральныхъ уѣздахъ — московскомъ, коломенскомъ, звенигородскомъ; только сѣверныя и сѣверо-восточныя окраины, благодаря завоеваніямъ на югѣ, манившимъ къ себѣ помѣщиковъ, избавились отъ этой раздачи черныхъ земель.

Вслѣдъ за военными погромами и раздачею земель слѣдовало быстрое и сильное возрастаніе налоговъ и повинностей. Подати въ московскомъ государствѣ состояли изъ земельной „посошной“ дани князю, которой подлежали всѣ земли, и поголовной подати, налагавшейся въ исключительныхъ случаяхъ. Какъ сильно возрастала посошная дань, можно судить по тому, на примѣръ, что въ тверскомъ уѣздѣ крестьяне дворцовыхъ волостей въ началѣ XVI в. съ 1,300 четвертей платили столько-же, сколько въ концѣ столѣтія съ 400 четвертей. Тяжесть этихъ платежей увеличивалась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что вмѣсто прежней платы натурою постепенно входила въ правило плата деньгами, которыхъ въ государствѣ было крайне мало. Еще болѣе обременительны были повинности, особенно ямская и ратная. Первая состояла въ дачѣ поводовъ, квартиръ и содержанія всевозможнымъ служилымъ людямъ и иностраннымъ посланникамъ. Въ 1555 г. были посланы къ нѣмецкой границѣ 1,500 татаръ, кромѣ стрѣльцовъ и казаковъ съ 1,400 лошадей, кромѣ стрѣльцевъ и казацкихъ, и имъ велѣно было давать каждый день на 10 человекъ по барану

крупъ и соли на 1 деньгу, а лошадямъ на 10 по 2 четверика овса и по острамку сѣна. При этомъ тяжесть повинности увеличивалась еще ничѣмъ неограниченнымъ произволомъ проѣзжающихъ. Въ концѣ XVI в. крестьянъ заставили выстроить станціи (ямы), поселили на нихъ ямщиковъ и самую повинность превратили въ денежную. При неимѣннѣи постоянного войска, правильныхъ наборовъ не было, но по мѣрѣ надобности брали по 1 человекъ съ 2, 3, 5, 20 дворовъ; наборы эти производились крайне неравномѣрно, съ одной мѣстности брали больше, съ другой меньше, съ одной ничего не брали, съ другой брали по нѣскольку разъ въ годъ. Кромѣ поставки людей, населеніе должно было давать деньги на оружіе и выкупъ плѣнныхъ, готовить порохъ, дѣлать засѣки при вторженіи непріятеля и т. д. На крестьянахъ лежало еще множество повинностей относительно мѣстнаго города, „городовое дѣло“—постройка валовъ и стѣнъ, возка известки и камня, постройка и ремонтъ мостовъ, тюремъ и засѣкъ. Всѣ торговыя сношенія были обложены разнообразными пошлинами: тамга, вѣсчее, носовое (съ судовъ), помѣръ, конторное (съ соли), припускъ (къ вѣсамъ), оброкъ съ горновъ, кузницъ и т. д.; плата за перевозки, за проѣздъ по мосту и т. д. Множество угодій, взятыхъ великими князьями, солянныя варницы, рыбныя и звѣриныя ловли отдавались на оброкъ и, такимъ образомъ, былъ созданъ еще рядъ косвенныхъ налоговъ. Наконецъ, населеніе должно было содержать цѣлую армію чиновниковъ, намѣстниковъ, волостелей, тиуновъ, которые „кормились“ поборами и судебными пошлинами съ жителей, обязанныхъ строить имъ дома, давать подводы, платить при продажѣ лошади, при выдачѣ замужъ дочери и т. д. Но все это бремя податей и повинностей было еще ничто сравнительно съ всеобщими злоупотребленіями служилыхъ людей, о которыхъ такъ подробно и постоянно говорятъ историческіе акты. Крестьяне бросали свои жилища, „брели врознь“, болѣе и болѣе росъ классъ „гулящихъ людей“, страна пустѣла. Особенно поразительна картина этого опустѣнія въ новгородской области, которая въ концѣ XVI вѣка была усѣяна брошенными и разрушенными селами, деревнями, починками. Въ деревской пятинѣ было 967 опустѣвшихъ деревень и только 123 жилыхъ. Жители Шенкурска и Вельска жаловались, что у нихъ „многія деревни опустѣли“. Въ черной волости обонежской пятины было 24 деревни жилыхъ и 13 пустыхъ; въ андомской волости—158 жилыхъ, 7 деревень пустыхъ и 81 пустошь, „что были прежде деревни“; въ никольскомъ погостѣ—130 деревень „въ живущемъ“ и 59 пустыхъ или разрушенныхъ; въ мегорскомъ погостѣ 167 деревень и починковъ жилыхъ и 93 пустыхъ и т. д. Торговля пала. Въ началѣ XVI вѣка по р. Мстѣ было 32 торго-

вухъ поселенія (ряда) съ 736 дворами, а въ концѣ столѣтія только 16 съ 172 дворами. Благосостояніе уцѣлѣвшихъ деревень значительно понизилось; въ вотской десятинѣ, напримѣръ, въ началѣ столѣтія крестьянинъ запахивалъ десятинѣ по 5 въ полѣ, а въ концѣ десятины $1\frac{1}{2}$, даже $\frac{1}{2}$ дес. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне вовсе не пахали, не торговали, а „кормились пихтою да звѣремъ“. Не лучше было и въ центральныхъ уѣздахъ. Въ васильцевскомъ стану московскаго уѣзда на 46 жилыхъ селеній было 158 пустыхъ; въ кашелевомъ стану 1 живая деревня и 44 пустыхъ; въ коломенскомъ уѣздѣ пустыхъ или даже совершенно разрушенныхъ поселеній было 727; немногимъ лучше было въ уѣздахъ вяземскомъ и тульскомъ.

На причины этого запустѣнія прямо указываютъ акты. Иванъ Грозный говоритъ, что въ Шенкурскѣ и Вельскѣ „многія деревни запустѣли отъ прежнихъ нашихъ важскихъ намѣстниковъ, и отъ тиуновъ, и отъ доводчиковъ, и отъ лихихъ людей, и отъ татей, и отъ разбойниковъ, и крестьяне отъ того насильства и продажъ и тяжбъ разорились“. Крестьяне вотской пятины на вопросы „выборной излюбленной головы“ и выборныхъ цѣловальниковъ отвѣчали, что множество деревень и дворовъ запустѣло „отъ государевыхъ податей и отъ подводъ и отъ опричнаго правезу“. Само правительство на соборѣ 1534 г. сознавалось, что главною причиною зла служатъ „дани и разметы“. Крестьяне, сидѣвшіе на владѣльческихъ земляхъ, страдали еще отъ притѣсненій владѣльцевъ и приказчиковъ, бравшихъ оброкъ и пошлыны не по граматамъ и не по окладу, требовавшихъ исполненія лишнихъ повинностей и т. д.

Народъ бѣжалъ на Волгу, Донъ, въ Сибирь, за границу, бродилъ по странѣ во всѣхъ направленіяхъ, нищенствовалъ, грабилъ и разбойничалъ. Число обезземеленныхъ страшно возростало. Это были бобыли и казаки, работавшіе на крестьянъ и помѣщиковъ въ качествѣ пастуховъ, дровосѣковъ, водоливовъ и т. д. Въ деревской пятинѣ въ концѣ XV в. почти вовсе не упоминается о подворникахъ и захребетникахъ, но въ концѣ XVI в. мы уже видимъ здѣсь на 505 дворовъ крестьянскихъ 77 бобыльскихъ; въ вотской пятинѣ 800 дворовъ крестьянскихъ и 74 бобыльскихъ; въ одномъ стану московскаго уѣзда на 94 крестьянскихъ двора было 29 бобыльскихъ, въ вотчинахъ троицко-сергіевского монастыря, въ уѣздахъ—рузскомъ на 60 крестьянскихъ дворовъ было 5 бобыльскихъ, въ дмитровскомъ на 417 крест. 40 боб., во владимірскомъ на 433 кр. 53 боб. и т. д.

Разоренный войнами, истощенный налогами народъ по необходимости искалъ помощи у зажиточныхъ землевладѣльцевъ и

самъ шелъ въ зависимость къ нимъ. Нищета до такой степени усилила продажу рабовъ, что при Иванѣ III рабъ стоилъ 1 руб., столько-же, сколько стоила лошадь, а при Иванѣ IV—3 р. (Хлѣбниковъ, О вліяніи общ. на орган. гос., 66). Холоповъ, впрочемъ, было немного и по своей численности они, какъ предположительно вычисляеть Бѣляевъ, относились къ свободнымъ крестьянамъ, какъ 1:300; за то, по мѣрѣ того, какъ масса лишалась своихъ земель и добровольно бросала ихъ вслѣдствіе тяжести лежавшихъ на нихъ налоговъ, страшно возросталъ классъ земледѣльцевъ, обращавшихся за ссудою или землею къ помѣщикамъ. Въ сущности тогда происходилъ тотъ-же процессъ, какой вновь повторяется на нашихъ глазахъ, когда разоренный мужикъ попадаетъ въ кабалу къ землевладѣльцу, но въ XVI и даже въ XVII в. кабала далеко еще не имѣла ужасающаго характера позднѣйшаго времени. Каждый помѣщикъ, нуждаясь въ крестьянахъ, старался привлекать ихъ на свои земли разными льготами. Законъ вовсе не прикрѣплялъ ихъ къ землѣ, и они свободно могли переходить къ другому помѣщику, въ однѣхъ областяхъ о Юрьевѣ днѣ, въ другихъ о Филиповѣ заговѣннѣ, но въ дѣйствительности изъ помѣщичьи оупутывали долгами, процентами, неустойками, и масса этихъ арендаторовъ имѣла возможность не *перейти*, а только *бѣжать* на другія земли. Повинности были чрезвычайно разнообразны. Въ XVI в. еще держалось половничество и половники платили землевладѣльцу $\frac{1}{5}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{3}$, рѣдко $\frac{1}{2}$ урожая. Въ центральныхъ уѣздахъ преобладалъ оброкъ, платившійся частью хлѣбомъ, частью деньгами. Кромѣ оброка въ XVI в. начала входить въ обыкновеніе барщина, въ большинствѣ случаевъ не очень обременительная. Такъ, напримѣръ, въ дмитровскомъ уѣздѣ, въ имѣніи Троицкаго монастыря, крестьяне за свои 5 десятины въ полѣ пашни, за сѣнокосы и лѣсъ, пахали въ пользу помѣщика въ одномъ случаѣ $1\frac{1}{2}$ дес., въ другомъ тоже $1\frac{1}{2}$ дес., но платили еще по 5 алтынъ безъ 2 денегъ, по четв. хлѣба, по овчинѣ и по десятку льна. Это было, по крайней мѣрѣ, вчетверо легче нынѣшняго, когда, напримѣръ, въ рязанской губ. за 1 дес. крестьянинъ обрабатываетъ въ пользу помѣщика 1 же дес. Впрочемъ, размѣры упомянутой барщины изъ самыхъ легкихъ и къ концу XVI в. она становится обременительной. Такъ, наприм., по уставной грамотѣ Новинскаго монастыря крестьяне были обязаны за каждую выть (5 дес.) пахать на монастырь по $1\frac{1}{2}$ дес., возить навозъ на монастырскую пашню, косить сѣно, „сколько въ которомъ селѣ“ было, и свозить на монастырскій дворъ. Затѣмъ молотить по 2 четверти ржи, возить по 3 воза дровъ, по бревну трехсаженнаго лѣса на кельи, или, если игумень не велитъ возить дрова, то вносить за каждый

возъ по алтыну. Для вырубкн дровъ назначается 3 дня въ году; нарубленные въ это время дрова должны быть свезены впро-долженіи зимы. На крестьянахъ лежитъ также постройка хо-ромъ и дворовъ монастырскихъ и мельницы, въ случаѣ, если игу-мень съ братьею вздумаютъ построить такую. Въ случаѣ ослушанія приказчику предоставляется брать съ ослушника гривну въ монастырскую казну и отсылать его на работу. Сверхъ перечи-сленныхъ работъ въ имѣніи (въ дмитровскомъ уѣздѣ) этого мона-стыря съ крестьянъ взиmались различные мелкіе поборы, 3 раза въ году, на Пасху, Петровъ день и Рождество, по 20 яиць, да въ Рождество по 2 гривенки масла съ выти, по сыру, по овчинѣ и взаимнѣ ея по алтыну. Приденіе льна и шерсти на сукно также входило въ число ихъ повинностей. Въ дальнихъ селахъ съ де-ревнями пахали изгономъ по 15 дес. и давали оброку съ выти по четверти ржи, по 2 четверти овса да по овчинѣ; на Рождество Христово по 30 яиць, по сыру и по 2 гривенки масла. Кромя того крестьяне обязаны поставитъ 7 подводъ, въ случаѣ, если пра-казчикъ поѣдетъ на Бѣлоозеро купить рыбы или соли на заготовъ и двѣ подводы подъ соль и рыбу въ Москву. Независимо отъ оброка и барщины, крестьяне должны были содержать помѣщи-чьихъ приказчиковъ и управителей, — ключниковъ, тиуновъ и т. д. Въ одномъ помѣстьѣ новгородской области, напримѣръ, ключникъ съ 2½ десятинъ получалъ одну деньгу, четку ржи, четку овса, 2 сыра, овчину, баранью лопатку, ковригу, горсть льна. Въ дру-гомъ имѣніи съ каждыхъ 5 дес. при сѣнокосахъ, дававшихъ 30 копенъ, ключнику шло 2 хлѣба, 2 бараньихъ лопатки, 4 сыра, 2 овчины, 2 горсти льна. Вообще, условія жизни крестьянина въ XVI в. были не очень обременительны. „Сравнивая ихъ, говоритъ г. Соколовскій,—съ условіями слѣдующихъ періодовъ русской исто-ри, не исключая даже настоящаго, приходится сказать, что они не были обременительны. Участокъ cadaго земледѣльца состоитъ изъ достаточнаго количества пахатной земли, луга, лѣса, такъ-что въ соединеніи съ правомъ на угоды онъ имѣлъ всѣ сред-ства къ удовлетворенію насущныхъ потребностей хозяйства. Ору-дія производства давались ему безвозмездно. За пользованіе сво-имъ участкомъ онъ платилъ землевладѣльцу, все равно, былъ-ли онъ половникомъ, оброчникомъ или барщинникомъ, 4 и 5-ю часть своего продукта. И, что весьма важно, землевладѣлецъ не могъ увеличить своихъ требованій, такъ-какъ крестьяне всегда имѣли право выселиться съ его земли. И, дѣйствительно, всякій разъ, когда условія измѣнялись къ худшему, крестьяне прибѣгали къ этому средству, оставляя требовательнаго землевладѣльца съ пу-стой землей“.

Но сравнительно съ предшествовавшей эпохой крестьянамъ стало тяжелѣе и въ строѣ ихъ жизни въ продолженіи XVI и XV вв. произошли нѣкоторыя существенныя перемѣны. При запускѣ земель и разбродѣ народонаселенія, общины, обязанныя круговой порукой платить за землю, неизбежно сокращали свои пашни и сѣнокосы. Вслѣдствіе-же усиленной административной централизаціи, а главное, вслѣдствіе раздачи земель помѣщикамъ, причѣмъ территоріи волостей и деревень дѣлились между нѣсколькими лицами, волостныя общины окончательно пали, хотя обломки ихъ по мѣстамъ сохранились до позднѣйшаго времени. Нѣкоторые изъ разрушенныхъ такимъ образомъ волостныхъ общинныхъ союзовъ удержали въ общемъ пользованіи покосы, большая-же часть — пастбища, лѣса, рыбныя ловли и т. д. Вообще, несмотря на всѣ неблагоприятныя обстоятельства, общинныя учрежденія держались прочно и съ разрушеніемъ волостей нисколько не пошатнулись основы входившихъ въ составъ ихъ сельскихъ общинъ. Каждое село, деревня, даже починокъ, состоящій изъ двухъ-трехъ дворовъ, составляли общину, которая не только сообщала владѣла, но и сообщала пользовалась землей. Слѣды этого общаго пользованія мы видимъ, наприм., въ томъ, что тогда повсюду пашни разныхъ деревень соединялись („припушались“) въ одно общее поле. Акты также говорятъ объ общей обработкѣ части земель, напр., „дер. Сысоево, а въ ней крестьянъ 16 дворовъ, а людей въ нихъ тожь“. Изъ этихъ дворовъ 11 на трети выты, 3 на полтрети и 2 на полвыты; „да они-жь пашутъ *сотча* полвыты“. На повсемѣстное существованіе общиннаго землевладѣнія указываютъ также одинаковыя размѣры подворныхъ участковъ по писцовымъ книгамъ и даже прямыя указанія актовъ. Напр., въ ужинскомъ погостѣ, шелонской пятинѣ, каждый дворъ въ 1500—1501 г. пахалъ равную съ другими полосу въ пахатной землѣ и скашивалъ равную-же полосу въ лугахъ. Въ селѣ Едимоновѣ крестьянамъ вѣдно было „верстаться межъ себя самимъ полосами на всякую выть поровну“. Въ нѣкоторыхъ актахъ говорится о передѣлахъ земель (Очеркъ исторіи сельской общины, стр. 82 и 93). По смыслу этихъ актовъ, передѣлъ земли былъ явленіемъ обмененнымъ. Напр., въ одной грамотѣ 1642 года, посланной въ бѣлевскій уѣздъ, въ верхоруцкую волость, въ отвѣтъ на челобитье безсемейныхъ крестьянъ, расчистившихъ пашню въ бортномъ лѣсу и недававшихъ имъ „того бортнаго лѣсу“, между прочимъ, говорится: „и тѣхъ деревень крестьяне въ той верхоруцкой волости въ селахъ и въ деревняхъ крестьянскую старую полевою и расчистную пахатную землю для верстанья смечали, и тое земли крестьяне для своего верстанья сами межъ себя мѣрили въ двухъ поляхъ, а въ третьемъ

полѣ не мѣрили, потому что была къ новому году рожь сѣяна; и по ихъ мѣрѣ старыя новыя расчистныя земли, пашни объявилось за ними сверхъ живущихъ вытей въ дву поляхъ много. И межъ себя тое земли верстать и дѣлить противъ вытей не стали, отерчили межъ себя сами, какъ послѣ ржаного жнитва въ третьемъ полѣ измѣряютъ". Передѣлъ земель сдѣлался, понятно, необходимымъ по мѣрѣ возрастанія населенія и „утѣсненія“ въ землѣ, во гдѣ ея было много, тамъ община, давъ своему члену извѣстный участокъ, предоставляла ему право бросить его и взять другой, какой угодно, изъ пустыхъ земель. Общинникъ могъ передавать и продавать свое право на участокъ въ общинной землѣ, но вытѣ съ тѣмъ на лицо, получавшее этотъ участокъ, переходили всѣ обязанности и повинности члена общины. При этомъ передавался не опредѣленный участокъ, а только право на неизвѣстный участокъ, какой доведется при передѣлѣ, какъ это вполне выясняетъ случай, приводимый Бѣляевымъ: владѣлецъ лавки продаетъ свой участокъ въ общинной землѣ, но покупатель получаетъ не опредѣленную долю ея, а неизвѣстную, какая получится при общемъ раздѣлѣ, когда и ему дадутъ столько-же земли, „какъ инымъ лавкамъ доведется“. Община всегда могла отобрать у своего члена его участокъ и дать ему взамѣнъ другой. Въ передѣлѣ поступавъ только пашня, вся-же остальная земля, неспособная для обработки или обработка которой была не нужна пока, луга, пастбища, лѣса, озера, рѣки и т. д. находились въ общемъ пользованіи. Община развивалась не только на семейной почвѣ, путемъ размноженія, но и посредствомъ „принуса“ постороннихъ лицъ и въ формѣ артели компаньоновъ (сябровъ), покупавшихъ на складчину землю и передѣлявшихъ ее между собою или-же артельно арендовавшихъ землю у помѣщика и обрабатывавшихъ ее. Артельное владѣніе и пользованіе въ XVI и слѣдующихъ вѣкахъ мы видимъ также во всѣхъ промыслахъ. Въ Неноксѣ, Унѣ и владыченскомъ уолѣ (онежск. уѣзд.), напримѣръ, артели (сябры) владѣли соляными варницами, работы на которыхъ производились „по общему совѣту всѣхъ сябровъ“. Подобныя-же артели составлялись для битья моржей, ловли кречетовъ, доставлявшихся къ царскому двору, „для птичаго, куроптинаго и рябоваго промысла“, для рыболовства и т. д. Съ расширеніемъ-же частнаго землевладѣнія, владѣльцы, монастыри, архіерейскіе дома и т. д. стали являться предпринимателями, давая отъ себя орудія производства, а рабочіе вносили въ артель только свой трудъ, служили по найму (наймиты) или изъ доли (третвики).

Московское государство ввело въ свои законы вѣковѣчные обычаи сельской общины и судебники 1497 и 1550 гг. вполне утвер-

дили права общиннаго самоуправления. По судебнику, намѣстники, волостели и всѣ другіе правители, назначаемые государемъ въ города и волости, не могли судить безъ дворскаго, старосты и лучшихъ людей общины: „а боярамъ и дѣтямъ боярскимъ, за которыми кормленье съ судомъ боярскимъ, и имъ судити, а на судѣ у нихъ быти дворскому и старостѣ и лучшимъ людямъ“. Здѣсь законъ подтверждаетъ и формулируетъ древній обычай, что судѣ не могъ быть безъ судныхъ людей, выборныхъ отъ общины. Кромѣ того, каждая община или волость, чья-бы она ни была, по судебнику должна была имѣть не только своихъ выборныхъ людей и старостъ на судѣ, но и своего земскаго дьяка, который писалъ на судѣ дѣла своихъ волостныхъ людей. „А случится кому изъ тѣхъ волостныхъ людей передъ намѣстникомъ или передъ волостелемъ или передъ ихъ тѣны искати или отвѣчати, и въ судѣ быти у намѣстниковъ или волостелей и у ихъ тѣновъ тѣхъ волостей старостамъ и цѣловальникамъ, изъ которыхъ волости кто ищетъ или отвѣчаетъ; а судныя дѣла писати земскому дьяку тое-жь волости“. Власти ни по суду, ни до суда не могли взять крестьянина безъ согласія общинныхъ властей, старостъ и цѣловальниковъ. Въ этомъ отношеніи, какъ почти во всѣхъ другихъ, „Судебникъ“ только узаконялъ старыя права общины и еще до него въ жалованной грамотѣ чухломскому монастырю великій князь писалъ: „А воли изъ Галича намѣстничи недѣльщики пріѣдутъ убитыя головы осматривати, и они осматриваютъ съ старостою волостнымъ, да съ нимъ лучшихъ людей человекъ десять; а по волости намѣстничимъ недѣльщикамъ самимъ не ѣздити, а безъ старосты и лучшихъ людей недѣльщику убитыя головы не осматривати, и на поруки крестьянъ не давати“. „Судебникъ“ 1497 г. требовалъ, чтобы на судѣ княжескихъ намѣстниковъ непременно участвовали старосты и лучшие люди отъ общинъ или волостей, а „Судебникъ“ 1550 г. обязывалъ общины непременно выбирать этихъ представителей и приводить ихъ къ присягѣ, отъ которой они получили названіе цѣловальниковъ. На судѣ помѣщиковъ тоже участвовали эти выборные, безъ которыхъ владѣлецъ не имѣлъ права судить, какъ свидѣтельствуя уставныя грамоты Соловецкаго монастыря крестьянамъ села Пузырева, данная въ 1561 г., и патріарха Іова Новинскому монастырю, данная въ 1590 г., изъ коихъ въ первой сказано: „судити приказчику, а съ нимъ быти въ судѣ священнику да крестьянамъ пятьми или шести добрымъ и среднимъ“. „А взыщеть крестьянинъ на крестьянинѣ передъ игуменомъ и передъ соборными старцы, или передъ приказникомъ, и у игумена, и у соборныхъ старцевъ сидѣти въ судѣ сельскимъ лучшимъ людямъ, тремъ или четверемъ человекомъ, кого согчана

излюбить“. Мало этого: посланные отъ землевладѣльцевъ и ихъ судей не могли взять крестьянина къ суду, не заявивши о томъ общинѣ и ея выборнымъ. Нѣкоторыя общины просили у правительства права судиться самимъ, безъ участія помѣщиковъ, даже въ уголовныхъ дѣлахъ, и получали это право. Такъ, въ губной граматѣ, данной Троицкому монастырю въ 1586 г., сказано, что царь Федоръ Ивановичъ, согласно съ прежнею грамотою царя Ивана Васильевича, пожаловалъ всѣмъ крестьянамъ троицкихъ селъ и деревень „выбрати у себя приказчиковъ, и старость, и цѣловальниковъ, и сотскихъ, и пятидесятскихъ, и десятскихъ, и имъ-же учинити въ тѣхъ селѣхъ у себя приказчиковъ, губныхъ цѣловальниковъ и дьяковъ; а въ которыхъ селѣхъ, или въ деревняхъ, для разбойныхъ и татинныхъ дѣлъ учинять приказчиковъ и губныхъ цѣловальниковъ, и имъ въ тѣхъ селѣхъ или деревняхъ на разбойниковъ и на татей тюрьмы подѣлати и сторожей къ тюрьмамъ избрати... И тѣмъ приказникомъ и цѣловальникомъ въ своихъ монастырскихъ селѣхъ и въ деревняхъ лихихъ людей, влдетей, и разбойниковъ, сыскивати, и имати, и съ истцы судити, и истцамъ и въ ихъ искѣхъ управу, а татемъ, и разбойникамъ, и оговорнымъ людямъ указъ чинити по наказу... А доискивая лихихъ людей и разбойниковъ, казнити смертію“. Эти выборные судьи до такой степени зависѣли отъ общины, что она даже могла казнить ихъ смертію, какъ, напр., свидѣтельствуется объ этомъ судная грамота крестьянамъ вохинской области: „А учнутъ излюбленные судьи судити не прямо, по посуломъ, а доведуть на нихъ то, и излюбленныхъ судей казнити смертною казнью, а животы ихъ велѣти имати да отдавати тѣмъ людямъ, кто на нихъ доведеть. А въ судѣ и у записки и у всякихъ дѣлъ у губныхъ и у излюбленныхъ судей сидѣти волостнымъ лучшимъ крестьянамъ“. То-же повторяется въ уставныхъ грамотахъ 1555 года двинскихъ перелаславскимъ рыболовамъ и крестьянамъ усецкихъ и зецкихъ волостей. Въ двинской-же уставной грамотѣ 1557 г. судъ и казнь несправедливыхъ излюбленныхъ судей царь предоставляет себѣ, но за то дозволяетъ общинѣ перемѣнять судей: „А учнутъ выборные судьи сами крестьянамъ, кому-нибудь, сили и обиды и продажи безлѣпичныя чинити и посулы и поминки на крестьянѣхъ имати, и имъ въ томъ отъ меня царя в. к. быти казненнымъ смертною казнью... И будетъ колмогорцы посадскіе люди и волостные крестьяне похотятъ выборныхъ своихъ судей перемѣнити, и колмогорцамъ посадскимъ людямъ и волостнымъ крестьянамъ всѣмъ избирати лучшихъ людей, кому ихъ судити и управу межъ ими чинити“. Свое хозяйство община вела совершенно самостоятельно. Сама раскладывала подати, поддерживала внутренній порядокъ и

т. д. Правительство по дѣламъ прямо относилось къ общинѣ, безъ посредства помѣщика, а въ своихъ грамотахъ, обращенныхъ къ дѣлому уѣзду, не отличало ихъ отъ бояръ и вѣязей, посылая грамоты въ такой-то уѣздъ, „княземъ и дѣтямъ боярскимъ, вотчинникамъ и помѣщикамъ, и всѣмъ служилымъ людямъ, и старостамъ, сотцкимъ и десятцкимъ, и всѣмъ крестьянамъ, моимъ великаго князя, и митрополичимъ, и владычнимъ, и княжимъ, и боярскимъ и помѣсчиковымъ, и монастырскимъ, и чернымъ, и псаремъ, и бортниковъ, и рыболовомъ, и всѣмъ безъ омѣны, чей кто ни буди“. Иванъ Грозный одно время хотѣлъ распространить права полнѣйшаго самоуправленія на всѣ общины и писалъ въ своихъ грамотахъ: „мы, жалючи крестьянство для тѣхъ великихъ продажъ и убытковъ, намѣстниковъ и волостелей, и праветчиковъ отъ городовъ и волостей отставили... и велѣди есмя во всѣхъ городѣхъ и станѣхъ и волостяхъ учинити старость излюбленныхъ, кому межъ крестьянъ управу чинити, и намѣстничю и волостелины и праветчиковы доходы сбирати и къ намъ на срокъ привозити, которыхъ себѣ крестьяне межъ себя излюбятъ и выберутъ всю землю, отъ которыхъ-бы имъ продажъ и убытковъ и обиды не было, и разсудити-бы ихъ умѣли въ правду беспосульно и безволокивно, а за намѣстничь-бы доходъ оброкъ собрати и къ нашей-бы казнѣ на срокъ привозили безъ недобору“. Хотя этотъ планъ и не былъ вполне осуществленъ, но все-таки большая часть общинъ пользовалась самымъ широкимъ самоуправленіемъ, выполнявшимся на сельскихъ сходахъ, для которыхъ были устроены особые дворы.

Какъ ни широки были размѣры этого самоуправленія, но въ XVI в. община подверглась многимъ перемѣнамъ къ худшему. Прежде общины были собственницами своихъ земель, теперь-же однѣ изъ этихъ земель перешли къ владѣльцамъ-помѣщикамъ, другія къ государю и общины только пользовались ими. Прежде всѣ члены общины имѣли равную долю въ землѣ и между ними не могло быть большого различія въ экономическомъ отношеніи, теперь-же, по мѣрѣ усиленія налоговъ, ложившихся на земли, масса крестьянъ бросала свои надѣлы и изъ зажиточныхъ земледѣльцевъ превращалась въ батраковъ или обращалась къ другимъ занятіямъ, кромѣ земледѣлія. Вотъ тѣ классы, изъ которыхъ состояла сельская община XVI—XVII в.: 1) Тяглые или оброчные, иначе пашенные крестьяне имѣли свой дворъ, участокъ въ пашнѣ и въ угодьяхъ. 2) Непашенные люди, мелкіе торговцы и ремесленники, имѣвшіе дворы, но неучаствовавшіе въ пользованіи пахатной земли; ихъ было очень немного. 3) Подворники, подсуздники, закребетники, казаки, бобыли,—разряды болѣе или менѣе обездолен-

ныхъ и обезземеленныхъ людей. По своимъ личнымъ и имущественнымъ правамъ всѣ они были совершенно полноправны, в или вовсе не имѣли земли и жили въ работникахъ, или-же пользовались землей въ самомъ незначительномъ размѣрѣ. Подворники жили въ чужихъ домахъ и работали изъ хлѣба или-же имѣли свои дворы, но, не имѣя земли, работали на чужой въ качествѣ наемниковъ, какъ и казаки и бобыли. Вмѣстѣ съ этими переѣзжанами въ общинномъ составѣ измѣнились и отношенія власти общины къ ея членамъ. Наложивъ на общину свое тягло, московское государство по необходимости должно было вооружить общинную власть силой принужденія и члены общины уже не могли права оставлять ее, какъ прежде, бросая свои участки, а должны были платить за нихъ государству. Обязывая общину непремѣнно выбирать старостъ и цѣловальниковъ, государство обращало ихъ въ своихъ присяжныхъ агентовъ, въ сборщиковъ податей и полицію, и если при Грозномъ одно время рѣшительно предпочитало ихъ своимъ чиновникамъ, то единственно потому, что надѣялось на ихъ большую заботливость о цѣлости „государевой вотчины“. Мало-по-малу все самоуправленіе сводилось къ дѣламъ чисто-заячественнымъ и къ раскладкѣ болѣе и болѣе возрастающихъ налоговъ, отъ которыхъ народъ, „бросая свои животинки, брѣвъ врознь“.

VI.

Въ XVI и XVII в. мы видимъ картину повального бѣгства народа въ разныя стороны и энергическихъ усилій земледѣльцевъ и правительства прикрѣпить его къ землѣ. Сначала правительство обязывало самихъ выборныхъ общинныхъ начальниковъ препятствовать бѣгству крестьянъ и ихъ переходамъ съ однихъ земель на другія, но такъ-какъ эти начальники и не могли, и не хотѣли остановить разбродъ народа, то правительство начало сокращать права общины и подчинять ее своимъ чиновникамъ и помѣщикамъ. Рядомъ мѣръ при Борисѣ, Михаилѣ и Алексѣѣ крестьяне были прикрѣплены къ землѣ, хотя въ другихъ отношеніяхъ оставались лично свободными, сохраняли свое общинное самоуправленіе, судъ, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда привилегія отдавала судъ помѣщику, послѣдній судилъ все-таки при участіи старостъ и цѣловальниковъ. Такъ, напр., въ царской грамотѣ о вотчинахъ Троицкаго монастыря горорится: „быти у нихъ въ ихъ монастырскихъ селѣхъ и деревняхъ, для татинныхъ и разбойныхъ дѣлъ, ихъ приказчику губному и губнымъ цѣловальникамъ и дья-

ку изъ волостныхъ крестьянъ, лихихъ людей татей и разбойниковъ сыскивати самимъ межъ себя, и на разбойниковъ и на татей тюрьмы дѣлати, и въ тюрьмахъ сидѣльцевъ беречи имъ-же крестьянамъ велѣно, а истцомъ съ разбойники и оговорными людьми велѣно управу чинити имъ-же по нашему указу“. Самое прикрѣпленіе къ землѣ долго было въ высшей степени непрочнымъ, несмотря на законы и строгости, народъ бѣжалъ, а помѣщики жаловались, что „бѣгаютъ изъ-за нихъ старинные ихъ люди и крестьяне въ государевы дворцовыя и черныя села и волости, и въ боярскія помѣстья и вотчины... и за всякихъ чиновъ за помѣщиковъ и вотчинниковъ на льготы; и тѣ многіе помѣщики и вотчинники тѣмъ ихъ бѣглымъ людямъ и крестьянамъ на пустыхъ мѣстѣхъ слободы строить и межъ ихъ бѣгле люди и крестьяне, выживъ за тѣми людьми урочные годы, и надѣясь на тѣхъ сильныхъ людей, гдѣ кто учнетъ жити, приходя изъ-за тѣхъ людей, и достольныхъ людей и крестьянъ изъ-за нихъ подговариваютъ, и дома поджигаютъ“ и проч. Бѣгали большею частью отъ однихъ помѣщиковъ къ другимъ, у которыхъ жить было лучше, и такимъ образомъ въ самой средѣ помѣщиковъ долго существовали элементы, противодѣйствовавшіе окончательному прикрѣпленію народа. Съ другой стороны, въ XVII в. были прикрѣплены одни только тяглые крестьяне, домохозяева, несшіе тягло, а ихъ братья, дѣти, племянники, подсуздники оставались по-прежнему вольными, „гулящими“ людьми, которые, впрочемъ, часто изъ нужды вступали въ тягло и заключали съ помѣщиками, какъ люди вольные, порядныя записи. Вотъ, напр., въ допросѣ при порядной крестьянинѣ Петръ Фроловъ говоритъ: „родомъ старорусскаго уѣзда, отъ отца и матери остался малъ, и взросъ и жилъ на Ловатѣ рѣкѣ во крестьянѣхъ за государемъ въ деревнѣ Сергѣевѣ, а какъ съ тое деревни вышелъ, тому нынѣ лѣтъ съ шесть, а въ свое-де мѣсто на тяглой участокъ посадилъ крестьянина Ануфрейка, а чей сынъ, того не упомнить. А сподъ жилъ у Еуфимина монастыря въ вотчинѣ въ деревни въ Пересыти въ бобылкахъ, а нынѣ-де Еуфимина-жъ дѣвица монастыря въ тое-же деревню Пересыти во крестьяне порядился, и такову на себя ссудную запись даю своею волею“. Или въ допросѣ при порядной 7156 года крестьянскій сынъ говоритъ: „я, Тимошка, вольный человекъ, родомъ новгородецъ, отецъ мой жилъ во крестьянѣхъ за Юрьевымъ монастыремъ, на Волховѣ на городищѣ, и отца моего и матери остался малъ, а послѣ отца и матери въ Юрьевской вотчины и по инымъ волостямъ жилъ походя, кормился коровы пасъ, а нынѣ билъ челоомъ во крестьяне Юрьева монастыря въ вотчину на Волхово городище, на Михайловскій участокъ Матвѣева въ готовый

дворъ". Или вотъ еще довольно характерная кабальная записка „родомъ я, Карпушка, каргопольскаго уѣзда, крестьянскій сынъ, а отецъ мой жилъ на государевомъ участкѣ, остался малъ, а отецъ мой остался въ каргопольскомъ уѣздѣ на старинѣ, а нынѣ онъ живъ или мертвъ—того не вѣдомо; а я, Карпушка, отъ отца своего сошелъ тому лѣтъ съ пятнадцать, а сошедъ отъ отца, жилъ на Устюгѣ великомъ и въ новгородскомъ уѣздѣ въ Боровичахъ и на Крестцахъ и въ Ручьяхъ, походя кормился работою, а въ холопѣхъ ни у кого не служивалъ, и въ крестьянѣхъ и въ бобыляхъ ни за кѣмъ не жывалъ, а нынѣ бью челомъ во дворѣ служить Нелюбу Иванову сыну Пушкину, и служилую кабалу на себя даю". Понятно, чѣмъ бѣднѣе былъ мужикъ, тѣмъ на болѣе тяжелыхъ условіяхъ принималъ его помѣщикъ, и наоборотъ. Одни напр., могли даже выговорить себѣ право свободнаго перехода „А будетъ мнѣ, Ивану, тутъ не поживется, и мнѣ-бы вольно на свое мѣсто иного порядить на тотъ участокъ, а мнѣ-бы выйти на иное мѣсто въ Софійскую-же вотчину или куды ссязю". Другіе же отдавались въ кабалу безъ всякихъ условій: „за государя своимъ (т. е. помѣщикомъ) жить во крестьянствѣ, какъ и прочіе живуть крестьяне, доходъ всякой помѣщицкой платить и работа работать и тягло тянуть, и изгороды въ поляхъ разгораживать". Или: „и живучи за нимъ во крестьянѣхъ государевы всякія вѣдати платить и мірскіе доходы и его, государя моего, оброкъ чѣмъ онъ, государь мой, меня пооброчить, и сдѣлать безъ послушанья". Община при этомъ не падала и даже при платежѣ оброковъ и исполненіи работъ на помѣщика крестьянинъ являлся не отдѣльнымъ лицомъ, а членомъ общины. Онъ обязывался „государевы подати и волостные размѣты платить съ своего участка съ волостными людьми вмѣстѣ"; „государево тягло тянути и помѣщицкое дѣло дѣлать съ сосѣды вмѣстѣ, по своему жеребю". Но эта община была уже только тѣнью прежней. Со времени ревизіи 1719 г. крестьяне были прикрѣплены къ землѣ окончательно и всѣ безъ исключенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ усиленною раздачею земель помѣщикамъ и съ развитіемъ помѣщицкаго сословія, дворовые люди, холопы, крестьяне постепенно сливались въ одну категорію крѣпостныхъ рабовъ, которыхъ уже во время Петра продавали въ розницу безъ земли, „яко скотовъ", и даже самъ великій реформаторъ ничего не могъ подѣлать противъ этого. Община, которую помѣщикъ могъ распродать по одиночкѣ, теряла свою силу и должна была болѣе и болѣе подчиняться помѣщику, который вмѣшивался во всѣ дѣла ея. Вотъ, напр., въ 1704 г. кн. Долгорукой пишетъ: „а которую улицу проѣзжую, что оставлена была къ водѣ для ходу, пригородилъ крестьянни-

Яковъ Козловъ, а вмѣсто того на обмѣнъ выпустилъ въ улипу изъ своего двора и въ томъ-де мѣстѣ болотина, и въ водѣ ходить нельзя; и ему, Якову, въ томъ мѣстѣ, гдѣ болотина, велѣтъ мостить мостъ по вся годы". Или въ приказѣ отъ 20 ноября 1700. сказано: „а съ кабакомъ на дворы не пущать и подъ избное строенье земли не давать, и о томъ всякими мѣрами промыслать, чтобъ кабаку и торгу не было, для того, что будетъ великій убытокъ отъ питуховъ, а мы о томъ промыслимъ. А торговыхъ людей ни съ какимъ товаромъ, ни съ хлѣбомъ въ вотчину нашу не пущать, чтобъ отъ такихъ пріѣзжихъ людей не чинились намъ убытки и вотчинѣ разоренье, какъ прежь сего, за что въ той нашей вотчинѣ торгъ мы указали перевести. А крестьянамъ нашимъ указать, чтобъ вина и табаку не покупали, а если кто въ томъ явится, бить батоги нещадно, да имать по рублю пени съ челоуѣва, и тѣ пенныя деньги присылать къ намъ". Подъ вліяніемъ помѣщика и его агентовъ въ общинѣ является разладъ и одни члены ея, чтобы защититься отъ другихъ или взять верхъ надъ ними, сами взываютъ къ помѣщику о вмѣшательствѣ. Вотъ одна изъ многихъ подобныхъ челобитень. „Государю о. архимандриту Никонору, строителю старцу Сергію, казначею іеродіакону Мордарію съ братьею бьетъ челомъ сирота вашъ, приписной вашей Зосиминской пустыни, деревни Глазкова, Алешка Макѣевъ. Въ нынѣшнемъ, государи, во 196 г., по вашему, государи, властелинскому указу прибавлено на меня сироту съ братьями четвертку вновь; а мы живемъ порознь, а которые есть и семьянистые, сохи по три выходятъ на поле, а сирота противъ нихъ одинъ, и меня сироту изгоняютъ, и которые есть захребетныя полоски травенки, и они меня избегаютъ, они семьянистые, а я одинъ; а нынѣ на вашей монастырской работѣ безпрестанно, а въ дѣлѣ я, сирота, звалъ, а они не пошли. Милостивые государи власти, пожалуйте меня сироту, велите, государи, и иныхъ поверстать съ нами въ новоприбавочныя доли, что они семьянистые и могутю своею отъ тѣхъ новоприборныхъ долей отбиваются, и уваливаютъ на насъ, скудныхъ и одинокихъ. А сирота радъ вамъ, государямъ, работать. А которые семьянистые, и тѣмъ подъ сею челобитною роспись. Государи власти, смилуйтея пожалуйте". На оборотѣ челобитной рѣшеніе монастырскихъ властей: „197 году іюля 7 день приписной Зосиминой пустыни строителю старцу Масайлу да приказчику Сергію Константинову разсмотрѣть: и будетъ онъ челобитчикъ скудень и одинокъ, а тягло къ старому его жеребью вновь прибавлено, и тому такъ и быть. А которые семьянистые крестьяне, а тягла подъ ними малыя, а пустовыя доли есть, и на нихъ тѣ пустовыя доли въ прибавку по разверстѣи наложить тот-

часть безъ всякѣя поновки, и чтобъ пустовыхъ доль въ излишнѣе не было, а разверстаны-бы и наложены были на семьянистыхъ крестьянъ. А будетъ противъ указу на семьянистыхъ крестьянъ тяголь не прибавите, и что съ тѣхъ тггль взять приведется то все взято будетъ на васъ безъ пощады“. Съ развитіемъ помѣщичьей власти надъ общиной росло и страшное право тѣлесныхъ наказаній, о которыхъ вовсе не упоминается въ древнихъ актахъ и которыя были узаконены только уложениемъ 1649 года. Такъ въ наказѣ 1632 г., данномъ управителю вотчинъ Суздальскаго покровскаго монастыря, всѣ наказанія крестьянъ ограничивались разными денежными пенями; но въ другомъ наказѣ объ управленіи тѣми-же вотчинами, данномъ въ 1653 г., уже являются и тѣлесныя наказанія, но еще не во многихъ случаяхъ; въ наказѣ сказано: „а буде кои крестьяне заказу не учнутъ слушать, и по кабакамъ станутъ животы свои пропивать, и тѣхъ крестьянъ имать и за первую вину велѣтъ передъ попомъ и передъ старостомъ и передъ крестьяны на сходѣ бить батоги нещадно да съ вытѣ имать на монастырь пени по осми алтынъ по двѣ деньги, и записывать тѣхъ крестьянъ вины въ тетрадь подлинно, за что который крестьянинъ бить и за какую вину, и что съ него будетъ взято на монастырь“. Помѣщики болѣе и болѣе превращались въ судей своихъ крестьянъ и старались не допускать ихъ до общаго суда. Такъ вн. Петръ Долгорукій въ приказѣ отъ 1 сентября 1701 г. пишетъ къ своему приказчику: „писаль ты къ намъ въ отпискѣ своей, что переловилъ воровъ и отвелъ въ родъ, и тебѣ-бъ въ городъ ихъ возить не для чего, а поимать-отдать-было Ильѣ Лепцарову, для того, что тѣ воры мугрѣвскіе нашихъ крестьянъ не грабили. А который мугрѣвскій крестьянинъ нашъ Агафоска Филалатой приличился къ воровству и держать будто его въ Мугрѣвѣ невозможно, тебѣ-бъ его послѣ тѣловой поры, съ женою и съ дѣтьми прислать къ намъ къ Москвѣ а скотину его и хлѣбъ продать, а къ каковому воровству онъ приличился, и когда именно объявленъ, о томъ писать... А что вынялъ изъ подполья у крестьянина моего, у Мишки Спиридонова, и тебѣ его, Мишку, допросить, для чего онъ воровъ удержалъ, и нѣтъ-ли за нимъ, Мишкою, какого воровства, томъ къ намъ писаль, а ему учени наказанье“. Выборныя общинныя власти едва-ли не болѣе заурядныхъ крестьянъ страдали отъ этихъ наказаній, и тотъ-же Долгорукій писалъ: „А если не шлете сентября къ 10 числу оброчныхъ денегъ, и для тѣхъ оброчныхъ денегъ будетъ съ Москвы человекъ нарочивать, старостѣ и выборнымъ, уважемъ учинить наказанье вънутомъ нещадно и взять пеню“. Около того-же времени

помѣщикъ, Безобразовъ, приказывалъ „бить кнутомъ старосту и бочаровъ (за то, что, по ихъ недосмотру, сгорѣлъ господскій домъ), вода по деревнямъ, только-бы чуть живы были, и оковавъ при-слать въ Москву на ихъ подводахъ“. Крестьянинъ постепенно превращался въ машину, управлявшуюся волей помѣщика, и община теряла всякую самостоятельную жизнь подъ давленіемъ той опеки, о которой, напр., свидѣтельствуется знаменитая инструкція Волинскаго. Онъ требуетъ, напр., чтобы крестьяне для своихъ нуждъ отправлялись на ближніе торги не иначе, какъ съ дозволенія приказчика и подъ надзоромъ десятскаго или выборнаго. „И ежели десятскій за кѣмъ изъ отправившихся на торгъ замѣтитъ пьянство, или мотовство, или какое-нибудь непотребство, то въ тотъ-же день долженъ о томъ объявить приказчику, который, при собраніи лучшихъ крестьянъ, долженъ о виноватомъ розыскать и по розыску учинить по винѣ наказанье. По вся годы свидѣлствовать бѣдныхъ мужиковъ, отчего онъ обѣднялъ, и ежели не отъ лѣности и не отъ пьянства припала ему скудость, такихъ ссужать хлѣбомъ всякимъ; а когда потомъ поспѣетъ хлѣбъ, оный данный отъ него взять, а прибыль ему отдать. Также хотя которые отъ своего непотребства и отъ лѣности обнищали, и тѣхъ ссужать, однакожь съ наказаніемъ, дабы предъ даромъ хлѣбъ ѣсть не повадно было; буде-же и затѣмъ себѣ пользы не сдѣлаютъ, то такихъ брать въ конюхи или въ пашенную работу на мой дворъ, и такихъ лѣнивцевъ и непотребцовъ кормить мѣсячиною невѣяннымъ хлѣбомъ, и чтобъ онъ былъ въ непрестанной работѣ, и подати за нихъ моими деньгами платить“.

VII.

Въ XVIII столѣтіи шла усиленная раздача крестьянъ въ частное владѣніе, прекратившаяся только съ воцареніемъ Александра I. Помѣщичья власть достигла ужасающихъ размѣровъ. Но законодательство, несмотря на это, не трогало общины, оно даже старалось поддерживать ее, облизывая круговой порукой относительно повинностей. Бывали, впрочемъ, и попытки противоположнаго направленія. Г. Семеvскій приводитъ одно распоряженіе 1754 г. нижегородской дворцовой конторы, которая ужасалась, что въ ея вѣдомствѣ „мірскіе крестьянамъ сходы бываютъ собираемы не по однимъ отъ управительскихъ дѣлъ нарядамъ, но по самовольнымъ крестьянскимъ прихотямъ, и на оныхъ руки у крестьянъ берутъ, и послѣ того, какіе о чемъ приговоры бываютъ, о томъ ни о чемъ въ управительскимъ дѣламъ не представляютъ, да и на тѣхъ ско-

дахъ крестьяне бываютъ не только не первостатейные и не великоотягле, но средостатейные и, по большей части, изъ посредственныхъ“. Дворцовое управленіе рѣшило замѣнить сходъ выборными крестьянами изъ первостатейныхъ, но это не повело ни къ чему. Крестьяне желали, чтобы дѣла шли по-прежнему, а „выборнымъ крестьянамъ не быть“; само правительство предписывало часто рѣшать извѣстныя дѣла, напр., сдачу въ рекруты, „важными сходами, со всего мірскаго согласія, а не однихъ старостъ и выборныхъ, и горлановъ, и ябедниковъ“. Охраняя общину, правительство пользовалось ею, какъ служебнымъ орудіемъ и какъ средствомъ для поддержанія крестьянскаго хозяйства на уровнѣ возможно большей и вѣрной платежности. То-же было и въ ХІІІ в. даже послѣ того, какъ сельская русская община, открытая Гаетгаузенемъ, произвела извѣстную сенсацію на Западѣ, тогда еще неподозрѣвавшимъ, что и у него по мѣстамъ сохранились подобныя-же общины, напр., въ Швейцаріи.

Только передъ освобожденіемъ крестьянъ враги его вступились эксплуатировать въ свою пользу правительственный проектъ объ общинѣ и волостномъ самоуправленіи. Такъ-называемые члены второго приглашенія, напр., по ихъ словамъ, „съ трудомъ могли себя представить крѣпостное населеніе Россіи-распредѣленнымъ на 10,000 какихъ-то республикъ (!!!) съ избраннымъ отъ сохи и чальствомъ, которое вступаетъ въ отправленіе должностей по волю народа, не нуждаясь ни въ чьемъ утвержденіи“ (Серебрянскій „Крестьянское Дѣло“, I, 876). Подобные алармисты едва-ли могли подѣйствовать на кого-нибудь въ желательномъ для нихъ смыслѣ, но одновременно съ ними ополчалась противъ общины цѣлая фаланга доморощенныхъ экономистовъ, выдававшихъ себя за вѣнителей новѣйшей экономической науки Запада. Многие изъ этихъ ученыхъ мужей и сами не вѣдали, что они говорили и говорили, но нѣкоторые завѣдомо лгали и на науку, и на Западъ, и даже на русскую исторію, совершая въ ней подлоги и передержки. Таковъ, напр., Чичеринъ, старавшійся доказать, что община создана будто-бы администраціей, что крестьяне, жившіе будто-бы сначала на отдѣльныхъ подворныхъ участкахъ, „принуждены были изъ разбросанныхъ деревень переселяться въ центральныя села“ и ввести общину, вслѣдствіе новой системы, требовавшей податей не съ лица, а съ общины. Но несмотря ни на какіе подходы, Положеніе 19 февраля не тронуло общины, хотя и предоставило крестьянамъ право большинствомъ $\frac{3}{4}$ голосовъ мірскаго схода замѣнить общину подворнымъ владѣніемъ. За то въ докладѣ высочайше утвержденной комисіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства въ Россіи

1872 г., основанномъ главнымъ образомъ на мнѣніяхъ землевладельцевъ, настоятельно проводится мысль о замѣнѣ общины дворяннмъ владѣніемъ. Но въ докладѣ высочайше-же утвержденной комисіи по поводу самарскаго голода 1874 г., напротивъ, говорится объ общинѣ благоприятно. Вообще, въ толкахъ объ общинѣ господствуетъ страшная разногласица и обнаруживается положительное незнакомство съ предметомъ большинства разсуждающихъ о ней. Говорятъ, напр., о вредѣ передѣловъ, но не сдѣлано ни одной энергической попытки для уясненія, съ какого именно срока передѣлъ дѣлается вреднымъ. „Интересно, замѣчаетъ по этому поводу г. Ефименко,—что многія лица, опиравшія своею аргументацію противъ общиннаго владѣнія на вредѣ частыхъ передѣловъ, сами-же указываютъ, что народъ сознаетъ эту вредную сторону своего мірскаго быта и стремится ее исправить удлиненіемъ сроковъ передѣловъ—послѣ крестьянской реформы. А до реформы, во время крѣпостнаго права, эти господа, заявляющіе нынѣ о вредѣ частыхъ передѣловъ, сами вводили и поддерживали это зло,—по крайней мѣрѣ, къ такому выводу приходитъ кн. Васильчиковъ („Земле влад. и землед. въ Россіи и др. европ. госуд.“ Спб. 1875 г. II, 745),—а теперь поддерживаютъ систему кратко-срочныхъ арендъ, имѣющихъ такое-же вредное вліяніе на земледѣльческую культуру, какъ и частые передѣлы. Упоминаемъ объ этомъ, чтобы показать, что лица, готовые порѣшиться съ общиной, обнаруживаютъ не только незнакомство съ дѣломъ, но еще и неискреннее къ нему отношеніе“. Такое-же полное отсутствіе знанія и основательности обнаруживается и въ доводахъ противъ общины, основывающихся на вредномъ вліяніи круговой поруки. Вообще противъ круговой поруки раздаются голоса со всѣхъ сторонъ, но тѣмъ не менѣе вопросъ о ней остается не только неуясненнымъ, но почти нетронутымъ. До того доходитъ эта неясность, что, напр., говорятъ о вредѣ круговой поруки, какъ о фактѣ, тамъ, гдѣ ея вовсе нѣтъ, приписывая круговой поруку вредное вліяніе бремени непосильныхъ платежей. Относительно круговой поруки господствуютъ самыя сбивчивыя и преувеличенныя представленія. По сообщенію Е. И. Якушкина (управляющаго ярославской казенной палатой), „неразрывной связи между общиннымъ владѣніемъ и круговой порукой нѣтъ, и они могутъ существовать независимо другъ отъ друга (въ ярославской губ. общинное владѣніе городской землей и въ нѣкоторыхъ торговыхъ малоземельныхъ селахъ вовсе не соединено съ круговой порукой; напротивъ, у вологодскихъ половниковъ существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ передѣлъ земли, но круговой поруки нѣтъ). Несомнѣнно, однако, что круговая порука имѣетъ вліяніе, и притомъ хорошее, на формы общиннаго владѣнія и отмѣ-

на ея нежелательна". По словамъ Е. И. Анучина, управляющаго самарской казенной палатой, „въ самарской губ. круговая порука, въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаетъ законъ, вовсе не примѣняется. Законъ-же о круговой поруцѣ имѣетъ то вредное дѣйствіе, что побуждаетъ общество съ большою строгостью взыскивать съ бѣдняковъ, дозволяя богатымъ уклоняться отъ платежа и накоплять недоимки. По словамъ одного лица изъ ставропольскаго уѣзда самарской губ., круговая порука существуетъ только въ теоріи: уплата причитающихся повинностей на душахъ каждаго домохозяина совершается послѣднимъ, а въ случаѣ его несостоятельности міромъ отдается его участокъ земельный кому-нибудь изъ его окрестельчанъ, и тотъ уже за него уплачиваетъ, такъ что, собственно говоря, понимаемая по закону порука почти не существуетъ въ нашемъ уѣздѣ на практикѣ. При сужденіяхъ съ крестьянами по поводу этого предмета всегда слышалъ отзывы самые неодобрительные объ этой мѣрѣ, изъ которыхъ, между прочимъ, можно даже заключить, что самое понятіе круговой поруки ими трудно усвоиваемо". Въ другихъ мѣстахъ недоимки въ платежахъ податей и повинностей покрываются изъ общественныхъ суммъ, получаемыхъ отъ сдачи въ аренду мірскихъ оброчныхъ статей. Чего собственно желаютъ противники общины, понять трудно. Напр., одно лицо желаетъ ввести нераздѣльное семейное наследственное земельное владѣніе, чтобы въ пользованіи каждаго было не меньше одного надѣла и выдѣлялись изъ семьи лишь тѣ, кто будетъ въ состояніи приобрести себѣ новые надѣлы покупкой, — и вотъ для достиженія этой цѣли, для предотвращенія семейныхъ раздѣловъ, это лицо и хочетъ уничтожить общину (стр. 163 „Доклада ком. для изсл. сел. хоз. въ Россіи“)! Другое лицо желаетъ исчезновенія общины для того, чтобы завести на глазахъ у крестьянъ удачные примѣры мелко-фермерскаго хозяйства, съ особиль выдѣлившимся изъ крестьянъ классомъ зажиточныхъ землевладѣльцевъ, образованіе котораго необходимо въ видахъ какъ нравственныхъ, такъ и административныхъ: „желательно услышать независимый голосъ лучшихъ крестьянъ“, а потому нужно прежде всего дать имъ возможность выдѣлиться изъ міра. Подобныя мнѣнія тоже обнаруживаютъ полное незнакомство съ дѣломъ. Въ Малороссіи господствуетъ уже давно подворное владѣніе, между тѣмъ семейные раздѣлы тамъ чаще, чѣмъ гдѣ-нибудь, земли дѣлятся, мельчатся до того, что масса крестьянъ вынуждена бросать свои миниатюрные участки и превращаться въ батраковъ. Въ двухъ губерніяхъ, черниговской и полтавской, уже теперь до 400,000 такихъ безземельныхъ батраковъ, составляющихъ 66 процентовъ земледѣльческаго населенія. Что-же касается желательнаго будто-

бы выдѣленія изъ міра „лучшихъ крестьянъ“, то это выдѣленіе совершается повсюду и теперь, и та-же самая комисиія (стр. 179) называетъ ихъ мироѣдами, которые „отличаются отъ другихъ крестьянъ тѣмъ, что побогаче ихъ и, умѣя говорить много и пить, не пропиваютъ своего разсуда, а пользуются слабостями другихъ и обираютъ ихъ“. Но главная причина этой сбивчивости понятій и доходящей до смѣшного неопредѣленности толковъ объ общинѣ заключается не въ недостаткѣ знаній о ней, а въ неискреннемъ къ ней отношеніи. Для всякаго понятно, что суть дѣла заключается въ желаніи имѣть больше рабочихъ рукъ, свободныхъ отъ собственнаго хозяйства и безусловно необходимыхъ для заведенія крупнаго раціональнаго хозяйства.

Община переживаетъ критическій моментъ, ей предстоитъ или пасть, или начать новую эпоху своей божѣ чѣмъ тысячелѣтней исторіи. Древнія волостныя общины давно уже пали, замѣнясь сельскими, подсѣчное хозяйство смѣнилось трехпольнымъ, явились передѣлы, община пережила тяжелую эпоху крѣпостного права, лишена была въ значительной степени своей самостоятельности и получила служебный характеръ,—теперь каждой общинѣ представлена возможность передѣлить земли въ полную собственность между своими членами и закончить свою исторію. Какъ-же отнеслись къ этой возможности крестьяне? Къ участковому владѣнію перешло самое ничтожное количество крестьянъ, притомъ увлеченныхъ вліяніями, неимѣющими ничего общаго съ признаніемъ вреда общины. Кн. Васильчиковъ говоритъ: „вообще изъ всѣхъ отзывовъ мѣстныхъ учреждений и землевладѣльцевъ (собранныхъ правительственными комисиями), оказывается, что: 1) въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ послѣдовали приговоры о замѣнѣ общиннаго владѣнія участковымъ, они состоялись подъ вліяніемъ богатѣйшихъ крестьянъ и 2) что при этомъ имѣлось въ виду обойти только законъ о круговой поруцѣ, а вовсе не упразднить мірское владѣніе“. Изъ трудовъ комисиі для изслѣдованія сельскаго хозяйства мы видимъ, что, напр., въ ярославской губерніи, по даннымъ мѣстнаго статистическаго комитета, до сихъ поръ не было и попытки ввести участковое пользованіе „землей въ какой-бы то ни было формѣ; хотя законъ 19 февраля 1861 г. и не препятствуетъ этому, но весь складъ экономической жизни крестьянъ не допускаетъ такой перемѣны. (Приложенія, I, 168). Въ новобасанскомъ мировомъ участкѣ черниговской губ. только одно крестьянское общество раздѣлило выкупленный надѣлъ подворно, всѣ прочіе крестьяне, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости, въ большей части уже собственники, остаются при общинномъ владѣніи, кото-

рое, въ сравненіи съ подворнымъ при однокачественности почвы. не имѣтъ вреднаго вліянія“ (186). „О замѣнѣ общиннаго пользованія землею участковымъ, заявляетъ одинъ землевладѣлецъ,— между крестьянами не проявляется никакого желанія; напротивъ того, попытки такой реформы вызываютъ ропоть, даже сопротивленіе“ (стр. 619). „Замѣчательно, что крестьяне, говоритъ мировой посредникъ михайловскаго уѣзда,—зная о правѣ замѣны общиннаго пользованія на участковое, ни по одному обществу до сего времени ни заявленій, ни приговоровъ о томъ не представляли, несмотря на то, что мѣстный мировой посредникъ старался распространить между ними сознаніе этого права и пользу отъ его примѣненія“ (стр. 180). По словамъ мирового посредника чухломскаго уѣзда, костромской губ., крестьяне, несмотря на вредъ отъ общиннаго владѣнія, сознаваемый самими крестьянами (?), неохотно переходятъ къ участковому пользованію по причинамъ вкоренившагося изстари обычая общиннаго пользованія, поговой поруки, мѣстныхъ климатическихъ условій и затрудненій имѣть общій выгонъ; даже при выкупѣ земель не переходятъ къ участковому, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ“ (169). Въ михайловскомъ уѣздѣ рязанской губ. въ участковый раздѣлъ никто не желаетъ (180). „Несмотря на то, говоритъ крестьянинъ кромскаго уѣзда орловской губ., — что крестьянское населеніе сознаетъ невыгоды общиннаго пользованія, тѣмъ не менѣе общинное пользованіе вездѣ существуетъ и передѣла земли и постоянные участки въ скоромъ времени не предвидится. Желаніе крестьянъ раздѣлить землю, по его мнѣнію, объясняется 1) невозможностью уравнивать самыя надѣлы по качеству почвы 2) стѣсненіемъ для выпуска скота и 3) неувѣренностью въ томъ, что новые порядки могутъ быть лучше тѣхъ, которые уже нынѣ существуютъ и которые увѣковѣчены преданіемъ старины“ (183, стр.). „Общинное пользованіе земель, пишетъ землевладѣлецъ сивяносербскаго уѣзда,—подвергая крестьянъ несправедливости поговой поруки въ уплатѣ повинностей и не давая возможности прогресса въ улучшеніи земли удобреніемъ,—оказывается, однакожъ, неизбѣжнымъ при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находятся крестьяне въ отношеніи пастбы скота и водопоя. Это главная причина удерживающая крестьянина въ общемъ пользованіи“ (187). Въ уѣздахъ рыльскомъ и путивльскомъ только 2 селенія ввели участковое пользованіе (184); изъ духовщинскаго уѣзда заявляютъ, что „перехода къ участковому хозяйству не случилось и безъ мѣръ правительственныхъ его ожидать нельзя“ (164). „Вообще замѣнить общинное владѣніе участковымъ, замѣчаетъ кюрьевицкій землевладѣлецъ,—при настоящихъ условіяхъ быта нѣтъ никакой воз-

возможности" (169). Въ московскомъ уѣздѣ изъ 120,737 десятинъ, находившихся въ 1875 г. въ общинномъ владѣнн, втеченіи 10 лѣтъ выкуплено и выдѣлено отдѣльными домохозяевами *всего* 70¹/₂ десятинъ, а крестьяне алексѣевского общества единогласно приняли на сходѣ рѣшеніе: „не измѣнять во вѣки общиннаго владѣнн и ни при какихъ обстоятельствахъ не отчуждать общинныхъ земель“. Въ ярославской губерніи, по заявленію статистическаго комитета, нѣкоторыя общества составили приговоры о замѣнѣ общиннаго владѣнн участковымъ, „но приговоры эти существуютъ только на бумагѣ, чтобы избавиться отъ круговой поруки, de facto же въ этихъ селеніяхъ владѣютъ землей по-старому и передѣляютъ свои поля отъ времени до времени“. То-же самое видимъ мы въ 17-ти селеніяхъ симбирской губ. и въ одномъ вольскаго уѣзда, гдѣ, раздѣливъ землю на подворные участки, крестьяне все-таки владѣютъ ею и передѣляютъ ее по-старому (стр. 171, 176). Эта привязанность къ общинѣ до того сильна, что даже крестьяне, арендующіе землю у помѣщиковъ, заключаютъ съ ними условія каждый отдѣльно, но по заключенн ихъ составляютъ общину съемщиковъ и раздѣляютъ арендованную землю на равныя доли (стр. 187). Даже вновь покупаемыя земли присоединяются къ общиннымъ: въ кашинскомъ уѣздѣ, на примѣръ, отъ помѣщиковъ къ крестьянамъ въ 10 лѣтъ послѣ освобожденія перешло 26,000 дес. и большая часть этихъ земель поступила въ общинное владѣнн. Но лучше всего доказываетъ эту непобѣдимую привязанность крестьянъ къ общинѣ примѣръ, приводимый Потанинымъ. На леденгскомъ солеваренномъ заводѣ, вологодской губ., были закрыты 11 варницъ изъ прежнихъ 20, такъ что многіе изъ жителей леденгскаго призаводскаго селенія должны были остаться безъ работы, т. е. безъ всякихъ средствъ къ существованію. Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ леденгское общество приняло такую мѣру: оно приняло на себя всю работу по варницамъ въ цѣломъ и потомъ уже между собою разверстало работу такъ, что въ результатѣ вышло вообще равномерное пониженіе благосостоянн. Каждый членъ общины имѣетъ право на два дня работы въ варницѣ, остальные четыре въ недѣлю у него гульные; конечно, два рабочихъ дня въ недѣлю или 104 дня въ годъ не могутъ обезпечить содержанія рабочаго, особенно семейнаго. Въ гульное время леденгцы заняты поставкой дровъ; конные занимаются возкой, безконные рубятъ. „Рубка дровъ также раздѣлена между всѣмъ обществомъ, то-есть все леденгское селеніе обратилось въ артель, которая беретъ на себя подрядъ поставить на заводъ столько дровъ, сколько будетъ нужно. Вообще, говорятъ рабочіе,—гдѣ-бы нужно двухъ рабочихъ, тамъ мы поставили шесть.

По ихъ разсчету, 18 рублей рабочей платы за варничныя работы раздѣлены между тремя человѣками, а 30 рублей платы за рубку дровъ—между шестью. Такимъ образомъ, человѣкъ съ семьей в 10 душъ получаетъ въ мѣсяцъ 5 руб., а ему нужно 10 пудовъ муки,—слѣдовательно, 10 руб. сер. *Можно сказать, что леденскіе община тонетъ, но тонетъ разомъ: всѣ члены ея цѣлко держатъ другъ за друга**. Сравнивъ крѣпостное и общинное владѣніе дворянской перчаткой и крестьянской рукавицей, крестьяне горючили Потанину: „въ дворянской перчаткѣ у каждаго пальца свѣчечка, а въ морозъ они забнутъ; въ крестьянской рукавицѣ всѣ они вмѣстѣ и другъ друга грѣютъ“. Немногія попытки перехода крестьянъ отъ общиннаго къ подворному владѣнію должны были окончательно убѣдить ихъ въ гибельности подобныхъ экспериментовъ. Такъ, на примѣръ, крестьяне подмосковнаго села Бородскаго, любимаго мѣста дачниковъ, подѣлили между собой усадьбу и въ продолженіи двухъ лѣтъ продали почти $\frac{1}{3}$ ея за 5000 руб., такъ что на каждаго пришлось болѣе 1,500 руб., и четверть $\frac{1}{4}$ часть крестьянъ разорилась, не имѣютъ ни лошадей, въ морозъ, хлѣбопашествомъ не занимаются и живутъ въ работникахъ $\frac{1}{2}$ живеть по-прежнему, а $\frac{1}{4}$ богатѣеть. То-же самое случилось и съ подѣлившимися ямщиками богатѣйшей Тверской слободы: изъ 50-ти дворовъ 10 окончательно разорились, 3 богатѣютъ, остальные перебиваются кое-какъ.

Предпринятое двумя учеными обществами изученіе общины должно выяснитъ много неизвѣстныхъ сторонъ ея и сдѣлать, если возможно, предположенія о дальнѣйшей судьбѣ ея *), но и теперь уже имѣемъ данныя для нѣкоторыхъ изъ такихъ предположеній. Теоретическіе сторонники общины давно уже доказывали, на примѣръ, что при ней возможны обширныя работы, на примѣръ, машинами, и улучшенія, вовсе недоступныя по своей стоимости отдѣльнымъ крестьянамъ, и мы видимъ на дѣлѣ такія нововведенія и улучшенія. Нѣсколько лѣтъ назадъ крестьяне Тувинскихъ дачи, олонецкаго уѣзда, крайне нуждались въ сѣнѣ. Кругомъ лежали болота, на которыхъ только въ сухіе годы, рѣдкіе въ недрѣ губ., они собирали плохое сѣно. Крестьяне рѣшились сшить ихъ и весь міръ поголовно принялся за работу. Два были они канавы общими силами, потомъ два года выжи

*) Для изученія общины составлены три программы—обществами географическимъ и экономическимъ и г. Ефименко; одна изъ нихъ, въ видахъ распространенія, напечатана въ „Отеч. Запискахъ“, другая въ „Словѣ“, третья только дѣльно. Но 1) ихъ необходимо свести въ одну, 2) разослать по волостнымъ лѣніямъ, священникамъ, народнымъ учителямъ, въ губернскія и епархіальныя вѣдомости и т. д. А то многіе-ли читаютъ „Слово“ и „Отеч. Записки“.

торфъ и, наконецъ, послѣ трехлѣтняго засѣва осушенныхъ болотъ хлѣбомъ (урожай былъ великолѣпный), они получили прекрасное сѣно. И теперь тотъ годъ считается у тувинцевъ плохимъ, въ который они продадутъ 500 тысячъ пудовъ этого сѣна. Подобныя-же работы описываются Ефименко, Якушкинымъ, Кавелинымъ. Экономисты вродѣ Безобразова и Чичерина утверждаютъ, что община неспособна въ прогрессивной интензивной культурѣ, но современныя изслѣдованія указываютъ намъ, напримѣръ, на такія общины, какъ погатинская волость подѣ Москвой: „всѣ земли прекрасно удобрены, чему способствуетъ, конечно, близость Москвы; воздѣлываются, главнымъ образомъ, картофель, огурцы, морковь, свекловица и прочія растенія, требующія не малыхъ затратъ на удобреніе и усиленнаго приложенія труда. Средняя арендная цѣна, какъ извѣстно, это любимое экономистами жѣрило цѣнности земли, за десятину усадебной земли достигаетъ 177 р. 87 коп., огородной—54 р. 70 коп., пахатной—15 р. 40 коп., покосной (полевой и лѣсной)—5 р. 34 коп.“ Слѣдовательно, если вообще земледѣліе не прогрессируетъ, то причина не въ общинѣ, а въ чемъ-нибудь другомъ, что-же касается общины, то она въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ несомнѣнно прогрессируетъ, удлиняя, напр., сроки передѣловъ. Община можетъ имѣть благотѣльное вліяніе и на охраненіе тѣхъ лѣсовъ, какіе еще уцѣлѣли отъ хищническаго частнаго хозяйства. Г. Ефименко, напр., указываетъ на слѣдующій обычай изъ общинной жизни рязанской губ. „Заповѣдь лѣса употребляется какъ лучшее средство къ возстановленію его послѣ порубокъ. Заповѣдать лѣсъ можно на сколько угодно лѣтъ—на 10, на 15, на 20 и болѣе. Для заповѣданія лѣса призывается священникъ, поднимаютъ изъ церкви образа и хоругви, и съ пѣніемъ: „Слава въ вышнихъ Богу“ обходятъ заповѣдуемый лѣсъ. Обойдя его, священникъ читаетъ молитву и объявляетъ, что лѣсъ заповѣданъ. Послѣ подобной заповѣди хотъ прутикъ срубить изъ того лѣса считается тяжкимъ грѣхомъ и потому остается охранять лѣсъ только отъ скота“.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ средѣ самой общины гнѣздится много разлагающихъ элементовъ, вродѣ кабалы и міроѣдства, но эти элементы порождены не ею. Малые надѣлы и тяжесть платежей—вотъ въ чемъ суть, какъ это прекрасно выражено въ докладѣ высочайше учрежд. комисіи для изслѣдов. сельскаго хозяйства.

„Общая сумма всѣхъ сборовъ и платежей, падающихъ на крестьянъ, въ немногихъ мѣстностяхъ можетъ покрываться доходами съ земельного надѣла безъ постороннихъ заработковъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, даже въ черноземной полосѣ, сумма всѣхъ платежей превышаетъ доходность земли въ пять разъ, т. е. поч-

ти всецѣло ложится на заработокъ. Болѣе другихъ обременены крестьяне, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости... Являются мѣстности, въ которыхъ размѣръ выкупныхъ платежей превышаетъ значительно стоимость надѣла, и надѣлъ не только не даетъ средствъ къ уплатѣ лежащихъ на немъ повинностей, но даже не въ состояніи прокормить крестьянина съ семьей. Мѣстности эти положительно бѣдствуютъ, сельское хозяйство въ нихъ падаетъ и изнемогаетъ подъ бременемъ накопившихся недоимокъ, ставящихъ население въ совершенно безвыходное положеніе, особенно тамъ гдѣ посторонніе заработки зависятъ отъ случайностей... Комисія считаетъ своею обязанностью указать на это прискорбное явленіе, подтвержденное ей многими изъ лицъ, выслушанныхъ ею, и накрѣпляемое собранными податною комисіею данными. Во многихъ случаяхъ земли не въ состояніи вынести всего бремени лежащихъ на ней повинностей и источникомъ для уплаты ихъ является крестьянскій трудъ. Обстоятельство это получаетъ особенное значеніе въ виду существующаго весьма значительнаго обложенія этого труда, совершенно независимо отъ платежей земельныхъ и за земли. На сельскій трудъ, кромѣ этихъ платежей, падаютъ подати и сборы, раскладываемые по душамъ (болѣе 90,000,000 рублей). Уменьшеніе общаго бремени и установленіе нормъ обложенія, во возможности сообразныхъ съ мѣстными условіями и платежными средствами, является дѣломъ первой необходимости.

„Недостатокъ системы и проистекающая отъ него неравномерность раскладки составляютъ коренной недостатокъ обложенія и крайне вредно отзываются на благосостояніи землевладѣльческаго и сельскаго населенія и на развитіи землевладѣльческой производительности. Земля и земледѣльческій трудъ, благодаря этой неуравнительности, во многихъ мѣстахъ перестали быть источникомъ дохода и стали въ тягость. Прискорбный фактъ этотъ, заявленный комисіи многими частными лицами и вполне подтверждаемый данными, собранными податною комисіею, ставитъ общую реформу прямыхъ податей въ число самыхъ насущныхъ потребностей Россіи въ настоящее время и заставляетъ усиленно желать скорѣйшаго осуществленія ея. Въ заключеніе комисія считаетъ своею обязанностью обратить вниманіе на принятый способъ взыскапія недоимокъ, сопровождающійся большею частью продажей скота и инвентаря. Мѣра эта, примѣняемая безъ всякаго разбора, окончательно останавливаетъ производство и лишаетъ казну, ради исправнаго поступленія единовременнаго платежа, плательщика въ будущемъ и не мало содѣйствуетъ упадку сельской производительности“.

Слѣдовательно, въ сущности дѣло стоитъ такъ-же, какъ стояло оно въ XVI в., передъ окончательнымъ утвержденіемъ крѣпостно-

го права: малоземельность, тягость налоговъ, размноженіе бобылей, неизбѣжность кабалы... Ошибаются при этомъ тѣ, которые думаютъ помочь горю одною только отиѣною подушной подати: подушная подать составляетъ весьма незначительную часть крестьянскихъ платежей, падающихъ главнымъ образомъ на землю, которой мало. Никакія финансовыя реформы не будутъ дѣйствительными безъ расширенія средствъ крестьянскаго хозяйства до размѣровъ наличныхъ силъ его, которыя теперь кромѣ своихъ земель обрабатываютъ еще массу владѣльческихъ. При этомъ-же условіи общины скоро избавятся отъ паразитнаго кулачества, получатъ возможность перейти къ болѣе рациональному хозяйству, спасутъ страну отъ земледѣльческаго пролетаріата и по-прежнему будутъ оказывать на характеръ народа то благотѣльное вліяніе, о которомъ говоритъ г. Кавелинъ: „Великорусскій простой народъ по преимуществу передъ всѣми другими народами, вошедшими въ составъ Россіи, есть народъ общежительный. Откуда эти общежительныя склонности и инстинкты? Мы думаемъ, что они зарождаются, воспитываются и укрѣпляются въ сожительствѣ деревень и селъ, въ веденіи сообща сельскихъ дѣлъ, обусловленныхъ общиннымъ землевладѣніемъ и круговой порукой“. Съ этимъ согласится всякій, кто знакомъ, напр., съ поразительнымъ изображеніемъ эгоистическаго характера французскаго крестьянина, мелкаго землевладѣльца, сдѣланнымъ Бонмеромъ въ первомъ изданіи его „Histoire des Paysans“.

С. Шашковъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

А. Н. Молчановъ. Между миромъ и конгрессомъ. Письма въ „Новое Время“. Спб. 1878.

„Господи! взмолился какъ-то разъ г. Суворинъ, — неужели мнѣ суждено весь свой вѣкъ влечить каторжную жизнь фельетониста? Неужели я, излюбленный писатель либеральныхъ приставовъ и адвокатовъ, не заслуживаю лучшей доли? Конечно, я ничѣмъ не могу попрекнуть Валентина Федоровича—дай ему Господь всякихъ благъ земныхъ: хорошій былъ хозяинъ. А все-же не въ примѣръ лучше обзавестись собственнымъ хозяйствомъ; оно какъ-то сподручнѣе. Къ тому-же человекъ я не молодой и пора устроиться мнѣ посолиднѣе. И отчего мнѣ не быть руководителемъ общественнаго мнѣнія, когда всякій беретъ руководить имъ? Чѣмъ я хуже другихъ, ну, хотя - бы, напримѣръ, Краевскаго или Полетики? У нихъ небойсь тоже багажець не ахти какъ великъ, а все-же съ божіей помощью руководятъ, да еще какъ руководятъ! Тутъ чутье поприрѣзать, тамъ капелку поубавить, не соглашаться съ одной стороны и не признаваться съ другой стороны, потихоньку да полегоньку — Господи! да неужто это такая хитрая механика, что не всякій умъ ее вмѣститъ можетъ? Спору нѣтъ, руководительское дѣло—дѣло трудное. Ужь на что Валентинъ Федоровичъ дока былъ по части балансированія, онъ отлично зналъ, что, какъ и когда, но и онъ въ-концѣ-концовъ потерялъ-таки равновѣсіе и провалился. Правда также и то, что человекъ я въ этомъ дѣлѣ неопытный. Но, съ другой стороны, отчего-же мнѣ и не дерзнуть? Надо только напрактиковаться, а тамъ самъ собою выработается тотъ нюхъ, который такъ необходимъ для того, чтобы можно было уловить настоящую жилку современности. А главное, натура у меня для этого дѣла подходя-

щая—легкая, игривая, ничѣмъ-то я, строго говоря, не связанъ, никакими такими убѣжденіями и „направленіями“. Какія тамъ направленія? Все это гиль и чепуха. Объявлю, что вотъ, молъ, направленія я откровеннаго—и баста. Ну-ка раскуси!

И вотъ русскій смѣтливый и эмансипированный человѣкъ пошелъ орудовать. Ничего, читають. И это еще не бѣда, что читають. Какъ ни какъ, а потребность въ ежедневной газетѣ несомнѣнно существуетъ въ нашемъ обществѣ. Отчего-же не почитать и „Новаго Времени“? Чѣмъ оно хуже „Голоса“, напримѣръ, или „Петербургскихъ Вѣдомостей“? Дѣло не въ этомъ, а дѣло въ томъ, что г. Суворинъ попалъ въ „руководители“. Но и это, любезный читатель, неудивительно, ибо не всякій Суворинъ непременно найдетъ такихъ, которые равны ему по уму. Совсѣмъ даже наоборотъ. Если-бъ наша такъ-называемая интеллигенція жила серьезной политической или умственной жизнью, если-бы у насъ дѣйствительно существовало „общественное мнѣніе“, если-бы у насъ литература составляла хоть сколько-нибудь серьезную общественную силу, если-бы да кабы... тогда, конечно, гг. Суворины вынуждены были-бы, во-первыхъ, нѣсколько пообчиститься, а во-вторыхъ, поучиться. Ну, а теперь для нихъ полное раздолье. Впрочемъ, первые самостоятельные шаги г. Суворина на поприщѣ публицистики еще довольно робки; онъ еще нѣсколько стѣсняется, какъ будто краснѣеть и не вполне „откровененъ“, несмотря на свое *откровенное* направленіе. Пишетъ онъ кисло-сладко-либеральныя статейки, рассказываетъ игривыя анекдоты, куда-то порывается, по временамъ похныкиваетъ, и все это имѣетъ достаточно невинный характеръ. Но вотъ возникли восточныя замѣшательства, на арену борьбы съ Турціей стала выступать маленькая Сербія, и г. Суворинъ мигомъ преобразился. Онъ какъ-будто прозрѣлъ. Вдругъ откуда ни возьмись у него славянофильскія стремленія и страшно воинственный азартъ. „Прочь внутренніе вопросы! кричитъ онъ съ пѣной у рта. — Какіе тамъ внутренніе вопросы? Вздоръ... чепуха... Идея славянства... Національное самосознаніе... Общественное самосознаніе... Широкая историческая волна... Турція разлагается... Десять тысячъ солдатъ Черняеву! Только десять тысячъ! Все разнесемъ. Въ Царьградъ! урра!..“ И все въ такомъ-же жанрѣ; не вразумительно, но очень энергично. Мечется и горячится онъ такъ, что еле-еле способенъ издавать какіе-нибудь членораздѣльные звуки. Гиканье, свистъ, шумъ. На театръ войны летятъ корреспонденты „Нов. Врем.“, но они почему-то никакъ не могутъ попасть на мѣсто своего назначенія. Тутъ, какъ на зло, и сербскія дѣла какъ-то туго подвигаются. Г. Суворинъ бѣсится. Недовольный на всѣхъ и на все, онъ самъ скачетъ въ Сербію,

чтобы Турцію поскорѣ доканать и русскую публику съ положеніемъ дѣла обстоятельно познакомить. Но сообщить онъ ничемъ интереснаго не сообщалъ, а нотаціи онъ-таки порядкомъ, долженъ быть, начиталъ и Чернаеву, и Милану, и Ристичу, и всѣмъ прочимъ. Много-ли пользы извлекли для себя сербскіе государственныя люди изъ разговора съ г. Суворинимъ—неизвѣстно; но г. Суворинъ нѣсколько успокоился. Успокоившись, вернулся обратно; вернувшись онъ сталъ трубить о сербскихъ побѣдахъ; протрубивши, онъ нѣсколько сконфузился, ибо никакихъ такихъ побѣдъ въ наличности не оказалось. Но сконфузился онъ недолго. Главное было достигнуто. Г. Суворинъ—серьезный публицистъ, г. Суворинъ—руководитель общественнаго мнѣнія, г. Суворинъ проводитъ истинно-національную, истинно-русскія политическія воззрѣнія, у г. Суворина десятки тысячъ подписчиковъ... Такіе блестящіе результаты придали г. Суворину еще больше жару и онъ еще съ большимъ азартомъ сталъ тянуть свою воинственную пѣсню безъ словъ. Измѣнились только варіаціи. Вѣрнѣе сказать, онъ сталъ откровеннѣе. Платоническая любовь къ славянству замѣнилась стремленіемъ къ русской гегемоніи на Балканскомъ полуостровѣ, къ обширнымъ завоеваніямъ, къ приобрѣтенію рынка для сбыта русскихъ фабрикатовъ—вещами совершенно реальными и крайне не загадочнаго свойства. А то вѣдь одно время у него и русскій мужичекъ какъ-то умудрился фигурировать въ торжественномъ царьградскомъ маршѣ. Ну, теперь онъ смѣлѣе сталъ, возмужалъ, выросъ и всѣ эти сантименты отбросилъ въ сторону, и не только по части внѣшней политики, но и по части внутренней немалые успѣхи оказываетъ. Настоящій „патріотъ своего отечества“, онъ не считаетъ нужнымъ особенно церемониться съ своими противниками и угощаетъ ихъ такими репримандами, отъ которыхъ самъ Фаддѣй Булгаринъ нѣсколько сконфузился-бы. Такъ, наприм., г. Суворинъ въ исторіи съ „технологической молодежью“—такъ онъ съ свойственнымъ ему остроуміемъ прозвалъ студентовъ-технологовъ, отказавшихся отъ полученія его изданія—такія колѣнца выдѣлывалъ, такія колѣнца... что самъ, говорятъ, М. Н. Катковъ въ умиленіе пришелъ. Вотъ, говорить, плоть отъ плоти моей и кость отъ костей моихъ. Что-жь, и прекрасно.

Скинь мантилью, ангелъ милый,
И явись, какъ майскій день.

Конечно, ни ума, ни таланта, ни знаній такихъ, какіе имѣются у Михаила Никифоровича, у г. Суворина никогда не водилось. Но вѣдь этого пока и не нужно. Пока и безъ этого можно обойтись людямъ, подвизающимся на, поприщѣ... какъ-бы это выразить-ся?.. ну, „откровенности“!

Мы нарочно остановились нѣсколько на г. Суворинѣ, такъ-какъ, помимо того психологическаго интереса, который онъ представляетъ, какъ довольно типическая для нашего „новаго времени“ фигура, онъ является также главнымъ вдохновителемъ и руководителемъ того органа, въ которомъ помѣщались подлежащія нашему разсмотрѣнiю письма г. Молчанова. Уже по одному этому обстоятельству можно отчасти судить о внутреннемъ достоинствѣ молчановскихъ корреспонденцій, объ ихъ, такъ-сказать, тенденци. Однако, перейдемъ къ самымъ письмамъ.

Прежде всего, какой *raison d'être* ихъ отдѣльнаго изданiя? Какіе такіе перлы и алмазы скрываются въ этихъ письмахъ, что понадобилось собрать ихъ во-едино и вторично приподнести ихъ публикѣ? Неужели они отъ этого приобретутъ какое-то особенное, такъ-сказать прибавочное благоуханіе? Повидимому, самъ г. Молчановъ задавался этими вопросами, но, къ сожалѣнiю, рѣшилъ ихъ неудовлетворительно. Онъ говоритъ, что „важность значенiя настоящей эпохи, когда стоятъ на очереди существеннѣйшіе интересы Россiи и славянства“, дозволяетъ ему рѣшиться на отдѣльное изданіе его константинопольскихъ корреспонденцій; что, „какъ ежедневный корреспондентъ, онъ несъ на себѣ тяжесть всѣхъ впечатлѣній и извѣстій каждаго дня“; что читатель, читая его письма, „припомнитъ свои недавнiя ощущенiя въ хронологическомъ порядкѣ и, такимъ образомъ, быть можетъ предъ нимъ предстанетъ живая картина современнаго политическаго хаоса“, когда... и т. д. Вотъ тѣ нравственные стимулы, которые побудили г. Молчанова осчастливить публику отдѣльнымъ изданiемъ своихъ корреспонденцій. Посмотримъ... посмотримъ, въ какой степени эти стимулы резонны. „Важность значенiя настоящей эпохи, когда стоятъ на очереди существеннѣйшіе интересы Россiи“, конечно, еще не давала г. Молчанову ни малѣйшаго права рѣшаться на отдѣльное изданіе константинопольскихъ корреспонденцій, ничего общаго съ этими интересами неимѣющихъ. Мы, наприимѣръ, осмѣливаемся думать, что центръ тяжести „существеннѣйшихъ интересовъ Россiи“ лежитъ не на Балканскомъ полуостровѣ, а въ самой Россiи. Впрочемъ, это въ данномъ случаѣ не важно. Г. Молчановъ несомнѣнно иначе понимаетъ „существеннѣйшіе интересы Россiи“, чѣмъ мы. Но даже ставъ на его точку зрѣнiя, мы никакъ не можемъ постигнуть, какое значеніе представляетъ его книга для мало-мальски мыслящей публики. То значеніе, что „читатель припомнитъ свои ощущенiя въ хронологическомъ порядкѣ“? Но вѣдь этакъ, пожалуй, и г. Буренину заблагоразсудится угостить публику собранiемъ своихъ корреспонденцій, въ которыхъ онъ съ такой необыкновенной изобразительностью рисовалъ прелести румынскихъ

красавиць и разныя картинки самаго безстыднаго характера. Г. Суворинъ издасть полное собраніе своихъ передовыхъ статей и фельетоновъ, политическій хроникеръ издасть собраніе политическихъ извѣстій, г. вѣнскій корреспондентъ „Новаго Времени“—собраніе вѣнскихъ корреспонденцій, г. лондонскій корреспондентъ—собраніе лондонскихъ корреспонденцій, г. берлинскій корреспондентъ—собраніе берлинскихъ корреспонденцій и т. д., и т. д. Вѣдь они тоже „несли на себѣ тяжесть впечатлѣній каждаго дня“. Затѣмъ, по примѣру корреспондентовъ и сотрудниковъ „Новаго Времени“, и дѣятели другихъ газетъ: „Голоса“, „Русскаго Мира“, „Московскихъ Вѣдомостей“ и пр. тоже стануть издавать собранія своихъ произведеній. Да помилосердствуйте, г. Молчановъ! Вѣдь отъ всего этого литературнаго хлама, въ которомъ нѣсколько сотъ пудовъ печатной бумаги надо полагать только на гг. Немировича-Данченко и Каразина, бѣдному русскому читателю и съума спатить не трудно. И какую такую особенную цѣнность имѣетъ это „припоминаніе своихъ ощущеній въ хронологическомъ порядкѣ?“ Довлѣетъ двени злоба его! Помилуйте, не все-же припоминать прошедшее. Вотъ дѣло другое, еслибы изъ книги г. Молчанова мы могли хоть сколько-нибудь познакомиться съ экономическими, социальными или политическими условіями на Балканскомъ полуостровѣ, еслибы г. Молчановъ далъ намъ цѣльную и осмысленную картину жизни славянъ, еслибы, наконецъ, г. Молчановъ далъ намъ какую-нибудь руководящую нить для того, чтобы мы могли ориентироваться среди этого, какъ онъ выражается, „политическаго хаоса, когда побѣдоносная армія однихъ теряетъ канцелярскимъ порядкомъ важнѣйшіе стратегическіе пункты, а дипломатія другихъ безъ капли крови завоевываетъ форты и крѣпости“. Но ничего этого и помину нѣтъ въ книгѣ г. Молчанова. Хотите, на примѣръ, знать, читатель, почему турецкое правительство враждебно относится къ Россіи? А потому, поучаетъ насъ г. Молчановъ, что центръ турецкаго правительства составляетъ Гамидъ, а Гамидъ не любитъ русскихъ. А почему Гамидъ русскихъ не любитъ? А потому, что онъ окруженъ младо-турками, получающими воспитаніе въ Парижѣ и Вѣнѣ, а въ Парижѣ и Вѣнѣ русскихъ не любятъ, ну такъ вотъ и имъ внушаютъ всякія руссофобскія идеи. Еслибы они воспитывались въ Москвѣ, въ лицей Каткова, то этого, конечно, не случилось-бы. Прекрасно. А почему младо-турки пользуются на султана большимъ вліяніемъ? А потому, что младо-турки склонны къ „безопаснымъ удовольствіямъ“, презираютъ Магомета и „темный народъ“, а эти качества больше всего цѣнятся султаномъ, такъ-какъ они внушаютъ ему увѣренность въ томъ, что младо-турки не стануть противъ него бунтоваться. Да что-же зѣвають старо-турки, поклоняющіеся Ма-

гомету и любящіе Россію и „бѣдный народъ“? Что-же имъ дѣлать; претерпѣвають“ (стр. 10—12). И ясно, и основательно; неправда-ли? Но вы, читатель, конечно, Россію любите, и такъ-какъ вы, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣкъ мирнаго права, то вы, можете быть, впали въ отчаяніе отъ такого безотраднаго положенія дѣлъ? Ничего, пустяки, не отчаивайтесь. Г. Молчановъ сейчасъ насъ утѣшитъ. Въ младо-туркахъ-то, конечно, ничего хорошаго нѣтъ, повѣствуетъ онъ, но вотъ въ чемъ расчетъ. Самъ-то Гамидъ ничего теперь не значитъ въ Турціи. Пораженіе его армій наповальъ убило принципъ личнаго управленія, а на народныя симпатіи мусульманъ можно смѣло рассчитывать. Самъ собственными глазами видѣлъ, какъ дежурные турки, уѣзжая въ Константинополь, цѣловались съ русскими солдатами на караулѣ (стр. 54). Что, читатель, возликовали? Напрасно. Хорошо-то хорошо, да не очень. Султанъ теперь, конечно, нашъ, даже четырехъ арабскихъ лошадей подарилъ нашему главнокомандующему, но вотъ въ чемъ бѣда: англичанинъ пакостить. Чистая обезьяна этотъ Лейярдъ. Что нашъ главнокомандующій дѣлаеть, то дѣлаеть и онъ. Главнокомандующій принимаетъ депутаціи, и Лейярдъ принимаетъ депутаціи, главнокомандующій бесѣдуетъ съ министрами, и Лейярдъ видится съ министрами, главнокомандующій жертвуетъ мусульманскимъ выходцамъ, и Лейярдъ жертвуетъ мусульманскимъ выходцамъ. Ну, и не безъ того, чтобы онъ иногда и своимъ умомъ до чего-нибудь не дошелъ. Да и самолюбія-то у него никакого нѣтъ: къ нему не ѣдутъ турецкіе министры, такъ онъ къ нимъ ѣдетъ, и томить-же онъ ихъ, бѣдняжекъ, своими разговорами о военныхъ силахъ Англіи. Они-то и слушать его не хотятъ, но что-же они съ нимъ подѣлають? Извѣстное дѣло, нахаль, ну и слушаютъ. Что-же, вопрошаемъ мы, уже нѣсколько встревоженные, эти разговоры никакой для Россіи опасности не представляютъ? Никакой, самоувѣренно отвѣчаетъ г. Молчановъ, потому „бѣдный народъ“ насъ любить. Лейярдъ просто пофорсить хочется. Ему только того и нужно, чтобы его министры принимали и чтобы потомъ корреспонденты оповѣстили весь міръ о его разговорахъ съ ними. И я-дене лыкомъ шить, и я съ министрами разговоры веду и хлѣбъ-соль ихъ кушаю. А это ему наплевать, что пробу-то отъ этихъ разговоровъ нѣтъ никакого. Но все-же это не хорошо, потому баламутить (стр. 126—129). Вы успокоились, читатель? Совершенно напрасно; насъ ожидаетъ цѣлый рядъ самыхъ страшныхъ разочарованій. Во-первыхъ, по справкамъ оказывается, что можно получить европейское образованіе и быть въ то-же время фанатическимъ приверженцемъ Магомета, во-вторыхъ, что можно вѣрить въ Магомета и быть англофиломъ, въ-третьихъ, англичанинъ сильно-таки подгадилъ. По полученіи циркуляра Са

лисбери въ высокой Портѣ, начинаются какія-то таинственныя свиданія султана съ Лейярдомъ; англійскій протезе Ахмедъ-Вефийъ-паша, подавшій было въ отставку, вдругъ выздоровѣлъ, храбрый Ибрагимъ-паша получаетъ очень важный постъ, русскимъ офицерамъ запрещаютъ ѣздить въ Царьградъ въ мундирахъ. Чудеса, да и только. Къ довершенію нашего ужаса, г. Молчановъ намъ категорически заявляетъ, что ни со старо-турками, ни съ младо-турками, ни съ „бѣднымъ народомъ“ разговаривать нечего, а надо ихъ всѣхъ держать въ строгости, и что центръ политической тяжести вовсе не въ Константинополѣ. Вотъ тебѣ и раз! Все перепуталось, смѣшалось, и мы очутились въ кромѣшной тѣлѣ „безъ вѣтра, руля и вѣтриль“. Ну, Богъ съ нимъ, съ г. Молчановымъ! Подождемъ, пока какой-нибудь другой корреспондентъ „Новаго Времени“ издастъ отдѣльной книгой свои корреспонденціи: авось, что-нибудь разъяснится въ этомъ политическомъ... виновать, въ умственномъ хаосѣ г. Молчанова.

Но если г. Молчановъ не въ состояніи насъ познакомить и съ тѣми пружинами, которыя приводятъ въ движеніе турецкій государственннй механизмъ, ни съ соотношеніемъ политическихъ силъ въ Европѣ, то за то онъ превосходно знаетъ всякія политическія новости. Да еще съ какими подробностями! Особенно удаются ему описанія засѣданій совѣта турецкихъ министровъ. Когда было засѣданіе открыто, кто на какомъ креслѣ сидѣлъ, каково было выраженіе лица того или другого министра, кто какъ руки къ сердцу прикладывалъ, съ подобострастіемъ или безъ онаго, кто что говорилъ, и не просто одно только содержаніе разговоровъ, но буквально слово въ слово—все это ему досконально извѣстно. Да что засѣданія совѣта министровъ! Онъ знаетъ о всякихъ даже интимныхъ разговорахъ съ глазу на глазъ, и даже въ томъ случаѣ, когда собесѣдники принимаютъ всевозможныя мѣры для того, чтобы укрыться отъ всякихъ нескромныхъ взоровъ. Вотъ разъ только онъ не могъ сообщить о томъ, что говорилось у султана за обѣдомъ, но и то онъ знаетъ, кто былъ приглашенъ и что по отпitiи кофе всѣ занимались астрономіей. И неудивительно, что онъ все знаетъ. Вѣдь у него все подъ рукой, ему всѣ тайники оттоманской политики открыты. Желаетъ-ли онъ, напр., познакомиться съ народнымъ настроеніемъ, онъ сейчасъ отправляется въ Стамбуль, заходитъ въ какую-нибудь мечеть и, наклоняясь къ уху какого-нибудь улема, задаетъ ему интересующій его вопросъ. Такимъ образомъ онъ узнаетъ отношеніе народа къ тому или другому политическому событію. Это по части народнаго настроенія. Что-же касается перемѣнъ, происходящихъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, то о нихъ нашъ

корреспондентъ узнаеть слѣдующимъ образомъ. Онъ отправляется къ еврею, торгующему во дворцѣ Гильдизъ-Кіоскѣ прохладительными напитками, гдѣ за кальяномъ и кофе почерпаетъ всякія новости отъ молодыхъ полу-пажей, дежурныхъ дворца. Но главную роль въ этомъ отношеніи играетъ, повидимому, какой-то таинственный нѣто. Вотъ какъ о немъ повѣствуетъ г. Молчановъ.

Одинъ изъ простыхъ смертныхъ сидитъ въ кабинетѣ графа Зичи и освѣдомляется у него о политикѣ дня.

Приводятся слова „роскошнаго графа“.

Затѣмъ тотъ-же простой смертный отправляется отъ Зичи къ французскому посланнику. Приводятся слова послѣдняго.

Нѣто пробирается въ фескѣ, какъ въ мечеть, въ англійскую посольскую дачу. Тамъ ему говорятъ то-то.

Наконецъ, нѣкто пробирается по сосѣдству въ Буюкдере, гдѣ ему поясняютъ то-то.

„Наконецъ, нѣто пробирается“, „тотъ-же простой смертный“. Восхитительно! Кто-же ты, о, прекрасная маска? Не вы-ли, г. Молчановъ?

Г. Молчановъ не только очень интересный рассказчикъ, но также и большой патриотъ и вообще человекъ съ очень благородными чувствами. Посмотрите, напримѣръ, съ какимъ негодованіемъ онъ говоритъ о звѣрской расправѣ съ чараганскими бунтовщиками, о многочисленныхъ и крайне-беззастѣнчивыхъ арестахъ, вызванныхъ чараганскимъ событіемъ, о тѣхъ слѣдственныхъ приемахъ, которые употребляла комисія, назначенная для разслѣдованія этого дѣла, о мѣрахъ противъ турецкой печати и пр., и пр. Г. Молчановъ говоритъ обо всемъ этомъ съ такимъ нафосомъ, что мы невольно возблагодарили Бога за то, что г. Молчановъ русскій; будь онъ турокъ, онъ-бы навѣрное не утерпѣлъ, тоже, пожалуй, взбунтовался-бы противъ султана, пу, а хорошаго тутъ, какъ извѣстно, мало. Что касается пламеннаго патриотизма г. Молчанова, то имъ, можно сказать, проникнута вся его книга. Съ какой, напримѣръ, язвительной ироніей онъ говоритъ о Западѣ, о европейской територии, „немогущей удовлетворить половины живущаго на ней населенія“. Еще-бы! То-ли дѣло мы: не только свои собственные желудки накормимъ, но и чужіе, особенно славянскіе, продовольствовать можемъ. Остается только дать свободное развитіе „интересамъ русской промышленности и торговли“, и именно „русской промышленности“, а не какой-либо другой, такъ-какъ у однихъ насъ существуютъ понятія объ „отечествѣ“ и о „патриотизмѣ“. Если взять, напр., населеніе Перы и Галаты, то что-же мы увидимъ? „Отецъ — итальянецъ, мать — гречанка, дѣти воспи-

тываются во французских католических коллегиях—вот домашняя основа національного очага“. Ну, и понятно, что у таких людей все сводится къ вопросамъ „личной выгоды, барыша и наживы“. О жидкахъ нечего и говорить,—они, какъ извѣстно, вездѣ космополиты,—но къ той-же категоріи принадлежитъ также и большинство армянъ и болгаръ. Весь этотъ людъ жилъ на счетъ угнетаемаго турецкаго и христіанскаго народа и грабилъ турецкую казну. Западно-европейцы... У нихъ, конечно, довольно часто встрѣчается, что мать, напр., англичанка и отецъ англичанинъ, мать французенка и отецъ французъ, но, по увѣренію г. Молчанова, „западно-европейская територія, немогущая прокормить половины живущаго на ней населенія“, представляетъ самую благодатную почву для развитія космополитизма. У насъ изъ западно-европейскихъ націй отчужденность какая-то существуетъ между народомъ и культурнымъ слоемъ, народъ самъ по себѣ, а культурный слой самъ по себѣ, никакихъ нѣтъ между ними связующихъ звеньевъ, „ни хорошихъ муниципальных учреждений, ни милиціи“. У насъ-же кромѣ мужика, „невѣжественнаго нигилиста, замѣняющаго якобы русскую интеллигенцію, и вытѣснителя со свѣтлыми пуговицами“, существуетъ также и заправская интеллигенція, средній родъ людей, истые представители русскихъ существеннѣйшихъ интересовъ“. Въ этой-то интеллигенціи другъ Горацио, весь расчетъ и заключается. „И кого вы, г. Молчановъ, своими благоглупостями благоудивить хотите?“ спроситъ и мы наконецъ.

О понятіи нормъ права и уголовного процесса. Этюдъ философско-догматическій. И. Василенко. Спб., 1878.

Приступая къ изслѣдованію предмета, имѣющаго „общій научный интересъ“, къ „объясненію одного изъ тѣхъ загадочныхъ понятій, которыя стоятъ у порога юридической науки“, авторъ „философско-догматическаго этюда“ дѣлаетъ нѣсколько короткихъ замѣчаній о теперешнемъ жалкомъ состояніи юриспруденціи. Эти замѣчанія, правда, далеко не новы и не оригинальны но они тѣмъ не менѣе очень основательны и, главное, какъ-будто бы обнаруживаютъ въ авторѣ дѣйствительное пониманіе того, въ чемъ заключается „загадочность“ и „общій научный интересъ“ изслѣдуемаго имъ явленія“. Можно было-бы подумать, что авторъ

высказавшись такъ рѣшительно противъ господствующихъ въ „науку права“ ненаучныхъ, метафизическихъ методовъ и сознавъ „потребность построить выводы этой науки на прочномъ матеріалѣ положительныхъ или „предварительныхъ“ наукъ, постарается выяснить намъ реальный генезисъ правовыхъ понятій, что для уясненія и опредѣленія понятія о правовыхъ нормахъ онъ, дѣйствительно, воспользуется „матеріаломъ положительныхъ или предварительныхъ наукъ“. Мы, признаться, такъ и думали, но, къ сожалѣнію, наши надежды не сбылись, и толки г. Василенко о научности и ненаучности юридическихъ методовъ изслѣдованія оказались ничѣмъ инымъ, какъ „пустыми словами пустого разговора“, ни къ чему въ сущности необязывающими. Кромѣ груды цитатъ, нужныхъ и ненужныхъ, безсвязныхъ и элементарныхъ афоризмовъ, опять-таки очень часто фигурирующихъ ни къ селу, ни къ городу, сбивчиваго и туманнаго изложенія и какого-то ребячески-наивнаго самодовольства—мы ничего другого не нашли въ „философско-догматическомъ“ этюдѣ г. Василенко. Авторъ наивно полагаетъ, что, напр., куча цитатъ, въ которой безъ толку навалены и Ласкаль, и „глава исторической школы“ Савиньи, и „брюссельскій професоръ“ Adolphe Roussel, и Контъ, и Монтескье—можетъ служить къ уясненію „исторіи понятія“ о правовыхъ нормахъ. И вотъ сперва тянется рядъ почти ничего незначащихъ, туманныхъ афоризмовъ, потомъ куча цитатъ, затѣмъ опять афоризмы, опять куча цитатъ и т. д. Вообще весь „этюдъ“, несмотря на обиліе цвѣтовъ, въ немъ разсыпанныхъ, производитъ необыкновенно то-скливое впечатлѣніе: Господи, думаешь невольно, зачѣмъ все это, когда-жъ, наконецъ, авторъ перестанетъ томить насъ и скажетъ, чего собственно ему хочется? Благо книжка небольшая, не долго пришлось ждать. Вся штука, видите-ли, въ томъ, что за разрѣшеніе вопроса о правовыхъ нормахъ брались хотя и компетентные люди, но все-же они слишкомъ понадѣялись на себя, между тѣмъ какъ они должны были-бы обратиться... угадайте, къ кому?—къ логикамъ. Онъ, г. Василенко, обратился къ нимъ и прозрѣлъ. „Норма—обобщеніе, торжественно провозглашаетъ г. Василенко,—она—результатъ мыслительной дѣятельности“ (неужто?) Послѣ этихъ словъ авторъ, по обыкновенію, продолжаетъ еще нѣсколько пусто-словить, затѣмъ посыпались цитаты, одна такъ-себѣ, больше въ видѣ орнамента, другая изъ „популярнаго автора“ извѣстной „Системы логики“ о приблизительныхъ обобщеніяхъ многихъ однородныхъ случаевъ, третья изъ Литтре, гласящая, что нормальный—значитъ согласный съ общимъ правиломъ, а норма—правило для руководства. Больше ничего, да больше ничего и не надо. Нашъ

авторъ нашель „философско-логическую почву, возможно широкую и общую“, на которой можно построить понятие о правовых нормахъ. И дѣйствительно, вѣдь вся трудность анализа этого понятія заключалась для насъ въ томъ, что мы все какъ-то путались въ значеніи слова „норма“, но разъ эта трудность преодолѣна, стоитъ только къ „нормѣ-обобщенію“ пристегнуть какъ-нибудь право, и дѣло въ шляпѣ. Правовая норма, говоритъ г. Василенко, есть данная народной дѣятельности въ сферѣ права. Этого опредѣленія, какъ видите, нельзя упрекнуть въ излишней ясности. Не сколько можно понять мысль автора изъ его крайне безалабернаго и сбивчиваго дальнѣйшаго изложенія, это значитъ вотъ что. Такъ какъ норма—приблизительное обобщеніе, то и правовая норма—приблизительное обобщеніе проявленій потребностей невыдающихся лица, и даже не лица, а *массы, большинства*. Путемъ наблюденія надъ этими потребностями *массы* (именно *массы*, иначе вся эта оторваная авторомъ „логически-философская почва“ теряетъ всякій истинный смыслъ) и процесса обобщенія создаются „государственными властью и учеными“ правила, регулирующія правовыя отношенія, отвѣтствующія даннымъ условіямъ времени и мѣста. Эти правила и суть правовыя нормы. Такъ, что-ли? Но въ такомъ случаѣ правовыя нормы давно не существовало. Сами-же вы соглашаетесь Лассалемъ, когда онъ утверждаетъ, что „фактическія отношенія силы, существующія въ каждомъ обществѣ, и есть та активная дѣйствующая сила, которая опредѣляетъ всѣ законы и правовыя учрежденія общества“. Сами-же вы говорите, что „законодательная власть, стоящая по теоріи въ *Mittelpunktѣ*, въ дѣйствительности ближе къ господствующей партіи, если не сама эта партія“. А если это такъ, если все сводится къ соотношенію „фактическия силы, существующихъ въ каждомъ обществѣ“,—вѣрнѣе бы сказать—къ данной общественно-экономической организаціи.—то скажите-же сами, не звукъ-ли пустой послѣ этого важнаго „приблизительное обобщеніе“ потребностей *большинства* или хотя-бы только значительной части населенія? Правовыя нормы строятся не на вашей „философско-логической почвѣ“, а на орошенной кровью и потомъ почвѣ общественно-экономическихъ отношеній. Следовательно, онѣ находятся въ полной зависимости отъ того и другого типа общественнаго склада. Мы здѣсь, впрочемъ, разбираемъ вашего мнѣнія по существу, но неужели вы не замѣчаете того внутренняго противорѣчія, въ которое вы сами впадаете? Вѣдь разъ „законодательная власть ближе къ господствующей партіи, если не сама эта партія“, разъ эта партія можетъ быть очень малочисленная, чего, конечно, вы оспаривать не станете.

то не только могутъ, но фатально неизбежны самыя невѣрныя „обобщенія“. Какъ видите, съ „логикой“ нужно умѣючи обращаться, а то эта „логика“ можетъ привести къ очень нелогическимъ выводамъ. И неужто вы думаете, что строить выводы юридической науки „на прочномъ матеріалѣ положительныхъ или предварительныхъ наукъ“ — значить строить ихъ на данныхъ логики? Смѣемъ васъ увѣрить, что такъ вы ничего не построите. Такъ не изслѣдуютъ, а только резонируютъ. Это вы могли-бы знать хотя-бы изъ книги Льюиса и Милля о Контѣ, которую вы цитируете. Еще одно маленькое замѣчаніе. На какомъ-такоемъ *научномъ* основаніи г. Василенко полагаетъ, что „нормы уголовного процесса менѣе, чѣмъ нормы права, коренятся въ фактическихъ отношеніяхъ“? Не говоря уже объ исторіи различныхъ формъ общественной организаціи правосудія, мы полагаемъ, что одна даже современность могла-бы убѣдить нашего автора въ томъ, что для очень многихъ случаевъ, обнимающихъ коллизіи лица или группы лицъ съ цѣлымъ строемъ „фактическихъ отношеній“, существуетъ не только особая организаціи судебной власти, но и вообще „логическій и психологическій элементы“ порядкомъ-таки ступеньваются предъ началомъ „цѣлесообразности“. Авторъ этюда, повидимому, не придаетъ особенной важности этого рода фактамъ. Напрасно.

Въ горахъ Кавказа. (Повѣсти и рассказы). Соч. Ленскаго-Райскаго. Спб., 1878.

Только-что появилось на свѣтъ новое произведеніе кн. Мещерскаго „Ужасная женщина“,—произведеніе, дѣйствительно, исполненное ужасовъ... по части здраваго смысла. Пробѣжавъ его, по долгу рецензента, я остановился въ недоумѣніи: къ какому отдѣлу литературныхъ издѣлій долженъ отнести подобныя произведенія будущій историкъ русской словесности? Что онъ долженъ подумать о нашемъ поколѣніи, для котораго сочиняются „Ужасныя женщины“, и о тѣхъ писателяхъ, въ головѣ которыхъ онѣ зарождаются? При всемъ его благодушіи, онъ принужденъ будетъ отвести имъ особенное мѣсто въ своей скорбной хроникѣ, подъ названіемъ *патологическаго* отдѣла, до сихъ поръ, какъ извѣстно, еще несуществовавшаго въ нашихъ руководствахъ къ изученію такъ-называемой изящной словесности. Отдѣлъ этотъ займетъ не одну курьезную страницу и будетъ блистать многими

именами, вродѣ гг. Незлобинныхъ, Авсеенко, Вродкихъ и Навроцкихъ Кошелевыхъ, Бутлеровыхъ и Вагнеровъ, публицистовъ вродѣ Суворина—главы и основателя этого отдѣла,—и т. п., и т. п. Намъ увѣрены, что добросовѣстный историкъ не ограничится однимъ констатированіемъ патологическаго факта; онъ непременно захочетъ знать и причину этого явленія, проникнуть въ его смыслъ и значеніе, какъ общественнаго факта. Ему невольно представится слѣдующій вопросъ: если въ такую-то эпоху была возможна патологическая литература, если она не только существовала, а и пользовалась благосклоннымъ вниманіемъ благодушнѣйшаго рускаго читателя, то, значить, на нее былъ спросъ, была какиенибудь нравственная связь между этой патологической литературой и тою публикой, для которой она существовала. Нѣтъ сомнѣнія, что это такъ, но дальнѣйшее изслѣдованіе этого вопроса будетъ подлежать не историкъ, а психіатру, имѣющему дѣло съ умственными аберациями какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и колѣктивныхъ группъ. Въ этомъ отношеніи литература нашего времени дастъ ему обильнѣйшій матеріалъ.

„Въ горахъ Кавказа“, по всѣмъ патологически-литературнымъ признакамъ, принадлежитъ къ тому-же отдѣлу. Авторъ этой книги г. Ленскій-Райскій, подобно князю Мещерскому, любитъ все ужасное и такъ-же эксплуатируетъ его для возбужденія и раздраженія своихъ читателей. Его кавказскія воспоминанія представляютъ сцены невѣроятныя сцены предательствъ и измѣнъ, убійствъ, шпіонидѣйствій, проклятій, кровавой мести, низверженій въ пропасть, тому подобныхъ ужасовъ. Читая ихъ, невольно приходится намысленно старуха-няня, убаюкивающая ребенка рассказами о вѣдьмахъ, гномовыхъ, оборотняхъ, русалкахъ и тому подобной чертовщинѣ, такъ обяательно дѣйствующей на дѣтское воображеніе. Поэтому мы и рекомендуемъ книгу г. Ленскаго-Райскаго читателямъ, страдающимъ безсонницей; не нужно имъ никакого морфія, если они запасутся рассказами и повѣстями кавказскаго романиста, онъ и услаждаетъ, и усыпляетъ, что и даетъ неоспоримое преимущество его сочиненію передъ всякимъ наркотическимъ средствомъ.

Иногда сцены ужасовъ смѣняются у автора сценами кутежей, охоты, карточной игры и боевыхъ схватокъ съ черкесами. Чтобы оцѣнить всю прелесть этихъ бытовыхъ сценъ изъ кавказско-армянской жизни, мы приведемъ здѣсь въ извлеченіи маленькій эпизодъ, въ которомъ описывается капитанъ Дудышкинъ:

„Удивительный человѣкъ былъ этотъ капитанъ. Безъ картонъ не постигалъ никакой прелесть въ жизни, и готовъ былъ играть во всякое время дня и ночи, но всегда на чистыхъ деньгахъ

или на какія-бы то ни было вещи, которыя оцѣнялъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Случилось однажды, что проигравшійся партнеръ въ шутку поставилъ передъ метавшимъ банкъ капитаномъ Дудышкинымъ снятый съ ноги сапогъ.

„— Пару къ нему, серьезно и спокойно замѣтилъ капитанъ Дудышкинъ. — Партнеръ снялъ другой сапогъ. — Идетъ въ полтора рубля, объявилъ банкометъ, внимательно осмотрѣвъ эту новую, интересную ставку. И, выигравъ ее, немедленно отдалъ своему деньщику спрятать, а несчастный партнеръ такъ и ушелъ безъ сапогъ.

„Когда капитанъ Дудышкинъ проигрывался до-чиста, то начиналъ сколачивать опредѣленную заранее сумму необходимую, по его мнѣнію, чтобы начать игру снова, отказывая себя въ самыхъ необходимыхъ потребностяхъ, даже переставалъ курить.

„Любимымъ разсказомъ его было воспоминаіе объ одной значительной картежной игрѣ на барабанѣ, во время горячаго дѣла.

„— Пуля въ барабанъ—я убилъ даму. Онъ на смарку, кушъ впередъ и кушъ мазу. Пуля мнѣ въ ногу—я убилъ валета. Взглянулъ на рану—въ мясо, кость нетронута. Онъ все на смарку и кушъ мазу. Гикнули горцы — наши ура!—я убилъ десятку. Сосчиталъ—три тысячи восемьсотъ двадцать восемь.—Сколько у тебя есть всего?—спрашиваетъ. Двѣ тысячи двѣсти рублей и шестдесятъ червонцевъ,—говорю. Все на смарку, тысяча рублей и червонцы мазу—говоритъ. Деньги у него были въ полковомъ ящикѣ—вѣрные. Напиши, говорю, записку — пожалуй, убьютъ тебя. Хватились — нѣтъ бумаги. Онъ написалъ на барабанѣ. Пуля ему въ руку—паралича; я мечу. Пули свистятъ. Наши отступаютъ;—я мечу. Дана. — тройка измѣнила... Прощай, товарищъ Дудышкинъ,—говоритъ. Гляжу — съ праваго бока у него кровь. Пожалъ ему руку, поцѣловаль... Горцы гикнули. Оглянулся—тутъ... Рожи скверныя... Я гаркнулъ ура! Солдатики ободрились, — за мной, — отбросили. Смотрю — обходятъ. Назадъ, бѣгомъ, — крикнулъ я, и схватилъ на руки товарища и барабанъ, бѣгомъ въ балку. Горцы рады, визжать какъ черти, гонять по пятамъ. Трррррахъ — по нимъ, цѣлая рота“ ..

Не правда-ли, какъ это художественно и сильно? И какой молодецъ былъ этотъ капитанъ Дудышкинъ! Но не въ примѣръ молодцоватѣ оказывается самъ г. Ленскій-Райскій, у котораго хотя и нѣтъ за душой ничего такого, о чемъ-бы стоило вспоминать, а все-таки воспоминаетъ о своей кавказской жизни и сочиняетъ книгу слишкомъ въ 300 страницъ.

Что-же касается ужасовъ, напускаемыхъ имъ на довѣрчиваго

читателя, то достаточно сказать, что одна героиня г. Ленскаго-Райскаго, сначала напугавшая какого-то князя Русскаго въ видѣ русалки и потомъ оказавшаяся премилой барышней, спихиваетъ со скалы въ пропасть поклонника своего Али, а другую, дочь полка, Надежду Михайлову, убиваетъ коварный юнкеръ Тормазинъ, безнадежно влюбленный въ нее и со злости передавшійся на сторону горцевъ. Въ рассказѣ о полковой дочери дѣло тоже не обошлось безъ трагическаго низверженія въ пропасть нѣкоего капитана Мурзина. Славный былъ этотъ капитанъ Мурзинъ, отмѣнный товарищъ и храбрецъ, котораго не могли-бы удивить своимъ мужествомъ даже такіе военные корреспонденты, какъ Градовскій и Немировичъ-Данченко. Одинъ былъ недостатокъ у Мурзина—разочарованіе въ жизни, а разочаровался онъ въ ней, какъ видно, потому, что ему не везло въ карты. „Опустившись на камень, живописуетъ авторъ,—онъ (Мурзинъ) заговорилъ убитымъ голосомъ: „Думалъ я, что нѣтъ никого несчастіе меня... что ничего уже не можетъ быть хуже! Цѣлую жизнь мнѣ не вѣдь. Ужъ какъ, напримѣръ, не шла мнѣ карта... Другимъ даже притивно, тошно было смотрѣть“. (Дочь полка, стр. 107). Ужъ ели другимъ было тошно смотрѣть на злосчастнаго Мурзина, то лѣтъ понять, каково-же было ему самому. И вотъ, уложивъ свое зорло въ табачный кисеть, кавказскій Манфредъ отправляется на Мшуткину скалу, чтобы подставить свою грудь подъ черкесскія пули и, такимъ образомъ, покончить со всѣми неудачами своей жизни. Вмѣстѣ съ нимъ идетъ и Павелъ Кузьмичъ Скворцовъ, ея сослуживецъ и товарищъ, тоже изъ разочарованныхъ, но не въ картежной игрѣ, а въ безответной любви къ дочери полка. „Молча взобрались мы на гору, и готовы были уже совсѣмъ выльзть изъ балки, когда Мурзинъ вдругъ снова остановился.—Сиди, говоритъ, деньги забылъ, вонъ онѣ лежатъ; сбѣгай, пожалуйста, ты за ними“. Хотя и досадно было, но дѣлать нечего—побѣжалъ я внизъ, поднялъ деньги и бросился опять на гору. А Мурзина ужъ не видать. Слышу выстрѣлъ, другой. Меня даже отчаяніе и злоба взяли. Тороплюсь. Выбрался, наконецъ, изъ балки на верхъ и остановился. Не ружейный частый огонь приковалъ меня къ землѣ... Съ нѣмымъ ужасомъ смотрѣлъ я на Мшуткину скалу. На самомъ краю ея, надъ страшною пропастью, стоялъ Мурзинъ.— „Прощай, дорогой товарищъ, кричалъ онъ мнѣ.—Я таки изобрѣлъ себѣ настоящую чортову коринку! Обними за меня всѣхъ. Будь счастливъ! Да здравствуетъ и славится на вѣчныя времена Н—скій полкъ! Урра! И съ этимъ крикомъ онъ бросился въ пропасть“. (Дочь полка, 110 стр.). Не ужасно-ли, въ самомъ дѣлѣ, видѣть

человѣка, бросающагося въ пропасть оттого, что ему въ карты не везло? Да, читатель, это ужасно, и ужасно не только за Мурзина, но и за автора, видимо, страдающаго не менѣе своего героя, только не разочарованіемъ въ жизни, а какой-то сочинительской чесоткой.

Въ заключеніе мы посовѣтуемъ г. Ленскому-Райскому не печатать своихъ дальнѣйшихъ воспоминаній отдѣльной книжкой и не изводить попусту бумаги, а помѣщать ихъ въ общей кладовой всевозможныхъ воспоминаній—у г. Семева, издающаго специально съ этой цѣлью „Русскую Старину“.

Идеалисты и реалисты. Историческій романъ Д. Л. Мордовцева. Спб., 1878.

Историческіе романы такъ и сыпятся на насъ: „Капитанъ гренадерской роты“—Соловьева, „Мальтійскіе рыцари“ и „Самозванныя дѣти“—Карновича, „Потемкинъ на Дунаѣ“—Данилевскаго, „Депутатъ“—Незнакомца, „Принцеса Владимірская“—Сальяса, и т. д., и т. д. Родоначальникомъ этой новой школы должно считать извѣстнаго московскаго сочинителя, Мишу Евстигнѣева, превосходящаго плодovitостью всѣхъ своихъ послѣдователей. Но петербургскіе послѣдователи Миши Евстигнѣева ушли гораздо дальше своего учителя: они грамотны, они пишутъ для болѣе интеллигентной публики, чѣмъ ихъ московскій руководитель, они, наконецъ, получаютъ приличный гонораръ деньгами, между тѣмъ какъ Миша, вѣроятно, довольствуется натурою отъ своихъ издателей. Историческіе романы, фабрикуемые и издаваемые въ Петербургѣ. находятъ, конечно, не мало читателей среди той публики, которой кажутся скучными даже историческія статьи Костомарова, ну, а когда романистъ переложитъ подобную статью въ діалоги, украсивъ ее разными подробностями, понадерганными изъ „Русской Старины“ г. Семева, то романъ прочтутъ даже тѣ, которые кромѣ „Петербургскаго Листка“ ничего не читаютъ.

Къ разряду этихъ романистовъ приобщился и Д. Л. Мордовцевъ, плодovitости котораго нельзя не удивляться. Въ самомъ дѣлѣ, въ какихъ только изданіяхъ не участвовалъ и не участвуетъ г. Мордовцевъ, чего только не писалъ и не пишетъ онъ? И въ „Русскомъ Словѣ“, и во „Всемирномъ Трудѣ“ Хана, и въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, и въ „Новомъ Времени“, и въ „Отечественныхъ

Записках“, и въ „Пчелѣ“, и въ „Дѣлѣ“, и въ „Зарѣ“, и въ „Древней и Новой Россіи“, и въ „Живописномъ Обзорѣвн“, и въ „Исторической Библіотекѣ“, и въ „Газетѣ Гатцука“, всюду онъ и на всѣ руки. При этомъ онъ, какъ Гомеръ, „каждому можетъ дать столько, сколько тотъ можетъ взять“. „Печальники народнаго гора“ могутъ восторгаться его первымъ романомъ и причитаніями о Некрасовѣ, земцы—его акафистомъ земству, сторонники и противники провинціальной печати—его статьями о ней. славянофилы—его любовью къ мужицкому лаптю, западники—его увлеченіями западными философиами, напр., Ренаномъ, епархіальные преосвященные могли-бы въ свое время рекомендовать духовенству читать прихожанамъ его моленіе „на всемірную свѣчу“, а „Русскій Вѣстникъ“ могъ-бы поставить своимъ эниграфомъ слѣдующее изъ одной его статьи о петербургской литературѣ 60-хъ годовъ: „Съ неудобосопоставляемымъ (?) двуязычіемъ (?) относилась эта печать ко всѣмъ болѣе или менѣе крупнымъ — на ^{русскій} аршинъ—явленіямъ общественной жизни. Рядомъ съ отношеніемъ серьезнымъ, искреннимъ, честнымъ вылетало на сцену писательское гаерство, балаганное ухарство съ раздачею направо и налево „вселенской смази“; за факты хватались нечистыми руками и сваливая все въ кучу, безъ критики, безъ должной оцѣнки хорого, годнаго и негоднаго матеріала“ („Сѣв. Вѣстн.“ 1877 г.).

Въ новомъ своемъ произведеніи, украшавшемъ первоначально страницы „Новаго Времени“, г. Мордовцевъ изображаетъ энипетровскаго преобразованія съ ея идеалистами и реалистами. Принимаясь за этотъ романъ, каждый мало-мальски знакомый съ исторіей думаетъ встрѣтить во главѣ идеалистовъ самого Петра съ его горячею любовью къ Россіи и правдѣ, съ его вѣрою въ будущность Россіи, въ ея „благоденствіе и славу“, въ ея цивилизаторскую роль на Востокѣ, когда науки перейдутъ черезъ нее снова въ свое „первоначальное отечество—Индію“. „Петръ совершенно справедливо говоритъ Костомаровъ,—сохранилъ для насъ въ своей личности такую высоконравственную черту, которая невольно привлекаетъ къ нему сердце: эта черта — преданность той идеѣ, которой онъ всецѣло посвятилъ свою душу втеченіи всей своей жизни. Онъ любилъ Россію, любилъ русскій народъ, любилъ не въ смыслѣ массы современныхъ и подвластныхъ ему русскихъ людей, а въ смыслѣ того идеала, до каковаго желалъ довести этого народъ; и вотъ эта-то любовь составляетъ въ немъ то высокое качество, которое побуждаетъ насъ, мимо нашей собственной воли, любить его личность, оставляя въ сторонѣ и его кровавыя неправды, и весь его деморализующій деспотизмъ, отразившійся вредъ

нымъ вліяніемъ и на потомствѣ. За любовь Петра къ идеалу русскаго народа русскій человѣкъ будетъ любить Петра до тѣхъ поръ, пока самъ не утратитъ для себя народнаго идеала, и ради этой любви проститъ ему все, что тяжелымъ бременемъ легло на его памяти“. И не одинъ Петръ былъ такимъ идеалистомъ; не говоря уже о молодежи его времени, мы могли-бы указать на Посожкова. Но для г. Мордовцева Петръ—самый грубый реалистъ, безсердечный экспериментаторъ въ области внутренней политики, „подъ ногами котораго трещитъ земля и стонуть люди“ (стр. 174). Мы не понимаемъ одного, какъ это выходитъ у г. Мордовцева, что грубѣйшій реалистъ Петръ производитъ реформу во имя какого-то „прямолинейнаго“ идеала, и притомъ эта реформа, разбивающая идеалы народа и отдѣляющая его отъ желанной будущности, является все-таки неизбѣжною, необходимою? „Могучій боть слишкомъ прямолинейно тащилъ къ своему маяку сѣрую массу, не думая о томъ, что она вся изобьется о подводные камни, шкеры, мели. *А надо было тащить, надо, пора, давно пора!*“ (стр. 127). Вотъ и разбирайте, что хочетъ сказать авторъ объ этихъ реалистахъ, которыхъ онъ называетъ „дѣльцами“ въ смыслѣ хищниковъ и негодяевъ, умалчивая, однакожъ, неужели и самъ Петръ былъ дѣльцомъ, Овсянниковымъ и Плевакою своего времени? Вообще, реалистъ имѣеть для автора значеніе браннаго слова: карьеристъ, палачъ, шпионъ, — все это у него *реалисты* (стр. 366—367).

Что-же касается идеалистовъ петровскаго времени, то они у г. Мордовцева еще лучше. Жалкій царевичъ Алексѣй съ окружающими его хавжами и интриганами, юродивые, бабы-богомолки,—все это, извольте видѣть, идеалисты и во главѣ ихъ капитанъ Левинъ, „ирой“ романа. Лишившись своей невѣсты, благодаря прихоти царя, Левинъ хочетъ укрыться въ монастырь. Подъ впечатлѣніемъ бѣдствій, постигавшихъ тогда страну, казней и своихъ личныхъ несчастій онъ сходитъ съ ума (стр. 189—196), Петръ представляется ему антихристомъ (стр. 219) и въ Пензѣ на площади Левинъ проповѣдуетъ: „Послушайте, христіане, послушайте! кричить онъ рѣзко, отчетливо.—Много лѣтъ служилъ я въ арміи, у генерала-майора Гаврилы Кропотова въ командѣ... Меня зовутъ Левинъ... Жилъ я въ Петербургѣ. Тамъ монахи ѣдятъ въ посты мясо и съ блудницами живутъ. И въ Петербургъ изъ-за моря царь привезъ печати, три корабля, чѣмъ людей печатать... И запечатываютъ всѣхъ антихристовою печатью—запятнають... И тотъ, кто зоветъ себя царемъ Петромъ—и онъ не царь, не Петръ... Онъ антихристъ,—антихристъ! слышите — антихристъ! И въ Москвѣ,

и по всей землѣ люди мясо будутъ ѣсть въ сырную недѣлю и въ Великій постъ... И весь народъ мужеска и женска пола будетъ онъ печатать своими печатями, а у помѣщиковъ всякій хлѣбъ отписывать, и помѣщикамъ хлѣба будутъ давать самое малое число, а изъ остального отписного хлѣба будутъ давать только тѣмъ людямъ, которые будутъ запечатаны, а на которыхъ печатей нѣтъ и тѣмъ хлѣба давать не стануть... Бойтесь этихъ печатей, православные! бѣгите отъ нихъ, бѣгите въ лѣса, укройтесь въ пустыняхъ! Солнце сошло съ своего пути... Земля сорвалась... волшется... Последнее время... антихристъ пришелъ... антихристъ... антихристъ...“ Его, понятно, арестовали и казнили. „Бѣдные, пылые идеалисты, когда-же вы поумнѣете?“ восклицаетъ въ концѣ авторъ (стр. 367). Да, это вѣрно, г. Мордовцевъ, глупѣе созданныхъ вами—поискать. Авторъ по мѣстамъ такъ заговаривается, что даже утверждаетъ, будто-бы у Левина и другихъ выведенныхъ имъ идеалистовъ и идеаловъ-то никакихъ не было: „Бѣдный Левинъ! Собственное воображеніе подавляло его, а ухватиться было не за что—ни идеаловъ, ни вѣры въ нихъ, которая-бы, какъ чортъ, горами ворочала. Да и какіе идеалы могли быть въ то время?“ (стр. 161). Но чѣмъ-же въ такомъ случаѣ отличались идеалисты отъ реалистовъ,—одною глупостью, что-ли? Авторъ не объясняетъ да хорошо и дѣлаетъ, а то съ объясненіями-то договорился-бы еще и не до такихъ выводовъ. Вотъ лирическія выходки, прятанья, на которыя такой мастеръ г. С. Максимовъ, удаются г. Мордовцеву вполне, напр.: „Эхъ ты, степь широкая, раздольная ты раздолье сиротское, ты гуляньице бурлацкое! Разлилась ты степь широкая, разлеглась ты, степинушка, отъ Ардатова до Саратова, отъ Саратова Волгой-матушкой да равнымъ сыртомъ до Царицына, отъ Царицына до Воронежа, отъ Воронежа да до Бѣдома. Поросла-то ты, да степинушка, ковылемъ-травой все сиротскою. Много въ тебѣ, степь, простору для волюшки, да только волюшка куда-то запропастилася... Ишь ты раскинулася, раздвинулася—ничѣмъ-то ты не огорожена, ни межами не межочава, а все жить на тебѣ тѣсно и гулять-то нерадостно, степь ты широкая да постылая... Опостылѣла ты, степь проклятая, опостылѣла жизнь бродячая, во бѣгахъ горе мычучи, во степи подъ дождемъ ночуючи, на степномъ вѣтру просыхаючи, на солнышко жгуче нарекаючи... Эхъ, ты, солнце, солнышко! палишь ты не во-время печешь буйную голову все не-впору... Эхъ вы, вѣтры буйные, осенніе,—разосенніе вы, самые пронзучіе! пронзали вы всю шеньку бродяженьки, изрѣшили одежку бурлацкую!...“ „Э ты, молодець разудаленькій, Даниль Лукичъ, красно-солныш-

Ужъ какъ-же ты раскинулся да раздвинулся, растянулся въ ширь во всѣ стороны и во всѣхъ концахъ ты работаешь золотымъ язычкомъ, перомъ борзымъ! Даже въ самыхъ „Запискахъ“ небрасовскихъ ты затеплилъ свѣчу воска ярова, не простую свѣчу, а всемірную, всемірную-всеславянскую; и въ народъ ты ходилъ съ Ханомъ-дохтуромъ, у Шубинскаго былъ съ Ванькой-Кайномъ, у него-же по-срамлялъ глупость Писарева, у Коршей—поражалъ Добролюбова, у Микѣшина жужжалъ пчелкою, у Суворина былъ за протодьякона ты на всѣхъ литіяхъ всеславянскихъ!.. И во всѣхъ-то концахъ поспѣваешь ты, и въ приходахъ во всѣхъ припѣваешь ты!“

Но редакціямъ, гостепріимно открывающимъ г. Мордовцеву свои двери, слѣдовало-бы помнить резолюцію Петра на слѣдственномъ дѣлѣ о Левинѣ: „Слѣдовать и смотрѣть, дабы напрасно кому не пострадать, понеже временемъ мѣшается и завирается“ (стр. 331)!

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Дѣло Гулакь-Артемовской.—Образчики земскаго самоуправленія.—Количество свѣжих растратъ въ 1876 году.—Зодчество въ мариупольскомъ земствѣ.—Иже городское самоуправленіе въ столицахъ.—Перемѣна городскаго закона въ Петербургѣ.—Воззваніе генерала Шмидта къ бердянскимъ жителямъ.

Снова передъ глазами читателей приподнялся маленький уголокъ завѣсы, скрывающей за собою интимную жизнь міра дѣтцевъ, избравшихъ себѣ благую задачу наживы во что-бы то ни стало. Передъ нами опять „блестящее“ дѣло — подлогъ векселя со всѣми атрибутами самаго лучшаго базарнаго романа. Свѣтлая блестящая женщина, ловкая, энергичная, практически не гнушающаяся плохо-развитыми социальными инстинктами, безъ надлежащаго развитія, составляетъ центръ картины, вокругъ которой разбросаны въ извѣстной симетріи разнообразныя элементы культурнаго общества, начиная отъ представителей высшаго общества и кончая разными темными пройдохами, ожидающими только удобнаго случая воспользоваться въ скоромъ времени на скамью подсудимыхъ.

Собственно говоря, дѣло г-жи Гулакь-Артемовской, занявшее петербургское общество втеченіи послѣдней недѣли и давшее пищу толкамъ по своимъ пикантнымъ подробностямъ, — самое обыкновенное дѣло и едва-ли, какъ патетически говорилъ князь Урусовъ (нынче прокуроръ и прежній защитникъ) въ своей рѣчи, составляетъ „невиданное явленіе“ для человѣка, сколько-нибудь умѣющаго обобщать факты нашей общественной жизни и понимающаго, что изъ общественныхъ условій извѣстнаго порядка и результаты получаютъ извѣстныя, и что въ обществѣ, идеалъ котораго очень низмененъ, дѣла, подобныя названному дѣлу, должны время отъ-времени всплывать наверхъ, хотя, по выраженію г. товарища прокурора, правосудіе „встрѣчаетъ затрудненіе“, когда выступаютъ

на судъ лица, принадлежаща къ такой средѣ, которая „сильна и матеріально богата“.

„Сколько препятствій, жаловался г. прокуроръ, — сколько затрудненій, сколько негодованія вызываетъ только попытка уголовного правосудія поставить предъ вами на судъ этихъ лицъ и осуществить слова законодателя, который постановилъ равенство всѣхъ передъ судомъ! Это равенство, которое провозглашено державнымъ законодателемъ, даровавшимъ судебную реформу Россіи, какъ часто оно остается только словомъ! Какъ трудно осуществить волю законодателя, оправдать великое слово, можно видѣть и изъ настоящаго дѣла... Наконецъ, благодаря энергіи обвинительной власти въ лицѣ судебной палаты и слѣдователя, произведшаго мастерское слѣдствіе, дѣло является передъ вами“.

Дѣло явилось и обнаружило, что „ловкая“ женщина хорошо поняла ту среду и тотъ строй, въ которомъ ей пришлось дѣйствовать. И вотъ она, ловко пользуясь своимъ положеніемъ, увлекательностью и связями, изыскивала средства къ жизни всѣми способами, практикуемыми дѣльцами, и, конечно, продолжала-бы пользоваться свободой не прекращать своей дѣятельности въ томъ-же направленіи, если-бы подложные векселя не привели ее на скамью подсудимыхъ. Но „на всякаго мудреца довольно простоты“, и вотъ почему даже самые умные мудрецы изъ міра дѣльцовъ не довольствуются иногда тѣми дѣланіями, которыя не преслѣдуются закономъ, хотя съ нравственной точки зрѣнія, случается, бываютъ, не лучше, если не хуже грубаго подлога, но и рискуютъ на самые грубые эксперименты, которые и приводятъ ихъ на скамью подсудимыхъ, давая хорошій предлогъ либеральному прокурору развернуть, насколько для г. прокурора позволительно, картину общественныхъ извѣй и требовать у гг. присяжныхъ наказанія...

Изысканіе средствъ, которыми специально занималась женщина, о которой идетъ рѣчь, заключалось въ вещахъ, очень обыкновенныхъ въ той сферѣ, въ которой ей пришлось орудовать. Она жила въ роскошной обстановкѣ, по утрамъ принимала разныхъ особъ, обворожала ихъ любезностью, остроуміемъ и музыкальными способностями; по вечерамъ у нея собирався разнообразный людъ и происходила картежная игра. Она ходатайствовала по дѣламъ, хотя и не имѣла свидѣтельства на право ходатайства, и, вѣроятно, слышала или читала въ газетахъ, что женщинамъ, даже и кончившимъ курсъ юридическаго образованія, было воспрещено заниматься юридической практикой. Но она очень хорошо понимала, что если серьезныхъ и юридически-образованныхъ женщинъ нельзя допустить до занятій, которыя-бы дали имъ сред-

ства честно заработать свой кусокъ хлѣба, то ей, пользуясь хорошимъ знакомствомъ, эти самыя юридическія занятія были возможны, и, такимъ образомъ, она ловко обошла законъ и сдѣлалась ходатаемъ по дѣламъ. Она, какъ сама заявляла на судѣ, „проводила уставы“, хлопотала по дѣламъ въ сенатѣ. Все это она, конечно, получала вознагражденія, и, по словамъ ее, довольно крупныя. Быть можетъ, она въ своихъ показаніяхъ преувеличивала свою дѣятельность по проведеніи уставовъ и юридической дѣятельности, но въ данномъ случаѣ весьма характеристичны показанія подсудимой и тотъ взглядъ на эти занятія, который какъ-бы свидѣтельствовалъ, что съ точки зрѣнія ея и общества, въ которомъ она вращалась, въ этихъ занятіяхъ только пѣтъ ничего предосудительнаго, но что этимъ не прѣдлежали бы заняться даже и другіе не глупые мужчины и женщины, если только судьба натолкнула-бы ихъ на такое вышесказанное дѣло.

На судѣ являлось не мало и другихъ пикантныхъ подробностей. Такъ читатель узналъ, какъ „фабрикуются“ банкноты какъ человѣкъ, активъ котораго простирался на 6½ рублей и зался несостоятельнымъ на 900,000 рублей, выдавая векселямъ разнымъ лицамъ. Скупкой этихъ векселей занимались въ числѣ другихъ лицъ и подсудимая и ея компаніонка, такъ-какъ онѣ считали это „дѣломъ выгоднымъ“. А выгодность заключалась въ томъ, что у Логинова, активъ котораго заключался въ 6½ р., а пассивъ доходилъ до миліона, былъ старикъ отецъ, у котораго было состояніе...

Передъ зрителемъ раскрывалась картина конкурса, предсѣдатель котораго Гутцайтъ, занимавшійся адвокатурой, самъ фаворитомъ воевалъ векселя вмѣстѣ съ молодымъ Логиновымъ.

Вотъ что, между прочимъ, говорилъ на судѣ Логиновъ. Предсѣдателя Гутцайту я никогда не выдавалъ. Онъ былъ смѣнителенъ въ предсѣдательствѣ, потому что привлеченъ къ отвѣтственности по обвиненію въ подлогахъ векселей вмѣстѣ со мною. Въ нашъ конкурсъ было предъявлено г-жею Гулакъ-Артемовскою на 160,000 руб., никакихъ займовъ я у нея не дѣлалъ. Я много выдавалъ не только векселей, но даже бланковъ. Тамъ были комисіонеры, которые просятъ написать вексель на чье-нибудь имя, и я писалъ. Была Сержинская, у которой много было евреевъ-комисіонеровъ именно: Рабиновичъ, Ридъ... Гутцайтъ говорилъ мнѣ, что онъ знакомъ съ Артемовскою, а какія дѣла у нихъ—не говорилъ. Въ числѣ моихъ кредиторовъ была г-жа Зыбина, кажется, на 200,000 руб., но я совсѣмъ ее не знаю и никогда не выдавалъ. Въ числѣ кредиторовъ моихъ была и г-жа Митропольская на 100 съ че-

то тысячъ. Я вообще всѣхъ этихъ личностей не зналъ и денегъ отъ нихъ ни копейки не получалъ. Заявленія въ конкурсѣ писались мною у Гутцайта подъ его диктовку, такъ что векселей я и не видалъ. — *Тов. прок.* Что васъ побудило выдавать векселя на такія громадныя суммы? — *Свид.* Видите-ли, у г-жи Сержинской была кутежная компанія: поѣздки, игра въ карты и т. д. Тутъ всегда просятъ: напишите вексель... По нимъ я никогда не получалъ. Случалось получать десятки или много сотню рублей. В. Напримѣръ, если вы написали вексель въ 1,000 руб., то вамъ выдавали 100 руб.?—О. Иногда можетъ быть, а можетъ быть меньше, а можетъ быть и ничего.—В. Въ конкурсѣ разсматривались претензіи г-жъ Гулакъ-Артемовской, Митропольской и Зыбиной?—О. Онѣ взяты обратно изъ конкурса княземъ Кейкуатовымъ.

На вопросъ прокурора, есть-ли у Логинова какое-нибудь состояніе, онъ отвѣчалъ, что никакого нѣтъ и не было, но что у него есть отецъ, у котораго есть состояніе, и что было составлено постановленіе конкурса о томъ, чтобы молодого Логинова признать злостнымъ банкеромъ, а отца—участникомъ. Все это дѣлалось при помощи сына, съ цѣлью заставить старика заплатить хоть по 10 к. за рубль и тѣмъ погасить миліонный несуществовавшій долгъ сына.

„Еще до конкурса, показывалъ тотъ-же свидѣтель, — къ отцу пріѣзжалъ генералъ Штакельбергъ и предлагалъ ему заплатить по моимъ векселямъ 37,000 р., и за это обѣщалъ всѣ остальные векселя похерить. Потомъ еще являлись какія-то личности уже во время конкурса.—В. Вашему отцу сколько лѣтъ?—О. Семьдесятъ восемь лѣтъ.—В. А состояніе—домъ?—О. Да.—Отецъ вашъ не пошелъ на сдѣлки?—О. Нѣтъ, отказался.—В. Случалось прежде, что онъ выкупалъ васъ изъ долгового отдѣленія?—О. Да, случалось.—В. Гутцайтъ зналъ объ этомъ?—О. Да, зналъ.—В. Не помните-ли, что говорилъ вамъ Гутцайтъ объ Артемовской? Вы показывали объ этомъ на предварительномъ слѣдствіи.—О. Хорошо не помню, что показывалъ.—В. Я вамъ напомнимъ. Вы показывали, Гутцайтъ говорилъ вамъ, что подобные векселя сбываются черезъ г-жу Артемовскую?—О. Да, онъ говорилъ что-то въ этомъ родѣ.—В. Что она сбываетъ векселя въ родѣ вашихъ?—О. Да, но объ этомъ мало мы говорили.—В. Говорилъ онъ, что г-жа Артемовская нуждается въ средствахъ?—О. Говорилъ.

Гаевскій. На какую сумму простиралась ваша несостоятельность?

Свидѣтель. До 900,000 руб.

На вопросъ прокурора, каковъ былъ его активъ, Логиновъ

„Дѣло“, № 10, 1878 г.

отвѣчалъ, что ничего не было и что мебель его оцѣнена въ 1 р. 50 коп. и продана за 6 р. 50 к.

Подсудимая любила карточную игру и, по словамъ свидѣтелей, играла хорошо въ вистъ. По вечерамъ у нея часто играли.

И вотъ съ такой женщиной знакомится миліонеръ Пастуховъ, добрый, слабый, увлекающійся человекъ, но, по вѣрной характеристикѣ г. Жуковскаго (защитника), со слабыми социальными инстинктами. Онъ былъ обворованъ подсудимой, часто бывалъ у нея несмотря на предупрежденія своего пріятеля профессора и издателя Полевого, который былъ близокъ съ покойнымъ Пастуховымъ. По словамъ свидѣтелей, Пастуховъ проигралъ въ дурачки 175,000 р. хотя подсудимая и отрицала эти показанія, говоря, что она играла въ дурачки только въ дѣтствѣ. Эти „дурачки“ были какинъ-то вѣскимъ оружіемъ въ рукахъ свидѣтелей. Этими „дурачками“ принимали подсудимую и представляли ее какою-то чаровницею, въ сѣти которой попался Пастуховъ. Хотя о покойномъ отзывъ былъ и крайне благопріятны, но, съ другой стороны, и человекъ, играющій въ дурачки 175,000 руб., не заслуживаетъ того мѣста, который ему курили на судѣ господа свидѣтели. Со стороны братьевъ это еще понятно, но насъ удивляло отчего профессоръ Полевой такъ напиралъ на эти „дурачки“. Правда, онъ посылывалъ, что самъ проигралъ той-же женщинѣ въ дурачки небольшую сумму, но подсудимая энергично это отрицала.

Показанія свидѣтеля Полевого отличались весьма некрасивымъ характеромъ... Такъ позорить женщину, которой, какъ онъ самъ говоритъ, онъ сперва увлекался, знакомства съ которой искалъ, которой писалъ даже трогательныя письма, это, какъ хотѣлось, большое... гражданское мужество... Замѣчательно еще то, что братая перемѣна отношеній со стороны профессора Полевого къ Артемьевской произошла послѣ того, какъ подсудимая познакомилась с нимъ-же въ домѣ съ Пастуховымъ; съ той поры онъ сталъ ревновать эту женщину къ своему пріятелю, который нерѣдко ссужалъ его деньгами и помогалъ въ его изданіяхъ. Такъ, по словамъ г. Полевого, онъ и теперь остался долженъ покойному тысячу 5—6, но считаетъ этотъ долгъ—долгомъ совѣсти и, требовать его съ него не могутъ“, говорилъ онъ.

Послѣ смерти Пастухова къ братьямъ предъявлены были векселя покойнаго на 58,000 р. Векселя были, очевидно, подложны. Отсюда возникновеніе дѣла, окончившееся обвиненіемъ г-жи Гулакъ-Артемьевской и г. Богданова, какъ соучастника, и приговоромъ суда къ лишенію обвиненныхъ всѣхъ правъ и късылкѣ въ Иркутскую губернію.

Мы не станемъ касаться разныхъ другихъ пикантныхъ обстоя-

тельство настоящаго процесса, тѣмъ болѣе, что читатели, вѣроятно, прочли его въ газетахъ. Замѣтимъ только, что блестящая рѣчь прокурора, обѣщавшая раскрыть картину современнаго общества, никакой картины не раскрыла, а поверхностно скользила на жалкихъ словахъ и красивыхъ оборотахъ.

„Изъ комковъ грязи прокуроръ слѣпилъ бюстъ подсудимой“, замѣтилъ въ своей назидательной рѣчи защитникъ. Вотъ какъ онъ закончилъ свою филиппику: „Судебный слѣдователь поставилъ обвиняемой вопросъ о томъ, откуда у нея средства? Этотъ вопросъ былъ повторенъ ей и судомъ. Я надѣюсь, что въ этомъ залѣ я имѣю дѣло съ процессомъ чисто-состязательнымъ и замѣчу, что если вопросъ о томъ, были-ли средства у подсудимой, чтобы дать деньги Пастухову, имѣеть существенное значеніе по дѣлу, то вопросъ о томъ, откуда средства, совершенно неумѣстенъ. Притомъ по свойству социальныхъ отношеній, въ которыхъ большинство насъ обращается, вопросъ такой представлялся-бы иногда щекотливымъ человѣку, даже не находящемуся на скамьѣ подсудимыхъ. Откуда средства у такого-то? Наслѣдники трехъ-миліоннаго состоянія обратились къ нему съ просьбой подѣлить между ними наслѣдство. За раздѣлъ онъ получилъ 50 тыс. руб. Можно сказать: дѣли и царствуй. Откуда средства у такого-то? Онъ былъ учредителемъ акціонернаго общества, которое хотя и лопнуло въ ущербъ акціонерамъ, но учредителю оставило состояніе. Откуда средства у нея, обвиняемой въ подлогѣ? Она кончила курсъ въ Смольномъ институтѣ; получила прекрасное свѣтское образованіе, но весьма малую сумму знаній и еще меньшую сумму трезвыхъ мыслей. По окончаніи курса она скоро вышла замужъ. Брачная жизнь не удалась. Почему? Не знаю. Но объ этомъ не принято допрашивать даже въ тайной канцеляріи судебного слѣдователя. Разойдясь съ мужемъ, она пріѣхала въ Петербургъ и, пользуясь своими связями, выхлопотала себѣ, какъ указалъ вамъ прокуроръ, концессію на золотой пріискъ. Возвратясь изъ Сибири съ небольшими средствами, она, по своимъ связямъ и внѣшнимъ дарованіямъ, легко окружила себя обществомъ. Судя по показанію Полевого, она подкупила всѣхъ своими внѣшними дарованіями, быть можетъ, находчивостью и наблюдательностью. И вы дѣйствительно видите, что она умѣла различать людей; Пастухова она прочла въ мужа, а Полевого въ режисера. Въ Петербургѣ весьма трудно окружить себя обществомъ по выбору. По легкомыслію, она попала между прочимъ и въ среду практическихъ людей, которые умѣли воспользоваться ея дарованіями въ дурную сторону. Она была со связями. Ей указывали на то, что въ присутственномъ мѣстѣ лежитъ дѣло, которое легко было-бы направить, если-бы на

него обратили вниманіе. Она могла-бы направить и ей, само-собой разумѣется, были-бы очень благодарны. Это подаетъ поводъ прокурору представить ее въ видѣ русалки, которая затагиваетъ въ воду и свидѣтелей обвиненія, и свидѣтелей защиты, и высокооставленныхъ лицъ, и цѣлое зданіе касационнаго сената. По волѣ идутъ круги, а прокуроръ въ глубокомъ размышленіи изумляется глубинѣ общественной язвы. По его мнѣнію, она врывается даже въ совѣсть судей, а я замѣчу, что совѣсть судей не должна быть продажной и доступной проiscaмъ женщины. „Я надѣюсь, гг. присяжные засѣдатели, что вы не поставите въ вину подсудимой все то того, что ставить ей прокуроръ. Она, безъ сомнѣнія, вынесетъ горькій урокъ изъ настоящаго дѣла, и я позволяю себѣ думать что вы этимъ урокомъ и ограничитесь“.

Но присяжные не ограничились „урокомъ“, а сослали подсудимую, въ Сибирь... ужь, конечно, не для того, чтобы очаровыва-

Мы не разъ ужь касались вопроса о причинахъ равнодушія, съ руживающагося почти во всѣхъ нашихъ органахъ самоуправленія. Небольшая сфера ихъ дѣятельности, какъ извѣстно, нерѣдко еще болѣе суживается и, такимъ образомъ, сфера небольшого круга низводится иногда почти до точки. Большинство общественныхъ дѣятелей относится апатично къ своимъ дѣламъ, предоставивъ заботы о нихъ своимъ выборнымъ людямъ; конечно, есть между гласными (особенно въ земствѣ) и весьма достойные люди, но нерѣдко случается, что всѣ усилія этихъ достойныхъ людей, въ правленіи въ интересахъ большинства, разбиваются о своеобразіе большинства гласныхъ. Такимъ образомъ, нерѣдко ограниченная сфера земскаго самоуправленія мало-по-малу замыкается въ патріархальное, узко-кружковое кумовское учрежденіе, въ которомъ нѣсколько ловкихъ людей диктаторствуютъ въ интересахъ чисто-кружковыхъ и личныхъ.

Въ „Провинціальныхъ письмахъ“, печатающихся въ „Бирже Вѣдомостяхъ“, авторъ рисуесть слѣдующую безотрадную, но, къ сожалѣнію, вѣрную картину занятій на нашихъ провинціальныхъ земскихъ собраніяхъ:

„Небольшой кружокъ уѣздныхъ гласныхъ, такъ-сказать, у себя дома, некому выносить сора изъ избы и не для чего церемониться. Халатное отношеніе къ дѣламъ, всѣ привычки стараго помещичьяго быта обнаруживаются на нихъ въ самыхъ неприглядныхъ формахъ. Секретарь управы монотоннымъ голосомъ читаетъ докладъ; онъ-же даетъ и необходимыя объясненія, если какое-нибудь мѣсто въ докладѣ покажется темнымъ или непонятнымъ кому-

либо изъ членовъ собранія. Предсѣдатель и члены управы, отъ имени которыхъ представляется докладъ въ собраніе, зачастую не въ состояніи этого сдѣлать, такъ-какъ они хотя и подписываютъ докладъ, но обыкновенно не участвуютъ въ его составленіи. Последнее—дѣло канцеляріи. Пренія обыкновенно не представляютъ большого интереса и ведутся довольно вяло, такъ-какъ всѣ наиболѣе важные вопросы заранѣе рѣшены уже въ тѣсномъ кружкѣ земскихъ дѣльцовъ, хозяевъ уѣзда. Человѣку постороннему, гласному, непринадлежащему къ этому кружку или непользующемуся его расположеніемъ, бываетъ весьма трудно, чтобы не сказать невозможно, провести на собраніи какое-нибудь свое предложеніе; его обыкновенно вовсе и слушать не будутъ... Собраніе немного оживляется только при финансовыхъ вопросахъ, когда дѣло идетъ о новомъ земскомъ налогѣ. Замѣчательно, что при этомъ гласные-помѣщики почти всегда подають голоса противъ всякаго новаго расхода, входящаго въ разрядъ „необязательныхъ“. Крестьяне охотнѣе ихъ даютъ деньги на школы, на больницы, на дороги, и это несмотря на то, что они и безъ того уже обременены податями. Заслуживаетъ вниманія и то обстоятельство, что недоимки земскихъ сборовъ числятся обыкновенно за личными крупными и средними землевладѣльцами, а не за крестьянскими обществами...“

Результатомъ такихъ порядковъ являются прискорбныя явленія злоупотребленій и растратъ, число которыхъ не только не уменьшается, а, напротивъ, увеличивается.

Не то было вначалѣ, когда земская дѣятельность представлялась обширнымъ полемъ для дѣятельности, когда подъ влияніемъ серьезности дѣла были выбраны лучшія силы. „Большинство земскихъ собраній перваго созыва стало съ перваго шага на законную и твердую почву. Они поняли дѣло такъ: что первоначальное начертаніе земской реформы имѣло въ виду дѣйствительное уравненіе тягостей между всѣми сословіями; что оно довѣряло земскимъ силамъ и поэтому положило на земскія учрежденія для постепеннаго разрѣшенія многосложной задачи, что всѣ повинности должны быть разложены на недвижимыя имущества, а души и рабочія силы освобождены отъ оклада; что уставъ о земскихъ повинностяхъ 1851 года и всѣ прочія сословныя льготы и изыатія отмѣняются сами собой, если новымъ учрежденіямъ предписано облагать всѣ имущества по цѣнности и доходности; что главный, первый вопросъ, предстоящій обсужденію, есть отысканіе тѣхъ новыхъ основаній, на коихъ раскладка сборовъ должна быть произведена, то-есть найти норму, хотя-бы на первое

время примѣрную, для исчисления дѣятельности и доходности разныхъ имуществъ“ *).

Мало-по-малу дѣятельность земства становились все слабѣе и слабѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ все чаще и чаще стали появляться извѣстія объ апатіи земскихъ дѣятелей и о растратахъ земскихъ суммъ.

Втеченіи 1876 года насчитывается фактовъ злоупотребленій и растратъ до 30, изъ нихъ на злоупотребленія по денежной частіи приходится 22 **).

„На долю рязанской губерніи, говоритъ составитель земскаго отдѣла въ „Голосѣ“, выпала грустная извѣстность по части нежныхъ растратъ. Тамъ были уже три растраты“.

Затѣмъ недавно еще обнаружены двѣ: въ егорьевской и въ венбургской земскихъ управахъ. Въ послѣдней обнаружена

*) Князь Васильчиковъ. „О самоуправленіи“ (томъ II, стр. 414).

**) Составитель земскаго отдѣла въ „Голосѣ“ приводитъ слѣдующій перечень болѣе выдающихся растратъ за 1876 годъ:

1) Вольское уѣздное земское собраніе, вологодской губерніи, обвинило председателя управы въ „неправильномъ расходованіи и отчетности суммъ, и въ ихъ на содержаніе уѣзднаго по воинской повинности присутствія“.

2) Костромское чрезвычайное губернское земское собраніе отдало подъ весь составъ костромской уѣздной земской управы: а) „члена управы Горчакова по обвиненію въ составленіи подложныхъ документовъ, отъ своего имени а не отъ имени управы, по принятію земскихъ платежей отъ разныхъ лицъ въ присвоеніи 2,920 руб. 51 коп. земскихъ денегъ“; б) „председателя управы Зузина и членовъ Корнилова и Горчакова по обвиненію въ небрежномъ веденіи окладныхъ книгъ, а Зузина и Горчакова, сверхъ того, и въ несогласіи съ постановленіями собранія обложеніи сборами и неправильномъ исчисленіи доимен, а Зузина и Корнилова, сверхъ того, и въ небрежномъ храненіи денежныхъ земскихъ книгъ за 1873—1875 годы“.

3) Курское губернское земское собраніе отдало подъ судъ члена фатежской управы, агента по взаимному страхованію, Костина, „за принятіе на свой домъ, стоимостью не болѣе 500 рублей, въ 2,000 рублей“.

4) Олонецкое губернское земское собраніе отдало подъ судъ председателя олейнопольской уѣздной земской управы за „несовременную выписку въ расходъ проданнаго хлѣба на 5,120 рублей“. „растрату 56 пудей ося“, „несовременную заготовку больничныхъ вещей, деньги на которыя были получены“, и „храненіе земскихъ суммъ на квартирѣ“.

5) Херсонское губернское земское собраніе признало, что „разными составителями губернской управы произведены были упущенія въ дѣлопроизводствѣ и счетоводствѣ, вслѣдствіе которыхъ произошли растраты земскихъ суммъ съ 1867 по 1875 годъ включительно“. Собраніе постановило: „предоставить составителямъ губернской земской управы возратить земству растроченныя суммы втеченіи шестимѣсячнаго срока, а въ случаѣ невозноса ихъ предъявить искъ“.

6) Ярославское губернское земское собраніе, „обсуждая вопросъ о растратѣ денегъ членомъ угличской земской управы, нашло этотъ вопросъ разрѣшеннымъ вслѣдствіе представленія председателемъ управы квитанціи во вносѣ ведочета“.

страта 11,800 руб. Растрата произведена председателемъ (онъ-же и казначей) г. Радинымъ. Члены управы отвѣтственны по закону вмѣстѣ съ председателемъ, а между тѣмъ вотъ что показалъ одинъ изъ нихъ, г. Викулинъ: „При вскрытіи денежныхъ ящичковъ мнѣ приходилось быть очень рѣдко, а при повѣркѣ суммъ — никогда. Служа въ раненбургской земской управѣ съ 1866 года членомъ, я не видѣлъ даже примѣровъ, чтобъ когда-нибудь председатели провѣрялись членами управы, и при председателѣ г. Радинѣ было то-же, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ неограниченное довѣріе отъ всѣхъ вообще земскихъ дѣятелей нашего уѣзда, а потому, само собою разумѣется, и я не позволялъ себѣ относиться къ нему съ недоувѣріемъ“.

Такой патріархальный взглядъ нашель, однако, поддержку въ большинствѣ губернскаго земскаго собранія, въ которомъ обсуждался докладъ рязанской земской управы по поводу этой растраты. Въ этомъ докладѣ управа, между прочимъ, объясняла гг. гласнымъ, что „факты, характеризующіе настоящій недочетъ земскихъ суммъ, почти совершенно аналогичны съ тѣми дѣлами о растратахъ, какія разбирались уже въ нашемъ собраніи. Видимо, вырабатывается уже нѣкоторая земская практика въ этого рода дѣлахъ, создается какъ-бы особый типъ земскихъ растратъ въ нашей губерніи: председатель-казначей управы употребляетъ общественыя суммы на свои надобности; члены управы въ минуту открытія ничего объяснить не могутъ, потомъ заявляютъ, что они совершенно довѣряли своему председателю и это довѣріе отнимало у нихъ возможность повѣрять деньги, за цѣлость и сохранность которыхъ они, по закону, отвѣтственны. На эту сторону, земскихъ растратъ въ нашей губерніи управа считаетъ своею обязанностью обратить *особое вниманіе собранія*, такъ-какъ, по ея мнѣнію, это *самая опасная сторона въ дѣлѣ земскаго самоуправленія*“. На основаніи этого управа полагаетъ, что „привлеченіе членовъ раненбургской управы къ уголовной отвѣтственности и призмѣненіе къ нимъ всей строгости закона заставитъ всѣхъ служащихъ въ земствѣ, помимо личнаго довѣрія къ извѣстнымъ лицамъ, отрѣшиться отъ всякой щекотливости, когда рѣчь будетъ идти о земскихъ суммахъ, потому что живой примѣръ преданія суду всего личнаго состава управы за растрату, произведенную однимъ ея членомъ, наглядно укажетъ, что высшая земская инстанція губерніи не входитъ въ разбирательство личныхъ воззрѣній и чувствъ тогда, когда рѣчь идетъ объ исполненіи своихъ обязанностей и закона“.

Собраніе постановило: председателя управы, г. Ракитина, временно устранить отъ должности и дѣйствія его передать на рас-

пораженіе правительствующаго сената. Что-же касается остальных двухъ членовъ управы, то они, по рѣшенію большаго собранія, были освобождены отъ отвѣтственности и въ настоящее время остаются членами раненбургской управы. По мнѣнію большинства, названные два члена управы „заслуживаютъ снисхожденія, тѣмъ болѣе (?), что смотрѣли на бывшаго предсѣдателя ея управы, какъ на человѣка честнаго, который хотя и сдѣлалъ ошибку, пожалуй, и большую, но тѣмъ не менѣе остался честнымъ и не принесъ ущерба земству“.

Эти мотивы весьма характерны для уразумѣнія того низкаго уровня понятій объ общественной „чести“, о долгѣ и объ ответственности къ общественнымъ суммамъ, который, къ сожалѣнію, обнаруживается нерѣдко не только у большинства господъ гласныхъ ярославской губерніи, но и у большинства общества.

Дѣло въ томъ, что, по показанію бывшаго предсѣдателя раненбургской управы, онъ, „имѣя надобность въ деньгахъ въ короткій срокъ“, взялъ ихъ изъ общественнаго сундука безъ ведома остальныхъ членовъ управы, „полагая, что возвратитъ черезъ несколько дней и этимъ не нанесетъ никому ущерба“. После обнаруженія, и притомъ случайнаго, недостачи 11,800 р., бывший предсѣдатель дѣйствительно внесъ черезъ 17 дней взятыхъ имъ „въ короткій срокъ“ деньги; это обстоятельство, т. е. возвратъ денегъ послужило для большинства гласныхъ причиной признать дѣяніе своего выборнаго лица только ошибкой, „пожалуй, и большою, но не болѣе, причѣмъ, по мнѣнію большинства, въ этомъ поступкѣ нѣтъ ничего противнаго понятію о чести общественнаго дѣятеля. Подумайте, читатель, какія странныя, чтобы не выражаться рѣзче, нравственныя понятія высказываются публично въ земскихъ собраніяхъ! Какая путаница въ понятіяхъ и какое отсутствіе инстинктовъ о чести общественнаго дѣятеля! Нѣтъ, никакого сомнѣнія, что большинство господъ гласныхъ ярославской губерніи—вѣрные поклонники принципа собственности, и нѣтъ сомнѣнія, что еслибы кто-нибудь взялъ у одного изъ этихъ-же гласныхъ безъ спроса не только 11,800 рублей, но даже или пятьдесятъ рублей, хотя-бы и съ искреннимъ намѣреніемъ возвратитъ эту сумму и такимъ образомъ не нанесъ ущерба обществу, у котораго эта сумма взята,—то каждый изъ этихъ-же самъ господинъ гласныхъ назвалъ-бы дѣйствіе такого лица преступнымъ и поторопился-бы довести объ этомъ до свѣденія прокурора. Когда вмѣсто собственнаго кармана является карманъ общественный, хотя способы „займа“ денегъ остаются тѣ-же самые, то тѣ же неутомимые ревнители принципа собственности, когда дѣло касается ихъ собственнаго бумажника, являются очень снисходительными“.

льными и тотъ-же самый фактъ называютъ ошибкой и какъ-бы це нехотя признають ее большой. Такимъ образомъ одинъ и тотъ-же фактъ получаетъ совершенно различныя оцѣнки, зависящія только отъ того, нанесенъ-ли этимъ фактомъ ущербъ личный ли общественный (матеріальный или нравственный). Въ первомъ случаѣ „воръ“, во второмъ — „честный человѣкъ, сдѣлавшій шибку“.

Такая разница оцѣнокъ, даже въ приложеніи къ принципу общественной, весьма распространенное явленіе. Само общество при такомъ уровнѣ нравственныхъ понятій дѣлается попустителемъ и словно-бы поощряетъ расхищенія, начинающіяся обыкновенно сперва со взятія общественныхъ суммъ на короткой срокъ, потомъ и на болѣе отдаленный. Является невообразимая путаница вмѣсто нравственнаго критерія критеріемъ является ловкость и паровка. Представьте себѣ двухъ человѣкъ. Одинъ беретъ изъ общественнаго сундука деньги съ намѣреніемъ возратить ихъ черезъ нѣсколько дней и на эти деньги играетъ на биржѣ, играетъ частливо и не только владеть эти деньги обратно, но и наживаетъ большую сумму. Другой также беретъ деньги съ похвальнымъ намѣреніемъ возратить ихъ, играетъ на биржѣ и проигрываетъ, такъ-что похвальнаго намѣренія исполнить не можетъ. Съ нравственной точки зрѣнія имъ обоемъ никакихъ общественныхъ дѣлъ довѣрять не слѣдуетъ, но на практикѣ одинъ изъ нихъ полагаетъ въ мѣста не столь отдаленныя, а другой пользуется почетомъ, всѣми благами, соединенными съ богатствомъ, и безупречной репутаціей до тѣхъ поръ, пока болѣе обширная игра на биржѣ, соединенная съ несчастіемъ, не обнаружитъ растраты уже грандіозной и не вызоветъ изумленія на лицахъ тѣхъ самыхъ людей, которые признають „ошибкой“ фамиліярное отношеніе къ общественному достоянію.

Не столь важны факты растраты, какъ отношенія къ нимъ общества. Пока мы будемъ собираться, въ какую сторону намъ идти, мы успѣемъ развратить и тѣхъ честныхъ, но слабыхъ людей, которые стоятъ на распутьи.

Какъ на особенно яркій примѣръ земской неурядицы укажемъ еще на безмѣрно странный денежный отчетъ мариупольской уѣздной земской управы за 1875 годъ. Мы пользуемся свѣденіями о крайне любопытномъ веденіи хозяйства и отчетности въ названной управѣ, собранными составителемъ земскаго отдѣла „Голоса“, такъ-какъ въ настоящую минуту у насъ нѣтъ подъ руками отчетовъ екатеринославскаго земства.

„Денежный отчетъ названной управы за 1875 годъ, говоритъ земскій обозрѣватель, — вызвалъ ревизію всего земскаго хозяйства

въ уѣздѣ—исслѣдованіе того, какъ вела хозяйство управа втеченіи трехъ лѣтъ. Ревизіонная комисія, избранная очереднымъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ въ 1876 году, работала около года и представила свой отчетъ собранію только въ октябрскую очередную сесію 1877 года. Несмотря на продолжительную работу, ревизіонная комисія сознается, что она не могла „выполнить своего назначенія, т. е. представить, на основаніи отчета управы, сколько-нибудь удовлетворительное изложеніе дѣйствительнаго состоянія земскаго бюджета“,—въ такомъ ужасномъ положеніи оказалась четная часть и отчетность управы“.

Изъ приводимыхъ комисіей „несообразностей“, обозрѣватель указываетъ на слѣдующія, болѣе характерныя: Такъ, напримѣръ, отъ 1874 года къ 1875 году въ остаткѣ было „уѣзднаго сбора“ 6,886 руб. 18 коп.; „остатокъ этотъ, по вѣдомости 1875 года показанъ въ 20,623 рубля 18 коп. и притомъ въ графѣ не остатковъ, а новыхъ поступленій“. „Остатокъ больничнаго капитала 13,537 руб. и залоговыхъ денегъ 260 р. по вѣдомости 1875 года вовсе не значится“. Также точно „не значится“ и суммъ поступившихъ въ 1874 и 1875 годахъ на улучшеніе пожарной части въ селеніяхъ и въ капиталъ общественнаго призрѣнія; суммы эти записаны приходомъ; расхода не было и остатка нѣтъ“. Сопоставляясь съ кассовыми книгами управы, ревизіонная комисія подмечаетъ, что всѣ эти исчезнувшія суммы „вошли въ счетъ уѣзднаго сбора“. Приходъ уѣзднаго сбора въ 1875 году по разнымъ вѣдомостямъ показанъ различно: въ 170,286 р. 90¹/₄ к., 163,855 руб. 58 к. и 156,969 р. 40 к. Комисія отказывается „понять, на какихъ цифрахъ остановиться здѣсь для опредѣленія суммы уѣзднаго сбора“. Овражковаго сбора къ 1875 году было въ остаткѣ 13,051 р. 47 коп.; поступленіе этого сбора втеченіи года по одной вѣдомости показано въ 2,112 р. 67 к., по другой—въ 1,657 руб. 67 к.; расходъ по одной вѣдомости показанъ въ 512 р. 76 коп., по другой—въ 1,739 р. 66 к. Принимая любую цифру прихода и расхода, въ остаткѣ должно получиться около 13,000 руб.; а между тѣмъ въ отчетѣ управы показанъ остатокъ въ 4,964 р. 46 к. съ лаконическою оговоркою: „за выдачею въ заимобразъ на другіе расходы“. Отпускъ денегъ на земскую больницу по одной вѣдомости показанъ въ 6,347 р. 22 коп., по другой—въ 6,536 руб. 22¹/₂ коп., а самый расходъ — въ 7,098 р. 77¹/₂ коп. По особой „вѣдомости о расходахъ на народное образованіе“ расходы эти показаны въ 16,561 руб. 77 коп., по смѣтной-же вѣдомости — въ 10,000 р., между тѣмъ „дѣйствительный расходъ по особой книгѣ значится въ 17,887 р. 57 коп.“.

Ревизіонная комисія безпощадно отнеслась къ отчету мариуполь-

управы. По мнѣнію ревизіонной комисіи, „подобное изложе-
тчетности *едва-ли можетъ быть случайно*. Въ виду-же встрѣ-
чкѣ на каждомъ шагу несообразностей, невольно является
ѣ, что здѣсь была *предвзятая цѣль — затруднить контроль,*
не парализовать его совершенно, чтобъ не дать собранію, вте-
чѣ кратковременной сесіи его, удостовѣриться въ истинномъ
женіи самой существенной стороны земскаго дѣла—денежной.
давномъ случаѣ цѣль достигнута: земское собраніе начинаетъ
омѣщаться съ дѣломъ только черезъ годъ, а ревизіонная коми-
постративъ не мало времени и труда, поставлена въ необхо-
дость остановиться на однихъ общихъ итогахъ вѣдомостей и де-
сныхъ книгъ“.

Іто-же касается дѣятельности управы по управленію имуще-
ами и капиталами земства, то, по словамъ ревизіонной коми-
„управа считала все достояніе земства *едва-ли не болѣе, чѣмъ*
ей собственностью, систематически стремясь, какъ говорится,
опустить его возможно скорѣе. Едва-ли что-нибудь подобное
едставлялось у нашихъ земствъ, едва-ли какое либо земство,
агодаря управѣ, теряло такъ-бы скоро свои громадныя средства
ель мариупольское, и притомъ такъ непроизводительно, такъ
ыточно для будущаго“.

Такъ, напримѣръ, мариупольская управа въ своемъ отчетѣ со-
эршенно умалчиваетъ о передержкѣ въ 68,000 р., т. е. гораздо
олѣе половины всей смѣтной суммы 1875 года. Передержка эта,
лавнымъ образомъ, относится къ постройкамъ разныхъ сооруже-
ій, такъ что ревизіонная комисіа называетъ членовъ бывшей
правы не „земскими людьми, а аматерами-строителями“. Опера-
ція по части сооруженій весьма любопытна и заставляеть коми-
ію въ своемъ докладѣ заявить, что „строители дѣйствовали пре-
ступно, помышляя главнымъ образомъ о своихъ собственныхъ инте-
ресахъ“. Такъ, напримѣръ, земскій домъ, обошедшійся въ 75,000,
тогда какъ по первоначальной смѣтѣ онъ долженъ былъ стоить
около 50,000 и тогда какъ собраніе постановило, чтобы постройка
эта не превышала 60,000, — оказывается никуда негоднымъ; въ
домѣ „нестѣрпимая сырость“; „изъ двухъ амосовскихъ печей, одна,
служащая для большей половины зданія, не дѣйствуетъ еще съ
начала зимы“, въ самый годъ окончанія постройки: „ни одинъ изъ
многочисленныхъ дорогихъ вентиляторовъ не дѣйствуетъ“; „при
железной крышѣ, во время дождливой погоды, вода ручьями стре-
мится сквозь потолоки“; „полы намощены изъ видимо гнилого лѣ-
са: они рушились и провалились до такой степени, что при лег-
кой неосторожности лицъ, совершающихъ по нимъ движенія, гро-
зятъ имъ увѣчьемъ“.

Постройка велась хозяйственнымъ образомъ, подъ главнымъ наблюденіемъ предсѣдателя управы, г. Гампера, но какъ велась! Лѣсного матеріала по отчету значится издержаннымъ на 15,843 р., а между тѣмъ на 8,533 р. нѣтъ никакого счета. Предсѣдатель управы (онъ-же и строитель) былъ такъ предусмотрителенъ, что за 4 мѣсяца до начала постройки купилъ 875,000 кирпича, по 12 р. за тысячу безъ доставки, да за доставку управа платила 1 р. 50 к., такъ что кирпичъ обошелся въ 13¹/₂ р., тогда какъ въ моментъ заказа въ Мариуполѣ можно было купить кирпичъ не только оптомъ, но и въ розницу по 12 р. за тысячу съ доставкой. Относительно отчетности въ строительномъ матеріалѣ управа строго придерживалась той-же системы, какъ въ счетоводствѣ и денежной отчетности. На контрактахъ она росписывается въ полученіи кирпича „сполна“; въ отчетѣ показываетъ „остатокъ“ кирпича въ 80,000; новой-же управѣ передаетъ росписку, по которой „слѣдуетъ получить съ кирпичнаго завода 72,500 кирпичей“; между тѣмъ, „по счету перевозки, оказывается остатокъ кирпича въ 141,000“. Но, какъ-бы ни было, управѣ новаго состава были доставлены только 72,500 кирпичей, „по прошествіи трехъ лѣтъ со времени уплаты за него по 12 р., въ то время, когда дѣйствительная стоимость его была по 8 р. съ доставкой“. Гдѣ-же остальное количество кирпича? На этотъ вопросъ комисиія отвѣчаетъ такъ:

„По нѣкоторымъ даннымъ, могущимъ болѣе выясниться формальнымъ слѣдствіемъ, надо полагать, что *недостающее количество кирпича* (около 70,000) *находится въ Сартанѣ*, гдѣ члену управы Гадзану надо было построить домъ съ усадьбою, на что требовался кирпичъ чуть-ли не въ томъ самомъ количествѣ. Въ той-же усадьбѣ красуются и ворота отъ теперешняго земскаго двора, нигдѣ по счетамъ управы въ продажѣ незначащіяся, одна работа которыхъ обошлась земству въ 35 р. 20 к. (ворота стоятъ 90 руб.)“.

Мебель для земскаго дома на 5,450 р. приобрѣталась, по словамъ отчета ревизионной комисиіи, слѣдующимъ образомъ: „Деньги отпускались авансомъ члену управы Гадзану, который *наиболѣе цѣнныя вещи покупалъ у предсѣдателя* Гампера, и росписки послѣдняго въ книгѣ о полученіи денегъ служатъ *единственнымъ доказательствомъ* покупки, безъ всякихъ другихъ оправдательныхъ документовъ. Впрочемъ, *подобную-же услугу дѣлалъ и членъ предсѣдателя*, росписываясь въ продажѣ ему нѣкоторыхъ матеріаловъ на постройку земскаго дома“.

Изъ изслѣдованія комисиіи оказывается, что мариупольская управа систематически занималась постройками, причѣмъ не одинъ г.

Гамперъ наблюдалъ за сооружеиіемъ, но и другіе члены управы, и все это дѣлалось, по словамъ отчета ревизіонной комисіи, „въ то время, когда земская касса была истощена до крайности, когда для удовлетворенія самыхъ нетерпящихъ потребностей управа вынуждена была прибѣгнуть къ пользованію бывшими въ ея распоряженіи суммами, вовсе не принадлежащими земству, и къ займамъ денегъ, безъ уполномочія собранія“.

Какъ относилась управа къ постановленіямъ собранія, видно изъ слѣдующаго факта. Очереднымъ уѣзднымъ собраніемъ 1876 г. обнаружено было, что изъ продовольственнаго капитала, высланнаго губернской управой для выдачи въ ссуды сельскимъ обществамъ, пострадавшимъ отъ неурожая, — маріупольской управой израсходовано совсѣмъ на другія надобности болѣе 3,000 руб. На основаніи такого неправильнаго расхода, собраніе приказало управѣ немедленно пополнить эту сумму и не допускать дальнѣйшаго подобнаго расходованія изъ означеннаго капитала. Но управа, несмотря на такое категорическое постановленіе, „до передачи дѣлъ новому личному составу, втеченіи трехъ недѣль, расходуетъ еще болѣе 10,000 р. изъ того-же капитала, не только на потребности дѣйствительно нетерпящія, какъ жалованье учителямъ и проч., но и на предметы, неимѣющіе и тѣни подобнаго характера“.

Результатъ такой страсти къ зодчеству вышелъ крайне плачевный для земской кассы, такъ-какъ, по словамъ ревизіонной комисіи, маріупольская управа „издержала не по назначенію губернскихъ и переходящихъ суммъ болѣе 30,000, которыя и выплачиваетъ теперь земство“.

Отъ дѣятельности нашихъ земствъ мы обратимся къ дѣятельности нашего городского самоуправленія. Тутъ апатія большинства еще сильнѣе; что-же касается дѣятельности, то характеръ ея обуславливается полнымъ забвеніемъ о санитарныхъ нуждахъ столицы и городовъ.

„Въ Петербургѣ, говоритъ д-ръ Эрисманъ *), — существуетъ уже болѣе десяти лѣтъ водопроводъ; несмотря на это, большее число домовъ, населенныхъ бѣднѣйшимъ классомъ, даже въ тѣхъ кварталахъ, гдѣ проведена невская вода, не пользуется ею и должно брать воду для хозяйства и питья изъ рвонючихъ и грязныхъ городскихъ каналовъ. Для человѣка, привыкшаго къ лучшимъ условіямъ, такая вода служила-бы настоящимъ рвотнымъ; но нашъ рабочій людъ пьетъ ее безъ всякой предварительной

*) „Организація общественной гигиены въ Россіи“ („От. Зап.“ 1876 г., № 6.

очистки. Отсюда—наш водопроводъ существуетъ только для привилегированной части населенія. Несравненно печальнѣе состояніе очистки и дренажа нашихъ городовъ. Уже болѣе 10 лѣтъ толкутъ объ этомъ вопросѣ въ Петербургѣ; для предварительныхъ опытовъ выданы значительныя суммы, и можно составить цѣлую бібліотеку изъ того, что было говорено и писано по этому предмету. И тѣмъ не менѣе до сихъ поръ еще не сдѣлано никакого шага, который обѣщалъ-бы привести къ желанной цѣли.

Что-же касается помѣщеній бѣднѣйшаго класса населенія? Тутъ никакого сомнѣнія, „что въ этихъ притонахъ грязи, въ отвратительныхъ центрахъ скопленія рабочаго народа слѣдуетъ искать причины высокой смертности нашего города“.

„Кому хоть разъ, говоритъ почтенный докторъ,—пришлось взглянуть въ дома князя Вяземскаго, Пирогова и другіе, подобныя имъ, ночлежныя пріюты, кто однажды видѣлъ нары, гдѣ спятъ наши многочисленныя легковыя извозчики—у того сразу я, должны опуститься руки и онъ долженъ будетъ сознаться, что палативныя мѣры не могутъ имѣть здѣсь ни малѣйшаго значенія; въ самомъ дѣлѣ, существованіе подобныхъ жилищъ, которыя какъ-бы издѣваются надъ самыми скромными требованіями гігіены, слишкомъ сильно переплетено съ условіями жизни громаднаго числа рабочихъ, притекающихъ ежегодно въ нашу столицу. Тамъ, гдѣ на небольшомъ пространствѣ скучена сотня людей, одежда которыхъ покрыта грязною корой; гдѣ въ одной той-же комнатѣ стряпаютъ, стираютъ и занимаются разными ремеслами; гдѣ въ одномъ и томъ-же тѣсномъ помѣщеніи, и взорваннымъ платкомъ, служащимъ занавѣсомъ, родится новый товарищъ нищеты, въ то время, какъ въ другомъ углу кабой-нибудь несчастный мечется въ предсмертной борьбѣ,—тамъ, очевидно, самыя строгія приказанія насчетъ содержанія квартиръ въ чистотѣ

выполненія различныхъ гігіеническихъ правилъ должны разбиваться о бытовыя условія, какъ волна о гранитный утѣсъ. Отсюда существуетъ только одно средство для устраненія этихъ возмутительныхъ условій и улучшенія жилищъ рабочихъ—именно уничтоженіе или совершенная перестройка существующихъ теплыхъ притоновъ и устройство цѣлесообразныхъ помѣщеній въ широкихъ размѣрахъ. Къ сожалѣнію, за это средство у насъ до сихъ поръ еще не принимались“.

Но помимо этихъ, такъ-сказать, патентованныхъ притоновъ громадномъ размѣрѣ, вродѣ дома Вяземскаго или Пирогова и Малковомъ переулкѣ, у насъ въ столицѣ существуютъ чуть-ли не въ каждомъ домѣ маленькіе притоны въ видѣ подвальныхъ этажей, гдѣ за сравнительно дорогую цѣну предоставляется со-

дать свою жизнь. Что-же касается помѣщеній при фабрикахъ, при астерскихъ, при трактирахъ, въ типографіяхъ и т. п., то эти помѣщенія соединяютъ въ себѣ всѣ условія грязи, тѣсноты, спертаго воздуха и полнѣйшаго невниманія къ положенію служащихъ. Наконецъ, гоить заглянуть, какъ обыкновенно помѣщается прислуга въ квартирахъ даже состоятельныхъ людей, чтобы имѣть понятіе о томъ, въ какую небрежность относятся къ чужой личности... При наймѣ квартиръ обыкновенно заботъ о помѣщеніи для прислуги какъ-бы не существуетъ; есть отдѣльный уголокъ—хорошо, нѣтъ—и не надо. Гдѣ-нибудь и какъ-нибудь прислуга пріютится. Отдѣльныя хорошія комнаты для прислуги у насъ рѣдко встрѣчаются даже въ богатыхъ домахъ, поставленныхъ на англійскую ногу въ отношеніи комфорта. „У англійскихъ слугъ въ богатыхъ домахъ, говоритъ Тэнъ въ своихъ очеркахъ Англии,—есть своя зала, большая комната, гдѣ они ѣдятъ и бесѣдуютъ; у нихъ библіотека, пашки, шахматы, у cadaго своя комната“.

Бездѣятельность нашихъ городскихъ думъ въ отношеніи къ санитарнымъ нуждамъ города по-истинѣ изумительна. Впрочемъ, вообще наши думы не могутъ похвалиться своей дѣятельностью. Гласные рѣдко собираются. Вотъ нарисованная „Московскими Вѣдомостями“ картина засѣданія московскихъ представителей:

„Начинается скучное чтеніе протокола предыдущаго засѣданія, послѣ котораго раздается стереотипный, почти всегда остающійся безъ отвѣта вопросъ предсѣдателя: „не будетъ-ли возраженій противъ правильности составленія протокола?“ Затѣмъ докладываются какія-нибудь отношенія въ думу, письма, жалобы, заявленія, тоже лишь въ рѣдкихъ случаяхъ вызывающія какія-либо замѣчанія со стороны гласныхъ. Наконецъ, предсѣдатель предлагаетъ на обсужденіе докладъ, рѣшеніе котораго онъ считаетъ неотложнымъ. Судя по степени интереса и важности предложеннаго на обсужденіе доклада, въ средѣ гласныхъ замѣтно болѣе или менѣе сильное движеніе. Но это оживленіе крайне обманчиво, оно охватываетъ лишь нѣсколькихъ лицъ, постоянныхъ посѣтителей думы, привыкшихъ заявлять свой голосъ. Такіе гласные всѣ наперечетъ и наберется ихъ не болѣе десяти изъ 180 полнаго состава гласныхъ. Начинаются пренія, иногда очень оживленные; повидимому, интересъ ихъ постепенно усиливается, но напрасно ораторы обращаются къ собранію, чтобы вызвать въ средѣ его поддержку своимъ изреченіямъ. Гласные сидятъ недвижимо, съ видомъ подавляющей скуки. Вотъ одинъ изъ гласныхъ уже склонилъ на грудь свою томленную голову. Вотъ другой, пересаживаясь со стула на стулъ, крадется все ближе къ двери и мгновенно замираетъ на мѣстѣ въ позѣ пойманнаго школьника, когда городской голова, за

слышавъ произведенный имъ шумъ, строго взглянетъ въ его сторону. Этимъ моментомъ пользуется другой гласный на противоположной сторонѣ стола, подвигается со стула и, быстро оборачиваясь къ дверямъ, чтобы не встрѣтиться съ укоряющимъ взоромъ городского головы, еще быстрее скрывается изъ залы. Прижѣръ подаетъ и находитъ множество подражателей. Напрасно съ раздраженіемъ дребезжитъ звонокъ предсѣдателя, напрасно секретарь бѣжитъ за гласными съ цѣлю задержать ихъ до момента балотировки вопроса. Проходитъ еще нѣсколько времени, и предсѣдатель, окидывая собраніе грустнымъ взглядомъ, замѣчаетъ отсутствіе законнаго числа гласныхъ. Засѣданіе поневолѣ закрывается“.

Если въ петербургской думѣ засыпаютъ менѣе, то по результатамъ дѣятельность петербургской думы едва-ли плодотворнѣе московской, такъ-какъ вся дѣятельность ограничивается пререканіями, иногда бранью, назначеніемъ безчисленныхъ комисій и пустой болтовней. Разбирая годичную дѣятельность нашей столичной хозяйки, авторъ разбора, помѣщенного въ „Новомъ Времени“ (№ 931), послѣ перечня предметовъ занятій, бывшихъ на 82 засѣданіяхъ, дѣлаетъ слѣдующіе выводы:

„Изъ 82 засѣданій 12 засѣданій были посвящены почти исключительно балотировкамъ и перебалотировкамъ въ разныя должности и вновь создаваемыя комисіи; 10 засѣданій были пожертвованы извозному промыслу, остающемуся покуда въ томъ-же первобытномъ состояніи; 9 засѣданій занялъ вопросъ о Литейномъ мостѣ, разрѣшенный, однако, помимо думы; 6 засѣданій были посвящены также неоконченному вопросу объ урегулированіи столицы, осуществленіе котораго, конечно, можетъ послѣдовать не ранѣе, какъ черезъ десятки лѣтъ; 7 засѣданій было употреблено на разсмотрѣніе проекта инструкціи управѣ, но время это оказалось бесплодно потеряннымъ, такъ-какъ теперь поручено особой комисіи составить новый проектъ дѣлоустройства управы; 3 засѣданія шла рѣчь о мебелировкѣ квартиры градоначальника; 5 засѣданій были посвящены смѣтѣ, обсужденіе которой окончено только въ маѣ мѣсяцѣ, невходящемъ въ разсматриваемый нами годовой періодъ, и затѣмъ въ остальныхъ 30 засѣданій, на половину посвященныхъ выслушиванію разныхъ заявленій, было разрѣшено десятка два текущихъ дѣлъ. Просмотрѣвъ изложенный ходъ занятій думы, прежде всего бросается въ глаза отсутствіе всякой послѣдовательности въ этихъ занятіяхъ. Дѣла и разные вопросы вносятся въ думу какъ-будто совершенно случайно, на выдержку. Множество вопросовъ самой существенной важности для городского хозяйства остаются годами въ числѣ нерѣшенныхъ дѣлъ, а

между тѣмъ дѣла менѣе чѣмъ второстепенной важности выдвигаются впередъ и имъ посвящается все время. Состоявшіяся въ одномъ засѣданіи рѣшенія, безъ всякаго видимаго повода, измѣняются въ слѣдующемъ собраніи. Нерѣдко сами члены собранія громко выражаютъ сѣтованіе на медленный ходъ дѣлъ въ думѣ и указываютъ на необходимость скорѣйшаго разсмотрѣнія какого-нибудь вопроса, а въ то-же время, злоупотребляя своимъ правомъ дѣлать заявленія, занимаютъ цѣлыя собранія такими сообщеніями, которыя, быть можетъ, и имѣютъ какое-нибудь значеніе, но во всякомъ случаѣ могли-бы безъ особеннаго вреда быть отложены на время и не мѣшать разрѣшенію дѣлъ болѣе нужныхъ. Въ гласныхъ, хотя и весьма ретивыхъ, видимо не установилось настоящаго сознанія ихъ обязанностей; большинство изъ нихъ недостаточно знакомо съ городскимъ хозяйствомъ, они теряютъ изъ виду главнѣйшія нужды общественныя и останавливаются, быть можетъ, ради своей-же ретивости, но дурно направленной, на вопросахъ второстепенной важности, на мелочахъ“.

Въ настоящее время, какъ извѣстно, вслѣдствіе оставленія должности городского головы Н. И. Погребовымъ, въ Петербургѣ идетъ сильная агитація по поводу новыхъ выборовъ. Наша газетная пресса, разумѣется, принимаетъ участіе въ этомъ и рекомендуетъ выбрать головой умнаго, независимаго, энергичнаго человѣка. Нѣкоторые предлагаютъ выбрать человѣка съ извѣстнымъ положеніемъ, чтобы это положеніе помогло ему поддержать значеніе городского головы, какъ-бы говоря этимъ, что значеніе городского головы такъ ничтожно, что для поддержки этого значенія надо имѣть другое „извѣстное положеніе“.

Много совѣтовъ преподано будущему городскому головѣ, но въ числѣ совѣтовъ мы не замѣтили ни одного такого, въ которомъ-бы проглядывало желаніе обратить вниманіе на санитарное положеніе. Никто не сказалъ, что не важны для насъ скверы и фонтаны, не такъ важно электрическое освѣщеніе, какъ важны серьезныя заботы о санитарномъ положеніи, какъ важны радикальныя мѣры, которыя-бы прекратили существованіе притоновъ болѣзней и смерти, запретили-бы отдачу въ наемъ подваловъ, организовали-бы дѣйствительный, а не фиктивный надзоръ за помѣщеніями на фабрикахъ, мастерскихъ и т. п. Помочь этому во власти думы.

Если въ столицахъ городское самоуправленіе наше хромаетъ, если и здѣсь приобщившіеся къ городскому пирогу ловятъ рыбу въ мутной водѣ и нерѣдко пользуются значеніемъ гласныхъ въ видахъ чисто-личныхъ интересовъ; если въ Москвѣ руются черезъ

семь лѣтъ послѣ перестройки душою казармы *); если въ Петербургѣ, по словамъ газетъ, хлопоты о конно-железныхъ дорогахъ стоили концессионерамъ до 450,000 р. и случаются исторіи вродѣ исторіи съ фонтаномъ и скверами,—то что сказать о городскомъ самоуправленіи нашихъ провинціальныхъ городовъ? Отвѣтимъ на это слѣдующимъ любопытнымъ воззваніемъ начальника города Бердянска, адмирала Шмидта, къ бердянскимъ жителямъ. Этотъ любопытный документъ надняхъ помѣщенъ въ газетѣ „Новости“.

„Кому неизвѣстно, что ревматизмы, лихорадки, злокачественные нарывы, катарры всѣхъ сортовъ, одышки, воспаленія мозга, чахотки (особенно развиты), тифъ, дифтериты — уносятъ преждевременно страшное число жертвъ; скоро въ Бердянскѣ будетъ считаться рѣдкостью семейство, неопенесшее тяжкихъ и далеко не неизбѣж-

*) По словамъ „Совр. Извѣстій“, на первомъ-же засѣданіи послѣ канікулъ городской голова приподнесъ гласнымъ думы и всему городу довольно пріятный сюрпризъ. Всѣмъ извѣстно, что восемь лѣтъ тому назадъ Петровскія казармы городомъ были перестроены совершенно за-ново, причемъ, кромѣ стѣнъ и фундамента, все сдѣлано новое. Нынѣшнимъ лѣтомъ вдругъ оказалось, что въ этихъ, такъ недавно за-ново перестроенныхъ казармахъ, даже невзыскательному русскому солдату жить нельзя, ибо все грозитъ паденіемъ, все разрушается. Какъ! черезъ восемь-то лѣтъ послѣ передѣлки за-ново всего зданія?

А вотъ и другой образчикъ управческаго зодчества, со словъ той-же газеты: „Красныя ворота слыли до сего времени историческимъ монументомъ (хотя и довольно сомнительнаго свойства), и на этомъ основаніи не уничтожены, а реставрированы городской управой, и, если не ошибаемся, по хозяйственному способу. Въ настоящее время, только-что ценовлениы два года тому назадъ, они могутъ служить краснорѣчивымъ памятникомъ нѣжной заботливости управы къ стариннымъ постройкамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отличной иллюстраціей къ толкамъ о преимуществѣхъ хозяйственнаго способа городскихъ работъ. Дѣло въ томъ, что послѣ капитальнаго исправленія, дивнагося едва-ли не болѣе года, производившагося подъ непосредственнымъ наблюденіемъ члена строительнаго отдѣленія городской управы и обошедшагося думѣ или безъ чего-то или съ чѣмъ-то въ 7,000 р., Красныя ворота еще прошедшей осенью *протекали*, и на самомъ видномъ мѣстѣ, именно въ сводахъ надъ арками, и протекали такъ-же точно, какъ протекаетъ какаля-нибудь старая крыша са убогой избенкѣ. Это даетъ поводъ думать, что при починкѣ ихъ были упогреблены въ дѣло всѣ тѣ искусственныя приспособленія, какими щеголяютъ наши современные архитекторы и строители, вродѣ, наприимѣръ, кладен толстыхъ, повидному, каменныхъ стѣнъ въ два кирпича, причемъ все покое пространство между этими двумя кирпичами обильно засыпается щебнемъ, мусоромъ и мелкимъ камнемъ. Само собою разумѣется, что эта строительная композиція не выдерживаетъ ни малѣйшей сырости, которая и царитъ въ большей части современныхъ, особенно казенныхъ и общественныхъ построекъ. Что касается спеціально Красныхъ воротъ, то злые языки утверждаютъ, будто, вѣроятно изъ экономіи, при ихъ реставраціи были употреблены тѣ-же самыя старыя камни, но только укладывались другою стороною, то-есть та сторона, которая прежде глядѣла наружу, укладывалась внутрь, причемъ старыя камни за-ново обѣсыивались и для сообщенія имъ наиболѣе приличнаго вида смазывались цементомъ“.

ныхъ потерь; мало того, въ послѣднее время, можно сказать, въ Бердянскѣ стало жить опаснѣе, нежели въ осажденной непріателемъ крѣпости, гдѣ, по крайней мѣрѣ, знаешь, откуда слѣдуетъ ожидать опасности, а здѣсь глава семьи не можетъ быть никогда покоенъ, ибо не знаетъ, откуда придетъ бѣда и какая, въ видѣ ли дифтерита, чахотки, или иная, не менѣе ужасная.

„Не будемъ себя успокаивать тѣмъ, что люди вездѣ умираютъ. Дѣйствительно, умираютъ, но не въ такой пропорціи и не въ цвѣтъ лѣтъ.

„Изъ имѣющихся при полицейскомъ управленіи статистическихъ свѣдений видно, что смертность въ городѣ за послѣднія 5—6 лѣтъ, притомъ-же въ числѣ постоянныхъ, приписанныхъ къ обществамъ, жителей—около 15,000 душъ—почти удвоилась:

Въ 1869 г. на прав. и кат. кладб. пох.	271	чел.
„ 1870 „ „ „ „ „	316	„
„ 1871 „ „ „ „ „	338	„
„ 1875 „ „ „ „ „	467	„
„ 1876 „ „ „ „ „	482	„
„ 1877 „ „ „ „ „	519	„

„А въ настоящемъ 1878 году, къ половинѣ сентября мѣсяца, умершихъ считалось уже около 500 чел.; это безъ осеннихъ мѣсяцевъ... Оглянитесь кругомъ — вы ужаснетесь и перестанете гнѣвить Бога, ссылаясь во всемъ на Его промыселъ: для васъ сдѣлается очевиднымъ, что мору этому есть причина и что отъ васъ зависитъ удалить ее и тѣмъ санитарное состояніе города вдругъ замѣтно улучшить. Причина эта хорошо всѣмъ извѣстна: прежде всего нужно дать жителямъ возможность дышать сноснымъ воздухомъ, а не зловоніемъ, распространяемымъ нашими баснословными грязями и удушливою пылью — продуктомъ той-же отравленной миазмами грязи.

„Всѣмъ міромъ признано за несомнѣнный фактъ, что для народнаго здравія необходимо, особенно въ городахъ, поддерживать возможную чистоту и имѣть больше растительности, какъ необходимыхъ основъ здоровому воздуху, такъ-какъ безъ этого чело-вѣкъ легко подвергается всякимъ недугамъ; въ Бердянскѣ-же рѣшеніе этого давно уже всѣмъ міромъ рѣшеннаго вопроса подле-жить какъ-будто сомнѣнію.

„Оставимъ-же всякія сомнѣнія. Пожалѣемъ свои семьи и самихъ себя. Признаемъ за безусловно-необходимое избавить городъ отъ грязи, о зловоніи и размѣрахъ которой иногородній житель не сможетъ составить даже себѣ понятія, и отъ этой пыли, далеко неоднородной съ знаменитой нѣкогда одесской пылью, на которую любятъ указывать, для успокоенія самихъ себя, нѣкоторые бер-

дьянцы. Въ Одессѣ улицы ежегодно перемасивались, для чего возилась грязь и насыпался на улицы свѣжій матеріалъ, но настолько мягкій, что скоро превращался въ пыль, — слѣдовательно та пыль не имѣла времени насыщаться отравляющими здоровье частицами; а наша пыль, будучи безчисленное множество разъ превращаема въ вонючую грязь и снова въ пыль, имѣла полную возможность сдѣлаться отравленною; доказательство тому на лицо. Въ концѣ іюня было много дождей; по обыкновенію, на городскихъ улицахъ не замедлили образоваться глубокія лужи, гдѣ пыль, разжиженная водой, превратилась въ зловонную грязь; скотъ, возвращаясь изъ степи и имѣя жажду, напился этой микстуры, — и въ городѣ пало больше половины коровъ... Такъ что-же это? Скотъ падаетъ, отвѣдавши того, чѣмъ жители дышутъ. Можно-ли, при такомъ бѣдственномъ положеніи города, медлить? Вѣдь это равносильно руки на себя накладывать... Взгляните-же на вопросъ объ очищеніи города, т. е. на замощеніе улицъ и площадей, какъ слѣдуетъ, какъ на вопросъ о жизни и смерти городскихъ жителей, и безотлагательно принимайтесь чрезъ вашихъ выборныхъ къ устройству мостовыхъ; не говорите, что денегъ нѣтъ, — въ такихъ экстренныхъ случаяхъ деньги должны найтись. Обложите себя налогомъ хотя въ половину (само собой, пропорціонально доходности) противъ того, что платятъ одесскіе домовладѣльцы; составляйте приговоры на сборы: съ вывоза, съ вѣсѣвъ, съ каждаго колеса. Не думайте, что переплатите: грязь сѣдаетъ у васъ больше на переплатахъ по перепозу товаровъ, на ломкѣ колесъ и экипажей, на платѣхъ и на болѣзняхъ. Воспользуйтесь-же дарованнымъ государемъ городамъ самоуправленіемъ. Вліяйте на выборныхъ вашихъ. Не теряйте изъ виду, что большинство русскихъ городовъ пришли къ убѣжденію и отказались отъ производства работъ хозяйственнымъ способомъ, какъ отъ самаго неудобнаго. Вызывайте надежныхъ подрядчиковъ, на условіяхъ долгосрочнаго платежа, или входите въ условіе съ банками, съ извѣстными коммерческими домами, которые согласились-бы вымостить городъ въ два, три года и разсрочить выплату необходимаго для мостовыхъ капитала въ продолженіи двадцати и даже болѣе лѣтъ; такой способъ (въ долгъ) этой капитальной работы будетъ совершенно правильнымъ, потому что расходы на долгосрочныя сооруженія, по справедливости, должны падать не только на настоящихъ жителей, но и на послѣдующихъ. Не лишне будетъ высказать, что если-бы городъ и имѣлъ въ настоящее время экономію, то такую даже неправильно было-бы затрачивать на долгосрочныя сооруженія, — таковой капиталъ долженъ былъ-бы служить для нуждъ теперешнихъ жителей...

„Берегитесь усомниться въ крайней необходимости имѣть поскорѣй мостовыя и площади, засаженыя деревьями: можете горько пожалѣть, да будетъ поздно. Вѣрьте, гроза надъ головой у каждаго жителя уже собралась. Не ждите, пока она разразится и грянетъ громъ. Не забывайте, что, избави Богъ, если еще бичъ Божій—холера посѣтитъ нашъ городъ, при настоящемъ бѣдственномъ его положеніи, то горю и слезамъ не будетъ конца,—а вѣдь это не невозможно. Оставьте-же, въ виду такого ужаса, ваши копейные интересы. Поищите въ себѣ гражданскаго мужества, отрѣшитесь отъ пошленькаго эгоизма (что, молъ, меня Богъ милуесть, такъ что-же мнѣ-то и хлопотать), стойте за интересы вашего города, въ которомъ злодѣевъ нѣтъ, но если-бы кто по необдуманности сталъ возставать противъ благого дѣла, оттолкните его отъ себя, какъ неразумнаго и потому вреднаго человѣка. Торопитесь-же, Бога ради, и да избѣгните семейнаго разгрома, какой испытали уже очень многіе изъ живущихъ въ г. Бердянскѣ“.

„Начальникъ города и порта Бердянска Шмидтъ“.

Что на это „посланіе къ бердянцамъ“ отвѣтять мѣстные жители—вотъ въ чемъ вопросъ. Мы думаемъ, что они все-таки не перестанутъ „гнѣвить Бога“, какъ выражается почтенный адмиралъ, хотя и прочтутъ это воззваніе съ нѣкоторымъ пріятнымъ изумленіемъ, такъ-какъ вѣковая привычка пріучила ихъ къ увѣщаніямъ совсѣмъ не литературнаго характера.

К. С.—внчъ.

КАРТИШКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

ПИСЬМА „ЗНАТНЫХЪ ИНОСТРАНЦЕВЪ“.

ПИСЬМА ЛОРДА РОЗБЕРРИ.

(Переводъ съ англійской рукописи.)

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ.

Дорогая Дженни!

Принимаясь за продолженіе описанія моего пребыванія въ Москвѣ, предварительно замѣчу тебѣ, во избѣжаніе обвиненій съ твоей стороны въ непроизводительной тратѣ денегъ, что спиритическіе сеансы, которые я давалъ въ Москвѣ втеченіи двухъ дней дамамъ избраннаго московскаго общества (слава моя, какъ спирита, проникла и въ Москву),—не только окупили мою поѣзду, но и дали презрядный остатокъ. На ушко шепну тебѣ, дорогая моя, что московскія леди еще легковѣрнѣе петербургскихъ во всемъ, касающемся общенія съ загробнымъ міромъ, и еслибъ, вдобавокъ къ такому легкомыслію и общей склонности русскихъ дамъ къ спиритамъ иностраннаго происхожденія, твой Джонни не держалъ себя съ достоинствомъ вѣрнаго англійскаго джентльмена и скромностью Юсифа прекраснаго,—то, смѣю думать, гонораръ, собранный втеченіи двухъ дней, былъ-бы несравненно значительнѣе.

Въ качествѣ посредника между моими кліентами и разными джентльменами загробнаго міра, я нерѣдко удостоивался привѣтливыхъ взглядовъ и вѣжныхъ пожатій рукъ, но, откровенно сознаюсь, даже и эти невинные знаки сочувствія внушали мнѣ нѣкоторое безпокойство, такъ-какъ меня еще въ Петербургѣ предупреждали, что московскія леди при случаѣ обнаруживаютъ рѣ-

шительность и мстительность, свойственные, казалось-бы, уроженкам знойных странъ, а не холоднаго сѣвера. На основаніи вышеупомянутыхъ предупрежденій, я былъ крайне остороженъ въ рѣчахъ и взглядахъ и преимущественно направлялъ вниманіе моихъ знатныхъ посѣтительницъ на появленіе безплотныхъ духовъ и на бесѣды съ этими почтенными джентльменами. Само собою разумѣется, что въ качествѣ медиума, фамильярно обращающагося съ знаменитыми покойниками всѣхъ временъ и народовъ, я бывалъ нерѣдко посвящаемъ въ сердечныя тайны моихъ приглуговатыхъ (stupide) клиентовъ, но именно вслѣдствіе обилія этихъ тайнъ и въ первые сеансы находился въ затрудненіи: какъ отвѣчать на запросы нѣкоторыхъ леди относительно взаимности двухъ, трехъ и даже четырехъ джентльменовъ разомъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, знаменитые джентльмены, вызываемые мною съ того свѣта, стали отвѣчать на такіе запросы утвердительно и подобные отвѣты, какъ я замѣтилъ, производили наилучшее впечатлѣніе на спиритокъ-гадалыщицъ.

При личномъ свиданіи я расскажу тебѣ, Дженни, подробнѣе объ этихъ спиритическихъ сеансахъ съ русскими леди, а теперь продолжаю рассказъ о Москвѣ и ея достопримѣчательностяхъ.

Свиданіе съ знаменитымъ московскимъ журналистомъ произошло на третій день моего пребыванія въ Москвѣ. Наканунѣ я послалъ названному журналисту карточку при письмѣ, въ которомъ, выразивъ чувства уваженія, внушаемыя дѣятельностью почтеннаго главы московской партіи, просилъ забыть предубѣжденіе противъ англичанъ и доставить мнѣ удовольствіе позволеніемъ посѣтить названнаго джентльмена. Въ тотъ-же вечеръ, возвратясь съ обѣда, я нашелъ у себя на столѣ слѣдующее письмо на англійскомъ языкѣ:

„Милордъ! Я буду радъ видѣть васъ у себя завтра отъ часа до двухъ. Прошу вѣрить, милордъ, что я никогда не покидалъ своихъ симпатій къ славной націи, достойный представитель которой почтилъ меня вниманіемъ выше моихъ заслугъ. Я почту себя счастливымъ личнымъ знакомствомъ еще болѣе укрѣпить взаимную дружбу между обѣими націями“.

На слѣдующій день, ровно въ двѣнадцать часовъ, я отправился къ знаменитому журналисту, рассчитывая около часу быть у него, но непредвидѣнное обстоятельство задержало меня; въ одной изъ улицъ, по которой слѣдовало проѣхать, проѣздъ оказался невозможнымъ, такъ-какъ плотная толпа загромодила улицу и двинуться впередъ не было никакой возможности. Я вышелъ изъ кареты и обратился къ близъ стоявшимъ съ вопросами насчетъ этого обстоятельства, но, по обыкновенію, ничего опредѣленнаго узнать не могъ; одни говорили, что, вѣроятно, впереди происходитъ драка,

другіе, что вѣрно ждуть митрополита, третьи, наконецъ, увѣрили, что кто-то нечаянно разрубилъ какую-то женщину пополамъ шашкой. Не добившись толку, я кое-какъ протискался впередъ и увидаль передъ домою молодого всадника, около котораго хлопотали уже полисмены и просили его сдѣлать имъ честь отправиться въ police station. Тутъ-же мнѣ объяснили, что молодой всадникъ, проѣзжая мимо названнаго дома и увидавъ въ окнѣ знакомое личико женщины, пославшей ему воздушный поцѣлуй, мигомъ осадилъ своего коня и, не долго думая, понесся на немъ вверхъ по лѣстницѣ при громкомъ хохотѣ собравшейся на это зрѣлище толпы. Кавалеристъ успѣшно уже достигъ первой площадки и хотѣлъ-было продолжать свое восхождение далѣе, но содержатель книжнаго магазина, помѣщающагося въ томъ-же домѣ, вышелъ изъ дверей и освѣдомился у всадника насчетъ цѣли его путешествія. На этотъ вопросъ сперва послѣдовалъ энергическій отвѣтъ, а вслѣдъ за тѣмъ всадникъ быстро спѣшился и, принявъ содержателя книжнаго магазина за непріятеля, вицѣпился ему въ бакенбарды. Этимъ актомъ началась правильная битва, раздались крики, изъ дома повыскачали другіе жильцы, и, наконецъ, буянь былъ усмирень при помощи полисменовъ. На вопросы мои относительно цѣли такого восхожденія верхомъ на лѣстницу мнѣ отвѣчали ссылкой на удаль, свойственную русскимъ молодымъ людямъ, причеъ тутъ-же прибавили, что „на Москвѣ“ и не то еще бываетъ. Толпа между тѣмъ стала расходиться; я добрался до кареты и уже безирепятственно доѣхалъ до мѣста назначенія, потерявъ, однако, цѣлыхъ полчаса времени.

У подъѣзда большого дома меня встрѣтилъ весьма благообразный швейцаръ; проводивъ меня въ прихожую и снявъ съ меня пальто, онъ протянулъ безцеремонно руку съ требованіемъ, какъ здѣсь говорятъ, „на чай“. Я далъ ему двугривенный, по почтенный человекъ только покачалъ головой и прѣизнесъ:

— Вы генерала хотите видѣть?

— Я хочу видѣть редактора-издателя!

— Значить, самого генерала! Меньше рубля взять не могу. И то это дешево. Сами знаете, кого хотите видѣть! Это не то, что простой генераль какой-нибудь! прибавилъ онъ, выжидая съ протянутой рукой.

Я отдалъ бумажку и тогда онъ замѣтилъ:

— Потрудитесь подняться наверхъ. Тамъ васъ встрѣтятъ...

— Скажите, пожалуйста, и тамъ надо кому-нибудь дать?

— Нѣтъ, господинъ... Тамъ не нужно... Захватили-ли вы съ собою только паспортъ?

— Это зачѣмъ?.. удивился я.

— Вы, видно, порядковъ не знаете... Надо паспортъ, безъ паспорта не пропустить...

— Онъ со мною...

— Прописанъ?

— Прописанъ...

Изумленный отъ такого предупрежденія, я, признаться, Дженни, поднимался по широкой лѣстницѣ, устланной коврами и уставленной цвѣтами, нѣсколько смущенный и забывалъ даже отвѣчать на привѣтствія, которыми встрѣчали меня на площадкахъ джентльмены въ ливреяхъ, съ алебардами, отдавая мнѣ алебардами честь. Наконецъ, у послѣдней площадки алебардистъ распахнулъ передо мною двери и я вошелъ въ небольшую комнату, гдѣ за небольшимъ столомъ сидѣли два джентльмена въ штитыхъ мундирахъ (какъ послѣ я узналъ, сотрудники московской газеты). Одинъ изъ нихъ сдѣлалъ мнѣ подробный допросъ: кто я такой, зачѣмъ желаю видѣть „отца отечества“, — такъ называлъ онъ московскаго журналиста, — и откуда прїѣхалъ. Получивъ отъ меня удовлетворительные отвѣты на всѣ эти вопросы, тотъ-же джентльменъ попросилъ у меня паспортъ, и когда я подалъ его, занесъ его въ книгу и любезно возвратилъ его обратно *).

Затѣмъ джентльменъ, сопровождавшій меня, выдалъ мнѣ маленькую, бѣлую карточку, на которой былъ поставленъ штемпель, и любезно проводилъ меня до большихъ дверей, ведущихъ въ приемную комнату, куда затѣмъ я и послѣдовалъ.

Огромная, свѣтлая комната была полна посѣтителями. Я сѣлъ на одно изъ креселъ рядомъ съ какимъ-то пожилымъ джентльменомъ во фракѣ и съ крестомъ на шеѣ и принялся разглядывать приемную комнату. Всѣ стѣны были украшены портретами разныхъ знаменитыхъ покойныхъ и живыхъ писателей, между которыми я узналъ портреты: Коцебу, Менцеля, Булгарина, Греча, Лѣскова, Маркевича, Авенариуса, Авсѣенко и Аверкіева. Остальные портре-

*) Едва-ли нужно предупреждать читателя, что все описаніе посѣщенія московскаго журналиста не болѣе, какъ грубая и неправдоподобная ложь. Мы перевели это описаніе, чтобы показать читателямъ, какъ сочиняютъ иностранцы, когда дѣло касается разныхъ знаменитостей. Вѣрнѣе всего, что знатный иностранецъ вовсе не былъ у московскаго журналиста, а сочинилъ свой рассказъ со словъ какого-нибудь досухова мистификатора, вродѣ того, напримѣръ, какъ парижскій корреспондентъ „Новаго Времени“ сочинилъ посѣщеніе Виктора Гюго, у котораго названный корреспондентъ едва-ли когда-нибудь былъ. Въ этомъ отношеніи, кажется, путешественники всѣхъ націй не отличаются большой совѣстливостью и въ своихъ разсказахъ обѣдаютъ съ Гамбегами, завтракаютъ съ Бисмарками и пьютъ вермутъ съ Мак-Магонами несравненно чаще, чѣмъ-бы слѣдовало въ интересахъ правдивости повѣствованія.

ты были совершенно мнѣ незнакомы. Особенно обратилъ на себя мое вниманіе большой портретъ, висѣвшій посрединѣ одной изъ стѣнъ и окруженный лавровымъ вѣнкомъ. Послѣ я узналъ, что это портретъ покойнаго профессора и журналиста Леонтьева. Какъ говорятъ, это былъ весьма искусный профессоръ-журналистъ и тоже одинъ изъ столповъ отечества.

Посѣтителей, какъ я замѣтилъ, было довольно, и между ними, судя по костюмамъ, весьма презентабельные джентльмены; кромѣ того я замѣтилъ нѣсколько дамъ, журналистовъ и, между прочимъ, и того самаго московскаго купца, который, какъ ты знаешь изъ послѣдняго моего письма, былъ виновникомъ остановки моей станции.

Бесѣды велись очень тихо. У всѣхъ были лица серьезные, словно-бы преддверіе святилища, гдѣ находился „отецъ отечества“, невольно предрасполагало къ серьезнымъ мыслямъ.

Рядомъ со мною, съ другой стороны, шелъ разговоръ вполголоса. Говорили два почтенныхъ джентльмена о томъ, что теперь пора „отцу отечества“ заговорить инымъ тономъ. Время не терпитъ.

— Теперь самое время, говорилъ одинъ, — война окончена и, слѣдовательно, заняться внутренними вопросами можно безпрепятственно.

Жалобы двухъ почтенныхъ джентльменовъ шли не прерываясь. Едва кончалъ изливаться одинъ, какъ начиналъ другой. Наконецъ, словъ не хватило и оба джентльмена продолжали жалобы какими-то хрипящими звуками и жестами довольно вразумительнаго характера. Бѣдняги, казалось, задыхались и я хотѣлъ было посовѣтовать имъ, изъ чувства человѣколюбія, выпить по стакану холодной воды, какъ вдругъ они прекратили свое хрипѣнье, встретились и обратили свои взоры на большія двери, ведущія въ кабинетъ отца отечества.

Одна половинка дверей нерѣшительно колыхнулась, затѣмъ отворилась и разговоръ смолкъ. Но, какъ оказалось, волненіе было преждевременно. Въ пріемной показался молодой, блѣкурый джентльменъ съ красными, какъ у кролика, глазами. Онъ довольно красиво выгнулся всѣмъ своимъ станомъ, прищурился на дамъ и, нѣсколько рисуясь, прошелъ мимо посѣтителей, затѣмъ круто повернулъ и вернулся въ глубину комнаты, гдѣ стоялъ рояль, открылъ его, взялъ нѣсколько акордовъ и вслѣдъ затѣмъ раздались звуки какой-то неслыханной мною до сего времени музыки. Разговоры стихли; всѣ слушали.

Я былъ изумленъ. Зачѣмъ это въ пріемной комнатѣ концертъ? Я хотѣлъ-было обратиться за разъясненіемъ къ сосѣду, жаловавшемуся на судебныя установленія, но онъ уже сладко дремалъ и только

вытянутыя впередъ толстыя губы тихо шептали какія-то угрозы. Я повернулся налѣво и взглянулъ на упорно молчавшаго джентльмена съ крестомъ на шеѣ. Кургузый, плотный, съ угрюмымъ лицомъ, обросшимъ волосами, онъ походилъ на настоящаго медвѣдя, на котораго надѣли фракъ, стѣснявшій его движенія, и, повидимому, не позволялъ заподозрить себя въ склонности къ общительности. Однакожь я обратился къ нему.

— Извините, сэръ... Какая это музыка? спросилъ я вполголоса.

— Съ кѣмъ имѣю честь говорить? отвѣтилъ онъ мнѣ на мой вопросъ тоже вполголоса, но такъ, однакожь, громко, что я смутился отъ неожиданности.

— Лордъ Розберри... англичанинъ...

Но ни мой титулъ, ни моя нація не произвели на него, повидимому, никакого впечатлѣнія, и еслибъ я сказалъ, что я самъ, афганскій эмиръ или индійскій магараджа, названный джентльменъ не повель-бы бровью.

— Дворянинъ?

— Какже... Англійскій дворянинъ...

— Въ такомъ случаѣ очень радъ... Я самъ екатеринославскій дворянинъ и мировой судья...

Онъ пожалъ мнѣ руку и замѣтилъ:

— Вы спрашивали о музыкѣ... Чортъ знаетъ, какая это музыка. Говорятъ—нидерландская... Я вотъ третій день прихожу сюда и каждый день слушаю эту музыку. Рассказываютъ, что *самъ* очень любить нидерландскую музыку и потому приказываетъ этому кролику играть нидерландскія симфоніи.

— А кто этотъ молодой человекъ, котораго вы изволили называть кроликомъ?

— Вы развѣ не знаете? Это пріятель отца отечества, въ нѣ-которомъ родѣ его духовный сынъ... Знаменитый музыкантъ, композиторъ, литературный и музыкальный критикъ, фельетонистъ и професоръ Донъ Діего Кармазини...

— Иностранецъ?..

— Нѣтъ, русскій, а впрочемъ, можетъ быть, и нидерландецъ, Богъ его знаетъ, но только по-русски пишетъ очень бойко...

Мой сосѣдъ умолкъ и снова угрюмо насупился.

Донъ Діего Кармазини продолжалъ между тѣмъ играть, а я, взглянувъ на часы, замѣтилъ, что уже два часа.

— Извините, милостивый государь, еще за одинъ вопросъ...

— Не стѣсняйтесь... хоть два...

— Къ кому здѣсь обратиться, чтобы узнать, когда можно видѣть отца Отечества?

— А вот дежурный литераторъ придетъ. Сегодня дежурный—убійца Петра Великаго...

— Какъ вы сказали?..

— Убійца Петра Великаго. Это такъ въ шутку зовутъ драматурга Перекаверкиева; ужь очень, говорятъ, онъ доканалъ великаго государя плохими стихами.—А вамъ очень нужно сегодня-же видѣть отца отечества?

— Очень. У меня и приглашеніе есть.

— Ну это особая статья. Я вотъ по важному дѣлу третій день хожу и не могу видѣть самого. Трудно до знаменитыхъ людей добраться... А мое дѣло тоже не плевое, нарочно изъ Верхнедѣпровска прѣхалъ... Искать защиты противъ своихъ-же товарищей...

— Какъ такъ?

— А такъ, что они не судьи, а неблагонадежные люди... Были друзьями и ничего-себѣ, тоже екатеринославскіе дворяне и люди немолодые, и вдругъ стали злоумышленниками... Я такъ имъ и сказалъ на мировомъ съѣздѣ.

— Неужели?

— Вѣрно... Вообразите себѣ, они обвинили своего-же брата дворянина, и вдобавокъ кого-же обвинили-то! Петра Федотыча, прекраснѣйшаго человѣка, кума моего, дворянина настоящихъ твердыхъ правилъ, не то, что стали разводиться нынче... И туда хвостомъ вильнеть, и сюда... А этотъ хвостомъ не вилялъ, а чуть-что—прямо наотмашь... Я не выдержалъ. Я человѣкъ рѣшительный... Ужо будетъ верхнедѣпровцамъ. Прoberетъ ихъ отецъ отечества!

— Но почему-же, сэръ, вы такого дурного мнѣнія о вашихъ верхнедѣпровскихъ коллегахъ, которые, какъ вы сами-же говорите, люди немолодые, и притомъ почтенные землевладѣльцы?

— Что тутъ полагать! Притомъ я ни думать, ни полагать не люблю. Когда я думаю, у меня голова болитъ, и мнѣ докторъ совѣтовалъ никогда не думать; все равно, говорить, ничего не думаешь... А думай-не-думай, дѣло ясное!.. Зачѣмъ они, конспираторы, Петра Федотыча осрамили?

Очевидно, почтенный мой собесѣдникъ, какъ и многіе, впрочемъ, соотечественники его, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать въ томъ-же направленіи, не понималъ нисколько значенія слова, которое онъ теперь сталъ такъ часто повторять, и когда я простодушно попросилъ его нѣсколько подробнѣе объяснить мнѣ, что именно понимаетъ онъ подъ этимъ словомъ, то онъ сперва какъ-то весь натушился, такъ-что я боялся, что фракъ по швамъ лопнетъ, причѣмъ побагровѣлъ въ лицѣ, вѣроятно, отъ непривычки напрягать свою

мысль (отъ этого, надо думать, и докторъ предписалъ ему умственное воздержаніе) и, спустя нѣсколько секундъ, отвѣтили:

— Видите-ли... Это... Однимъ словомъ... Какъ-бы сказать?.. Ну то-же, что и нигилисты!

Бѣдняга, выговоривъ послѣднее слово, отдышался и взглянулъ торжествующе, словно-бы обрадовавшись, что напелъ, наконецъ, надлежащее опредѣленіе.

— Надѣюсь, теперь поняли?

— Поилиль, сэръ!

Изъ этого діалога ты поймешь, Дженни, какая еще патриархальность понятій должна царствовать въ Верхнедѣпровскѣ, родномъ городѣ названнаго джентльмена.

— А вотъ и дежурный литераторъ! толкнулъ меня въ бока мой сосѣдь.

Неспѣшной, нѣсколько развалистой походкой, поэтически приподнявъ голову кверху, шелъ по направленію ко мнѣ блѣбрысый джентльменъ. Онъ былъ въ лиловомъ мундирѣ, шитомъ серебряными лиліями, съ двумя золотыми метлами, вышитыми на груди, въ бѣлыхъ атласныхъ панталонахъ, на которыхъ вмѣсто лампасъ были вытканы золотыми буквами слова: „Московскія Вѣдомости“ (панталоны суживались къ шиволодкамъ, гдѣ перетянуты были голубой лентой съ бантомъ), въ шелковыхъ лиловыхъ-же чулкахъ и въ башмакахъ съ пряжками. Сбоку висѣла шпага, въ рукахъ у этого джентльмена была треугольная шляпа съ бѣлымъ плюмажемъ, а за ухомъ торчало перо, усыпанное бриліантами.

Приблизившись ко мнѣ, джентльменъ поклонился съ достоинствомъ и граціей маркиза XVIII столѣтія и сказалъ:

— Какъ о васъ прикажете доложить?

Я подалъ свою карточку и вмѣстѣ съ тѣмъ выданную мнѣ контрмарку.

— Отецъ отечества, милордъ, очень будетъ радъ васъ видѣть. Сейчасъ начнется выходъ, а потомъ вы получите аудіенцію немедленно.

— А когда-же мнѣ будетъ свиданіе?.. довольно угрюмо спросилъ сосѣдь.

— Сегодня непременно... непременно сегодня!

И съ этими словами, скользя по паркету въ тактъ съ нидерландской симфоніей, дежурный литераторъ обходилъ всѣхъ посѣтителей.

Затѣмъ послѣ обхода онъ сталъ посреди въ комнаты, махнулъ три раза рукой и громко воскликнулъ:

— Господа, приготовьтесь! Сейчасъ начнется выходъ...

И съ этими словами ушелъ обратно.

— Развѣ каждый день бываетъ выходъ? недоумѣвая отъ мною видѣннаго, спросилъ я у сосѣда.

— Разумѣется, каждый, но только „отецъ отечества“ не любить долго разговаривать здѣсь. Бесѣдами онъ занимается въ кабинетѣ... Однако, начинается...

Нидерландскій музыкантъ заигралъ маршъ изъ „Пророка“. Двери отворились настежь и передъ моими изумленными глазами началось, Дженни, шествіе замѣчательнѣйшей процесіи, какъ когда-либо видѣлъ.

Кортежъ медленно подвигался по залѣ, а московскій оркестръ изрѣдка кивалъ головой. Ты, Дженни, знаешь его по портрету и потому я не стану описывать его лица. Замѣчу только, что и его было очень озабочено... Когда онъ поравнялся со мной, шепнулъ что-то дежурному литератору, шедшему непосредственно зади него, и, получивъ вѣрно надлежащія объясненія, кивнулъ въ мою сторону привѣтливый кивокъ, на который я, развѣсивъ Дженни, отвѣтилъ низкимъ поклономъ.

Кортежъ медленно проходилъ вокругъ залы; донъ Диего Бальмазани вдохновенно игралъ маршъ изъ „Пророка“, а участвовавшіе въ процесіи продолжали пѣть, на мотивъ марша, хоралъ слова котораго я не могъ разобрать...

Картина, Дженни, была по-истинѣ величественная. Сколько я знаю, нигдѣ въ Европѣ слава журналиста не достигала такого уровня. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить съ другой стороны, что такой славы при жизни своей удостоивается только одинъ отецъ отечества. Остальные русскіе журналисты, особенно петербургскіе, какъ я писалъ тебѣ, вмѣсто процесій, вродѣ вышеупомянутой или отправляются безъ всякой процесіи въ Тарасовъ-отель, и тамъ же плачутъ на рѣкахъ вавилонскихъ о томъ, что ихъ доживаетъ меланхолія, хотя и регулируемая, такъ-сказать, уснѣхомъ розничной продажи.

Когда кортежъ скрылся, большая часть публики разошлась. Осталось нѣсколько человѣкъ, ожидавшихъ аудіенціи.

— Къ чему-же тѣ-то приходятъ? замѣтилъ я сосѣду, показывая на удалявшихся лицъ.

— Посмотрѣть лестно!..

И подлинно, какъ потомъ я узналъ, москвичи ежедневно приходятъ смотрѣть на эти выходы, а популярность почтеннаго журналиста, такимъ образомъ, укрѣпляется.

— Милордъ Розберри! громкимъ голосомъ произнесъ все тогда же дежурный литераторъ.

„Накопецъ-то!“ воскликнулъ я про себя и стулилъ, наконецъ, на порогъ святилища.

Въ большомъ, хорошо убранномъ кабинетѣ сидѣлъ за столомъ знаменитый журналистъ и привѣтствовалъ меня очень любезно, вставъ съ своего кресла и пожавъ дружески руку.

— Очень, очень радъ, милордъ, васъ видѣть! сказалъ онъ, подвигая мнѣ кресло. — Убійца Петра! крикнулъ онъ дежурному литератору. — Скажи, пожалуйста, нидерландцу, что можетъ перестать.

— Ну, какъ вамъ, милордъ, понравилась наша Москва?

Я, конечно, сказалъ, что Москва на меня произвела подавляющее впечатлѣніе...

— Да, милордъ, это чудный городъ. Здѣсь я воспитался, здѣсь я началъ свою дѣятельность и здѣсь я, съ божіей помощью, стою на стражѣ интересовъ Россіи, какъ цивилизованнаго государства. Трудно намъ, трудно, но что дѣлать, безъ труда ничто не обходится...

Онъ поникъ головою и я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы спросить:

— Но отчего, сэръ, вы встрѣчаете такія трудности? Сколько я замѣтилъ, Россія страна такая патріархальная и, наконецъ, васъ, сэръ, такъ почитаютъ, что едва-ли для васъ могутъ быть какія-либо трудности.

— Благодарю васъ, милордъ, за ваши любезныя слова. Я буду съ вами откровененъ, тѣмъ болѣе, что вы, въ качествѣ благороднаго лорда, конечно, вполнѣ раздѣляете мои мнѣнія... Вы, конечно, знаете, какимъ нападкампъ подвергаемся мы. Насъ обвиняютъ въ ретроградныхъ идеяхъ, говорятъ, что будто-бы мы рекомендуемъ режимъ безправія и привилегій. Это, разумѣется, клевета. Мы только хотимъ сдѣлать Россію счастливою. Короче сказать, мы хотимъ, чтобы наша родина не сдѣлалась мужчицкимъ государствомъ, а была-бы европейски-буржуазно-аристократическою страной... Теперь, напримѣръ, много говорятъ объ общинѣ, этомъ остаткѣ варварскихъ временъ, и возлагаютъ на нее надежды... Принципы личнаго владѣнія одни способны держать страну на высотѣ могущества. Что станется, милордъ, съ будущностью нашей страны, если мы станемъ поддерживать эти отжившія начала... Это поведетъ къ серьезнымъ затрудненіямъ и наши дѣти, милордъ, могутъ остаться съ одной латинской грамматикой въ рукахъ и удостоеніемъ отъ общества взаимнаго поземельнаго кредита, что имѣніе продано съ публичнаго торга... И такъ публикаціи о продажѣ имѣній растутъ съ каждымъ годомъ и съ каждымъ годомъ увеличивается общество червонныхъ валетовъ и дамъ...

Онъ псмолчалъ и продолжалъ:

— Я, милордъ, всѣми силами стою за культуру и принципы самыя культурныя и вотъ почему я очень одобряю классическое направление. Долгое изученіе классическихъ языковъ дѣйствуетъ благотворно на молодые умы. Ахъ, милордъ, и все-таки я не доволенъ. Мнѣ очень-бы хотѣлось государственныхъ экзаменовъ.

— Развѣ, сэръ, ваши общественные дѣятели не довольно мудры?

— Есть, разумѣется, очень мудрые, но все-таки, если-бы ввести государственные экзамены и допускать на занятіе должностей не иначе, какъ съ дипломомъ на государственную зрѣлость то тогда было-бы несравненно лучше. Получи-ка еще дипломъ и тогда поговоримъ! прибавилъ почтенный хозяинъ, весело улынувшись.

— Да, милордъ, очень мнѣ трудно, тѣмъ болѣе, что нѣтъ даже мистеръ Краевскій пошаливаетъ и нѣтъ-нѣтъ да и скажетъ что его обижаютъ.

Я улынулся. Мой собесѣдникъ отвѣтилъ улыбкой.

— Я знаю, милордъ, что мой collega въ сущности преисполненный патріотъ, но у него такая подписка и такая прекрасная рѣшительная продажа. Говорятъ, онъ печатаетъ до 20,000 номеровъ! — Насъ, милордъ, называютъ крѣпостниками. Разумѣется, это вздоръ.

Мой собесѣдникъ еще долго бесѣдовалъ на эту тему и заключилъ, что онъ большой англоманъ. Онъ желалъ-бы такого земельного устройства, какъ и у насъ въ Англии. Ему очень нравится въ этомъ отношеніи наша прекрасная страна.

Относительно распредѣленія правъ и обязанностей почтенный хозяинъ высказалъ весьма рѣшительныя сужденія. По его мнѣнію, обязанности людей, не получившихъ классическаго образованія, заключаются въ правѣ платить подати, а людей, получившихъ классическое образованіе, въ правѣ пользоваться широко жизнью и поощрять науку, искусства и разныя художества. Почтенный собесѣдникъ говорилъ очень краснорѣчиво, но при этомъ я замѣтилъ, что подозрительности его нѣтъ границъ. Такъ, наприимѣръ, онъ называлъ петербургскую журналистику виновницей въ подстрекательствахъ къ унынію.

Когда я позволилъ себѣ выразить, что, по моему мнѣнію, она одна изъ скромнѣйшихъ журналистикъ въ мірѣ, то онъ вдругъ засверкалъ очами и сказалъ:

— Нѣтъ, милордъ, вы ея не знаете. Она негодная. И еслибы въ Россіи была одна „Московская простыня“, то дѣла пошли-бы не въ примѣръ лучше... Противъ меня, продолжалъ онъ, — вездѣ вонь, вездѣ интриги, и я едва успѣваю слѣдить за ними.

— Позвольте, сэръ, отвѣтить откровенностью на откровенность. Вы въ самомъ дѣлѣ вѣрите въ крамолы противъ васъ?

Онъ взглянулъ на меня внимательно, потомъ весело улыбнулся и сказалъ:

— А вы, милордъ, какъ думаете?

— Я позволяю себѣ выждать вашего отвѣта.

— Вѣрю или не вѣрю, но такова моя роль. Идеаль нашъ въ социальномъ отношеніи—Англія.

— А въ политическомъ?

— О, чисто-славянскій. Безъ примѣси славянскій.

Мы еще побесѣдовали съ полчаса и расстались очень дружески. Почтенный хозяинъ проводилъ меня до дверей и взялъ съ меня слово пріѣхать къ нему обѣдать. Послѣ свиданія съ нимъ я понималъ, отчего онъ имѣетъ такое значеніе. Вернувшись къ себѣ, я набросалъ только-что изложенное въ дневникъ и спѣшилъ ѣхать на обѣдъ къ одному весьма интересному русскому джентльмену. Однако, письмо вышло очень длинное. До слѣдующаго.

Письмо двадцать-пятое.

Дорогая Джени!

Съ мистеромъ N, у котораго я обѣдалъ, познакомилъ меня на другой-же день пріѣзда въ Москву мой петербургскій пріятель, червонный тузъ, какъ съ человѣкомъ, по его словамъ, замѣчательнаго ума и административныхъ способностей. Кстати тутъ-же замѣчу, что пріятель мой послѣдніе дни пребыванія моего въ Москвѣ, по случаю болѣзни своей племянницы, съ которой онъ такъ неожиданно встрѣтился на желѣзной дорогѣ, неотлучно находился при ней и потому очень рѣдко заходилъ ко мнѣ, причемъ всякій разъ просилъ меня какъ-нибудь не проговориться при его супругѣ (весьма достойной, но очень некрасивой леди), о племянницѣ, такъ-какъ извѣстіе о ея болѣзни, по его словамъ, причинитъ ей величайшее огорченіе.

Мистеръ N былъ далеко еще не старій джентльменъ, хотя сѣдина и серебрила слегка его блестящіе черные волосы, съ военной выправкой, стройный, статный и съ весьма либеральнымъ образомъ мыслей. Онъ слегка фрондировалъ и въ тонѣ его голоса, а также въ выраженіи его прекрасныхъ черныхъ глазъ проглядывала нѣкоторая меланхолія съ оттѣнкомъ раздраженія. Онъ находилъ, что можно и даже должно русскому общественному дѣятелю обходиться безъ крутыхъ мѣръ, ограничиваясь такъ-называемыми мѣрами кротости, разнообразіе которыхъ, по его спра-

ведливымъ словамъ, такъ велико, что остается благоразумно только ими пользоваться.

Онъ недавно только покинулъ какой-то частный административный постъ, на которомъ онъ, по счастливому выраженію мѣстной газеты, напутствованной его при отъѣздѣ теплой передовой статьей, „несмотря на самое короткое время (всего три недѣли) успѣлъ, однакожь, снискать уваженіе начальниковъ, почтеніе гражданъ и любовь подчиненныхъ“. И за это благодарные граждане передъ разставаніемъ сдѣлали ему банкетъ, а любящіе подчиненные поднесли драгоценную, бриллиантами осыпанную трость, въ которой были сдѣланы маленькія фотографическія изображенія къ подчиненныхъ въ іерархическомъ порядкѣ. Такъ, на самомъ вершкѣ у набалдашника, шли портреты старшихъ сотрудниковъ, а внизу у самаго конца палки — портреты сторожей.

Во время перваго моего визита къ почтенному мистеру N я и въ случай видѣть у него въ шкафу нѣсколько десятковъ такихъ драгоценныхъ привошеній, между которыми, впрочемъ, были не одѣ только трости, но находились альбомы, письменные приборы и кубки, которые втеченіи разнообразной карьеры мистера N подносили ему благодарные подчиненные.

За десять минутъ до шести часовъ я подъѣхалъ къ небольшому дому-особняку, принадлежащему мистеру N, въ которомъ онъ жила и поселился. Мистеръ N встрѣтилъ меня съ обычнымъ русскимъ дружелюбіемъ и тотчасъ-же представилъ своей супругѣ выразительной брюнеткѣ, имѣющей за собой, по словамъ зващихъ ее людей, славу весьма искусной помощницы мужа въ административныхъ дѣлахъ, и двумъ дочерямъ, молодымъ дѣвушкамъ привлекательной наружности. Затѣмъ онъ меня познакомилъ съ нѣсколькими джентльменами, бывшими тутъ-же въ гостиной. Всѣ эти господа были, какъ и почтенный хозяинъ, не у дѣла и у всѣхъ у нихъ въ глазахъ, — такъ, по крайней мѣрѣ, показалось мнѣ, — были отгѣнокъ какой-то меланхолии, хотя въ разговорѣ они и обнаруживали беззаботную поп chalance и даже нѣкоторую радость, что не несутъ на себѣ никакого бремени отвѣтственности. Хотя въ гостиной и шель обычный свѣтскій разговоръ, но какъ только онъ касался какого-либо служебнаго назначенія, то и хозяинъ, и гости какъ-то особенно внимательно слушали и дѣлали замѣчанія, въ которыхъ слышалось раздраженіе и затаенная боль...

— Мы теперь, милордъ, слава-богу, отдыхаемъ! Онъ такъ усталъ, такъ усталъ! говорила мнѣ хозяйка послѣ обычныхъ вопросовъ о томъ, какъ понравилась мнѣ Россія.

— Но, вѣроятно, миледи, вамъ отдыхать придется недолго. Способности вашего мужа такъ извѣстны...

— Ахъ, не говорите мнѣ объ этомъ!..—И почтенная леди даже замахала руками. — Не говорите пожалуйста. Довольно съ него. Онъ теперь такъ счастливъ, отдавшись своимъ ученымъ занятіямъ...

— А вашъ супругъ чѣмъ именно занимается?..

— Онъ изслѣдуетъ вопросъ о происхожденіи мѣднаго змѣя, какъ эмблемы древнихъ египтянъ... Онъ давно занимается этимъ вопросомъ, но служба не давала ему возможности продолжать занятія, а теперь, надѣюсь, вопросъ о мѣдномъ змѣѣ, наконецъ, будетъ разрѣшенъ...

— Она слишкомъ много говорить о моихъ занятіяхъ, милордъ, шутливо вмѣшался въ нашъ разговоръ почтенный хозяинъ. — Конечно, вопросъ о мѣдномъ змѣѣ не лишень интереса, но наступить лѣто и мы уѣдемъ въ деревню... Теперь наше дѣло—капусту садить!..

— Именно — капусту садить! хорошь подтвердили остальные джентльмены.

— Надобно, милордъ, къ землѣ поближе... Сельская жизнь, природа, капуста и въ часы досуга изслѣдование о мѣдномъ змѣѣ или о головномъ уборѣ древнихъ персовъ...

— Капусту садить — это такое наслажденіе! снова подхватили другіе джентльмены.

Какъ кажется, Дженни, большая часть русскихъ джентльменовъ не у дѣлъ имѣеть обыкновеніе переходить отъ общественной дѣятельности къ сажанію капусты. По крайней мѣрѣ, я не разъ встрѣчалъ въ Россіи джентльменовъ, которые немедленно послѣ увольненія заявляли, что теперь они будутъ заниматься именно капустой, одной капустой и ничѣмъ болѣе. Вѣроятно, отъ этого культивированіе капусты въ Россіи дошло до высокой степени совершенства. Замѣчательно при этомъ, что всѣ отставные русскіе дѣятели, даже изъ самыхъ маленькихъ, чувствуютъ неодолимое влеченіе именно къ сажанію капусты, словно это единственное занятіе, на которомъ они могутъ проявить свои способности съ тѣмъ-же блескомъ, съ какимъ проявляли при общественной дѣятельности. Такъ еще въ Петербургѣ я случайно встрѣтился съ однимъ незначительнымъ знакомымъ чиновникомъ изъ хозяйственнаго департамента, который только-что оставилъ службу, и на вопросъ мой, чѣмъ онъ будетъ заниматься, мой знакомый отвѣтилъ съ гордостью:

— Теперь, милордъ, наше дѣло—капусту сажать!

Черезъ нѣсколько дней я снова встрѣтилъ того-же джентльмена и спросилъ:

— Ну, какъ ваша капуста?

Но, къ крайнему моему изумленію, онъ на этотъ разъ даже обдѣлся.

— Какая капуста?

— А помните, вы собирались капусту сажать!

— Ахъ, да... капусту!.. Пока я это намѣреніе отложилъ, такъ-какъ меня снова призвали къ дѣятельности и я, пока хватитъ силъ буду теперь садить сѣмена: просвѣщенія въ головы молодого ер-колѣнія (онъ, Дженни, получилъ мѣсто по педагогической части, а капуста отъ меня не уйдетъ... Если мои силы ослабѣютъ и мнѣ придется уйти, то тогда... тогда—гордо прибавилъ чиновникъ—стану капусту сажать.. Всѣ наши администраторы—и не мнѣ чѣмъ всегда капусту сажаютъ, вѣдь это такъ легко и полезно провъ геморою...

Такимъ образомъ, самъ хозяинъ и всѣ гости его продолжали еще рѣчи о капустѣ, во время которыхъ, какъ я замѣтилъ, хозяйка внимательно выглядывала въ лицо своего мужа, какъ явился мнѣ и доложилъ, что супъ поданъ.

Мнѣ выдала на долю честь вести хозяйку дома къ столу и въ дорогѣ она замѣтила мнѣ:

— Если-бы вы знали, милордъ, какъ хорошо мой мужъ управляетъ частнымъ учрежденіемъ... Ахъ, какъ хорошо! Три благодарности въ три недѣли, но на четвертую онъ вдругъ почувствовалъ, что силы оставляютъ его, и просилъ отдыха...

Обѣдъ былъ превосходный. Разговоръ сперва продолжался въ томъ-же направленіи: говорили о прелести разведенія капусты, причѣмъ и хозяинъ, и гости поддѣрживали свои доводы историческими примѣрами. Вспоминали о Цинцинатѣ, о Вашингтонѣ, о Карлѣ V и указывали на таковыя-же примѣры изъ ближайшихъ временъ. Такъ, на примѣръ, по словамъ почтеннаго хозяина, извѣстный доблестный старецъ Николай Тимофѣевичъ, внезапно оставившій блестящую карьеру, тоже сажалъ капусту до тѣхъ поръ, пока смерть не застала его на огородѣ. Въ своихъ запискахъ, которыя, вѣроятно, будутъ напечатаны въ „Русской Старинѣ“, почтенный старецъ прямо указывалъ, что это занятіе укрѣпляетъ духъ и совершенно соотвѣтствуетъ тѣмъ занятіямъ, которымъ онъ посвятилъ лучшіе свои годы, съ тою только разницею, что тутъ нѣтъ ни интригъ, ни зависти, ни тревоги. И потому, между прочимъ, совѣтовалъ этотъ старецъ: „большіе и малые, гордые духомъ и смиренные, оставьте свои занятія и переселитесь на огороды“. Въ тѣхъ-же запискахъ, по словамъ почтеннаго хозяина, старикъ предлагалъ устроить вокругъ столицы обширные огороды и предоставить ихъ кандидатамъ на администра-

тивныя посты, дабы показать имъ, что только въ капустѣ они могутъ найти истинное счастье.

Сколько я замѣтилъ, разговоръ этотъ не особенно занималъ двухъ молоденькихъ дѣвушекъ, сидѣвшихъ среди русскихъ Цинцинатовъ. Одна изъ нихъ какъ-то насмѣшливо вздергивала губками, слушая эти нескончаемыя рѣчи, и была наказана за это строгимъ взглядомъ матери.

Послѣ четырехъ блюдъ и нѣсколькихъ бутылокъ вина разговоръ, впрочемъ, принялъ иное направленіе и съ капусты перешелъ къ современному положенію дѣлъ. И тогда вдругъ всѣ начали жаловаться. Хозяйка говорила, что надо что-нибудь сдѣлать съ рублемъ и съ образованіемъ женщинъ.

— Рубль нашъ, говорила она, — таетъ не по днямъ, а по часамъ. Надо что-нибудь съ нимъ сдѣлать... Что-же касается образованія женщинъ, то, по моему мнѣнію, мы идемъ къ пропасти. Мы заботимся о женщинахъ-медикахъ, а не заботимся о женщинахъ-администраторахъ, а это большой пробѣлъ... Женщина должна быть помощницей мужу, а такъ-какъ у насъ мужа почти всѣ гдѣ-нибудь да администрируютъ, то, слѣдовательно, отъ женщины тоже требуется умѣнье администрировать. Я учу этому своихъ дочерей! прибавила леди.

Нѣсколько удивленный, я позволилъ себѣ попросить нѣкоторыхъ разъясненій, что почтенная хозяйка съ удовольствіемъ и исполнила.

Молодые барышни слушали разумныя рѣчи матери, потупивъ глаза, но, показалось мнѣ, судя по лукавымъ взглядамъ, бросаемымъ ими по временамъ, онѣ сознавали, что и безъ курса администраціи, преподанной имъ матерью, онѣ сумѣютъ вліять на своихъ будущихъ супруговъ.

— У насъ, милордъ, на этотъ вопросъ, къ несчастію, мало обращаютъ вниманія, и вотъ одна изъ причинъ, добавила она тихо, — почему многіе у насъ иногда принуждены бьвають посвящать свои силы на сажаніе капусты... Конечно, это — прекрасное занятіе, но что-же тогда дѣлать умной женщинѣ? Не идти-же ей въ доктора. Это прилично развѣ какимъ-нибудь бѣднымъ дѣвушкамъ, а не дѣтямъ нашего общества, которымъ придется нести на себѣ заботы общественной дѣятельности. Я съ гордостью скажу: мои дочери приготовлены. Вы, милордъ, посмотрите... Я смѣло передъ вами похвастаю, чтобы вы у себя въ Англіи могли сказать, что не всѣ русскія матери ведутъ дѣтей своихъ къ погибели.

Самъ хозяинъ съ какою-то робостью взглядывалъ на свою

супругу, когда она по временамъ бросала на него серьезные взгляды.

Я былъ, Дженни, просто очарованъ послѣ экзамена, который былъ сдѣланъ почтенной леди своимъ дочерямъ въ моемъ присутствіи. Такія молоденькія дѣвушки и такъ много знаютъ! Я привѣтствовалъ молодыхъ миссъ и позволилъ себѣ выразить, что если-бы насъ въ Англіи матери такъ-же серьезно занимались образованіемъ своихъ дочерей, то, по всей вѣроятности, лордъ Биконсфильдъ въ время былъ-бы остановленъ отъ многихъ промаховъ своей политики и не испыталь-бы тѣхъ нареканій, которыя на него свалились теперь.

Мужчины продолжали жаловаться (о капустѣ какъ-будто не были). Они жаловались и на судъ, и на земство, и на мѣры. Въ вопросу о мѣрахъ поднялся-было споръ; такъ въ числѣ присутствовавшихъ были джентльмены, стоявшіе за самыя энергичныя мѣры, особенно часто употреблявшіе слова: „сразу“, безъ „дальнѣйшихъ разговоровъ“, „по-военному“ и т. п., а другіе, и въ числѣ почтенный хозяинъ, находили, что сразу нельзя и хотя разговоры сами-по-себѣ вещь ненужная, но что нельзя всѣмъ оставить „дальнѣйшіе разговоры“, такъ-какъ и они служатъ весьма хорошимъ средствомъ успокоенія... Споръ, возникшій, однако, по этому поводу, былъ вскорѣ прекращенъ умной хозяйкой, которая со свойственною ей живостью объявила:

— Мнѣ кажется, господа, что вы спорите изъ-за неважныхъ деталей. Сразу-ли или не сразу, безъ разговоровъ или съ разговорами, а мѣры останутся мѣрами...

Послѣ обѣда дѣвицы сѣли играть на фортепіано въ четыре руки, а хозяйка и всѣ мы перешли въ кабинетъ, куда намъ подали кофе. Подъ вліяніемъ-ли сытнаго обѣда или выпитаго вина, но только когда мы всѣ усѣлись въ мягкія кресла, то разговоръ снова принялъ индивидуальный характеръ разговора о капустѣ, къ нѣкоторому неудовольствію хозяйки.

— Скажите, милордъ, у васъ тоже государственные люди во время отдыха сажаютъ капусту? спросилъ меня одинъ изъ джентльменовъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, — Гладстонъ, правда, рубить дрова и собираетъ черепки, но больше занимается классиками, не оставляя, впрочемъ, интереса и къ современнымъ событіямъ...

— А что будетъ дѣлать Биконсфильдъ?

— Вѣроятно, станетъ снова писать романы...

— А мы, милордъ, предпочитаемъ сажать капусту. То-ли дѣло—чистый воздухъ... деревенская жизнь... Классики, конечно, полезны, но, по совѣсти говоря, мы все позабыли...

— Такъ отчего-же и вамъ, милордъ, на досугъ не написать романа?.. При вашемъ знаніи жизни и опытности, вы могли-бы написать интересный романъ.

— Оно, конечно... могли-бы, но, откровенно говоря, мы забыли теорію словесности и, пожалуй, напишешь не такъ, какъ слѣдуетъ... Впрочемъ, нѣкоторые пишутъ... какже, пишутъ... Вотъ, напримеръ... „Скрежесть зубовныѣ“ недавно въ „Русскомъ Бѣстникѣ“...

— Это Авсѣенко пишетъ! сухо замѣтила хозяйка. — Онъ не отставной администраторъ.

— А я по заглавію думаль... Заглавіе подало мнѣ поводъ думать...

— Напрасно вы имъ предлагаете писать романы, замѣтила хозяйка, уводя меня въ гостиную. — Развѣ они могутъ писать романы?.. Они, блаженные, забыли грамоту, и если-бы не мы, женщины, то они-бы разучились писать... право...

Между тѣмъ принесли столы и карты и джентльмены усѣлись играть, а я распростился съ хозяевами и незамѣтно уѣхалъ домой, напутствуемый самыми любезными пожеланіями со стороны хозяевъ.

Приѣхавши домой, я хотѣлъ-было переодѣться и ѣхать на засѣданіе юридическаго общества, гдѣ, какъ говорили мнѣ, мистеръ Лохвицкій будетъ пѣть куплеты изъ Прекрасной Елены, но почувствовалъ такую усталость, что отказался даже отъ куплетовъ, прилегъ на диванъ и задремалъ... Я не могу сказать, долго-ли я дремалъ, какъ меня разбудили какіе-то голоса, раздающіеся изъ сосѣдней комнаты. Я очнулся. Рядомъ съ моей комнатой велись бесѣды очень громко. Кто-то рассказывалъ о переходѣ черезъ Балканы, причемъ голосомъ изображалъ звуки сигнальныхъ рожковъ и барабановъ, а кто-то другой рѣшительнымъ голосомъ перебивалъ рассказчика и говорилъ: „Ахъ, какъ вретъ... Боже мой, какъ онъ вретъ!“ Но, какъ видно, рассказчикъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на эти реплики и продолжалъ свой переходъ какъ ни въ чемъ не бывало.

Признаюсь, шумъ по сосѣдству начиналъ раздражать меня и я вышелъ въ коридоръ прогуляться, какъ изъ двери сосѣдней комнаты показался тотъ самый верхнедѣпровскій дворянинъ, котораго я утромъ видѣлъ у московскаго журналиста. Онъ былъ въ халатѣ, въ рукахъ держалъ трубку и не обнаруживалъ въ своемъ поросшемъ волосами лицѣ той угрюмости, которую выказывалъ утромъ.

— А, господинъ Мехмедъ-Али! Какъ я радъ васъ встрѣтить! закричалъ онъ точно изъ бочки, протягивая свою широкую лапу.

— Вы вѣрно забыли... Я не Мехмедъ-Али... Я лордъ Розберри...

— Ну, простите... спуталь... Милости просимъ ко мнѣ... А журналистъ-таки принялъ меня сегодня и верхнеднѣпровскіе колегамъ уже будетъ. Онъ обѣщаль пробрать ихъ... Я, говорить на стражѣ стою... Этакій умница... этакій, можно сказать, генеральный человѣкъ... Да зайдите-же... васъ какъ звать?

— Лордъ Розберри...

— Да нѣтъ... что мнѣ лордъ... Какъ имя-то ваше?

— Джонъ...

— А по батюшкѣ?

— Отецъ мой назывался Вильямъ...

— Ну, такъ, Иванъ Васильичъ (онъ быстро передѣлалъ мое имя на русскій ладъ), прошу... У меня тоже проѣзжіе сидятъ. Прекрасные люди: храбрый отставной мичманъ Дырка и бывшій военный корреспондентъ. Образованный человѣкъ. Заходите-же...

И онъ почти силою втащилъ меня въ свой номеръ.

Тамъ я встрѣтилъ двухъ молодыхъ джентльменовъ, съ которыми меня верхнеднѣпровскій медвѣдь тотчасъ и познакомилъ:

— Рекомендую вамъ отставного мичмана. Такихъ мичмановъ Иванъ Васильевичъ, во всей Англiи ни одного не найдетъся. Онъ батюшка, у насъ на рыбацкѣй лодкѣ съ двумя турецкими бренокосами сраженіе выдержалъ, и мало того, что выдержалъ, но еще ко дну ихъ пустилъ, во славу русскаго оружія. И ни мало этимъ не гордится.

Я пожалъ руку храброму мичману и заявилъ, какъ лестно мнѣ привѣтствовать храбреца, свершившаго столь славный подвигъ.

— О, это совершенная случайность! со скромностью отвѣчалъ мичманъ.—Право, случайность. Никто, какъ Богъ!

Я, Дженни, съ натуральнымъ любопытствомъ смотрѣлъ на этого храбреца и рассчитывалъ найти въ лицѣ его что-нибудь необыкновенное, но лицо было самое простое, съ парюю маленькихъ, бойкихъ карихъ глазъ.

— А вотъ корреспондентъ. Тоже, батюшка, я вамъ доложу... Послушайте-ка, что онъ совершилъ на Балканахъ. Вы послушайте!..

— Очень пріятно познакомиться! прошепталъ я, вполне довольный, что попалъ въ общество такихъ замѣчательныхъ людей.

— А мнѣ тѣмъ болѣе, такъ-какъ съ однимъ изъ вашихъ компатріотовъ мы большіе друзья. Съ корреспондентомъ Форбсомъ, Арчибальдомъ Форбсомъ... Вмѣстѣ на Шипкѣ были. Онъ даже мнѣ большую услугу оказалъ: на Балканахъ дочь мою крестилъ.

— Какъ дочь? Развѣ ваша супруга...

— Ну, разумѣется, была вмѣстѣ неразлучно. Она въ мужскомъ

платѣ, и вообразите положеніе: на Балванахъ, на самомъ гребнѣ, кругомъ вѣтеръ у-у-у, такъ и воетъ, и вдругъ неприятное положеніе. Думали—погибнемъ, но ничего, все обошлось благополучно и мой другъ Форбсъ былъ крестнымъ отцомъ. Объ этомъ онъ даже въ „Daily News“ писалъ.

Я присѣлъ и, послѣшивъ выразить глубочайшее почтеніе къ названному джентльмену, хотѣлъ просить его рассказать кое-что изъ пережитаго имъ на войнѣ, но названный джентльменъ былъ такъ обязателенъ, что, не дожидаясь просьбы, уже сталъ рассказывать, запивая свои слова глотками чая.

Онъ рассказывалъ, Дженни, очень много интересныхъ вещей и, къ несчастію, совсѣмъ у насъ въ Англіи неизвѣстныхъ. Такъ, на примѣръ, оказывается, что, собственно говоря, въ отрядъ генерала Гурко распоряжался не самъ генераль, а джентльменъ, съ которымъ я имѣлъ счастье бесѣдовать.

— Конечно, говорилъ онъ съ рѣшительностью и категоричностью, отличающими истинныхъ полководцевъ,—Гурко храбрый генераль, спору нѣтъ, но по стратегіи слабъ. Слабъ, надо правду говорить. И начальникъ штаба его, хотя тоже достойный человекъ, но нѣтъ у него настоящаго глазомера. Вотъ однажды, это было подъ Горнымъ Дубнякомъ, генераль и задумался, гдѣ поставить батарею, а я лежу на бурѣ около и посмѣиваюсь. Что, говорю, генераль, задумались?—А гдѣ ставить батареи.—Ну, я и намекнулъ, что я въ этомъ дѣлѣ кое-что смеваю.—Поѣдемъ, говорить, на позиціи.—Поѣдемъ.—Поѣхали. Онъ на бѣломъ, а я на сѣромъ конѣ. Его конь стоилъ сто тысячъ рублей, а мой конь пятьдесятъ тысячъ—редакция заплатила! Ѣдемъ, а пули вокругъ жжъ... жжъ... жужжать.—Что, жутко? спрашиваетъ генераль.—Нѣтъ, говорю, генераль, я привыкъ. Доѣхали до первой горы—весь конвой перебили. Доѣхали до второй...

— Ай-да молодцы! Вотъ они, наши русскіе-то! перебилъ въ восторгъ верхнедѣпровскій помѣщикъ.

— Доѣхали до второй, продолжалъ корреспондентъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на перерывъ,—баць! подъ генераломъ лошадь пала.—Генераль, говорю, берите мою лошадь.—Не надо, говорить. Во время этихъ словъ—шш! зашипѣло, рядомъ лопнула граната и лошадь чебуракнулась. Я самъ чуть не вывихнулъ ногу. Ничего, идемъ. Вдругъ, господа, изъ-за холма черкесы... одинъ, два... десять... много...—Генераль, говорю, около насъ нора—хорьки ее сдѣлали—одному человеку помѣститься можно. Скройтесь, ваша жизнь нужнѣе Россіи, чѣмъ моя. Прячьтесь, еще есть время.—Нѣтъ, говоритъ, прячьтесь вы... Генераловъ много, а корреспонденты на перечь. Прячьтесь вы...—А тѣмъ временемъ черкесы ближе и бли-

же... Но въ это самое время урра! (и рассказчикъ гаркнулъ что я отъ неожиданности привскочилъ) и сотня нашихъ казимъ наперерѣзъ, наперерѣзъ... Мы были спасены.

Рассказчикъ перевелъ духъ, хлебнулъ чаю и продолжалъ:

— Добрался мы такимъ манеромъ до высотъ и я указалъ мѣста для батарей, генералъ меня обнялъ и поцѣловалъ. Сибо, говоритъ, никогда не забуду... На другой день Дубинъ былъ взятъ...

— Ай-да молодцы! снова воскликнулъ верхнеднѣпровскій мѣщикъ. — Господа, не угодно-ли шампанскаго?

Мы выпили по бокалу, и корреспондентъ хотѣлъ было разсказать, но отставной мичманъ не выдержалъ болѣе и проговори:

— Всякій исполнялъ свой долгъ, это вѣрно, и если мнѣ удалось взорвать два турецкихъ корабля, то никто, какъ Богъ...

— Шампанскаго, мичманъ. Ваше здоровье!

— Но какъ это случилось, сэръ? спросилъ я, приготовившись слушать со всеѣмъ вниманіемъ, котораго заслуживала серьезность подвига.

— Очень просто. Взялъ я паровую шлюпченку, маленькую такую, этажъ футовъ 10 длины, взялъ съ собою одного чело-вѣка и отправился въ Черное море... Думаю, докажу я, что броненосцы вѣденнаго ийца не стоятъ и что имъ и съ лодками впору драться... Плыву я день, плыву два, плыву три... Буря была ужасная, видало насъ, словно мячикъ, мы съ матросами то-и-дѣло отливали воду, какъ вдругъ на горизонтѣ дымокъ... „Не робѣй, говорю, Игнатъевъ! Ура и съ Богомъ!“ крикнулъ я, и пошли навстрѣчу. Ближе, ближе... видимъ—два турецкихъ броненосныхъ фрегата. „Ну, Игнатъевъ, не зѣвай, говорю я.— Готовъ орудіе“... У насъ одно орудіе было. „На-чи-най!“ И начали... Фрегаты видятъ, что дѣло плохо,—уходятъ; мы за ними, они уходятъ, а мы за ними... а въ догонку ядрами, бомбами и картечью... Стали нагонять, ближе, ближе, даже видны были на палубѣ черныя рожи въ фескахъ, а между ними одинъ рыжій англичанинъ въ мундирѣ... Вдругъ, видимъ, цѣлится онъ въ меня изъ пистолета, а пистолетъ у него такой большущій... Ну, думаю, смерть... Но въ это время Игнатъевъ, толстый-претолстый такой матросъ, всталъ передо мной и говоритъ: не выдамъ. Въ это время пуля звякъ! ударилась во что-то мягкое—прямо въ животъ Игнатъеву, но вообразите, господа: пробила насквозь и упала къ моимъ ногамъ... Я пулю эту до сихъ поръ храню... Вотъ она.

И отставной мичманъ вытащилъ изъ жилетнаго кармана пулю, которую мы все и разсматривали.

— Хорошо-же... Впередь... Не робѣй, братцы... Самый полный

ходь... Валяй брандскугелями... Навель я орудіе, раздался выстрѣль, и вдругъ фрегатъ медленно сталъ погружаться въ воду... Турки, какъ полоумные, столпились на палубѣ... Алла... Алла! кричать... Но я не могъ спасти никого... не до того было... Еще моментъ—и одного броненосца не стало... Тогда мы принялись за второй и, съ божьей помощью, въ четверть часа покончили и со вторымъ. Дѣло сдѣлано было чисто... Никто, какъ Богъ!

Много еще рассказывали интереснаго въ тотъ вечеръ оба джентльмена, но пересказать всѣ ихъ рассказы—то-же, что пересказать тебѣ всѣ сказки „Тысячи и одной ночи“. Я просидѣлъ у верхнеднѣпровскаго помѣщика до поздней ночи, и когда пришелъ къ себѣ въ номеръ и легъ спать, то долго не могъ заснуть. Въ моихъ ушахъ еще долго гремѣли выстрѣлы...

Но представь мое удивленіе, Дженни, когда на слѣдующій день верхнеднѣпровскій помѣщикъ зашелъ объявить мнѣ, что онъ былъ жертвою мистификаціи. Отставной мичманъ и корреспондентъ оказались просто самозванцами и воспользовались простодушіемъ верхнеднѣпровскаго помѣщика, чтобы выпить на его счетъ шампанскаго.

— На десять рублей меня наказали... Опять надо ѣхать къ журналисту жаловаться... Последнія времена! Последнія! повторяя верхнеднѣпровскій помѣщикъ.—Поймать-бы ихъ только! сурово промолвилъ онъ, сжимая свой волосатый кулакъ.

До слѣдующаго письма.

Твой Джонни, знатный иностранецъ.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Откровенный писатель.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕСЯТОЙ КНИЖКИ.

Комедіантъ. Очерки быта провинціальныхъ актеровъ. (Гл. VI—XI).	<i>А. Смирнова-Рамазанова.</i>
Движеніе философскихъ идей. (Ст. вторая)	<i>А. Ф—аю.</i>
* *. Стихотвореніе.	<i>Ф. Андреева.</i>
Изнайка цивилизаціи. (Ст. первая) .	<i>Л. Мечникова.</i>
Экономика нашихъ производительныхъ силъ	<i>Н. В. Шелунова.</i>
Мечь Клодіона. Романъ. (Глава XL—LXI.)	<i>А. Маттеи.</i>
Бѣда. Стихотвореніе	<i>Гр. А. Големищева-Кутузова.</i>
Въ пороховомъ дыму. Романъ. (Часть III. Окончаніе.)	<i>Н. Н. Каразина.</i>
Бродяга. Стихотвореніе	<i>А. М.</i>
Карль-Эрнстъ Вэръ. (Статья третья.)	<i>П. Урюмова.</i>
На проселочной дорогѣ. Стихотвореніе	<i>Гр. А. Големищева-Кутузова.</i>
Счастливая семья. (Изъ Ф. Коппе) .	<i>А. М.</i>

· СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Кладези мудрости російскихъ философовъ	<i>П. Никитина.</i>
Прошедшее сельской общины. (Окончаніе.)	<i>С. С. Шапкова.</i>
Новыя книги.	
Внутреннее обозрѣніе.	<i>К. С—вича.</i>
Картинки общественной жизни. „Письма „знатныхъ“ иностранцевъ“.	
Письма лорда Розберри	<i>Откровеннаго Писателя.</i>

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

продаются слѣдующія изданія редакціи журнала „Дѣло“:

Происхожденіе человѣка и половой подборъ. ЧАРЛЬСА ДАРВИНА. Перев. съ англ., подъ редакцію Г. Е. Благосвѣтлова. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150-ю рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна тремъ выпускамъ 5 р. сер.; съ перес. 5 р. 60 к.

Теорія естественнаго подбора. Очерки Альфреда Росселя Вилласа. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. КАРЛА РЕКЛАМА. Перев. съ нѣмецк. Изданіе четвертое. 1878 г. Съ приложеніемъ „Военной Гигіены“ д-ра Вейнмана. Съ рисунками. Ц. 2 руб.; съ пересылкой 2 р. 30 к.

Вопросы общественной гигиены. В. О. Португалова. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 30 к.

О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Д-ра Жюля Сира. Перев. съ французскаго, подъ редакціей А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Уроки элементарной физиологій. Т. Гексли. Пер. съ англ., съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Изданіе третье. Ц. 1 р. 25 к.; съ пер. 1 р. 40 к.

Комедія всемірной исторіи. Юг. ШЕРРА. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмец. Два выпуска. Цѣна обомъ выпускамъ 3 р.; съ пересылкой 3 р. 50 коп.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. Д-ра В. Циммермана, составл. по лѣтописямъ и сказкамъ очевидцевъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна тремъ выпускамъ 2 руб.; съ перес. 2 р. 50 к.

Избранныя рѣчи Джона Брайта. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена. Перев. съ нѣмецк. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Девяносто третій годъ. Романъ В. Гюго, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Ц. 2 р.; съ перес. 2 р. 40 к.

Современные политическіе дѣятели. (Біографія и характеристики) Э. Реклю (М. Триго). Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Исповѣдь старика. Политическій романъ Иполита Ньвево, перев. съ итальянскаго В. А. Зайцева. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

О подчиненіи женщины. Дж. Ст. Миля. Переводъ съ англійскаго, подъ редакцію и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Юг. Шерра: „Историческіе женскіе типы“. Изданіе второе. Цѣна 1 р.; съ перес. 1 р. 25 к.

Автобіографія Джона Стюарта Миля. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Видъ общественныхъ интересовъ. Романъ П. Лятивва, изданный безъ предварительной цензуры. Ц. 1 р. 50 к.; съ перес. 2 р.

На всѣ вышеозначенныя изданія подписчикамъ журнала „Дѣло“ уступается 20% съ номинальныхъ цѣнъ (стоимость книги безъ пересылки.)

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Иллюстрированный журналъ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ издается еженедѣльно въ форматъ большихъ иностранныхъ иллюстрацій, не менѣе двухъ съ половиною листовъ въ каждомъ номерѣ, по слѣдующей программѣ:

- 1) Романы, повѣсти, рассказы, очерки и біографіи.
- 2) Драмы и драматическія сцены.
- 3) Поэмы, сказки и мелкія стихотворенія.
- 4) Иллюстрированныя путешествія.
- 5) Этнографическіе очерки.
- 6) Статьи научнаго содержанія.
- 7) Статьи техническія и хозяйственныя.
- 8) Новости изъ области наукъ и искусствъ.
- 9) Телеразы.
- 10) Объясненіе гравюръ.
- 11) Шахматный листокъ.
- 12) Картины модъ съ объяснительнымъ текстомъ.

При подпискѣ гг. подписчики получаютъ премію: олеографію уже полученную въ редакціи. Втеченіи года гг. подписчики получаютъ вторую олеографію и литературную иллюстрированную премію. Кроме того редакція выдастъ еще одну премію, выборъ которой уже сдѣланъ. Эта гравюра на стали, длиною 1 $\frac{1}{4}$ аршинъ, шириною 13 вершковъ, составляетъ снимокъ съ картины одного изъ извѣстнѣйшихъ художниковъ. Эта гравюра настолько хорошо исполнена, что можетъ служить украшеніемъ въ любой гостиной.

Въ журналъ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ принимаютъ участіе своими трудами слѣдующія лица: *С. А. Андреевскій, Н. А. Бодановъ, П. В. Быковъ, С. И. Воскресенская, И. Н. Захаринъ (Якунинъ), С. М. Крапивина, Н. Н. Карзинъ, Н. Б. Куряковъ, Л. Лезанда, А. Майковъ, Е. Л. Марковъ, А. И. Мещерскій, Д. П. Мордовцевъ, В. И. Немировичъ-Данченко, И. В. Оммулевскій, А. В. Разсказова, А. Г. Сахарова, В. Славянскій, К. М. Станюковичъ, Н. П. Стреломуховъ, В. В. Чуйко, С. С. Шашковъ, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ), Н. В. Шелуновъ, Н. И. Шульгинъ, а также Юркова и другіе.*

Въ художественномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться гравюры различныхъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, отъ 7 до 12 гравюръ въ каждомъ номерѣ.

Въ первыхъ номерахъ журнала на 1879 годъ будутъ, между прочимъ, помѣщены: *А. Михайлова „Мужъ и жена“ романъ, разсказъ К. М. Станюковича, Оммулевскаго „Рыцарь на стражъ“ поэма*

„Льсное хозяйство“ *Н. В. Шелунова*, „Козлы отпущения“, очерки *Н. И. Северина*. Копіи съ картинъ *Брюллова*, *Гуна*, *Мещерскаго*, *Шварца*.

На годъ. На полгода.

Цѣна безъ доставки и пересылки . . . 6 р. 3 р. 50 к.
„ съ доставкой и пересылкой . . . 7 р. 4 р.

При выпискѣ десяти экземпляровъ одиннадцатый выдается безплатно, при выпискѣ двадцати—два безплатно и т. д. по разсчету. Для гг. служащихъ, подписывающихся за поручительствомъ гг. казначеевъ, допускается уплата по-мѣсячно.

Подписка на 1879 годъ открыта и принимается въ конторѣ редакціи: въ С.-Петербургѣ, Новый проспектъ, близъ церкви Знаменія, № 20.

Въ 1879 году

СЕМЬЯ И ШКОЛА

(ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ),

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДОМАШНЯГО И ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПИТАНІЯ,

будеть издаваться по той-же программѣ, въ тѣ-же сроки и въ такомъ-же объемѣ, какъ и въ 1878 году.

Полное годовое изданіе журнала состоитъ изъ двадцати двухъ книгъ и сорока номеровъ „Педагогической хроники“. Подписная цѣна на полный журналъ съ пересылкою 12 р.

Полное изданіе состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, на которые допускается также отдѣльная подписка:

I. Семейное чтеніе (*отдѣлъ для дѣтскаго чтенія*) выходитъ ежемѣсячно, т. е. 12 книгъ въ годъ. Подписная цѣна съ перес. 10 р.

II. Воспитаніе и обученіе (*отдѣлъ для родителей и воспитателей*) выходитъ въ количествѣ 10 книгъ (т. е. ежемѣсячно, кромѣ іюня и іюля), съ добавленіемъ „Педагогической хроники“, выходящей въ количествѣ 40 номеровъ въ годъ. Подписная цѣна съ перес. 5 р.

Семейное чтеніе даетъ статьи религіозно-нравственнаго содер-

жанія, рассказы, стихотворенія, путешествія, жизнеописанія и пр. а также игры, работы, рукодѣлія, мастерства и проч. матеріал для физическаго и умственнаго развитія. Всюду, по мѣрѣ надобности, прилагаются рисунки и картины.

Воспитаніе и обученіе съ „Педагогическою хроникою“ содержитъ въ себѣ: общія статьи педагогическаго содержанія, статьи по воспитанію и обученію домашнему и общественному (высшему, среднему и начальному), нравственному, умственному и физическому: критику и библиографію; биографическіе очерки педагоговъ и статьи по исторіи педагогій; отдѣлъ математическій (самостоятельныя изслѣдованія въ области элементарной математики; разработка тѣхъ или другихъ частей курса учебныхъ заведеній на научно-педагогическихъ основаніяхъ, и т. п.). „Педагогическая хроника“ даетъ отчеты по текущимъ вопросамъ учебно-воспитательнаго дѣла какъ въ Россіи, такъ и за границу, и полную библиографію вновь выходящихъ по воспитанію и обученію книгъ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: С.-Пб., Васильевск. остр., 15-я линія, д. № 8, кв. № 20; или адресуется просто: Въ С.-Петербургъ: въ редакцію журнала „Семья и Школа“ (адресъ почтамту извѣстенъ),—съ сообщеніемъ подобнаго адреса: имени, отчества, фамилии и того почтоваго учрежденія, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

Редакторъ-Издатель К. Краевичъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА САМУЮ ДЕШЕВУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ

ЛИТЕРАТУРНУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

НОВОСТИ

НА 1879 ГОДЪ.

Газета „НОВОСТИ“ выходитъ *безъ предварительной цензуры* ежедневно, не исключая понедѣльниковъ, полными нумерами, а въ дни, слѣдующіе за табельными праздниками, въ видѣ прибавленій или телеграфныхъ бюлетеней.

Газета „НОВОСТИ“, по подписной цѣнѣ, *на половину дешевле* всѣхъ большихъ ежедневныхъ газетъ, а по разнообразію, полнотѣ и

свѣжести содержанія, стоитъ на одномъ уровнѣ съ ними, въ чемъ можетъ убѣдиться каждый читатель, сравнивъ содержаніе любого нумера „НОВОСТЕЙ“ съ нумерами другихъ газетъ, вышедшими въ одинъ и тотъ-же день.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ.	Съ доставкою въ С.-Петербургъ:		Съ пересыл- кою:	
		8 р.		9 р.
„ 11 мѣсяцевъ	7	„ 50 к.	8	„ 25 к.
„ 10 „	7	„ — „	7	„ 50 „
„ 9 „	6	„ 50 „	7	„ — „
„ 8 „	6	„ — „	6	„ 50 „
„ 7 „	5	„ 50 „	5	„ 75 „
„ 6 „	5	„ — „	5	„ — „
„ 5 „	4	„ 50 „	4	„ 50 „
„ 4 „	3	„ 80 „	4	„ — „
„ 3 „	3	„ — „	3	„ — „
„ 2 „	2	„ — „	2	„ — „
„ 1 „	1	„ — „	1	„ — „

Подписывающіеся сразу на всѣ послѣдніе мѣсяцы 1878 г. и на весь 1879 г. платятъ за время съ 1-го сентября 1878 г. по 31-е декабря 1879 г., т. е. за 16 мѣсяцевъ, всего 12 р. 50 к.; съ 1-го октября 1878 года по 31 декабря 1879 г., т. е. за 15 мѣсяцевъ, 11 р. 50 к.; съ 1-го ноября 10 р. 50 к., и съ 1-го декабря 9 р. 75 к.

Разсрочка платежа допускается чрезъ посредство казначеевъ или по соглашенію съ конторою редакціи.

Письма и деньги адресуются: въ Петербургъ, въ редакцію газеты „НОВОСТИ“.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

НАРОДНАЯ ШКОЛА

ВЪ 1879 ГОДУ.

(ВТОРОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.)

Журналъ одобренъ учебнымъ комитетомъ при святѣйшемъ синодѣ и удостоенъ золотой медали отъ комитета грамотности, состоящаго при императорскомъ вольно-экономическомъ обществѣ.

Вступая во второе десятилѣтіе своего существованія, журналъ „Народная Школа“ будетъ издаваться на прежнихъ основаніяхъ, по прежней програмѣ и при участіи всѣхъ прежнихъ сотрудниковъ.

Програма журнала состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I) **законодательство по народному образованію**, куда входятъ не только законодательныя постановленія въ собственномъ смыслѣ этого слова, прошедшія чрезъ высшую законодательную инстанцію, но также частныя правительственныя распоряженія, имѣющія обязательную силу для разныхъ учебныхъ заведеній, и высочайшіе рескрипты, касающіеся дѣятельности тѣхъ или другихъ лицъ и учрежденій на пользу народнаго образованія. II) **Педагогика и дидактика**: въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются дидактическія и методическія статьи по всѣмъ предметамъ первоначальнаго воспитанія и обученія. III) **Исторія народныхъ школъ и народнаго образованія**, куда входятъ статьи историческаго содержанія о развитіи народнаго образованія въ Россіи и другихъ государствахъ. IV) **Критика и библиографія**— разборъ книгъ и періодическихъ изданій, посвященныхъ первоначальному обученію или, вообще, вопросамъ воспитанія какъ съ теоретической, такъ и практической стороны. V) **Новости и сѣбсь**: этотъ отдѣлъ, соотвѣтствующій „современному обозрѣнію“ въ другихъ журналахъ, заключаетъ въ себѣ, кромѣ мелкихъ статей и замѣтокъ относительно современнаго положенія у насъ народнаго образованія, — систематическій обзоръ (подъ названіемъ „педагогической хроники“) всѣхъ наиболѣе интересныхъ явленій въ этой области, а также мѣръ, принятыхъ, для развитія школьнаго дѣла, правительствомъ и общественными учрежденіями. Въ этотъ-же отдѣлъ будетъ входить время отъ времени подробный отчетъ обо всемъ, что дѣлается по народному образованію въ иностранныхъ государствахъ, далеко опередившихъ насъ, какъ извѣстно, на этомъ пути. Здѣсь-же помѣщаются обыкновенно, подъ именемъ „разныхъ извѣстій“, нѣкоторые любопытные факты изъ общественной **жиз-**

ни, могуціе имѣть интересъ для народнаго учителя. VI) Приложе- ній къ журналу, куда входятъ: а) политическія извѣстія для на- родныхъ учителей, въ формѣ связнаго разсказа о политическихъ событіяхъ; б) чтенія для народа по всѣмъ предметамъ знанія и в) вообще всякія статьи научнаго содержанія, которыя могутъ слу- жить къ саморазвитію народнаго учителя и обогащенію его полез- ными знаніями.

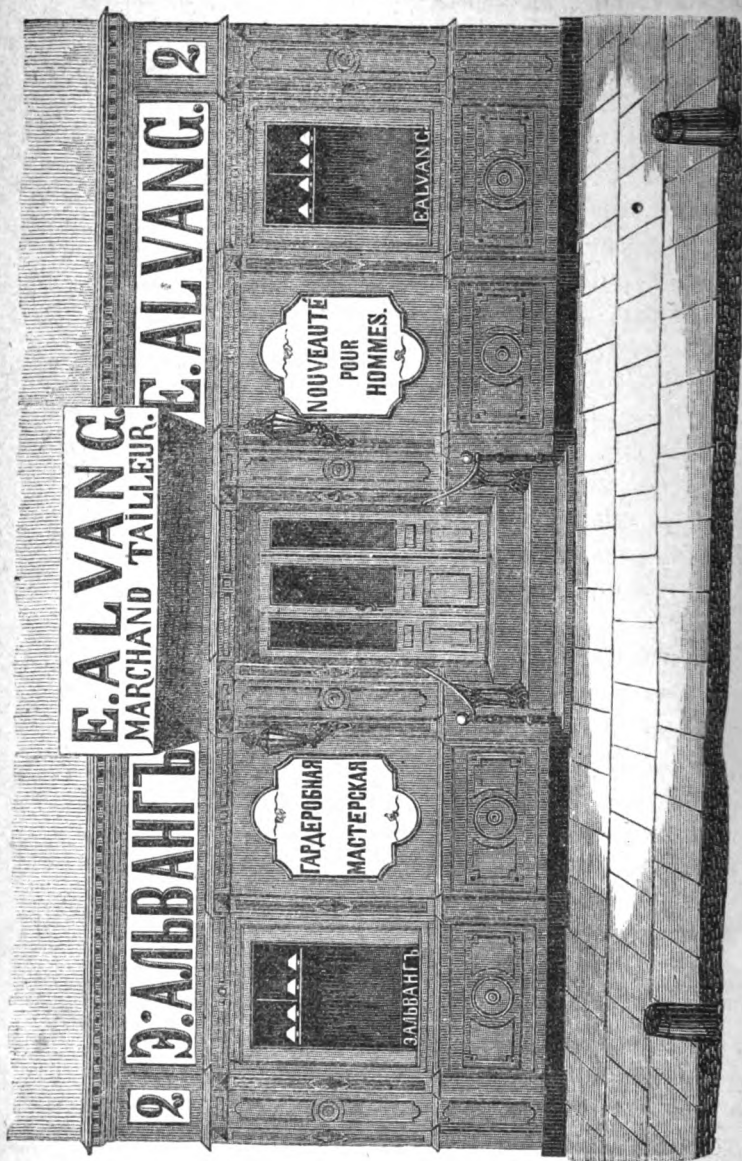
Эта обширная программа добросовѣстно исполнялась редакціею „Народная Школа“ втеченіи десятилѣтняго существованія журна- ла, и такое-же точно исполненіе можемъ мы обѣщать нашимъ чи- тателямъ на будущее время.

Въ текущемъ году, кромѣ редакторовъ-издателей журнала, ни- жеслѣдующія лица принимали участіе въ „Народной Школѣ“ свои- ми трудами: *В. Ф. фонъ-Боль, Н. А. Вейтцель, Л. П. Весинъ, В. С. Гербачъ, Я. Г. Гуревичъ, Н. Домоховскій, И. П. Золотницкій, Н. Н. Запольскій, Н. Зурскій, В. Э. Иверсенъ, П. О. Каптеревъ, А. П. Курпотенко, Баронъ Н. А. Корфъ, Я. Т. Михайловскій, Б. А. Павловичъ, Е. Рейнботъ, Д. Д. Семеновъ, О. К. Семенова, К. К. Сентъ-Илеръ, Ав. О. Соколовъ, П. Соколовъ, Д. И. Тихомировъ, В. И. Фармаковскій, И. О. Фесенко.* — Сверхъ того, многіе другіе педагоги, литераторы и земскіе дѣятели обѣщали намъ свое со- трудничество.

Для будущаго года въ распоряженіи редакціи имѣются уже слѣдующія статьи: 1) „Повѣствованія изъ русской исторіи“, *Е. П. Карповича* („Великая княгиня Ольга“, „Хожденіе въ орду рус- скихъ князей“ и пр.); 2) „Ступинъ и его школа живописи“, *И. С. Ремезова*; 3) „Условія и приемы объяснительнаго чтенія“, *В. Зимницкаго*; 4) „Практическое руководство къ устройству сада при народной школѣ“; 5) О кожѣ и кожныхъ паразитахъ“, *В. Э. Ивер- сена*; 6) „Народныя школы въ Финляндіи“, *В. Ассонова*; 7) „О заучиваніи катехизиса наизусть“, *Ав. Соколова* и пр. и пр.

„Народная Школа“ будетъ выходить въ 1879 году, по-преж- нему, ежемѣсячными книжками, отъ четырехъ до шести печат- ныхъ листовъ убористаго приффа. Годовая цѣна журнала, со всѣ- ми приложеніями, четыре рубля пятьдесятъ копеекъ съ пересыл- кою и доставкою. Иногородные подписчики адресуются исклю- чительно: въ главную контору „Народной Школы“, въ С.-Петербур- гѣ. На Васильевскомъ островѣ, по 6 линіи, № 25. По тому-же адресу и по-той-же цѣнѣ можно выписывать оставшіеся полные экземпляры журнала за 1878 г.

Редакторы-издатели: { *В. Евтушевскій.*
А. Пятковскій.

E. ALVANG
MARCHAND TAILLEUR.

Э.АЛВАНГ

Э.АЛВАНГ

NOUVEAUTE
POUR
HOMMES.

ТАРЕПОВСКАЯ
МАСТЕРСКАЯ

EALVANG

ЭАЛВАНГ

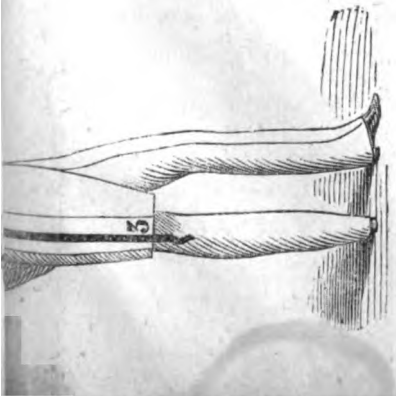
М В У С К А Р

ОСНОВАННАЯ ВЪ 1840 ГОДУ.

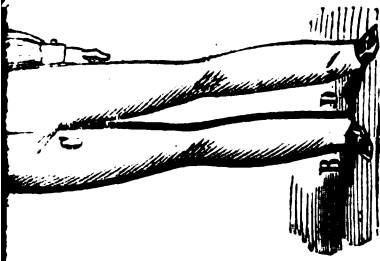
ВЪ АЗВАНІИ

По Малой Садовой, д. № 2, противъ дома Министерства Юстиціи.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Фиг. 1.

Фиг. 2.

Потребность многихъ жителей провинціи въ гардеробѣ, неустанящемъ по своей отдѣлкѣ и фасону издѣліями лучшаго мастерскихъ-столицы, подаде мнѣ поводъ придумать способъ снятия мѣренъ до того простой, что и въ неопытныхъ рукахъ оне доставляетъ мнѣ даннаго, вполне достаточна для изготовленія совершенно хорошо сидящей одежды.

Исполненіе мною въ теченіи многихъ лѣтъ гардероба особамъ мнѣ лично сохвѣтъ признакомъ вынонѣ подтвердило удобоприимлемость разработаннаго мною способа значаго снятия мѣренъ. Такимъ образомъ, жители отдаленнѣйшихъ и самыхъ малозданныхъ мѣстностей, гдѣ нельзя найти портупаго, удовлетворяющаго сколько нибудь изсканному вкусу, могутъ черезъ меня одѣваться какъ въ столицѣ и получать гардеробъ норѣйшаго фасона, нѣзъ самыхъ лучшихъ и модныхъ матерій и извѣщійшей отдѣлкѣ, по умѣреннымъ цѣнамъ.

Для снятія съ себя вѣрной мѣрки, надобно начертить на достаточно длинной тесемкѣ или плотной бумагѣ верхки съ подраздѣленіями на ихъ части. Самое снятіе мѣрки производится съ № 1 порядкомъ, какъ указано, руководясь напечатанными здѣсь фигурами въ слѣдующемъ порядкѣ.

МѢРКА СНИМАЕТСЯ СЛѢДУЮЩИМЪ ОБРАЗОМЪ:

Для мундировъ, фразовъ, сюртуковъ, пальто и т. п. (Фиг. № 1.)

Отъ шеи до талии, или отъ 1 до 2.

": талию до колыннаго сгиба, или 2 до 3.

" середины спины, между лопатокъ, до плеча, или отъ 0 до 4.

" плеча до локтя, или отъ 4 до 5.

" локтя до кисти руки, или отъ 5 до 6.

Мѣрка вокругъ груди подъ мышками, 7 (Фиг. 2.)

" " талии или 8.

" " " " пояса, или 9.

Для пальтоловъ (Фиг. 2.)

Отъ персхвата талии до каблука и отъ А до В (Фиг. 2)

отъ паха до каблука, или отъ С до D.

ПРИМѢЧАНІЯ:

1) Мѣрку должно накладывать ровно и слегка натягивая.

2) Для фразовъ, сюртуковъ и мундировъ надобно снимать мѣрку сверху живота, а для пальто—сверху фрака или сюртука.

Прейс-курантъъ смотрѣи на оборотѣ.

ПРѢИСЪ-КУРАНТЪ.

Изъ самыхъ лучшихъ англійск. и французск. матерій:

Фракъ или сюртукъ изъ сукна, брюки изъ сатенъ де-лена, жилетъ казимировый съ поджилетникомъ	отъ 65, 70 до 82 руб.
Одинъ фракъ или сюртукъ	" 40, 45 и 50 "
Брюки	" — 12 до 20 "
Жилетъ	" — 10 " 12 "

Зимніе костюмы изъ самыхъ лучшихъ англійскихъ и французскихъ матерій:

Оксфордъ, жакетъ или пиджакъ, брюки и жилетъ отъ 60, 65 до 80 р.

Такіе-же лѣтніе костюмы:

Оксфордъ, жакетъ или пиджакъ, брюки и жилетъ	отъ — 50 до 70 руб.
Пальто лѣтнее изъ англ. или франц. матерій на шелковой подкладкѣ	" — 40 " 55 "
Пальто осеннее или весеннее изъ англійск. или французск. монтаньяка или кастора на шелковой подкладкѣ и на ватѣ	" — 65 " 85 "
Тоже на шерстяной подкладкѣ	" 55, 60 " 70 "

Изъ самыхъ лучшихъ русскихъ матерій:

Фракъ или сюртукъ лучшаго сукна, брюки изъ трико и казимировый жилетъ съ поджилетникомъ	отъ — 50 до 58 руб.
Фракъ или сюртукъ	" — 30 " 35 "
Брюки	" — 12 " 14 "
Жилетъ	" — 8 " 9 "

Зимніе костюмы изъ лучшаго русскаго трико:

Оксфордъ, жакетъ или пиджакъ, брюки и жилетъ отъ — 50 " 58 руб.

Лѣтніе костюмы изъ лучшихъ русскихъ матерій:

Оксфордъ, жакетъ или пиджакъ, брюки и жилетъ	отъ — 40 " 50 руб.
Лѣтнее пальто изъ лучшихъ русскихъ матерій на шелковой подкладкѣ	" — 35 " 40 "
Тоже на шерстяной подкладкѣ	" — 28 " 35 "
Пальто осеннее или весеннее изъ лучшаго русскаго драпа и кастора на шелковой подкладкѣ и на ватѣ	" — 55 " 65 "
Тоже на шерстяной подкладкѣ	" — 45 " 55 "
Мундиръ или виць-мундиръ гражданскіе безъ шитья	" — 35 " 50 "
Мундиръ горныхъ инженеровъ, лѣсни-	

чихъ и служащихъ въ Министер-
ствѣ Путей Сообщенія, безъ при-
боровъ " — 35 " 50 "

Мундиры съ шитьемъ:

I	Класса изъ франц. или англ. сукна	900	руб.
II	" " " "	700	"
III	" " " "	650	"
	Вѣлые брюки съ галуномъ	отъ 40	до 45 "
	Черные брюки "	" 35	" 40 "
IV	Класса съ шитьемъ	" 125	" 135 "
V	" " " "	" 105	" 115 "
VI	" " " "	" 80	" 90 "
VII	" " " "	" 72	" 82 "

Дворянскіе мундиры:

Губернскаго Предводителя, изъ франц. или англійскаго сукна	отъ 80	" 105	"
Уѣзднаго Предв. изъ франц. или англ. сукна	" 65	" 90	"
Дворянскій мундиръ " " " "	" 55	" 78	"

Мундирные сюртуки открытыя:

Флотскій	отъ 40	" 50	"
Горнаго Вѣдомства	}	"	"
Путей Сообщенія			
Лѣсныхъ			
Государственнаго коннозаводства			
	" 45	" 55	"

Мундиры:

Флотскій	" 60	до 70	руб.
Горн., Путей Сообщ., Лѣсн. и Госуд. Конно- завод. IV кл.	" 95	" 105	"
" " " " " V "	" 78	" 88	"
" " " " " VI, VII, VIII "	" 70	" 80	"
" " " " " IX до XIV "	" 64	" 74	"

УСЛОВІЯ ЗАКАЗОВЪ:

1) При заказѣ, должна быть ясно обозначена мѣрка въ верхкахъ и подробно сообщено, чего именно желаютъ, въ какую цѣну и какого цвѣта, а также сколько лѣтъ лицу, для котораго заказывается платье.

2) Адресъ, куда слѣдуетъ выслать заказъ, надобно написать четко, съ означеніемъ имени, отчества, фамиліи и мѣстожителства.

3) Деньги за платье и его пересылку по почтовому тарифу должны быть высланы вмѣстѣ съ заказомъ. Фрагъ или сюртукъ, брюки и жилетъ вѣсятъ съ укладкою около 10 ф.

При одновременной выпискѣ предметовъ отъ другихъ магазиновъ и лицъ, мастерская Э. Альванга охотно принимаетъ ихъ приложеніе къ заказу, считая только за лишніе почтовые расходы.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1879 годъ.

52 №№

ВСЕМІРНАЯ

ИЛЛЮСТРАЦІИ

БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

съ бесплатными приложеніями.

Годовая цѣна 13 р. безъ доставки, 14 р. 50 к. съ доставкою
и 16 р. съ пересылкою.

48 №№

МОДНЫЙ СВѢТЪ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ ДАМЪ И ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ.

Съ картинами, выкройками и разными другими приложеніями.

Годовая цѣна I изд. 4 р.—5 р. 50 к. съ дост. и 6 р. съ перес.

” ” II ” 5 р.—6 р. 50 к. ” ” и 7 р. ” ”

” ” III ” 7 р.—8 р. 50 к. ” ” и 9 р. ” ”

52 №№

ОГОМЕКЪ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКЪ и ИСКУСТВЪ.

СЪ 24 БЕЗПЛАТНЫМИ ПРЕМІЯМИ ВЪ ГОДЪ.

Годовая цѣна: 4 р. безъ дост. и 5 р. съ доставкою и пересылкою.

Главная контора редакцій этихъ журналовъ находится въ
С.-Петербургѣ, Большая Садовая ул., д. № 16.

17. КАРТИНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ
ЖИЗНИ. „Письма „знатных“ ино-
странцев“. Письма лорда Розберри. ОТКРОВЕННОГО ПИСАТЕЛЯ.

18. ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА „ДѢЛО“
ВЪ 1879 ГОДУ.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

четвертое изданіе книги:

ПОПУЛЯРНАЯ ГИГИЕНА,

Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ
средѣ народа.

Соч. КАРЛА РЕКЛАМА (профессора медицины въ Лейпцигѣ)

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

ВОЕННОЙ ГИГИЕНЫ

Соч. Д-ра ВЕЙНМАНА.

(Швейцарскаго гигиениста).

Изданіе редакціи журнала „Дѣло“. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

ТЕОРІЯ ЕСТЕСТВЕННАГО ПОДБОРА.

ОЧЕРКИ АЛЬФРЕДА РОССЕЛЯ ВАЛЛАСА.

Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

При этомъ № помѣщены объявленія: 1) объ изданіи журнала „Дѣло“ въ 1878 г.; 2) объ изданіяхъ редакціи журнала „Дѣло“; 3) Объявленіе отъ мужской гардеробной мастерской Э. Альванга; 4) о подпискѣ въ 1879 г. на журналы: „Всемирная Иллюстрація“, „Модный Свѣтъ“ и „Огонекъ“; 5) объ изданіи въ 1879 г. журнала „Живописное Обзоріе“; 6) объ изданіи журнала „Семья и Школа“; 7) о подпискѣ на газету „Новости“; 8) объ изданіи въ 1879 г. журн. „Народная школа“; 9) о подпискѣ на газету „Русскій Миръ“ и 10) о подпискѣ на журналъ „Ваза“.

При этомъ № рассылаются подписчикамъ журнала „Дѣло“ объявленіе объ изданіи въ 1879 г. журнала «Русская Рѣчь», а также для иногороднихъ подписчиковъ журнальный каталогъ отъ книжнаго магазина Мелье. Объявленіе объ изданіи «Живописная Россія».

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Д Ъ Л О“

въ 1878 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ Редакціи
журнала „Дѣло“ (по Надеждинской улицѣ, д. № 39.)

Редакція считаетъ себя отвѣтственной за исправную и своевременную
высылку журнала только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, ко-
торые подпишутся по указанному выше адресу.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „Дѣло“:

Безъ пересылки и доставки	14 р. 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	15 „ 50 к.
Съ пересылкою иногороднимъ	16 „
„ за-границу	19 „

Для служащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе, какъ за поруче-
тельствомъ гг. назначенъ.

Редакторъ-издатель Н. ШУЛЬГИНЪ.

